

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

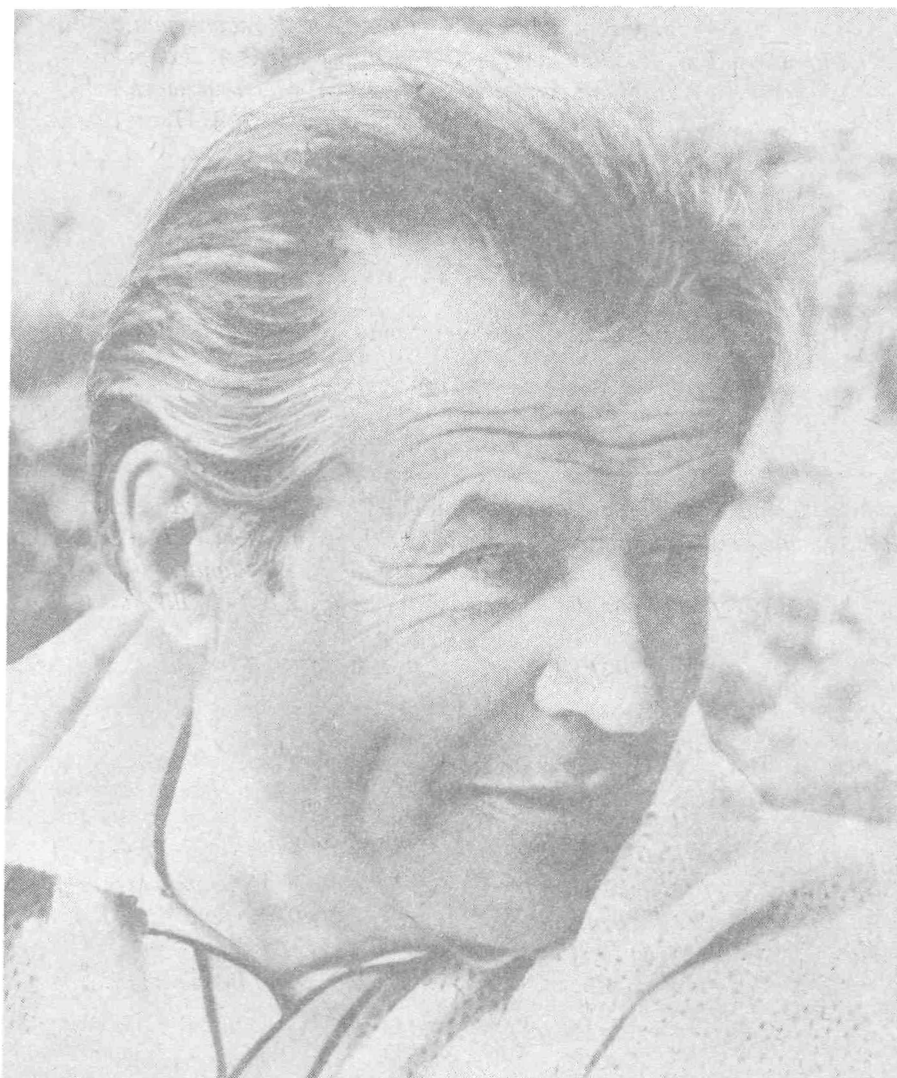

4(207)

Октябрь—Ноябрь—Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЁ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА

Валерия Павловича АЛЕКСЕЕВА

/22.8.1929 — 7.11.1991/

© 1993 г.

АКАДЕМИК В.П. АЛЕКСЕЕВ И МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО АНТРОПОЛОГОВ

Мы пишем эти строки в г. Финиксе, в отделе антропологии университета штата Аризона. Два года прошло со времени кончины Валерия Павловича Алексеева, но здесь, в Аризоне, отдаленной от Москвы более чем на 10 000 км, как и во многих других центрах антропологии и археологии в США, постоянно вспоминают о встречах с выдающимся русским ученым, обращаются к его трудам, цитируют его книги и статьи в своих работах.

С каждым днем становится все более ощутимым, как не хватает В.П. Алексеева мировому сообществу антропологов, какую огромную потерю понесла мировая антропология и археология в связи с его безвременной кончиной. Естественно, что прошедшие годы ознаменовались появлением новых фактов, новых книг и статей по проблемам таксономии и географии человеческих рас, формирования человека современного вида и т.д.

На новом уровне продолжает обсуждаться вопрос о «прародине» человека — Африка или Азия? Свежие данные, в частности, по морфологии зубной системы, в том числе и те, что получены здесь, в Аризоне, позволяют по-новому поставить вопрос об очагах расообразования, путях распространения разных «подразделений» *homo sapiens*. И всякий раз, знакомясь с этими новыми материалами, мы задаем себе вопрос: что бы сказал по этому вопросу Валерий Павлович Алексеев? Тяжело сознавать, что этому уже не суждено случиться.

Наука, без сомнения, будет продолжать развиваться, двигаться вперед, но без участия В.П. Алексеева этот процесс отыскания истины будет развиваться медленнее.

Для выяснения многих принципиально важных проблем антропологии и первобытной археологии огромное значение имеет сотрудничество и диалог российских ученых со своими зарубежными коллегами, ознакомление западных специалистов с теми трудами, которые ведутся в России, но которые все еще плохо известны и в США, и в Западной Европе. Конечно, за последние годы общение ученых облегчено, но появилось обособление от мирового сообщества ученых в новых, получивших независимость государствах. Огромный авторитет В.П. Алексеева помогал преодолевать эти трудности, возникавшие и при его жизни, и как не хватает его влияния, его веского слова, его личных связей с другими антропологами и археологами, работавшими и работающими в разных странах СНГ и всегда воспринимавшими его как общепризнанного лидера российской антропологической школы, для установления и продолжения этих контактов, международного научного сотрудничества.

Безвременная кончина В.П. Алексеева сказалась не только на развитии физической антропологии, но и всех областей науки о человеке.

Еще многие годы, каждый раз, когда проблемы происхождения человека и эволюции его локальных форм будут получать новое освещение благодаря вновь получаемым данным, мы будем опять и опять возвращаться к трудам В.П. Алексеева. Возможно, что многое из написанного им будет пересмотрено, но ясно, что большая часть его научного наследия, не говоря уже о лично им введенных в научный оборот фактических данных, будет иметь непреходящее значение. Имя его навсегда останется в ряду наиболее значимых имен в истории мировой антропологии. Каждый из ниже подписавшихся несет в своей душе свои особые воспоминания о В.П. Алексееве как о друге, соратнике, учителе, соавторе, перед каждым из нас он предстает своей особой гранью и в человеческом, и в личном плане, и в отношении научной специализации. Мы занимаемся весьма различными областями антропологии и этнологии, но эрудиция и талант В.П. Алексеева были столь огромны, что их остро не хватает сегодня каждому антропологу и археологу, в какой бы области он ни работал.

С.А. Арутюнов, И.И. Крупник, К.Г. Тернер, В.С. Лафлин

© 1993 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Вскоре после кончины академика Бориса Борисовича Пиотровского, который возглавлял Редакционный Совет журнала, я пришел к Валерию Павловичу Алексееву и от имени редколлегии попросил его стать председателем Редсовета.

Предложение было вполне естественным: академик В.П. Алексеев являлся не только выдающимся специалистом по древнейшей истории человечества, но и превосходным знатоком восточных цивилизаций (по своему институтскому образованию он был востоковедом) и мировой культуры в целом. Эрудиция его была всеобъемлюща. Обсуждая с Валерием Павловичем самые разные вопросы, в том числе и сугубо специальные — буддологические, я часто ловил себя на мысли о том, что по объему и глубине знаний ему не было равных в отечественной исторической науке.

К тому же для Валерия Павловича имя Бориса Борисовича Пиотровского было очень дорого. Б.Б. Пиотровский был одним из первых, кто заметил и оценил талант молодого востоковеда, антрополога и историка. Б.Б. Пиотровский и В.П. Алексеев всегда с огромным уважением и теплотой отзывались друг о друге, каждый понимал масштабность своего коллеги и испытывал к нему чувство симпатии и восторга.

Немного подумав, Валерий Павлович согласился, но с одним неременным условием — подготовить специальный номер журнала памяти Бориса Борисовича Пиотровского.

Журнал стал выходить с именем нового председателя Редакционного совета, готовился и выпуск, посвященный памяти академика Б.Б. Пиотровского.

Несмотря на огромную занятость, Валерий Павлович начал писать статью о Б.Б. Пиотровском. Статья не получалась. Было трудно, почти невозможно подобрать нужные, единственно пригодные для этого жанра слова. Пришло время сдавать статью в набор. Валерий Павлович попросил подождать еще несколько дней. Это были, очевидно, трудные для него дни и ночи.

25 октября 1991 г., накануне отлета в Великобританию в научную командировку я пришел в Институт археологии, чтобы забрать статью и попрощаться с близким другом перед отъездом: мы дружили практически всю жизнь, с ранних студенческих лет и по-братски были спаяны не только родством душ, но и верностью слову, поступку, идеям.

Валерий Павлович передал мне статью о Б.Б. Пиотровском со словами: «Прекрасно, что мы с тобой выполнили наш научный и душевный долг перед Борисом Борисовичем». «Давай, — как бы в шутку сказал он, — будем следовать этому обычаю». «Такая память, — неожиданно продолжил

он в чисто алексеевском стиле, — это тебе, Левин, не в Индии книжки читать».

Кто мог тогда предполагать, что мы видимся в последний раз, а статья о Б.Б. Пиотровском окажется последней в его жизни.

7 ноября мне позвонили в лондонскую гостиницу...

Теперь на мою долю выпала горькая судьба — готовить номер журнала, посвященный Валерию Павловичу Алексееву, своему самому близкому другу.

Трудно передать чувства, которые испытываю я, подписывая номер в печать. Для памятного выпуска написана и статья, но сказать то, что когда-то Валерий Павлович сказал мне, уже некому. Страшно подумать, но — некому...

22.08.93

Г.М. Бонгард-Левин

Г. Ньоли

ПАРС И САГЕСТАН В САСАНИДСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ

В ряде публикаций я уже останавливался на особой роли систанских (сагестанских) традиций, которую они по всей видимости сыграли в формировании сасанидской «религиозной пропаганды»; в связи с этим мне приходилось писать и о связях между Парсом (Pārs) и Сагестаном (Sagestān) в III в. н.э.¹ Конечно, это заставило обратиться к свидетельствам, которые, казалось, подтверждали высказанную гипотезу приблизительно следующим образом: характерным признаком сасанидской религиозной пропаганды можно считать последовательное развитие традиции, сочетавшей национальные и религиозные особенности², т.е. ēr³ и mazdēsna⁴ и, вероятно, основанной на местных традициях и Парса, и Сагестана (последний несомненно включал существенную часть раннегреческого Arianē⁵).

В связи с этим я попытался развить идею о преемственности между Каянидами и Сасанидами⁶, указывая в частности на то обстоятельство, что каянидская династия имела легендарные и исторические корни⁷, связанные с областью у озера Касаоуа⁸, т.е. современного оз. Хамуни Гельменд (Hamuni Helmand)⁹, — еще одно указание на роль систанских традиций в сасанидской

¹ См. прежде всего: *Gnoli G. Ēr mǎzdēsna. Zum Bergiff Iran und seiner Entstehung im 3. Jahrhundert // Transition Periods in Iranian History. Actes du Symposium de Fribourg-en-Brisgau (22—24 mai 1985). Studia Iranica. Cahier 5. P., 1987. P. 83—100, особенно P. 94; idem Basileus basileōn Arianōn // Orientalia I. Tussi Memoriae Dicata / Ed. G. Gnoli, L. Lanciotti (Rome Oriental Series, V. LVI, 2). Rome, 1987. P. 509—532, особенно P. 525 ff.; idem The Idea of Iran. An Essay on its Origin (Rome Oriental Series, V. LXII). Rome, 1989. P. 134 ff.*

² По поводу различия «религиозной» и «национальной» традиций, которое особенно ярко показал А. Кристенсен (*Christensen A. Les Kayanides. Kōbenhavn, 1932. P. 32 ff.; idem. Les gestes des rois dans les traditions de l'Iran ancien // Conférences Ratanbai Katrak. Paris, 1936. P. 3 ff.*); см. из последних публикаций: *Yarshater E. Iranian National History // The Cambridge History of Iran. V. 3. Pt I / Ed. E. Yarshater. Camb., 1983. P. 395 ff.* Обе традиции несомненно тесно переплетались в сасанидский период.

³ См.: *Gnoli G. Mittelpersisch ēr «Iranier» // Studia Grammatica Iranica. Festschrift für H. Humbach / Ed. R. Schmidt. P.O. Skjærvø. München, 1986. P. 115—124; idem. Ēr mǎzdēsna...*

⁴ Или mǎzdēsna, как в «книжном пехлеви» (ср. авестийское mazdayasna-, с вриджи mǎzdayana- и mǎzdayasni-); в манихейском среднеперсидском m'zdys: *MacKenzie D.N. A Concise Pahlavi Dictionary. Oxf., 1971 (репринт, с изменениями: 1986). P. 55.* См. также: *Gnoli. The Idea of Iran. P. 142 ff.; ср. P. 91. Nct. 26.*

⁵ *Gnoli G. Arianē. Postilla ad Airyō. sayana // Rivista degli Studi Orientali. 1966. V. XLI. P. 329—334; idem. Ricerche Storiche sul Sīstān antico (IsMEO, Reports and Memoires X). Roma, 1967. P. 81 ff.; idem. Zoroaster's Time and Homeland (Istituto Universitario Orientale, Napoli): Naples, 1980. P. 139 ff.; idem. De Zoroastre à Mani. Quatre leçons au Collège de France. P., 1985. P. 44, 68; idem. Basileus basileōn Arianōn. P. 512 ff.; idem. The Idea of Iran. P. 106 ff.*

⁶ См.: *Christensen. Les Kayanides. P. 65, 98, 148; Yarshater. Iranian National History. P. 378.*

⁷ См.: *Gnoli. Zoroaster's Time and Homeland. P. 7 ff.; 233 f.*

⁸ Yašt 19,66 ff.

⁹ *Gnoli. Ricerche Storiche ...P. 11 ff.; idem. The Idea of Iran. P. 84, 131 etc.*

«пропаганде» в ее наиболее ясных политических и религиозных формах¹⁰. Я принимал также в расчет ту существенную роль, которая приписывается в недавно появившихся исследованиях Арахосии на ранних (т.е. ахеменидском¹¹ и селевкидском¹²) этапах зороастризма. Я указывал, что Ардашир I, принесший власть сасанидской династии, несомненно имел отношение к Зранге¹³, и, кроме того, подчеркивал значение доказанного М. Бойс¹⁴ факта, что единственным сочинением пехлевийской литературы, несомненно не связанным с Парсом, был пропитанный авестийскими реминисценциями¹⁵ текст *Abdih ud sahiġih i Sagestan*¹⁶, в соответствии с которым Систану принадлежит основополагающая роль в защите, сохранении и распространении веры¹⁷.

Наконец, я попытался привлечь внимание к факту, несомненно связанному непосредственно с сасанидской религиозной пропагандой¹⁸ — факту взаимозаменяемости терминов *Pārs* и *Fārs*, а также *Iġān šāhr* и *Iġān* в «Письме Тансара» (*Tansar-nāme*) позднесасанидского времени¹⁹ и «Истории Систана», — обширном

¹⁰ Ibid. P. 137.

¹¹ См.: *Hoffmann K.* Das Avesta in der Persis // Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia / Ed. J. Harmatta. Collection of the sources for the History of Pre-Islamic central Asia. Series I. V. II. Union académique Internationale — Akadémiai Kiadó. Budapest, 1979. P. 89—93; *Gnoli G.* L'Arachosia e l'Avesta // Kunst, Kultur und Geschichte der Achämenidenzeit und ihr Fortleben / Ed. H. Koch, D. MacKenzie (AMI. Ergänzungsband 10). B., 1983. S. 121—133; *idem.* Rāgha la zoroastriana // Papers in Honour of Professor Mary Boyce I. Acta Iranica. V. 24. Leiden, 1985. P. 217 f.; *idem.* De Zoroastre à Mani. P. 45; *idem.* The Idea of Iran. P. 94; 133. См. также *Kellens J., Pirart E.* Les textes vieilavestique I. Wiesbaden, 1988. P. 39 f.; *Kellens J.* Avestique // Compendium Linguarum Iranicarum / Ed. R. Schmitt. Wiesbaden, 1989. P. 35; *idem.* L'avestique de 1972 à 1990 // Kratylos. 1991. V. 36. P. 9 f.; *Boyce M., Grenet F.* A History of Zoroastrianism. V. III. Leiden — New York — København — Köln, 1991. P. 122 ff.

¹² См.: *Benveniste E.* Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka, IV: Les donnée iraniennes // Journal Asiatique. V. CCXLVI. 1958. P. 36—48; *Gnoli.* Rāgha la zoroastriana. P. 219 f.; *idem.* The Idea of Iran. P. 133 f.; *Boyce, Grenet.* A History of Zoroastrianism. V. III. P. 125—149.

¹³ *Sahrestānīhā ī Ērān*, 38; *Markwart J.* Catalogue of the provincial Capitals of Ērānshahr / Ed. G. Messina. Rome, 1931. P. 18; *idem.* Wehrot and Arang / Ed. H.H. Schaefer. Leiden, 1938. P. 12 f.; *Brunner C.* Geographical and Administrative Divisions: Settlements and Economy // The Cambridge History of Iran. V. III. Pt II / Ed. E. Yarshater. Camb., 1983. P. 773; См. также *Metzler D.* Ziele und Formen königlicher Innerpolitik im vorislamischen Iran (Habilitationsschrift). München, 1977. P. 186, Not. 8.

¹⁴ *Boyce M.* Middle Persian Literature // Handbuch der Orientalistik. I. Abt. 4. Bd 2. Abschn. Lief. 1. Iranistik-Literatur. Leiden—Köln, 1968. S. 32; 63.

¹⁵ *Gnoli.* The Idea of Iran. P. 134 ff.

¹⁶ *Jamasp Asana J.M.* The Pahlavi Texts Contained in the Codex MK. V. II. Bombay, 1913. P. 25. Ср.: *Modi J.J.* Aiyādgār-i-Zarīrān, Shatōrīhā-i-airān, and afdiya va sahiġiya-i-Sistān. Bombay, 1899. P. 123—127; *West E.W.* apud *Jackson A.V.W.* A Transliteration and Translation of the Pahlavi Treatise «Wonders of Sagastān» (Sistān), by Dr. Edward W. West // JAOS. 1916. V. 36. P. 115—121. Парафразы, неполные издания и переводы см. в кн.: *Junker H.F.J.* Mittelpers. frašēnmurv «Pfau» // Wörter und Sachen. 1929. V. 12. S. 134; *Herzfeld E.* Zarathustra, V: Awestische Topographie // AMI. 1930. 2. S. 94; *Bailey H.W.* Zoroastrian Problems in the Ninth-Century Books. Oxf., 1943 (2-е изд. — 1971). P. 161. Транскрипция и перевод текста, а также комментарии к нему были опубликованы Бо Утас: *Utas B.* The Pahlavi treatise Avdēh u sahiġeh i Sakistān or «Wonders and Magnificence of Sistan» // AAnASH. 1983. V. XXVIII. P. 269—267 (=From Hecataeus to al-Huwārizmī // Collection of the Sources for the History of Pre-Islamic Central Asia / Ed. J. Harmatta. Series I. V. III. Budapest, 1984. P. 259—267). Из последних работ см.: *Boyce, Grenet.* A History of Zoroastrianism. V. III. P. 16.

¹⁷ *Bailey.* Zoroastrian Problems ... P. 161; *Utas.* A Pahlavi Treatise... P. 266.

¹⁸ *Gnoli.* Basileus basileōn Arianōn. P. 530; *idem.* Ibn al-Muqaffa', Ibn Isfandiyyar e il nome dell'Iran nella «Lettera di Tansar» // Studi Arabo-Islamici in onore di R. Rubinacci nel suo settantesimo compleanno // Ed. C. Sarnelli Cerqua (Istituto Universitario Orientale. Napoli, 1985). Napoli, 1988. P. 333; *idem.* The Idea of Iran. P. 137.

¹⁹ См.: *Gnoli G.* Politica religiosa e concezione della regalità sotto i Sassanidi // La Persia nel Medioevo. Accademia Nazionale dei Lincei. Roma, 1971. P. 227. Not. 1; *Grignaschi M.* La riforma tributaria di Hosrō I e il feudalesimo sassanide // Ibid. P. 143 ff.; *Asmussen J.P.* Christians in Iran // The Cambridge History of Iran. V. III. Pt II. P. 933; *Menasce J.* de Zoroastrian Pahlavi Writings // Ibid. P. 1184; *Widengren G.* Sources of Parthian and Sasanian History // Ibid. P. 1272; *Fouchécour Ch.-H.* de Moralia. Les notions morales dans la littérature persane du 3e/9e au 7e/13e siècle (Bibliothèque iranienne. V. 32). P., 1986. P. 90; *Gnoli.* The Idea of Iran. P. 140, 171.

труде, относящемся к самому раннему этапу новоперсидской литературы²⁰, в котором Запад отождествляется с Ираншахром (Iṛānšahr)²¹. Единственно возможное объяснение этому вытекает из сасанидской манеры называть «Фарсом» (провинция, откуда изначально происходит династия Сасанидов) любую область, считавшуюся по антономасии центром империи²². Более того, внимательный анализ «Тансар-наме» показывает, что в пехлевийском оригинале его текста во всех случаях должно было стоять Ērānšahr вместо Pārs, Fārs и Iṛānšahr²³. Термин Fārs систематически применяется для перевода Ērānšahr в арабской версии «Письма», составленной Ибн аль-Мукаффа (Ibn al-Muqaffa'), — кроме лишь двух пассажей, в которых сохранено Iṛānšahr²⁴. Наконец, новоперсидский перевод «Письма», принадлежащий Ибн Эсфандияру (Ebn Esfandiār), не позволяет заметить какую-либо разницу в значении Fārs и Pārs, которые следует рассматривать просто как варианты одного слова²⁵, вопреки мнению М. Бойс²⁶.

Как мне представляется, должен быть какой-то особый смысл в том, что Pārs и Sagestān принадлежат одной и той же южной стороне, Kust ī nem-gōz²⁷, в Šahrestānīhā ī Ērān, — таким образом подчеркивается близость двух областей. Ряд других свидетельств этой близости дает анализ истории языка на этапах как среднеперсидского²⁸, так и новоперсидского²⁹.

Однако в системе доказательств важнейшей роли Парса и Сагестана в религиозной политике ранних Сасанидов до сих пор не хватало собственно свидетельств «первоисточников»³⁰, т.е. надписей III в. Я пренебрегал ранее

---

²⁰ См.: Lazard G. La langue des plus anciens monuments de la prose persane // Etudes linguistiques. 1963. V. II. P. 74 f.

²¹ Monchi-Zaden D. Topographisch-historische Studien zum iranischen Nationalepos // Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd XLI/2/ Wiesbaden, 1975. S. 164; Gnoli. Ibn al-Muqaffa' ...P. 334. Not. 45; idem. The Idea of Iran. P. 137.

²² Что касается перемещения «Иранской оси» с Востока на Запад (процесса, несомненно начавшегося в мидийский и ахеменидский периоды), следует напомнить, что сасанидский Ērānšahr был столь широк, что включал юго-западные области иранского мира и, по понятным политическим причинам, «сердце» империи, Ирак, который многозначительно назывался del-e Irānšahr. См.: Chaumont M.-L. L'inscription de Kartir à la «Ka'bah de Zoroastre» // Journal Asiatique. 1960. V. CCXLVIII. P. 359 f., 377. Not. 83; Morony M.G. Continuity and Change in the Administrative Geography of Late Sasanian and Early Islamic al-'Iraq // Irān. 1982. V. XX. P. 3.

²³ Gnoli, Ibn al-Muqaffa' ...P. 333.

²⁴ Ibid. P. 328 f.; См. также Darmesteter J. Lettre de Tansar à Jasnaf, roi de Tabaristan // Journal Asiatique. 1984. P. 185—250 (об изданиях), 502—555 (перевод); Minout M. Tansar-nāme. Tehran, 1932; Iqbal 'A. Tārix-e Tabarestān. Tehran, 1942. P. 12—41.

²⁵ Gnoli. Ibn Muqaffa' ...P. 328, 333.

²⁶ Boyce M. The Letter of Tanstr. (Rome Oriental Series. V. XXXVIII). Rome, 1968. P. 26. Not. 1.

²⁷ См.: Gnoli G. The Quadripartition of the Sassanian Empire // East and West. 1985. V. 35. P. 265—270.

²⁸ Хочу особо указать на «Kunstausrücke aus religiösem Bereich», перенесенные из авестийского в пехлеви, которые В. Хеннинг (Henning W.B. Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik. 1. Abt. 4. Bd I. Abschn. Iranistik—Linguistik. Leiden—Köln, 1958. S. 99. Anm. 3) считал принесенными в Фарс через Керман. Ср.: Gnoli G. Un cas possible de différenciation lexicale entre dari et pārsi // Etudes irano-aryennes offertes à G. Lazard. Studia Iranica. Cahier 7. P., 1987. P. 162.

²⁹ Ср.: Lazard G. Le judéo-persan ancien entre le pehlevi et le persan // Transition Periods in Iranian History. P. 173.

³⁰ См.: Gignoux Ph. Problèmes de distinction et de priorité des sources // Prolegomena to the Sources... P. 137—141; idem. Pour une nouvelle histoire de l'Iran sasanide // Middle Iranian Studies / Ed. W. Skalmowski, A. van Tongerloo. Leuven, 1984. P. 253—262.

важным обстоятельством, которому, насколько мне известно, никогда не придавалось значения, соответствовавшего бы его огромной исторической нагрузке. Я говорю о том месте в надписях Картира (реконструкция по надписям в Накш-и Рустеме и Сар Мешхеде³¹), где верховный жрец превозносит свои заслуги в возрождении веры и богослужения: *ud andar Pārs ud Sagestān ud any šahr šahr was towward urwāhn ud radēx bawēd*, «...и в Парсе и Сагестане и многих других провинциях множество магов стали довольными и процветающими»³². Насколько мне известно, единственным исследователем, рассматрившим данный пассаж с точки зрения особого положения Парса и Сагестана, объединенных вместе и отделенных от «многих других стран», является П.О. Скджерво, писавший об этом в своей работе о Картире. П.О. Скджерво предполагает, что причина упоминания двух провинций в надписях в такой форме может быть в том, что время, к которому относятся описываемые факты, по-видимому соответствует ранним этапам карьеры Картира в качестве *herbed'a* в царствование Шапура³³. Это предположение вероятно, но лишь при условии признания того факта (не выраженного явно в надписи), что Парс и Сагестан в III в. н.э. действительно были для зороастрийского духовенства двумя наиболее важными провинциями.

Значение пассажа *Pārs ud Sagestān ud any šahr šahr* как выражения особого положения Парса вместе с Сагестаном по отношению ко всем другим провинциям представляется мне несомненным. Тот факт, что анализируемый пассаж связан в тексте надписей именно со столь хвастливо превозносимыми верховным жрецом трудами по восстановлению веры и возрождению духовенства³⁴, показывает совершенно ясно: Парс и Сагестан бесспорно были двумя важнейшими областями Ираншахра³⁵ с точки зрения религиозных традиций. Что же касается археологических данных, то обилие в Кермане незаурядных памятников сасанидской религиозной архитектуры³⁶ также может свидетельствовать в пользу гипотезы о стойком единстве Фарса и Систана³⁷. Отголоски этих особых отношений между двумя провинциями можно видеть в надписи шаханшаха Шапура, сына Ормузда II, в Персеполе (311 г. н.э.)³⁸, а также в титулатуре этого принца и принца Нарсе в надписи Шапура I на «Каабе Зороастра»³⁹.

³¹ Naqš-e Rostam 56; Sar Mašhad 31 (23). См.: *Back M.* Die sassanidischen Staatsinschriften // *Acta Iranica*. V. 18. Téhéran-Liège, 1978. S. 448; *Skjæruф P.O.* Kirdir's Vision: Translation and Analysis // *AMI*. Bd. 16. 1983. S. 278; *Mackenzie D.N.* Kerdir's Inscription // G. Herrmann. D.N. Mackenzie. R. Howell Coldecot. The Sasanian Rock Reliefs at Naqsh-i Rostam 6. *Iranische Denkmäler*. Lief. 13. Reihe II. B., 1989. P. 47, 55, 59; *Gignoux Ph.* Les quatres inscriptions du mage Kirdir // *Studia Iranica*. Cahier 9. Collection des sources pour l'histoire de l'Asie centrale pré-islamique. Série II. V. I. P., 1991. P. 91, 94. См. также: *idem.* L'inscription de Kirdir à Naqš-i Rostam // *Studia Iranica*. V. I. 1972. P. 198, 203. Not. 2.

³² Так у Д. Маккензи: *Mackenzie .* Kerdir's Inscription. P. 59.

³³ *Skjæruф.* Kirdir's Vision. P. 278.

³⁴ См.: *Menasce J.de.* La conquête de l'iranisme et la récupération des mages hellénisés // *Annuaire de l'Ecole Pratique des Hautes Etudes* 1956—1957. P., 1957. P. 3—12.

³⁵ См.: *Gignoux Ph.* La liste des provinces de l'Ērān dans les inscriptions de Šābuhr et de Kirdir // *AAAnASH*. V. XIX. 1971. P. 83—94.

³⁶ *Schippmann K.* Die iranischen Feuerheiligtümer. Berlin—New York, 1971. S. 71 ff., 505.

³⁷ О Систане см. *ibid.* P. 35 ff. — там же имеется библиография исследований, проведенных Сэром Аузелом Стайном, Эрнстом Херцфельдом и позднее Итальянской Миссией.

³⁸ *Schmidt E.P.* Persepolis. V. 1. Chicago, 1954. Pl. 157; *Henning W.B.* Minor Inscriptions of Kartir // *Corpus Inscriptionum Iranicarum*. Pt. III. V. II. Portfolio III. L., 1963. Pl. LXXV—LXXVII; *Nyberg H.S.* A Manual of Pahlavi. Pt. I. Wiesbaden, 1964. P. 126 f.; *Frye R.N.* The Persepolis Middle Persian Inscriptions from the Time of Shapur II // *Acta Orientalia*. 1966. V. XXX. P. 83—93; *Back.* Die sassanidische Staatsinschriften. S. 492—494, 518—519.

³⁹ См.: *Gnoli.* The Idea of Iran. P. 142 ff.; там же библиография.

Таким образом, рассмотренные надписи Картира содержат сасанидское понимание освященного веками единства Persis и Ariānē, которое занимало и меня, как можно видеть по целому ряду публикаций, многие из которых перечислены выше в примечаниях^{40*}.

PARS AND SAGESTAN IN SASSANIAN RELIGIOUS POLICY

Gh. Gnoli

A particular role of Sistani traditions in the production of Sassanian religious propaganda and special links existing between Pārs and Sagestān in the 3rd century A.D. are studied in the paper.

The analysis of Middle Persian writings like *Tansar-nāme* and *Šahrestānīhā ī Ērān* as well as epigraphic sources (Kirdēr's inscriptions of *Naqš-e Rostam* and *Sar Mašhad*, inscription of Šābuhr Saganšāh, son of Ohrmazd II, at *Persepolis* and of Šābuhr I at the *Ka'be-ye Zardošt*) together with some monuments of the earliest phase of Neo-Persian literature (*Tārix-e Sistān*) and archaeological evidences (monuments of Sassanian religious architecture from Kerman) allowed the author to show that Pārs and Sagestān were two major provinces in *Ērānšahr* from the point of view of religious traditions.

---

⁴⁰ Кроме указанных работ, о некоторых особых аспектах «систанской гипотезы» см. мою статью «More on the Khwarezmian Hypothesis», вышедшую в *Corolla Iranica — Papers in Honour of Prof. D.N. MacKenzie on the Occasion of his 65th Birthday on April 8th, 1991* / Ed. E. Emmerick, D. Weber. Frankfurt am Main, 1991. P. 74—78. По поводу Diod. I. 94, 2(Zarthaustēs u Arianoi), Мегасфена и Гекатей Абдерского (*Gnoli. Ricerche Storiche ...*P. 53—58; *idem. The Idea of Iran.* P. 109—112) см. недавнее интересное предположение Ф. Грене: *Boyse, Grenet. A History of Zoroastrianism.* V. III. P. 158. Not. 26 — там же об авторстве копии дельфийских изречений в Ай Ханум (см. *Robert L. De Delphes à l'Oxus. Inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane // Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 1968. P., 1968. P. 421 ff.).

* Перевод статьи А.Н. Вадера.

Ю.В. Андреев

В ОЖИДАНИИ «ГРЕЧЕСКОГО ЧУДА»

(Духовный мир микенского общества)

С тех пор как были прочитаны первые таблички пилосского и кносского дворцовых архивов, мысль о присутствии греков в стране, носящей их имя, уже во второй половине II тыс. до н.э. или в пору расцвета микенской цивилизации так же, как и о их активном участии в процессе становления и развития этой цивилизации, окончательно перешла из разряда более или менее правдоподобных догадок и предположений в разряд непреложно установленных научных истин. Однако крушение критоцентристской теории А. Эванса и торжество до тех пор считавшихся чуть ли не еретическими взглядов его противников — А. Уэйса и К. Блегена еще отнюдь не означали конца затянувшейся дискуссии о происхождении и природе микенской цивилизации. Скорее, напротив, как это не раз уже бывало в истории науки, решение одной большой проблемы сразу же высветило множество новых, ранее просто не возникавших вопросов. Остановимся на двух, на наш взгляд, наиболее важных из них.

Вопрос первый: если создателями и носителями микенской цивилизации действительно были греки, то как расценивать саму эту цивилизацию — как первый и, видимо, не вполне удачный вариант греческой цивилизации, за которым должны были последовать новые попытки, ведущие в том же направлении, или же как начальную фазу в длительном процессе формирования единой греческой цивилизации, история которой в этом случае должна охватывать не менее двух тысячелетий? Может показаться, что ответ на этот вопрос давно уже найден, если ориентироваться на само ставшее общеупотребительным понятие «микенская цивилизация», в представлении большинства ученых, использующих это словосочетание, означающее более или менее автономный культурно-исторический феномен, хотя и связанный нитями исторической преемственности как с более ранней цивилизацией минойского Крита, так и с более поздней цивилизацией классической (античной) Греции, но в то же время очень во многом существенно от них и отличающийся. Тем не менее некоторые исследователи все еще решительно настаивают на непрерывности цивилизационного процесса на территории Греции при переходе от бронзового века к раннежелезному и, упорно не желая замечать разрыва эволюционной цепи, приходящегося на так называемые «темные века», рассматривают микенскую эпоху как своего рода пролог к «золотому веку» расцвета классической эллинской культуры. Как решающий аргумент в поддержку этой концепции обычно выдвигается ссылка на неизменность этнического состава населения страны на протяжении, по крайней мере, II—I тыс. до н.э.¹ Не

¹ См., например, *Блаватская Т.В.* Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976. С. 49 слл.; *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 58 сл.

вдаваясь в детальное рассмотрение крайне сложной и запутанной проблемы культурного континуитета в хронологическом промежутке с XI по IX в. до н. э. (в свое время мы уже имели возможность изложить свои взгляды на эту проблему на страницах ВДИ²), заметим лишь, что пока еще никто не смог доказать, что цивилизация, государство и классовое общество в общепринятом значении этих трех терминов непрерывно продолжали существовать в Греции на протяжении этих трех столетий, а не возникли заново уже в течение архаического периода, т.е. в VIII—VI вв. до н.э. В свою очередь это должно означать, что микенскую цивилизацию, с одной стороны, и античную греческую цивилизацию — с другой, мы должны расценивать как вполне самостоятельные и обособленные, хотя, конечно, и не абсолютно изолированные друг от друга исторические явления, каждое со своим особым набором наиболее существенных типологических признаков и со своим особым жизненным циклом.

Вопрос второй, логически, несомненно, тесно связанный с первым: что представлял собой во II тыс. до н. э. сам греческий этнос? Или, если выразить эту же мысль несколько по-иному: что общего было у микенских греков-ахейцев или данайцев, каково бы ни было их подлинное самоназвание, с греками времен Перикла и Сократа или хотя бы Гомера, помимо языка, хотя и сильно изменившегося за четыре с лишним столетия, отделяющих «Илиаду» от самых поздних из дошедших до нас текстов линейного письма В, но в целом все же сохранившего свои лексические и грамматические основы? Уже а priori, исходя из давно бытующих в науке представлений о греческом этносе как результате сложного культурно-языкового синтеза, в котором приняли участие, с одной стороны, пришлые племена так называемых «прагреков», с другой же — автохтонное, по одной версии этой гипотезы, уже индоевропейское, по второй, еще не индоевропейское население юга Балканского полуострова и островов Эгейды, или так называемый «догреческий субстрат»³, можно предполагать, что в микенское время эта исконная гетерогенность греческой народности и ее культуры была выражена значительно яснее, чем в эпоху, следующую за переселением дорийцев, когда процесс ассимиляции разнородных этнических элементов, вошедших в ее состав, уже приблизился к своему завершению⁴. Конечно, хотелось бы знать, как далеко продвинулся этот процесс уже в течение II тыс. до н.э. и соответственно насколько высок был уровень эллинизации населения Греции, по крайней мере, в конце этой эпохи, когда микенская цивилизация достигла своего зенита, после чего быстро начала клониться к упадку. Разумеется, в одних только документах микенских дворцовых архивов мы не найдем ответа на этот очень непростой вопрос. Язык дворцовой

---

² Андреев Ю.В. К проблеме послемикенского регресса // ВДИ. 1985. № 3. С. 16 слл.

³ Впрочем, автохтонность этого населения должна быть признана весьма относительной, если учесть постоянное перемещение и перемешивание этнокультурных слоев на территории Эгейского мира, происходившее в течение всего III тыс. до н.э. и, видимо, также в еще более раннее неолитическое время. Критический обзор всех существующих в настоящее время вариантов гипотезы «догреческого субстрата» см. в книге Ю.В. Откупщикова «Догреческий субстрат» (Л., 1988. С. 9 слл.). Критическую и во многом справедливую оценку «палеобалканской гипотезы» самого Откупщикова дает в своей рецензии А.А. Молчанов (ВДИ. 1991. № 3).

⁴ В нашем распоряжении до сих пор нет достаточных фактических данных, которые могли бы свидетельствовать о том, что греки пришли на Балканский полуостров как уже вполне сложившийся этнос со своим особым языком, психическим складом, мировосприятием и культурой. Вполне возможно, что все это они обрели уже после того, как обосновались на Пелопоннесе, в Средней и Северной Греции, в процессе длительного взаимодействия и ассимиляции с племенами, жившими до них на этой же территории (Chadwick J. The Mycenaean World. Cambridge etc., 1976. P. 1 ff.; Davies A.M. The Linguistic Evidence: is there any? The End of the Early Bronze Age in the Aegean / Ed. by G. Cadogan. Leiden, 1986. P. 99. Ср. Блаватская. Ук. соч. С. 27 слл.; Hooker J.T. Mycenaean Greece. L., 1980. P. 29). О негреческих элементах в языке текстов линейного В письма см. Откупщиков. Ук. соч. С. 169 слл.

канцелярии, несомненно, должен был сильно отличаться от языка или скорее даже языков основной массы населения Пилосского, Микенского или тем более Кносского царства⁵. Пытаться же воссоздать на основе этих лапидарных и очень часто плохо понятных текстов психологию, умонастроения, мироощущение или, короче говоря, менталитет этноса или даже целого ряда этнических групп, населявших эти государства, было бы совсем уже безнадежным занятием.

Единственным источником информации, позволяющим судить, — конечно, лишь в известных пределах — о духовном облике микенских греков, остается их искусство. Едва ли надо объяснять, что источник этот весьма специфичен и пользоваться им следует с большой осторожностью. Попытки культурологической или этнопсихологической интерпретации произведений микенского искусства сталкиваются со многими трудностями. Одна из них заключается в отсутствии достаточно четкой «демаркационной линии», отделяющей собственно микенское искусство от искусства минойского Крита. Среди вещей, найденных при раскопках микенских некрополей и поселений, далеко не всегда удается с уверенностью отличить изделия местных микенских ремесленников от творений минойских мастеров, иногда импортированных с Крита, иногда же, по всей видимости, изготовленных прямо на месте⁶. Проблемы такого рода ставят перед исследователями многие предметы, в разное время извлеченные археологами из шахтовых могил в Микенах, купольных и камерных гробниц в Вафии, Дендремидее и других местах⁷. Решая вопрос о принадлежности того или иного произведения искусства к чисто микенской или же привнесенной извне художественной традиции, мы можем использовать и сугубо технические, и стилистические критерии. Однако главное внимание в каждом конкретном случае, несомненно, должно быть уделено эмоциональной наполненности вещи, ибо только она в конечном счете и позволяет судить о соотносительности данного произведения с духовным миром одного из двух этносов. В следующей далее, поневоле весьма суммарной и не претендующей на всесторонний охват темы характеристике микенского искусства мы старались придерживаться именно этого принципа.

Было бы вполне логично предположить, что воинственные скотоводы и охотники, образовавшие первоначальное структурное ядро или, по крайней мере, господствующую аристократическую элиту микенского этноса, и по своему образу жизни, и по психологическому складу резко отличались от мирных земледельцев и рыболовов, из которых, по всей видимости, состояла основная часть древнейшего населения Крита. Весьма несходным было и их отношение к окружающей природной среде, что нашло свое выражение в наиболее характерных для каждого из двух народов формах искусства и архитектуры⁸. В то время как в мировосприятии минойцев антитеза «природа — человек» или «природа — социум» была в значительной мере сглажена и оттеснена на задний

---

⁵ Весьма плодотворной следует признать мысль о наддиалектном, смешанном характере языка микенских табличек, в свое время высказанную В. Георгиевым (*Георгиев В.И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. С. 64 слл.; *Georgiev V.I.* Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia, 1981. P. 67 ff.; *Откупщиков*. Ук. соч. С. 183 слл.; *Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыткин С.Я.* Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988. С. 123 слл.; *Hooker*. Op. cit. P. 76).

⁶ Произведения этой последней группы также не могут не учитываться при решении стоящей перед нами проблемы. Хотя с точки зрения чисто стилистической они остаются частью минойского искусства, по своей иконографии и, главное, по наполняющему их настроению они во многих случаях принадлежат уже микенской культуре.

⁷ *Vermeule E.T.* Greece in the Bronze Age. Chicago, 1966. P. 90 ff.; *Dickinson O.T.* The Origins of the Mycenaean Civilization. Goteborg, 1977. P. 53 ff.; *Hooker*. Op. cit. P. 38 ff.; *Davis E.N.* The Vaphio Cups: One Minoan and One Mycenaean // *The Art Bulletin*. 1974. V. 56. № 3; *Hurtwitt J.* The Dendra Octopus Cup and the Problem of Style in the Fifteenth Century Aegean // *AJA*. 1979. V. 83. № 4.

⁸ *Banti L.* Il sentimento della natura nell' arte minoica e micenea // *Geras A.* Keramopoulou. Athens, 1953.

план устойчивым ощущением своего кровного родства со всем миром живой и неживой природы, микенские грехи, по-видимому, уже достаточно ясно осознавали свою внеположность или даже противоположность этому миру. Мощные стены микенских цитаделей уже изначально должны были защищать их обитателей не только от враждебно настроенных соседей, но и от неподвластных им стихийных сил дикой природы. В основе планировки микенских дворцов, явно тяготеющей к геометрической правильности и замкнутости контуров и объемов, лежит ясно выраженная идея гармонически организованного и тем самым как бы вырванного из окружающей среды социального пространства. Столь характерная для минойской архитектуры концепция как бы органического роста здания, его «вписанности» в окрестный ландшафт⁹ здесь была принесена в жертву единственной и всепоглощающей потребности в самоутверждении перед лицом враждебного внешнего мира.

В микенском искусстве природа чаще всего обращена к человеку своей трагической, внушающей ужас и отчаяние стороной. Безмятежное наслаждение красотой и многообразием форм животного и растительного мира, так много значившее для минойских художников, микенским мастерам и их воинственным заказчикам, судя по всему, было чуждо. Весьма характерно, что, переняв у своих критских учителей основные приемы изображения людей и животных, материковые живописцы, украшавшие росписями стены микенских дворцов, оставили почти без употребления богатейший репертуар анималистических и флоральных мотивов, накопленный минойским искусством. В их произведениях мы не находим ни усыпанных цветами лужаек, ни колышущихся под порывами ветра кустов, ни порхающих по ветвям птиц, ни голубых обезьян, ни грациозных антилоп. Почти все живые существа, которых мы видим на микенских фресках: собаки, лошади, олени, кабаны — так или иначе «задействованы» в сценах охоты, т.е. выполняют определенные сюжетобразующие функции и в силу этого не могут считаться объектами бескорыстного эстетического любования¹⁰. Как прирожденный охотник микенский художник чаще всего видит в звере либо желанную добычу, либо могучего, смертельно опасного врага. Оба эти лика животного мира нашли свое воплощение в чрезвычайно популярных в микенском искусстве, особенно в глиптике, а также в резьбе по слоновой кости сценах преследования и терзания травоядных хищниками. Смерть присутствует в этих сценах отнюдь не имплицитно, как это нередко бывает в работах минойских мастеров, но в своем подлинном жестоком и страшном облике, не оставляющем места ни для каких сомнений и надежд. Атакующие оленей, быков или горных козлов львы, которых иногда сменяют грифоны, выполняют в такого рода композициях двоякую функцию — как живое воплощение кровожадных охотничьих инстинктов человека и в то же время как образ диких, неподвластных человеку сил природы. Ярость зверя и героическая одержимость человека сталкиваются в замечательной по динамизму и необыкновенной легкости рисунка сцене охоты на львов, запечатленной на клинке бронзового инкрустированного кинжала из IV шахтовой могилы круга А в Микенах (вероятно, работа минойского оружейника, выполненная по заказу местного ахейского династа), и во многих других аналогичных эпизодах, представленных на золотых кольцах с печатями из микенских погребений¹¹.

⁹ Scully V. The Earth, the Temple and the Gods. Greek Sacred Architecture. New Haven — London, 1962. P. 11 ff.

¹⁰ К числу сравнительно редких исключений из этого правила могут быть отнесены лишь изображения морских животных, например осьминогов и дельфинов, которые использовались по преимуществу для украшения полов и простенков в дворцовых покоях.

¹¹ Karo G. Die Schachtgräber von Mykenai. München, 1930—1933. Taf. XCII—XCIV.

Как священное животное, слуга и спутник великого женского божества — владычицы дикой природы, лев мог восприниматься и как воплощение благодетельной, покровительствующей человеку силы. Лучше, чем какое-либо иное произведение микенского искусства, об этом свидетельствует знаменитый каменный рельеф, венчающий «львиные ворота» Микенской цитадели. Могучие фигуры двух львов, поднявшихся на задние лапы по обе стороны от колонны — символа великой богини, несомненно, должны были служить апотропеем, отвращающим все недоброе от царского замка и его обитателей¹². Однако это, по-видимому, не означает, что магическая черта, отделяющая благоустроенное социальное пространство от необжитого мира гор и лесов, гармонию от хаоса, здесь уже стерлась. Скорее, напротив: строители цитадели хорошо понимали, что только всемогущая повелительница диких зверей может защитить ее стены от своих же собственных исчадий, и именно поэтому решили поставить на воротах ее символ как межевой знак на грани двух миров.

В отличие от минойского искусства, пластично приспособляющегося к окружающей среде, пытающегося запечатлеть ее во всем ее многообразии и изменчивости и иногда почти сливающегося с ней, микенское искусство с самого начала резко противопоставляет себя природе, выступая по отношению к ней как активно или даже агрессивно организующая и преобразующая ее сила. Эта тенденция проявляет себя в особом пристрастии микенских художников к предельной схематизации и стандартизации форм животного и растительного мира, к преобразованию их в орнаментальные мотивы, т.е. в условные символы и знаки, имеющие лишь отдаленное сходство с их реальными прообразами. Эта склонность к своеобразной дематериализации всего живого дополняется в искусстве ахейской Греции явным преобладанием статики и тектоники над динамикой, анализа над синтезом. В произведениях микенских мастеров фресковой живописи, вазописцев, ювелиров и пр. подвижные, непрерывно меняющиеся образы живой природы очень часто трансформируются в застывшие, безжизненные схемы. Выразительным примером такого застывания и орнаментализации органических форм могут служить найденные Шлиманом в одной из шахтовых могил круга А (могила III) золотые бляшки, первоначально, по-видимому, нашитые на одежду погребенных в могиле женщин. Украшающие их чисто абстрактные орнаментальные мотивы типа спиралей, вращающихся свастик и т.п. чередуются с предельно схематизированными, уже почти превратившимися в геометрические фигуры изображения бабочек и моллюсков¹³.

¹² Hiller St. Das Löwentor von Mykene // *Antike Welt*. 1973. V. 4. № 4. S. 26 ff.; Demargne P. *Naissance de l'Art Grec*. P., 1964. Fig. 263.

¹³ Karo. Op. cit. Taf. XXVIII—XXIX. Обращает на себя внимание определенное сходство этих узоров с рисунками на хронологически намного более ранних оттисках печатей из Лерны III (см. о них Heath M.C. *Early Helladic Clay Sealings from the House of the Tiles at Lerna* // *Hesperia*. 1958. V. 27. № 2). Среди вещей, обнаруженных в шахтовых могилах, мы сталкиваемся и с образцами совсем иной художественной традиции, в некоторых своих чертах отдаленно напоминающей гораздо более поздний скифский звериный стиль. Представление о ней могут дать, например, уникальные золотые пластины из V могилы того же круга А, некогда, по всей видимости, служившие облицовкой шестигранного деревянного ларца (Karo. Op. cit. Taf. CXLIII—CXLIV). Вытисненные на них фигуры львов, преследующих оленей и горных козлов, изображены в предельно гиперболизированных позах летящего галопа. Грозная мощь и свирепая кровожадность хищников, так же как ужас и отчаяние их жертв, переданы здесь с необыкновенным драматическим напряжением и экспрессией, в целом почти не характерными для микенского искусства. Столь близкое соседство стилистически столь несходных между собой изделий, как рельефы на облицовке ларца и только что упомянутые золотые бляшки, при том что ни те, ни другие явно не связаны с хорошо представленной в могилах того же некрополя «минойской школой», убеждает нас в том, что среди придворных мастеров, работавших в Микенах во времена правления древнейших из здешних царских династий, было немало людей с резко различающимся чувством художественной формы. В свою очередь это может указывать на их принадлежность к разным этническим группам или слоям в составе населения Пелопонеса.

В более позднее время — уже во второй половине XV в. до н.э. — аналогичное явление наблюдается также в микенской вазовой живописи. Среди керамических серий этого периода особое место занимают так называемые «эфирейские кубки» — двуручные сосуды, украшенные незамысловатыми рисунками, изображающими в крайне упрощенном виде цветы лилии, многолепестковые розетки, осьминогов и наутилусов¹⁴. Как правило, на каждой из сторон кубка мы видим только одну такую фигуру, как бы повисшую в пустоте. Нетрудно догадаться, что было источником вдохновения для мастера или мастеров, создавших эти скромные шедевры микенской вазописи. Скорее всего, они пытались подражать росписям несколько более ранних критских ваз морского и флорального стиля. Но при этом все то, что у минойских художников жило, дышало и двигалось, здесь превратилось в мертвенные идеограммы, как бы тени исчезнувших живых существ, навсегда застывшие в абсолютной неподвижности. Художественная традиция, начатая эфирейскими кубками, не прерывалась вплоть до самого конца микенской эпохи. Она отчетливо прослеживается в росписях сосудов микенского керамического койне (XIV—XIII вв. до н.э.), в особенности киликов, скифосов и амфор, происходящих из самых различных мест на территории балканской Греции, Малой Азии и островов Эгейды. Доминирующим декоративным мотивом в этих росписях остается изолированный силуэт какого-нибудь морского животного или растения. Эта стилизация становится теперь настолько изощренной, что не всегда удается точно определить, какого именно моллюска или цветок имел в виду художник. Их формы делаются все более анемичными и неестественными, почти незаметно превращаясь в абстрактные геометрические узоры¹⁵.

Время от времени природное декоративное чутье микенских вазописцев находило себе выход в причудливых всплесках фантастической экспрессии, в которых ясно ощущается стремление уйти от аскетической строгости и сдержанности господствующей орнаментальной традиции. Достаточно ясное представление о художественных экспериментах такого рода дают вазы (преимущественно кратеры) так называемого «картинного (pictorial) стиля», происходящие главным образом с Кипра и из Сирии (Рас-Шамра), куда они, по всей видимости, импортировались из европейской Греции, хотя какая-то их часть могла быть изготовлена и прямо на месте микенскими ремесленниками-эмигрантами¹⁶. Некоторые из этих ваз украшены довольно сложными многофигурными композициями, включающими людей на колесницах или на кораблях, осьминогов, рыб, различные растения. Можно предполагать, что эти сцены, стоящие совершенно особняком в эгейской вазописи, были подчинены определенной сюжетной логике, хотя смысл их остается во многом неясным. Некоторые из них, вероятно, восходят к каким-то не дошедшим до нас произведениям фресковой живописи. Другие сцены на вазах этой же серии носят чисто анималистический характер и изображают мирно пасущихся быков и птиц. Для росписей «картинного стиля» характерна своеобразная плеонастичность или боязнь пустоты. Создавшие их художники стремились максимально использовать всю поверхность сосуда, старательно заполняя пустующие места розетками, ромбами, цветами, птицами и образами морской фауны (в этом отношении их декоративные композиции как бы предвосхищают убранство гораздо более поздних греческих ваз ориентализирующего стиля). Однако при более внимательном изучении этих росписей становится ясно, что их бьющий через край декоративизм подчинен жесткой графической дисциплине. Даже там,

¹⁴ См. о них: *Schachermeyr Fr.* Die Agaische Frühzeit. Bd 2. Wien, 1976. S. 241 f. Taf. 61—64. Микенская вазопись более раннего времени (первой половины XV в. до н.э.) стоит намного ближе к своим минойским прототипам с точки зрения ее верности натуре (*Hooker. Op. cit.* P. 62).

¹⁵ *Schachermeyr. Op. cit.* S. 249 ff.

¹⁶ См. о них: *Vermeule E.T., Karageorghis V.* Mycenaean Pictorial Vase Painting. Camb. Mass., 1982.

где художник пытается избежать слишком строгой геометрической симметрии, он все равно неукоснительно выдерживает принцип равновесия основных элементов росписи, жестко фиксирует их на плоскости стенок сосуда, старательно обводя изображенные фигуры четким линейным контуром. Здесь нет ничего похожего на столь характерные для классической минойской вазописи импрессионистические эффекты света и тени, игру цветовых пятен, создающую впечатление странной зыбкости и подвижности фигур, своеобразного «мерцания формы». У микенского художника все фигуры как бы строго по трафарету вырезаны из картона, пригвождены к своим местам и освещены ярким и ровным светом, льющимся из невидимого источника.

Последней яркой вспышкой микенского художественного гения принято считать вазы так называемого «тесного стиля» (*close style*) появившегося около середины XII в. до н.э. (ПЭ III С период), уже после целой серии загадочных катастроф, обрушившихся на дворцовые центры ахейской Греции¹⁷. Известны три основных варианта этого стиля: материковый или собственно «тесный стиль» (наиболее интересные находки были сделаны в Арголиде, главным образом в районе Микен), критский и островной (вазы этой группы распространены преимущественно на островах Кикладского архипелага, Родосе и Косе, а также в Восточной Аттике). Все вазы «тесного стиля» очень нарядны. Избыточная декоративность (плеонастичность), характерная для росписей «картинного стиля», достигает здесь предела своих возможностей, переходя в почти барочную вычурность. Особенно эффектны росписи ваз островной серии, буквально перенасыщенные изощренной, по-варварски пышной орнаментикой. Роль структурного стержня всей декоративной композиции в них обычно выполняет фигура огромного осьминога, невероятно длинные щупальцы которого распластываются по всей поверхности шарообразного тулова вазы, образуя причудливые полосы и завитки. Промежутки между щупальцами моллюска художник тщательно заполняет разнообразными орнаментальными мотивами, среди которых можно найти и чисто геометрические фигуры вроде треугольников, шахматных досок, спиралей и розеток, и стилизованные почти до неузнаваемости цветы лотоса или папируса, и изображения рыб, крабов, птиц и даже горных козлов, ланей и ежей. Так и не научившись правильно рисовать осьминога, микенские вазописцы сумели превратить его в фантастическое чудище — грозного владыку подводного мира или, может быть, в некое подобие мирового древа, между ветвями-щупальцами которого плавают, порхают и скачут всевозможная живность. Однако даже и предаваясь самой необузданной фантазии, они оставались верны своим главным художественным принципам: жесткой пространственной фиксации всех элементов декоративной системы, ее подчеркнутой структурной ясности, тектонике и статике. По своей эстетической природе роскошные творения мастеров «тесного стиля» так же далеки от своего основного прообраза — наполненных динамикой и жизнью росписей минойских ваз «морского стиля», как и аскетически бедные рисунки на эфирейских кубках. Добавим еще, что этот несколько запоздалый расцвет микенской вазовой живописи был очень недолгим. Спустя каких-нибудь 50 лет после того как были созданы последние вазы «тесного стиля», о их пышном убранстве напоминали лишь однообразные волнистые линии и завитки спиралей (все, что осталось от щупальцев осьминога), составлявшие убогий декор субмикенской керамики конца XII—XI вв. до н.э.

Обращаясь к микенской настенной живописи¹⁸, мы и здесь находим все тот же застывший, как бы остановленный на бегу и обращенный в безжизненную

¹⁷ См. *Vermeule*. Op. cit. P. 268; *Schachermeyr Fr. Die Ägäische Frühzeit*. Bd 4. Wien 1980. S. 101 ff.

¹⁸ См. *Vermeule*. Op. cit. P. 184 ff.; *Hood S. The Arts in Prehistoric Greece*. Harmondsworth, 1978. P. 77 ff.; *Boulottis Chr. Die mykenischen Fresken // Die mykenische Hellas. Heimat der Helden Homers*. Athens, 1988. S. 35 ff.; *Hooker*. Op. cit. P. 84 f.

схему мир природы. На самых поздних (конца XIII в. до н.э.) фресках из Микен, Тиринфа и Пилоса фигуры людей и животных, как правило, остаются в состоянии того же статуарного оцепенения, в котором их некогда запечатлело последнее поколение художников, расписавших стены Кносского дворца (самый яркий образец их мастерства — знаменитые фрески с грифонами из тронного зала). В этом смысле микенская монументальная живопись — поразительно консервативна. Даже в сценах охоты, казалось бы, по самой своей сути требующих предельного динамизма, практически все изображенные персонажи: люди, лошади, собаки и олени — остаются почти неподвижными, а если и двигаются, то очень нерешительно, как бы нехотя. На первый взгляд исключением из этого правила может считаться известный фрагмент тиринфской фрески, изображающий кульминационный момент охоты на вепря¹⁹. Фигуры вепря и преследующих его собак представлены, как может показаться, в стремительном движении — в традиционных для эгейского искусства позах летящего галопа. Тем не менее даже и в этом наполненном драматической экспрессией эпизоде ощущается какая-то странная заторможенность. Похоже, будто собаки и вепрь застряли в какой-то плотной, хотя и прозрачной среде, препятствующей их движению. Скорее всего, это впечатление обусловлено сугубо орнаментальной трактовкой фона, усеянного однообразно стилизованными стеблями каких-то растений. Та же любовь к единообразной орнаментальности видна и в проработке шерсти вепря и собак. Как и в росписях ваз «картинного стиля», декоративные плоскости образуют здесь некое подобие коллажа или вышивки, т.е. очень грубо, без надлежащей нюансировки сбалансированную и в силу этого обреченную на неподвижность систему линейных контуров. В этом плане прямой антитезой тиринфской фрески может считаться уже упоминавшаяся сцена охоты на львов на инкрустированном клинке кинжала из Микен, создатель которой сумел придать изображенным им фигуркам людей и животных необыкновенную легкость и динамизм, хотя и работал с гораздо более трудным материалом.

Столь характерная для микенского искусства, как, видимо, и для всего микенского менталитета, любовь к порядку и покою, ради которой художники, работавшие в различных жанрах изобразительного и прикладного искусства, готовы были пожертвовать всем многообразием и многоцветьем образов живой природы, в какой-то степени может быть объяснена как своеобразная защитная реакция народа, привыкшего на своей первоначальной родине к более однообразным и пространственно протяженным формам ландшафта, на чрезвычайную изменчивость, фрагментарность и подвижность его новой среды обитания²⁰. Нельзя не считаться также и с тем, что на формирование основных эстетических принципов микенского искусства сильнейшее влияние оказало уже вступившее в фазу упадка и утратившее свою былую жизненную силу и динамическую напряженность искусство минойского Крита. Об этом свидетельствует, в частности, особая популярность в материковой Греции ваз так называемого «дворцового стиля», основным центром производства которых был, по всей видимости, Кносс, хотя какая-то их часть могла изготовляться и на Пелопоннесе по минойским образцам²¹. Микенские мастера настенной живописи, как было уже замечено, вплоть до очень позднего времени продолжали работать в манере, унаследованной от создателей последних фресок Кносского дворца. Наконец, далеко не последнюю роль в становлении особого микенского чувства

¹⁹ Rodenwaldt G. et alii. Tiryns. Bd II. Die Fresken des Palastes. Athen, 1912. Taf. XIII.

²⁰ В данной ситуации не так уж важно, где именно находилась эта прародина микенских греков: в степях Северного Причерноморья или же на горных плато Центральной Анталии или Ирана. В любом из этих случаев уникальная ландшафтная многоликость и контрастность обретенной ими страны должна была ощущаться чрезвычайно остро.

²¹ Furumark A. The Chronology of Mycenaean Pottery. Stockholm, 1941. P. 257; Hooker. Op. cit. P. 74 f.; Niemeier W.-D. Die Palaststilkeramik von Knossos. B., 1985. S. 193 f.

художественной формы мог сыграть загадочный «догреческий субстрат», т.е. ассимилированное греками, а местами, возможно, и сохранившее свою самобытность автохтонное население страны, для чьего психического склада также было весьма характерно тяготение к разумной упорядоченности и стабильности всего сущего (об этом мы можем судить по дошедшим до нас памятникам раннеэлладского и кикладского искусства).

Свойственный микенскому художнику рационально-аналитический взгляд на природу неизбежно должен был привести его к более или менее дискретному восприятию ее реалий. В отличие от своих минойских предшественников и учителей он вовсе не склонен был безоглядно отдаваться во власть бесконечного, непрерывного, свободно льющегося и заполняющего весь космос потока живой материи. В этом потоке, если он вообще воспринимал его мысленным взором, он судя по всему, стремился найти некие опорные пункты, островки порядка, статики и покоя среди вечно движущегося мирового хаоса. Следствием такого отношения к природной среде было расчленение всего ее пространственно-временного континуума на автономные, тяготеющие к абсолютной обособленности и неподвижности зрительные образцы-феномены.

Любое произведение микенского искусства, будь то толосная гробница, дворцовый мегарон, украшающая его настенная роспись, покрытая орнаментом ваза или примитивная глиняная статуэтка, несет на себе ясно выраженную печать конструктивности или, попросту говоря, сделанности²². Каждому из этих артефактов присущи одни и те же черты, являющиеся, так сказать, видовыми признаками искусства ахейской Греции: структурная ясность, соразмерность части и целого, устойчивость, графическая четкость и замкнутость контура или пластического объема. В своей совокупности все эти признаки как раз и создают впечатление искусственности данного объекта, показывают, что перед нами творение человеческих рук, отнюдь не пытающееся имитировать природу, не «прикидывающееся» каким-то выхваченным наугад ее фрагментом, как это сплошь и рядом случается в искусстве минойского Крита. Эта обособленность от мира природы, независимость от ритмов и циклов ее рождения, роста и умирания может быть понята как проявление, видимо, не вполне осознанной, но все же достаточно упорной и настойчивой устремленности к неизменному, вечному, абсолютному. Как застывшие монументальные образы вечности, отрешенные в своем неподвижном величии от всего земного, преходящего, еще и сейчас воспринимаются грандиозные каменные блоки стен Микенской и Тиринфской цитаделей, мощные конструкции дромоса, дверного проема и купольного свода «Сокровищницы Атрея», мерный ритм движения торжественных процессий на фресках из дворцов Тиринфа, Пилоса, Фив и многие другие даже не столь масштабные памятники микенского искусства и архитектуры.

Воспринимая окружающую их природную среду как враждебный человеку мир первородного хаоса и сознавая свою отторженность от этого мира, микенские греки пытались смоделировать на отвоеванном ими у хаоса обжитом социальном пространстве как бы вторую рукотворную природу, антитетически противостоящую первой настоящей природе, но в чем-то, несомненно, ее повторяющую. Мы уже видели, как преломлялись в микенском искусстве, иногда искажаясь до неузнаваемости, реальные образы животного и растительного мира. Но синтетический образ всего мироздания, своеобразную модель вселенной могли воплотить, как и во многих других древних культурах, только памятники монументальной архитектуры: цитадели, дворцы и царские усыпальницы. Наиболее очевидным примером такого рода символики может служить микенская толосная гробница в ее классическом варианте, представленном «Сокровищницей

---

²² Семенцова Э.Л. Дионисийско-аполлоническое мироощущение в эгейском искусстве III—II тыс. до н.э. // Культура и искусство античного мира. М., 1980. С. 26.

Атрея» и другими близкими к ней по времени погребальными сооружениями. Ее основные конструктивные элементы: насыпной курган, ведущий внутрь него коридор — дромос, монументальный вход — стомион и просторная внутренняя камера с высоким сводчатым потолком — при всей их ясно выраженной архитектурной функциональности, несомненно, несут на себе и определенную смысловую нагрузку, воплощая в едином «семантическом пучке» ряд взаимосвязанных, как бы перетекающих друг в друга образов-мифологем: вечное жилище обоженного или героизированного властителя, загробный мир и, наконец, весь космос²³. В этом контексте приобретают особое мистическое значение и надмогильный курган как уменьшенная копия великой мировой горы²⁴, и каменный свод внутри него, первоначально усеянный бронзовыми позолоченными розетками, как небо царства мертвых, и величественный, украшенный замысловатой каменной резьбой фасад гробницы как безжалостные, всегда открывающиеся только в одну сторону «врата Аида». Как наглядное выражение столь характерных для микенского менталитета претензий на вечность, неизменность, неподвластное времени величие, абсолютную самодостаточность и независимость эта модель мироздания являет собой прямую противоположность минойскому космосу-лабиринту, пребывающему в вечном движении, изменчивому и непостоянному, как сама природа.

Если загробное жилище царя было неразрывно слито в сознании микенских греков с величественным образом мировой горы, то вполне возможно, что ассоциации того же рода вызывало у них и его земное жилище, т.е. дворец вместе с замыкающей его в кольце своих стен цитаделью. Основное различие состояло, по-видимому, в том, что в первом из этих двух случаев царское жилище помещалось внутри горы, как бы в некоем подземном пространстве, тогда как во втором случае оно утверждалось на самой ее вершине, в максимальной близости к небесному своду. В религии минойского Крита мировая гора мыслилась прежде всего как место пребывания или, что более вероятно, периодических явлений великого женского божества, о чем красноречиво свидетельствует известный слепок печати из Кносса с изображением богини, гордо высшейшейся на вершине горы, и застывшего перед ней адоранта (царя?)²⁵. В обрядовой практике минойцев функции священной горы, по всей видимости, выполняли так называемые «peaksanctuaries», во множестве разбросанные по всему Криту. Наиболее важные из них, что, видимо, не случайно, были тесно связаны с близлежащими дворцами²⁶. Для материковой Греции святилища этого типа в целом не характерны²⁷. Невольно возникает мысль, что в процессе

---

²³ *Matz Fr. Crete and Early Greece. L., 1962. P. 219; Vermeule E.T. Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. Berkeley, Los Angeles, 1979. P. 51 ff.* В понимании Г. Милонаса, как толосные, так и камерные могилы служили лишь временным пристанищем духа усопшего, в котором он оставался до полного разложения его останков, после чего должен был переселиться в мир теней (*Mylonas G.E. Mycenae and the Mycenaean Age. Princeton — New York, 1966. P. 134 f.*). Однако вера в загробный мир вполне совместима с отношением к могиле как к вечному жилищу покойника. В создании древнего человека оба эти, казалось бы, взаимоисключающих представления об участии мертвых нередко мирно уживались друг с другом, о чем достаточно ясно свидетельствуют, например, обычаи и верования египтян, шумеров, этрусков и других народов. Микенские толосы были слишком монументальными и дорогостоящими сооружениями, чтобы служить лишь местами кратковременного отдыха на пути в вечность. Против этого предположения говорят также обнаруженные в некоторых из них следы ритуалов, очевидно, входивших в программу заупокойного культа (см. *Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. Bd I. München, 1976. S. 178 ff.; Hooker. Op. cit. P. 196.*)

²⁴ Ср. *Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 234: «Курган — это модель видимого мира, очерченного кольцом кругозора».*

²⁵ *Evans A. The Palace of Minos. V. II. L., 1928. P. 808. Fig. 528.*

²⁶ *Rutkowski B. Cult Places in the Aegean World. Warszawa etc., 1972. P. 152 ff.*

²⁷ *Vermeule. Greece in the Bronze Age. P. 283; cp. Bintliff J.L. Natural Environment and Human Settlement in Prehistoric Greece. Pt I. L., 1977. P. 151 ff.*

минойско-микенского религиозного синтеза их функции были присвоены дворцами, как правило, располагавшимися на господствующих над местностью возвышенностях, иногда, как дворец в Микенах, на довольно значительной высоте.

Вероятно, весь заимствованный микенскими греками минойский пантеон подвергся при этом определенному переосмыслению. Его центральная фигура, воплощающая вездесущее, всеобъемлющее и постоянно меняющее свой облик мистическое начало, трансформировалась в божество или скорее группу божеств, наделенных более или менее ясно выраженной индивидуальностью и более или менее жестко закрепленных в системе пространственно-временных координат. Переселившись на материк, минойская великая богиня обрела наконец постоянную резиденцию в царском дворце, который начиная с этого момента становится как жилище верховного божества отдаленным прообразом позднейшего греческого храма и вместе с тем своего рода неподвижным центром мироздания²⁸. Согласно наиболее правдоподобной интерпретации, монументальный рельеф, установленный на львиных воротах в Микенах, должен был предупреждать каждого входящего в цитадель о том, что это священное место находится под защитой и покровительством божества, постоянное присутствие которого призван был удостоверить его символ или, может быть, аниконическое изображение в виде колонны, воздвинутой на алтаре и фланкированной двумя поднявшимися на задние лапы львами²⁹. Как защитница дворца и цитадели богиня появляется на некоторых памятниках микенского искусства в образе девы-воительницы, вооруженной огромным щитом в форме восьмерки. В этой своей ипостаси она уже в то время могла носить имя Афины. Во всяком случае, словосочетание «Atana rotinija» было прочитано в одной из табличек кносского архива (Кп V 52)³⁰. В документах как кносского, так и более позднего пилосского архивов фигурируют также и другие «владычицы» (потнии), носящие другие эпитеты или имена и сообразно с этим, очевидно, выполняющие какие-то другие функции. Однако все они, по-видимому, были так или иначе связаны с дворцом и «квартировали» либо непосредственно на его территории, либо в каких-то других зависимых от него святилищах (на это указывает сама заинтересованность дворцовой администрации в исправном отправлении культа этих богинь)³¹.

В микенской мифологии дворец-жилище богини мог с течением времени трансформироваться в ее укрепленное убежище или же (другой вариант) в место заточения. Вероятно, отсюда ведет свое происхождение целая серия типологически близких фольклорных сюжетов, в центре которых стоят мотивы похищения и последующего освобождения героини, ее сопряженных со всевозможными опасностями поисков, осады города, в котором она скрывается от своих преследователей или, наоборот, избавителей и т.п. В то же время от тесно слитого с образом мировой горы царского дворца один только шаг до небесного жилища богов — микенского Олимпа³². Вполне возможно, что этот

---

²⁸ О культовых функциях микенских дворцов см.: *Dietrich B.C. A Religious Function of the Megaron // Rivista Storica dell' Antichita. 1976. 3. P. 1 ff.*; *Hiller St. Mykenische Heiligtümer: das Zeugnis der Linear-B Texte // Sanctuaries and Cults in the Aegean Bronze Age / Ed. by R. Hägg and N. Marinatos. Stockholm, 1981. S. 116 ff.*; *Kilian K. The Emergence of Wanax Ideology in the Mycenaean Palace // Oxford Journal of Archaeology. 1988. V. 7. № 3. P. 293 ff.* О преемственной связи дворца и храма см.: *Tradition in Greek Religion. B. — N.Y., 1986. P. 52 ff.* О дворце (царском городе) как олицетворении центра мира и священной горы см.: *Эллиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 38.*

²⁹ *Hiller. Das Löwentor von Mykene. S. 26 ff.*

³⁰ *Nilsson. Op. cit. S. 346 ff.*; *Chadwick. Op. cit. P. 88*; *Dietrich. Op. cit. P. 180*; cp. *Hiller St., Paganl O. Die frühgriechischen Texte aus mykenischer Zeit. Darmstadt, 1976. S. 298*; *Hooker. Op. cit. P. 199.*

³¹ *Hiller. Mykenische Heiligtümer. S. 122 ff.*

³² *Dietrich. Op. cit. P. 114.*

шаг был сделан уже в микенскую эпоху. Однако это не означает, что в религиозном сознании микенских греков уже закрепился известный по поэмам Гомера патриархальный вариант "«святого семейства» во главе с богом отцом, небесным аналогом земного царя — ванакта (гипотеза М. Нильссона)³³.

Зевс, хотя и упоминается в текстах линейного *B* письма, ничем особенным не выделяется среди других фигурирующих в них божеств, имена которых отчасти совпадают с именами позднейших олимпийцев, отчасти же не имеют с ними ничего общего. Неясным остается его отношение к богиням-владычицам, судя по некоторым признакам, образующим наиболее «влиятельную» группу внутри микенского пантеона, возможно, его главное структурное ядро. В одной из пилосских табличек (Тп 316) имена Зевса и Геры стоят рядом, что может указывать на тесную, скорее всего супружескую, связь этих двух божеств. Однако наряду с Герой в микенских текстах фигурирует также и другое женское божество, само имя которого — Дивия (Дия?) говорит о его чрезвычайно близком родстве с Зевсом (Тп 316; Ап 607.5; Сп 1287.6)³⁴. И Дивия, и упоминаемый в одном из пилосских документов сын Зевса Дримий (Тп 319) как бы «выпали» из позднейшей греческой мифологии. Одного этого вполне достаточно для того, чтобы предположить, что и структура мира богов, и весь связанный с нею комплекс религиозных представлений в микенскую эпоху были принципиально иными, чем в более позднее гомеровское время³⁵.

Уже давно замечено, что так называемый «критский Зевс» (*Zeus Kretagenaeos*), известный по случайно уцелевшим фрагментам очень древней мифологической традиции, мало похож на грозного громовержца, верховного владыку богов и людей, каким его изображает Гомер и вслед за ним многие другие античные авторы так же, как и ориентированные на их сочинения произведения искусства. На Крите Зевс почитался еще и во времена дорийского владычества как божественный отрок («великий курос» в известном «Гимне куретов» из Палекастро), во многом близкий Дионису-Загрею и другим умирающим и воскресающим божествам древнего мира³⁶. По всей видимости, индоевропейский небесный отец, бог грозы и дождя был ассимилирован матриархальным кланом догреческих божеств и вошел в него на правах сына и наредра великой богини — матери всего сущего³⁷. Во многом сходной могла быть и судьба других богов, принесенных прагерками на Балканы с их индоевропейской прародины. Лишь приход с севера новой волны грекоязычных племен, последовавший за крушением микенской цивилизации, мог вернуть образам этих богов их первоначальный характер, освободив их от чужеродных примесей.

Взятый как целостная система микенский пантеон, насколько мы можем теперь о нем судить по предполагаемым изображениям богов и разочаровывающе скудным упоминаниям о них в документах дворцовых архивов, вероятно, может быть квалифицирован как одна из разновидностей примитивного политеизма, занимающая промежуточное положение примерно на полпути между первобытным синкретизмом или стихийным пантеизмом и классическим олимпийским антропоморфизмом. Определенная дифференциация сонма богов по сексуальным, функциональным, локальным и иным признакам в то время, видимо, еще не могла перерасти в подлинную персонализацию их образов. Встречающиеся в табличках линейного *B* письма имена олимпийских

³³ Nilsson. Op. cit. S. 351 ff.

³⁴ Другую аналогичную пару составляли, по-видимому, Посейдон и богиня Посидея (*Chadwick*. Op. cit. P. 89).

³⁵ Ср. *Burkert W. Greek Religion*. Harvard, Mass., 1985. P. 46; *Dietrich*. Op. cit. P. 56, 180 f.

³⁶ *Harrison J.E. Themis. A Study of the Social Origins of Greek Religion*. Camb., 1912. P. 1 ff.; *Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии*. М., 1957. С. 89 слл.

³⁷ *Hiller, Panagl*. Op. cit. S. 294 f.

богов не должны вводить нас в заблуждение. Обозначаемые этими именами божества, скорее всего, имели не так уж много общего с пластически полнокровными, предельно очеловеченными характерами гомеровских олимпийцев. Изображения богов в микенском искусстве в большинстве своем поражают своей поистине варварской грубостью, примитивностью и однообразием. Таковы, например, многочисленные женские фигурки в их трех основных разновидностях (так называемые типы *Тау*, *Фи* и *Пси*), происходящие по преимуществу из рядовых могил и жилищ и, по всей видимости, изображающие каких-то божественных покровительниц или спутниц умерших³⁸. Не так уж сильно отличаются от них и образцы культовой скульптуры, найденные в дворцовых и «городских» святилищах. Примером может служить довольно большая группа идолов (более 20 экземпляров), открытая лордом Тайлором в одном из помещений так называемого «культового центра» в Микенах³⁹. Вполне возможно, что эти сформированные на гончарном круге полые цилиндрические фигуры должны были изображать весь микенский пантеон, известный нам по текстам архивных документов, с поправками на одну из его локальных модификаций. Тем не менее индивидуальные характеры, да и просто функции этих божеств не выражены с достаточной ясностью. Различаются лишь выражения (гримасы) их довольно-таки уродливых физиономий и жесты обычно поднятых кверху рук. Трудно определить даже пол этих фигур. Лишены они и каких-то специфических атрибутов, по которым можно было бы распознать их индивидуальность. Исключение составляет лишь самый высокий идола, в вытянутой вверх руке которого можно различить некое подобие молота или, скорее, двойного топора. Высказывалось предположение, что эта фигура изображает Зевса, но это кажется маловероятным⁴⁰. Мало различаются между собой, несмотря на разделяющие их временные дистанции, и терракотовые фигурки женских божеств (возможно, изображения богинь-«градодержательниц»), происходящие из цитаделей Микен и Тиринфа и из святилища в Филакопи на о-ве Мелос (так называемая *Lady of Phylakopi*)⁴¹. Их индивидуальными особенностями могут считаться только узоры, украшающие их «одежду», да характерные жесты рук, в одних случаях прижатых к груди, в других — поднятых кверху (в этой позе они превращаются в подобие крыльев, как на рядовых терракотах типа *Пси*). Даже в таких жанрах микенского искусства, требовавших особенно высокого профессионализма, как резьба по слоновой кости, глиптика, настенная живопись, изображения божеств, обычно выполненные в более реалистической манере, восходящей к более ранним минойским образцам, как правило, очень слабо индивидуализированы и почти не различаются между собой по своему внешнему облику, атрибутам, одежде и т.п. К немногим исключениям могут быть отнесены уже упоминавшаяся богиня со щитом (Афина?) на расписной табличке из Микен, так называемая «троица» также из Микен (две вырезанные из слоновой кости женские фигуры с ребенком на коленях), богиня с двумя козлами на крышке костяной шкатулки из Минат аль-Байда (Сирия) и некоторые другие произведения микенских мастеров⁴².

Создается впечатление, что микенские греки внесли не так уж много нового в накопленную их предшественниками сокровищницу религиозно-мифологических

³⁸ Hood. Op. cit. P. 110.

³⁹ Taylour W.T. The Mycenaeans. L., 1983. P. 52 f.

⁴⁰ Судя по его основному атрибуту, это может быть некое хтоническое божество — владыка или владычица загробного мира. Близкую аналогию дает любопытная сцена из «жизни» царства мертвых, представленная на позднеминойском ларнаке из Армени (Западный Крит; см. Андреев Ю.В. Минойский Дедал // ВДИ. 1989. № 3. С. 37 сл.).

⁴¹ Mykenische Hellas. Fig. 25, 167, 168; Taylour. Op. cit. Fig. 39, 40, 42.

⁴² Mykenische Hellas. Fig. 163; Demargne. Naissance de l'Art Grec. Fig. 341, 356.

идей и образов. Пытаясь как-то приручить и обуздать буйных и своевольных духов стихий, созданных воспаленной фантазией минойских мистиков и визионеров, ввести их в четкие рамки своего упорядоченного и размеренного бытия, они, как и в искусстве, не могли обойтись без стандартизации и схематизации этого чуждого им мира. Его причудливые, по-видимому, просто недоступные их пониманию образы они предельно упростили, сделали плоскими и одномерными, изгнав из них ощущение полноты жизни, ее свободы и динамизма. Отсюда проистекает определенная ущербность микенской модели мироздания, явно не достигшей гармонического совершенства позднейшего греческого космоса. Образующий ее структурную основу пантеон был слишком примитивен, а вошедшие в его состав божества слишком безличны. Уже отторгнутые от мира природы, они не обладали вместе с тем и достаточной индивидуальной самобытностью, необходимой для героического противостояния враждебным силам первородного хаоса.

В связи с этим нельзя не заметить, что героическое начало, по-видимому, уже искони заложенное в основание микенской культуры и составляющее ее важнейшую отличительную черту, особенно бросающуюся в глаза при сравнении с феминизированной культурой минойского Крита, все же так и не получило здесь достаточно полного и всестороннего развития, не вышло за пределы варварского военного этоса, вероятно, усвоенного предками греков еще на их индоевропейской прародине, и в конце концов очень сильно деградировало. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить самые ранние произведения микенского искусства с относительно поздними его образцами. Тема героического противостояния человека с силами зла, воплощенными либо в образах хищных зверей, либо в фигурах неких врагов-чужеземцев, многократно повторяется и варьируется в сценах, представленных на вещах, извлеченных из шахтовых могил в Микенах и из ранних купольных и камерных гробниц в Фавио, Каковатосе, Мирсинохори, Дендре и др.⁴³ Некоторые из них, как было уже сказано, могли быть изготовлены минойскими мастерами, приноравливающимися к вкусам своих микенских заказчиков. Другие могут считаться работами местных умельцев. Но все эти сцены войны и охоты пронизывает один и тот же общий настрой упоения яростью смертельной схватки или азартом погони. Однако по мере вступления микенской цивилизации в фазу зрелости и расцвета, т.е. в ПЭ III A и B периоды, или в XIV—XIII вв. до н.э., сюжеты такого рода становятся все более редкими в тех жанрах искусства, в которых прежде они занимали одно из центральных мест. Так, на позднемикенских печатях напряженно драматические эпизоды схваток с хищниками и воинских поединков постепенно вытесняются мирными сценами культовых церемоний и анималистическими мотивами⁴⁴.

Характерно, что героическая тема практически не нашла себе места в двух важнейших жанрах микенского искусства периода расцвета — фресковой и вазовой живописи. На сохранившихся фрагментах уже упоминавшегося живописного фриза из Тиринфа охота представлена уже не как смертельно опасное состязание человека с разъяренным зверем (см. сцену охоты на львов на клинке кинжала из шахтовой могилы в Микенах), а как приятное развлечение для придворных дам и кавалеров, как вид спорта, в котором могут участвовать даже женщины (известный фрагмент с изображением двух дам на колеснице является частью этой фрески)⁴⁵ В то же время сцены сражений, которые мы видим на некоторых фресках из Пилоса, вызывают неприятное чувство своей холодной

⁴³ Vermeule. *Greece in the Bronze Age*. P. 90 ff., 126 ff.

⁴⁴ См. фоторепродукция и прорисовки в изд.: Sakellariou A. *Die minoischen und mykenischen Siegel des Nationalmuseums in Athen* (Corpus der minoischen und mykenischen Siegel. Bd I). В., 1964.

⁴⁵ Vermeule. *Op. cit.* P. 194.

жесткостью и почти натуралистической фиксацией подробностей кровавой резни⁴⁶. В них трудно уловить хотя бы отдаленное напоминание о героическом неистовстве и той радости боя, которая пронизывает батальные эпизоды «Илиады». Но что особенно важно, в них отсутствует центральная фигура героя-триумфатора, сразу бросающаяся в глаза в гораздо более ранних сценах сражений, изображенных на золотых кольцах из микенских шахтовых могил и даже на грубых каменных стелах, некогда стоявших на этих же могилах, что позволяет говорить об усилении нивелирующих тенденций в жизни и психологии микенского общества конца эпохи бронзы.

Неоднократно предпринимавшиеся поиски героических сюжетов, так или иначе ориентированных на современную эпическую или мифологическую традицию, в микенских вазовых росписях так называемого «картинного стиля» до сих пор не принесли сколько-нибудь ощутимых результатов. Изображенные на некоторых из этих ваз сцены выезда на колесницах иногда достаточно произвольно сближаются с гомеровскими описаниями выступления героев или их поединков. Рассуждая в этом духе, Нильссон интерпретировал загадочный рисунок, украшающий большой кратер из Энкоми на Кипре (так называемый «Кратер Зевса») как живописный парафраз знаменитой сцены поединка Гектора и Ахилла в XXII песни «Илиады»⁴⁷. На наш взгляд, сюжеты этого рода находят гораздо более убедительное объяснение, будучи перенесенными в совсем иную сферу — сферу заупокойного культа. В этом смысле, видимо, можно считать оправданным сближение росписей с колесницами на вазах «картинного стиля» с гораздо более поздними изображениями заупокойных тризн и процессий в геометрической вазописи⁴⁸. Несколько особняком в этом плане стоит, пожалуй, только знаменитая «Ваза воинов» с микенского акрополя, замыкающая ряд фигурных композиций в вазовой живописи XIV—XIII вв. до н.э.⁴⁹ Однако даже и здесь героическая тема звучит приглушенно. Тщательно выписанные фигуры мерно движущихся воинов совершенно одинаковы. Их индивидуальные черты явно не интересуют художника. Среди них нет никого, кто мог бы претендовать на роль главного героя — предводителя дружины. Очевидно, в то время, к которому относится это уникальное произведение позднемикенского искусства (рубеж XIII—XII вв. до н.э.), дружинный этос с характерным для него духом состязательности, постоянной борьбой за первенство и, как правило, сопутствующими ей всплесками стихийного индивидуализма уже давно отошел в прошлое.

Культ грубой силы продолжал оставаться одной из самых примечательных черт микенской цивилизации вплоть до самого начала ее агонии на рубеже ПЭ III В и III С периодов. Его зримым воплощением до сих пор остаются циклопические стены цитаделей, могучие фигуры львов, вставших на дыбы над главным входом на микенский акрополь, полные царственного величия и мощи грифоны и сфинксы на разных пластинах из слоновой кости. Но теперь это уже была не

⁴⁶ *Land M.* The Palace of Nestor at Pylos in Western Messenia. V. II. The Frescoes. Princeton, 1969. Pl. 123—124, M—N.

⁴⁷ *Nilsson M.P.* Homer and Mycenae. L., 1933. P. 267; *Karageorghis V.* Myth and Epic in Mycenaean Vase Painting // *AJA*. 1958. V. 62. № 4. P. 385; *Webster T.B.L.* From Mycenae to Homer. L., 1964. P. 49.

⁴⁸ *Vermeule.* Op. cit. P. 205 f. Более или менее близкие аналогии для некоторых из этих сцен могут быть найдены и в современном им эгейском искусстве. Так, рисунок на кратере из Энкоми, изображающий двух человек на колеснице, как бы спасающихся от преследующей их огромной рыбы, напоминает роспись на ларнаке из Эпископи (Восточный Крит), на которой мы видим группу из трех человек, переправляющихся на колеснице через реку или море с мелькающим в волнах осьминогом. В обоих случаях художник, по-видимому, пытался доступными ему средствами представить путешествие на «тот свет» через разделяющую мир живых и мир мертвых водную преграду (*Vermeule.* Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. P. 67).

⁴⁹ *Demargne.* Op. cit. Fig. 331, 336.

мощь индивида, вознесенного над толпой благодаря своей личной доблести или своему царственному сану, а безличная гнетущая сила бюрократического государства, символами которой суждено было стать всем этим творениям микенского художественного гения. Дальнейшее развитие героического мироощущения, воодушевлявшего на подвиги первых ахейских династов, и его перерастание в индивидуализм античного типа было блокировано чиновничьей рутинной централизованной дворцовой хозяйствования, ориентированного в его повседневном функционировании не на отдельно взятого индивида, а на групповые интересы и нужды правящей элиты. Реализация основного принципа дворцовой бюрократии — разделения всего общества на исполнителей и контролеров, или налогоплательщиков и фискальных агентов, — не могла не повлечь за собой нивелировки социума на всех уровнях его иерархической структуры и постепенной атрофии личностного начала.

Похоже, даже сам глава этой иерархии не избежал мертвящего влияния бюрократической системы и растворился в ней чуть ли не без остатка. Едва ли случайно, что в пиловских архивных документах так называемый «ванакт» почти не выделен среди других функционеров дворцовой администрации. О его особом положении, кроме самого его титула, говорят лишь размеры его темена и упоминания об обслуживающих его специалистах вроде «сукновала владыки»⁵⁰. Пожалуй, мы больше знаем сейчас о самых первых царях Микен, чем о последнем правителе Пилоса. О личных вкусах и пристрастиях первых позволяют судить вещи, найденные вместе с ними в их могилах, о последнем же мы не располагаем даже и такой информацией. Не случайно также, что интерес к конкретной человеческой личности, к ее физическим и в какой-то мере даже психическим особенностям, столь ясно выраженный в замечательных золотых масках, скрывавших лица людей, погребенных в шахтовых могилах, в микенском искусстве периода расцвета уже никак себя не проявляет. Личность главы государства как будто навсегда исчезает из поля зрения придворных художников, перестает привлекать их внимание⁵¹, что производит достаточно странное впечатление, если вспомнить о колоссальных царских усыпальницах этого времени. Остается предположить, что, так же как дворцы и цитадели, эти величественные сооружения были призваны воплощать не столько личную значимость погребенного в каждой из них владыки, сколько безличную мощь всего стоящего за ним государства.

Дух усредненности пронизывает не только бухгалтерские записи микенских архивов, но и всю микенскую цивилизацию в том ее состоянии, в котором мы застаем ее в XIII столетии до н.э., т.е. перед началом ее конца. О нем свидетельствует стандартизация жилищ, святилищ, погребений, домашней утвари в рамках так называемого «микенского койне», допускавшего лишь очень незначительные локальные вариации различных видов артефактов на всей охваченной им территории⁵². Возникшая на этой старательно выравненной почве «массовая культура» постепенно охватывала все слои общества, достигая даже и самых верхних его «этажей». Как было уже замечено, идолы из дворцовых святилищ Микен, Тиринфа и других микенских центров не так уже сильно отличаются от образцов мелкой пластики — всех этих бесчисленных куротроф и «женщин-птиц», происходящих из рядовых жилищ и погребений. В

---

⁵⁰ Chadwick. Op. cit. P. 71; Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пиловского общества. М., 1978. С. 213 слл.

⁵¹ Участие царя в сцене торжественной процессии на одной из пиловских фресок (*Lang M. The Palace of Nestor at Pylos in Western Messenia. V. II. Princeton, 1969. Pl. 119. P. 39 f.*) нельзя считать доказанным. Во всяком случае, сама издательница фрески, кажется, не склонна интерпретировать в этом духе мужскую фигуру, превосходящую ростом всех остальных.

⁵² О микенском керамическом койне см.: Vermeule. Op. cit. P. 203; Taylour. Op. cit. P. 24. О единообразии микенской культуры в XIV—XIII вв. до н.э. см. Hooker. Op. cit. P. 81 f.

общей массе керамического материала практически почти невозможно различить дворцовую посуду и посуду из домов среднезажиточных «бюргеров» или земледельцев. На этом фоне происходит заметный спад эстетических стандартов, за которым скрывается снижение общего культурного уровня аристократической элиты, как главной законодательницы художественных вкусов⁵³. Керамика ПЭ III В периода, хотя и поражает своим техническим совершенством, в чисто художественном отношении не выдерживает сравнения с определенными от нее двумя столетиями великолепными вазами дворцового стиля. Фресковая живопись как бы застывает на уровне уже явно упадочного искусства Кносса в период, непосредственно предшествующий гибели дворца. Определенный прогресс наблюдается в это время лишь в монументальной архитектуре, т.е. в строительстве дворцов, цитаделей и царских гробниц (ситуация, довольно близко напоминающая положение в римском искусстве времен упадка империи). Таким образом, мы вправе сделать вывод, что еще до начала полосы катастроф, положивших на рубеже XIII—XII вв. до н.э. предел ее дальнейшему развитию, микенская цивилизация, по-видимому, уже успела исчерпать свой духовный потенциал и начала деградировать, неуклонно приближаясь к своему концу⁵⁴.

Рассматривая микенскую цивилизацию в наиболее протяженной исторической перспективе и сравнивая ее с тем, что было до нее и после нее, мы можем теперь без особых колебаний оценить ее, с одной стороны, как ухудшенную, сильно варваризированную «копию» цивилизации минойского Крита, с другой же — как неудачный и, может быть, именно по этой причине отвергнутый историей «черновик» классической греческой цивилизации. При всем своеобразии каждой из двух основных эгейских цивилизаций и всех бесспорно существующих между ними различиях (о наиболее важных из них было сказано выше), они были настолько тесно между собой связаны, что это дает нам право воспринимать их в их совокупности как определенное культурно-историческое единство, которое может быть понято и как первый цикл эгейского культурогенеза, и как целостная крито-микенская супер- или метацивилизация⁵⁵. Но если встать на эту точку зрения, мы неизбежно должны будем признать, что различия между двумя составляющими этого единства, Минойским Критом и Микенской Грецией, носили не только этнический или географический, но также и стадийный характер. В пределах замкнутого исторического цикла, образующего крито-микенскую эпоху, восходящий отрезок эволюционной «кривой» в основном совпадает с историей минойской цивилизации. Ее кульминацией могут считаться два столетия — XVI—XV вв. до н.э., как наиболее продуктивный этап в процессе эгейского культурогенеза, после которого начинается определенный

---

⁵³ Matz F. Die Kretisch-mykenische Kunst. Form und Entwicklung // Die Antike. 1935. I. S. 206 ff.; Hood. Op. cit. P. 25; ср., однако, Matz. Crete and Early Greece. P. 159. Постепенное снижение художественного уровня микенского искусства в течение XIV—XIII вв. до н.э. может быть понято и как результат более или менее осознанного отторжения основной массой населения Греции чуждой ей по своему духу минойской культуры. Ср. интересные, хотя и не бесспорные суждения Т.В. Блаватской об «общенародности» микенской культуры (Ук. соч. С. 55 сл.).

⁵⁴ Долгое время бытовавшее в науке представление о быстротечной тотальной катастрофе, вызванной вторжением в Грецию большой орды или даже нескольких орд северных варваров (по одной версии этой гипотезы, это были дорийцы, по другой — племена Подунавья и Центральной Европы или так называемые «народы моря»), теперь постепенно начинает уступать свое место концепциям совсем иного рода, в которых на первый план выдвигаются уже не варварские нашествия, а затяжной внутренний кризис, поразивший микенскую цивилизацию в XIII—XII вв. до н.э. и в конце концов приведший ее к гибели. О характере и возможных причинах этого кризиса см. Renfrew C. The Emergence of Civilization. The Cyclades and the Aegean in the Third Mill. B.C. L., 1972. P. 502 f.; Hutchinson J.S. Mycenaean Kingdom and Medieval States // Historia. 1977. V. 26. № 1; Sandars N.R. The Sea Peoples. L.; N.Y., 1978. P. 186 f.; Hooker. Op. cit., P. 148 ff.; Полякова Г.Ф. От микенских дворцов к полису // Античная Греция / Под. ред. Е.С. Голубцовой и др. Т. I. М., 1983. С. 94 слл.

⁵⁵ Это понятие, сейчас уже почти вышедшее из употребления, как нам кажется, имеет такое же право на существование, как и понятие античной или греко-римской цивилизации.

спад творческой активности как на Крите, так и в материковой Греции. Но этот период спада в основном и является периодом самостоятельного (уже без «подсказок» со стороны Крита) развития микенской цивилизации.

Благотворное воздействие минойской культуры на культуру микенских греков в формативной фазе ее развития сейчас как будто ни у кого не вызывает сомнения. О ее интенсивной миноанизации свидетельствует целый ряд важных культурных новшеств, пришедших в Грецию с Крита — от фасонов женской одежды и типов вооружения до системы бухгалтерского учета и организации дворцовых хозяйств. Однако обратное влияние микенской цивилизации на коренное население Крита после завоевания острова ахейцами в XV—XIV вв. до н.э. обернулось для него безысходным регрессом и духовной деградацией, наглядное представление о которой может дать явно упадочная культура ПМ III периода. Многому научившись у минойцев в чисто материальном плане, успешно освоив и даже усовершенствовав их основные достижения в сфере ремесленной технологии, бытового благоустройства, управления государством и т. д., практические греки, однако, так и не сумели ввиду явной несовместимости их менталитетов по-настоящему проникнуться мироощущением своих учителей. Поэтому, как было показано выше, микенское искусство обычно дает грубо упрощенную схему образов зримого мира там, где искусство Крита предлагает нам их тонкую и одухотворенную стилизацию, настроенную в унисон с ритмами живой природы. В известном смысле это было возвращение вспять к примитивному языку первобытных магических символов, являющемуся основой эгейского искусства эпохи неолита и ранней бронзы. Отсюда печать определенной второсортности или провинциализма, лежащая на облике микенской цивилизации и резко отличающая ее от ее непосредственной предшественницы. Несомненно, прав был Ф. Шахермайр, относивший микенскую культуру так же, как и некоторые культуры Ближнего Востока, к категории «культур-сателлитов» и противопоставлявший ее в этом плане подлинно «высокой культуре» минойского Крита⁵⁶.

Отдаленное «фамильное» сходство микенской цивилизации с другой «высокой культурой» — культурой античной Греции — также не вызывает сомнений. В основе этого сходства лежит, надо полагать, этническое и прежде всего духовное родство микенских греков с их далекими потомками, жившими в I тыс. до н.э. Некоторые существенно важные черты микенского менталитета явно предвосхищают хорошо знакомые нам по литературе и искусству особенности духовного облика греков гомеровского и еще более позднего времени. Такими чертами могут считаться, во-первых, героическое, волевое начало, особенно ясно выраженное в микенской культуре на ранних этапах ее развития, и, во-вторых, своего рода рудиментарный рационализм, оставивший свои хорошо различимые следы в микенском искусстве и архитектуре. Однако ни одна из этих потенций, заложенных в «генетический код» микенской цивилизации, вероятно, уже при ее рождении, так и не смогла по-настоящему развиваться в видимо недостаточном для них благоприятном «климате» эгейского бронзового века. Героический пыл первых ахейских завоевателей Греции, как было уже сказано, постепенно иссяк, поглощенный уравнительной идеологией бюрократического государства, и в силу этого не смог стать питательной почвой для самосознания и самоутверждения свободной человеческой личности как главной предпосылки античного индивидуализма. Рациональное мышление микенских греков, судя по всему, не продвинулось дальше создания простейших знаковых систем, представление о которых могут дать, с одной стороны, линейная слоговая письменность (так называемое письмо В) и основанные на ней методы учета и

---

⁵⁶ *Schachermeyr Fr. Die minoische Kultur des alten Kreta. Stuttgart, 1964. S. 269 ff.; Toynbee A.J. Hellenism. The History of a Civilisation. L., 1959. P. 25 f.*

контроля, действовавшие в дворцовых хозяйствах, с другой же — репертуар орнаментальных мотивов, использовавшихся в микенской вазовой и настенной живописи. Обе эти системы в равной мере базировались на принципах элементарного анализа, стандартизации и фиксации материальных объектов, привлекавших к себе внимание писца или художника. Никаких признаков пробуждения научной или философской мысли, попыток углубленного постижения природы и человека средствами искусства во всем культурном наследии микенской эпохи до сих пор обнаружить не удалось⁵⁷.

Изучение микенского искусства и религии, так же как и анализ языка микенских архивных документов, убеждает нас в том, что во II тыс. до н.э. процесс этногенеза эллинской народности был еще очень далек от своего завершения⁵⁸. Духовный мир населения микенской Греции, насколько мы можем судить о нем по дошедшим до нас произведениям искусства, довольно сильно отличался от высоко организованного менталитета греков античной эпохи. В нем еще не было ничего даже отдаленно напоминающего хорошо известный каждому эллинский гедонизм, эллинскую восприимчивость ко всему прекрасному (своего рода гиперэстетизм), эллинскую увлеченность свободным творчеством, проявившуюся в самых разнообразных сферах духовной деятельности, наконец, особое эллинское пристрастие к играм, атлетическим, художественным и интеллектуальным⁵⁹. Как и все почти народы ранней древности, за исключением, может быть, только минойцев, создатели микенской цивилизации относились к жизни слишком серьезно и приземленно, были чересчур обременены унылым и тяжеловесным прагматизмом. Потребовались грандиозные социальные катаклизмы, крушение дворцов и цитаделей, передвижения племен, сопровождавшиеся радикальным перекраиванием всей этнической карты Греции и, возможно, даже генетическими мутациями среди ее населения, для того чтобы микенские греки, эти полуварвары, изображенные Гесиодом как дикие и свирепые люди «медного поколения», наконец уступили свое место на исторической сцене настоящим эллинам.

AWAITING THE GREEK MIRACLE

(Spiritual World of Mycenaean Society)

Ju.V. Andreev

The article undertakes to determine the place of the Mycenaean civilization among other civilizations of the Aegean world and, in the first place, its relation to the earlier civilization of Minoan Crete and the later civilization of ancient (classic) Greece. Explicit continuity between the Minoan and Mycenaean civilizations makes it possible to consider them jointly as a certain cultural and historical entity which could be interpreted both as the first cycle of Aegean cultural genesis and as the Creto-Mycenaean super or meta-civilization. Within this historical cycle the upward segment of the evolutionary «curve» basically coincides with the history of Minoan civilization, whereas the history of its «younger sister», the Mycenaean civilization, may be

---

⁵⁷ Любопытные факты, приводимые Т.В. Блаватской в одной из глав ее книги под многообещающим заголовком «Зарождение наук: счет, письмо, география, медицина» (Ук. соч. С. 113 слл.) при всей их очевидной исторической значимости отнюдь не могут служить доказательством формирования в ахейской Греции системы подлинно научных представлений о мире.

⁵⁸ Ср. Блаватская. Ук. соч. С. 34, 40.

⁵⁹ Правда, Т.В. Блаватская находит возможным говорить о таких «чисто эллинских» чертах микенской культуры, как оптимизм, человечность и даже светскость, противопоставляя ее в этом плане синхронным культурам Ближнего Востока (Ук. соч. С. 53, 128, 458 сл.). На наш взгляд, все эти оценки очень слабо аргументированы в ее работе.

В.М. Зубарь

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И СЕПТИМИЙ СЕВЕР

Одним из кардинальных вопросов античной истории Северного Причерноморья является проблема взаимоотношений греческих городов этого региона с администрацией Римской империи. Несмотря на то, что этой проблеме уделялось в отечественной историографии довольно много места, все же нельзя считать ее исчерпанной. В работах исследователей вопросы, связанные со взаимоотношениями Римской империи с населением северочерноморских центров, за редким исключением, рассматривались в хронологической последовательности по центрам¹. Анализ же ситуации по всему региону в целом на определенных этапах исторического развития, связанный во многом с изменениями в римской политике, специально не проводился. Поэтому в настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть характер взаимоотношений античных центров региона с Римской империей в период правления Септимия Севера (193—211 гг.) и попытаться выяснить, как изменения в римской политике отразились на положении этих городов.

Сразу следует оговориться, что предметом исследования будет служить римская политика только по отношению к Тире, Ольвии и Херсонесу. Дело в том, что со времени правления Фарнака и вплоть до позднеантичного периода Боспор с небольшими перерывами оставался союзным Риму царством. Помимо этого, после вмешательства римских войск в династическую борьбу на Боспоре и утверждения на престоле в результате Римско-Боспорской войны Котиса I (45/46—62/63 гг.) сложилась устойчивая система римского контроля в Северном Причерноморье, а все дальнейшие усилия Рима были направлены на ее сохранение и укрепление. После Римско-Боспорской войны Боспорское царство окончательно перешло под непосредственный контроль наместников провинции Вифиния-Понт, а западная часть региона, в том числе Тира, Ольвия и Херсонес, были включены в сферу влияния легатов сначала Мезии, а затем Нижней Мезии².

¹ См., например: *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 195—212; *Ростовцев М.И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // ЖМНП. 1900, март. С. 140—158; *он же.* Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. 1915. Вып. 58. С. 1—16; *Репников Н.И.* О характере римской оккупации Южного берега Крыма // СА. 1941. Т. 7. С. 121—128; *Гриневич К.Э.* Херсонес и Рим // ВДИ. 1947. № 2. С. 228—237; *Кадеев В.И.* Херсонес, Боспор и Рим // ВДИ. 1979. № 2. С. 55—76; *он же.* Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981. С. 13—36; *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979; *Яйленко В.П.* Материалы к «Корпусу лапидарных надписей Ольвии» // Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987 (далее — Материалы... 1987). С. 73—84; *Шелов Д.Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. // ВДИ. 1981. № 2. С. 40—58; *Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. Киев, 1985. С. 94—124; *Виноградов Ю.Г.* Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Тезисы докладов. М., 1990. С. 27—32 и др.

² *Шелов.* Уж. соч. С. 61—62; *Speidel M.P., French D.H.* Bithynian Troops in the Kingdom of the Bosphorus // *Epigraphica Anatolica.* 1985. Ht. 6. P. 97—102.

Такое положение сохранялось и позднее. Именно вследствие этого на Боспоре периодически находились солдаты римских вспомогательных войск, которые дислоцировались на территории провинции Вифиния—Понт³. Сближение с Римом, которое особенно активно началось после Римско-Боспорской войны, привело к тому, что статус союзного царства накладывал на боспорских правителей определенные обязанности по отношению к империи. Они, в частности, заключались в комплектовании подразделений вспомогательных войск для римской армии, которые известны по эпиграфическим памятникам уже в 8—7 гг. до н.э.⁴ Подразделения, сформировавшиеся на Боспоре, участвовали в Дакийских войнах Траяна⁵, а в 136 г. боспорские лучники и копейщики боролись с аланами, видимо, на восточных границах империи⁶. Кроме того, боспорская ала известна по эпиграфическим памятникам Дакии, а боспорские когорты — Армении и Паннонии⁷.

Помимо комплектования вспомогательных войск, боспорские цари во второй половине II в. выплачивали определенный форос империи. Лукиан сообщает о встрече с боспорскими послами, которые направлялись в Вифинию для доставки римской администрации «ежегодной дани»⁸. В этом отношении весьма показательна надпись времени Савромата II, обнаруженная в Танаисе и датированная 193 г., в которой, помимо всего прочего, говорится, что этот боспорский царь «сделал море свободным для мореплавания в Вифинии и Понте»⁹.

Интересно, что Зосим, применительно к событиям готских войн, со слов афинянина Дексиппа, сообщает о субсидиях империи боспорским царям, которые удерживали скифов, желавших переправиться в Азию¹⁰. Следовательно, есть все основания заключить, что связи Боспора с римской администрацией провинции Вифиния-Понт имели место не только на заключительном этапе Римско-Боспорской войны и в период правления Траяна¹¹, но и на протяжении второй половины II — третьей четверти III в. В противовес этому Тира, Ольвии и Юго-Западная Таврика вплоть до середины III в. были тесно связаны с администрацией провинции Нижняя Мезия. Все это в свою очередь позволяет сделать вывод о том, что взаимоотношения Рима и Боспорского царства, с одной стороны, и указанных центров — с другой, отличались своей определенной спецификой. Таким образом, контакты Римской империи с Боспором должны рассматриваться в тесной связи с традиционной римской политикой по отношению к союзным царствам Востока, а Тире, Ольвии и Херсонесе — исходя из практики взаимоотношений, которые складывались со «свободными» и автономными провинциальными городами, а также политики, проводившейся империей на территории дунайских провинций.

После окончания Маркоманских войн, несмотря на то, что сразу же после смерти Марка Аврелия его сын Коммод поспешно заключил невыгодный для

³ Speidel, French. Op. cit. P. 99 f.

⁴ Inscriptiones Latinae selectae. Bd. 3. B., 1916. № 9503; *Reihold M. Marcus Agrippa*. Geneva, 1933. P. 111.

⁵ Strobel K. Untersuchungen zu den Dakerkriegen Trajans. Bonn, 1984. S. 107.

⁶ Arr. Acies c. Alanos. 3. 18.

⁷ Holder P.A. Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan. Oxf. BAR. 1980. P. 181, 229.

⁸ Luc. Alex. 57.

⁹ КБН, 1237; исправленное чтение см.: *Robert L. A travers l'Asie Mineure*. P., 1980. P. 81. Not. 500 (= SEG. XXX. 987).

¹⁰ Zosim. I.31.2. Вероятно, опираясь на это сообщение Зосима, некоторые исследователи полагают, что боспорские цари получали римские субсидии для поддержания боеспособности своей армии (см.: *Цветаева*. Ук. соч. С. 16—17). Однако это справедливо лишь для середины — третьей четверти III в. Во второй половине II в., как об этом свидетельствует Лукиан, напротив, боспорские цари платили ежегодную дань империи.

¹¹ *Plin. Ep. ad Trai. X. 63—64.*

империи мир¹², римская администрация уделяла значительное внимание дунайской границе империи, откуда исходила серьезная угроза жизненно важным центрам империи¹³. В период правления Коммода здесь продолжались стычки и войны с маркоманнами, квадами и сарматами¹⁴. Причем в это время костяк римских гарнизонов Херсонеса и Харакса составляли военнотружущие I Итальянского легиона и приданных ему вспомогательных войск. В Херсонесе помимо сухопутных войск базировались корабли римского флота, а также находился трибун I Итальянского легиона, на которого было возложено командование всеми римскими войсками в этом районе¹⁵. Иными словами, в Юго-Западной Таврике были сосредоточены значительные силы, которые могли быть использованы для борьбы с варварами на далеких подступах к границам империи.

Очевидно, в конце правления Коммода какая-то часть военнотружущих I Итальянского легиона была переброшена в Восточный Крым, где совместно с боспорскими войсками участвовала в Боспорской войне, о которой имеется упоминание в латинской надписи из г. Преслава (Болгария). В результате этой войны варвары были разбиты, а западная граница Боспора передвинута в район современного Старого Крыма и Судака. Вероятно, одновременно с боевыми действиями на Боспоре римские войска продвинулись вплоть до среднего течения р. Альмы и взяли под свой контроль значительный район Таврики¹⁶.

Судя по боспорской надписи, обнаруженной в Танаисе, победоносное завершение этой войны можно отнести к периоду до начала 193 г. (КБН, 1237). Если учесть, что Коммод был убит 31 декабря 192 г., а Септимий Север провозглашен Августом в Карнунте 9 апреля, официально признан Сенатом 1 июня 193 г.¹⁷ и вслед за этим начал борьбу со своими соперниками, то, вероятно, можно говорить о том, что Боспорская война и присоединение Таврики «по договору» с Римом произошло не позднее конца 192 г., так как вплоть до 197 г. Септимий Север вряд ли мог заниматься делами, связанными с положением на далекой окраине античного мира. Поэтому можно предположить, что Боспорскую войну и победу над скифами следует связывать с заключительным этапом правления Коммода, так как содержание танаисской надписи не позволяет относить присоединение Таврики именно к 193 г.¹⁸. Она дает лишь абсолютную дату издания почетной надписи и служит *terminus ante quem* для упоминающихся в ней событий.

Септимий Север, разгромив на заключительном этапе гражданской войны Клодия Альбина и став полновластным правителем империи, провел в жизнь ряд мероприятий по укреплению и оздоровлению системы управления, провинциальной администрации, а также армии¹⁹. Эти реформы коснулись и дунайской границы империи, где деятельность римской администрации была направлена на ее укрепление и повышение боеспособности расквартированных здесь войск²⁰. В самом конце II в. здесь началась новая миграция варварских племен, что и

¹² *Dio.* 72.2. 1—4; *SHA Commod.* 3. 5; *Herodian.* I. 6. 4—9.

¹³ *Oliva P.* *Pannonia and Outset of Crisis in the Roman Empire.* Praha, 1962. P. 299—306; *Колосовская Ю. К.* Паннония в I—III вв. М., 1973. С. 225—229.

¹⁴ *Fitz J.A.* *Military History of Pannonia from the Marcomann Wars to the Death of Alexander Severus (180—235)* // ААН. 1962. Т. 14. Fasc. 1—2. P. 83—89.

¹⁵ *Зубар. В. М.* Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса // *Археологія.* 1990. № 2. С. 109—110; *он же.* Новий латинський напис з території Болгарії і деякі питання історії Південно-Західного Криму // *Археологія.* 1991. № 1. С. 118—127.

¹⁶ *Зубар.* Новий латинський напис... С. 125—126; *ср.: Sarnowski T.* *Barbaricum und ein Bellum Bosporanum in einer Inschrift aus Preslav / ZPE.* 1991. Bd. 87. S. 141—144.

¹⁷ *См.: Kienast D.* *Römische Kaisertabelle.* Darmstadt, 1990. S. 156.

¹⁸ *Зубар.* Новий латинський напис... С. 124—127; *ср.: Sarnowski.* *Op. cit.* S. 139—141.

¹⁹ *См., например: Смышляев А. Л.* Септимий Север и *principales* // *Вестник МГУ.* 1976. История. № 6. С. 80—81; *Campbell J.B.* *Emperor and the Roman Army.* 31. B.C. — A.D. 235. Oxf., 1984. P. 401—414.

²⁰ *Колосовская.* Ук. соч. С. 232—237.

привело к реорганизации системы защиты лимеса. Одним из ярких показателей этого процесса является перемещение целого ряда воинских подразделений, которые относятся к промежутку времени между 197 и 202 гг., после чего, вероятно, и была осуществлена инспекторская поездка Септимия Севера на Дунай²¹. Видимо, этими перемещениями, связанными с реорганизацией Дунайского лимеса, следует объяснять замену в Таврике солдат I Италийского легиона военнослужащими XI Клавдиева легиона, который контролировал восточную часть Мезии от Капидавы до Новиодунума²². Если учесть, что лагерь XI Клавдиева легиона располагался в Дуросторуме, а I Италийского — в Нове и был значительно удален от черноморского побережья, где базировался Мезийский флот²³, то в этом нет ничего необъяснимого. В таких условиях передача охраны Таврики в ведение командования XI Клавдиева легиона была вполне целесообразна и облегчала оперативное руководство подразделениями, расквартированными в восточной части Нижней Мезии и античных городах Северного Причерноморья. В этом отношении показательно, что уже со второй половины II в. Ольвия находилась в зоне, которая контролировалась именно военнослужащими XI Клавдиева легиона²⁴. Косвенно в пользу того, что солдаты I Италийского легиона были выведены из Херсонеса в конце II в. свидетельствует отсутствие в эпиграфических памятниках Херсонеса почетного титула «Antoniniana», который легион получил между 212 и 214 гг.²⁵.

Сложнее обстоит вопрос о римском гарнизоне Тире. В настоящее время считается, что с середины 60-х годов II в. и вплоть до середины III в. его возглавляли центурионы I Италийского легиона. Об этом свидетельствуют клейма на черепице и кирпиче, а также надпись с упоминанием врачей²⁶. Однако перемещение римских войск на дунайской границе, смена военнослужащих в гарнизонах Херсонеса и Харакса, а также наличие военнослужащих XI Клавдиева легиона в Ольвии, свидетельствуют в пользу предположения о том, что и Тира не могла остаться в стороне от этого процесса. Видимо, именно в таком контексте следует рассматривать обломок латинской надписи из Тире, в которой, по мнению П.О. Карышковского, упоминается XI Клавдиев легион²⁷.

Таким образом, реорганизация охраны границ империи на Дунае, которая относится к 197—202 гг., привела к тому, что защита лимеса западнее Капидавы и западной части Нижней Мезии была возложена на I Италийский легион, штаб которого размещался в Нове. Участок границы к востоку от Капидавы до Новиодунума, восточной части Нижней Мезии, а также Тире, Ольвии и Таврики с конца II в. осуществлялся силами военнослужащих XI Клавдиева легиона и приданных ему вспомогательных войск²⁸. Если предложенная реконструкция событий верна, то можно заключить, что в период правления Септимия Севера завершился не только определенный этап в реорганизации защиты Нижнемезийского

²¹ *Herodian*. III. 10.1; *Fitz J.* Der Besuch des Septimius Severus in Pannonien im Jahre 202 u. Z. // ААН. 1959. Т. 11. Fasc. 1—4. S. 237—263; *idem.* A Military History... P. 87; Sarnowski T. Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na Pofnochym wybrzeżu morza Czarnego. Warszawa: Novaensia, 1988. S. 144.

²² *Aricescu A.* Armata în Dobrogea Romană. București, 1977. P. 46—47; *idem.* În Legătură zonele de acțiune ale legiunilor Moesice pe teritoriul Dobrogei // Pontica. 1977. Т. 10. P. 186 f.

²³ *Kienast D.* Untersuchungen zu den Kriegsflotten der römischen Kaiserzeit // Antiquites — Abhandlungen zur alten Geschichte. 1966. Bd 16. S. 111.

²⁴ *IOSPE*. I.² 322; *Ростовцев.* Военная оккупация... С. 4—10.

²⁵ *Maxfield V.A.* The Military Decorations of the Roman Army. Berkeley, Los Angeles, 1981. P. 234; *Fitz J.* Honorific titles of Roman Military Units in the 3rd Century. Budapest, 1983. P. 99—106.

²⁶ *Карышковский, Клейман.* Ук. соч. С. 43; *Сон Н.А.* Новая латинская надпись из Тире // ВДИ. 1986. № 4. С. 65—67; *Карышковский П.О.* Посвятительная надпись римских врачей из Тире // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 52—56.

²⁷ *Карышковский П.О.* Эпиграфические памятники Белгород-Днестровского музея // КСОАМ за 1961. Одесса, 1963. С. 107. № 13. Рис. 3.

²⁸ См.: *Зубар.* Новый латинский напис... С. 122 сл.

лимеса, но и Тиры, Ольвии, а также Херсонеса, начало которого следует связывать с передислокацией в Дакию подразделений V Македонского легиона и началом Маркоманнских войн. Следовательно, можно говорить о том, что мероприятия Септимия Севера, направленные на укрепление Нижнедунайского лимеса, самым непосредственным образом отразились на составе римских гарнизонов Тиры, Ольвии и Херсонеса.

Однако к периоду правления Септимия Севера относятся не только изменения в составе векиллиций, дислоцировавшихся в Северном Причерноморье, но и в правовом положении гражданских общин Тиры, Ольвии и Херсонеса, что также нельзя рассматривать в отрыве от ситуации, складывавшейся в Римской империи в целом и дунайских провинциях, в частности.

К 201 г. относится крайне важный для рассматриваемой темы эпиграфический памятник, обнаруженный в с. Коротное и представляющий собой переписку легата Нижней Мезии Овиния Тертулла с гражданской общиной Тиры²⁹. Из этой переписки следует, что тирасцы обратились к императору Септимию Северу с просьбой о подтверждении льгот, которые им были дарованы ранее. Из копии письма Гераклиту, который, видимо, возглавлял Совет города, следует, что тирасцы даровали права гражданства и право беспошлинной торговли ряду лиц без согласования с наместником провинции. Причем в обращении к императору они аргументировали свои действия рескриптами Антонина и наместника Нижней Мезии П. Антония Гиберы (137—140/141 г.)³⁰. Император утвердил эти решения, однако впредь запретил тирасцам прием в гражданскую общину новых граждан без согласования с легатом провинции.

Сейчас можно считать установленным, что в период правления Веспасиана Тире императорским декретом были дарованы, видимо, права автономии, а это, в свою очередь, предполагало подчинение гражданской общины юрисдикции наместника провинции, который и определял объем прав городов и осуществлял контроль за его самоуправлением³¹. В дальнейшем, как следует из переписки, в отношении гражданской общины Тиры во II в. издавались и какие-то иные рескрипты от имени императоров и легата П. Антония Гиберы, которые, помимо всего прочего, видимо, касались порядка освобождения от пошлин новых граждан города.

Однако судя по копии письма к Гераклиту, эти привилегии с середины II в. официально не подтверждались, что и заставило тирасцев обратиться к новому императору. Толчком к такому обращению послужила активизация деятельности римской администрации на Дунае, что было следствием реформаторской политики Септимия Севера. При этом следует подчеркнуть, что эта переписка имела место в рамках сравнительно краткого хронологического отрезка между 197 и 201 гг.

В свете сказанного, очевидно, небезынтересно обратиться к тем источникам, которые имеются по истории Ольвии на рубеже II—III вв. и, в частности, взаимоотношений этого центра с империей. Причем следует обратить внимание на то, что на это время приходится максимальное количество эпиграфических памятников, которые имеются в настоящее время по этому вопросу³².

²⁹ IOSPE. I². 4; Карышковский, Клейман. Ук. соч. С. 123 сл.

³⁰ Fitz J. Die Laufbahn der Statthalter in der römischen Provinz Moesia Inferior. Weimar, 1966. S. 46; Eck W. Jahres- und Provinzialfasten der senatorischen Statthalter von 69/70 bis 138/139 // Chiron. 1983. Bd 13. S. 224; Doruțiu-Boila E. Legatii Moesiae Inferioare între anii 137—160 // SCIV. 1989. T. 40. № 4. P. 337. Вопрос о датировке, видимо, не так прост — см.: Thomasson B.E. Laterculi praesidium. V. I. Göteborg, 1984. Col. 146. № 150.

³¹ Подробно см.: Зубар В.М., Сон Н.О. До питання про політичний статус Тіри середини I ст. н.е. // Археологія. 1987. Вып. 59. С. 12—15.

³² Vinogradov Iu.G. Olbia und Prusias am Hypios zur Severerzeit // Sodalitas. Scritti in onore di A. Guarino. Napoli, 1984. S. 456; Яйленко. Материалы... 1987. С. 84.

Сейчас считается общепризнанным, что в период правления Септимия Севера Ольвия потеряла свой суверенитет и была включена в состав провинции Нижняя Мезия. В.В. Латышев (ук. соч. С. 196) указывал, что это событие произошло не ранее лета 196 г. и не позднее 198 г. В дальнейшем этот важный вопрос по-разному решался на основании датировки второй серии монет, которые чеканились в Ольвии в период правления Септимия Севера. В отличие от первой серии квазиавтономных монет она имела ярко выраженный провинциальный характер.

А.Н. Зограф относил ее к 198—207 гг.³³. П.О. Карышковский первоначально датировал эту серию 198—208/209 гг., а затем указал, что она относится ко времени не позднее первой половины 202 г., до брака Каракаллы с Плавтиллою, а скорее всего ко времени пребывания Септимия Севера на Дунае³⁴. В.А. Анохин на основании титулатуры Септимия Севера, Каракаллы и Геты, которая имеется на ольвийских монетах, отнес ее к 198/199 г., хотя при этом указал, что Пертинакс в титулатуре Септимия Севера на монетах датируется временем не позднее конца 198 г.³⁵.

Учитывая различные мнения исследователей относительно датировки этой серии монет, для уточнения абсолютной даты рассматриваемого события необходимо обратиться к хорошо датированным эпиграфическим памятникам и, в частности, к содержанию надписи о строительстве терм³⁶. В этом памятнике сказано, что народ ольвиополитов построил термы за вечное пребывание императора Луция Септимия Севера Пертинакса, Марка Аврелия Антонина Цезаря Августа и всего их дома при правителе епархии Косконии Гентиане и отце города Каллисфене, сыне Каллисфена. Все это позволило П.О. Карышковскому отнести этот памятник ко времени не позднее 20 июля 198 г., когда легатом Нижней Мезии стал Овиний Тертулл, и не ранее 197 г., когда Септимий Север после разгрома Клодия Альбина стал полновластным правителем империи³⁷. На основании того, что в этой надписи упомянут «отец города» Каллисфен, сын Каллисфена, он отнес последнюю серию квазиавтономной чеканки ольвийских монет с именем этого магистрата к 193—196 гг., т.е. ко времени гражданских войн в Риме³⁸.

С этим нельзя не согласиться. Однако следует обратить внимание на формулу датировки надписи, которая дана по легату Нижней Мезии Косконию Гентиану³⁹, названному перед «отцом города» Каллисфеном, сыном Каллисфена. Как представляется, это свидетельствует о том, что в момент установки надписи Ольвия уже находилась под контролем провинциальной администрации. Указанную надпись можно датировать сравнительно кратким промежутком времени — между маем 198 г., когда Каракалла получил титул Августа и стал соправителем своего отца, и 20 июня этого же года, когда на посту легата Нижней Мезии Овиний Тертулл сменил Коскония Гентиана⁴⁰. Следовательно,

³³ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 144.

³⁴ Карышковский П.О. Находки монет Римской империи в Ольвии // НСФ. 1965. 2. С. 65; он же. Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев, 1986. С. 32; он же. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 126.

³⁵ Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 74.

³⁶ IOSPE. I². 174.

³⁷ Карышковский. Монетное дело Ольвии... С. 32; ср.: Platnauer M. The Life and Reign of the Emperor Lucius Septimius Severus. Oxf., 1918. P. 111.

³⁸ Карышковский. Монетное дело Ольвии... С. 33; ср.: Анохин. Ук. соч. С. 74.

³⁹ В работе, посвященной анализу имен ольвиополитов, С.В. Дьячков почему-то пишет о Косконии, сыне Гентиана, как ольвиополите, члене коллегии архонтов, что не верно. См.: Дьячков С.В. Некоторые вопросы социально-политической истории Ольвии в I—III вв. (По ономастическим данным) // Вестник ХГУ. 1985. № 268. С. 126.

⁴⁰ SHA. Sev. 16, 3; Fitz. Die Laufbahn... S. 49; ср.: Латышев. Ук. соч. С. 170—171. Сейчас считается, что Каракалла получил титул Августа уже осенью 197 г. (Kienast. Römische Kaisertabelle. S. 162; ср.: Thomasson. Op. cit. Col. 138 sq. № 106: «193—197, fortasse 197/98»).

изменения во взаимоотношениях Ольвии и Римской империи, а также издание по этому вопросу, видимо, специального императорского постановления необходимо относить ко времени до лета 198 г. Исходя из этого, начало чеканки первой серии ольвийских монет провинциального типа есть все основания датировать 197/198 г.

Правда, недавно Э. Доруциу-Бойлэ на основании восстановления фрагментарной латинской надписи из Северной Добруджи сделала попытку пересмотреть время наместничества Коскония Гентиана и отнесла его к 191—193/194 гг.⁴¹. Однако с этим согласиться нельзя. Во-первых, исследовательница не учла ольвийской надписи в честь Септимия Севера, из содержания которой следует, что Косконий Гентиан был легатом Нижней Мезии в 198 г., а не в период правления Коммода. И во-вторых, восстановление латинской надписи из Северной Добруджи весьма проблематично, так как, судя по предложенному исследовательницей варианту, в ней все имена даны в сокращении, что вряд ли в действительности могло иметь место⁴². Все это не позволяет согласиться с аргументацией Э. Доруциу-Бойлэ и до получения нового убедительного материала относить время исполнения функций легата Нижней Мезии Косконием Гентианом к 193—198 гг.⁴³.

Итак, передвижения подразделений римских войск на дунайской границе империи, а также переписка Овиния Тертулла с гражданской общиной Тиры убеждают в том, что и ольвийские городские магистраты должны были использовать благоприятную ситуацию и обратиться к новому императору с просьбой об определенных льготах или поддержке. Не исключено, что во главе этого посольства мог стать Каллисфен, сын Каллисфена, который оказал городу много услуг в стесненные времена⁴⁴. Видимо, после посольства к императору, результатом которого было благоприятное решение, в городе и была начата чеканка монет провинциального типа. Несколько позднее в Ольвии могли быть установлены еще какие-то копии императорских рескриптов или переписка по этому поводу, как это было в Тире, на что указывает ряд, к сожалению фрагментированных, надписей с упоминанием Овиния Тертулла⁴⁵.

На основании чеканки в Ольвии монет провинциального типа и ряда эпиграфических памятников принято считать, что город при Септимии Севере был включен в состав провинции Нижняя Мезия. Однако правовой статус города требует определенного уточнения. Дело в том, что Ольвия располагалась вне официальных границ империи, а это должно было наложить на ее статус своеобразный отпечаток. Известно, что в отношении таких городов, как правило, принимался специальный закон (*lex civitatis*), которым и определялся объем прав, даровавшихся гражданской общине в каждом конкретном случае⁴⁶. Исходя из провинциально-римского типа монет, начало чеканки которых, вероятно, следует относить ко времени не ранее 197/198 г., можно говорить о том, что городу были дарованы права, близкие автономии⁴⁷. Такой правовой статус гражданских общин широко практиковался римской администрацией в отношении греческих городов восточной части империи⁴⁸. Он гарантировал

⁴¹ *Doruțiu-Boilă E.* Legaten von Moesia Inferior zwischen 190 und 198 // ZPE. 1985. Bd 58. S. 200—203.

⁴² *Ibid.* S. 198 f. Критику ее интерпретации см.: *Thomasson.* Op. cit. V. III (1990). Col. 33. № 20: 101.106.

⁴³ *Fitz.* Die Laufbahn... S. 49.

⁴⁴ На такую возможность, вероятно, указывает текст еще одной ольвийской надписи этого времени — IOSPE. I². 42, где он прямо назван «известным Августам».

⁴⁵ IOSPE. I². 242, 246, 299; *Яйленко.* Материалы... 1987. С. 79 сл.

⁴⁶ *Зубар.* Сон. Ук. соч. С. 14.

⁴⁷ Ср.: *Латышев.* Ук. соч. С. 197.

⁴⁸ *Abbott F.F., Johnson A.C.* Municipal Administration in the Roman Empire. Princeton, 1926. P. 40. Not. 1.

гражданской общине права внутреннего самоуправления, которые, однако, осуществлялись под наблюдением наместника той провинции, администрация которой контролировала тот или иной город⁴⁹. Не удивительно поэтому, что строительная надпись 198 г. датирована временем наместничества Коскония Гентиана. Учитывая, что во второй половине II в. в Ольвии был размещен римский гарнизон и шло интенсивное строительство, можно предположить, что правовой статус города уже был как-то регламентирован римской администрацией⁵⁰. Однако, вне всякого сомнения, права города в том или ином объеме должны были быть подтверждены Септимием Севером, так как при вхождении на престол каждый новый император специальным рескриптом подтверждал или отменял привилегии, дарованные его предшественником⁵¹. В период правления Септимия Севера такая процедура была просто необходима, так как римский Сенат специальным указом не только отменил все распоряжения Коммода, но и приказал разбить все его статуи и уничтожить даже память о нем⁵².

Поэтому есть основания предполагать, что в 197/198 г. в отношении Ольвии был принят именно такой законодательный акт. Причем изменение типологии ольвийских монет, видимо, говорит в пользу определенного сужения прав гражданской общины, которыми она пользовалась до прихода к власти Септимия Севера. Это заключение хорошо согласуется с общим упорядочением и укреплением системы провинциального управления, предпринятым в правление этого императора.

Сейчас трудно говорить об объеме прав, который был дарован ольвийской гражданской общине. Однако исходя из обычной правовой практики по отношению к провинциальным городам, получившим статус автономных, можно предполагать, что город лишился права даровать гражданство и освобождать вновь принятых граждан от городских повинностей без согласования с наместником провинции⁵³. В пользу этого косвенно свидетельствует и содержание переписки тирасцев с Овинием Тертуллом. Наличие в городе римских войск и, в частности, солдат XI Клавдиева легиона⁵⁴, позволяет говорить о том, что гражданская община Ольвии должна была выплачивать какие-то средства империи, в том числе и на содержание римского гарнизона, как это, например, было в Херсонесе⁵⁵. Сказанное подтверждается одним фрагментированным эпиграфическим документом, в котором говорится о посольстве в провинцию с просьбой об отсрочке, вероятно, каких-то платежей⁵⁶.

В связи со сказанным, сомнительным представляется датировка проксений прусийца Маркиана, сына Домниона, и эвоката Агафокла временем после

---

⁴⁹ Ср.: *Cic. Accus. in Verr.* 3, 6, 13; *Dig. I.*, 16, 45; *Anderson J.G.C. Augustan Edicts from Cyrena // JRS.* 1927. V. 17. Part. 1. P. 41; *Sherwin-White A.N. The Roman Citizenship.* Oxf., 1939. P. 189; *Кудрявцев О.В. Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. М., 1954. С. 121 сл.*; *Petit P. Pax Romana.* Berkeley. Los Angeles, 1967. P. 156 f.; *Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome.* Berkeley, Los Angeles, 1984. P. 151—156.

⁵⁰ В связи с этим следует обратить внимание на то, что со второй половины правления Адриана и до начала правления Марка Аврелия Ольвия не чеканила новых монетных серий. Подр. см.: *Карышковский. Монетное дело Ольвии...* С. 26; *он же. Монеты Ольвии.* С. 123.

⁵¹ *Suet. Tit.* 8; *Jones A.H.M. The Greek City from Alexander to Justinian.* Oxf., 1940. P. 129 f.

⁵² См.: *SHA. Commod.* 18—19.

⁵³ Ср.: *Dig. XXVII.* 1. 6. 3; *Рапович А.Б. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М., Л., 1949. С. 45 сл.*

⁵⁴ *IOSPE. I².* 236.

⁵⁵ *IOSPE. I².* 404.

⁵⁶ *IOSPE. I².* 54. Судя по тексту этого памятника, вполне возможно, что и этот декрет был принят в честь Каллисфена, сына Каллисфена.

197/198 гг.⁵⁷. Если вопрос о датировке проксений Маркиана уже убедительно решен⁵⁸, то относительно проксенического декрета Агафокла такой ясности нет. В.П. Яйленко, вслед за издателем этой надписи, считает, что ее следует относить ко времени правления Септимия Севера⁵⁹. Однако с этим согласиться трудно по полному несоответствию ее палеографии документам северовского времени⁶⁰.

В отличие от Тиры и Ольвии в Херсонесе отсутствуют какие-либо официальные документы, которые можно было бы связывать с периодом правления Септимия Севера. Однако активная политика римской провинциальной администрации в Нижнем Подунавье, а также ряд мероприятий в отношении Тиры и Ольвии позволяют предположить, что и Херсонес не остался в стороне от этого процесса.

В связи с этим следует обратить внимание на датировку переписки по поводу проституционной подати⁶¹. А. Домашевский предложил датировать этот документ временем правления Коммода, а точнее 185 или 186 г., с чем полностью согласился М.И. Ростовцев⁶². Однако Э.И. Соломоник на основании того, что датировку переписки нельзя основывать на бесспорном чтении εὐτυχής, отнесла ее не к 185—186 гг., а к концу II в., возможно, ко времени правления Коммода⁶³. Видимо, уточнение, сделанное Э.И. Соломоник, позволяет пересмотреть датировку этого памятника и отнести его ко времени правления Септимия Севера. В пользу именно такой датировки можно привести следующие аргументы.

Во втором письме переписки речь идет о подтверждении дарованных ранее привилегий, которые и определяли долю от взимания проституционной подати, поступающую в распоряжение гражданской общины. При этом здесь же говорится о том, что херсонеситы предпослали этому письму копию рескрипта по поводу этой привилегии. Это в свою очередь позволяет предположить, что в первом письме имелся перечень всех представленных по этому вопросу документов, в котором в том числе была копия «полезного нам рескрипта», видимо, Коммода⁶⁴. Если это так, то своеволие римских солдат, которые незаконно увеличили долю, причитающуюся им, следует относить к заключительному периоду правления Коммода или ко времени ослабления центральной власти в 193—196 гг. После окончательной победы Септимия Севера над Клодием Альбином, когда он занялся организационным укреплением империи и армии, у херсонеситов появилась возможность отстоять свои права. Этим, вероятно, и объясняется просьба к новому императору, который, «став

---

⁵⁷ НО. 45; Яйленко В.П. Материалы к «Корпусу лапидарных памятников Ольвии»// Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985 (далее — Материалы... 1985). С. 181—186.

⁵⁸ Vinogradov. Op. cit. S. 462—465; Научные чтения памяти С.Л. Утченко // ВДИ. 1982. № 3. С. 190.

⁵⁹ Яйленко. Материалы... 1985. С. 186; он же. Материалы... 1987. С. 80.

⁶⁰ Палеографический анализ этого декрета провел Ю.Г. Виноградов; пользуясь случаем, выражаем свою признательность ему за это любезное сообщение.

⁶¹ IOSPE. I². 404; Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 20—27.

⁶² CIL. III. Suppl. № 13750; Ростовцев М.И. Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе // ИАК. 1916. Вып. 60. С. 63.

⁶³ Соломоник. Ук. соч. С. 26 сл.

⁶⁴ Впоследствии имя императора в переписке было выскоблено. Трудно сказать, когда это произошло. В этом отношении примечательно, что в другой херсонесской надписи, поставленной Титом Аврелием Секундом в 185 г., было убрано лишь sal(ute) imp(eratoris), а имя Коммода сохранено. См.: IOSPE. I². № 417; Соломоник. Ук. соч. С. 37 сл. № 9. В этом отношении показательно, что в начале 197 г. Септимий Север причислил Коммода к богам и сообщил об этом в Сенат. См.: SHA. Sev. 11, 3—4; 12, 8.

покровителем херсонеситов», должен был подтвердить дарованные ранее привилегии относительно той подати. В заключении письма или декрета херсонеситов особо была подчеркнута просьба благорассудительно принять «прошение, необходимое которого нет ничего для людей, понимающих пользу благоразумной жизни и стремящихся сохранить благоприличие нравов»⁶⁵. Если это соотнести с тем, что Коммод был скорее гладиатором, чем императором, а своим поведением напоминал Тиберия, Калигулу и Домициана⁶⁶, то цитированные строки переписки, скорее всего, были обращены не к нему, а к Септимию Северу.

Не исключено, что обращение херсонеситов к Септимию Северу стало возможным вследствие замены солдат I Италийского легиона военнотружущими XI Клавдиева легиона, которая произошла в промежутке времени между 197 и 202 гг. В этом отношении показательно, что император, став на сторону гражданской общины, в письме трибуну Атилию Приммиану подтвердил решение Аррия Алквиада, «тогдашнего трибуна», относительно размеров подати.

И наконец, в посвящении Тита Аврелия Секунда, которое по консулам датируется 185 г., назван военный трибун I Италийского легиона Флавий Сергиан Сосибий, который, вне всякого сомнения, командовал всеми римскими вооруженными силами в этом районе, т.е. по своему рангу выполнял те же обязанности, что и Аррий Алквиад, а также Атилиус Приммиан⁶⁷. Следовательно, если переписку по поводу ситуационной подати датировать след за А. Домашевским, то в ней должен был бы упоминаться Флавий Сергиан Сосибий. Все сказанное, а также смена римских гарнизонов в Таврике и ряд законодательных актов, принятых римской администрацией в отношении Тира и Ольвии, говорят в пользу датировки этой переписки именно периодом правления Септимиуса Севера, а точнее, промежутком времени между 197 и 202 гг.⁶⁸

Итак, приведенные материалы свидетельствуют, что после гражданских войн 193—196 гг. римская администрация уделяла достаточно много внимания не только собственно Дунайскому лимесу, но и античным центрам Северо-Западного и Северного Причерноморья, которые находились вне пределов официальных римских границ. Тира, Ольвия и Херсонес, очевидно, рассматривались римской администрацией в качестве форпостов или опорных пунктов империи. С помощью римских гарнизонов, расквартированных в греческих городах, и их населения, можно было не только следить за развитием событий в степной зоне, откуда империи угрожали сармато-аланские племена⁶⁹, но и в случае необходимости наносить упреждающие удары по варварам, угрожавшим интересам империи⁷⁰. Мероприятия римской администрации, направленные на укрепление связей с античными центрами этого района, хорошо согласуются с общими тенденциями деятельности Септимиуса Севера и его администрации, которая в первую очередь опиралась на провинциальную знать, особенно в восточных областях империи. Все это позволяет заключить, что Тира, Ольвия и Херсонес были неотъемлемой составной частью огромного римского мира и благополучие населения этих центров на протяжении первых веков н.э. во

⁶⁵ Цит. по: Соломоник. Ук. соч. С. 23.

⁶⁶ SHA. Commod. 18—19.

⁶⁷ IOSPE. I². № 417 комментарий.

⁶⁸ Следует вспомнить, что первый издатель переписки В.В. Латышев датировал ее именно временем правления Септимиуса Севера. См.: Латышев В.В. Херсонесские надписи // МАР. 1891. Вып. 2. С. 39 сл.

⁶⁹ Ср.: SHA, M. Aug. 22, 1; Fitz. A Military History... P. 92—96.

⁷⁰ Ср.: Карышковский П.О. Из истории Тира в первой трети III в. н.э. // Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР. Киев, 1980. С. 76—79; Сон Н.А. К истории позднеантичной Тира // Античная культура Северного Причерноморья в первых вв. н.э. Киев, 1986. С. 147—149; Зубар. Новый латинский напис... С. 124—126.

многим зависело от характера и содержания связей с империей. Поэтому 197—202 гг., вероятно, можно рассматривать в качестве своеобразного этапа во взаимоотношениях указанных центров с Римской империей. Вполне возможно и то, что именно в это время благодаря определенной поддержке провинциальной администрации античные города региона упрочили свое положение, что в конечном итоге позволило им вплоть до третьей четверти III в. успешно противостоять варварским нашествиям⁷¹.

THE AREA TO THE NORTH OF THE BLACK SEA AND SEPTIMIUS SEVERUS

V.M. Zubar

The materials studied show that after the civil wars of 193—197 A.D. the Roman administration paid sufficient attention not only to the Danubian limes proper, but also to the ancient centers in the area to the north-west and north of the Black Sea, which were outside the official borders of the Roman Empire. Tyras, Olbia and Chersonesus were apparently regarded by the Roman administration as outposts or strong points of the empire. With the help of the Roman garrisons quartered in the Greek cities they could not only watch the developments in the steppe zone from which the Sarmatian and Alani tribes threatened the empire, but if necessary, could inflict forestalling strikes on the Barbarians threatening the interests of the empire. Measures of the Roman administration aimed at strengthening ties with the ancient centers of the area are in line with general trends of the activities of Septimius Severus and his administration which, in the first place, found support among the provincial nobility of the Eastern provinces of the empire. All this enables the author to draw the conclusion that Tyras, Olbia, and Chersonesus were the integral component of the huge Roman world and the well-being of the population of those cities in the first centuries A.D. depended to a considerable extent on the nature and content of ties with the empire. Therefore 197—202 could be viewed as a distinctive stage in relations of the centers with the Roman empire. It is highly likely that at that time thanks to the support of the provincial administration the ancient cities in the area consolidated their position, which, in the long run, enabled them to successfully withstand barbarian invasions up to the 3rd quarter of the 3rd century.

---

⁷¹ См.: Карышковский П.О. Из истории поздней Ольвии // ВДИ. 1968. № 1. С. 179; Крапивина В.В.К вопросу о застройке Ольвии во II—III вв. // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 212; Гороховський Е.Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської хори // Археологія. 1985. Вып. 49. С. 36 сл.; Сон. К истории... С. 149 сл.

© 1993 г.

В.И. Гуляев

СКИПЕТР И ДЕРЖАВА: К ВОПРОСУ О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ У ДРЕВНИХ МАЙЯ

В последние годы археологи демонстрируют все более растущий интерес к комплексным и процессуальным исследованиям, чтобы попытаться объяснить зарождение и развитие сложных стратифицированных обществ в древнем мире. Особое внимание уделяется при этом изменениям в политической организации¹, освещению тех факторов и процессов, которые ведут к появлению государственности и цивилизации. Как правило, археологи определяют термин «цивилизация», исходя из достижений в области технологии и особенно по наличию монументальной архитектуры и скульптуры. Вполне понятно, почему приоритет отдается именно этим чертам культуры: как раз они-то и представлены обычно лучше всего в археологических материалах, выдержавших разрушительное воздействие времени. Конечно, более важными для решения данной проблемы являются те социальные и экономические процессы, которые сопряжены с этими технологическими достижениями. И они всегда — продукт крупных, хорошо организованных обществ с заметной социальной дифференциацией, которая основана на специализации занятий, богатстве и контроле над властью. Эта политическая структура включает в себя целую пирамиду статусов и должностей с хорошо определенными параметрами верховной власти, прав и обязанностей всех членов общества и представляет собой поразительный контраст к прежней первобытнообщинной системе. Однако совершенно очевидно, что социально-экономическая организация, определенная ранее как цивилизация, — это результат длительного развития, превратившего постепенно небольшие, социально однородные человеческие группы (общины) в крупное и стратифицированное общество².

Следует отметить и большие трудности в решении проблемы происхождения древнейших государств, наличие в исторической науке серьезных противоречий и споров по этому поводу. Что же породило подобную ситуацию? Прежде всего, поразительная скудость информации, касающейся именно данного переходного периода между уровнем «вождества» (chiefdom) и уровнем древнейшей цивилизации. Однако теоретически (и в некотором смысле практически) наиболее существенным препятствием на пути развития подобных исследований является частое непонимание того, что разрушение основ первобытнообщинного строя происходило, как правило, с помощью институтов и форм, уже существовавших в том же эгалитарном обществе. Другими словами, представители нарождающейся государственной власти использовали в своих собственных целях традиционные институты и учреждения предшествующего родо-племенного

¹ Trigger B. Time and tradition. N.Y., 1978.

² Sanders W.T., Price B. Mesoamerica. The Evolution of a Civilization. N.Y., 1968. P. 42—43.

строю. Понятно теперь, что причина многих дебатов о наличии или отсутствии государственной организации в том или ином регионе и в тот или иной период лежит в непонимании одного ключевого момента: в обществах переходного типа, где новые элементы зарождающейся государственной власти спрятаны за старыми традиционными масками, во многих случаях совершенно невозможно точно определить, идет ли речь уже о появлении государства или же здесь продолжает существовать «вождество»³. Этот процесс был длительным и непрерывным, и между обоими названными типами общества не стояло никакой Великой Китайской Стены.

Ниже я попытаюсь проследить процесс эволюции политической системы у древних майя, для которых, помимо археологических материалов, имеются еще и богатые этноисторические данные.

Первые города-государства появились в равнинных лесных областях майя (Южная Мексика и Северная Гватемала) в конце I в. до н.э. Их независимое развитие было насильственно прервано испанскими завоевателями в XVI в. н.э. Таким образом, история майяской цивилизации насчитывает не менее 1500 лет. Обычно исследователи разделяют этот длинный период на два хронологических этапа: классический (I тыс. н.э.) и пост-классический (X—XVI вв.). Представляется совершенно очевидным, что корни классической майяской цивилизации и государственности нужно искать в предшествующем, так называемом «доклассическом» периоде (I тыс. до н.э.), на уровне местных «вождеств». Некоторые интересные данные на этот счет содержатся в мифах, эпических преданиях, легендах и древних ритуалах индейцев майя, таких, например, как «Пополь-Вух», «Анналы Какчикелей», хроника Диего де Ланды и др.

Отчетливое отражение основных институтов, свойственных эпохе «вождества», мы находим в некоторых архаических пластах эпоса майя-киче «Пополь-Вух»: «... Племена собрались вместе, устроили совет и созвали всех... И вот тогда собрались все племена, все вооруженные своими луками, стрелами и своими щитами. И невозможно было описать богатство их украшений, поистине прекрасен был вид всех вождей и воинов...»⁴. Из данного отрывка следует, что в некую отдаленную эпоху дела у племен майя-киче решал совет вождей, получивший одобрение со стороны народного собрания, в состав которого входили, однако, лишь воины, т.е. все взрослые вооруженные мужчины.

Постепенное возвышение верховного военачальника, военной знати, опиравшихся на вполне реальную силу в лице воинов, жаждущих добычи и новых захватнических походов, показывает другой эпос горных майя — «Анналы Какчикелей». Так, во время легендарных странствий семи племен из Толлана на юг, в стране Оломан у какчикелей произошло открытое столкновение вождей, поддержанных молодыми воинами, с остальной частью племен. Речь шла о том, идти ли с боями дальше, за что ратовали вожди, или повернуть назад. Чтобы сломить сопротивление соплеменников, вождям пришлось прибегнуть к открытой угрозе: «И сказали тогда воины — кто выступит против нас, воинов, несущих смерть, и чье оружие хорошо известно?»⁵. Вместе с тем эти же воины составляют наиболее действенную и активную силу в народном собрании, оказывая подчас решающее влияние на выбор того или иного вождя. «Вы — наши вожди, наши ведущие главы», — так сказали все воины семи племен, обращаясь к Гагавицу и Сактекауху»⁶. Эволюция важнейших общественных институтов эпохи «вождества» представлена в «Анналах Какчикелей» вполне

³ Аверкиева Ю.П. О месте «военной демократии» в истории североамериканских индейцев // СЭ. 1970. № 5. С. 44.

⁴ Пополь-Вух. М., 1959. С. 107—108.

⁵ Memorial de Solola. México, 1950. P. 60.

⁶ Ibid. P. 74.

отчетливо. В одном месте там говорится, что, «будучи избраны всеми, эти правители пришли к власти»⁷. В другом отрывке эпоса число «выборщиков» сокращается уже до «глав семейств и кланов»⁸. И, наконец, спустя какое-то время, когда верховная власть прочно обосновалась в руках одного определенного («династического») рода или линиджа, наследственный принцип передачи царской власти был окончательно узаконен⁹.

Можно достаточно уверенно предполагать наличие у майя на ранних этапах формирования государства периодической смены власти между представителями двух фратрий племен — «летней» и «зимней», т.е. наличие так называемых «сезонных» вождей, правивших попеременно по полгода, один — зимой, другой — летом. Далекой реминисценцией этой начальной ступени в сложении органов верховной власти служат у майя и первые четко выделившиеся к III в. н.э. атрибуты царской власти в виде ритуальных («змеиных») полос (*ceremonial bar*), на концах которых постоянно изображались то боги грозы и дождя, то боги солнца (дождь — лето, солнце — зима, засуха)¹⁰.

Анализируя содержание Дрезденской иероглифической рукописи майя (XII в. н.э.), Ю.В. Кнорозов установил, что в царстве богов, как и у людей, согласно древним племенными традициям, майяские божества распределялись на две фратрии. «В летнюю фратрию (которую символизирует голубой змей) входят бог неба Ицамна, бог изобилия Йум Виил, бог ветра и дождя К'аш-иш (Чаак), бог и богиня грома Тит Соот (Чичик Соот), бог долин Шангом, бог купцов Хек Ч' уу-ах, бог огня Мош... и др. В зимнюю фратрию (которую символизирует красный змей) входят бог смерти Йум-Цек', бог войны Х'ун-Лах П'е, бог солнца Кинг-бен-цилаан (ст. К'ин и Ич Ах-Ав), бог сова и др. В мистических циклах божества двух фратрий правят поочередно. Многие циклы разделены между богами Ицамна и Йум Цек, — очевидно, главами фратрий»¹¹.

В дальнейшем эта двухчленная структура была заменена другой — четырехчленной. Идеальное племя у майя состояло теперь из четырех равноправных фратрий или групп родов. Представители их ежегодно в рамках четырехлетнего цикла сменяют друг друга у власти. То же самое происходило и у богов (четверка «великих богов» по Ю.В. Кнорозову)¹². Аналогичные воззрения отражены у майя в ритуале старого предновогоднего праздника Вайеяб, когда в течение пяти дополнительных, «роковых» дней (год у майя состоял из 18 месяцев по 20 дней плюс 5 дополнительных дней) жители каждого селения на Юкатане избирали высшее должностное лицо — «князя» — сроком на один год. И так — в течение четырех лет¹³.

Подобная ситуация в виде реминисценции, своеобразного пережитка известна и в материалах классического периода майя. На полихромном расписном глиняном сосуде VII—IX вв. н.э. (сосуд № 19 из альбома М.Д. Ко, 1978) изображена «дворцовая сцена»: верховный правитель по имени «Вихрь Дротиков» выслушивает, сидя на троне, доклад своего полководца, «Ястреба-Добычника». Здесь же присутствуют еще два персонажа в пышных костюмах. Все четверо имеют титул «ла», что эквивалентно термину «ахав» (*ahau*) — «царь», «господин»¹⁴. Следовательно, перед нами — правящая четвертка: верховный прави-

⁷ *The Annals of the Cakchiquels*. Norman, 1956. P. 87.

⁸ *Ibid.* P. 80.

⁹ *Ibid.* P. 87.

¹⁰ *Guillemin G.F.* Development and function of the Tikal ceremonial center // *Ethnos*. 1968. № 1—4.

¹¹ *Кнорозов Ю.В.* Иероглифические рукописи майя. Л., 1975. С. 253—254.

¹² *Он же.* Заметки о календаре майя (монумент «Е» в Трес Сапотес) // *Латинская Америка*. 1973. № 6. С. 87.

¹³ *Ланда Диего де.* Сообщение о делах в Юкатане. М.-Л., 1955. С. 169—170.

¹⁴ *Сое М.Д.* *Lords of the Underworld*. Princeton, New York, 1978.

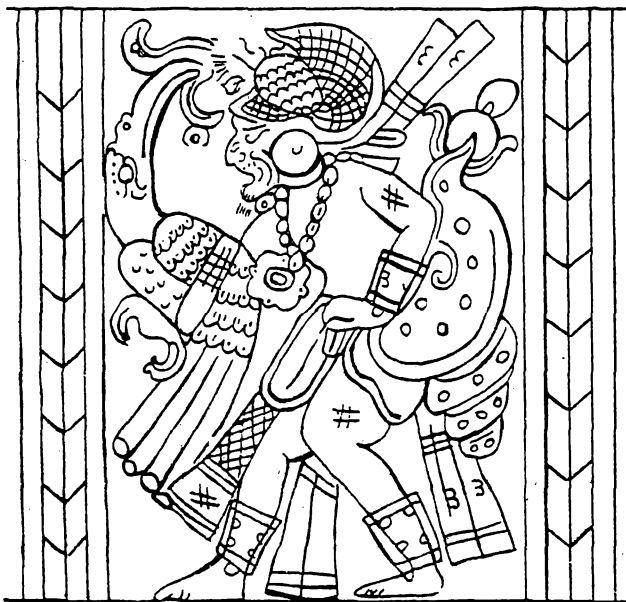

Рис. 1. Бог-распорядитель, бог-улитка, Хо-Ваай-Тун. Роспись на глиняном сосуде майя классического периода (I тыс. н.э.) из горной Гватемалы, район Чама

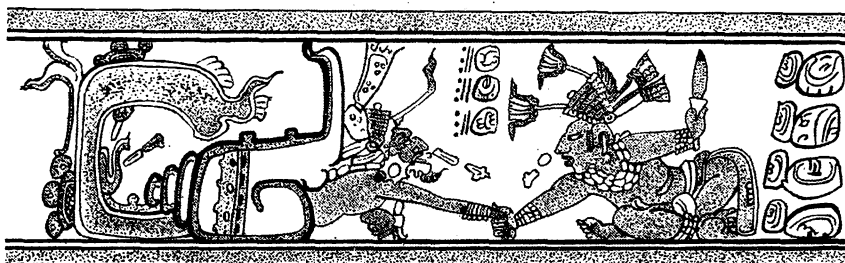

Рис. 2. Персонаж с кремневым (или обсидиановым) кинжалом вытаскивает из раковины за руку бога-улитку, одного из повелителей Подземного царства (он же бог «N»), чтобы убить его. Деталь росписи на полихромном сосуде майя 700—900 гг. н.э.

Рис. 3. «Старый бог» с факелом во лбу, выглядывающий из широко открытой пасти змеи (бог-распорядитель?, повелитель Подземного царства смерти?). Фрагмент росписи на сосуде майя конца I тыс. н.э.

тель и три его сопровителя, занимающие разные высокие посты в государстве. Четырехчленное деление верховной власти отмечено у многих групп майя X—XVI вв.: в Акалане у майя-чонталь, у майя-ицев в Петене (Гайясаль), у киче и какчикелей в горной Гватемале. Но это — лишь имитация старых порядков. В действительности вся полнота власти находилась уже с первых веков нашей эры в руках одного пожизненного правителя, а три его бывших соперника из других фратрий (групп родов) превратились в высших сановников и военачальников государства, да к тому же нередко происходивших из одной семьи или линиджа.

Исключительный интерес для исследования ранних форм государственности у майя представляет весьма своеобразная «должность» бога-распорядителя, наблюдавшего на «майяском Олимпе» за правильной сменой власти среди великих небесных богов. Аналогичная должность существовала и в реальной жизни: в качестве ее носителя выступал, по-видимому, верховный жрец. Во всяком случае, у юкатанских майя в X—XVI вв. н.э. упоминаются в письменных источниках жрец Вайом Ч'ич, бывший «стражем циновки ягуара», т.е. царского трона¹⁵, а верховный жрец из рода Ах Май носил весьма красноречивый титул Ах-ав Кануль — «Страж Владыки» (т.е. царя, правителя)¹⁶. О том, что смена власти в далекой древности происходила у майя раз в год, во время пяти предновогодних «роковых» дней, уже говорилось выше при описании ритуала Вайеяб. Но здесь следует добавить о прямом участии в этой важной церемонии бога-распорядителя (и, видимо, его земного двойника — верховного жреца). Знаменательно, что в доме «князя», выбираемого жителями селения на один год, всегда помещали статую очередного правящего бога, а перед ней устанавливали статую бога-распорядителя. После окончания торжеств статую правящего бога относили в храм, а фигуру бога-распорядителя перемещали в ту часть селения, где находилось изваяние следующего правящего бога¹⁷.

В классический период у майя (I тыс. н.э.) бог-распорядитель носил титул Ах'-кан-ваай-тун или Ах'-хо-ваай-тун — «владеющий четырьмя (или пятью) зловещими днями года». Он изображался в виде лысого старика с морщинистым лицом и впалым беззубым ртом, часто с раковиной улитки на спине. Несомненно, что он был одновременно и богом дождя (рис. 1, 2). В реальной жизни правитель выступал в качестве имперсонатора очередного правящего бога, а верховный жрец — имперсонатором бога-распорядителя — Хо-Ваай-Туна.

Во времена составления Дрезденской рукописи, т.е. после завоевания Юкатана тольтеками в X в. н.э., бог-распорядитель стал носить титул Мам («дед», «дед по материнской линии») и имя Йуу-аан (Д 54—57). Бог изображался со звериной головой и хвостом и в странной юбке из несшитых полос на поясе, обвешанном раковинами; в заплочном мешке или сумке Мам несет за спиной очередного бога-правителя; в руках у него трещотка и длинный жезл с кольцами и изображением кисти человеческой руки наверху; на голове — убор наподобие колпака. Опознать, какой именно зверь изображен в роли Мама, пока не удастся. Возможно, это кошачий хищник¹⁸ (рис. 3, 4).

Примечательно, что когда войска Майяпанской коалиции захватили в XIII в. город Чичен-Ицу на севере Юкатана, то были лишены власти правитель с титулом Чаак (имперсонатор бога-правителя) и персонаж с титулом Йуу-аан (имперсонатор бога-распорядителя)¹⁹. В XVI в. бога-распорядителя на Юкатане также называли Мамом. Он принимал, судя по описаниям, активное участие в смене у власти правителя в конце каждого года во время праздника Вайеяб.

¹⁵ Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М.—Л., 1963. С. 24.

¹⁶ Он же. Иероглифические рукописи... С. 254—255.

¹⁷ Ланда Диего де. Ук. соч. С. 169—170.

¹⁸ Кнорозов. Иероглифические рукописи... С. 255.

¹⁹ Coe M.D. The Maya scribe and his world. N.Y., 1973.

Рис. 4. Бог-распорядитель Мам в зооморфном виде. Фрагмент из иероглифической Дрезденской рукописи майя, XII в. н.э.

Как сообщает испанский летописец Лопес де Когольюдо, «у них был кусок дерева, который они одевали наподобие сделанных из соломы фигур мальчиков, употребляемых в бое быков. Они помещали его на сидении *на циновке* (курсив мой. — В.Г.). Они давали ему пищу и дары во время праздника под названием Вайеяб... И они называли его Мам, дед...»²⁰. Исследователь юкатанских майя в XIX в. Хуан Пио Перес отмечал, что «в роковые дни (перед началом Нового года. — В.Г.) майя справляли праздник в честь бога *Мама*, чтобы избежать бедствий и болезней, угрожавших людям в это время. В первый день праздника статую бога *Мама* всюду носили и чествовали с большой торжественностью... А на пятый день уносили (статую. — В.Г.) с прощальной церемонией...»²¹.

Самую подробную характеристику этого ритуала с участием бога-распорядителя (Мама. — В.Г.) дает испанский епископ Диего де Ланда (1566 г.): «В год... К'ан... они делали изображение или полую фигуру из глины демона, которого они называли Кан-у-Вайеяб, и относили его на курганы из сухого камня... в южной стороне (селения. — В.Г.). Избирали князя селения, в доме которого справлялся в эти дни праздник. Чтобы справиться с ним, они делали статую демона, которого называли Болон Ц'акаб, и помещали ее в доме князя, выставляя в общественном месте, чтобы все могли подойти... Они помещали изображения (К'ан-у-Вайеяба. — В.Г.) *на жердь, называемую к'анте*, поставив ему на плечи ангела и знак воды... Этим ангелов они рисовали и делали ужасными. И так они относили [статую] с большим ликованием и танцами в дом князя, где находилась другая статуя [бога] Болон Цакаба... Войдя в дом князя, они помещали это изображение напротив статуи демона, которая там находилась, и подносили ему много даров и кушаний и напитков, из мяса и рыбы...»²².

²⁰ *Cogolludo Diego Lopez de. Historia de Yucatan. Mérida, 1892—1895.*

²¹ *Pio Perez J. Diccionario de la lengua maya. Mérida, 1866—1877.*

²² *Ланда Диего де. Ук. соч. С. 169—170.*

Рис. 5. Образцы «змеиных» («ритуальных») полос с территории майя. Классический период (I тыс. н.э.)

Какой именно бог скрывался под титулом *Мам* в XVI в., остается загадкой. Не исключено, что это были четыре бога дождя, аналогичные Чакам.

В классический период (I тыс. н.э.) в иконографии майя бог-распорядитель, надежно отождествляемый сейчас с богом-улиткой, часто изображался на полихромной расписной керамике, происходившей из наиболее пышных гробниц майяской элиты. Он был богом «V» неба среди 13 небесных богов пантеона майя, а также одним из правителей Шибальбы — подземного царства мертвых (это бог «N» по П. Шелльхасу и М.Д. Ко). Следовательно, и в I тыс. н.э. бог-улитка Хо-Ваай-Тун, он же бог-распорядитель, выполнял весьма важные функции, наблюдая за правильностью передачи власти очередному правящему (одному из 12) богу с вручением соответствующих инсигний (рис. 5). Аналогичные процедуры происходили и в реальной жизни, где правитель (он же имперсонатор бога, получающего власть на 20 лет) получал от распорядителя — верховного жреца (имперсонатора бога-распорядителя) законное право на власть и полагающиеся в данном случае царские инсигнии («ритуальные полосы» и «гротескные скипетры» — *Manikin Scepter*). (рис. 6). Первые из них («полосы») появились в иконографии еще в III в. н.э., «скипетры» — не ранее VII в. н.э., да и то не во всех городах майя²³. На мой взгляд, можно уверенно говорить о наличии прямого родства и функционального тождества между «змеиными полосами», с одной стороны, и «гротескными скипетрами» — с другой. В пользу этого сви-

²³ Proskouriakoff T. A Study of Classic Maya Sculpture // Carnegie Institute of Washington Publication. № 593. Washington, 1950. P. 132.

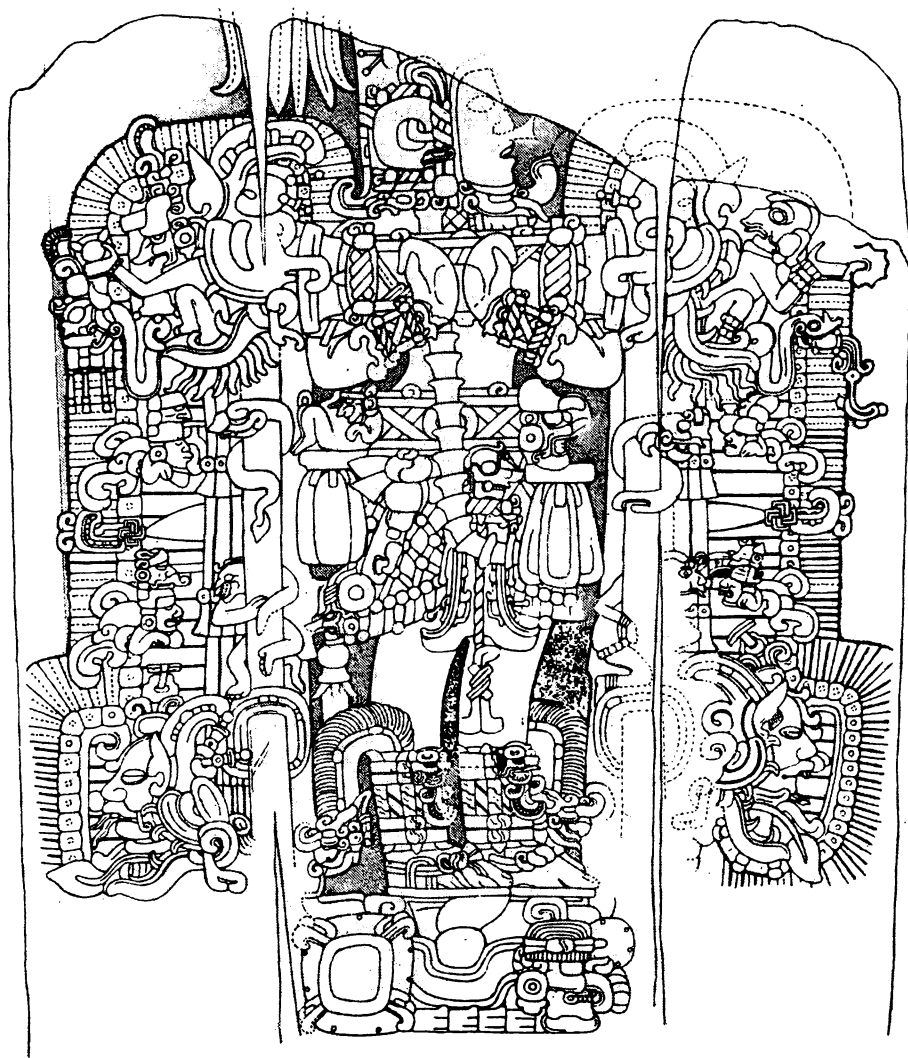

Рис. 6. Прорись изображения на стеле 1, Тикаль, Гватемала, V в. н.э. Правитель с «ритуальной полосой» поперек груди

детельствует, прежде всего, факт частого появления в пасти змей на «полосах» карликового божества с загнутым вверх носом — т.е. божества, ставшего впоследствии главным элементом в оформлении «скипетров». Подобные параллели между двумя типами царских инсигний отмечены с V в. н.э. (стела 1 из Тикаля, 435—445 гг.). Фигурой карликового божка украшалась верхняя часть предмета, а рукоять была сделана в виде гибкого тела змеи, заканчивающегося ее головой с широко открытой пастью. Сходство с рептильной подосновой «змеиных полос» здесь очевидно.

Итак, верхний конец скипетра украшала либо фигурка карликового божка, либо только одна его голова. В подавляющем большинстве случаев этот божок имеет постоянно повторяющиеся характерные признаки: «глаз бога», длинный (реже — короткий) нос, почти во всех случаях загнутый вверх, рептильные

черты в облике, одна нога в виде змеиного туловища, в лобной части — факел или его держатель — трубка с двойным завитком (знак № 036 каталога Ю.В. Кнорозова — «огонь», «дым»). Иногда факел заменен каменным топором-кельтом.

Необходимо отметить и то, что мотив «бога-карлика» со скипетров широко представлен на многих произведениях классического искусства майя, связанных с

Рис. 7. Болон Цакаб, бог «К». Дрезденская рукопись, XII в.

пропагандой силы и могущества правящих династий майяских городов-государств. Что же это за божество? Еще с начала нашего столетия (Э. Зелер) повелось отождествлять карликового бога скипетров с богом «К» из рукописей майя XII—XV вв. и с Ах Болон Цакабом из пантеона XVI в. на том основании, что изгибы огромного и разветвленного носа на изображениях данного божества в Дрезденской рукописи напоминают знак дыма и огня в виде характерного двойного завитка²⁴. Тем не менее при определении основных функций бога «К» — Ах Болон Цакаба среди специалистов до сих пор нет согласия. «Старая гвардия» майянистов (С. Морли, Г. Спинден, Э. Зелер, Д. Бринтон, С. Лотроп и др.) считает это божество богом дождя, ветра, растительности, покровителем земледелия. Ю.В. Кнорозов, со своей стороны, утверждает, что бог «К» (Ах Болон Цакаб) — это бог огня, которого можно сопоставить с древним мексиканским божеством земли и огня (Шиутекутли — Уэуэтеотль)²⁵. Его иероглиф в рукописях XII—XV вв. (№ 289) также имеет знак в виде двойного завитка (№ 036 — «дым», «огонь») и читается как «мох» — «жаровня», «курильница» (см. Мош — бог вулканического огня и земных недр у майя-киче)²⁶. Ах Болон Цакаб, по Ю.В. Кнорозову, — эпитет бога огня (бога «К»). Интересно, что недавно К. Коггинс (США) пришла к выводу о тождестве карликового бога скипетров майя I тыс. н.э. — бога «К» (Болон Цакаба) рукописей и Тохила — бога грозы и огня у майя-киче XVI в.²⁷ (рис. 7, 8).

Не менее примечательным представляется мне и мнение Л. Шели (США) по поводу трактовки образа божка скипетров с топором или факелом во лбу (т.е. бога «К»). Майя, подчеркивает она, очевидно, верили в то, что кремень и обсидиан появлялись тогда, когда молния ударяла в землю, и рассматривали данные минералы как священные, изображая их в персонифицированной форме. Наиболее необычными предметами среди них являются так называемые «фигур-

²⁴ Seler E. Venus period in the picture. Writings of the Borgian Codex Group // Smithsonian Institution. Bulletin of the Bureau of American Ethnology. 28. Washington, 1904. P. 372.

²⁵ Кнорозов. Письменность ... С. 242.

²⁶ Там же. С. 300 сл.

²⁷ Coggins C. The Manikin Scepter: emblem of lineage // Estudios de Cultura Maya. V. XVII. México, 1988. P. 143.

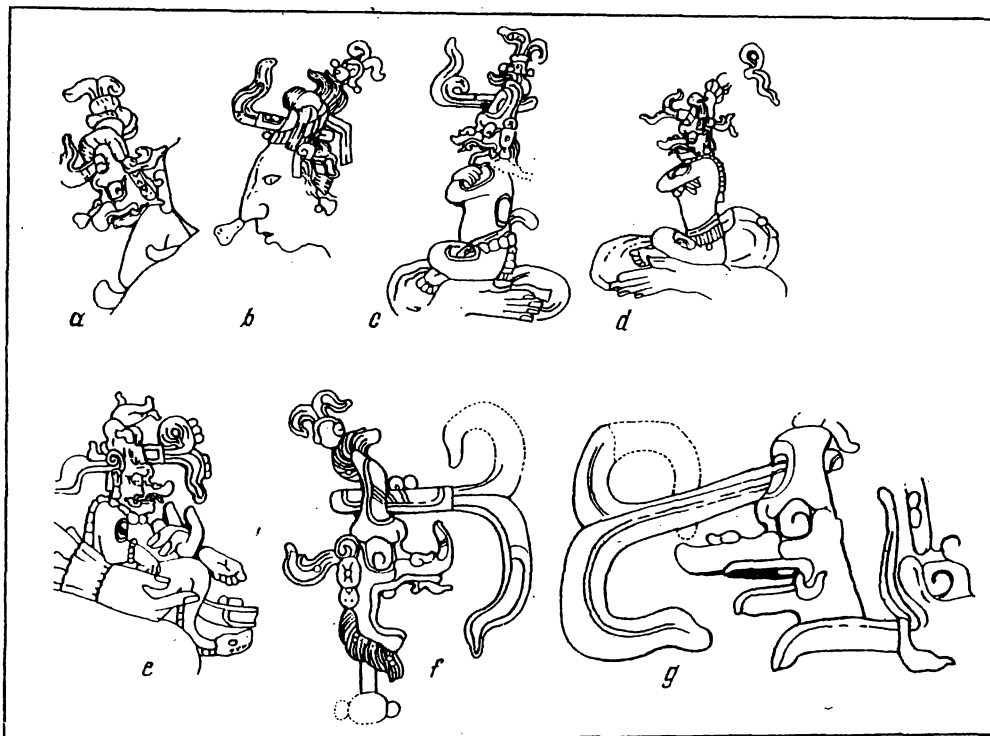

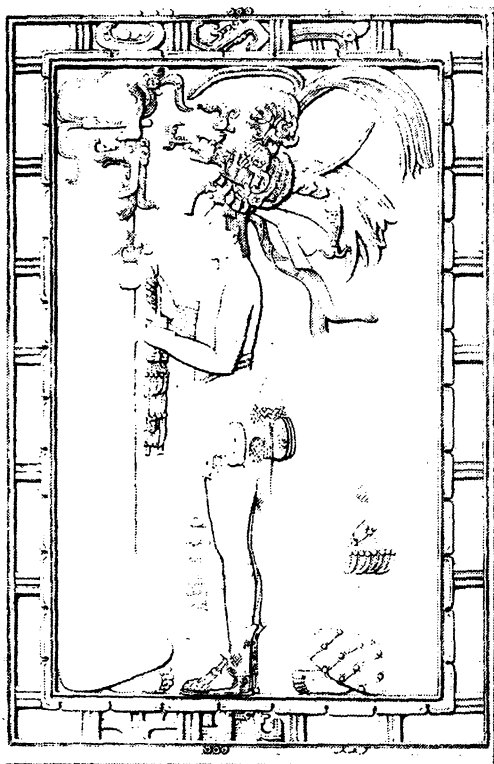
Рис. 8. Образцы бога-карлика, или гротескного божка скипетров в классическом искусстве майя, I тыс. н.э.

ные кремни» (eccentric flints), которые с помощью изощренной техники ретуши и сколов превращали в сложные и многозначные символы священной власти правителей. Большинство фигурных кремней имеет абстрактную форму, но часть из них изображает чисто человеческие лики в профиль с курящимся топором-кельтом бога «К» во лбу. Таким образом, данные лики — это образы бога «К». Но хорошо известно, что во всех других случаях это божество представлено не в антропоморфной, а в зооморфной форме.

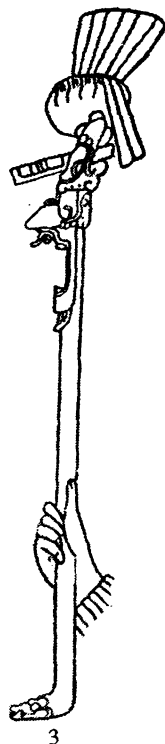
Дважды антропоморфные фигуры бога «К» с топором-кельтом во лбу изображены на монументальных скульптурах: саркофаге в Храме Надписей (Паленке) и стеле П в Копане. То, что они составляют часть портретного изображения уже умершего правителя, вероятно, позволяет объяснить значение и самих фигурных кремней (рис. 9). «Человеческие профили, изображенные на кремне, могут быть образами умерших предков. Если это так, то майя обрабатывали материал, который, по их представлениям, был создан ударом молнии, и изготовляли предмет, воплотивший и собравший в себе силу, исходящую от душ умерших»²⁸. Испанский исследователь Мигель Ривера Дорадо также утверждает, что бог скипетров майя имеет «облик божества огня и грозы, возможно, являясь предком правящих царских родов»²⁹. Наконец, ученица Ю.В. Кнорозова — Г.Г. Ершова при анализе сюжета одного гравированного керамического сосуда из Машкану (Юкатан), VII—IX вв. н.э., выделяет изображение правителя в чашечке цветка водяной лилии с жезлом в левой руке. Жезл же, по ее словам,

²⁸ Schele L., Miller M. *The Blood of Kings*. N.Y., 1986. P. 123.

²⁹ Rivera Dorado M. *Cambios en la religion maya, desde el periodo clasico a los tiempos de Hernan Cortes* // M. Rivera Dorado y Andres Ciudad (eds.). *Los Mayas de los tiempos Tardios*. Madrid, Sociedad Espanuola de Estudios Mayas, 1986. P. 150.

1

3

2

4

Рис. 9. Образцы царских скипетров майя в I тыс. н.э.: 1' — Алябастровый барельеф в «Большом Дворце», Паленке, Чьяпас, Мексика; 2 — Алябастровый барельеф на стене гробницы правителя, Храм Надписей, Паленке; 3 — Цендалес, скульптурное изображение на стене 1; 4 — Барельеф на каменной притолоке 1 из Йашчилана, Чьяпас, Мексика

Рис. 10. Бог-улитка. Изображение на золотом диске (диск «N»). Колодец Жертв. Чичен-Ица, Юкатан

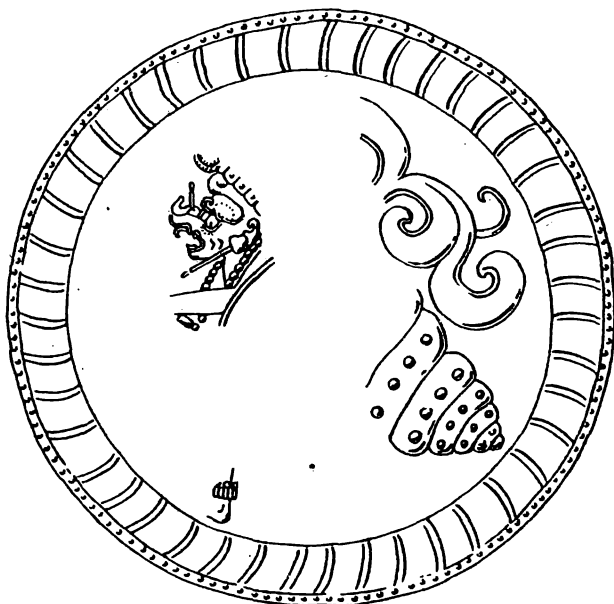

Рис. 11. Бог-улитка. Изображение на золотом диске (диск «O»). Колодец Жертв, Чичен-Ица, Юкатан

Рис. 12. Бог-распорядитель («Мам»), он же бог-карлик скипетров у майя классического периода, сидящий на циновке, на вершине шеста («кан-те» — майяск.; означает не только «дерево», но и «трон», «царское место»). Яшчилан. Барельеф на каменной притолке 12. I тыс. н.э.

украшен головой бога огня в профиль (такой жезл употреблялся при смене власти)³⁰.

В какой же связи находятся бог-распорядитель и карликовый бог скипетров? Приведенные ниже факты свидетельствуют о том, что такая связь между божествами действительно существовала и была достаточно прямой и непосредственной. На резных кусочках обсидиана из ритуального тайника № 161 в Тикале (Северная Гватемала) запечатлена в одном случае голова длинноносого гротескного божка скипетров, цифра 9 и знак, похожий на знак «йуу-аан», т.е. на титул бога-распорядителя в X—XVI вв.³¹ Как известно, важным элементом в иконографии бога-распорядителя была во все времена раковина улитки. Так вот, на рельефе Храма Креста в Паленке есть изображение бога-карлика с топором-кельтом во лбу и выглядывающим из раковины. В руках он держит побеги

³⁰ Еришова Г.Г. Формула возрождения // Латинская Америка. 1985. № 6. С. 118.

³¹ Berlin H. El Templo de las Inscripciones VI de Tikal // Antropología e Historia de Guatemala. 1951. V. III. № 1. P. 38—44.

какого-то растения (возможно, маиса)³². Среди золотых гравированных дисков, поднятых в начале века Э. Томпсоном со дна Священного Колодца Чичен-Ицы (Юкатан) есть сюжеты, где гротескные божки (очень похожие на божков скипетров мая I тыс. н.э.) выглядывают из раковины улитки (диски «N» и «O», X—XII вв. н.э.)³³ (рис. 10, 11, 12).

Наконец, напомним описание праздника Вайеяб у юкатеков в XVI в., когда фигуру Мама (бога-распорядителя) помещают на сиденье-циновку на вершине шеста или жерди и торжественно носят по селению накануне выборов нового правителя («князя») в пять «роковых» дней в конце года. Совершенно аналогичные сцены можно видеть и на рельефных притолоках Йашчилана классического периода (притолоки 6 и 43), но там вместо Мама или бога-улитки мы наблюдаем сидящего на циновке, водруженной на вершину шеста, гротескного божка (бога «К») с курящимся топором-кельтом в лобной части головы. В постклассическое время близкий мотив есть на фреске из Санта-Риты в Белизе³⁴.

Очень интересную группу изображений в классическом искусстве мая составляют и фигуры персонажей антропоморфного (и зооморфного) облика, выглядывающие из широко открытых пастей змей. Последние показаны либо в горизонтальном, либо в вертикальном (стоящими на хвосте) положении. Целая группа таких мотивов представлена на каменных резных притолоках Йашчилана. Там обычно показан выходящим для общения с людьми антропоморфный персонаж в богатом костюме и пышном головном уборе, иногда он вооружен коротким копьем и круглым маленьким щитом (притолока 25 в Постройке 23)³⁵. Немало подобных изображений есть и на полихромных расписных сосудах мая VII—IX вв., где из змеиной пасти выходит то молодой, пышно одетый воин с щитом и копьем в руках, то одутловатый старец с коротким горбатым носом, морщинистым лицом, часто с факелом и знаком огня (дыма) во лбу. В ряде случаев змея, из пасти которой он выглядывает, обвивает своими гибкими кольцами молодую обнаженную женщину. Иногда эти «старцы» держат в руках раковины³⁶. Но, с другой стороны, известно немало произведений классического искусства мая, на которых изображены в пастьях змей именно гротескные божки скипетров (бог «К») с топором-кельтом или факелом во лбу («змеиные полосы» и т.д.). Особенно интересен сюжет скульптуры на стеле «Н» из Киригуа (Гватемала), где из пасти вертикально стоящей змеи выглядывает хорошо нам знакомый карликовый божок скипетров. У него «глаз бога», длинный загнутый вверх нос и беззубый рот («старец!»); из лобной части головы карлика выходит типичный двойной завиток (знак «дым», «огонь» — на майяск. *тоок*). В руках у божка круглый маленький щит и короткое копье³⁷.

На одной из скульптур города Копана (Гондурас) на скипетре правителя вместо обычного бога «К» изображен карлик с головой Тлалока — центрально-мексиканского бога грозы и дождя (культуры Теотихуакана, тольтеков и ацтеков), с характерными кольцами вокруг глаз и длинными оскаленными зубами. Вместе с тем этот божок сохраняет и все обычные для данного мотива черты: двойной завиток-факел во лбу, обнаженное тело, вырастающее из

³² Гуляев В.И. Атрибуты царской власти у древних мая // СА. 1972. № 3. С. 127. Рис. 9.

³³ Lothrop S.K. Metals from the Cenote of Sacrifice, Chichen Itza, Yucatan // Papers Peabody Museum. V. X. № 2, Cambr. Mass, 1952. Fig. 43.

³⁴ Gann T. Mounds on Northern Honduras // Bureau of American Ethnology Annual Report. Pt II. Washington, 1900. P. 665—692.

³⁵ Morley S.G., Brainerd G.W. The Ancient Maya. 4th ed. Stanford, 1983. P. 128. Fig. 4, 24.

³⁶ Robicsek F., Hales D.M. The Maya Book of the Dead. The Ceramic Codex. New Haven, 1981. P. 16—19.

³⁷ Anders F. Das Pantheon der Maya. Graz, 1963. P. 94. Fig. 42a.

змеиной рукоятки и т.д.³⁸ Таким образом, представляется несомненным, что мексиканский Тлалок рассматривался майя I тыс. н.э. в качестве прямого эквивалента их карликовому божку скипетров (бог «К», Болон Цакаб). Тлалок — «тот, кто заставляет все прорасти» — был не только богом грозы и дождя, но и покровителем земледелия, божеством плодородия³⁹. Наконец, в иероглифических рукописях майя XII—XV вв. есть сцены, где из пасти вертикально стоящих змей много раз появляются боги грозы (и войны), тела которых окрашены в зловещий черный цвет, а в руках — оружие (все те же круглый маленький щит и короткое копьё с кремневым или обсидиановым наконечником). Это, по Ю.В. Кнорозову, бог грозы Тош⁴⁰. Таким образом, очевидно, что карликовый божок со скипетров I тыс. н.э. имеет самое непосредственное отношение к грозе, небесному огню, дождю, а тем самым — и плодородию. Топор и факел — также неперенные атрибуты богов-громовников почти во всех религиях мира (Тохиль — у киче, Хун-Тох — у какчикелей, Виракоча — у инков, Перун — у славян и др.). По вполне понятным причинам бог грозы часто выступает одновременно и как бог войны, внушающий ужас врагам и покровительствующий военной знати (копье, щит, топор).

Следовательно, у правителей майя в I тыс. н.э. атрибуты верховной власти (скипетры) были призваны показать тесную связь их обладателей с богами и обеспечить царей сверхъестественным могуществом и властью над силами природы. Одной из важнейших функций этих инсигний было обеспечение водой, дождем возделываемых полей, обеспечение хорошего урожая (гроза — молния — дождь). Но в условиях раннеклассового общества эти инсигнии приобрели и другую, не менее важную для их владельцев функцию — устрашающую, карательную. Царь со скипетром обладал теперь и грозным небесным огнем — испепеляющей молнией, внушающей страх и врагам и подданным.

В заключение не могу не сказать и о другом важном моменте, связанном со скипетрами. Дело в том, что всех персонажей, выходящих из открытых пасть змей в современной мезоамериканской историографии принято отождествлять с обожевленными предками⁴¹. Боги-распорядители (типа бога-улитки, бога «N», Мама и др.), связанные с раковинами, являются божествами жизни и смерти, Подземного мира и возрождения, воскресения на небесах, т.е. теми же богами-предками. Согласно наблюдениям американского этнографа И. Фогта, у майя-цодиль в горном Чьяпасе (Мексика) до сих пор сохраняется вера в то, что жезлы («скипетры») высших должностных лиц получают свою силу лишь благодаря вмешательству божественных предков⁴². Из мифологии многих древних народов мы знаем, что «умершие предки тесно связаны с амбивалентной стихией огня, ассоциированного как со смертью, так и с жизнью, стоящего на грани природы и культуры; причем не только с природным, подземным огнем, но и с домашним»⁴³ (и небесным — гроза, молния. — В.Г.).

Известно, что у индейцев Северной Мексики до недавних времен бог огня считался «Дедом», «Предком» (ср. с Мамом у майя X—XVI вв.) и изображался в виде старого морщинистого человека⁴⁴.

³⁸ Proskouriakoff. Op. cit. P. 101. Fig. 35.

³⁹ Caso A. Pueblo del Sol. México, 1953. P. 57—60.

⁴⁰ Кнорозов. Иероглифические рукописи...

⁴¹ Schele, Miller. Op. cit.

⁴² Vogt E.Z. Staffs of office as symbols of authority among the Maya // The Bulgarian Journal of Folklore. Sofia, 1988. P. 9—12.

⁴³ Бессмертная О.Ю., Рябцини А.Л. Предки // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 334.

⁴⁴ Furst P.T. House of Darkness and House of Light: sacred functions of West Mexican funerary art // Benson E. (ed.). Death and the Afterlife in Pre-Columbian America. Washington, 1975. P. 46—52.

«Особое значение приобретало воплощение первопредка и всех последующих предков в царях и вождях, с которыми связывали общеплеменное благополучие. Сама идея продолжения жизни после смерти была идеей неисчезновения в космосе некоторой силы, которая сохранялась в лице духов предков в иных мирах и одновременно воскресала в этом мире с возвращением или реинкарнацией предка...»⁴⁵. Следовательно, через свои символы власти (скипетр с фигурой бога небесного огня, грозы, дождя, плодородия) земной правитель майя получал не только реальную силу по управлению стихиями природы и обществом, но и легитимизацию своей власти через покровительство божественных предков. Культ предков, и прежде всего, предков царских в классический период истории майя (I тыс. н.э.) играл центральную роль в религии и общественной жизни местных городов-государств⁴⁶.

SCEPTER AND POWER: ON THE INSTITUTION OF ROYALTY AMONG THE ANCIENT MAYA

V.I. Gulyaev

In recent years archaeologists and historians have shown an increasing interest in processual studies that attempt to explain the development of complex societies. Those studies attach particular importance to the explanation of changes in the political organization of the early (or primary) states. Now it is evident, however, that the reason for much of the debate about the presence or absence of state organization in specific regions or periods lies in the misunderstanding of one fundamental point: in transitional societies, with the new emerging elements of state power hidden behind the old traditional institutions, it may not be possible in many cases to determine precisely whether a state was in evidence or a chiefdom continued to exist. The process is long and continuous and between these two types of society there is no watershed.

The king and institution of royalty played a very significant role in the process of state formation.

Further on the author attempts to consider the way in which a combination of various data may improve our understanding of the process of development of political organization in one specific, and very important area of the Pre-Columbian Mesoamerica, in the Maya region.

---

⁴⁵ *Бессмертная, Рябинин*. Предки... С. 334.

⁴⁶ *Гуляев В.И.* Государственная идеология древних майя (К вопросу о культе царских предков) // Проблемы археологии и древней истории стран Латинской Америки. М., 1990. С. 155—185.

© 1993 г.

Ю.Г. Виноградов

ДОРИЙСКИЕ ФИЛЫ В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

Совокупный фонд лапидарной и керамической эпиграфики Херсонеса Таврического — единственной на северном берегу Понта колонии дворян — в основных чертах рисует нам глубоко пронизанный дорийским духом и укладом облик этого города позднеклассической и эллинистической эпох в самых разнообразных сферах его бытия: государственной, культурной, религиозной и частно-бытовой. При таком положении дел естественно было бы ожидать, что и деление херсонесского гражданства по филам копировало аналогичную модель метрополии — Гераклеи, и праметрополии — Мегар, существование в которых трех традиционных дорийских фил — Гиллеев, Памфилов и Диманов документировано целым рядом источников¹.

Действительно, несмотря на отсутствие прямых свидетельств распределение граждан Херсонеса по филам предполагалось и раньше², однако наиболее основательное развитие получило в недавних работах С.Ю. Сапрыкина, который, базируясь — как и его предшественник — исключительно на арифметической логике, пришел к следующим выводам³. Количество членов Совета (24) в декретах 129 и 130 гг. (IOSPE I². 359; ВДИ. 1960. № 3. С. 154 сл.), кратное трем, равно как и распределение их по трем рядам, число архонтов (6), равное числу лиц, на которое ежегодно обновлялась буле — все это вместе взятое свидетельствует о распределении херсонеситов по трем филам, заимствованном из метрополии. Последние две цифры, а также 40 булевтов в декрете НЭПХ. II. 112 (согласно датировке автора — ок. 140 г. н.э.) указывают, по мнению Сапрыкина, на распределение граждан по гекатостиям, каждая из которых выставляла в Совет сначала по шесть ($6 \times 4 = 24$), а чуть позже — по десять

¹ *Aen. Tact.* XI. IO; IG IV. 926; IV². 71; Syll.³ Cp. 431. *Hanell K.* Megarische Studien. Lund, 1934. S. 138—142; *Asheri D.* Über die Frühgeschichte von Herakleia Pontike // *Denkschr. Akad. Wien.* Bd 106. 1972. S. 28. Предположение С. Берстейна (*Burstein S.M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Herakleia on the Black Sea. Berkeley, Los Angeles, London, 1974. P. 21) о том, что филы Гераклеи были названы по месту происхождения колонистов — «Мегарида, Фиваида и Дионисиада», основано на позднеантичной надписи из Пруссады на Гипии (упоминающей, к тому же, не три, а двенадцать фил!), а потому должно быть признано крайне рискованным; ср. *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 36 сл.

² *Кадеев В.И.* К вопросу о составе херсонесского совета (ἡ βουλῆ) в первых веках н.э. // ВДИ. 1971. № 3. С. 127 сл.; *он же.* Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981. С. 64.

³ *Сапрыкин С.Ю.* Херсонесская буле // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 97—99; *idem.* Khersonesos Taurike: New Evidence on a Greek City-State in the Western Crimea // *The Hellenic Diaspora.* V. I. Amsterdam, 1991. P. 234—237.

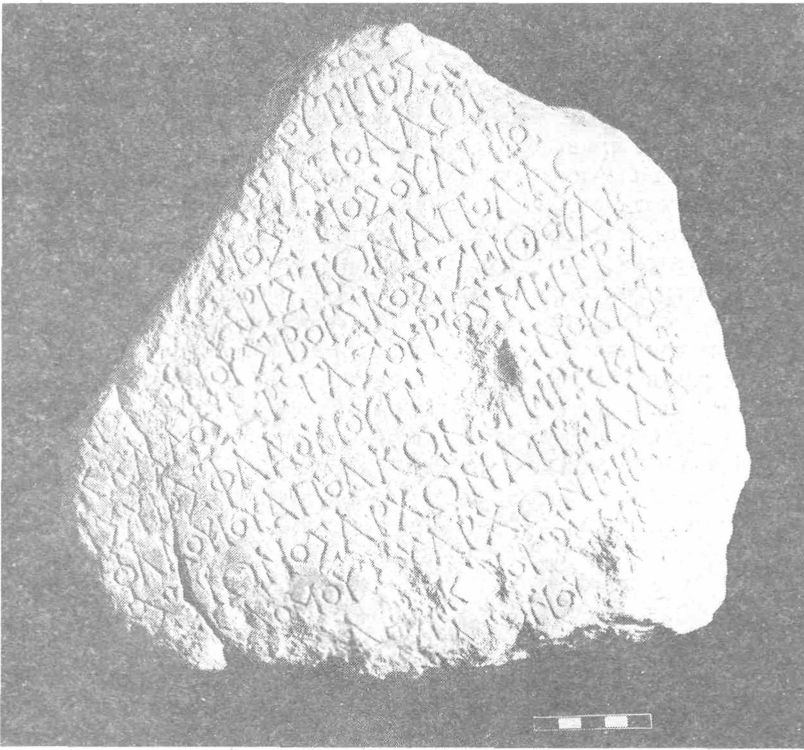

Рис. 1. Фрагмент херсонесского декрета II в. н.э. (КСИИМК. 1947. XV. С. 58 сл.)

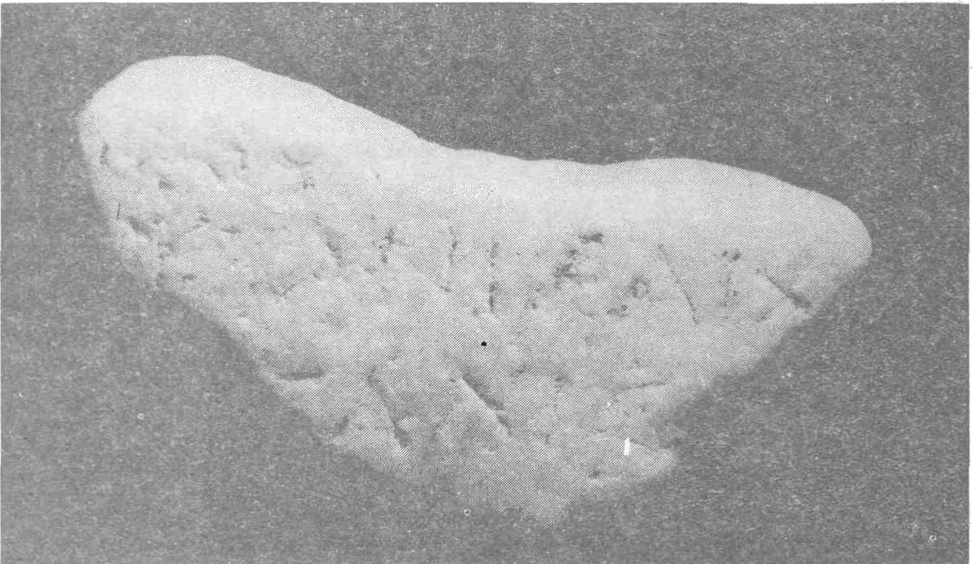

Рис. 2. Фрагмент списка пританов из Херсонеса. Фото

человек, т.е. по одному от каждой фратрии. Данная ситуация *mutatis mutandis* должна была соответствовать той, которая сложилась в Гераклее.

Собственно, все эти вычисления опираются на два, хотя и следующих погодно один за другим, декрета II в. н.э., а потому надежность далеко идущих выводов о численности Совета и подразделении херсонесской общины на филы, гекатостии и фратрии (да еще транспонированных из императорской на колонизационную и эллинистическую эпохи!) может быть поставлена под серьезное сомнение уже одним только предположением о том, «что декреты подписывали не все члены Совета, а лишь те, кто непосредственно присутствовал при подписании документа»⁴, чем (а не преждевременной причиной одного из архонтов, замененного булевтом) и могло быть вызвано сокращение численности коллегии архонтов в 129 г. до пяти членов (в 130 г. их было шесть).

Хрупкость и рискованность всех этих построений наглядно продемонстрировала недавняя расчистка мусора во Владимирском соборе, обнаружившая опубликованный в свое время А.К. Тахтаем, а затем утерянный фрагмент декрета⁵, не только атрибутированный, но и текстуально (не в контакте!) воссоединенный Э.И. Соломоник как фр. «Г» с декретом НЭПХ. II. 112. Еще до этой повторной находки против такой атрибуции решительно выступил В.И. Кадеев, аргументировавший свою негативную позицию различиями в палеографии документов и «нелепыми, с точки зрения римской номенклатуры, именами»⁶. Действительно, для получения связного, удобочитаемого списка булевтов издательница была вынуждена прибегнуть к целому ряду насильственных вторжений в текст⁷. Вновь появившийся на свет фрагмент опубликованного Тахтаем постановления (рис. 1)⁸ окончательно опроверг возможность его присоединения к декрету НЭПХ. II. 112, доказав, таким образом, что до комплектации последнего недостающими частями как документ по численности и составу буле, а также магистратур он должен быть элиминирован.

Однако случаю угодно было распорядиться так, чтобы в руки исследователей попал один маленький, невзрачный на первый взгляд осколок надписи, подаривший нам, наконец, долгожданное прямое свидетельство о делении херсонесского гражданства на три дорийских филы. В 1992 г. М.И. Золотарев случайно обнаружил на морском берегу близ Уваровской базилики обломанный со всех сторон окатанный морем фрагмент плиты белого мелкозернистого мрамора размерами: ширина 0,08, высота 0,04, толщина 0,03 м. На его лицевой отполированной поверхности сохранились остатки четырех строк греческой надписи (следов разлиновки незаметно), выс. букв которой 0,007, расстояние между строками 0,005 м (рис. 2)⁹.

⁴ Пальцева Л.А. О должностных лицах херсонесского Совета в первые века н.э. // ВДИ. 1977. № 3. С. 181.

⁵ Тахтаев А.К. Новая надпись из Херсонеса Таврического II в. н.э. // КСИИМК. 1947. XV. С. 58—62.

⁶ Кадеев. Херсонес Таврический... С. 67. Прим. 52.

⁷ По нумерация строк НЭПХ. II. 112, фр. «Г», стк. 14 — убирается якобы повторенное <νίος>, в то время, как здесь следует читать ген. патронимика типа [Ῥαϋλό] λιος; стк. 15 — первая буква переправлена на (υ), тогда как более резонно дополнить [Τ. Φ] λ. Ῥαίσιτων (ср. № 113); стк. 15/16 — Ἀττίνας; [νίος Διο[υ] ένοος беспрецедентно; стк. 17 — убрано Γ, в то время как это обозначение третьего ряда (·Γ·), вырезанное на месте полузатертого фальшстарта ΑΡ; по восстановлению НЭПХ, в той же строке (фр. «б») еще раз обозначен третий ряд приложивших печати булевтов!; стк. 18 — [νίου] Ἰουλίου беспрецедентно, сткк. 18/19 — при имени Марка Ульпия, сына Флавия Аполлония, отсутствует греч. cognomen; стк. 19 — элиминация якобы повторенного имени «Гераклид» не более чем плод неверного объединения фрагментов.

⁸ Получением его фотографии я обязан любезности М.И. Золотарева.

⁹ Пользуюсь случаем от всей души поблагодарить М.И. Золотарева, дружески предоставившего мне новый памятник для публикации. Хранится в ГХМ, инв. № 76/36504.

ΟΙΔΕΗΙΡΗΝΓΑΙΦΥΛΩΝΓΡΥΤΑΝΕΙΣ
ΥΛΛΕΩΝΓΡΥΤΑΝΙΣΑΙΧΜ
ΓΑΜΦΥΛΩΝΓΡΥΤΑΝΙΣΑ
ΔΥΜΑΝΩΝΓΡΥΤΑΝΤΣ

Рис. 3. Реконструкция списка пританов. Прорись

Несмотря на незначительную сохранность текста дополнение его не представляет особых трудов. Прежде всего бросается в глаза двукратное употребление в сткк. 2 и 3 названия магистратуры [π]ρύτανις; причем в сткк. 3 буквы этого термина подписаны не точно под литерами того же слова предыдущей строки, но со сдвигом на одно место вправо. Отсюда следует, что перед наименованием должности стояло указание конкретной филы, от которой был избран соответствующий притан, а после него — личное имя магистрата, в сткк. 2 начинавшееся на Αιχμ¹⁰, а в сткк. 3 — на Α, Δ или Λ. Сам термин φυλαί с предшествующей дейктической формулой¹¹ сохранила сткк. 1, перед которой, вероятнее всего, должна была стоять датировка по царю-эпониму. На вышеперечисленных основаниях реконструкция всего документа представляется в следующем виде (рис. 3).

[Ἐπὶ βασιλέος τοῦ δεῖνος?]
[οἶδε ἡιρηνη]ται φυ[λῶν πρυτάνεις]
[Ἑλλέων π]ρύτανις Αιχ[μ----]
[Παμφύλων πρύ]τανις Λ----
[Δυμάνων πρύταν]ις ὁ δεῖνα].

За перечнем пританов мог следовать список или каких-либо магистратов данного года, либо граждан полиса по филам.

Датируется надпись достаточно надежно по палеографии. Формы таких букв, как *альфа*, еще не прогибающаяся перекладыны; *ню*, поднимающая правый уголок чуть выше нижнего габарита строки (легкий наклон вправо следует отнести за счет почерка резчика); *сигмы* с отогнутыми под равными углами крайними гасами; *псилона*, не выгибающего усики; отсутствие апицирования, находят абсолютные параллели в Херсонесской присяге (IOSPE I². 401), надписи Агасикла (№ 418), законе об амнистии (SEG XXXIV. 750) и заставляют отнести новый

¹⁰ Composita с первой основой от αιχμή = «копьё», согласно основным ономастическим лексиконам, суть следующие; Αιχμαγόρας, Αιχμαίας, Αιχμέας, Αιχμεις, Αιχμίτων, Αιχμύδοκος, Αιχμύοκλῆς, Αιχμάνωρ, Αιχμάρετος, Αιχμαίρετος, Αιχμύκριτος и т.п. (см. Pape W., Benseler G.E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884³; Bechtel Fr. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917; idem. Kleine onomastische Studien. Königstein, 1981. S. 116; Kirchner J. Prosopographia Attica B., 1901; Münsterberg R. Die Beamtnamen auf den griechischen Münzen. Hildesheim, N.Y., 1973. S. Fraser P., Matthews E. Lexicon of Greek Personal Names. V. I. Oxf., 1987; SEG. Index for v. XXVI—XXXV. Amsterdam, 1990, s.v. В Херсонесе однокоренное ЛИ зарегистрировано только раз — Αιχμῶν, предводитель отряда армянских стрелков в войске Диофанта (Виноградов Ю.Г., Кодеев В.И. Армянские лучники на службе Митридата Евпатора // Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тез. докл. Ереван, 1984, С. 12 сл.).

¹¹ В качестве одной из многочисленных параллелей укажу на Syll³. 725 = Guarducci M. Epigrafia greca, IV. Roma, 1978. P. 169. (Родос, II в. до н.э.): τοῖδε ἀπρέθεν ἱερεῖς.

документ к той же переходной эпохе, т.е. к рубежу IV—III вв., не позднее самого начала III в. до н.э.¹²

Первое эпиграфическое свидетельство не только о филах, но и, особенно, о пританах Херсонеса Таврического трудно переоценить прежде всего в связи с тем, что этот институт не был до сих пор известен ни в его метрополии, ни в праметрополии, ни в сестринских колониях¹³. Судя по всем наличным источникам, коллегиальная притания теснейшим образом связана с полисными филами, поочередно исполнявшими функции дежурного органа Совета, который подготавливал и проводил заседания буле и экклесии¹⁴. До сих пор предполагалось, что подобные prerogatives были возложены в Херсонесе на эсимнетов — аналогов афинских пританов¹⁵, председатель которых — *πρόσιμνῶν*, зафиксирован, однако, в датировочных формулах всего лишь двух документов II в. до н.э.: в клаузулах знаменитого Диофантова декрета IOSPE I². 352.57 и чуть более старшего постановления № 690. В свете публикуемой надписи вопрос этот выглядит не так однозначно: либо эсимнеты вообще не выполняли пританских функций, либо на протяжении эллинистической эпохи была предпринята реформа государственного устройства, по которой они сменили пританов.

Нам осталось выяснить, откуда и в связи с какими обстоятельствами появились в Херсонесе пританы и был издан соответствующий документ. Ф. Гшницером было убедительно показано, что в таких полисах, как Милет или его апойкия Кизик, притания в роли исполнительного органа Совета была скопирована с модели демократических Афин¹⁶. В Милете это случилось в то время, когда полис стал членом Архэ. Повторно основанный Херсонес¹⁷ являл собой в последней четверти V в., по-видимому, еще довольно субтильный полисный организм, чтобы сделаться объектом вожделений афинской гегемонии. Однако доподлинно известно, что его метрополия — Гераклея, по крайней мере не позже 425 г. вошла в состав Первого Афинского морского союза¹⁸. Поскольку, как известно, афинские союзники охотно копировали аттические политические и правовые модели¹⁹, можно с полным основанием предположить, что булеватическая притания появилась в Гераклее в связи именно с этим событием, а чуть позже была перенесена во вновь основанную в 422—421 гг. таврическую

¹² Подробнее см. *Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* Образование территориального Херсонесского государства // *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 1990. С. 334 сл.

¹³ Изучение притания значительно облегчилось с выходом превосходной работы: *Gschnitzer F.* Prytanis // *RE. Supplbd XIII*. 1974. Sp. 730—816. Коллегия пританов документирована в материковой Греции только для Афин, Дельф, Эгер или Стимфала, Трезена, Деметриады (*ibid.* Sp. 778 f.); в Вифинии притания (неясно, единоличная или коллегиальная) засвидетельствована лишь в Никее и Прусиаде на Гипии (*ibid.* Sp. 536). Видимо, не случайно личное *nom parlant* *Πρύτανις* всплывает в верхушке херсонесского общества как раз в III в. до н.э.; свидетельства надписей монет и клейм см. Соломоник Э.И., Николаенко Г.М. // *ВДИ*. 1990. № 2. С. 94. № 4.

¹⁴ *Gschnitzer*. *Op. cit.* Sp. 791 f., 794 f.

¹⁵ *Кадеев*. К вопросу ... С. 127 сл.; *Пальцева*. Ук. соч. С. 177 сл.

¹⁶ *Gschnitzer*. *Op. cit.* Sp. 760 f., 791, 794. Ср. еще более категорично: *Ehrhardt N.* *Milet und seine Kolonien*. Frankfurt, Bern, New York, Paris, 1988². S. 207 f.

¹⁷ О древнейшем Херсонесе см. *Vinogradov Ju., Zolotarev M.* *La Chersonèse de la fin de l' archaïsme // Le Pont-Euxin vu par les Grecs*. P., 1990. P. 85—119.

¹⁸ В этом году полис фигурирует в списке трибутивных союзников (*Meritt B.D., West A.B.* *The Athenian Assesment of 425 B.C.* *Ann. Arbor*, 1934. P. 68, 87 f.; *Meritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F.* *The Athenian Tribute Lists*. V. I. *Cambr. Mass.*, 1939. P. 539), а в следующем — туда отправился с флотом Ламах для взимания фороса (*Thuc.* IV. 75; *Diod.* XII. 72. 4; *Justin.* XVI. 3). Ср. *Сапрыкин*. Гераклея Понтийская... С. 46 сл. (с лит.). Не исключено, что принятие Гераклеи в члены Архэ произошло в ходе Понтийской экспедиции Перикла см. *Виноградов Ю.Г.* *Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н.э.* М., 1989. С. 131.

¹⁹ См. *Виноградов*. *Политическая история*... С. 130 сл.; *он же*. Табличка дикаста из Эрмитажного собрания // *Античная балканистика*. М., 1987. С. 14.

апойкию. Непосредственным же поводом для издания новонайденного документа могли явиться те социально-политические потрясения, которые Херсонесский полис пережил на рубеже IV—III в.: в результате неудавшейся попытки олигархического переворота из города выселилась часть антидемократически настроенных изгнанников, основавших на окраине дальней хоры свой конфронтационный «центр власти». Определенное время спустя какой-то контингент оппозиционеров вернулся в город по закону об амнистии, примирившись с демократами²⁰. Как показывают исторические параллели²¹, в такой ситуации часто прибегали к пересмотру городских архивов — прежде всего списков полноправных граждан, а также магистратов. А поскольку одной из прерогатив пританов, например, в эллинистическом Милете, была регистрация новоиспеченных граждан и распределение их по филам²², издание занимавшего наше внимание документа следует признать вполне сообразным с той исторической обстановкой, которая сложилась в Херсонесе Таврическом к началу III в. до н.э.

DORIAN TRIBES IN TAURIC CHERSONESUS

Yu.G. Vinogradov

So far the citizens of Chersonesus have been distributed among the three Dorian tribes (*Hylleis*, *Pamphyloi* and *Dymanes*) solely on the basis of arithmetic logic: the number of the council members (24) in the two decrees of the 2nd century A.D. enabled S.Yu. Saprykin to postulate the existence of three tribes, four *hekatosteis* and forty phratries in the city, as well as to extrapolate the presumptive data from the Roman to the colonial and Hellenistic epochs. A second find of a fragment of a decree wrongly attributed earlier to document NEPCh 2.112. shows the danger of such reasoning.

Last year a small fragment of an inscription was accidentally found in Chersonesus which offers direct evidence of the distribution of the Chersonesians into the three traditional Dorian tribes. It is a list of Prytaneis, elected from every tribe for arranging and holding meetings of Boule and Ecclesia, prefaced by a deictic formula. The Bouleutic Collegiate Prytania the existence of which has so far not been proven either in the metropolis (Heraclea) or in the prametropolis (Megara) or in the sister-colonies of Chersonesus appeared in this Tauric polie most likely due to the fact that its metropolis (Heraclea) shortly before the withdrawal of *apoikia* to the Crimea joined the allies of the Athenian Empire and like Milet copied the Attic state model. The sociopolitical upheavals which Chersonesus suffered at the end of the 4th — the beginning of the 3rd centuries B.C. may have led to the appearance of the newly-found document.

²⁰ Подробнее см. *Виноградов, Щеглов. Уч. соч. С. 334—361.*

²¹ Ср. с событиями на Фасосе в начале IV в. до н.э.: *Pouilloux J. Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos. P., 1954. P. 193—286.*

²² Ср. *Gschnitzer. Op. cit. Sp. 762.*

АХЕМЕНИДСКАЯ РУКОЯТЬ С ПРОТОМОЙ ГРИФОНА ИЗ ХРАМА ОКСА

Из нескольких десятков предметов ахеменидского времени, найденных в храме Окса на Тахти Сангине среди 5000 единиц храмового инвентаря, достаточно большой интерес представляет высококачественная рукоять из слоновой кости, открытая между коридорами № 3 и № 6 в дверном проеме¹.

Цитадель Тахти Сангина расположена в центре города лежащего узкой (до 300) и длинной (около 3000 м) полосой на второй и третьей надпойменной террасах на правом берегу Окса — Амударьи, в самом ее верховье между горным кряжем Тешик-Таш (церья Памира) и руслом реки, в древности более полноводным. Город, так же как и крепости (Тахти Кубад 1 и 3), был стратегическим форпостом, охраняющим древнюю переправу через Окс в месте слияния Вахша и Пянджа (рис. 1).

Храм Окса расположен в центре укрепленной цитадели (рис. 2). К нему с востока от берега реки ведет поднимающийся в сторону храма пандус, проходящий через несколько ворот и привратных сооружений, включающих и парадные колонные пропилеи, вымощенные каменными плитами (рис. 3). Цитадель Тахти Сангина (или Тахти Кубада 2) обрамлена мощной (от 7 до 9 м) стеной, выложенной из сырцовых кирпичей (0,50 × 0,50 × 0,14 м) поздне-ахеменидского — раннеэллинистического стандарта, и снабжена подквадратными, монолитными башнями (более 12 м в стороне). В юечжийско-великокушанский период священный участок включается в цитадель (237 × 167 м), которая в свою очередь обрамляется каменной стеной из небрежно околотого камня (толщиной 2,2, м) и укрепляется башнями (вся эта фортификационная ситуация отчетливо видна на снимке, сделанном с вертолета) (рис. 2).

¹ Вслед за опубликованными ахеменидскими ножами акинака и небольшой частью из 50 найденных бронзовых стрел VI—IV вв. до н.э. (см.: Литвинский Б.А. Бронзовые наконечники стрел из Тахти Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 153—157) авторами начата публикация целого ряда первоклассных памятников ахеменидского искусства, переключаящихся с культовыми приношениями, составляющими Клад Окса, найденными где-то вблизи храма Окса на правом берегу реки Окса (совр. Амударья) более 100 лет назад. См.: Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84—109; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ножи акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. № 3. С. 87—110; он же. Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. 1992. № 3. С. 94—111; *idem*. Panterae Antesedentes. A Corinthian Motif in Bactria // EW. A Special Number Published in Collaboration with VDI, IsMEO. 1992. V. 42. № 1. P. 69—84; *idem*. The Temple of the Oxus // JRAS. 1981. № 2. P. 133—167; *idem*. Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale // Revue archéologique. 1981. № 2. P. 195—216. Общее мнение авторов о месте находки и составе посвяtitельного инвентаря Клада Окса см.: Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. С. 45—118; Pitschikjan I.R. Oxos-Schatz und Oxos-Tempel. Achämenidische Kunst in Mittelasien / Antike in der Moderne. В., 1992. Об аналогичных рукоятях и ножах махайр см.: Пичикян И.Р. Парадные ножи греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 264—272; он же. Ножи ксифосов и махайр в Северной Бактрии // СА. 1980. № 4. С. 202—212. Рукоять с головой грифона найдена в храме Окса в 1981 г. рядом с другим шедевром ахеменидского искусства — завершением ритона в виде протомы льва (в печати) у западной стены коридора № 3 в дверном проеме, ведущем в коридор № 6 на том же полу (1 м над материком), датируемом великокушанским временем.

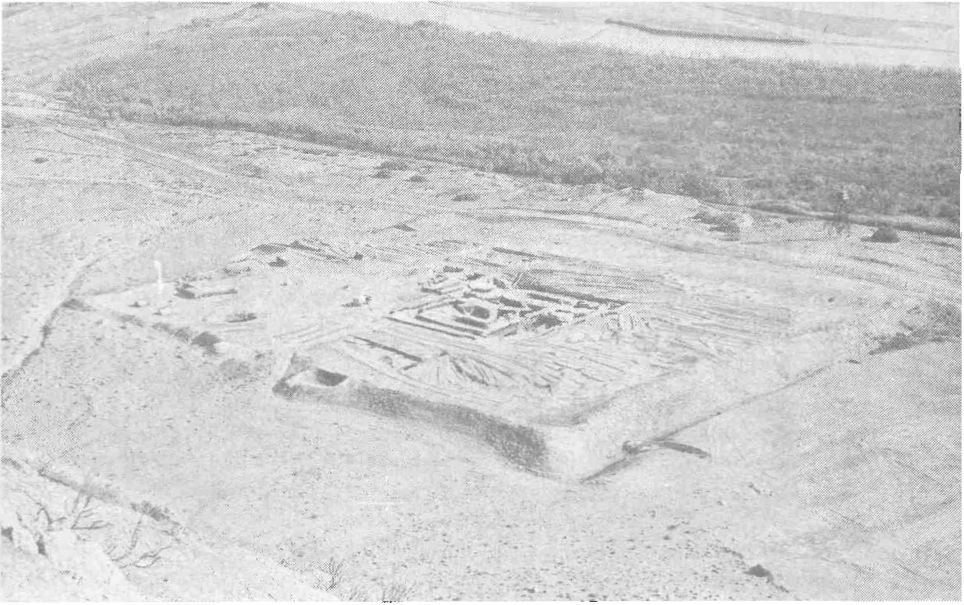

Рис 1. Урочище Тахти Кубад. Место слияния Вахша с Пянджем, правобережье верховья Окса — Амударьи, где был найден клад Окса и где был открыт храм Окса. Фото И.Р. Пичикяна

Рис. 2. Храм Окса после засыпки центрального зала и обводных коридоров. Вид сверху. Фото И.Р. Пичикяна

Навершие рукояти в виде шеи и головы орлиноголового грифона² имеет форму фигурного стержня, увенчанного скульптурной головой. В основании шеи

² Краткое описание: Древности Таджикистана. Каталог выставки. Л., 1985. С. 71—72; № 85; Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan. Zürich, 1989. S. 36. Taf. 7; Пичикян. Культура Бактрии... С. 102, 103. Илл. 18; *Pitschikjan*. Op. cit. S. 50, 51. Abb. 26, 27.

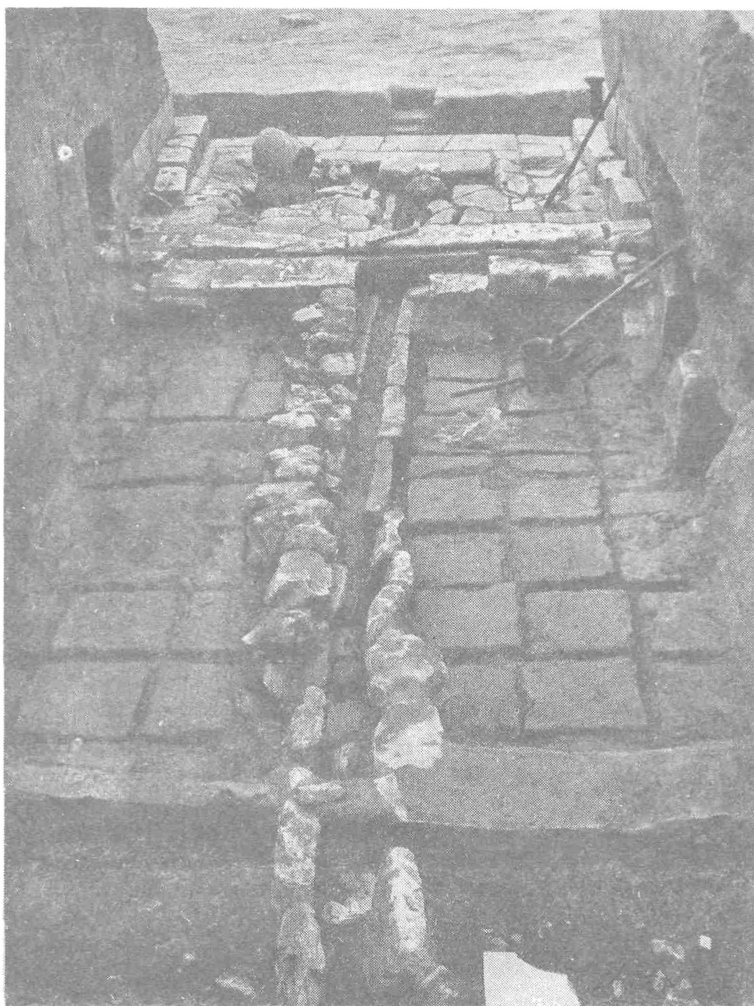

Рис. 3. Пропилеи — парадный вход в храм Окса. Фото Д.И. Ковалева

передний фас сколот. Нижний торец основания плоский с прямоугольным гнездом (6×7 при глубине 40 мм) (рис. 4). Над прямоугольной нижней частью (впрочем, профиль переднего фаса неизвестен) начинается овальная в сечении сужающаяся вверх вертикальная шея. Она увенчана головой хищной птицы, вероятно, орла, выполненной с замечательным мастерством. Основание клюва прямое, на нижней поверхности продольный центральный желобок, верхняя же часть изогнута дугой, причем конец клюва закрывает основание и даже опускается ниже его. Между половинками клюва — щель в виде широкого полуовала. Основание и верхняя дугообразная части клюва окружены валиком, на котором видны мелкие зубчики — зубы. Внутри клюва имеется изогнутый, поднимающийся вперед язык, небо проработано елочкой. Передняя часть головы имеет в профиль вид дуги, более круто закругляющейся внизу у клюва. Эта дугообразная часть в нижней половине оформлена в виде ребра. Глаз в виде круглого углубления, гнезда, окруженного высоким валиком; инкрустационная вставка утрачена. Верхняя часть головы уступообразно, в виде щитка, нависает над нижней. Вдоль уступа по верхней плоскости — углубленная линия. По бокам головки — рельефные рога, типа бараньих, основания которых завернуты в петлю. Основание

Рис. 4. Рукоять махайры, одна из многочисленных находок ахемендского времени в храме Окса. Фото Э.И. Стайнерга

каждого рога окружено тремя низкорельефными полусферическими перлами. Верхняя часть головы и задняя часть шеи покрыта рельефными волнистыми прядями, ниже, на задней части шеи налегающие друг на друга листовидные завитки, очевидно передающие гриву. Вдоль стержня, начиная от основания и до задней части головы, проходит сквозное округлое отверстие диаметром 4—5 мм. Материал — слоновая кость. Размеры: высота — 107; высота головы — 35; ширина головы — 45; толщина головы (и стержня) — 19 мм³ (рис. 5).

Назначение этого предмета, если говорить в общей форме, не вызывает сомнений — это рукоять. Можно с уверенностью пойти дальше и утверждать, что это навершие изогнутого меча греческого типа — махайры. Первые примеры сопряжения изображения птицы и ножа (кинжала) известны в очень древние времена. Уже в бронзовом веке в разных местностях Европы, в том числе в минойской культуре, а также в Египте, были ножи с рукояткой, увенчанной головкой птицы, причем она явно имела магический смысл⁴.

³ Все предметы, открытые на Тахти Сангине, хранятся в Душанбе, в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикистана, зарегистрированы в инвентарной книге «Тахти Сангин». Инв. номер издаваемой рукояти: 2092/1091.

⁴ Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. Bd IV/2. München, 1980. S. 693; Bd IV/3. 1980. Taf. 90/25; 252/17; 263/E-1; 275/E-2; 414/E-3.

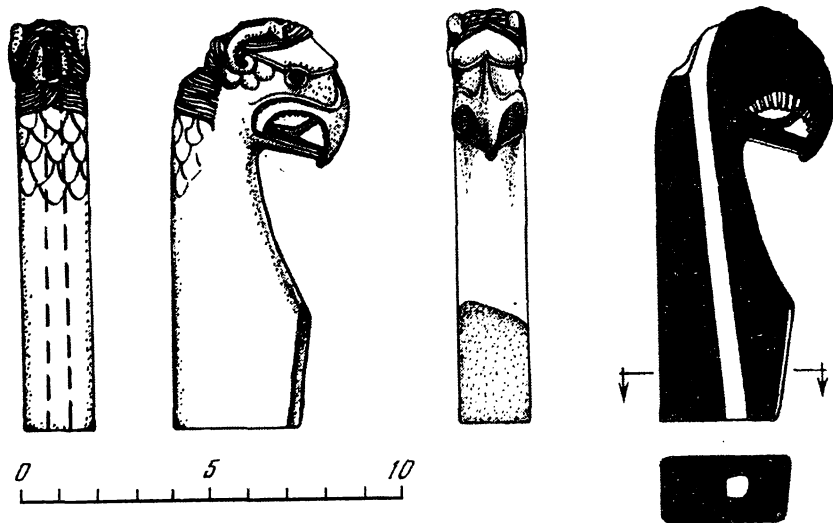

Рис. 5. Рукоять махайры. Чертеж О. Васиной

Во II тыс. до н.э. в средиземноморском мире рукояти мечей начинают снабжаться не просто птичьими головками, а грифонами. Для позднемикенской культуры, возможно, конца II тыс. до н.э. известна найденная на Фере рукоять из слоновой кости, украшенная в средней части горизонтальным поясом, гравированным орнаментом. Выше — пересекающиеся гравированная линия и голова ушастого (конские уши?) грифона в виде хищной птицы. Клюв небольшой, отогнут вниз. Голова не отогнута по углом (как на греческих махайрах), а является продолжением рукояти⁵.

Голова хищной птицы на рукояти меча и серпа в начале I тыс. до н.э. появляется в ассирийской материальной культуре и соответственно — на памятниках искусства. Так, на панели из слоновой кости из Нимруда царь Ашшур-нацир-апал II (883—859 гг. до н.э.) держит в правой поднятой руке сосуд, в левой опущенной — серп с рукояткой, завершающейся прекрасно проработанной головой хищной птицы. К навершию рукоять утолщается. Именно такой серп держит царь и на статуе, открытой Лейардом в Нимруде. Это серп бога Нинурты (Ninurta). Возможно, он предназначен для ритуального срезания первых колосьев во время жатвы⁶. Добавим, что на рельефе дворца в Хорсабаде у одного из придворных меч имел навершие в виде птичьей головки⁷ (рис. 6).

⁵ Poursat J.-C.. Les ivoires Mycéniens. Essay sur la formation d'un art mycénien. P., 1977 // Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome. Fasc. deux cent trentième. P. 65—66, Pl.5/4. Другой пример, приводимый Р.Д. Барнеттом (*Barnett R.D. From Irvy to Constantinople: A Study in Bird-Headed Sword // Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien. Festschrift für Kurt Bittel. Bd. I: Text; Bd. II: Tafeln. Mainz, 1983. P. 67—68, Fig. 5*), происходит с Кипра. При ознакомлении с публикацией изображения, относящегося ко времени гиксосов (*Vermeule E.T. Tomba Tou Skourou. The Mound of Darkness. A Bronze Age Town on Morphou bay in Cyprus. Harvard, Boston, 1971—1974. Fig. 60 — у Р.Д. Барнетта ошибочно: Fig. 61a*), предложение Р.Д. Барнетта не кажется вполне убедительным. Отметим также, что на статью Р.Д. Барнетта внимание Б.А. Литвинского во время обсуждения этого сюжета в Метрополитен музее искусств обратил О. Мускарелла, за что приносим ему глубокую благодарность.

⁶ Budge E.A.W. Assyrian Sculpture in the British Museum. L., 1914. Pl.1; Mallowan M.E.L. Nimrud and its Remains. V. I. L., 1966. P. 58. Pl. 21.; Mallowan M., Davies L.G. Ivories in Assyrian Style. Commentary, Catalogue and Plates. L., 1970 // Ivories from Nimrud (1949—1963). Fasc. II. P. 16. Pl. 1.

⁷ Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient. Harmondworth, 1963, Pl. 96 (правая фигура).

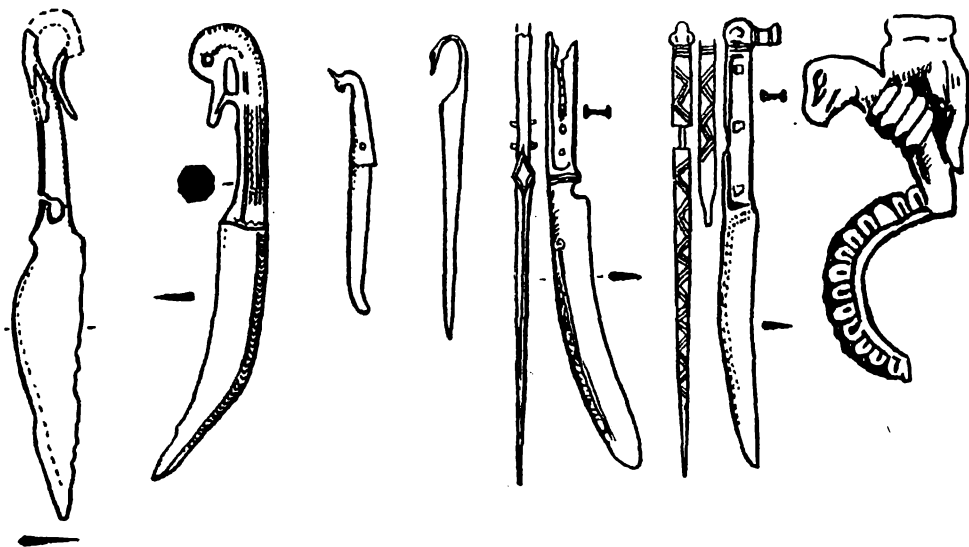

Рис. 6. Ассирийские кривые мечи-кинжалы. Рис. Т.П. Удымы

На наскальном рельефе у Ивриза у северного подножья Тавра, у Эрегли (Eregli), изображены царь Варпалавас (Warpalawas) перед богом плодородия и дождя Тарху (Tarhu). Это вторая половина VIII в. У бога уходит за спину меч. Видно его завершение волнитообразного типа⁸; возможно, как думает Р.Д. Барнетт⁹, этот завиток схематически воспроизводит голову хищной птицы.

Для истории греческого меча особый интерес представляют материалы Витса (Vitsa) из Западной Загоры, где были найдены 17 сохранивших форму мечей. Часть из них является однолезвийными. Они датируются временем с VIII до VI в. до н.э. (самые поздние относятся ко времени 350—300 гг. до н.э.).

Столь же ранними являются однолезвийные мечи с прямой рукояткой или же с рукояткой с отогнутым под прямым углом верхним концом. Это мечи с узким и длинным, равномерно изогнутым клинком. Они появляются в VIII в., их специальное название cutlass, предполагается, что этот тип мечей следует считать иллирийским. В VII в. появляется однолезвийный меч с двойным изгибом лезвия, его можно считать прообразом махайры. Есть специальное исследование этих «промахайр»¹⁰.

В конце VI в. до н.э. наряду со старым греческим мечом типа «Griffzungenschwert» появился новый, режущего (секущего) типа. Это был однолезвийный, слегка изогнутый прочный меч. Изогнутыми были и лезвие, и спинка меча. Он имел перекрестие и навершие, выступавшее в сторону режущей части и часто имевшее вид сидящей птицы, головка которой служила навершием.

⁸ Akurgal E. Die Kunst der Hethiter. München, 1961. S. 103. Taf. XXIV, 140; Bittel K. Die Hettiter. Die Kunst Anatoliens vom Ende des 3. bis zum Anfang des 1. Jahrtausends vor Christus. München, 1976. Taf. 327—329. См. также: Orthmann W. Untersuchungen zur späthethischen Kunst. Bonn, 1971 (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde, 8). S. 487. Taf. 14/e (III период позднехеттского искусства).

⁹ Barnett. From Irviz... P. 60—61.

¹⁰ Важный, более широкий географический материал из северной Греции, Югославии и Румынии — см. Kilian K. Trachtzubehör der Eisenzeit zwischen Ägäis und Adria // Praehistorische Zeitschrift. 1975. Bd. 50. S. 9—140; о находках см.: Rhomiopoulou K., Kilian-Dilmeier I. Neue Funde von Vergina // Praehistorische Zeitschrift. 1989. Bd. 64. Ht 1. S. 87—114. Основополагающее исследование древнегреческих мечей — см. Snodgrass A. Early Greek Armour and Weapons from the End of the Bronze Age to 600 B.C. Edinburgh, 1964. P. 93—113. Fig. 5—6. Pl. 2. До сих пор не устарела работа: Remouchamps A. Griechische Dolch- und Schwertformen. Leiden, 1926.

Такой меч обычно обозначают старым и широко распространенным греческим термином «махайра», хотя к ним иногда применяется и другой термин — копис (kopis). Греки, как отмечает А.М. Снодграсс, «были безразличны» к терминологии оружия.

Такие мечи имели определенных предшественников в Греции (см. выше), но внезапное их широкое распространение в конце VI—V в., может быть, как считает А.М. Снодграсс, обязано или быстрой эволюции, или же заимствованию. В этой связи интересно то, что в греческом искусстве такие мечи часто ассоциируются с персами и другими восточными людьми¹¹.

Итак, махайра — однолезвийный меч рубящего, по преимуществу, типа, но махайра могла употребляться и как колющее оружие. Они считалась главным образом кавалерийским оружием, но часто применялась и пехотинцами, хотя классическим мечом пехоты был двулезвийный меч — ксифос с ромбовидным в плане лезвием¹².

В исторические времена махайра рассматривалась как типично варварское оружие, употреблявшееся особенно фракийцами (их называли «махайрофоры» — μαχαίροφορος). Сам термин μαχαίρα встречается уже в «Илиаде» и «Одиссее»¹³.

Геродот упоминает махайру многократно¹⁴. Описания Геродота показывают, что в персидском войске махайрами были вооружены всадники, пехотинцы и морская пехота; сирийская тяжеловооруженная морская пехота (VII. 98) и киликийские матросы на 100 кораблях были с махайрами (VII. 91). Махайры в Ахеменидском государстве были распространены от Египта до Индии (к этому мы еще вернемся ниже). В Египте профессиональные воины гермотии и каласирии (они одни в Египте занимаются военным делом) были вооружены махайрами¹⁵. Обычно они служили в морской пехоте. В войске Ксеркса, идущего на Грецию, махайрами вооружены колхи, алародии и саспиры (Herod. VII. 79). И в Фермопилах хорошо вооруженные спартанские пехотинцы царя Леонида сражаются против персов также махайрами (Herod. VII. 225). У греческих авторов термин «махайра» употребляется и при описании событий архаического периода, когда махайры реально еще не существовали. Так, легендарный основатель Македонского царства Пердикка, поселившийся в садах около горы Бермий, откуда он с братьями завладел всей остальной Македонией, пользовался уже махайрой (Herod. VIII. 137). Скифы издревле применяли махайру при ритуальных клятвах (Herod. II. 61).

Безумный спартанский царь Клеомен покончил жизнь самоубийством, разрезав себя на множество кусков махайрой в 490 г. до н.э.

Профессиональный полководец Ксенофонт (О всадниках. XII. 11) считал махайру «более ужасным оружием, чем ксифос», поэтому некоторые народы, например фиванцы, сохранили махайру даже для вооружения пехоты¹⁶.

В самой Греции махайра, появившаяся, как сказано выше, еще в конце VI в., была особенно характерна для первой половины V в. до н.э. В более позднее

¹¹ Snodgrass A.M. Arms and Armour of the Greeks. London — Southampton, 1967. P. 97.

¹² Сокольский И.К. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33. С. 130—132. Нельзя не отметить, что иногда высказывается точка зрения, что махайра — двулезвийный меч: Bittner S. Tracht und Bewaffnung des persischen Heeres zur Zeit Achaemeniden. II. Auflage. München, 1985. S. 171 f.

¹³ Best J.G.P. Thracian Peltasts and their Influence on Greek Warfare. Groningen, 1969 (Studies of the Dutch Archaeological and Historical Society. V. 1.). P. 7—8.

¹⁴ Herod. II. 41, 61; IV. 75; VI. 75; VII. 79, 89, 91, 225; VIII. 137; XI. 32.

¹⁵ Herod. XI. 32.

¹⁶ Анализ письменных и иконографических источников о махайре — см. Roux G. Meurtre dans un sanctuaire sur l'amphore de Panaguristë // Antike Kunst. № 7. 1964. P. 34—40.

время махайры не столь часты, но встречаются и во второй половине IV в. Из Греции благодаря торговле они проникают в Италию и Испанию¹⁷.

Находки подлинных махайр известны в разных местах. Экземпляр, опубликованный А.М. Снодграссом, имеет однолезвийный клинок. Степень изгиба средняя, причем клинок уже в верхней части и постепенно, но значительно расширяется в нижней половине, которая со стороны лезвия является (в отличие от верхней половины) не вогнутой, а выпуклой. Перекрестие одним торцом со спинкой, другим концом асимметрично нависает над лезвием. Рукоять в виде овального полукольца, разомкнутого со стороны лезвия. Верхняя его часть, обращенная в сторону лезвия, как бы нависает над ним. Именно эта часть оформлена в виде головки птицы¹⁸.

Железный меч типа махайры был найден в Големата Могила в Болгарии в комплексе V в. до н.э. Это такой же меч, как и изданный у А.М. Снодграсса, с рукоятью в виде птицы, в этом случае явно хищной. Длина 82, ширина 6 см. В нижней части рукояти сохранилась накладная пластинка из слоновой кости с овами. Вся рукоять, очевидно, была обложена слоновой костью¹⁹. Очень близкий экземпляр, хранящийся в Британском музее, происходит из Испании²⁰.

Широкое распространение махайра имела в Северном Причерноморье. Типичная махайра была найдена в 1834 г. в Керчи в гробнице, которая относилась к концу IV или началу III в. до н.э. и содержала погребение воина-грека. Длина махайры около 80 см. Она незначительно изогнута по продольной оси, клинок сильно расширяется в нижней трети. Верхняя часть кольца рукояти отломана. В некрополе Мирмекия в могиле IV—III вв. до н.э. был найден меч с рукоятью в виде птичьей головки с загнутым клювом. Известны сообщения о других находках мечей, которые, судя по описанию, были махайрами²¹.

С конца VI в. до н.э. в произведениях греческого искусства встречаются изогнутые мечи — в руках как персов, так и греков. В ряде случаев видны детали, в частности, рукоять. Так, на одной греческой гемме, входящей в группу гемм около 500 г. до н.э., поверженный воин держит в правой руке короткую махайру, рукоятка которой завершается грифоном²² (рис. 7).

В греческой краснофигурной вазописи уже в начале V в. до н.э. имеются абсолютно аналогичные вышеописанным мечам изображения рукоятей мечей с наверхием в виде головки хищной птицы и длинной ручкой — шей. Сама шея в одном из случаев имеет совершенно одинаковую с тахтисангинским изображением форму — сзади она почти прямая, спереди резко закругленной кривой отходит от задней линии²³.

На греческих вазах 480—460-х годов с изображениями сражающихся греков и персов в руках персов часто типичная греческая махайра, иногда даже с птичьей

¹⁷ *Filow B.D.* Die Grabhügelnekropole bei Duvarlij in Südbulgarien. Sofia, 1934. S. 224. См. также: *Remouchamps*. Op. cit. S. 60. ff. Особый вопрос — влияние махайр на выработку одного из типов латенских мечей, см. *Gamber O.* Waffe und Rüstung Eurasiens. Frühzeit und Antike. Braunschweig, 1978 (Bibliothek für Kunst- und Antiquitätffreunde, Bd. LD). S. 413. Abb. 354, 355.

¹⁸ *Snodgrass.* Arms and Armour. Fig. 50. См. также: *Gamber.* Op. cit. Abb. 295; *Oakenshott R.E.* The Archaeology of Weapons. L., 1960. P. 49—50. Fig. 22, 24.

¹⁹ *Filow.* Op. cit. S. 117. Abb. 140.

²⁰ British Museum. Department of Greek and Roman Antiquities. A Guide to the Exhibition. Illustrating Greek and Roman Life. L., 1908. P. 99—100. № 221. Fig. 87.

²¹ *Сокольский.* Ук. соч. С. 132—134. Табл. 1/7.

²² *Boardman J.* Archaic Greek Gems. Schools and Artists in the Sixth and Early Fifth Century B.C. L., 1968. P. 97/264. Pl. XVIII/264.

²³ *Hölscher T.* Griechische Historienbilder des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. Würzburg, 1973 (Beiträge zur Archäologie. Hrsg. von R. Hampe, T. Hölscher, E. Simon). S. 42. (Перечень изображений на вазописи — S. 38—39, 42); *Benndorf O.* Griechische und sicilische Vasenbilder. B., 1868. S. 20. Taf. V/1—2.

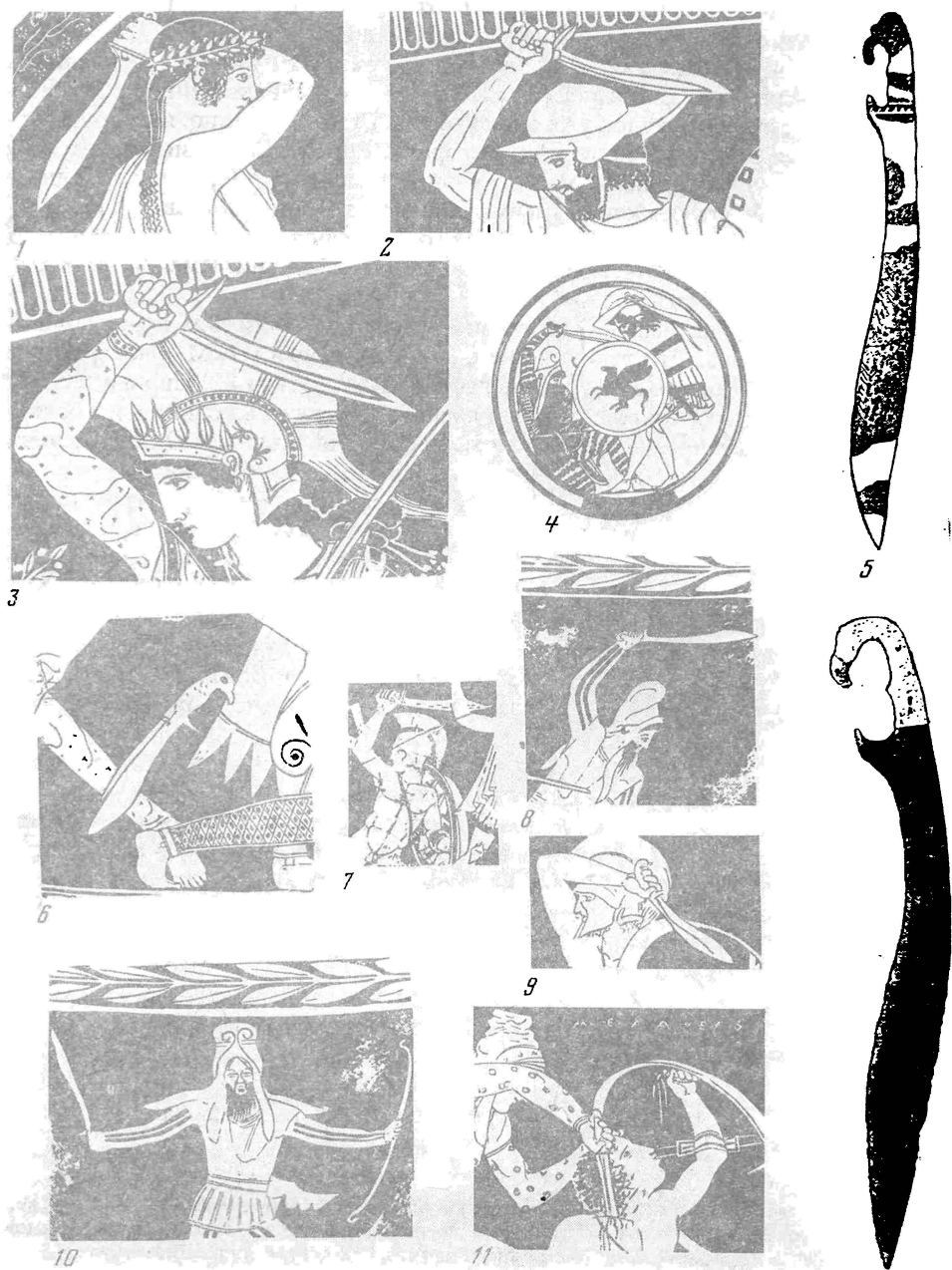

Рис. 7. Изображение махайр на греческих краснофигурных вазах 480—450 гг. до н.э. 1—5, 7—9 — греко-македонские махайры; 6, 8, 10, 11 — махайры, используемые персами и «варварами». Рис. И.Р. Пичикьяна

головой на конце²⁴. В других случаях махайра в руках обоих сражающихся — грека и перса, причем на вазах времени греко-персидских войн, когда впечатление о персах было очень ярким, например, на вазе около 480 г. до н.э. из Эдинбурга²⁵.

В сцене амазономахии, которая изображена на замечательном кратере из Руво (Неаполитанский музей, около 460 г. до н.э.), в руках двух персонажей махайры с односторонне выступающим перекрестием и клювовидным завершением рукоятки²⁶. Впрочем, известны изображения махайр, рукоять которых не имеет клювовидного завершения.

Еще одно изображение махайры есть на кратере около 460 г. до н.э. (мастер Ниобид): между ног грека (легендарного Тезея) крупное изображение махайры, отброшенной царицей амазонок. Рукоятка ее, припухлая в середине, передает шею, которая завершается реалистически трактованной головкой хищной птицы²⁷. Более схематично изображение головки птицы на махайре в руках Аполлона на сосуде с росписью мастера Пентесилеи (около 455 г.)²⁸. Изображение махайр в вазописи, а также на произведениях торевтики (в частности, на амфоре из Панагюриште, Болгария) детально изучены²⁹.

На одной из сцен мозаики из Пелы, датированной 300-ми годами до н.э., махайру держит в поднятой руке персонаж, нападающий на льва, в левой руке он держит ножи. Махайра обычного типа, мозаичный рисунок меча сверху завершен головой птицы, обращенной к рубящей стороне. Ножи красного цвета, другого (серого?) цвета прямое перекрестие и бутероль в виде сегментовидного диска³⁰. Голова птицы передана очень обобщенно³¹.

На покрытой рельефами баллюстраде стои в святилище Афины Полиады в Пергаме изображено множество оружия — добыча у галатов (битва произошла в 189 или 188 г. до н.э.). Среди предметов вооружения — два меча. У одного видна верхняя часть, выступающая из-под щита. Это устье ножен, оформленное таким же перекрестием, как тахтисангинские из слоновой кости. По бокам сверху отходят кронштейны, закрученные в виде волуты в кружок с дырочкой в центре. Верхняя поверхность колодки вогнутая. Из нее выступает ручка, имеющая вид длинной, слегка изогнутой шеи, завершающейся головкой хищной птицы. Прекрасно моделирована головка с глубоко посаженным глазом³². Изображение близко тахтисангинскому грифону.

На другой плите изображен почти целиком слегка изогнутый меч в ножнах. Конец отломан и сбита головка навершия меча. Здесь еще четче видно перекрестие устья ножен меча — с волнообразными завитками, вогнутой

²⁴ Hölscher T. Ein Kelchkrater mit Perserkampf // Antike Kunst. 1974. Jahrg. 17. (дата — около 460 г. до н.э.). См. также живопись на более ранней (около 480 г.) амфоре: Bovon A. Présentation des guerriers Perses et la notion de barbare dans la I-re moitié du V-e siècle // BCH. 1963. V. LXXXVII. Fig. 3.

²⁵ Bovon. Op. cit. Fig. 4.

²⁶ Furtwängler A., Reichhold K. Griechische Vasenmalerei. München, 1904. S. 124—135; Taf. 26—28, Taf. 55. Совершенно отчетливы птичьей головки на краснофигурной вазе Британского музея (около 400 г. до н.э.) — ibid. S. 292—294. Taf. 58.

²⁷ Arias P.E. A History of Greek Vase Painting. L., 1962. P. 356—357. Pl. 179.

²⁸ Ibid. P. 352. Pl. 171.

²⁹ Roux. Op. cit. P. 37 sq. Pl. 8—10.

³⁰ Petsas Ph.M. Pella. Lund, 1964 (Studies in Mediterranean Archaeology. V. XIV). Fig. 2; Havelock Chr.M. Hellenistische Kunst. Von Alexander dem Grossen bis Kaiser Augustus. Wien und München, 1971. Farbtafel VI.

³¹ Это хорошо видно на более крупном изображении: Charbonneaux J., Martin R., Villard F. Das hellenistische Griechenland 330—150 v. Chr. München, Abb. 106.

³² Bohn R. Das Heiligtum der Athena Polias Nikephoros (Königliche Museen zu Berlin. Altertümer von Pergamon). Bd. II. B., 1885. Taf. XLIV/a.

верхней гранью, прямой нижней, двумя горизонтальными линиями на поверхности. Сверху, конечно, была головка хищной птицы³³.

На вотивном подписном алтаре из Ормани (древняя Егупна) в Писидии на одной из боковых сторон рельефно круглый щит, из-под которого выступают части расположенного наклонно, по диаметру, меча. Навершие его рукояти в виде головки хищной птицы, на которой, судя по рисунку, четко очерчены загнутый клюв, концы глаз, шея же покрыта тремя продольными рядами точек³⁴. Издатели считали этот памятник эллинистическим, но А. Холл (Alan Hall) сообщил Р. Барнетту, что памятник относится к числу римских. Сам же Р. Барнетт полагает, что он, вероятно, «эллинистического времени»³⁵.

На одном греческом надгробии начала I в. до н.э. из Халкедонии (сейчас — в Лувре) изображено несколько предметов, в том числе прямой меч в ножнах. Ножны в виде слабо суживающейся полосы, в нижней трети — в виде треугольника. На нижний конец ножен одето поперечно-овальное кольцо. Ножны окаймлены вдоль сторон и вдоль устья рельефным кантом, соединенным тремя полосками-перемычками. Перекрестие неширокое, в виде пятиугольника. Из его вершины выступает ручка, слегка отклоняющаяся от продольной оси меча и завершающаяся орлиной головкой³⁶.

Число примеров, разумеется, можно было бы увеличить, по некоторым направлениям — многократно. Но и приведенный выше материал убеждает, что изготовленная из слоновой кости рукоять меча из храма Окса связана с миром греко-эллинистического оружия, с мечами-махайрами, которые, судя по сохранившимся образцам и по иконографии, часто имели навершие рукояти в виде головки хищной птицы. Однако у греческих махайр это навершие было металлическим, к тому же это был в абсолютном большинстве случаев не грифон, а голова хищной птицы. Были и исключения, например, рукоять с головой грифона из III Семибратнего кургана. Голова — серебряная, гребень и горло — из золота. Основанием головы в нижней части был железный стержень. Это — верхняя часть рукояти махайры, с обложенной серебряными пластинками остальной частью железной рукояти³⁷. На применение слоновой кости или рога при изготовлении махайр указывают письменные источники (Poil. 10.90).

Необходимо обратиться к образу грифона в греческой и ахеменидской культуре. Литература по историографии и семантике грифона огромна³⁸. История грифона в изобразительном искусстве начинается со времени, отстоящего от нас на пять тысячелетий. В Средиземноморье едва ли не древнейшими являются древнеегипетские додинастические изображения грифона на палетке из Гиераконполя, а также из Джебель эт-Тарифа, вблизи Абидоса, которые датируются вре-

³³ Ibid. Taf. XLV/b (у Барнетта номер таблицы неточен). Описание Бона краткое и не вполне точное — см. Bohn. Op. cit. S. 95—96, 111. Все это согласуется и с письменными данными об оружии галатов (S.127—138).

³⁴ Swoboda H., Keil J., Kroll F. Denkmäler aus Lykaonien, Pamphylien und Isaurien. Prag-Leipzig-Wien, 1935 (Deutsche Gesellschaft der Wissenschaften und Künste für die Tschechoslowakische Republik in Prag). P. 49—50. № 106.

³⁵ Barnett. From Irviz... P. 70—71.

³⁶ Pfuhl E., Möbius H. Die ostgriechischen Grabreliefs. Mainz, 1979. S. 547. № 2272. Taf. 327/2272.

³⁷ Сокольский. Ук. соч. С. 132. Табл. 1/2.

³⁸ Furtwängler A. Gryphs // RML. Bd 1/2.. Lpz, 1886—1890. Sp. 1742—1777; Durrbach F. Gryphs ou gryphus // Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. T. II. Nachdruck. Graz. P. 1668—1673; Ziegler. Gryphs // RE. Bd. VII. Hlbd XIV. Stuttgart, 1912. Sp. 1902—1929; Marunti M.G., Rudenko S.J., Manganaro G. Grifo // Encyclopedica dell'arte antica classica e orientale. T. III. Roma, 1960. P. 1056—1063; Bisi A.M. Il grifone stori:ce di un motive iconografica nell'antico oriente Mediterraneo // Studi semitice. Università di Roma. Centro di studi semitici. 13 Roma, 1965; Deplace Ch. Le grifon de archaïsme à l'époque impériale. Étude iconographique et essai d'interprétation symbolique // Études de philologie, d'archéologie et d'histoire anciennes. publiées par l'Institut Historique Belge de Rome. T. XX. Bruxelles — Rome, 1980 и т.д.

менем около 3000 г. до н.э. В первом случае это стилизованное изображение крылатого кошачьего хищника с головой хищной птицы³⁹. Грифон затем продолжал изображаться, видоизменяясь, на протяжении всей истории Старого, Средне-о и Нового царства. Одно из древнеегипетских названий грифона означает, в частности, «уничтожать», другое имя грифона — «быстрый»⁴⁰.

В начале II тыс. до н.э. этот сюжет распространился в сиро-палестинской области, в Анатолии, на Кипре, во всей области крито-микенской культуры⁴¹. Уже в архаическую эпоху изображения грифонов широко известны в греческом искусстве. В IX—VII вв. были изображения грифонов из слоновой кости, в том числе в виде протом.

В классическом искусстве V в. до н.э. грифон играл незначительную роль, но примерно с 400 г. количество изображений грифонов резко возрастает. Отчетливо это видно по расписным краснофигурным вазам. Краснофигурные пелики позднего стиля с изображениями большого количества грифонов во множестве найдены в городах Северного Причерноморья⁴². Грифоны изображаются в металле, рельефах, терракоте, на мозаиках. Мотив львиного грифона был в VI—IV вв. распространен на монетах Фокеи, Теоса, Абдер, Кизика, Смирны, на ликийских монетах⁴³. Кстати, П. Амандри отметил, что, в целом, грифон в греческом искусстве — создание, которое очень трудно датировать на основании стиля⁴⁴.

Очень важную роль в развитии образа грифона сыграла Сирия, являясь одним из центров, где происходило оформление этого мотива. Орлиноголовый грифон появился в Сирии по крайней мере в XVIII в. до н.э. Один из примеров — изображение на печати из Талл Чагар Базар (Tall Chagar Bazar) в Сирии. Здесь у грифона закрытый клюв, на голове — длинный, уходящий назад завиток. Вообще, в сирийской глиптике II тыс. до н.э. грифон фигурирует часто, причем с львиным телом и птичьей головой⁴⁵. Хотя иногда он борется с каким-либо зверем, чаще он показан не в движении. В сценах борьбы зверей грифон чередуется со львом. Сирийское искусство знало и изображения грифонов на слоновой кости. Изображение грифона было популярно и в хеттской глиптике II тыс. до н.э. (грифоны обычно одиночные, с птичьей головой), и в печатях митаннийского круга, типа Керкук, где грифоны также одиночные, изредка нападают на мелких животных, но чаще они лежат или сидят. Очень рано в месопотамской иконографии появляются изображения различных фантастических существ, и хотя некоторые напоминают грифона, ни одно из них не является подлинным грифоном, которые появляются лишь во второй половине II тыс. до н.э.⁴⁶

³⁹ Bisi. Op. cit. P. 20—38. Fig. 1/1.—4/33; Deplacé. Op. cit. P. 6—7.

⁴⁰ Goldman B. The Development of the Lion-Griffin // AJA. 1960. V. 64. № 4. P. 327.

⁴¹ Deplacé. Op. cit. P. 6—7. См. также: Bisi. Op. cit. P. 39.

⁴² Boháč J.M. Kertscher Vasen mit besonderer Berücksichtigung der Tschechoslowakischen Sammlungen. Československé Akademie VĚD. Praha, 1958. Obr. 39, 40, 45, 46, 52, 54, 59, 61.

⁴³ Jantzen U. Griechische Greifenkessel. B., 1955; Amandry P. Grèce et Orient // Études d'archéologie classique. I (1955—1956). P., 1958. P. 3—15; Benson J.L. Unpublished Griffin Protomes in American Collections // Antike Kunst. 1960. 3. P. 58—69; Amandry P. Plaques d'or de Delphes // AM. 1962. Bd 77. B., 1963. P. 56—62; Simon E. Zur Bedeutung des Greifen in der Kunst der Kaiserzeit // Latomus. 1962. T. XXI. S. 749—762; Deplacé. Op. cit. P. 13—238. Изображения грифонов на греческих монетах см. Head B.V. Catalogue of the Greek Coins of Ionia (of the British Museum). Bologna, 1964. Pl. IV/8—12, XXX/1—5; Wroth W. Catalogue of the Greek Coins of Mysia (of the British Museum). Bologna, 1964. Pl. III/3; V/16—17; SNG (of the Great Britain), I, 1. L., 1931. Pl. IV/96—100; SNG. Copenhagen, 1945—1946. Pl. 23/1031—1045; 33/1433—1442; SNG (Deutschland) Sammlung v. Aulock, 6. Ionien. B., 1960. Pl. 70/2551—2555 и др.

⁴⁴ Amandry. Plaques... P. 61.

⁴⁵ Frankfort H. Notes on the Cretan Griffin // Annual of the British School of Archaeology at Athens. V. 37. (session 1936—37). L., 1940. P. 106; Goldman. Op. cit. P. 321—322.

⁴⁶ Frankfort. Notes..., P. 108; Ortmann. Untersuchungen... S. 331—338.

Крылатый грифон с телом животного и крылатый грифон — демон с человеческим телом — оба этих образа распространялись в ассирийском искусстве со среднеассирийского периода. «Очевидно, — пишет Т.А. Мэдхлум, — что грифон на среднеассирийских печатях происходит от изображений на так называемых митаннийских печатях». Около 1600—1350 гг. царство Митанни и другие образования, населенные хурритами, простирались от Ассирии до области Керкука и Северной Сирии. Грифоны и грифоны-демоны, распространившиеся в Северной Месопотамии в среднеассирийский период, отсутствовали в Вавилонии, так как она не подвергалась столь сильному митаннийскому влиянию. В Вавилонском искусстве по-прежнему был распространен дракон *musrussu* и крылатый лев. Грифон — охранитель священного дерева, он защищает царя и божеств и вместе с тем нападает на людей и животных. Он играл важную роль в деле охраны дворцов — в одном закладном ящике при постройке дворца было похоронено глиняное изображение грифона.

Ассирийский грифон имел специфические черты. В частности, ассирийские грифоны имеют открытый клюв. Исходные прототипы из сирийского и митаннийского искусства имели плотно закрытый клюв. Исследователи видят в этом результат вавилонского влияния⁴⁷.

В новоассирийском искусстве грифоны представлены только на цилиндрических печатях и на украшениях стен, но не на каменных рельефах. Больше распространена форма, когда задние лапы и хвост являются птичьими, больше — с обычным львиным туловищем, но в обеих формах с птичьей головой⁴⁸.

Длительную и сложную историю имеет образ грифона в Иране и окружающих областях⁴⁹. Уже на одной булле из Суз эпохи Сузы C/a — b (т.е. 3300—3000 гг.) имеется отпечаток двух идущих влево орлиноголовых львов с непропорционально длинными туловищами⁵⁰. В это время имеются и другие изображения грифонов⁵¹. Это крылатые кошачьи хищники с передней частью в виде хищной птицы⁵², козла⁵³ или даже целые «агрегаты» животных⁵⁴. Согласно П. Амье, эти грифоны — «специфически эламский мотив», попавший в Элам из додинастического Египта⁵⁵. Грифоны продолжают изображаться в эламской глиптике и во II тыс. до н.э., в том числе в среднеэламское время, в XIV—XII вв.⁵⁶ и в начале I тыс. до н.э.⁵⁷ Изображения грифонов эволюционировали в искусстве Ирана в конце II — начале I тыс. до н.э. В Марлике, Тепе Сялке, Луристане, Зивие, Чога Занбиле, в разных прикаспийских областях имеются многочисленные изображения грифона, восходящие к разным традициям — от египетской и

⁴⁷ Madhloom T.A. The Chronology of Neo-Assyrian Art. L., 1970. P. 105—109.

⁴⁸ Ortman. Op. cit. S. 331—338. Как отметил Х. Симонетт, в позднеассирийском искусстве наблюдается усиление акцента на «птичий» характер львиного грифона — *Simondt Ch. Die geflügelten Löwen aus Augst.* // *Schriften des Institutes für Ur- und Frühgeschichte der Schweiz*, I. Basel, 1944. S. 17.

⁴⁹ Из обобщающих исследований см.: Bisi A.M. Grifone nell'arte dell'antico Irān e dei popoli delle steppe // *Rivista degli studi orientali*. 1964. V. XXXIX. Roma. 1964. P. 15—35. Fig. 1—9. Pl. I—II; *Khazai Kh. L'évolution et la signification du griffon dans l'iconographie iranienne* // *Iranica antiqua*. 1978. V. XIII. P. 1—25. Fig. 1—9.

⁵⁰ Amiet P. Glyptique susienne. V. I. Texte. Planches // MDAI. 1972. T. XLIII. P. 95. Pl. 12/581.

⁵¹ Ibid. Texte. P. 76.

⁵² Ibid. Texte. P. 95, 107; Planches. P. 12/585—587, 18/692A.

⁵³ Ibid. Texte. P. 95; Planches. Pl. 12/579—580.

⁵⁴ Ibid. Texte. P. 95; Planches. P. 12/582—583.

⁵⁵ Ibid. Texte. P. 76.

⁵⁶ Ibid. P. 270; Planches. Pl. 37/2082, 2084, 2086.

⁵⁷ Ibid. Texte. P. 276; Planches. Pl. 37/2195, 184/2126—2127.

передневожостной до степной⁵⁸. Мы не можем даже кратко охарактеризовать каждое из этих изображений. Приведем лишь примеры.

Грифон в виде крылатого орлиноголового льва встречается в иконографии Марлика: например, идущий влево грифон на стенке золотого сосуда. Клюв полураскрыт⁵⁹. Встречаются изображения грифона на перхелане некрополя Теле Сиалка, Луристана⁶⁰. На золотой пластинке, происходящей, очевидно, из Зивие, из клада в бронзовом гробу, сохранились пять регистров изображения фантастических животных с телом льва. Одно из них — крылатый лев, с головой рогатого орла. Клюв плотно закрыт, конец верхней половины клюва опускается ниже основания нижней половины. Дата — VIII—VII вв. до н.э.⁶¹ Из Зивие происходит скульптурная золотая голова грифона. Это прекрасно моделированная голова хищной птицы с открытым клювом⁶². Грифоны изображены в Сузах на поливных кирпичах VII в. до н.э. и на пиксиде⁶³. Подобное изображение есть и в Сурх-Думе⁶⁴. Из Сузы происходит бронзовая голова орлиного грифона VII в. до н.э. Прекрасная работа, очень хороша моделировка глаза, в который посажен зрачок. Клюв раскрыт, язык в передней части закругляется и поднят. Все эти направления развития иконографии грифона, включая греческое влияние, отразились на иконографии грифона ахеменидского времени⁶⁵.

Ахеменидское искусство знало разные виды грифонов. Часто это сложносоставное существо с хвостом скорпиона и задними ногами в виде ног хищной птицы. Нашла отражение и греческая традиция, когда корпус грифона целиком львиный, а на голое — рога. И в трактовке тех грифонов, которые восходят к ассирийским прототипам, как отмечает фон Г. Галль, также появились новые черты.

Многообразию обликов грифонов нашло отражение в монументальной скульптуре — в персепольских рельефах. В тронном зале Персеполя крылатый грифон с птичьими ногами, крыльями и головой, но с телом и шеей льва⁶⁶. В этом же зале есть рельефы, где герой сражается с чудовищем в виде крылатого рогатого льва с птичьими ногами и хвостом скорпиона. Голова повреждена, но, возможно, она птичья⁶⁷. В Главном зале дворца Дария грифон в виде крылатого рогатого чудовища с телом и головой льва, птичьими ногами и хвостом скорпиона⁶⁸. Такое же чудовище — в гареме Ксеркса⁶⁹. В виде спаренных

⁵⁸ Характеристику и библиографию см. *Khazai*. Op. cit. P. 1—6; *Bisi*. Op. cit. P. 18—26. Fig. 3—7.

⁵⁹ *Negahban E.O.* A Preliminary Report on Marlik Excavation. Gohar Rud Expedition. Rudbar 1961—1962. Tehran, 1964. Fig. 111, 144. P. 54. Он допускает «связь с героической мифической птицей Ирана — сямургом».

⁶⁰ *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk. V. II. P., 1939. Pl. XXXI/11—13; LXXXVI/2; XC/1.

⁶¹ *Dorman P.F., Harper P.O., Pittman H.* The Metropolitan Museum of Art. Egypt and Ancient Near East. N.Y., 1987. P. 138. Pl. 101 (Ann and George Blumenthal Fund, 1954; Rogers Fund, 1962. Fig. 54.35; 62.78.1 a,b). См. также: The Metropolitan Museum of Art. Ancient Near Eastern Art. N.Y., 1984. Fig. 64.

⁶² *Godard A.* Le trésor de Ziwiye (Kurdistan). Haarlem, 1950. Fig. 30; *Osten H.H. van der.* Die Welt der Perser. Stuttgart, 1962. Taf. 36. См. также: *Belloni G.G., Dall'Asen. L.F.* Iranian Art. L., 1969. Pl. 38—39.

⁶³ *Amiet P.* Elam. P., 1966. Ill. 395, 396, 397, 400 A.

⁶⁴ *Idem.* Collection D.-W. P. 59. Fig. 39 (фаянсовая ваза, грифон в виде крылатого идущего влево четырехногого животного с головой хищной птицы).

⁶⁵ Навболее детальная характеристика: *Gall H. von* Die paphlagonischen Felsgräber. Eine Studie zur kleinasiatischen Kunstgeschichte (Istanbuler Mitteilungen, Beiheft 1). Tübingen, 1966. S. 21—29. См. также: *Barnett R.D.* The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus // *Iranica Antiqua*. 1968. V. VIII. P. 41—42; *Rehm E.* Der Schmuck der Achämeniden (Altertumskunde des Vorderen Orients. Bd 2). Münster, 1992. S. 284—285.

⁶⁶ *Schmidt.* Persepolis. I. Pl. 114/A.

⁶⁷ *Ibid.* P. 137. Pl. 115—116.

⁶⁸ *Schmidt.* Persepolis. I. P. 226. Pl. 145/A, B.

⁶⁹ *Ibid.* Pl. 196.

грифонов высекались иногда капители колонн в Персеполе. Так, во время раскопок 1953 г. в Персеполе во дворце Ксеркса была открыта капитель с направленными в противоположные стороны головами грифонов⁷⁰. Положение клюва, как и дугообразной вырез верхней половины клюва, заступание кончика клюва за конец нижней половины — все это, как и общее очертание головы, напоминает тахтисангинский экземпляр. Но трактовка головы совсем иная, абсолютно реалистическая. И в декорации Суз имеются грифоны. Это идущий крылатый и рогатый лев⁷¹. Но иногда такой грифон имеет то же крылатое туловище с головой рогатого орла. Многочисленны изображения грифонов и в искусстве Урарту (в том числе и из слоновой кости)⁷².

Обильны примеры ахеменидских ювелирных изделий в виде грифона. Одна из них — это завершения в виде грифонов незамкнутых золотых браслетов из Клада Окса № 116⁷³. У грифонов тело крылатого льва с выброшенными вперед горизонтально ногами (с условной, в виде овала выемкой, передачей мускулатуры). На львиной шее — голова рогатого, с длинными ушами, орла. Конец верхней части клюва находит на нижнюю, между половинками клюва — щель, в которой виден язык. Поверхность покрыта выемчатыми и в технике «клуазонне» ячейками, в одной сохранилась вставка лазурита. Общее очертание головки близко тахтисангинскому грифону. То же самое можно сказать об основании серебряного ритона № 14 Клада Окса — оно имеет вид рогатого и крылатого грифона. Голова орла похожа на вышеописанную. Согласно О.М. Далтону — это V в. до н.э.⁷⁴ Другой пример — это золотой эгрет из того же Клада Окса. Тело выполнено рельефом — в виде пластично лежащего крылатого льва с подогнутыми ногами. Шея и голова объемные, почти скульптурные, повернуты в фас к зрителю, рот открыт, длинные треугольные уши, отогнутые назад рубчатые рога. Имеются ячейки «клуазонне». Хотя датировка О.М. Далтона — Е.В. Зеймалю IV или вторая половина IV—III в. до н.э.⁷⁵ слишком ранняя, ее следует обсудить особо в другом месте; для нас важно, что такой образ был распространен в еще более раннее время (V в.). Об этом свидетельствует происходящая из того же клада серебряная головка льва-грифона⁷⁶. Примыкает к ней бронзовая скульптурная фигурка крылатого и рогатого льва-грифона, как будто найденная на р. Гильменд, по мнению О.М. Далтона, связанная с Бактрией и относящаяся к IV в. до н.э.⁷⁷

Есть целая серия золотых бляшек, оформленных в виде головы рогатого орлиноголового грифона⁷⁸, известны изображения головы хищной птицы (грифона?), изготовленные с использованием трехцветной стеклянной пасты⁷⁹ и

⁷⁰ Godard A. The Newly-Found Palace of Prince Xerxes at Persepolis and Sculptures which the Architects Rejected // The Illustrated London News. 1954. V. CCXXIV. January 2. P. 18, Fig. 5—8; Vanden Berghe L. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959. P. 35—36. Pl. 43/e.

⁷¹ Amiet. Elam. III. 360.

⁷² Barnett R.D.A. A Catalogue of the Nimrud Ivory. II éd. L., 1957. P. 229. Pl. CXXXI/W-13-45.

⁷³ Dalton O.M. The Treasure of the Oxus with other Examples of Early Oriental Metal-Work. L., 1964. P. 11—13. Pl. 1/23; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979. С. 44.

⁷⁴ Dalton. The Treasure... P. 6—7. Pl. II, 14; Зеймаль. Ук. соч. С. 40—41.

⁷⁵ Dalton. Op. cit. P. 49. XXV/194.

⁷⁶ Ibid. P. 32—34. Pl. I/116; Зеймаль. Ук соч. С. 64—65.

⁷⁷ Dalton. The Treasure... P. 42—43. Pl. XXII. В виде львиного орлиноголового ритона оформлено основание и серебряного ритона (коллекция Фуруги из Дайламана) — Ghirshman R. Le rhyton en Éran (Notes Iraniennes, XI) // Artibus Asiae. 1962. V. XXV/1. P. 77. Fig. 25.

⁷⁸ Kantor H.J. Oriental Institute Museum Notes. № 8. Achaemenid Jewelry in the Oriental Institute // JNES. 1957. V. XVI. № 1. Pl. IV; Vanden Berghe. Op. cit. P. 278. Pl. 135/f; Ghirshman R. Perse. Proto-Iraniens. Mèdes. Achéménides. P., 1963. Pl. 319; пять золотых бляшек из коллекции Бостонского музея изящных искусств (Helen and Alice Colburn Fund), № 66. 325—329.

⁷⁹ SPA. V. VII. Tehran—London—New York—Tokyo, 1967 (reprint). Pl. 76.

слоновой кости⁸⁰. Грифон встречается в ахеменидской глиптике в виде крылатого льва⁸¹, часто крылатого рогатого льва с лапами орла⁸² и т.д.

Грифон занимает значительное место в изобразительном искусстве древних народов Средней Азии. В эпоху бронзы в Бактрии и Маргиане появляются изображения различных фантастических существ, в том числе крылатые львы и другие кошачьи животные. В одном случае на одной стороне печати изображение крылатого льва, на другой — орла в геральдической позе. В другом — крылатый лев имеет хвост змеи. Редко встречались изображения грифонов с птичьей головой⁸³.

Последующая история грифона в искусстве Средней Азии нашла довольно полное отражение в специальной работе Г.А. Пугаченковой⁸⁴. Из всего имеющегося материала отметим в связи с нашей темой лишь алебастровую форму из Калалы-гыр I, служившую для отливки алебастровой капители с головой грифона. Аналогия — указанная выше ахеменидская капитель из Персеполя⁸⁵.

И разумеется, в скифском искусстве грифон являлся весьма распространенным сюжетом. Но это — особая тема⁸⁶.

Образ грифона и образ орла тесно связаны. Греки и римляне считали, что орел превосходит всех птиц и является единственной, которая действительно живет вместе с богами на небесах. В древних Вавилоне, Персии, Малой Азии, Греции, Италии и Египте орел — птица царей. У Ахеменидов и Птолемея основатель династии находится под защитой орла, то же самое — основатель фригийской династии. Наследников лидийского царя Тантала называли поколением орла и т.д. Поэтому в Греции, Этрурии и Риме орел был царским символом. То же самое можно сказать про Александра и диадохов. Орел обеспечивал победы в бою. Орел выступал и во многих других верованиях, часто изображался в искусстве. Что касается грифона, то в его реальное существование, конкретно в Индии, древние греки верили. Он считался соседом богов и был хранителем общей священной сущности⁸⁷.

---

⁸⁰ *Stucky R.A.* Achämenidische Hölzer und Elfenbeine aus Ägypten und Vorderasien im Louvre // *Antike Kunst*. 1985. 28 Jahrg. 1. Ht. S. 31. Taf. 11/42.

⁸¹ *Porada E.* The Collection of the Pierpont Morgan Library. (The Bollingen Series, XIV). N.Y., 1948 (Corpus of Ancien Near Eastern Seals in North-American Collections). V. I (text). P. 102. V. I (plates). Pl. CXXII/815e; *Amiet P.* Glyptique Susienne. V. I. Texte. 1972. P. 285; Planches. Pl. 189/2206; *Bleübreu E.* Rollisiegel aus dem Vorderen Orient. Wien, 1981. S. 92. Fig. 113; *Stern E.* Material Culture of the Land of the Bible in the Persian Period 538—332 B.C. Warrington — Jerusalem, 1982. P. 196, 198. Fig. 316 (более четкая фотография). *Collon D.* First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. L., 1987. P. 90. Pl. VII a/428.

⁸² *Richter G.M.A.* Late «Achaemenian» or «Graeco-Persian» Gems // *Hesperia*. Supplement VIII. 1949. P. 298. Pl. 31/3; *idem.* Engraved Gems of the Greeks and Etruscan. A History of Greek Art in Miniature. L.—N.Y., 1968. P. 128—129. Fig. 492, 494; *Schmidt E.* Persepolis. V. II // The University of Chicago. University Oriental Institute Publications. V. LXIX. Chicago, 1957. P. 18. Pl. 3/PT — 4.673; *Amiet.* Glyptique... V. I. Texte. P. 286. Planches. Pl. 190/2222.

⁸³ *Сарьяниди В.И.* Древнебактрийский пантеон // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 10. М., 1986. С. 20. Рис. 3/26, 29, 4/31, 36; *Sarianidi V.* Die Kunst des alten Afghanistan. Architectur, Keramik, Siegel. Kunstwerke aus Stein und Metall. Lpz, 1986. S. 231—234. Fig. 138.

⁸⁴ *Пугаченкова Г.А.* Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии // *СА*. 1959. № 2. С. 70 след. См. также: *Ремпель Л.И.* Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987. С. 40—46.

⁸⁵ *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 112. Рис. 53.

⁸⁶ См., в частности: *Погребова М.Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. 1948. Вып. XXII. С. 42 сл.

⁸⁷ *Keller O.* Die antike Tierwelt. Bd. II. Nachdruck. Hildesheim — New York, 1980. S. 1—8; *Toynbee J.M.C.* Tierwelt der Antike // *Kulturgeschichte der antiken Welt*. Bd. 17. Mainz am Rhein, 1983. S. 228—231.

В представлениях греков грифон являлся по преимуществу могущественным противником персов и символом победоносной силы. Поэтому на некоторых монетах Александра Македонского на шлеме изображения Афины помещен птицеголовый крылатый львиный грифон⁸⁸. Отметим, что орел — ведущий компонент в композитном фарне ахеменидских царей (Хеп. Суг. 7.1.4; 2.4.19; Anab. 1.10.12; Curt. 3.3.16)⁸⁹.

В греческой традиции грифоны были связаны с аримаспами, шире — с Востоком⁹⁰. В сочинении Ктесия «Индика» говорится, что «в Индийской земле» «обитают грифы, четвероногие птицы, величиной с волка, с ногами и когтями, как у льва. Перья (у них) на всем теле — черные, а на груди — красные» (FGrH, 688, fr. 45l = Aelian. N.A. 4. 36). Кроме того, он сообщает о грифе, что это индийское животное «четвероногое, наподобие льва, когти имеет чрезвычайно сильные и притом так же похожие на (когти) льва», «клюв орлиный». Грифы вступают в борьбу с людьми и разными животными и «одолевают их, кроме льва и слона». При этом Ктесий ссылается на рассказ «бактрийцев, соседей индийцев» (FGrH. 688, fr. 45h = Aelian. N.A. 4. 27). Грифы являются хранителями золота. Согласно Филострату (Ш. 48), грифы у индейцев посвящены Солнцу и влечут колесницы с изваяниями, изображающими Солнце. В приведенных выше сообщениях Ктесия И.В. Пьянков видит ряд моментов, которые могут «...действительно восходить к восточным, в частности к бактрийским, преданиям о грифах, хотя определенно доказать этого нельзя»⁹¹. Следует думать, что в иранском мире образ грифона имел очень широкий семантический спектр (это относится к грифону и в других традициях)⁹².

Не останавливаясь на всем этом круге проблем (грифон — древо жизни, грифон — Солнце), отметим лишь, что, как показывают письменные источники (Paus. 1.23.5) и многочисленные изображения, грифоны выступают как стражи богов, живых и мертвых людей. Вместе с тем грифон связан со светом, с производительными силами природы и др. Но в данном случае самое главное, что грифон символизирует апотропей и принцип борьбы и победы, что нашло, в частности, отражение и в легенде об аримасах⁹³.

Из вышеизложенного следует, что грифон не был чужд верованиям древних иранцев. Отсюда интерес ученых к проблеме: грифон и «Авеста». Как пишет Г.П. Шмидт, «"Авеста" знает только не составную мифическую птицу, *тэгэуа саёна*, которая, как ее этимологический эквивалент в санскрите, *śuena*, наиболее вероятно означала "сокол" или "орел", в то время как среднеперсидские источники описывают "*senmurv*" как композитное существо и сасанидское искусство дает этому подтверждение»⁹⁴. В «Авесте» *saēna* упоминается в связи с божеством победы Вэрэтрагной и с божественным фарном, живет в центре озера Воуракаша, на вершине «древа жизни», которое также является «древом здоровья», оно более детально описывается в позднем зороастрийском сочинении.

⁸⁸ Hill G.F. Alexander the Great and the Persian Lion-Gryphon // JHS. 1923. V. XLIII. P. 156—161. Fig. 1.

⁸⁹ Детальный анализ этих сведений. — Cow A.S.F. Notes on the Persae of Aeschylus // JHS. 1928. V. XLVIII. P. 138—140.

⁹⁰ Пьянков И.В. Бактрийский гриф в античной литературе // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 24.

⁹¹ Bolton J.D.P. Aristaeus of Proconnesus. Oxf., 1962. P. 65—93.

⁹² Пьянков. Бактрийский гриф... С. 24.

⁹³ Рапопорт Ю.А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977. С. 62—65.

⁹⁴ Детальная сводка существующих данных: Flagg I. Untersuchungen zur Bedeutung des Greifen. Sankt Augustin, 1975. S. 27—121.

Г.П. Шмидт⁹⁵ категорически отрицает возможность того, что образ Семурга⁹⁶ как сложно-составного мифического существа развился из авестийской мифической птицы⁹⁷. Другие ученые, напротив, считают, что *saēna* являлась прототипом Семурга⁹⁸. Проблему решенной считать нельзя, но наличие среди образов «Авесты» образа могучей мифической хищной птицы — бесспорно.

«Бактрийцы и другие ираноязычные народы сопоставляли грифона с гигантской огненной птицей, воплощающей свет, солнце»⁹⁹.

Вопрос о датировке тахтисангинской рукояти очень сложен, хронологические границы возможной датировки тахтисангинской рукояти очень широки. Но обратимся к деталям.

Уже в хеттском искусстве орлиноголовый львиный грифон порой имеет длинный рог с завитком на конце, свисающий вниз иногда до плеч чудовища. Позже, в VIII—VII вв. рог делается значительно более коротким и доходит лишь до верхней части шеи. Встречается этот мотив и в Зивие¹⁰⁰, в Урарту¹⁰¹.

Рог в виде завитка очень рано появляется и в Греции. Так, например, на литой бронзовой голове грифона из Олимпии (около 650 г. до н.э.)¹⁰² рог в виде завитка проходит снаружи орбиты глаза и непосредственно под ним, отвернут назад и вверх в виде волутой. В Олимпии найдена целая серия таких бронзовых голов с аналогичными рогами на лбу¹⁰³. Возможно, это исходный пункт развития ряда¹⁰⁴. В Тегеранском музее хранится золотая голова орлиноголового грифона доахеменидского времени, клюв открыт. Рядом с глазом спускается небольшой рельефный жгут с петлей на конце¹⁰⁵. В принципе этот завиток похож на рогообразный завиток на тахтисангинском грифоне, но выходит из-под волос (в тахтисангинском — над волосами). На эрмитажной золотой фигурке орлиноголового крылатого грифона, которую В.Г. Луконин атрибутировал как происходящую из Ирана IV—III вв. до н.э., в верхней части головки рог в виде небольшого S-образного завитка¹⁰⁶.

Рога-завитки, очень близкие по трактовке тахтисангинскому изображению, у грифонов на штампованных изображениях медных пластин из второго Пазырыкского кургана. На этих же пластинах, а также на деревянных украшениях конской узда из первого Пазырыкского кургана, основание верхней

⁹⁵ Schmidt H.P. *The Sēnmurw // Persica*. 1980. IX. P. 3—8.

⁹⁶ Тревер К.В. Сэнмурв — паскудж. Собака — птица. Л., 1957.

⁹⁷ Schmidt. *Op. cit.* P. 3.

⁹⁸ Khazai. *L'évolution...* P. 1—34. См. также: Brunner Ch.J. *Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art*. N.Y., 1970. P. 4.

⁹⁹ Перлов Б. Амударьинский клад // *Художник*. 1980. № 6. С. 63—64.

¹⁰⁰ Bisi. *Il grifone*, P. 125—130. Fig. 11/90, 12/92—95, 13/103; Madhloom T.A. *The Chronology of Neo-Assyria*; *Art. L.*, 1970. Pl. LXXXIV.

¹⁰¹ См., например, Barnett. *Catalogue of the Nimrud Ivory...* P. 229. Pl. CXXXI/W-13—15.

¹⁰² Mallwitz A., Herrmann H.-V. *Die Funde aus Olympia. Ergebnisse hundertjähriger Ausgrabungstätigkeit*. Athen, 1980. S. 68—69. Taf. 36.

¹⁰³ Herrmann H.-V. *Kesselprotomen und Stabdreifüsse (Die Kessel der orientalisierenden Zeit. Teil II) // Olympische Forschungen*. 1979. Bd XI. S. 44—46. Taf. 54—60.

¹⁰⁴ Мы пропускаем последующие этапы эволюции. Но см. изображение крылатого орлиноголового грифона на этрусской вазе IV в. из Испании: Freijeiro A.B. *Die klassischen Wurzeln der iberischen Kunst // Madrider Mitteilungen (DAI, Abteilung Madrid)*. T.I. Heidelberg, 1960. S. 212. Taf. 30/a; Deplice. *Le grifone...* P. 144. Fig. 164.

¹⁰⁵ Samadi H. *Les découvertes fortuites et l'état de la civilisation*. Téhéran, 1960. Fig. 27.

¹⁰⁶ Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесова Л.С. *Ювелирные изделия Востока*. М., 1984. С. 20. № 16. Рис. 20.

половины клюва отмечено рядом «перлов» (от трех до семи)¹⁰⁷. Перлы — другой специфический признак тахтисангинского изображения, они окружают основание рога.

Бугорки (перлы) встречаются на ряде изображений орла или орлиноголового грифона в греческом искусстве. Они есть между глазами упомянутых выше бронзовых голов грифонов из Олимпии¹⁰⁸. На одной греческой печати первой половины VII в. до н.э. изображение орлиноголового грифона, вдоль нижней границы глаза — три рельефных бугорка¹⁰⁹. У бронзовой фигурки орлиноголового грифона из коллекции Государственных музеев в Берлине (Урарту, возможно — из Топрак-кале) у задней оконечности глаза полусферический бугорок¹¹⁰.

На агатовой цилиндрической печати (Библиотека Пирпонта Моргана) изображение: стоящий на задних лапах крылатый лев. Вдоль выступа носа — две рельефные точки, на верхней губе еще две. Этот цилиндр Э. Порада относит к прото-ахеменидским¹¹¹. Так же трактована морда крылатого льва и на одной ахеменидской агатовой цилиндрической печати¹¹². На карнелиановом скарабеоиде изображение в греко-персидской манере: орлиноголовый грифон, у которого под глазом и, несколько отступя, у клюва — выпуклые круглые полушарики (всего три)¹¹³. На другой греко-персидской гемме конца VI — начала V в. до н.э. — идущее чудовище с телом льва, лапами орла, с открытой пастью, с рогом, линия носа показана в виде трех рельефных точек¹¹⁴. Укажем также на чрезвычайно важную аналогию — на два рельефа с грифонами из Персеполя (Гарем Ксеркса, восточный проход главного зала)¹¹⁵. У этих крылатых монстров с львиным корпусом и головой и скорпионьим хвостом выше внешнего уголка глаза бугорок в виде полушарика, под ними, на одной линии и практически смыкаясь, два таких же бугорка.

В этой связи также следует упомянуть золотую бляшку (3,3×3 см) из собрания Abegg-Stiftung (инв. № 8.19.63), изображающую голову крылатого орлиного грифона с закрытым клювом. У внешнего уголка глаза — три рельефных точки, под ними еще одна. Таким образом, этот прием украшения морды животного связан с модой, распространенной в VI—V вв. до н.э. Добавим, что в ахеменидской глиптике есть изображения орлиноголовых грифонов, у которых, как у тахтисангинского грифона, половинки клюва сомкнуты, конец верхней половины «заходит» за нижнюю, между половинками — широкая овальная щель¹¹⁶. В отношении такой щели можно указать и на некоторые урартские

¹⁰⁷ Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953. Рис. 74—75. Табл. XXXVIII/1—3. См. также: Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. М.—Л., 1952. Рис. 112/Б; Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. Табл. XX/1,4; Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960. Рис. 146/М.

¹⁰⁸ Herrmann. Kesselprotomen... S. 44—46. Taf. 54—60; Mallwitz, Herrmann. Op. cit. S. 68—69. Taf. 36. 109.

¹⁰⁹ Zwierlein-Diehl E. Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd II. Staatliche Museen Preussischer Kulturbesitz, Antikensammlung (Berlin). München, 1969. S. 57—58. Taf. 26/106.

¹¹⁰ Van Loon M.N. Urartian Art. Its Distinctive Traits in the Light of New Excavations // Utgaren van het Nederlands Historisch-archaeologisch Instituut te Istanbul. V. XX. Istanbul, 1966. P. 91. Pl. XV.

¹¹¹ Porada. The Collection... P. 102. Pl. CXXII/815e.

¹¹² Bleitbreu. Op. cit. S. 92. Fig. 113.

¹¹³ Boardman J. Greek Gems and Finger-Rings. Early Bronze Age to Late Classical. L., 1970. P. 319, 356. Pl. 958.

¹¹⁴ Richter. Engraved Gems... P. 128—129. Fig. 492, 494.

¹¹⁵ Schmidt. Persepolis. I. Pl. 196/B.

¹¹⁶ Amiet. Glyptique... V. I. Texte. P. 286. Pl. 190/2222. Такой тип смыкания закрытого клюва встречается и на грифонах на вазописи VII—VI вв. до н.э. — Morin-Jean. Le dessin des animaux en Grèce d'après les vases peints. P., 1911. P. 68. Fig. 67, 113.

аналогии¹¹⁷. С учетом всего этого материала мы склоняемся к датировке V—IV вв. до н.э. тахтисангинской рукояти махайры в виде грифона из слоновой кости, причем большинство аналогий указывает на VI—V вв.

Естественно, возникает еще один очень сложный вопрос: были ли махайры распространены в Бактрии уже в ахеменидское время или же они появились вместе с приходом войск Александра Македонского. Согласно Ктесию, Семирамида, собирая огромное войско в Бактрах, включила в его состав сто тысяч «людей верхом на верблюдах, вооруженных махайрами длиной в четыре локтя»¹¹⁸. Легендарный характер всего рассказа о Семирамиде заставляет относиться к этому сообщению с предельной осторожностью, учитывая его лишь как возможный намек на то, что во времена Ктесия, т.е. в начале IV в. до н.э., его информаторы считали, что в Бактрии были распространены махайры. Однако во время похода Александра Македонского здесь упоминается акинак (Curt. VII. 4.19), хотя при этом остается неясным, идет ли речь действительно о среднеазиатском оружии или персидском¹¹⁹. Впрочем, оружием другого среднеазиатского народа, массагетов, называется махайра (Strabo. XI. 8.6). Вообще, еще Эсхил (Pers. 55—56) назвал все народы Азии «носящими махайры» — τὸ μαχαίροφόρον¹²⁰. Для решения вопроса о распространении махайры в ахеменидском войске наука располагает немногочисленными и не вполне достоверными свидетельствами. Как выше указывалось, на греческой вазописи в сценах борьбы греков и персов противники часто имеют один и тот же меч с выпуклым лезвием — махайру¹²¹, но приходится иметь в виду (об этом также говорилось на предыдущих страницах), что греческие вазописцы нередко одевали «персов» в греческую одежду и греческий доспех, снабжали греческим оружием.

Перейдем к письменным свидетельствам. В самом конце V в., если верить Ксенофону, в ахеменидском войске у Кира Младшего воины упражнялись в панцире, со щитом, с махайрой в руках (Xen. Cyr. II. 1.21). С. Биттнер задается вопросом, означает ли это, что в ахеменидском войске были группы «махайроносцев», или же термин применен Ксенофонтом в данном случае без конкретной определенности. Сопоставив имеющиеся упоминания, он приходит к заключению, что термин использовался греческими авторами как родовое название, обозначение «рубящего меча», в противоположность колющему оружию¹²². Добавим еще одно сообщение того же источника. Когда ахеменидский царь выезжает на охоту, он берет с собой половину стражи, причем охрана должна иметь, помимо прочего оружия, махайру в ножнах (Xen. Cyr. I. 2.9; II. 3. 10; IV. 5. 58; VI. 1. 2; VII. 1. 34).

В этой связи очень важно следующее сообщение Квинта Курция: Дарий III (336—331) «в начале царствования приказал изменить форму персидских ножен для акинака по образцу греческой» (Dareum in principio imperii vaginam acinacis

¹¹⁷ Barnett R.D. The Excavations of the British Museum at Toprak Kale near Van // Iraq. 1950. V. XII. P. 17. Pl. XV/1—2.

¹¹⁸ Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (Текст, перевод, примечания). Душанбе, 1975. С. 64, 65.

¹¹⁹ Литвинский Б.А., Пьянков И.В. Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н.э. // ВДИ. 1966. № 3. С. 37—38, 48 (Квинт Курций сообщает об акинаке Бесса).

¹²⁰ Boadhead H.D. The Persae of Aeschylus. Camb., 1960. P. 4, 47. См. об этом также: Calmeyer P. Zur Genese altiranischer Motive. VIII. Die «statische Landschaft des Perserreiches», I // AMI. NF. 15. B., 1982. S. 174—175.

¹²¹ Часть литературы приведена выше. См. также: Schoppa H. Die Darstellung der Perser in der griechischen Kunst bis zum Beginn des Hellenismus. Inaugural-Dissertation. Heidelberg, 1933. S. 28, № 2, 3, 4; S. 30, № 2, 3; S. 54, 82.

¹²² Bittner S. Tracht und Bewaffung des persischen Heeres zur Zeit der Achaemeniden. II. Aufl. München, 1985. S. 171.

Persicam iussisse mutari in eam formam, qua Graeci uterentur) (Curt. III. 3. 6; ср. Diod. 15. 55. 1)¹²³.

Что касается изменений в акинаке, можно согласиться с С. Биттнером, что смысл этих слов Квинта Курция «истолковать трудно». Исследователь утверждает, что выражения древнего автора надо понимать буквально и что речь шла не об изменении самого акинана (например, об его удлинении), а именно о каких-то изменениях в ножнах, скорее всего, связанных с модификацией способа ношения (и прикрепления) оружия. Впрочем, он допускает и другое, а именно, что Дарий III приказал снять с ножен золотые украшения, использовав их для финансирования военных нужд¹²⁴. Исходная посылка и оба предположения не кажутся бесспорными, тем более, что в ходе последующей военной реформы Дария III, в 332 г., изменены были именно клинки: согласно Диодору (17.53.1) было решено изменить длину мечей и копий, увеличив ее по сравнению с ранее применявшимися образцами. Однако о каких именно мечах (копис, махайра, акинак) шла речь, остается неясным.

Самой близкой аналогией нашей рукояти парадной махайры — кавалерийского «палаша» — могут служить более поздние, но тоже вотивные рукояти, отлитые вместе с эфесом из бронзы и имитирующие подлинные греческие мечи, которые были найдены среди приношений общегреческого святилища — храма Зевса Додонского¹²⁵. Однако наша костяная рукоять, хотя в восточном ареале и уникальна, по стилю исполнения имеет совершенно другой — ахеменидский облик. Поэтому и идентификация места ее изготовления и точная датировка представляют определенные трудности.

Стилистические особенности изображения грифона на рукояти вполне корреспондируют с сообщением Курция Руфа (III. 3. 6) об изменении Дарием III в начале своего правления (осень 336 г. до н.э.) формы персидских мечей по образцу греческих. Действительно, если сравнивать эту рукоять с ахеменидскими или мидийскими рукоятями на рельефах Персеполя, а также с аналогичными ахеменидскими, найденными в храме Окса, то становится очевидным, что эта рукоять новой для Ахеменидов формы, заимствованной у эллинов. В пользу этого говорят сравнения с эллинскими рукоятями махайр, увенчанными головами львов, орлов, грифонов, хорошо известных как по краснофигурной аттической вазописи, так и по приведенным вотивным отливкам храма Зевса Додонского. Если это и не верно, то дата может быть изменена только в пользу более раннего времени, поскольку после победы Александра Македонского и падения Ахеменидской державы войско покоренной империи приняло на вооружение македонское оружие. Об этом неоднократно свидетельствуют античные авторы, говоря о реорганизации войск и принятии 30 тысяч персов и бактрийцев в состав греко-македонского войска перед походом на Индию. Время изготовления рукояти следует отнести к 450—331 гг. до н.э. Если же учитывать сообщение Курция Руфа, то вероятна и более точная дата — 336—331 гг. до н.э., хотя столь большая точность в датировке скульптуры и малой пластики и не требуется, столь точно для этого времени невозможно датировать даже вазы краснофигурного стиля IV столетия. Суммируя все эти свидетельства с учетом находок из храма Окса и других комплексов, можно предположить, что махайра как тип меча входила в состав оружия ахеменидского войска, встречалась она и в Бактрии, и в Индии. Но это не дает возможности конкретно и точно определить, до или после Александра Македонского данная конкретная махайра

¹²³ Сердечно благодарим М.В. Горелика, обратившего наше внимание на это ценное упоминание Курция Руфа.

¹²⁴ Bittner. Op. cit. S. 205—296, 293—294.

¹²⁵ Daux G. Chronique des fouilles et découverts archéologiques en Grèce en 1965 // BCH. 1966. V. XV, № 2. P. 847. Fig. 5.

оказалась на земле Бактрии. Вероятны оба решения, если рассматривать нашу рукоять махайры отдельно от предметов ахеменидского времени, посвященных в храм Окса, и от аналогичных шедевров Клада Окса, открытых на правом берегу Амударьи у слияния Вахша с Пянджем, то есть непосредственно вблизи храма.

Следует обратить внимание, что в храме оставлены предметы ахеменидского времени, почти исключительно изготовленные из слоновой кости, храмовые приношения из золота были вынесены из храма, случайно оставлены лишь мелкие предметы: обрывки пластин с орнаментом, листики и мелкие прямоугольные пластины из золота, тогда как Клад Окса составляют крупные сосуды, украшения и большие пластины исключительно из драгоценных металлов — в основном из золота. Многие предметы из Клада Окса украшены царским фарном, но и без фарна ясно, что все предметы из золота царского или близкого к царскому достоинства, так как драгоценные металлы и художественные изделия в Ахеменидском государстве строго контролировались. Предметы ахеменидского времени могли попасть в бактрийский храм в качестве прямых или опосредованных даров от царя или принесены в храм посланцами царя — столичными жрецами — учредителями храма Окса. Таким был бы единственный вариант попадания культовых и драгоценных предметов в далекий от столичных центров храм Окса, если не было бы македонской экспансии и многочисленных свидетельств не только о награбленном добре, попавшем вместе с захватчиками в Центральную Азию, но и о его прямом уничтожении, вызванном необходимостью похода. Перепосвящение культовых предметов или даже простое копирование — акты, известные археологам. Но это в период небольших войн, в то время как в период македонской экспансии драгоценности древнего Востока, сосредоточенные в ахеменидских сокровищницах, перемещались на гигантские расстояния. Все это усложняет, казалось бы, идентификацию места производства золотых изделий — подлинных шедевров ахеменидского искусства. Однако углубленный анализ показывает, что не было правил без исключений. Некоторые из золотых пластин из храма и Клада Окса были или полу-фабрикатами, т.е. еще не получившими рисунок — послание божеству, или были с рисунками — гравировками, изготовленными на месте непрофессионально и наспех. «Пустые» пластины были готовы к использованию их донаторами, а «примитивные» как раз подтверждают эту версию. Теперь многие считают их свидетельством в пользу местного происхождения части пластин. В Клад Окса есть и изображения обнаженных юношей (№№ 4 и 86) явно греческой работы. Есть и более поздние золотые изделия — посвящения, сделанные в эллинистическое время уже после падения ахеменидской державы, несомненно, на месте, некоторые из которых близки по стилю скифо-сибирскому златоделию. Все эти предметы местной работы и не могли быть привезены.

Слоновая кость в изделиях первоклассных мастеров различных столетий и разных школ открыта в храме Окса в большом числе. По существу она количественно не уступает изделиям из местной глины: разнообразным скульптурам и терракотам, сделанным очень художественно, но безусловно на месте. Такая массовость изделий из слоновой кости заставляет вспомнить о близком соседстве с Бактрией богатой слонами Индии. О контактах Бактрии с близким соседом — Индией прямо говорят и изделия из слоновой кости, и серебряные монеты времени индийской династии Маурья, открытые в храме Окса. Массовость материала из слоновой кости, высококачественность изделий, изготовленных в разные столетия, в целом свидетельствуют в пользу существования устойчивой традиции костерезного мастерства. К сожалению, трудно восстанавливается время, с которого можно надежно засвидетельствовать начало местного производства.

Однако достаточно уверенно можно утверждать, что уже во время Селевкидского и Греко-Бактрийского царств было налажено массовое производство

деталей вооружений и из слоновой кости, и из металлов. В пользу местного производства в Селевкидском и Греко-Бактрийском царствах изделий из бронзы и железа свидетельствуют химические анализы изделий. О несомненности местного производства высококачественных скульптур из необожженной глины, полихромных и золоченых, говорилось неоднократно.

Изучение отдельных шедевров ахеменидского круга, таких, как ножны акинака и рукоять со скульптурным завершением головы грифона, также показывает, что уже в ахеменидский период в Бактрии существовало местное производство изделий из слоновой кости. Однако совершенно уверенно утверждать это в настоящее время мы не решаемся.

ACHAEMENID HILT DECORATED WITH THE HEAD OF A GRIFFIN

B.A. Litvinsky, I.R. Pichikyan

The pommel of the hilt described in the article was that of an Achaemenid *machaira*, a cavalry slashing weapon, borrowed by the Persians from the Greeks. According to Curtius Rufus (III. 3.6), Darius III at the beginning of his rule changed the shape of daggers after the Greek pattern (see also Diod. XV. 55.1). The *machaira* hilt is made in the Achaemenid style, but is quite unique in the Eastern area.

Since the hilt under discussion bears no resemblance to the Achaemenid hilts represented of Persepolis reliefs or to other hilts found in the Oxus Temple, it is clear that the shape of the hilt is new to the Achaemenids and was adopted from the Greeks. Judging by paintings of the red-figures vases of the period of the Graeco-Persian wars, the Greeks believed that the Persians had used *machairas* long before Darius III. Written sources (Her. IV. 70; Xen. Cyr. I. 2.9; II. 1. 21; II. 3. 10; IV. 5. 58; VI. 1. 2; VII. 1. 34) also testify to an earlier use of *machairas* by the Persians as and ritual weapons.

Griffins were widely represented in Achaemenid monumental art and in jewelry, including masterpieces from the Oxus Treasure (№ 14, 17, 23, 110, 116a).

In the Achaemenid world the image of a griffin had a broad semantic range discussed by the authors. The Greeks believed in the existence of griffins in India. In India itself griffins were regarded as gods' neighbours and keepers of common sacred nature.

The exact date given by Curtius Rufus cannot be decisive for dating the Takht-i-Sangin hilt. Proceeding from the style of representation it would be more correct to place the date of the manufacture of the hilt with a griffin within a broader chronological time frame: 450—331 B.C.

© 1993 г.

К. Ламберг-Карловский

В. ГОРДОН ЧАЙЛД И КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ*

В. Гордон Чайлд — своего рода икона в археологии XX столетия; о нем написано бесчисленное множество статей, его биографии посвящены три превосходных исследования¹. В научной литературе он, по-видимому, стоит вне критики. Общеизвестно, что с именем В.Г. Чайлда связаны такие выражения, как «неолитическая революция» и «городская революция»; этим он дал археологам терминологию и способы осмысления прошлого, кажется, столь же долговечные, как и те, что стоят за «системой трех веков» (каменный, бронзовый, железный) К. Томсена. В настоящей статье предпринимается разбор интеллектуальной конструкции, которую Чайлд применил для постижения неолитической и городской революций. Я полагаю, что центральными в его схеме исторических изменений были понятия «революция», «прогресс» и «рациональность», которые Чайлд выдвинул в рамках марксистского подхода. Он ясно заявил, что некоторые революции, например неолитическая в прошлом и социалистическая в настоящем, «прогрессивны», тогда как другие, например городская революция, получили у него отрицательную оценку. Сохранявшаяся на протяжении всей его жизни приверженность Чайлда к тому, что он считал прогрессивным в социалистической революции, помешала ему разглядеть культурный контекст, в котором развивалась археология в СССР.

Пожалуй, меньшее внимание обращалось на то обстоятельство, что, говоря об этих революциях, Чайлд предложил очень разные обоснования для их определения. Для городской революции Чайлд перечислил десять точных критериев, по которым определялись и характеризовались достижения урбанизации. Но в его рассуждениях о революции неолитической трудно найти подобное перечисление ее специфических отличительных черт. Первоначально обсуждение и определение неолитической революции имело форму пространного повествования, занявшего целую книгу «Человек создает себя» (1936 г.², пересмотренное издание 1951 г.). Хотя Чайлд и указал на специфические отличительные черты неолитической революции, такие как появление земледелия и керамики, его рассуждения о неолитической революции, в

---

* Автор хотел бы поблагодарить Кван-чи Чанга, Генри Клира, Филиппа Коля, Йонатана Мизрахи, Роберта Пурселла, Гордона Уилли и Офера Бар-Йосефа за их полезные и конструктивные замечания к этой статье. Я особенно признателен академику Валерию Алексею, недавно скончавшемуся директору Института археологии РАН, сделавшему так много, чтобы познакомить меня как с социальной обстановкой в стране, так и с людьми, которые занимались археологией в годы существования СССР. (В настоящее время готовится специальное исследование, посвященное этой теме; предварительный доклад был прочитан на Джеймсовских лекциях в Американском философском обществе). Все упущения и промахи остаются на совести автора.

¹ *Trigger B. Gordon Childe. Revolution in Archaeology. N.Y., 1980; McNairn B. The Method and Theory of V. Gordon Childe. Edinburgh, 1980; Green S. Prehistorian. A Biography of Gordon Childe. Bradford on Avon, 1981.*

² *Childe V.G. Man Makes Himself. L., 1936.*

сравнении с его рассуждениями о революции городской, носят куда более абстрактный характер³. Когда Чайлд работал над книгой «Человек создает себя» (1936), в Старом Свете не было известно ни одного неолитического поселения, которое можно было бы надежно датировать временем до середины V тыс. до н.э. Понятно, что поселения, которые он считал неолитическими, такие, как Фаум и Меримде, мы воспринимаем теперь как представляющие очень позднюю фазу неолита. Хотя Чайлд и не думал, что неолит был неким революционным событием, и даже прямо говорил о нем как о «процессе» (см. ниже), но то, что он приводил позднеолитические поселения как пример преобразований, происходивших в раннем неолите, искажало его понимание *относительной* продолжительности неолитического процесса. Не имея тех данных, которыми мы теперь располагаем, об археологических культурах Ближнего Востока в X—VI тыс. до Р.Х., он невольно сокращал продолжительность неолитической революции, укладывая ее в относительно короткий промежуток времени. В этом отношении первоначальная чайлдовская формулировка неолитической революции подразумевала гораздо более короткий период времени, чем заставляют предполагать современные данные. Как мы увидим в дальнейшем, Чайлд верил, что неолитическая революция была порождена рядом рационально сделанных выборов, особым, целенаправленным поведением людей, включавшим внедрение «научных открытий и изобретений». Вера Чайлда в преобразующую силу перемен в области технологии и его приверженность идее прогресса в культурной эволюции заставляли ученого подчеркивать, что неолитический процесс явился событием революционным, вне зависимости от того, сколько времени на это потребовалось.

«Вопрос о том, где люди впервые начали возделывать землю, и случилось ли это в одном каком-то центре или в нескольких, до сих пор остается не решенным»⁴. Сегодня на этот вопрос получен ответ, удовлетворяющий большинство исследователей. Считается, что земледелие возникло в нескольких независимых друг от друга очагах: в Китае, Индии, Юго-Восточной Азии, Новом Свете, Африке, Океании и на Ближнем Востоке. Встает новый вопрос, который удивил бы Чайлда; это вопрос не о том, были ли перечисленные области самостоятельными центрами становления земледелия, — сегодня в этом нет сомнений, а о том, сколько самостоятельных центров существовало *в каждом* из этих регионов. Действительно ли начало земледелия у натуфийцев Палестины никак не было связано с попытками обрабатывать землю носителями зарзыйской культуры в горах Загроса? Зародилось ли земледелие в какой-то одной области Ближнего Востока, как считают некоторые исследователи, или независимо зарождалось в нескольких регионах, как полагают другие? В поисках центра доместикации Чайлд обратил свое внимание на Египет, который, как он верил, был эпицентром изобретения и распространения земледелия. Сегодня вслед за Джеком Харланом⁵ почти все полагают, что доместикация происходила в «центрах» и «не-центрах». «Центры» — это сравнительно ограниченные территории, на которых шла доместикация многих видов, а «не-центры» — большие районы, в которых доместикация была скорее процессом распространения. Но что было «центрами», а что «не-центрами»? Бар-Йосеф и Белфер-Козн, по-видимому, выступают за единый центр для всего Ближнего Востока, указывая на удаленную от

³ Я не ставлю здесь перед собой цели проследить историю терминов «неолитический» или «революция» в археологии. Чайлд писал о неолитической революции еще до публикации книги «Человек создает себя». В своем президентском обращении к Обществу по изучению доистории он говорил о революциях как о «функционально-экономических интерпретациях», в которых термины «палеолитическая, неолитическая и т.п. следует рассматривать как указывающие на некие экономические стадии». Эти экономические стадии он воспринимал как порождения революций в экономике: «Одной из многих услуг, оказанных доисторией профессором Эллиотом Смятом, явилось то, что он настойчиво говорил о революционном отличии людей, ведших производящее хозяйство, от собирателей. Вслед за ним Гарольд Пик и другие предложили приравнять начало неолита к началу производящей экономики. Эта революция в жизни людей может быть названа неолитической революцией» (Childe V.G. Changing Methods and Aims in Prehistory // PPS. The University Museum. Cambr., 1935. P. 7).

⁴ Childe V.G. Man Makes Himself. L., 1951. P. 61.

⁵ Harlan J. Agricultural Origins: Centers and Non-centers // Science. 1971. V. 174. P. 468—474.

моря полосу земли на юге Леванта⁶. Большинство же авторов продолжают настаивать на том, что переход к земледелию совершился в результате воздействия друг на друга ряда территорий, расположенных на более широком географическом пространстве. Но каковы были размеры территорий, на которых происходило это взаимодействие? Данная проблема еще более осложняется точкой зрения Жаррижа, который утверждает, что поселение Мергарх в Пакистане Белуджистане дает пример совершенно независимого развития земледелия с использованием тех же растений и животных, что были характерны для неолита на Западе⁷. Тот факт, что в Мергархе доместикация растений и животных происходила на тысячу лет позднее, чем в Леванте, и одновременно с теми же процессами на поселении конца VII тыс. Санг-и Какмак в соседнем Восточном Иране, только подчеркивает полное отрицание одним из археологов роли диффузии в распространении земледелия. Чайлд не удивился бы Дурути, поселению мадленского времени на юго-западе Франции, где было найдено более 1500 пластин с одним режущим краем, на которых сохранился «серповый лоск», характерная патина, появляющаяся от соприкосновения орудия с содержащими кремний злаковыми при жатве. Исследователь, раскопавший это верхнепалеолитическое поселение, охарактеризовал его как «сезонную деревню». Такой тип поселений — большая неожиданность для верхнего палеолита; столь же неожиданными были и утверждения Пауля Бана о том, что жители одновременных с Дурути мадленских поселений использовали прирученных лошадей. На самом деле Чайлд был убежден в том, что неолитическую революцию начали с выращивания растений и разведения животных мадленцы Европы⁸.

Чайлд думал, что «бесполезно рассуждать о том, как, где и когда люди начали возделывать злаковые»⁹. Почти полное отсутствие зооархеологических и палеоэтно-ботанических методов в ту пору, вероятно, оправдывало его убежденность в бесполезности подобных рассуждений, которым он тем не менее все-таки предавался сам и которые не выдержали проверки временем. Вначале Чайлд полагал, что Египет был первым очагом развития земледелия, откуда оно в процессе быстрой диффузии распространилось по Северной Африке, Ближнему Востоку и Европе. Общеизвестная приверженность Чайлда¹⁰ к идее диффузионального распространения открытий привела его к поддержке теории «Перри, убедительно и последовательно отстаивавшего египетское происхождение земледелия...». Позднее, с появлением новых археологических свидетельств с территории Ближнего Востока, он перенес свое внимание на этот регион, но сохранил веру в быстрый диффузиональный процесс, распространивший новую технологию на восток и на запад. Он полагал, что доместикация растений была вызвана сознательным намерением улучшить «с помощью селекции съедобные злаковые, корнеплоды и деревья». Он доказывал, что переход к земледелию был явлением целенаправленным, осуществлением сознательного плана улучшить экономику охоты и собирательства путем доместикации животных и растений. Чайлд ясно высказал свое мнение о том, что «варварство явилось результатом применения целого комплекса научных открытий и изобретений». Стадия варварства при этом характеризовалась, в частности, началом развития земледелия. Здесь Чайлд выражает свою веру в рациональность поведения людей, способных через технологические достижения и социальные нововведения управлять течением культурной эволюции и прогресса. Его мысли о неолитической революции оттеняются тем, как он рисовал современный мир в конце второй мировой войны. Книга Чайлда «История» (1947), к которой почему-то редко обращаются, дает ясное изложение того, как он понимал прошлое и какие предсказания делал на будущее.

---

⁶ Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. From Sedentary Hunter-Gatherers to Territorial Farmers in the Levant // *Between Bands and States* / Ed. by S.A. Gregg. Center for Archaeological Investigations. Occasional Papers № 9, 1991. Southern Illinois University.

⁷ Jarrige J.-F. Chronology of the Earlier Periods of the Greater Indus Valley as Seen From Mehrgarh, Pakistan // *South Asian Archaeology*. 1981. P. 21—28 / Ed. by B. Allchin. Camb., 1984.

⁸ Childe. *Man Makes Himself*. 1936. P. 73.

⁹ Ibid. 1951. P. 66.

¹⁰ Ibid. 1936. P. 84.

Сквозь чайлдовское видение прошлого с его явно материалистической схемой, согласно которой технологические перемены приводят к новым стадиям прогресса человечества, и сквозь его видение будущего с предвещием некоей особой формы сталинского социализма (см. ниже) проходит общей нитью идеологическая привязанность — вера в революционные этапы, определяемые материальными силами в рамках линейного прогресса человечества. Несмотря на то, что Чайлда продолжают считать крупнейшим в нашем столетии исследователем доистории, очень немногие ученые сегодня разделили бы его понимание прошлого или, как мы увидим, его надежды на будущее. При чтении «Истории» становится ясно, что эту книгу объединяет одна тема, а именно — вера в линейный процесс социальной эволюции, протекающей в контексте рационального поведения, которое направлялось материальными силами и поддерживалось «передовыми идеями», вроде тех, что выдвигал Сталин (см. ниже). О какой бы из революций — неолитической, городской или социалистической — ни заходила речь, разумная рука материальных сил последовательно вела дело к прогрессу человечества. Вернемся, однако, к некоторым характерным взглядам Чайлда на неолитическую революцию.

Чайлд верил, что domestикация растений предшествовала одомашниванию животных¹¹. Такие поселения, как Тепе Асиаб¹² и Тепе Тула'и¹³, по-видимому, представляли собой временные стоянки пастухов-кочевников, специализировавшихся на разведении овец и коз; они существовали одновременно с поселениями земледельческих общин. Существование специализированных поселений кочевников в эпоху позднего неолита (з тут идут споры, действительно ли это были временные стоянки кочевников), казалось бы, говорит в пользу точки зрения Чайлда. Однако полученные недавно данные, относящиеся к более раннему времени, чем названные выше поселения, заставляют предполагать наличие известной географической асимметрии в domestикации растений и животных. Злаковые, по-видимому, были впервые domestифицированы в Леванте, тогда как овцы и козы были, возможно, впервые приручены на нагорьях к северу от него. Такая географическая асимметрия domestикации, ранний южный земледельческий комплекс и более поздний северный центр одомашнивания животных, открывала возможность регионального сельскохозяйственного синтеза в domestикации злаковых и животных, являвшегося следствием взаимодействия равнинного Леванта и предгорных районов Загроса и Тавра.

По мнению Чайлда, переход к сельскому хозяйству означал сокращение общественных трудовых затрат, так как «возделывание земли не требовало всепоглощающего труда»¹⁴. Исходя из этой сомнительной посылки, он решил, что такое преимущество и явилось стимулом для принятия земледелия, занятия, как он считал, менее рискованного и обременительного, чем охота и собирательство. Недавние исследования поставили под сомнение такой взгляд на вещи. Прежде всего, удалось установить, что охотники и собиратели питались по меньшей мере не хуже земледельцев, свободного времени у них было больше, чем у последних¹⁵, а общее состояние здоровья лучше¹⁶. Кроме того, Бозеруп показал, что трудовые затраты земледельцев еще более возрастают, когда они начинают кормить свой скот выращиваемыми кормами¹⁷. Но если земледельцы затрачивали больше труда, чем охотники, а преимущества пищи, получаемой от домашних животных, были весьма сомнительны, зачем было заниматься сельским хозяйством? Чайлд, разумеется, не мог знать работы Салинса, который охарактеризовал охотников и собирателей как первое «богатеющее» общество¹⁸. Чайлду казалось, что охотники и собиратели

¹¹ Ibid. 1936. P. 75.

¹² *Bokonyi S. Archaeological Problems and Methods of Recognizing Animal Domestication // The Domestication and Exploitation of Plants and Animals / Ed. by P.J. Ucko, G.W. Dimbleby. Chicago, 1969.*

¹³ *Hole F. Tepe Tula'i: An Early Campsite in Khuzistan Iran // Paleorient. 1974. V. 2. № 2. P. 219—242.*

¹⁴ *Childe. Man Makes Himself. 1951. P. 60.*

¹⁵ *Lee R.B., Devore I. Man The Hunter. Chicago, 1968.*

¹⁶ *Cohen M.N., Armelagos C.J. Paleopathology at the Origins of Agriculture. N.Y., 1984.*

¹⁷ *Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth. Chicago, 1965.*

¹⁸ *Sahlins M. Stone Age Economics. Chicago, 1972.*

влачили жалкое существование, при котором сама их численность была ограничена скудными пищевыми ресурсами. Для Чайлда материальные потребности, подпитываясь рациональной мыслью, в свою очередь породили «научные открытия и изобретения», которые разрешили проблему выживания охотников и собирателей через сознательное изобретение ими земледелия. Недавние исследования показали, однако, что рост численности охотников и собирателей сдерживался не недостаточностью пищевых ресурсов, а более сложными биологическими факторами. Теперь причину ограничения роста численности охотников и собирателей видят в том, что в таких обществах обычно был больший промежуток времени между родами из-за более длительного периода лактации, вызванного большей мобильностью этих обществ. У оседлых земледельцев женщины рожали детей чаще, каждые два года, тогда как женщины кочевавших охотников и собирателей — раз в четыре года. Последствия — постепенный рост численности населения по мере перехода к оседлости — самоочевидны. Чайлд признавал это, но объяснял иначе, говоря о том, что «дети стали экономически выгодны (в земледельческих обществах). Для охотников они должны были быть обузой». И заключал: «вероятность того, что новая экономика сопровождалась ростом численности населения, очень высока»¹⁹.

В новых работах изучение значимости для неолитической революции численного роста населения стало одной из важнейших тем. Бинфорд²⁰, Фланнери²¹, Смит и Янг²², Коэн²³, да и не только они присоединились к Чайлду, утверждая, что разработку новой стратегии выживания сделал необходимой прежде всего рост численности населения. Другие ученые пытались опровергнуть эту точку зрения. Наиболее убедительно это получилось у Кауджилла; его статистические и демографические выкладки говорят о медленном, постепенном, кумулятивном росте численности населения, т.е. о таком росте, который ни на одном из этапов не мог бы считаться необходимой или достаточной «причиной» неолитической революции²⁴. Следует подчеркнуть, что едва ли существуют разработанные схемы регионального распределения неолитических памятников. Пожалуй, лучше всего было изучено расселение неолитических общин на территории Израиля, где данные докерамического неолита А, и в особенности докерамического неолита Б, указывают на значительный рост числа и размеров поселений, что предполагает рост оседлости и/или населения²⁵.

Чайлд не только отстаивал идею о том, что рост численности населения являлся решающим фактором, вызвавшим неолитическую революцию, а также и ее следствием; он поддерживал взгляд, согласно которому изменение климата было одной из основных причин возникновения новой стратегии выживания. Действительно, два этих фактора, рост численности населения и климатические изменения, воспринимались им как двойной мотор, двигавший неолитическую революцию. Знаменитая «оазисная теория» Чайлда гласила, что нехватка влаги, наступившая в результате смещения к северу (в Европу) полосы обильных осадков, которые прежде орошали Северную Африку и Аравию, заставила людей заселить окраинные оазисы. В таких оазисах человек, животные и растения были вынуждены предпринимать отчаянные усилия, чтобы перехитрить «ужасающую силу засухи». В этой борьбе за выживание и сложились отношения симбиоза: с наступлением засушливого периода охотник в поисках новых источников пищи стал земледельцем; жнивье на его полях служило кормом для «изголодавшихся зверей», которые в свою очередь становились

¹⁹ Childe. *Man Makes Himself*. 1936. P. 63.

²⁰ Binford L.R. *Post-Pleistocene Adaptations // New Perspectives in Archaeology / Ed. by S.R. Binford, L.R. Binford. Chicago, 1968.*

²¹ Flannery K.V. *Origins and Ecological Effects of Early Domestication in Iran and the Near East // The Domestication and Exploitation of Plants and Animals / Ed. by P.J. Ucko, G.W. Dimbleby. Chicago, 1969.*

²² Smith p., Young T.C. «The Evolution of Early Agriculture and Culture in Greater Mesopotamia: A Trial Model» in *Population Growth: An Anthropological Perspective / Ed. by B. Spooner. Camb., 1972.*

²³ Cohen M.N. *The Food Crises in Prehistory. New Haven, 1977.*

²⁴ Cowgill G.L. *On Causes and Consequences of Ancient and Modern Population Changes // AA. 1975. V. 77. № 3. P. 505—525.*

²⁵ Henry D. *From Foraging to Agriculture: The Levant at the End of the Ice Age. Philadelphia, 1989.*

более спокойными и «привыкали к близости человека». На «энвэрономентальный детерминизм» Чайлда — ибо как это иначе назвать — сильно повлияла работа Рафаэля Пампелли на холмах Анау в начале нашего века. Археологические раскопки Пампелли сопровождались зооархеологическими, палеозтнботаническими, геоморфологическими и прочими изысканиями, проводившимися для реконструкции древних климатических условий. Результаты этих изысканий указывали на то, что серьезные изменения в окружающей среде находились в причинной связи с археологически засвидетельствованными культурными изменениями. Раскопки холмов Анау оказали глубокое воздействие как на взгляды Чайлда, так и на воззрения влиятельного энвэрономентального детерминиста Эллсворта Хантингтона, который самым непосредственным образом участвовал в работах на Анау²⁶. Предпринятые на Анау широкие междисциплинарные исследования, в особенности те, что касались вопросов палеозкологии, не имели равных в ближневосточной археологии до конца 1940-х годов. Примечательно, что самые последние и серьезные обобщающие работы о происхождении неолита на Ближнем Востоке продолжают делать упор на отмеченные Чайлдом основные причины, а именно — на изменения климата и рост численности населения²⁷. Новейшие археологические свидетельства гораздо полнее и точнее прежних, но эти данные одевают плотно прежний идейный скелет, в котором двумя важнейшими факторами, «вызвавшими» неолитическую революцию, продолжают оставаться климатические изменения и рост численности населения.

Что касается натуфийской культуры, то Чайлд признавал, что начальное земледелие вполне могло практиковаться натуфийцами. Он рассматривал переход к производству сельскохозяйственных продуктов как рубеж, отделяющий стадию «варварства» от «дикости». Сам факт использования таких терминов, как «дикость» и «варварство», показывает, насколько Чайлд был связан с интеллектуальными традициями XIX века. После раскопок Джармо (это поселение, считал он, относилось к периоду «перед самым началом domestikации») и Иерихона, пещеры Белт, Хирокотии и Кили-Гуль-Мохаммед Чайлд стал сменывать в своей прежней вере в египетское происхождение земледелия и выдвинул предположение о том, что domestikация была принесена в Египет из Западной Азии. Хотя ранние радиоуглеродные даты для Иерихона (около 7000 г. до Р.Х.) удивили его, он полагал, что Иерихон подкрепляет его «оазисную теорию» происхождения земледелия.

Чайлд не верил ни в существование «неолитической религии», ни, в сущности, в существование некоей общей «неолитической культуры», а только в «бесконечное множество неолитических культур». Сегодня есть основания предполагать, что по крайней мере в рамках докерамического неолита Б, да и в более позднее время, существовали и то, и другое. Изображения обезглавленных людей (Чатал Гуюк) и человеческие черепа, лежавшие на полах «святилищ», заставляют предположить, что человеческому черепу придавалось какое-то особое значение. Несомненно прослеживается повышенное внимание к черепу в Чейюню-Тепеси и в Иерихоне с его знаменитыми обмазанными глиной и раскрашенными черепами, в Бейсамуне и Телль Рамаде; это позволяет предположить существование каких-то общих верований (исследователи часто говорят о культе предков), распространенных от Анатолии до Палестины. Не меньшее значение имеет и пристрастие древних к изготовлению женских статуэток, находимых буквально на всех неолитических поселениях по всему Ближнему Востоку. Вполне вероятно, хотя это только догадка, что в таких глиняных фигурках воплощались некие идеи, обычно связываемые с представлениями о плодovitости и плодородии. Наконец, Д. Шмандт-Бессера выдвинула очень соблазнительное предположение о том, что геометрические трехмерные символы, находимые на всех неолитических памятниках начиная с 8000 г. до Р.Х., представляли собой счетные фишки²⁸. Различные формы этих символов соотносились, по ее мнению, с разными числительными, что позволяло фиксировать объемы производства и обмена. Если данное положение окажется верным, это будет означать

²⁶ Hintigton E. Mainsprings of Civilization. N.Y., 1945.

²⁷ Wright G.A. Origins of Food Production in Southwest Asia: A Survey of Ideas // CA: 1971. V. 12. P. 447—470.

²⁸ Schmandt-Besserat D. The Earliest Precursor of Writing // Science. 1978. V. 238. № 6. P. 50—59.

существование значительного обмена внутри общин и между ними, а также (и это, может быть, еще важнее) что счет предшествовал письму. Во всяком случае, есть немало свидетельств (против Чайлда), предполагающих наличие общей идеологии и культурного единства, связывавшего неолитические общества Ближнего Востока уже к середине VII тыс. до Р.Х.

Очень много говорилось о том, что Чайлд видел в диффузии единственный механизм распространения земледелия. На самом деле это упрощение более сложной мысли Чайлда, признававшего, что «неолитический мир состоял вовсе не из рассеянных дискретных единиц; его следует воспринимать как непрерывную цепь обществ. Каждое из них было связано со всеми своими соседями периодически повторяющимися, пусть даже не часто и не регулярно, контактами»²⁹. В таком «непрерывном процессе» Чайлд «допускал, что сходные фазы развития наступали почти одновременно в нескольких районах». Соответственно, он полагал, что «неолитическая революция была не крутым переломом, а процессом». Его вера в то, что «сходные фазы развития наступали почти одновременно в нескольких районах», подчеркивает его приверженность идее, согласно которой история раскрывается в серии этапов; каждый из них представляет собой новое достижение человеческого прогресса, каждый был введен некоей «революцией», бывшей отнюдь не катастрофическим событием, а благотворным процессом. В чайлдовском восприятии неолитической революции можно увидеть его приверженность к преобразованиям в современном мире. Для Чайлда неолит был новой фазой человеческой истории, фазой прогрессивного развития, движимого новыми технологиями, которые несли человечеству благотворные перемены. Эта новая фаза, будучи по своей природе революционной, воспринималась Чайлдом скорее как «процесс», чем как «катастрофа». Его оптимистические надежды на новую социалистическую фазу человеческого прогресса (см. ниже) и сопровождавшая их идеология наложились на его понимание фазы перехода к раннему неолиту. Он видел неолитические общества не только «самодостаточными», но и эффективными «коллективами» и «сотовариществами», имевшими «эгалитарный» характер. «Они носят отпечаток скорей сильной коллективной традиции, чем какой-либо индивидуальности»³⁰. Неолит рисовался Чайлду как прогрессивная в своей основе революция, которая преобразила общество через развитие новой технологии и которая должна была нести положительные результаты в «процессе» своего развертывания. Чайлдовское видение эгалитарных самодостаточных неолитических обществ, не имевших, по его мнению, политического руководителя («о власти вождя нет беспорных свидетельств»³¹) и не знавших другого разделения труда, кроме того, что диктовалось половозрастными различиями, резко отличается от его отрицательного восприятия городской революции, характеризовавшейся появлением классовой борьбы, контролем за излишками продуктов со стороны нарождавшейся элиты, иерархией политического господства немногих, эксплуатировавших многих. Если б Чайлд обратился к данным этнографии об охотниках и собирателях деревенских обществ, ему было бы непросто сохранить столь романтическую картину жизни эгалитарных неолитических деревушек. По иронии судьбы, с 1930 по 1950 г., когда Чайлд активно работал и был окружен когортой опытных английских специалистов в области культурной антропологии, он совсем не обращался к этнологии. «Выводы, сделанные на основании наблюдений за местообитаниями и институтами современных варварских племен, не дают надежных и даже сколько-нибудь подходящих ключей к политической и социальной жизни других варварских племен, достигших сходной фазы экономического развития на 6000 лет раньше»³². Быть может, если б Чайлд изучил свидетельства этнографии, то социалистический идеализм, который он проецировал на неолитические общества, был бы поколеблен. Решительно отводя данные этнографии, он полагал, что «химия гончарного дела, физика прядения, механика ткачества, а также ботаника льна и хлопка», да и открытие «пригодных растений и подходящих методов их выращивания» — все это было создано женщинами. Он и в

²⁹ Childe. *Man Makes Himself*. 1951. P. 72.

³⁰ *Ibid.* 1936. P. 109.

³¹ *Ibid.* P. 114.

³² *Ibid.* 1951. P. 82.

самом деле верил в то, что важная роль женщин в создании этих неолитических «химий», «физик», «механик» и «ботаник» вызвала к жизни настоящий «экономический матриархат». Последовавшая городская революция застала начало эксплуатации женщин, которые вновь должны будут занять свое законное место только при социалистическом устройстве мира, так как «даже при демократии наделенные политическими правами граждане мужчины, возможно, составляли меньшинство, противостоящее лишенным политических прав женщинам»³³. Сравнивая результаты неолитической и городской революций, Чайлд нашел последнюю, документально зафиксированную в Египте и Вавилонии, «разочаровывающей с точки зрения человеческого прогресса», так как она вызвала «кульминацию и остановки этого прогресса было появление (в условиях города) эксплуататорского государства, приведшего «основную массу населения к экономической деградации». Идеализация Чайлдом неолита привела его к ошибочному убеждению в том, что две тысячи лет перед 3000 г. до Р.Х. дали больше «научных нововведений», чем период с 3000 по 600 г. до Р.Х.³⁵.

Чайлд, говоря о самодостаточности неолитических обществ, признавал и существование значительного экономического обмена. Самодостаточное общество понималось Чайлдом как некий веберовский «идеальный тип», Чайлд сознавал, что ни одно общество не может быть полностью самодостаточным; «самодостаточность неолитического общества существовала скорее как потенция, нежели как реальность». Конец неолита был для Чайлда легко определен и зависел он от одного нововведения, повлекшего за собой два характерных изменения в социальном порядке. «Считается, что регулярное использование меди и бронзы отмечает конец неолита, потому что с появлением металлического оружия медь стала совершенно необходима для сохранения жизни и свободы, как уран-236 сегодня. Соответственно, потребовались настоящие профессионалы, занимающиеся исключительно ее добычей и обработкой. Если люди жили вдали от месторождений меди, им приходилось привозить сырье. Получение регулярных поставок меди приводило к зависимости от умельцев чужаков и заставляло организовывать экономику общины таким образом, чтобы удовлетворять их (поставщиков) потребности. Неолитическая самодостаточность кончилась».

Таким образом, «регулярное использование меди или бронзы», особенно для производства оружия, привело к специализации труда и взаимной зависимости общин ради получения доступа к ресурсам. Чайлд так и не смягчил своей позиции в вопросе об исключительной значимости и роли металла как первого «совершенно необходимого» предмета торговли, который прямо привел к появлению первой полностью профессиональной специализации труда. Разумеется, Чайлд не знал о позднейших археологических свидетельствах использования меди на многих неолитических поселениях VIII тыс. до Р.Х. Его привязка «регулярного использования меди или бронзы» к производству оружия также не подтвердилась археологическими данными. С 7000 по 3000 г. до Р.Х. металлургия производила главным образом украшения, «безделушки» и мелкие орудия³⁶. Оружия не было среди первых продуктов металлургического производства; из металла делать его стали довольно поздно.

Многие пособия по археологии неолита продолжают изображать земледельческие деревни VII—VI тыс., как маленькие изолированные единицы, борющиеся за успех своей «революции». К чести Чайлда надо сказать, что он представлял неолит в связи со сложным комплексом технологических и социальных достижений. Как показала в своей превосходной статье Мэри Войт, в неолитических деревнях существовало поразительное разнообразие ремесел и производственных технологий³⁷. Весьма

³³ *Childe. History...* P. 21.

³⁴ *Idem. Man Makes Himself.* 1936. P. 259.

³⁵ *Ibid.* P. 257.

³⁶ *Muhly J. The Beginnings of Metallurgy in the Old World // The Beginning of the Use of Metals and Alloys / Ed. by R. Maddin. Cambr. Mass., 1988.*

³⁷ *Voigt M. Reconstructing Neolithic Societies and Economies in the Middle East: An Essay // Archaeomaterials.* 1990. V. 4. P. 1—14.

вероятно, что в этих деревнях уже развилась специализация труда (против Чайлда), и почти несомненно то, что целые общины занимались специализированным производством, например, обитатели Умм Дабагия охотились на онагров и дубили их шкуры³⁸. Хотя при археологическом изучении целых районов обследование неолитических поселений проводилось недостаточно широко, все же есть основание предполагать, что уже в конце VII—VI тыс. существовали две модели расселения — в поселениях изолированных (primate) и групповых (rank-order). Так, Чатал Гуюк с необычной площадью в 15 га был расположен на большой равнине, где обследования не открыли ни одного современного ему поселения; это указывает на то, что Чатал Гуюк было поселением изолированным. В то же время, поселения докерамического неолита В Леванте, важнейшим из которых было Айн Газаль, явно превосходящее по размерам Чатал Гуюк, дают основание говорить о групповой модели расселения, при которой поселения варьировались в размерах от маленьких деревушек площадью в 3000 м² до городов площадью свыше 50000 м²³⁹. Использование групповой модели расселения, т.е. наличие трех- или четырехъярусной иерархии поселений по размерам, является условием, без которого нельзя говорить о начале процесса урбанизации и об иерархичности в принятии решений, и даже считается признаком возникновения государства в Месопотамии IV тыс.⁴⁰ На то, что в неолите существовала групповая модель расселения, указывает трехъярусная иерархия размеров одновременных поселений Айн Газель, Бейда и Абу Гош. Различие между левантийской групповой моделью расселения VII тыс. и месопотамской групповой моделью расселения IV тыс. могло быть только количественным, а не качественным, если принять во внимание разницу в населении Месопотамии середины IV тыс. и Леванта середины VII тыс. В этом смысле весьма рискованно утверждать, что иерархия поселений указывает на начало иерархичности в процессе принятия решений или на возникновение государства; в Леванте групповая модель расселения сложилась на несколько тысяч лет раньше, чем в Месопотамии. Конечно, никто не отважится утверждать, что существовало неолитическое государство; стало быть, иерархия поселений в неолите означает не то же самое, что в более позднее время. С другой стороны, когда появление городов-государств в Месопотамии становится более или менее очевидным (монументальная архитектура, начало письменности), указания на иерархию поселений лишь играют роль независимого подтверждения и «овеществления» теории возникновения государства.

Говоря о своей работе, Чайлд писал: «Теперь я признаюсь, что сделанные мною оценки могут оказаться ошибочными, моя формула — недостаточно точной, мои толкования — возможно, плохо обоснованными, а моя шкала хронологии, без которой нельзя говорить о каком-либо единстве, — откровенно слаба». Пессимистический прогноз Чайлда относительно его «оценок», «формулы», «толкований» и «шкалы хронологии», оказался почти полностью верным, как недавно написал Шератт⁴¹. И тем не менее Чайлд остается одним из самых замечательных и влиятельных доисториков нашего столетия. Это тем удивительнее, что его вклад в полевую археологию и в методику полевых исследований был весьма незначительным в сравнении с вкладом его английских коллег: Фокса, Эванса, Уилера, Вулли, Эмери, Кларка, Мэллоуна, Кэньон, Кроуфорда, называю лишь немногих. Но как бы то ни было, обобщения Чайлда, его синтез, если не его теория, легли в основание всех последующих исследовательских попыток. Намечал ли он контуры неолитической или городской революции, разрабатывал ли план изучения придунайских областей в доисторическое время, его видение неизменной рациональной природы человеческого поведения наполняло его реконструкции и придавало ему веры в прогресс человечества. Подобный прогресс и рациональность были очевидны в

³⁸ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah 1974: A Fourth Preliminary Report // Iraq. 1975. V. 37. P. 3—10.

³⁹ Bar-Yosef O. Prehistory in the Levant // ARA. 1980. V. 9. P. 127.

⁴⁰ Wright H., Johnson G.A. Population, Exchange and Early State Formation in Southwestern Iran // AA. 1975. V. 77. P. 269—279; Johnson G. Locational Analysis and the Investigation of Uruk Local Exchange Systems // Ancient Civilizations and Trade / Ed. by J.A. Sabloff, C.C. Lamberg-Karlovsky. Albuquergue, 1975; дискуссию см.: Adams R. McC. Heartland of Cities. Chicago, 1981.

⁴¹ Sherratt A. V. Gordon Childe: Archaeology and Intellectual History // Past and Present. 1989. № 125. P. 151—185.

контексте революций, преобразующих человеческое общество. Из книги «История» становится понятно, что Чайлд представлял неолитическую революцию как благотворный «процесс», которому содействовало развитие новых технологий. Городская революция характеризовалась появлением классового общества и эксплуатацией масс жесткой политической элитой, что должно было быть исправлено другой революцией, которой он был лично предан и которую воспринимал как длительный процесс, — социалистической революцией. Развертывание этой его исторической схемы не было простой риторикой, она была воодушевлена, наполнена его глубокой верой в существование исторических «законов». «Археологические факты трактуются как окаменелые остатки образов мышления и поведения, о которых можно судить по этнографическим данным и по письменным источникам». Или «таким идиотам, как люди, история объясняет частности, описывая их для пояснения универсальных законов. Эти законы более не считаются навязанными природе откуда-то извне; нет, на них смотрят как на обобщенные описания того, что было замечено изнутри. Так что "законы природы" не неизбежны, а лишь в очень высокой степени вероятны». Такой подход не предвосхищает, в стремлении вывести «универсальные законы» из археологических фактов он открыто утверждает то, что спустя десятилетия стало теоретическим багажом «Новой археологии».

Много раз уже отмечалось, что В.Г. Чайлд был марксистом. Данная статья не преследует цели доказать, что он был партийным *ортодоксальным* последователем какой-либо политической идеологии — марксистской ли, марксистско-ленинской или сталинской. Чайлд был слишком оригинальным и тонким мыслителем, чтобы неукоснительно держаться какого-либо набора жестких постулатов. Гатеркол предполагает, что Чайлд отдался марксистско-ленинской вере во время второй мировой войны и что эта идеология повлияла на «содержание и форму» трех его наиболее важных книг — «Человек создает себя», «Что случилось в истории» и «Шотландия до шотландцев»⁴². К этому списку я добавил бы его книгу «История». Конечно, симпатия Чайлда к движению революционных рабочих видна уже в самой первой его книге «Как правит труд», написанной в 1923 г. Эта книга представляет собой сплошную критику лейбористских партий Австралии за их бесплодные, по мнению Чайлда, компромиссы с буржуазией. Гатеркол характеризует книгу как «полемическое, едкое, пристрастное и в то же время отстраненное» исследование⁴³ (выделено мной. — К.Л.-К.). Именно этот «отстраненный» взгляд, как мы увидим, характеризует изображение Чайлдом советской археологии в 1930—1940-х годах. Он восторгался теоретическое и интеллектуальное содержание советской археологии, бывшей в ту пору исключительно марксистской, полностью отстраняясь от социальной атмосферы подавления, окружавшей ученых-археологов. Рассуждая об организации «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ = IWW), Чайлд писал: «Во многих отношениях философия ИРМ предвосхищала большевистскую диктатуру пролетариата. Они не считали возможным или необходимым обращать в свою веру численное большинство населения или даже только большинство рабочих. Они верили, что классово сознательное меньшинство может вместе с ними повести инертную массу неорганизованных «тупиц». Точно так небольшие группы умных и энергичных борцов, которым обычно поручают вести дела различных союзов, могут рассчитывать на поддержку своих сочленов, если надвигается открытая борьба»⁴⁴.

То, что не удалось сделать ИРМ, а именно «обратить в свою веру численное большинство населения или даже только большинство рабочих», большевики исполнили в 1917 г.

Атмосфера подавления и даже убийств, в которой эта попытка проводилась в СССР, будь то коллективизация деревни или ликвидация академических свобод, слишком хорошо известна, чтобы распространяться далее. Как мы увидим, социальный контекст, в котором находились советская археология и археологи, Чайлд и рассматривал с полной отстраненностью. Гатеркол отметил, что книга «Как правит труд» была «написана с отстраненностью от непосредственной сцены и все же

⁴² Gathercole P. Childe's Early Marxism // Critical Traditions in Contemporary Archaeology / Ed. by V. Pinsky, A. Wylie. Camb., 1989. P. 87.

⁴³ Ibid. P. 83.

⁴⁴ Childe V.G. How Labour Governs. Melbourne, 1964., P. 83.

с некоей совместимой точки зрения, которая позволяет выражать "марксистские взгляды" автора как свидетельства, а не нечто привнесенное извне»⁴⁵. Таким образом, работы Чайлда о советской археологии (см. ниже) могли быть написаны «с отстраненностью» от социального контекста, в котором эта наука развивалась в СССР.

Джилман недавно написал, что Чайлд дал определение неолитической революции «в рамках марксистской схемы»⁴⁶. Это бесспорно так. Однако в своих археологических работах Чайлд лишь изредка делает прямые ссылки на Маркса или говорит о своей приверженности к современной идеологии марксизма в форме социализма или коммунизма. Исключения составляют его книги «Шотландия до шотландцев» (1946) и — особенно — редко цитируемая «История» (1947). В книге «Человек создает себя», содержащей самое полное определение неолитической революции, читатель напрасно будет искать прямых признаний автора в приверженности марксистскому историческому материализму. Явные указания на Маркса есть лишь в утверждениях, что неолитический образ жизни породил «более или менее связную систему верований и предрассудков, что марксисты назвали бы идеологией» и что «Маркс настаивал на первостепенной важности экономических условий, социальных сил производства и применения науки как факторов исторических изменений. Его (Маркса) реалистическое понимание истории получает растущую поддержку в академических кругах...»⁴⁷. Любопытно, что в самой короткой книге Чайлда «История» (всего 83 страницы), где самое короткое заглавие имеет самый широкий смысл, приверженность автора марксизму сквозит на каждой странице. Здесь гораздо больше, чем в какой-либо из других его книг, развертывание исторического процесса, то есть развертывание самой истории, видится в терминах исторического материализма, на фоне продолжающегося революционного процесса, который на последней странице книги вверяется в направляющие руки Сталина, «нашего великого государственного деятеля современности», с тем, чтобы создать новый и лучший мир по социалистической схеме.

В «Истории» Чайлд сокрушается об отсутствии «науки об обществе» (с. 2) и выражает уверенность в том, что как только она будет создана, она «принесет и науку о прогрессе». Целью книги было показать, «какого рода порядок можно действительно надеяться найти в истории» (с. 6). «Делом историка должно стать открытие некоего порядка в процессе истории человечества» (с. 5). Вера Чайлда в то, что история есть рациональное развертывание прогресса человечества, наполнялась его верой в определяющую роль экономики, в которой «в конечном счете решающей оказывается технология» (с. 6). «Каждый шаг (от неолитической до индустриальной революции) на деле имел следствием расширение рационального человеческого контроля над дикой природой и увеличение независимости общества...» (с. 11). Рассмотрев и отвергнув несколько подходов к изучению истории, Чайлд объявляет о своей вере в то, что «в марксистской материалистической концепции истории экономика дает прекрасный ключ для распознавания истинного исторического порядка», и в то, что «Марксу и Энгельсу осталось лишить эту грандиозную концепцию ее богословского мистицизма (речь идет о гегелевском видении истории) и сформулировать диалектико-материалистический взгляд на историю, свободный от трансцендентализма и зависимости от извне положенных законов»⁴⁸. Для Чайлда «прогресс» у историков может быть эквивалентом эволюции у зоологов⁴⁹ и «диалектический материализм, например, открывает своего рода "естественный отбор", обеспечивающий "выживание наиболее способных" в человеческих общества.»⁵⁰

Интересно, что при сильнейшей склонности Чайлда к материализму он все же не проглядел важности идей и идеологии. В конце концов, как мы видели, он верил, что

⁴⁵ Gathercole. Childe's Early Marxism. P. 84.

⁴⁶ Gilman A. Explaining the Upper Paleolithic Revolution // Marxist Approaches in Archaeology / Ed. by M. Spriggs. Cambr., 1982.

⁴⁷ Childe. Man Makes Himself. 1936. P. 110.

⁴⁸ Idem. History... P. 57, 61.

⁴⁹ Idem. Man Makes Himself. 1936. P. 11.

⁵⁰ Idem. History... P. 82.

даже неолит характеризовался какой-то «идеологией». Самая длинная цитата в «Истории» посвящена мыслям Сталина о роли идей. Принимая во внимание поразительную концовку, которую Чайлд дал своей книге, стоит привести здесь эту цитату, как она дана в «Истории» Чайлда (с. 76): «Что касается значения общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений, что касается их роли в истории, то исторический материализм не только не отрицает, а, наоборот, подчеркивает их серьезную роль и значение в жизни общества, в истории общества.

Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества.

Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи. Но после того, как они возникли, они становятся серьезнейшей силой, облегчающей разрешение новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, облегчающей продвижение общества вперед. Здесь именно и сказывается величайшее организующее, мобилизующее и преобразующее значение новых идей, новых теорий, новых политических взглядов, новых политических учреждений»⁵¹.

Чайлд заканчивает свою «Историю» заявлением о том, что «научная история» (под которой он, совершенно очевидно, понимает диалектический материализм) «позволит здравомыслящему гражданину понять, как развивался процесс в прошлом, и, исходя из этого, прогнозировать, как он может продолжиться в ближайшем будущем. Один великий государственный деятель современности успешно предвидел ход мировой истории; его мы и процитировали как представителя марксистской историографии» (с. 83). Чайлд не мог ошибаться сильнее, полагая, что Иосиф Сталин предвидел «ход мировой истории». Сегодня снимать вину с Чайлда за то, что он распространял идеи Сталина, прекрасно зная о широко публиковавшейся в 1930-е годы сталинской программе геноцида на Украине (которая стоила жизни нескольким миллионам людей в 1931—1934 гг.), не легче чем оправдывать Густава Коссину за распространение арийской теории нацистов⁵².

Чайлд писал, что «бесполезно требовать от истории беспристрастности»⁵³. При написании истории авторский «выбор лишь в незначительной мере определяется его личными особенностями, главную роль играют традиция и социальные интересы автора». В известном смысле чайлдовские «социальные интересы» и «особенности» сливаются. Показателен сделанный им отбор шести картинок для «Истории», иллюстрирующих «развитие металлургии»; то, что он остановился именно на металлургии, связано с тем, какое огромное историческое значение он придавал этой отрасли производства. Первая иллюстрация воспроизводит сцену с древними металлургами из египетской гробницы Рехмира (1500 г. до Р.Х.); эволюционный ряд завершает картинка с изображением сталелитейщиков XX века с завода «Красный Октябрь» в Сталинграде. Чайлд, должно быть, думал о себе, когда писал: «...на автора не могут не воздействовать интересы и предрассудки общества, которому он принадлежит»⁵⁴.

Для Чайлда понятие революции было столь же важно, как для Маркса и Энгельса, «которые считали, что революция необходима для уничтожения оков, препятствующих дальнейшему техническому прогрессу»⁵⁵. Для Чайлда существовали либо «революция», означавшая «прогресс», как в случае с «неолитической революцией», либо «паралич», характеризовавший цивилизации бронзового века. «В Месопотамии, Египте и Китае теократический деспотизм, отношения, соответствовавшие

⁵¹ Сталинский текст дан по кн.: «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». М., 1938. с. 111 (прим. переводчика).

⁵² Arnold B. The Past as propaganda in Nazi Germany // *Antiquity*. 1990. V. 64. № 244. P. 464—478.

⁵³ Child. *History...* P. 22.

⁵⁴ Ibid. P. 22.

⁵⁵ Ibid. P. 73.

производительным силам бронзового века, сохранились и в железном веке. Они препятствовали использованию новых возможностей, открывавшихся с применением железа, в результате чего в технологии начался застой. Вся жизнь этих обществ тоже остановилась, первые два в конце концов погибли. Все, что можно вывести из марксистского анализа, это дилемма: революция или паралич»⁵⁶.

Гатеркол написал, что после публикации книги «Как правит труд» Чайлд «больше не верил в возможность эволюционного перехода к социализму»⁵⁷. Социальные трансформации, приведшие к неолиту и к появлению городов, были представлены Чайлдом как «революции». Первая, с её технологическим развитием и социальным «прогрессом», имела, по его мнению, достоинства, вторая, приведшая к классовому угнетению и эксплуатации, получила негативную оценку. Подобным же образом Чайлд полагал, что переход к социализму произойдет через революцию, как это и случилось при большевиках. В книге «Как правит труд» Чайлд выразил уверенность в том, что такая революция будет благотворна для общества. В этой своей работе Чайлд благосклонно отзывается о преамбуле манифеста «Индустриальных рабочих мира», объединения, которое ставило целью «организовать производственную армию не только для повседневной борьбы с капитализмом, но и для продолжения производства после того, как капитализм будет свергнут»⁵⁸.

В конечном счете Чайлд запутался в собственных противоречиях. С одной стороны, он «нехотя признавал..., что для меня ортодоксия интеллектуально невозможна» (цитирует С. Грин)⁵⁹; с другой — один из его ближайших друзей, Раджани Пальме Датт, влиятельный теоретик коммунистической партии Великобритании, писал, что «он оставался всем сердцем и душой с марксистским движением» (цитируется в работе Гатеркола)⁶⁰. Чайлд рассматривал историю не только как созидательный процесс, но и как науку, определяемую «рациональным процессом», который влечет за собой развертывание «прогресса». Для него было совершенно очевидно, что «материалистическая концепция предлагает ключ для анализа исторических фактов и дает возможность привести исторические явления в какой-то удобопонимаемый порядок»⁶¹. Его теория, если таковая вообще была, стремилась уложить прошлое в этот «удобопонимаемый порядок», утверждая, что «каждый новый "век" вводился некоей экономической революцией»⁶². Его вера в эту концепцию и твердая убежденность в том, что революция 1917 г. с ее революционными экономической и социальной программами, открыла новый век, по-видимому, помешали ему увидеть социальные и человеческие последствия деяний «великого государственного деятеля» в СССР. Чайлд был совершенно прав, говоря, что «в истории существует много путей; некоторые ведут в тупик, некоторые — к гибели»⁶³. Любопытно, что бы подумал Чайлд о революциях 1989 г. в Восточной Европе и 1991 г. в СССР, когда были свергнуты статуи создателя пленившей его теории, Карла Маркса, через два десятилетия после уничтожения статуи «великого государственного деятеля». Вероятно, исторического эксперимента, проводившегося «великим государственным деятелем» в 1920 — 1930-е годы, несмотря на страшную цену для участвовавших в нем, было недостаточно для Чайлда, чтобы понять, что тот путь истории, который он считал «прогрессивным», был «тупиковым». Потребовалось полстолетия, чтобы люди, принужденные терпеть этот эксперимент, довели этот путь истории до «самоотрицания». Немало иронии заключено и в том, что марксистский взгляд Чайлда на «историю как созидательный процесс» принижал индивидуальное творчество и человеческую одухотворенность, отводя ведущую роль «коллективам» и «группам сотовариществ», существовавшим, как рисовалось Чайлду, в неолите. Атеизм Чайлда и его враждебность институционализированной религии ясно

⁵⁶ Ibid. P. 73.

⁵⁷ Gathercole. Childe's Early Marxism. P. 86.

⁵⁸ Childe. How Labour... P. 141.

⁵⁹ Green. Prehistorian... P. 23.

⁶⁰ Gathercole. Childe's Early Marxism. P. 86.

⁶¹ Childe. History... P. 72.

⁶² Ibid. P. 39.

⁶³ Ibid. P. 66.

видны в «Истории». Личности «не столько поворачивают ход истории, сколько следуют ему» и «объективный факт истории состоит в том, что, когда возникала необходимость в Человеке, он находился»⁶⁴. Чайлд представлял как нечто материальное и «историю», и «процесс». При этом он *отлично* понимал сложность, неопределенность и стохастичность процессов. В конечном счете «исторический характер какого-либо процесса заключается именно в том, что он сам себя определяет»⁶⁵. Для Чайлда «история» и «процесс», в отсутствие личностного фактора, неизбежно определяют себя сами. Если истории нужен деятель («когда возникала необходимость в Человеке, он находился»), она его просто находит. Ни Наполеон, как пространно доказывал Чайлд (вслед за Энгельсом), ни, конечно же, Сталин не были творцами существенных перемен; они просто попали в сети саморазвивающегося исторического процесса. При таком подходе личностный фактор и ответственность отрицаются и элиминируются, а метафизический характер «исторического процесса» просто становится «самоопределяющимся». Для Чайлда изучение «научной истории» позволяет «здравомыслящему гражданину понять, как развивался процесс в прошлом и исходя из этого прогнозировать, как он может продолжиться в ближайшем будущем». Это «ближайшее будущее» успешно предвидел Сталин, будущее, включавшее неизбежную победу международной коммунистической революции. Нам остается лишь задуматься над степенью ответственности и вины, которую ученый, даже столь творческий и плодовитый, как В. Гордон Чайлд, должен нести за легитимацию личности (Сталина), веры (коммунизма) и/или теории (исторического материализма), в особенности когда они содействовали и по существу породили условия и социальные эксперименты (*еще до того*, как Чайлд написал свою «Историю»), приведшие не только к установлению ужасающей нищеты и страшной тирании, но и к гибели миллионов людей. Чайлд прекрасно знал о той очень политизированной атмосфере, в которой оказались в 1930-е годы археологи в СССР. В 1934 г. Чайлд провел в Советском Союзе 12 дней и дал самые благоприятные отзывы о «состоянии гуманитарных наук» в этой стране. Он *полностью* игнорировал политический контекст, в котором велись археологические исследования в СССР, не сделав ни одного упоминания о преследованиях своих коллег. О том, что такие преследования имели место и были хорошо известны археологам на Западе, оставил документальные свидетельства коллега В.Г. Чайлда, известный финский археолог А.М. Таллгрэн. В 1930-е годы Таллгрэн опубликовал в издававшемся им журнале «Eurasia Septentrionalis Antiqua» многочисленные сообщения о жестоком обращении с археологами-диссидентами, которые отказывались следовать марксистской доктрине исторического материализма. Совершив семь поездок в СССР, Таллгрэн побывал во многих местах и хорошо представлял ситуацию⁶⁶. В тот же год, когда Чайлд рассуждал о своей поездке в СССР, Таллгрэн опубликовал список археологов, уволенных с работы. «Как же богато должно быть человечество, если оно может обходиться без таких прекрасных людей! Но может ли мир и могут ли Советы позволить себе прервать творческую работу людей заинтересованных, обладающих энтузиазмом, знаниями и способностями? Не все эти люди погибли, но они были высланы. 1931 год, а также конец 1934 и начало 1935 года были особенно тяжелыми для музейных работников». Таллгрэна очень ценили в СССР, что видно по избранию его почетным членом ГАИМК (Государственной Академии истории материальной культуры). После публикации заявлений, вроде приведенного выше, его членство в ГАИМК было признано недействительным и больше его в СССР никогда не приглашали.

Прямой вызов розовой картине положения археологии в СССР, нарисованной Чайлдом⁶⁷, бросил Дж. Г.Д. Кларк⁶⁸. Чайлд однако продолжал преданно защищать положение археологии как теоретической науки в СССР и продолжал полностью игнорировать социальный контекст, в котором велись археологические исследования

⁶⁴ Ibid. P. 41, 42.

⁶⁵ Ibid. P. 11.

⁶⁶ Tallgren A.M. Archaeological Studies in Soviet Russia // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1935. V. 10. P. 129 ff.

⁶⁷ Child V.G. Prehistory in the USSR // PPS. 1935. V.I. P. 151—154.

⁶⁸ Clark J.G.D. Russian Archaeology: the Other Side of the Picture // PPS. 1936. V. 2. P. 248—9.

в этой стране⁶⁹. Михаил Миллер, выдающийся археолог, активно работавший в 1920-е годы и 1930-е годы, эмигрировал в США и опубликовал здесь свою книгу «Археология в СССР»⁷⁰. Эта книга является одним из самых ярких свидетельств, повествующих как о преследованиях поименно названных археологов, так и о идеологической атмосфере, в которую попала археология в СССР.

Из недавних исследований, посвященных Чайлду и его приверженности марксистским идеям, рекомендую обратиться к хорошо сбалансированным работам Барбары МакНайрн, Питера Гатеркола и Брюса Триггера. Триггер, говоря о советской археологии 1920—30-х годов, полагает, что «практиковавшийся в то время подход к археологической интерпретации был очень оригинальным и важным»⁷¹. По-видимому, оригинальным и «совершенно новым» была их решимость понять, как социальные и культурные системы изменялись в рамках своей собственной внутренней динамики». Такое своеобразное прочтение оригинальности и новизны этого подхода не только не замечает тех, кто исследовал изменения в рамках их внутренней динамики, — Г.А. Райзнера, У.Ф. Олбрайта, Ф. Питри, А. Сайса и Г. Франкфорта (исторически ориентированные археологи, работавшие на Ближнем Востоке; можно легко назвать и других ученых, работавших в иных регионах), но и вновь упускает из виду социальный контекст в СССР, в котором раскрывались эта оригинальность и новизна. А именно то, что этот подход должен был соответствовать «новым обязательным правилам», которые были навязаны ценой огромных человеческих жертв⁷².

Моя статья доказывает, что основным для чайлдовской модели интерпретации истории было главенство экономических процессов и технологических перемен, которые в свою очередь вели через разумные действия людей к прогрессу человечества, наступавшего вследствие революций. Вера Чайлда в прогрессивное развертывание исторических процессов включала и твердую уверенность в существовании «законов», которые лучше всего были описаны марксовым «историческим материализмом». Вера в законы, которые направляют или управляют историческими процессами, неизбежно влечет за собой идеологическую привязанность: веру в путь, на котором мир соответствовал бы этим законам. Такая вера, такая идеология, будь она марксистской, креационистской, капиталистической или дзенской, содержит в конечном счете желание управлять и контролировать поведение других по шаблонам этого «закона». Чайлд претендовал на то, что его анализ прошлого скорее идет по пути экспериментальной науки, открывающей законы (исторический материализм), чем является интерпретацией в поисках смысла и значения. В этом отношении чайлдовская идеология стала систематическим искажением всего и вся. Прошлое подгонялось под некую идеологическую конструкцию, а будущее, надеялся Чайлд, согнется, чтобы принять мудрость, добытую из этой идеологии.

Гирц точно заметил: «Именно через создание идеологий, схематичных образов социального порядка, человек сотворил себя (sic) на радость и на горе политическим животным... Функция идеологии — делать возможным существование политики как самостоятельной сферы жизни, поставляя авторитетные концепции, которые придают ей (политике) смысл, и убедительные образы, с помощью которых она может разумно восприниматься»⁷³.

Чайлдовские «убедительные образы» включали в себя «революции»; революции находились на службе «прогресса», что соответствовало «законам» исторического процесса, как их определяют в историческом материализме. Сегодня новая власть появляется в Восточной Европе в форме того, что Вацлав Гавел нарек «бархатной революцией». Раскрываясь, она стремится к тому, чего не понимал «великий государственный деятель», стремится построить гражданское общество, неподвластное «авторитетным концепциям», которые большую часть этого столетия сковывали человеческий дух*.

⁶⁹ *Childe V.G. Archaeological Organization in the USSR. The Anglo-Soviet Journal. 1952. V. 13. P. 23—26.*

⁷⁰ *Miller M. Archaeology in the USSR. N.Y., 1956.*

⁷¹ *Trigger B. A History of Archaeological Thought. Cambr., 1989. P. 227.*

⁷² См. *Clark. Russian Archaeology... P. 249.*

⁷³ *Geertz. C. The Interpretation of Culture. N.Y., 1973. P. 218.*

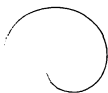
* Перевод И.С. Ключкова.

The paper reviews the intellectual framework that V.G. Childe advanced toward an understanding of the Neolithic and Urban Revolutions. It is suggested that central to his framework of historical change were the concepts of «revolution», «progress», and «rationality» put forward within a Marxist scheme.

Fundamental to Childe's interpretative model of history was the primacy of economic processes and technological change which led, in turn, through man's rational action to human progress, brought about by revolution. A belief in «laws» that guide historical processes inevitably involve an ideological commitment. Childe's affiliation and sympathy to revolutionary workers' movements is evident from his very first book, «How Labour Governs». Childe's commitment to Historical Materialism and his political sympathy to the Soviet system resulted in a systematic distortion of his ideology. The past was made to conform to an ideological structure, while he hoped that the future would bend to accept the received wisdom of this ideology.

Political commitment made Childe write on Soviet archaeology «with detachment» from the terrific social context in which that discipline unfolded in the USSR in 1930—1940-s. It is no easier today to exonerate Childe's promotion of the ideas of Stalin, given the fact that he was certainly aware of Stalin's genocidal program in the Ukraine, than to exonerate Gustav Kossina for promotion of the Aryan Thesis of the Nazis.

© 1993 г.

Н.Я. Мерперт

К ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Г. ЧАЙЛДА

В 1992 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Вира Гордона Чайлда и 35 лет со дня его трагической гибели. Филолог-классик по университетскому образованию, почти 40 лет жизни Чайлд отдал археологии, с равными увлеченностью и профессионализмом занимаясь самыми различными ее отраслями, от коренных вопросов методологии и методики до типологии древнейших жилищ, от конкретных характеристик позднеолитических культур Англии и Шотландии до беспрецедентных по своей широте и концептуальной цельности обобщающих реконструкций древнейшей истории Европы, Ближнего и Среднего Востока, Индостанского субконтинента по археологическим данным.

Неоднозначным было отношение к В.Г. Чайлду при его жизни. Его обвиняли в приверженности к положениям исторического материализма и в недостаточной последовательности в их воплощении, в переоценке роли диффузий в процессе экономического и культурного развития человечества и в их же недооценке, во введении якобы неправомерного термина «неолитическая революция» и в ошибочном его раскрытии, в порочности им же предложенного понятия «городской революции» и чрезмерном внимании к вопросам социальных отношений древних обществ, в апологетике по отношению к советской археологии и в ее же гиперкритике.

Ныне, посмертно, как это — увы! — слишком часто бывает, В.Г. Чайлду отведено место на археологическом Олимпе. Имя его известно каждому археологу, каждому специалисту по древнейшей истории трех континентов Старого Света, да и человечества в целом. Ему посвящаются специальные конференции и сборники. Юбилей, естественно, обострил интерес к его научному наследию. И вновь оценка последнего неоднозначна.

Недавно мне пришлось коснуться этого вопроса в связи с публикацией хранившегося у меня 34 года письма В.Г. Чайлда от 16 декабря 1956 г., адресованного советским археологам и содержащего достаточно резкую и, как я полагаю, в

основном справедливую критику их деятельности¹. Здесь нет смысла повторять ни положения самого письма, ни мои комментарии к нему. Но считал бы целесообразным поделиться некоторыми мыслями относительно общей оценки роли В.Г. Чайлда в развитии археологии, возникшими в связи с публикацией письма и частично, в предельно кратком виде, приведенными в сопровождающей ее статье.

И прежде всего хотел бы подчеркнуть следующее. Можно без преувеличения сказать, что ни один ученый не сделал столько для историзации археологии и главным образом археологии бесписьменных периодов, где вещественные памятники являются не только основным, но и единственным видом исторических источников. Блестящий синтез фактически всех известных в первой половине нашего века материалов по первобытной археологии Старого Света позволил В.Г. Чайлду создать глубоко обоснованную картину древнейшей истории Европы и значительной части Азии и Африки. При этом в отличие от своих предшественников — как археологов, так и историков — в понятие «Древний Восток», наряду с классическими областями Египта, юга Месопотамии и Палестины, В.Г. Чайлд включил Сахару, Судан, север Месопотамии, Сирию, Иран, Белуджистан и Северную Индию. Таково же его понимание древнейшей истории Европы, археологические культуры которой рассмотрены для всей территории континента — от Шотландии и Скандинавии до Северного Средиземноморья и от Атлантики до Центральной России, причем рассмотрены в динамике их развития и взаимодействия. Вообще В.Г. Чайлду свойственно стремление максимально подчеркивать *всеобщность* процесса культурного развития, значения вклада в него самых многообразных и различных по характеру и историческим своим судьбам человеческих групп. Тем самым его синтезирующие построения противостоят и расизму, и теориям «исторических» и «неисторических» народов, и попыткам свести историю древнейшей культуры к воздействиям традиционно выделенных единичных ее очагов на всю ойкумену. Недаром одну из лучших своих книг — «Прогресс и археология» — В.Г. Чайлд начинает со слов об особом значении археологии в постоянном расширении территориальных и хронологических рамок древнейшей истории, в выводе на ее авансцену все новых, казавшихся ранее безликими, человеческих групп, в доказательстве активности и оригинальности их культуротворчества².

Это не противоречит приверженности В.Г. Чайлда концепции «диффузионизма», согласно которой распространение основных культурных достижений шло из первоначальных единых центров и обуславливалось системой последовательных заимствований, отдельных миграций и, главное, диффузий идей, конкретных культурных элементов и даже культур в целом. Будучи наряду с Софосом Мюллером, Эллистом Смитом и У.Д. Перри одним из основателей этой концепции, он плодотворно развивал наиболее позитивные ее положения³, убедительно противопоставляя их как доминировавшим ранее механистическим миграционистским построениям, так и абсолютизации и вульгаризации эволюционизма⁴, особенно резко проявившимся в «стадиальном схематизме», столь долго и пагубно тяготевшим над археологической наукой нашей страны. Но В.Г. Чайлд никогда не занимал здесь экстремистских позиций. Глубокий анализ огромного числа археологических материалов, изучение конкретных явлений как европейской, так и ближневосточной и центральноазиатской праистории, а также учет опыта и критических замечаний его коллег, в том числе и русских ученых, побудили его смягчить категоричность ряда положений диффузионистской концепции, признав, что наряду с внешними воздействиями изменения культуры и связанная с ними «...обширная область археологических фактов» могут быть объяснены внутренним социальным и

¹ К 100-летию со дня рождения В.Г. Чайлда. Письмо советским археологам от 16 декабря 1956 г. Мерперт Н.Я. К публикации письма В.Г. Чайлда // РА. 1992. № 4. С. 184—196.

² *Чайлд В.Г. Прогресс и археология*. М., 1949.

³ *Childe V.G. The Down of European Civilization*. L., 1925; *idem. The Danube in Prehistory*. Oxf., 1929; *idem. The Prehistoric Migrations in Europe*. Oslo, 1950; *idem. New Light on the Most Ancient East*. L., 1952 и др.

⁴ *Changing Methods and Aims in Prehistory. Presidential Adress for 1935 by V.G. Childe* // *Proceedings of the Prehistoric Society*. L., 1935; *Childe V.G. Piecing Together the Past (The Interpretation of Archaeological Data)*. L., 1956.

техническим развитием общества⁵. В значительной мере это явилось результатом глубокого интереса В.Г. Чайлда к философии истории, в том числе и к концепции исторического материализма, основные положения которого он принимал и использовал⁶, но отнюдь не догматически, не абсолютизируя их и не противопоставляя другим концепциям и прежде всего диффузионизму. И было бы глубоко неправомерно и несправедливо ставить ему это в вину. Может вызвать лишь уважение постоянный поиск В.Г. Чайлдом глубинных явлений истории, обуславливавших ее факторов. И ряд положений исторического материализма открывал здесь значительные исследовательские перспективы. Именно использование этих положений русскими археологами привлекло внимание В.Г. Чайлда, и прежде всего в аспекте разработки вопросов внутреннего развития общества: исследования такого направления представляются ему «... более историческими, чем перечень вторжений, и солидно обоснованными»⁷. Вместе с тем он предупреждал против «псевдомарксистского материализма», приводящего к примитивизации исторического процесса и «стадиальному схематизму»⁸. Последний он считал определенным извращением, отнюдь не отражающим сути исторического материализма. Должное же внимание он закономерно уделял положениям, касающимся роли развития производительных сил в прогрессе общества, в распространении производящего хозяйства и росте прибавочного продукта, зарождении ремесел и активизации обмена, а далее и торговли, усложнении общественных структур, возникновении имущественного неравенства, частной собственности, городской жизни, государственности, цивилизаций. В этом аспекте использование археологического материала для конкретных исторических реконструкций оказалось очень плодотворным и еще раз подтвердило перспективность отмеченных методологических положений. Подчеркну в этой связи, что последние отнюдь не потеряли своего значения и ныне. Недаром к ним обращаются такие крупнейшие западные исследователи древнейшей истории человечества, как Р. Брейдвуд, К. Фленнери, Ж. Ковэн и др. Что же касается самого В.Г. Чайлда, то именно пристальное внимание к различным методологическим принципам, объективное сопоставление, а в определенных случаях и совмещение их в значительной мере обусловили научную прочность и подлинно концептуальный характер синтезирующих построений ученого.

И весьма симптоматично, что близкий подход к изучению и интерпретации культурных феноменов мы находим у В.П. Алексеева. «Те или иные культурные особенности или характеризующие их признаки, — пишет он, — могут иметь длительную историю своего развития на протяжении многих поколений, могут быть внедрены со стороны в результате действий многих исторических причин — прямого культурного взаимодействия и ассимиляции, завоевания и насильственной ассимиляции или даже аккультурации, постепенно идущей аккультурации, диффузии, наконец чисто случайных процессов встречи или столкновения представителей разных культур»⁹.

В этой связи еще раз подчеркну, что в исследованиях В.Г. Чайлда пристальное внимание к внутреннему развитию конкретных обществ органично сочетается с основными положениями диффузионизма и признанием определенной роли миграций. Такое сочетание принципиально важно при разработке как экономических и культурных, так и этнических проблем. По сути дела оно дало начало определению и исследованию таких активно и плодотворно изучаемых ныне феноменов, как «контактные зоны», механика формирования культурных общностей и их трансформация, явления аккультурации, взаимодействие внутренних и внешних факторов в этих процессах и пр. Заслуга В.Г. Чайлда как инициатора самой постановки этих вопросов неоспорима.

Можно было бы еще очень многое сказать о целом ряде значительных направлений археологических теории и практики, принципиальные сдвиги в

---

⁵ *Idem.* Scotland before the Scots. L., 1946.

⁶ *Idem.* Social Revolution. L., 1951.

⁷ *Idem.* Scotland before the Scots.

⁸ *Idem.* Changing Methods...

⁹ Алексеев В.П. Объем археологического знания // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. М., 1992. С. 21.

разработке которых связаны с именем В.Г. Чайлда. Но это потребовало бы специального и достаточно обширного исследования, которого, по глубокому моему убеждению, творчество выдающегося британского ученого вполне заслуживает. Здесь же ограничусь кратким рассмотрением лишь вопроса о введении В.Г. Чайлдом понятия «неолитическая революция», вызывающем достаточно резкую критику у его соизлов. Последние обвиняют автора в тенденциозности, определенной политизации исследования, пристрастии к революционной терминологии и самому феномену революции. Мне подобные обвинения представляются результатом либо неправильного понимания сути проблемы, либо тенденциозности самих критиков.

Несколько слов о содержании понятия. Оно было сформулировано в 1925 г. для обозначения сложнейшего процесса перехода от господствовавшей многие сотни тысяч лет присваивающей экономики к производящим формам последней. Его противники считают неправомерным применение здесь термина «революция», поскольку последний связывается обычно с явлениями социального характера и спонтанного претворения. Полагают, что процесс этот, длившийся даже в первичных своих очагах много сотен лет, а в масштабах ойкумены значительно дольше, полностью укладывается в эволюционную схему. Однако в этой связи следует напомнить, что по последствиям своим переход от присваивающей к производящей экономике сравним лишь с самим феноменом антропогенеза — выделения человека из прочего органического мира¹⁰. Он вызвал резчайшие изменения во всех аспектах человеческого существования — от демографии до производственной деятельности, мировосприятия и духовного мира. «Эти изменения в большей мере, чем любые другие преобразили культурные условия и трансформировали не только окружающую человека среду и его биологию, но в какой-то степени и всю нашу планету»¹¹. Они обусловили весь дальнейший ход человеческого развития со всеми его достижениями и трагедиями. Можно соглашаться или не соглашаться здесь с термином «революция», но революционный характер изменений вряд ли может быть оспорен. А правомерность применения подобного термина отнюдь не ограничивается социальной сферой, достаточное подтверждение тому — термины «промышленная революция» и «научно-техническая революция», общепринятые и принципиальных возражений не вызывающие. Что же касается сроков, то в применении к древнейшей истории понятия о них весьма относительно, особенно когда речь идет о событиях такого масштаба. Добавлю к этому что и названные только что революции, относящиеся уже к новому и новейшему времени, отнюдь не могут быть признаны спонтанными. Темпы же явлений неизмеримо большего масштаба, происходивших за девять—десять тысячелетий до наших дней, с темпами этих революций не сопоставимы.

В силу вышеизложенного термин «неолитическая революция» представляется достаточно правомерным. Но главное не в термине, а в самой проблеме, впервые сформулированной В.Г. Чайлдом и фактически превратившейся в особую отрасль праистории. Последняя плодотворно разрабатывается ныне на материалах и Старого и Нового света, с ней связана уже значительная серия ценнейших исследований и острых дискуссий, создан целый ряд оригинальных концепций, касающихся причин, условий, механики и результатов перехода к производящему хозяйству, специфики этого процесса в различных регионах и конкретных центрах, вопросов первичных и вторичных очагов новой экономики, путей ее распространения и т.п. Эти концепции, опирающиеся на системный подход к проблеме перехода и на тезис о его безусловном полицентризме, уже заметно отличны от первоначальной моноцентристской концепции самого В.Г. Чайлда, что ни в коей мере не умаляет его роли создателя направления в целом.

Слова эти полностью приложимы к роли В.Г. Чайлда в определении и разработке фактически всех ключевых проблем древнейшей истории Старого Света, да и в самом создании этой истории, в выводе археологических исследований на уровень подлинных исторических обобщений. Целый ряд последующих исследований,

---

¹⁰ Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992. С. 50.

¹¹ Там же.

выполненных на этом уровне, вплоть до появившихся в последние десятилетия¹², являются прямым развитием созданного им направления, доказывая плодотворность и перспективность его.

Все изложенное выше и должно, по моему убеждению, определять оценку творческого наследия В.Г. Чайлда и место ученого в ряду крупнейших археологов и историков нашего времени.

ON THE ASSESSMENT OF THE WORK OF V. GORDON CHILDE

N.Ya. Merpert

V. Gordon Childe's work embraces quite different aspects of archaeology from fundamental questions of methodology and methods to the typology of ancient dwellings, from local late-neolithic cultures of England and Scotland to unprecedented in scope and conceptual unity general reconstructions of pre-literate history of the European continent and large areas of Asia and Africa. Not a single scholar has done more for historization of archaeology, for raising archaeological studies to the level of true historical generalizations. He has always stressed the universal character of the process of cultural development, the participation in it of human groups quite different in character and historical destiny. V. Gordon Childe as one of the founders of the concept of diffusionism fruitfully combined it with close attention to factors of the internal development of society and recognition of a definite role of migrations. He accepted the fundamentals of Historical Materialism, but did not absolutize or contrast them with other conceptions. The notion of the Neolithic revolution formulated by V. Gordon Childe reflects, above all, drastic changes in all spheres of human development as a result of a transition from the appropriating economy to producing one. It is as a legitimate a notion as those of the industrial or scientific-technological revolution. The problems connected with this notion now constitute a separate branch of ancient history which is developing equally fruitfully on the basis of materials from the Old and the New World. V. Gordon Childe's role as the founder of this branch is beyond any doubt. This is to a considerable extent true about key problems of further stages of the development of the abovementioned territories up to the beginning of urbanization and statehood. All these facts should be taken into account in the assessment of the creative legacy of the outstanding British scholar.

---

¹² Ламберг-Карловски, Саблов. Ук. соч.; Lichardus J., Lichardus-Itten M. La protohistoire de l'Europe. P., 1985.

Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура»

© 1993 г.

М.Н. Погребова, Д.С. Раевский

РАННИЕ СКИФЫ В СВЕТЕ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Скифы принадлежат к тем народам древности, относительно истории которых из-за отсутствия у них собственной письменности мы располагаем отрывочными данными греко-римских авторов и еще более фрагментарными сообщениями восточных текстов. Сведения этих источников сами по себе недостаточны для воссоздания скифской истории в сколько-нибудь целостном виде, что и обусловило привлечение археологических материалов, уточняющих и дополняющих письменные свидетельства. Такой комплексный подход, широко практикуемый специалистами по истории древних народов, вообще оправдан, но многие вопросы оставляет все же нерешенными, а порой создает и новые трудности: неясности или противоречия в источниках затрудняют согласование между собой разнородных источников. В скифской проблематике такая ситуация особенно отчетливо проявляется при изучении вопросов происхождения и ранней истории скифов, на которых мы и сосредоточим внимание в этой статье.

Речь здесь будет идти о скифах как конкретном народе, обитавшем в I тыс. до н.э. в южных областях Восточной Европы. Оговорка эта необходима ввиду существования восходящей еще к античным авторам традиции употреблять этноним «скифы» в узко-конкретном значении и в качестве обобщающего наименования большой группы народов — как родственных между собой, так и сходных лишь в хозяйственно-культурном отношении, — обитавших в древности в огромных пространствах евразийских степей и в примыкающих к ним лесостепных и горных районах. Подобная многозначность этнического имени, будучи воспринята от древних авторов современной наукой, лишает этноисторическую терминологию необходимой четкости и приводит к смешению различных по своей сути научных проблем.

Восточные тексты, связанные преимущественно с походами скифов в Переднюю Азию, имеют то бесспорное достоинство, что в основном синхронны упоминаемым в них событиям. Сообщения же античных авторов о ранних этапах скифской истории обычно отделены от описываемых событий не одним столетием и имеют характер ретроспективных повествований. Зато у этих авторов ощутимо стремление к созданию целостной картины — в отличие от сообщений восточных текстов, предельно разрозненных и не позволяющих реконструировать связную цепь событий. О происхождении скифов, о том, что предшествовало их появлению в Передней Азии, эти тексты вообще молчат. Отмеченные особенности и предопределили преимущественное внимание исследователей раннескифской истории к данным античной традиции, восточным же источникам отводится лишь вспомогательная роль.

Как известно, наиболее подробно события раннескифской истории изложены Геродотом (IV. 11—13), чей рассказ в целом согласуется со свидетельствами других авторов — Аристея, Диодора, Страбона. Эта традиция включает повествование о при-

ходе скифов в южные области Восточной Европы «из Азии», о вытеснении ими прежних обитателей региона — киммерийцев и о последовавшем затем скифском (и киммерийском) вторжении в Переднюю Азию. Для подтверждения истинности этих-то событий и для более детального воссоздания их хода и предпринимаются попытки обнаружить их археологические следы, элементы их «записи» средствами археологического кода.

Поскольку в данный момент эти события интересуют нас прежде всего как факты этнической истории (перемещение народов, взаимоотношения различных этносов), отметим, что методика использования в таком контексте археологических данных определяется подходом к имеющей богатую литературу проблеме соотношения археологической культуры и этноса. Не вдаваясь детально в обсуждение этого дискуссионного вопроса, ограничимся двумя замечаниями. Во-первых, согласимся со следующим наблюдением И.С. Каменецкого: «Большинство археологов думают, что культура соответствует этносу. И уж во всяком случае все исходят из этого допущения в своей практической работе, даже те, кто выступал и выступает против такого отождествления»¹. Во-вторых, признавая резонным мнение ряда представителей теоретической археологии, что этническая интерпретация археологических культур не допускает прямолинейности и требует сугубой осторожности, мы тем не менее, исходя из понимания этноса как «категории сопоставительной»² и одновременно — из сформулированного в археологии понимания археологической культуры как «совокупности памятников, объединенных и отличающихся от прочих исключительным или преобладающим проявлением» некоторого комплекса признаков³, считаем правомерным говорить о наличии определенной корреляции между этноисторическими процессами и явлениями, с одной стороны, и процессами и явлениями культурно-историческими, археологически запечатленными в системе отношений между разными культурами, — с другой.

При таком понимании археологические следы указанных событий раннескифской истории должны были бы в общих чертах выглядеть так: некая археологическая культура, сложившаяся в какой-то области Азии (т.е., учитывая географические представления античности, — к востоку от Танаиса-Дона) и, по всей видимости, уходящая корнями в местные для этой области традиции, распространяется за пределы первоначального ареала и в своем продвижении достигает Северного Причерноморья. Ее появление здесь сопровождается полной сменой культурного облика этого региона, вытеснением ранее существовавшей здесь культуры, которая в таком контексте может, очевидно, претендовать на отождествление с культурой киммерийцев, тогда как ее преемница логично интерпретируется как культура скифов. Именно такую археологическую ситуацию и ищут в ходе анализа рассматриваемого вопроса большинство исследователей. Задача вполне однозначна и, на первый взгляд, легко решается.

История поисков такого решения показывает, однако, что легкость эта обманчива. Существует, как известно, целый ряд гипотез на сей счет, причем показательно, что каждая из них в той или иной мере требует корректировки *ad hoc* имеющихся данных — либо письменных, либо археологических, в зависимости от того, какие из них избирались исследователем в качестве основы для реконструкции. Рассмотрим некоторые примеры.

Так, М.И. Артамонов исходил из полного доверия к свидетельствам античной традиции о приходе скифов с востока, но при этом констатировал: «Археология не знает ни о каком вторжении нового населения в Северное Причерноморье, которое могло бы соответствовать появлению там скифов и вытеснению киммерийцев, после... распространения срубной культуры к западу от Волги и вытеснения ею предшествующей катакомбной культуры»⁴. Именно в этих процессах он видел археологический эквивалент описанных Геродотом событий, но был вынужден

¹ Каменецкий И.С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 35.

² Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 49.

³ Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 51.

⁴ Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (От появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л., 1974. С. 13.

отвергнуть указание традиции относительно временной их приуроченности и отодвинуть их на полтысячелетия вглубь.

А.И. Тереножкин, напротив, полностью принимал Геродотову хронологию событий и, исходя из этого, постулировал кардинальное изменение культурного облика Северного Причерноморья именно тогда, когда, согласно М.И. Артамонову (да и многим другим исследователям, о которых ниже), никаких следов подобного процесса археология не фиксирует. Истоки культуры, якобы принесенной в это время в припонтийские степи «в готовом, сложившемся уже виде», А.И. Тереножкин и его единомышленники ищут в восточной части евразийского степного пояса, преимущественно в Центральной Азии; именно там пытаются обнаружить свидетельства сложения скифского оружия, конской узды, антропоморфных изваяний, каменных блюд и некоторых других элементов материальной культуры скифов⁵. Однако многие археологические документы, привлекаемые в поддержку этой гипотезы, поддаются по меньшей мере столь же правомерному альтернативному толкованию, т.е. признанию сложения соответствующих культурных элементов на восточно-европейской основе. В некоторых же случаях, например, в том, что касается формирования акинака, именно такое альтернативное толкование получает более полное типологическое и даже технологическое обоснование⁶. Лишь некоторые категории из привлекаемого набора (зеркала, каменные блюда) в самом деле имеют, очевидно, восточное происхождение. Но если в качестве дополнительных аргументов в поддержку гипотезы об азиатской прародине скифов эти факты имели бы определенный вес, то служить основанием для такой гипотезы они никак не могут, ибо подобные древности вполне могли проникнуть в Европу не в результате миграции скифов, а вследствие межкультурных контактов. Наконец, весьма показательным, что в азиатских степях не удается найти достаточно четко локализуемую зону, откуда раннескифские элементы культуры могли быть принесены в Европу именно в комплексе: более или менее убедительные азиатские аналогии им обнаруживаются лишь при привлечении материалов со всего обширного пространства степного пояса.

Таким образом, если концепция М.И. Артамонова требует значительного «исправления» свидетельств письменной традиции, то концепция А.И. Тереножкина покоится на априорном, продиктованном содержанием вербальных источников толковании археологических материалов, т.е. в конечном счете также на корректировке имеющихся данных.

Эта нарочитость предлагавшихся интерпретаций привела некоторых исследователей к гиперкритической оценке степени достоверности самих имеющихся в нашем распоряжении свидетельств о событиях раннескифской истории. Так, согласно точке зрения И.В. Куклиной, «ни киммерийцы, ни скифы не были обитателями Северного Причерноморья в период, предшествующий их азиатским походам», а появились здесь лишь после завершения переднеазиатской кампании⁷. Автор ищет опору своей гипотезы в самой античной традиции (приводимые аргументы на этот счет могут быть оспорены, что, к сожалению, неосуществимо в рамках данной статьи), но по существу появление столь нетрадиционной трактовки проблемы, на наш взгляд, стимулировано в первую очередь именно неуверенностью предпринимавшихся до сих пор попыток согласовать археологическую картину со сведениями античных авторов о ранних скифах. По существу же И.В. Куклина и сама идет тем же путем, что ее предшественники, — во имя получения непротиворечивой картины она радикально подправляет имеющиеся данные.

Еще один способ решения той же задачи был предложен А.А. Иессеном и Б.Н. Граковым. С одной стороны, эти авторы согласны с тем, что в начале скифской эпохи в Причерноморье не фиксируется резкий культурный слом, поскольку скифская культура, по их мнению, «закономерно выросла из культуры предшествующих столетий», представленной памятниками так называемого черноморско-

⁵ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 208 сл.; Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 66 сл.

⁶ Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 22 сл.

⁷ Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 192.

новочеркасского круга⁸. С другой стороны, не отрицается появление здесь в конце VII в. до н.э. нового населения, соответствующее отмеченному античной традицией приходу скифов «из Азии», но эта миграция трактуется как практически неуловимая археологически, поскольку происходила она в пределах достаточно однородного культурного ареала, сформировавшегося на базе срубной культуры позднебронзового века⁹.

В самое последнее время была выдвинута гипотеза, в известной мере сочетающая элементы «центральноазиатской» и «восточноевропейской» концепций сложения скифской культуры. Согласно этой гипотезе, культура эта представляет собой «сплав трех различных по происхождению компонентов: позднейшей предскифской культуры черногородовско-новочеркасского типа; протоскифской, привнесенной на территорию Восточной Европы из глубинных районов Азии в VII в. до н.э.; отдельных включений переднеазиатской культуры»¹⁰. На этой-то основе уже в восточноевропейских землях завершается, по мысли авторов, сложение оригинальной скифской культуры. Наиболее уязвимым в этой во многом убедительной гипотезе является тезис о центральноазиатском вкладе, по существу опирающийся на все те рассмотренные выше археологические аргументы, которыми оперирует концепция о принятии в Причерноморье из глубин Азии вполне уже сформировавшейся скифской культуры.

Проследив в общих чертах те основные тенденции, которыми характеризуются попытки согласования археологических и вербальных данных о раннем этапе истории скифов, мы предлагаем ниже свой опыт синтеза свидетельств разноприродных данных. Наша статья представляет краткое изложение гипотезы, более полное обоснование которой содержится в монографии, выход которой в свет предполагается в ближайшее время¹¹.

Ключевым в нашем подходе к рассматриваемой проблеме является тезис, что трудность искомого согласования письменных и археологических данных может быть обусловлена не только особенностями их содержания, но и мерой внимания исследователей к и х р о д е , к способу передачи средствами этих источников этноисторической информации. Ведь если методика интерпретации археологических материалов в интересующем нас ключе определяется — в явной или (чаще) неявной форме — оговоренным выше пониманием соотношения археологической культуры и этноса, то вопрос о семиотическом механизме формирования античной традиции в этом контексте по существу вообще не ставится. Считается, что черпаемая из этой традиции информация о событийной стороне реконструируемого этноисторического процесса вполне однозначна. А ведь именно от этого зависит понимание того, чему мы, собственно, в ходе согласования вербальных и археологических данных ищем археологический эквивалент. Между тем, справедливость такого понимания далеко не бесспорна.

Мы уже упоминали, что, вслед за Ю.В. Бромлеем, трактуем этнос как категорию сопоставительную и исходящую из того, что «характерная особенность этнических общностей как раз и состоит в том, что их неперменным свойством... является взаимное различие»¹². Если же в археологических «текстах» этноразличительными признаками выступают особенности материальной культуры, то в письменных текстах того типа, к которому принадлежат интересующие нас сообщения античных авторов, этническая дифференциация выражается прежде всего средствами этнонимии. Скифы и киммерийцы Геродотова рассказа о конфликте между ними воспринимаются как разные этносы, поскольку речь идет о взаимодействии носителей разных этнических имен.

⁸ Иссен А.А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н.э. на Юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. Вып. XVIII. С. 109.

⁹ Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. С. 25—26.

¹⁰ Ключко В.И., Мурзин В.Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 14.; см. также: Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 16 сл.

¹¹ Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. К истории сложения скифской культуры. М. (в печати).

¹² Бромлей. Ук. соч., с. 49.

В принципе эта информация достаточно существенна, ведь этноним для некоей общности служит проявлением осознания себя как самостоятельного этноса. Но так обстоит дело в том случае, когда речь идет об эндоэтнониме (самоназвании). Между тем, по справедливому замечанию В.П. Алексеева, «беда в том, что древние этнонимы имеют сложное происхождение... и понять, какой характер имеет то или иное название, фигурирующее в источнике, из самого источника чаще всего невозможно»¹³.

Из сказанного следует, что в том случае, когда «сопоставительная природа» этноса выражается только средствами этнонимического кода и к тому же фиксирующие ее источники инокультурны по отношению к описываемой ими среде (как это и имеет место в нашем случае), сам характер кодирования этноисторической информации в этих источниках предполагает возможность ее неоднозначного понимания — в зависимости от того, как будут, исходя из внешних, дополнительных данных, оценена аутентичность использованных в тексте этнонимов и определен их характер. Соответственно, каждому толкованию будет соответствовать в качестве идентичного ему по содержанию и принципиально иной археологический текст.

Приведенная в начале нашей статьи теоретическая реконструкция археологического эквивалента рассказу Геродота о скифо-киммерийских отношениях оказывается, таким образом, отнюдь не жестко необходимой, а лишь одной из возможных. Правда, она отвечает пониманию используемой Геродотом этнонимии и описываемой этноисторической ситуации, но это понимание в значительной степени продиктовано обстоятельствами формирования присущих Геродоту представлений на этот счет и может оказаться не вполне адекватным интересующей нас этноисторической реальности.

Упоминания имен скифов и киммерийцев в синхронных рассматриваемым событиям восточных текстах свидетельствуют об их подлинности, т.е. о том, что они не являются изобретением античных авторов последующих эпох. Из сказанного, однако, не следует, что они обязательно соотносятся между собой именно так, как это отражено в рассказе Геродота. В последнем они служат для обозначения двух общностей одного таксономического уровня и автономного происхождения, выступающих в качестве взаимодействующих (конфликтующих) сил. Восточные же источники, знающие оба этнических имени — гимирри и ишкуза, ашкуз — начиная с VII—VI вв. до н.э. первым из этих названий обозначали широкий круг степных народов, «включая причерноморских скифов и среднеазиатских саков»¹⁴. С другой стороны, существует мнение, что присущее Геродоту понимание киммерийцев как скифского населения всего Северного Причерноморья не адекватно содержанию этого этнонима в качестве самоназвания¹⁵. Иными словами, судя по всему, в разных традициях и даже, по-видимому, в разных контекстах одной и той же традиции имя «киммерийцы» использовалось для обозначения совокупностей разного объема и ранга, и словоупотребление Геродота — лишь один из вариантов этого достаточно широкого спектра значений.

При толковании сведений Геродота следует учитывать, что описываемые события отстоят от времени Геродота на несколько столетий. При этом одного из участников конфликта Геродот знает и в современной ему реальности, что, естественно, создает благоприятные условия для проецирования в описываемую древность содержания понятия «скифы», присущего его эпохе; толкование же понятия, которым обозначается второй участник конфликта — давно исчезнувшие с исторической арены киммерийцы, оказывается производным от толкования понятия «скифы». Отсюда следует: если за время, отделяющее интересующие нас события от времени Геродота, содержание этнонима «скифы» не претерпело существенных изменений, то понимание Отцом истории воспроизводимого им рассказа — очевидно, скифского предания — оказывается достаточно адекватным действительности; если же имела

¹³ Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986. С. 28—29.

¹⁴ Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории («Киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). М., 1981. С. 99; см. также: он же. История Мидии. М., 1956, С. 237—238; Дандамаев М.А. Данные вавилонских документов VI—V вв. до н.э. о саках // ВДИ. 1977. № 1. С. 31.

¹⁵ Дьяконов. История Мидии. С. 238.

место существенная эволюция содержания этого этнического термина, то искажения неизбежны даже при условии, что Геродот вполне точно воспроизвел событийную канву упомянутого предания.

Существует мнение, достаточно распространенное, но четче всего, пожалуй, сформулированное О.Н. Трубачевым, что «при всей их древности, отношения киммерийцев со скифами, так сказать, постэтногоничны; скифы к этому времени вполне сложились как этнос»¹⁶. По существу это точное воспроизведение представлений самого Геродота, для которого скифы, пришедшие из Азии, скифы, ходившие походами на Ближний Восток, и те скифы, которых он полтора веками позже застал в северопонтийских степях, — один и тот же народ прежде всего в силу их одноименности. Однако перенос такого понимания в современные работы по этноистории без попыток уяснить принципы восприятия подобных проблем древними авторами чреват своего рода «этнонимическим фетишизмом». Между тем, если исходить из современных представлений об этногенезе как о «всей той совокупности исторических явлений и процессов, которые имеют место в ходе формирования того или иного народа и приводят к окончательному сложению его этнического лица»¹⁷, а о самом этносе — как о сопоставительной категории, т.е. об общности, по определенным признакам отграничиваемой от прочих, то понимание скифо-киммерийских отношений как постэтногоничных равносильно утверждению, что с самого момента появления в Восточной Европе пришедших с востока скифов система различения их с иными народами региона была вполне стабильной и что к этому времени уже полностью сложилось их «этническое лицо», в частности, завершилось формирование хотя бы основных элементов скифского культурного комплекса, в том числе материального (resp. археологического).

Поскольку мы обладаем по существу лишь одним достаточно детальным описанием системы древних этносов юга Восточной Европы — свидетельством самого Геродота, то лишены возможности на уровне этнонимии исследовать эту систему в динамике. Впрочем, у того же Геродота мы находим по крайней мере одно свидетельство, что разграничение скифов и окружающих этносов с приходом первых в Причерноморье отнюдь не завершилось. Речь идет о рассказе (IV, 110—116), согласно которому савроматы выделились из скифской среды уже на стадии обитания скифов в азово-черноморских степях. Конечно, оболочка этого рассказа вполне легендарна, но исследователи признают наличие в нем исторического ядра¹⁸. Достаточно позднее оформление савроматов как самостоятельного этноса подтверждает, как кажется, и замечание Диодора (II, 43, 6), что этот народ — переселенцы из Мидии, в чем можно, на наш взгляд, видеть свидетельство завершения савроматского этногенеза уже после возвращения обитателей восточноевропейских степей из Передней Азии. Не противоречат такому толкованию и археологические материалы, на чем здесь нет возможности останавливаться подробно.

Что касается археологических данных о времени формирования «этнического лица» скифов, то среди самих археологов нет единства в толковании этой проблемы, о чем свидетельствует и приведенный выше обзор. Если А.Н. Тереножкин и его единомышленники, следуя, как и О.Н. Трубачев, Геродотову пониманию скифской этноистории, полагают, что скифская культура в Восточную Европу «привнесена извне в вполне сложившемся виде и как бы механически сменяет старую местную культуру на юге Европейской части СССР»¹⁹, то другие исследователи — как поименованные выше, так и многие иные — считают, что «эта культура сложилась на юге Восточной Европы из слияния местных и привнесенных элементов, дополненных различными влияниями»²⁰. В таком случае трудно, конечно, говорить об окончательном формировании этнического лица скифов еще до скифо-

¹⁶ Трубачев О.Н. Выступление на Круглом столе «Дискуссионные проблемы отечественной скифологии» // НАА. 1980. № 5. С. 118.

¹⁷ Алексеев. Ук. соч. С. 3.

¹⁸ Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 192—193.

¹⁹ Тереножкин. Ук. соч. С. 209.

²⁰ Петренко В.Г. Задачи и тематика конференции // Проблемы скифской археологии. (МИА. № 177). М., 1971. С. 7.

киммерийского конфликта. Отметим, впрочем, что определенный вклад местных, восточноевропейских, элементов в культуру скифов не отрицал, проявляя здесь известную непоследовательность, и А.И. Тереножкин.

В краткой статье, понятно, нет возможности подробно осветить процесс формирования и эволюции скифской культуры. Поэтому дальнейшее изложение имеет по необходимости тезисный характер. Суть проблемы состоит, как ясно из сказанного выше, в выяснении соотношения содержания понятия «скифы» у Геродота с археологически запечатленной этнокультурной ситуацией в Причерноморье в Геродотову эпоху, с одной стороны, и на более ранних этапах (в частности, в момент скифо-киммерийского конфликта) — с другой. При этом за точку отсчета представляется целесообразным принять наиболее хорошо нам известную культуру северопонтийских степей V—IV вв. до н.э., которая, по справедливой формулировке Б.Н. Гракова, «по праву времени и места не может быть названа иначе, чем скифской»²¹. Двигаясь затем в глубь времен, можно попытаться на основе такого ретроспективного анализа воссоздать динамику содержания интересующего нас этнонима.

Этот анализ показывает, что совокупность основных, специфичных для упомянутой степной культуры признаков, оформляется лишь к концу VI в. до н.э. Тогда же происходит четкое культурное (и, возможно, политическое) обособление степного населения от его восточных (савроматы Нижнего Дона и меоты Прикубанья) и северных (народы лесостепной зоны) соседей, т.е. в тех границах, которые Геродот приписывает Скифии. Иными словами, эта степная культура принадлежит Геродотовым скифам в конкретно-историческом смысле. Отмеченная культурная отграниченность их от соседей обусловлена, с одной стороны, удельным весом в культуре каждого из восточноевропейских народов черт, унаследованных от прешествующего времени, т.е. различиями на уровне субстрата, а с другой — формированием к рубежу VI—V вв. локальных вариантов тех элементов культуры, которые в прешествующее время бытовали во вполне однотипных формах на обширных пространствах юга Восточной Европы — от Предкавказья до лесостепного Поднепровья. Наиболее отчетливо процесс дифференциации этого единообразного поначалу культурного комплекса прослеживается на материалах так называемой скифской триады, в первую очередь — в произведениях звериного стиля, демонстрирующих сложение на единой до того основе локальных вариантов к началу V в. до н.э.²²

Что касается происхождения элементов этого культурного комплекса, то мы не видим оснований считать их принесенными в Восточную Европу откуда бы то ни было в готовом виде — тем более в совокупности. По нашему мнению, их формирование происходило в период вторжений степных кочевников на Ближний Восток. На основании анализа восточных текстов давно установлено, что представление Геродота об этих походах как об однократной акции царя Мадия во второй половине VII в. до н.э. не соответствует реальности, ибо присутствие скифов в Передней Азии засвидетельствовано по крайней мере с 670-х годов, а киммерийцев — еще в последние десятилетия VIII в.²³, т.е. раньше того времени, которым датируются древнейшие археологические памятники скифского облика. Наиболее же ранние из этих памятников сосредоточены на Северном Кавказе²⁴, что соответствует сохраненному Диодором (II, 43) варианту античной традиции о ранних скифах, локализуя первоначальную зону их обитания не в Причерноморье, а в Предкавказье²⁵. Судя по археологическим данным, племена скифского круга, обитавшие в VII в. до н.э. по обе стороны Кавказа, существовали в тесном взаимодействии между собой, и именно здесь — на пространстве «между Келермесом

²¹ Граков. Ук. соч. С. 25.

²² Шкурко А.И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

²³ Дьяконов. История Мидии. С. 235, 245.

²⁴ Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. Вып. 23. Л., 1983.

²⁵ Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13. Л., 1971. С. 32—33.

и Зивие» — документируются, в частности, последовательные стадии сложения искусства звериного стиля на переднеазиатской основе²⁶. Одновременно, очевидно, здесь же завершилось формирование других компонентов скифской триады — преимущественно на базе эволюции форм, известных племенам черногоровско-новочеркасского круга.

Практически одновременно с появлением памятников скифского облика по обе стороны от Кавказского хребта они фиксируются и в Северном Причерноморье. Но здесь не улавливается сам процесс их становления — это своего рода «выбросы» из той зоны, где этот процесс протекал. Судя по всему, эти памятники отражают достаточно растянутое во времени расселение каких-то групп населения, причастного к переднеазиатским походам; не случайно в ряде восточноевропейских комплексов раннескифские древности сочетаются с вещами древневосточного происхождения или с теми, в декоре которых ощутимо влияние древневосточного искусства (Келермес, Мельгуновский курган, Дарьевка, курган на р. Калитве). Это расселение и обусловило распространение раннескифского культурного комплекса по обширной территории Восточной Европы, где затем, как уже было сказано, произошла культурная дифференциация, обособление локальных вариантов. Сопоставив данные античных и восточных текстов, мы вправе утверждать, что среди пришедших в северопонтийские степи и в лесостепь воинов были носители этнического имени «скифы», но это утверждение отнюдь не равносильно этнокультурному отождествлению этих пришельцев с охарактеризованными выше обитателями Скифии Геродота — лишь одной из частей охваченного указанным расселением ареала.

Древнейшие же скифы, о приходе которых с востока, «из Азии», повествуют античные авторы, не были еще, как явствует из всего сказанного, носителями ни степной культуры Геродотовых скифов V—IV вв. до н.э., ни даже того культурного комплекса, который связан с участниками переднеазиатских походов и со скифами Предкавказья. Поэтому неправомерными представляются попытки археологически проследить их продвижение, используя те критерии скифской принадлежности памятников, которые сложились на основе анализа более поздних материалов. При отсутствии реальной опоры для определения как времени этой первичной скифской миграции (мы уже отмечали, что данные Геродота о ее непосредственном предшествовании походу Мадия не соответствуют реальности), так и истинных ее масштабов, вряд ли сегодня возможна ее однозначная археологическая идентификация. Более или менее уверенно можно говорить лишь о том, что это были древнейшие носители все того же этнического имени «скифы». Исходя из приведенных данных Диодора локализовать эту миграцию следует, очевидно, в землях к востоку от Дона, в треугольнике между нижним течением Дона и Волги и Кавказским хребтом. Не исключено, что с этими древнейшими скифами связано одно из археологически прослеживаемых перемещений населения на эту территорию из Поволжья на рубеже эпохи бронзы и железа²⁷.

Итак, в истории скифов прослеживаются по крайней мере три качественно различных этапа, каждому из которых соответствует свое, отличное от прочих, содержание этого этнонима и своя археологическая реальность. Первый этап — время существования древнейших скифов, или праскифов. Это была, по-видимому, не слишком большая этническая группа, еще не характеризующаяся той культурой, которая ассоциируется со скифами в дальнейшем, но это были значительные носители интересующего нас этнического имени. Они-то и продвинулись с востока в Предкавказье, где, возможно, произошло то столкновение их с соразмерной им этнической совокупностью — киммерийцами, память о чем сохранило эпическое предание, запечатленное позже античной традицией. Скорее всего этот конфликт, как полагал уже А.А. Иессен²⁸, не столько повлек за собой кардинальную смену населения той области, где он разыгрался, сколько привел к переходу главенствующей роли среди обитавших там племен, более или менее близких этнокультурно, от киммерийцев к скифам и — как следствие — к закреплению за

²⁶ Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4; Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977. С. 24 сл.; Погребова, Раевский. Ук. соч.

²⁷ Смирнов. Ук. соч. С. 176—178.

²⁸ Иессен. Ук. соч. С. 109—110.

этими племенами общего этнического имени, воспринятого от победителей. Лишь внутренняя логика эпического рассказа об этом событии придала ему тот облик тотального конфликта, который сохранен в передаче Геродота.

Ту совокупность, которая стала именоваться скифами после рассмотренных событий, мы обозначаем термином «ранние скифы» по аналогии с хорошо известными исторически и археологически поздними скифами II в. до н.э. — III в. н.э., так же, как и интересующий нас народ, одноименными скифам геродотового времени, но не идентичными последним ни по составу, ни по облику культуры. Эти ранние скифы явились главной силой в походах степняков через Кавказ и в страны Передней Азии, а также создателями и носителями достаточно специфичного культурного комплекса — первого из известных нам археологически, вполне достоверно сопрягаемого с именем скифов.

Еще в эпоху переднеазиатских походов, а особенно интенсивно после их завершения проходило расселение носителей этого комплекса по территории Восточной Европы. В дальнейшем в пределах охваченных расселением территорий обособились несколько этнокультурных зон, обитатели одной из которых — степного Северного Причерноморья — унаследовали имя скифов. Тогда-то начался третий этап в истории этого этнического термина — время существования собственно геродотовых скифов. Именно этот народ застал в припонтских степях Геродот, в значительной степени спроецировавший современное ему содержание этнонима в более раннее время, в частности — при осмыслении исторических преданий описываемого им народа.

На наш взгляд, характер перехода от каждого из отмеченных этапов этнической истории скифов к следующему вполне соответствует тому сформулированному этнографами пониманию процесса этногенеза, согласно которому на определенной стадии «из ряда существовавших до этого этносов, этнических общностей или их частей складывается н о в ы й э т н о с, осознающий себя как нечто отличное от любых ранее существовавших групп и выражающий это самоосознание через новое самоназвание»²⁹. Иными словами, «скифы» каждого из трех перечисленных этапов — это д р у г о й э т н о с.

Такому пониманию сущности этнической истории скифов отнюдь не противоречит то обстоятельство, что в качестве такого их «нового самоназвания» в нашем случае выступает имя, уже задолго до того фигурировавшее в истории, поскольку, как отмечают этнографы, подобное новое самоназвание, «как правило, восходит к одному из ранее известных этнонимов... но приобретает качественно отличное содержание», выступая «основным этническим маркером» новой сформировавшейся совокупности, по-новому вычлняющей себя из окружающей этнической среды³⁰.

Три выделенных нами этапа этнической истории скифов можно по существу рассматривать как историю трех сменяющих друг друга различных, хотя и одноименных, народов, лишь отчасти связанных друг с другом генетически. Именно недостаточное внимание к этому обстоятельству, к динамике содержания этнонима при сопряжении вербальных и археологических данных на протяжении многих лет препятствовало решению этой задачи и даже приводило к серьезным искажениям этноисторической картины.

---

²⁹ Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 8.

³⁰ *Он же*. Ук. соч. С. 8.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 1993 г.

ХАРАППСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЕ СОСЕДИ — ОХОТНИКИ И СОБИРАТЕЛИ

Валерий Алексеев был антропологом с мировым именем. Его труды по исследованию биологической природы древнего человека являются вкладом как в историю, так и археологию. Я встретил его впервые во время работы IV Советско-американского симпозиума по археологии, и мы провели немало содержательных бесед о древней Индии. Одну из тем взаимного интереса составила тогда система взаимоотношений сельских земледельческих общин и коллективов охотников-собирателей, которая всегда была важной частью древнеиндийского образа жизни. С тех пор на этот счет появились некоторые новые и любопытные данные, которые хотелось бы здесь привести.

К проблеме взаимоотношений оседлого населения и охотников-собирателей я впервые обратился в ходе диссертационных исследований в штате Гуджарат¹, впоследствии опубликованных². Тогда мною были собраны сведения, подтверждающие, что насельники знаменитого хараппского города Лотхала³ вступали в контакты с охотниками-собирателями Северной Гуджаратской равнины в местах, подобных Лангхнаджу⁴.

ЛОТХАЛ

Лотхал — это небольшое поселение у юго-восточной границы провинции Синд и Индской цивилизации вообще. Площадь Лотхала, если вычислять ее по имеющемуся плану, должна составлять примерно 4,7 га, включая сюда и ту широкую полосу, которая на карте окаймляет поселение и обозначает, как считается, линию оборонительных сооружений. Какие-либо видимые следы последних, однако, ныне отсутствуют, и площадь собственно заселенной в древности территории вряд ли многим превышала 3 га, т.е. была на 2 с лишним га меньше, чем, например, у поселения Роджди.

На основе анализа остатков материальной культуры, а также элементов архитектуры Лотхал включается в круг синдских хараппских поселений цивилизации Хараппы. Самым массовым археологическим материалом здесь была керамика, представляющая основные типы и виды, известные нам по раскопкам на территории Синда: прежде всего это индские кубки, бокалы, s-образные

¹ *Possehl G.* Variation and Change in the Indus Civilization. A Study of Prehistoric Gujarat with Special Reference to the Post-urban Harappan. PhD Dissertation. University of Chicago, 1974.

² *Possehl G.* Indus Civilization in Saurashtra. Delhi, 1980.

³ *Rao S.R.* Lothal: a Harappan Port Town, 1955—62 // *Memoirs of the Archaeological Survey of India.* V. 2. № 2. 1979.

⁴ *Sankalia H.D.* Archaeology. Excavations at Langhnaj: 1944—63. Pt 1. Poona. Deccan College Post-graduate and Research Institute. 1965.

кувшины с валиком на венчике, детские поильнички, блюда на подставках и др. В ходе раскопок в Лотхале были найдены также 220 печатей и оттисков⁵, которые по своему художественному замыслу и технике изготовления соответствуют классическому хараппскому образцу. В Лотхале применялась хараппская система мер и веса, и самая планировка поселения с его ориентированными по странам света строениями, с водостоками, выложенными обожженным кирпичом, выдает следование хараппским градостроительным принципам, как они известны нам по Мохенджо-даро, Чанху-даро и другим синдским центрам. В некоторых случаях это подражание вполне провинциального уровня, тем не менее Лотхал по-прежнему являет собой наилучший образец хараппского влияния, исходящего из Синда. Вне всякого сомнения, в нем нет ничего от поселений хараппского типа, свойственных Саураштре, и представленных такими поселениями, как Роджди, Кунтаси или Падри.

Несмотря на свои малые размеры Лотхал представляет собой тщательно спланированное поселение: одна часть его была отведена под ремесла, другая — под собственно жилье, в третьей, обнесенной стеной, располагались два больших строения и зернохранилище. Наибольшие споры вызывает вопрос о предназначении большой, выложенной изнутри кирпичом выгородки, которую проводивший раскопки С.Р. Рао обозначил как «док».

Так называемый «док» в Лотхале имеет примерно 215 м в длину и 35 м в ширину. Он полностью облицован обожженным кирпичом; на южном его окончании — шлюзовые заслоны с устройством для деревянных ворот, которые, видимо, применялись при наполнении и опорожнении емкости (сейчас высоту стояния воды внутри сооружения определяет уровень грунтовых вод). Как утверждает С.Р. Рао, сооружение служило гаванью для судов, занятых в морской торговле, прежде всего с районами Персидского залива и Месопотамией⁶. Детали самой конструкции, равно как и аргументы «за» и «против» ее возможной идентификации, были представлены в заключении исследования о Лотхале. Здесь же хотелось бы остановиться лишь на одном-двух связанных с этим моментах.

По мнению К.Т.М. Хегде (высказанному им в беседе с автором статьи в 1991 г.), впадина, образовавшая так называемый «док», возникла как следствие выборки земли, пошедшей на создание возвышенной части Лотхала — той самой, где были возведены хранилище и прочие большемасштабные строения. Этот своеобразный открытый «карьер» был затем обнесен стеной, и уровень воды в ее пределах был подвержен лишь сезонным колебаниям. Подобное сооружение являло собой совершенно разумный способ превращения мозолившей глаза грязной лужи в более привлекательный элемент лотхальского городского пейзажа. К тому же стена эта, преграждая путь животным, сохраняла чистоту воды. Таким образом лотхальский «док» скорее всего следует рассматривать как южноазиатский вариант искусственного водохранилища. Эта гипотеза была предложена в свое время Л. Лешником, с которым автор данной статьи в принципе согласен⁷. Вместе с тем есть и другая возможность объяснения этой конструкции.

В ходе дискуссии об индской религии я в свое время отмечал сходство между лотхальским водоемом и Большим бассейном в Мохенджо-даро, хотя размеры их, конечно, различны. Оба резервуара «привязаны» к искусственно созданным на обоих поселениях возвышенностям, оба расположены в непосредственной близости от строений с мощными кирпичными фундаментами — так называемого

⁵ Corpus of Indus Seals and Inscriptions. V. I. Collections in India // Ed. by J.P. Joshi, A. Parpola. Helsinki, 1987. P. 238—290.

⁶ Rao. Lothal. P. 123—135.

⁷ Leshnik L.K. The Harappan «Port» at Lothal: Another View // AA. 1968. V. 70(5). P. 911—922; Possehl. Indus Civilization. P. 1971.

«Зернохранилища» (Granary) в Мохенджо-даро и «Склада» (Warehouse) в Лотхале. В Лотхале к тому же (было) обнаружено несколько «мостков» для купания (bathing platforms) — как раз к западу от «Склада» и неподалеку от водохранилища. Все это заставило меня задаться вопросом, не были ли присущи лотхальскому водохранилищу некоторые черты мохенджодарского Большого бассейна как места для ритуальных омовений? Разумеется, лотхальское сооружение могло использоваться и для иных целей, так что сказанное выше — отнюдь не предложение видеть в нем копию первого. С другой стороны, присутствие некоторых любопытных элементов сходства и различия можно объяснить тем, что Лотхал располагался далеко от Мохенджо-даро и был в сущности провинциальным хараппским поселением, жители которого может и старались копировать великий город древнего Синда, но не имели ни возможности, ни желания вкладывать свои средства в создание своего собственного Большого бассейна. Подобно любим другим провинциалам на свете лотхальцы предпочли создать нечто иное — общественное хранилище для воды, в полном соответствии с принципом «будет с нас и этого!».

В конце концов, как функционировало это водохранилище или бассейн в III тыс. до н.э., мы точно не знаем, несомненно, однако, одно — «доком» его именовать есть мало оснований. И каково бы ни было его назначение, совершенно бесспорно другое — сам Лотхал был важнейшим центром в течение всего периода Развитой Хараппы, придя в упадок ко времени периода Лотхал-В — постгородской фазы существования поселения. Лотхал представлял собой торговый и ремесленный центр, в пределах которого получила развитие разнообразная производственная деятельность. Здесь существовала прекрасная мастерская по производству бус с печью для обжига, в которой халцедон превращали в карнеол, изготавливали фаянс, глазированный «стеатит» и проводили другие операции. Раскопки выявили массу брака и отходов, полученных в процессе производства. Бусы изготавливались из разнообразного вида агатов, а также из горного хрусталя, яшмы, стеатита, раковин, слоновой кости и т.п. сырья. На поселении существовала также мастерская, где осуществлялась плавка или иные операции с металлами, другие мастерские — например, для обработки раковин и стеатита, ткацкие⁸. Эти мастерские способны были произвести гораздо больше, чем население самого Лотхала потребить. Существовало и то, что Лотхал располагался на аллювиальных почвах у самого Камбейского залива, и ни один из названных выше видов сырья не был обнаружен в непосредственной от него близости. Следовательно, мы должны предполагать, что все эти материалы поступали сюда благодаря торговле или же доставлялись отрядами, специально снаряженными на их поиски.

Таким образом, Лотхал был маленьким, хорошо организованным торговым и ремесленным поселением на самых юго-восточных рубежах Индской цивилизации. Мне кажется, что во многих отношениях он напоминает торговые форпосты Компании Гудзонова залива в Северной Америке гораздо более позднего времени.

ЛОТХАЛ И НАЧАЛЬНЫЕ СТАДИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ОХОТНИКАМИ-СОБИРАТЕЛЯМИ

Нам известно, что на территории Гуджарата в течение III тыс. до н.э. проживало население, которое добывало средства к существованию охотой и собирательством. Сведения о нем не так велики, как хотелось бы, тем не менее нам известны многочисленные их поселения с микролитическими орудиями труда. Эти последние представлены разнообразными типами, которые в соответствии с

⁸ Rao. Lothal. P. 81.

их формами получили названия серповидных, месяцеобразных, треугольных, трапециевидных и т.п. Как правило, они весьма малы, ни один из их промеров не достигает 1 см. Микролиты из гуджаратской и раджастанской коллекций превосходно выделаны из различных видов агата местного происхождения. По своему качеству они напоминают полупрозрачные самоцветы, в той же мере прекрасные, что и полезные. По причине своих миниатюрных размеров микролиты эти не использовались сами по себе — даже удержать их в руке составило бы проблему. Они крепились различными способами к черенкам и рукоятям из дерева, рога, других материалов; археологи рассматривают их как элементы составных орудий труда.

Сосуществование охотников-собирателей и хараппцев в пределах единого городского комплекса нам известно по примеру Каневала — поселения, расположенного в дюнах в районе Кхеда, у самого Камбейского залива⁹. Здесь был вскрыт слой с временными жилищами охотников-собирателей, хронологически следовавший за одной из фаз гуджаратской постгородской Хараппы, в пределах которой зафиксировано использование красной лощеной керамики. На временных местах обитания был обнаружен соответствующий репертуар микролитических орудий при полном отсутствии следов архитектуры. Это важное стратиграфическое свидетельство позволяет отнести существование охотников и собирателей в Гуджарате к указанному общему периоду.

Слой заселения с очень редкой керамикой и микролитическими орудиями, который хронологически предшествовал слою с использованием краснощенных сосудов, был также выявлен в Орийо Тимбо на севере Бхавнагарского района Саураштры. Красноощенную керамику, как представляющую собой важнейший тип керамики постгородской фазы гуджаратской Хараппы, следует рассматривать в контексте последней. Как говорилось выше, у нас есть данные, что одно и то же поселение одновременно могло использоваться разными группами насельников, которые добывали средства к существованию качественно различными способами. Орийо Тимбо дает кроме этого некоторые радиоуглеродные датировки микролитического производства, которые относят его к III тыс. до н.э., возможно, примерно к 3700 г. до н.э. Стало быть, время существования этих охотников-собирателей совпадало с периодом заселения Лотхала.

Из числа раскопанных в Гуджарате поселений с микролитической индустрией наиболее важным является Лангхнадж, который располагался в дюнах и на всхолмленных отложениях аллювия в 160 км от Лотхала¹⁰. В Лангхнадже было обнаружено значительное по масштабам микролитическое производство, в котором выделяются три фазы¹¹. Фрагменты керамики, а также орудия из камня присутствовали во всех трех слоях поселения. Обжиг сосудов был столь несовершенен, что уцелели лишь мельчайшие их части; профили можно выявить не ранее позднейшей Фазы III. Тем не менее совершенно очевидно, что фрагменты, относящиеся к фазе II, представляют собой остатки черных и красных сосудов, обнаруживающих некоторое типологическое сходство с черной и красной керамикой Лотхала. Весьма вероятно, что жители Лангхнаджа заимствовали гончарное искусство у носителей хараппской культуры — возможно, у тех первых раннехараппских поселенцев, которые предшествовали позднему населению Лотхала. Производство керамики и каменных орудий продолжалось здесь и в Фазе II. К этому периоду относятся также два найденных предмета из шлифованного камня — топор и один из загадочных просверленных шаров или

⁹ Mehta R.N., Momin K.N., Shah D.R. Excavations at Kanewal. Baroda: Maharaja Sayajirao University Archaeology Series. № 17. 1980.

¹⁰ Sankalia. Op. cit.; Clutton-Brock J. The Fauna. Excavation at Langhnaj: 1944-63. Pt 2. Poona, 1965; Ehrhardt S., Kennedy K.A.R. The Human Remains. Excavations at Langhnaj: 1944-63. Pt 3. Poona, 1965.

¹¹ Sankalia. Op. cit.

наверший для жезла. В слоях той же Фазы II был обнаружен также медный нож (чистота металла — 98,12%) и стеатитовые дисковидные бусины. Эти находки исчерпывают собой образцы «передовых технологий» у охотников-собирателей; в Лангхнадже все они кажутся немного не на своем месте, особенно нож из меди. Фаза III обнаруживает превосходно выполненный железный наконечник стрелы, у которого есть надежные раннеисторические (примерно 300 г. н.э.) параллели. Для Фазы II в Лангхнадже есть одна радиоуглеродная привязка (TF — 744), дающая значение 2440—2160 гг. до н.э., т.е. период Развитой Хараппы в жизни Лотхала. Эта датировка, а также некоторые другие радиоуглеродные даты вместе со стратиграфическими свидетельствами из Каневала весьма убедительно подтверждают наличие в Гуджарате племен охотников и собирателей в период синдского хараппского заселения Лотхала и других поселений в Каче.

Эти хронологические соответствия очень важны, поскольку подтверждают возможность того, что медный нож, стеатитовые дисковидные бусины, технология шлифовки каменных орудий, а возможно — черная и красная керамика поступали в Лангхнадж (как, разумеется, и в прочие места Северного Гуджарата) в результате бартерного обмена с хараппцами эпохи Развитой Хараппы. Лотхал предстает перед нами как чрезвычайно важное поселение в силу своего особого характера торгового форпоста. Следует еще раз подчеркнуть, что он не был укреплен — верный знак того, что город наслаждался мирными взаимоотношениями со своими соседями, часть которых не принадлежала к носителям хараппской культуры вообще.

Еще одну группу данных о взаимоотношениях между хараппцами Гуджарата и населяющими этот район охотниками и собирателями поставляют физическая антропология и анализ лотхальских погребений. Последние, как и захоронения из Лангхнаджа и других поселений этой области, были исследованы К.А.Р. Кеннеди. Кеннеди, бесспорно, лучше других антропологов осведомлен о хараппцах и их соседях. Он и его коллеги¹² показали, что люди, погребенные на лотхальском кладбище, «укладываются» в рамки того размаха вариаций, который был характерен для носителей хараппской культуры эпохи ее расцвета в целом, хотя статистически они несколько смещены в сторону одной из границ. Признаком же, который как будто бы «вытесняет» этих людей за пределы «хараппской нормы», является грубость лицевого скелета (прогнатизм, размер зубов, массивность костей и т.п.), составлявшая физическую особенность охотников и собирателей Лангхнаджа и других однотипных с ним поселений этого региона. Это дало основание Кеннеди выдвинуть предположение, что отношения между гуджаратскими хараппцами и их соседями — охотниками-собираателями не исчерпывались чисто экономическими связями¹³.

Наличие свидетельств не только о торговле и/или торговом обмене, но и обмене «генном» между хараппцами и охотниками-собираателями в Гуджарате подтверждает предположение, о том, что последние были теми самыми людьми, которые обеспечивали сырьем ремесленные производства и торговцев, живших в Лотхале, а может быть — и в других синдских хараппских поселениях этого региона. Возможно, это был единственный способ получения сырья, и он имел чрезвычайно важное значение, поскольку охотники-собиратели прекрасно знали свои земли и были способны изыскать именно те материалы, заинтересованность в которых хараппцы выказывали. Это могли быть материалы, подобные обнаруженным в Лотхале: агаты, карнеол, горный хрусталь, стеатит, раковины, слоновая кость, а также древесина, к примеру — тиковых деревьев, растущих на склонах Западных Гат. Следует назвать здесь также олово, поскольку

¹² Kennedy K.A.R., Chimet I., Drisotell T., Meyers D. Principal-components Analysis of Prehistoric South Asian Crania // AJPA. 1984. V. 64 (2).

¹³ *Ibid.* P. 116.

известны упоминания аллювиального олова из Северного Гуджарата; его могли находить в виде черных бляшек или комков в подверженных сезонным изменениям руслах рек. Не похоже, чтобы охотники-собиратели Гуджарата играли какую-либо роль в поставке меди, если только хараппские кузнецы не обучали их специально как отыскивать руду, залежи и заниматься их обогащением. Точно на этот вопрос мы ответить не можем, хотя нельзя полностью исключить возможности того, что для получения желаемого сырья хараппцам приходилось осуществлять некие формы обучения этого населения.

Симбиоз охотников-собирателей и оседлого населения на субконтиненте составляет характерную черту жизненного уклада, которая продолжает здесь сохраняться поныне. С тех пор, однако, как эта особенность перестала быть свойственной Пакистану, наше внимание целиком приковала к себе Индия, где в настоящее время продолжают существовать несколько групп охотников и собирателей, гораздо более многочисленных в XIX в. Исследователи, как правило, относят этих людей к категории охотников и собирателей на том основании, что те не держат домашнего скота, не занимаются земледелием и обеспечивают свое существование, используя дары джунглей. Однако ключевой особенностью, обеспечившей этим людям выживание, является отнюдь не их изолированность и самодостаточность, но втянутость в систему сложных, симбиотических взаимоотношений с земледельцами, крестьянами, их окружающими. Жители джунглей охотились на диких животных и собирали продукты леса для того, чтобы обменивать их у своих соседей на сельскохозяйственные продукты, металлические орудия, одежду и подобное. Р. Фокс описывает эти взаимоотношения следующим образом: «Индийским охотникам-и-собираателям, сохранившим черты самого примитивного образа жизни, в большей степени, чем их свобода, присуще состояние принадлежности к специализированным по роду занятий производственным ячейкам, похожим на кастовые группы — таким, как плотники, пастухи, кожевники. Их экономическая система ориентирована на торговлю и обмен с более сложными сельскохозяйственными и кастовыми общностями, в орбите которых они существуют. Однако охота и собирательство в индийском контексте не есть просто форма экономического выбора в условиях неполностью дифференцированной среды обитания. Скорее это высокоспециализированная и избирательная ориентация в создавшихся естественных условиях — когда дары леса собираются и оцениваются прежде всего для внешнего их обмена или продажи и когда необходимые для пропитания или ритуалов объекты (например, железные орудия, рис, наконечники стрел и т.п.) могут быть получены лишь таким путем. Отнюдь не завися полностью от леса в удовлетворении своих собственных потребностей, индийские охотники-и-собиратели целенаправленно эксплуатировали окраинные земли, откуда они доставляли более крупным социальным сообществам вождеденные, но иными способами недоступные для них вещи — мед, воск, канаты и веревки, обезьян, оленину. В отличие от австралийских аборигенов и племен пайуте их хозяйственная активность и благосостояние зависели от бартерного обмена этих товаров на зерно и ремесленную продукцию у их более высокоорганизованных соседей — обитателей равнин. Экономическая деятельность индийских охотников-и-собирателей в большей степени схожа с передаваемой по наследству кастовой занятостью, чем с детерминированным окружающей средой выбором австралийцев или пайуте»¹⁴.

Подобное переплетение экономики двух обозначенных типов населения как будто бы хорошо подтверждается материалами эпохи Развитой Хараппы в Гуджарате. Этот процесс, однако, мог начаться и ранее. Так, например, у нас

---

¹⁴ Fox R. Professional Primitives: Hunters and Gatherers of Nuclear South Asia // *Man in India*. 1969. V. 49 (2). P. 141—142.

есть свидетельства того, что в хозяйстве охотников-собирателей в поселении Багор использовались козы и овцы. Названное поселение располагается внутри окаменелой песчаной дюны, которая носит название Махасати Маунд и располагается в верховьях Котхари, притока Банаса. В поселении выделяются три фазы¹⁵. Нижняя, Фаза I, приходится на чисто микролитическое поселение. В течение Фазы II микролитическая технология продолжает существовать по-прежнему, однако теперь к ней добавляется использование медных (бронзовых?) орудий и керамики. Медные предметы представлены тремя наконечниками стрел, которые обнаруживают сходство с некоторыми типами времен Развита Харалпы, а также булавкой (или шилом) и ножом (или наконечником копья). Последнее имеет срединную грань — элемент абсолютно не характерный для харалпской металлургии вообще. В Фазе III микролитическая индустрия сочетается с наличием предметов из железа и стекла. Костные остатки в Фазе I включают преимущественно кости овец и коз (65%), а также зебу, свиней, буйволов, газелей, оленей, зайцев, лис и мангустов¹⁶. Этот набор не изменяется на протяжении всех трех фаз, однако абсолютная численность костей в Фазе II убывает.

Калиброванные радиоуглеродные даты для Фазы I дают значения примерно 5000—2800 гг. до н.э., для Фазы II — примерно 2800—600 гг. до н.э., т.е. эпоху Ранней Харалпы; Фаза III — это Железный век, датируется 600 г. до н.э. — 200 г. н.э.¹⁷

Самые основы кочевого образа жизни не изменились в Багоре, однако присутствие там domesticiрованных животных и металлических орудий предполагает наличие контактов его жителей с населением, обладающим большими технологическими знаниями. Таким образом, Багор также вносит свою лепту в понимание нами процесса взаимоотношений древнеиндийских охотников-собирателей и харалпских земледельцев и пастухов-отгонщиков.

Эта проблема взаимной зависимости различных групп населения в древней Индии обсуждалась также Г. Кханной¹⁸ и Р. Худжой¹⁹. Выводы Кханна базировались на его изыскании багорской микролитической индустрии и тезисе о пастушеском кочевом характере экономики этого поселения. Его работа вызвала к жизни еще одну статью²⁰, предметом обсуждения которой стали взаимоотношения Лотхала и Лангхнаджа. Несмотря на то, что Кханна выявил связи Багора со многими другими поселениями, внимание его, как кажется, сконцентрировалось главным образом на засвидетельствованной здесь местной модели кочевого пастушества, а именно — на проблеме его «ежегодных территориальных пределов»²¹. Поиски же свидетельств о взаимных контактах он склонен скорее ограничивать Ахаром и халколитическими поселениями на Банасе, не выходя на большие географические масштабы проблемы, как то предполагала бы находка наконечника стрелы с харалпской типологией. Работа Р. Худжи сводилась к выявлению важности Ахара и банасского халколита.

¹⁵ *Misra V.N.* Bagor: a Late Mesolithic Settlement in North-West India // WA. 1973. V. 5. P. 92—100.

¹⁶ *Thomas P.K.* The Role of Animals in the Food Economy of the Mesolithic Culture of Western and Central India // *Archaeozoological Studies*. Amsterdam, 1975. P. 322—328.

¹⁷ *Misra*. Op. cit. P. 95.

¹⁸ *Khanna G.S.* Reassessing the Mesolithic of India: with Special Reference to the Site Bagor. PhD Diss. Dep. of Anthropology. University of California. Berkeley, 1988. P. 172—183.

¹⁹ *Hooja R.* The Ahar Culture and Beyond: Settlement and Frontiers of «Mesolithic» and Early Agricultural Sites in South-Eastern Rajasthan. PhD Dissertation. Dep. Anthropology. University of California. Berkeley, 1988.

²⁰ *Possehl G., Kennedy K.* Hunter-gatherer / agriculturalist Exchange in Prehistory: an Indian Example // CA. 1979. V. 20. P. 592—593.

²¹ *Khanna*. Op. cit. P. 188.

Лотхал предстает перед нами как важное пограничное поселение синдской Хараппы. Это одно из «оконов» культуры периода ее расцвета, «открытое» в сторону Декана, а также Гуджарата с его полезными ископаемыми. Я характеризовал его в прошлом как «город-врата» (gateway-settlement)²² и ныне это справедливо в той же степени, что и раньше. Хорошо продуманные, компактные размеры Лотхала свидетельствуют о том, что он был спланирован заранее, а это в свою очередь наводит на мысль о том, что решение о его строительстве было сознательным и исходило от отдельного носителя хараппской культуры периода ее расцвета или группы таковых, населявших долину Инда. Эти люди стремились расширить возможности получения продуктов, которые могли поступать к ним с этой территории и прилегающих к ней восточных и северных окраин. Они набрали несколько предприимчивых жителей, обладающих необходимыми навыками, и отправили их в юго-восточную часть их провинции для основания небольшого поселения и установления экономических отношений с местным населением. Потребные им продукты они получали в обмен на хараппские «коммерческие» товары — такие, как бусы или металлические орудия. Одежда была одним из самых важных товаров на протяжении всей истории человечества и в это время она также могла представлять собой статью обмена.

Поскольку у нас есть данные о существовании ремесленного производства в Лотхале, мы имеем все основания предполагать, что некоторые виды получаемого сырья сразу же обращались в готовую продукцию. Часть ее вновь продавалась поставщикам сырья, остатки отсылались «хозяевам» в Синд для того, чтобы служить оплатой работникам в городе. Оставшееся сырье также отсылалось «домой», и это, видимо, составляло главную часть торговых операций.

Дорога домой пролегла через Кач, и я легко могу себе представить такие местечки, как Суркотада или Дхоловира, в качестве стоянок или древних караван-сараев вдоль этого пути. Не все жители в Каче были довольны этим нашествием хараппцев. Путникам, идущим между Синдом и Нальской низиной, могла понадобиться защита небес, особенно если при них были ценное сырье или товары.

Анализ данных этих поселений и — бесспорно — многих других может показать, что симбиоз населения охотников и собирателей и их оседлых соседей на территории Индийского субконтинента имеет долгую историю.*

Г. Л. Поссел

THE HARAPPAN CIVILIZATION AND ITS HUNTER-GATHERER NEIGHBOURS

G.L. Possehl

Symbiosis of rural settled agricultural communities and groups of hunters-gatherers has been a characteristic feature of the way of life of the Hindustan subcontinent since ancient times. One of the most interesting examples of this interrelationship is found in Lothal, a small settlement near the Gulf of Cambay on the south-eastern border of the Sindh province. The analysis of artifacts (pottery, seals), planning and the type of building place it among Sindh Harappan settlements of the Harappan civilization.

²² *Possehl*. Indus Civilization. P. 76.

* Перевод В.А. Головиной.

During the whole period of Mature Harappa Lothal was an important handicraft and trade border center (in the opinion of some researchers, it was also a seaport). Its dwellers, bearers of the Harappan culture, were engaged in various production activities within its limits. Thus, remnants of well-equipped shops for the production of various beads, metal-work, fabrics have been found. The analysis of the scope and types of production leads to two important conclusions: firstly, more goods were produced locally than the population of Lothal could consume, and secondly, raw materials were not of local origin.

The population capable of «consuming» part of the products, on the one hand, and supplying the production with the required raw materials, on the other, was made up of groups of hunters-gatherers who at the time of the Sindh Harappan use of Lothal and other towns in the Kutch area inhabited the territory of Gujarat. We know their numerous temporary dwelling places characterized by highly developed microlithic industry. The most important of them is Langhnaj, where facts of the use of some achievements of the Harappan culture, e.g. pottery and metal implements, by its inhabitants were discovered. Those could have been obtained as a result of a barter exchange between groups of hunters-gatherers and the Harappans, possibly, inhabitants of Lothal. Some anthropological data bear witness to the fact that contacts between the two groups of the population could have gone beyond trade and barter deals.

Lothal appears to us as an important trade and handicraft outpost on the borders of the Indus civilization. The carefully thought out structure of Lothal shows that it was built under a previously drawn-up plan, possibly, by inhabitants of one of the Harappan centers who sought to expand the opportunities for getting necessary raw materials and rare forest products. The inhabitants of Lothal could get those products in exchange for goods produced by them on the spot, the biggest part of which (facing stones, tin, forest gifts, timber, etc.) «went home».

The organization of the economic activity of Gujarat hunters-gatherers leads to an important observation that it was purposeful and highly-specialized resembling the inherited caste activity rather than, for example, the choice of the Australian aborigines determined by the environment.

© 1993 г.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ВЕРХНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

*(По материалам исследований экспедиции
Российской Академии наук в Сирии)*

Начиная с 1969 г. археологическая экспедиция Российской Академии наук ведет широкие полевые исследования в Северной Месопотамии. До 1985 г. работы экспедиции были сосредоточены в Синджарской долине Северо-Западного Ирака. Здесь экспедицией исследован ряд важных памятников дописьменной фазы истории Месопотамии, отражающих основные этапы ее развития от докерамического неолита до протошумерской, так называемой убейдской культуры включительно¹. С 1988 г. исследования были перенесены в смежные районы Северо-Восточной Сирии, где близ г. Хасеке проводятся раскопки многослойных поселений — Телль Хазна I и Телль Хазна II. Если последнее содержит слои раннеземледельческих культур начиная с рубежа V—VI тыс. до н.э., то Телль Хазна I отражает уже период становления государств-

---

¹ Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981; Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.

*венности в древнейшей Месопотамии, формирование первых городов и крупных культовых центров*².

Результаты исследований экспедиции охватывают большой круг как общих, так и конкретных вопросов истории и культуры Месопотамии и Восточного Средиземноморья в целом. Но в настоящей статье мы коснемся лишь некоторых из них и прежде всего тех, которые постоянно находились в поле интересов В.П. Алексеева. Хорошо известно, какое значение он придавал исторической информативности археологических источников³. И в этом плане территория Сирии представляет собой уникальный и в то же время поразительно многообразный регион. Достаточно подчеркнуть, что в Сирии сделано одно из крупнейших археологических открытий XX в. — открытие Эблы с ее замечательным архивом, вызвавшим подлинный переворот в представлениях о древней истории Ближнего Востока. В этом же регионе проведены раскопки Угарита, культура которого положила начало алфавитной письменности. Но и дописьменные периоды представлены на этой благодатной земле такими замечательными памятниками, как Телль Халаф, эпонимное поселение ярчайшей раннеземледельческой культуры Переднего Востока.

Трудно указать другой регион, где бы в таком органическом сочетании находились информативные возможности письменных и археологических источников и где бы была такая бескрайняя перспектива их дальнейшего исследования и новых открытий. Неудивительно поэтому, что в Сирии и прежде всего в ее северо-восточной части сосредоточены сейчас работы десятков археологических экспедиций многих стран мира, включая Австралию и Японию. Именно здесь перекрещивались пути культурных влияний, миграций и диффузий из Центральной Месопотамии, прибрежных районов Средиземноморья, Кавказа и Анатолии.

Сложность и многообразие культурной ситуации древнейшей Сирии достаточно ярко отражены и памятниками, исследуемыми российскими археологами. Прежде всего подчеркнем большое значение открытия на поселении Телль Хазна II мощного слоя древнейшей раннеземледельческой культуры долин Месопотамии, впервые выделенной нашей же экспедицией в Северо-Западном Ираке по раскопкам поселения Телль Сотто близ г. Телафара и английской экспедицией — по раскопкам поселения Умм Дабагия в районе Хатры.

Телль Хазна II расположена в 25 км к северо-востоку от г. Хасеке, у деревни под тем же названием, на правом берегу вади Риджла (именуемого также вади Ханзир), впадающего в Джуг Джуг — левый приток Хабура. Диаметр холма от 100 до 150 м, высота составляет 9 м. Раскопки, проведенные на восточном склоне холма, засвидетельствовали наличие здесь остатков ряда разновременных поселений от глубокой древности до средневековья. Наиболее важным представляется нижний слой телля, целиком относящийся к культуре Телль Сотто и началу генетически связанной с ней хассунской культуры Месопотамии. Мощность этого слоя составляет не менее 3,5 м, что само по себе может считаться явлением уникальным. Отметим в данной связи, что соответствующий слой открытого японской экспедицией в этом же районе поселения Кашкошок II не превышает 1,5 м⁴.

Дальнейший слой Телль Хазны II отличается значительной насыщенностью материалами. Выделен целый ряд последовательных полов и развалов

² Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Большаков О.Г. Работы Советской археологической экспедиции в Сирии // ВДИ. 1989. № 1; они же. Телль Хазна I (Исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии, 1988—1989) // СА. 1990. № 3; Bader N., Merpert N., Munchaev R. Soviet Investigations in North-East Syria, 1988 // AAAS. 1987—1988. XXXVIII. Damascus, 1991.

³ Алексеев В.П. Объем археологического знания // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. М., 1992.

⁴ Tell Kashkashok. The Excavations at Tell № 11. Tokyo, 1991.

строительных остатков. Отсутствие стратиграфических разрывов между ними и поразительная гомогенность материалов свидетельствуют о весьма длительном периоде существования древнейшего поселка.

Особый интерес представляет открытое в основании слоя погребение ребенка. Скелет был помещен в большой сосуд, вкопанный в материк. Останки сопровождалась глиняным и мраморным сосудами и замечательным ожерельем из многоцветных каменных бус различных форм и размеров (более 200 бусин)⁵. В данной связи следует подчеркнуть, что такие же погребения детей и подростков в аналогичных сосудах обнаружены на эпонимном поселении культуры Телль Сотто⁶, а очень близкое ожерелье найдено в слое того же времени поселения Ярымтепе I в Ираке⁷. Это позволяет говорить о распространении на значительной территории как единых ритуальных традиций, так и единых достаточно специфичных изделий, что относится и к массовым находкам.

Основную часть материала культурного слоя составляет керамика. Она представлена рядом характерных форм сосудов, известных по материалам памятников типа Телль Сотто — Умм Дабагия. Среди них и груболепные толстостенные крупные горшки — хранилища для воды и зерна, и более изящная столовая посуда (чаши, миски, кубки) с лощеной поверхностью и часто расписной орнаментацией, и специфические местные формы керамики, весьма редкие в более восточных районах Месопотамии. Речь идет прежде всего о тонкостенных полированных и полностью окрашенных красных и черных чашах.

Уже это определенным образом связано с пока еще мало разработанной проблемой взаимодействия традиций собственно Месопотамии и сиро-килийского неолита, с традициями которого и связана, по всей вероятности, эта неординарная керамика. Данная проблема неоднократно затрагивалась, но никогда не исследовалась специально в силу отсутствия конкретных археологических материалов. Между тем исключительная важность изучения ее совершенно очевидна. Сама постановка проблемы знаменует переход от исследования отдельных разрозненных очагов к рассмотрению древнейшей истории Ближнего Востока во всем ее многообразии и сложности. При этом необходимо уделить особое внимание сочетаниям и взаимодействию различных культурных традиций и достижений различных центров формирования производящего хозяйства. С этими процессами связан и ряд конкретных культурных последствий — от характера поселений и домостроительства до появления древнейших керамических сосудов.

Открытие и исследование древнейшего слоя на Телль Хазне II имеют принципиальное значение. Этот памятник вместе с поселением Кашкошок II заметно расширяет ареал древнейшей раннеземледельческой культуры Месопотамии, позволяя уверенно включить в него территорию Северо-Восточной Сирии. Более того, дальнейшие его исследования создадут возможность разработки проблемы происхождения и формирования данной культуры, лежащей в основе всего дальнейшего развития дописьменной Месопотамии.

В этой связи кратко напомним некоторые основные этапы изучения раннеземледельческих культур исследуемого региона. Еще 60 лет тому назад древнейшей из них считалась халафская культура, относимая ныне к V тыс. до н.э. Но ввиду единичности и разрозненности ее памятников фактически нижним хронологическим рубежом была убейдская культура IV тыс. до н.э., причем лишь в своем «северном варианте», считавшемся поздним. Открытие в 1942 г. Телль

⁵ Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н. Раннеземледельческое поселение Телль Хазна II в Северо-Восточной Сирии // РА. 1993. № 4.

⁶ Бадер. Древнейшие земледельцы... С. 132—134.

⁷ Мунчаев, Мерперт. Раннеземледельческие поселения... Р. 41.

Хассуны, казалось бы, заметно удревнило начало земледелия в Месопотамии, и вместе с тем и на всем Ближнем Востоке. Но, во-первых, датировка этого важнейшего памятника была первоначально завышенной. Во-вторых, древнейший его слой был ошибочно отнесен к доземледельческому охотничьему лагерю и оторван от развития хассунской культуры. Наконец, в-третьих, сама эта культура долгое время оставалась «культурой одного памятника», а территория ее сугубо ориентировочно определялась по сборам на поверхности некоторых теллей ограниченного региона (при этом не производилось разграничение между хассунской и самаррской культурами). В Сирии таких памятников не было.

Открытие Джармо в Загросе (Иракский Курдистан) и ряда памятников докерамического неолита в Палестине и Сирии, в том числе на Среднем Евфрате (Мурейбит и Абу Хурейра) заставили решительно отодвинуть нижнюю границу земледелия еще глубже — в VII, а вероятно, и в VIII тыс. до н.э. Но все древнейшие поселения были и хронологически и территориально резко оторваны от Хассуны и не позволяли создать целостную и последовательную картину формирования культурных общностей и развития их в конкретных географических рамках. Исследования в Синдjarской долине позволили определить один из основных центров развития хассунской культуры, заметно расширив ее ареал к западу и добавив к Телль Хассуне ряд не менее выразительных памятников.

Принципиальное значение имеет уже отмеченное выше открытие в той же Синдjarской долине, а также к югу от нее памятников типа Телль Сотто и Умм Дабагия, документирующих предшествующее Хассуне и генетически с ней связанное звено раннеземледельческого развития Месопотамии, которое может быть отнесено к концу VII — началу VI тыс. до н.э. Ныне, как мы видим, памятники подобного типа с мощными культурными слоями, содержащими весьма выразительные комплексы, выявляются к западу от Синдjarа, вплоть до левых притоков Хабур, что убедительно доказывают Телль Хазна II и Кашкошок II. Целым рядом индикаторов эти памятники объединяются в единый культурный пласт, занимающий обширную территорию от Хатры на востоке до Хасеке на западе.

В новом свете предстает ныне и предшествующий период (VIII—VII тыс. до н.э.), ранее представленный двумя резко территориально разорванными группами памятников докерамического неолита: на востоке типа Джармо и Чейюню-тепеси, на западе — типа Мурейбита, Абу Хурейры, Рамада и других. Исследованное нашей экспедицией в предгорьях Синдjarа поселение Телль Магзалия явилось связующим звеном между ними, что позволяет и в данном случае говорить не о единичных комплексах, а о целой стадии раннеземледельческого развития, охватывающей ряд взаимосвязанных регионов Ближнего Востока. Непосредственно же к следующей стадии относятся материалы Телль Хазны II, свидетельствующие о весьма длительном периоде ее развития; они чрезвычайно важны и для определения взаимосвязи между этими двумя ступенями процесса становления земледелия и скотоводства в одном из первичных его центров и для истории формирования древнейшей раннеземледельческой культуры Старого Света.

Не менее выразительны археологические материалы сирийского региона, документирующие процессы урбанизации, образования классов и государственных структур Месопотамии. Необходимо отметить, что первоначально соответствующие вопросы рассматривались на базе материалов исключительно Южной и Средней Месопотамии. Ныне положение резко изменилось. В настоящее время можно утверждать, что процесс становления государственности охватывал значительно более обширную территорию, включающую, в частности, и исследуемый нашей экспедицией регион Ближнего Востока.

Рис. 1. Телль Хазна I. Святилище

Северо-Восточная Сирия, как установлено сейчас, представляет собой центр исключительной концентрации памятников IV—III тыс. до н.э. с особо информативными слоями урукского и раннединастических периодов. Районы, столь насыщенные памятниками отмеченных периодов, трудно отыскать как в Среднем, так и Южном Двуречье. Это, безусловно, связано с особой динамикой культурно-исторического процесса в IV и особенно в III тыс. до н.э. в данном регионе, являвшимся основным путем, связывающим центры Месопотамии с Восточным Средиземноморьем и Анатолией. Неудивительно поэтому, что памятники именно этих периодов, а также непосредственно следовавших за ними привлекают к себе наибольшее внимание работающих здесь сейчас многочисленных экспедиций. Результативность многих из них чрезвычайно велика. Достаточно указать на широкомасштабные раскопки Телль Брака с его блестящими дворцовыми и храмовыми комплексами раннединастических и аккадского периодов, богатейший архив Телль Лейлана, огромный раннединастический дворцовый комплекс Телль Кашкошка I, подстилаемый мощным урукским слоем, и другие. Среди этих исследований видное место занимают ведущиеся уже пять лет раскопки Телль Хазны I.

Это многослойное поселение расположено в 1 км к северу от Телль Хазны II, на левом берегу того же вади. Диаметр его в среднем 150 м, а высота 17,2 м. Основная часть культурного слоя относится к раннединастическим I—III периодам (III тыс. до н.э.). Она подстилается незначительными по мощности — не более 3 м — и сильно перемешанными слоями урукской и убейдской культур (IV тыс. до н.э.).

В южной части телля, на площади около 1500 кв. м вскрыта сложная система многочисленных сооружений III тыс. до н.э., большей частью взаимосвязанных и подчиненных единому плану. Прежде всего следует отметить весьма характерную особенность их расположения: наличие ряда последовательных платформ-террас, на которых стояли различные постройки.

Наиболее интересным объектом исследованного участка явился храмовый комплекс (рис. 1), вскрытый пока не полностью. К нему относится прежде всего прямоугольная в плане башня (зиккурат), сложенная из сырцового кирпича и сохранившаяся на высоту 8 м. Ее наружный периметр 5×6,4 м. Башня стояла на цоколе или платформе высотой 1,7 м. К башне примыкал ряд помещений и

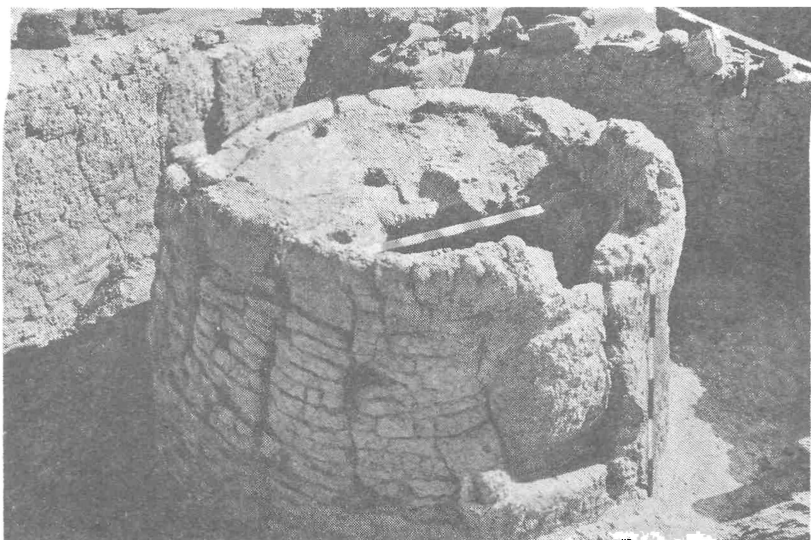

Рис. 2. Гончарная обжигательная печь

открытых дворов. К востоку от нее отходила массивная стена с характерными для храмовой архитектуры Месопотамии полупилястрами, прослеженная в длину и на глубину более чем на 6 м. С запада к башне примыкал большой огороженный стенами двор, а к северу открыто небольшое прямоугольное помещение, сохранившееся на полную высоту (около 3 м). Внутри последнего находился прямоугольный кирпичный алтарь. Характерно, что ряд стен храмовых сооружений покрыт специальной облицовкой из зеленой глины, заметно выделявшей их из числа прочих построек. Особо отметим, что у южной подножия холма вскрыта мощная стена из пластов глины толщиной более 4 м и ограждавшая храмовый комплекс. Последний, занимая юго-восточную часть холма, являлся вместе с тем центром всего архитектурного ансамбля памятника. К нему примыкал, как уже отмечалось, ряд открытых дворцов и многокамерных построек, подчиненных единому, согласованному с храмом плану.

Очень плотная застройка отличает западный район поселения, где открыты поражающие своей массивностью большие дома, стены которых сохранились на высоту 6—8 м. К северу же от храма и вплоть до вершины холма на последовательных террасах располагалась сплошная сеть разновеликих, в большинстве своем небольших помещений с отдельными дворами и узкими проходами между постройками. Планировка всего этого участка определялась мощными «магистральными» стенами, разделявшими и вместе с тем крепившими отдельные группы построек. Стены эти чрезвычайно долговременны и сохранились на протяжении ряда периодов, тогда как примыкавшие к ним строительные комплексы подвергались перестройкам.

Следует отметить одну необычную особенность этих комплексов: среди весьма многочисленных помещений подавляющее большинство не имело обычных для жилищ бытовых остатков. Даже единичные печи и очаги носили не бытовой характер (рис. 2), а были связаны с ритуальными акциями. В некоторых помещениях расчищены большие скопления костей животных. И что главное, во многих помещениях открыты человеческие останки, связанные с безусловно преднамеренными погребениями. Скелеты взрослых людей лежали на полах и сопровождались достаточно богатым инвентарем (рис. 3), а также тушами животных. Инвентарь погребений включал глиняные сосуды, бронзовые орудия и оружие и большие ожерелья из сотен хрустальных, кварцитовых, а также сердоликовых

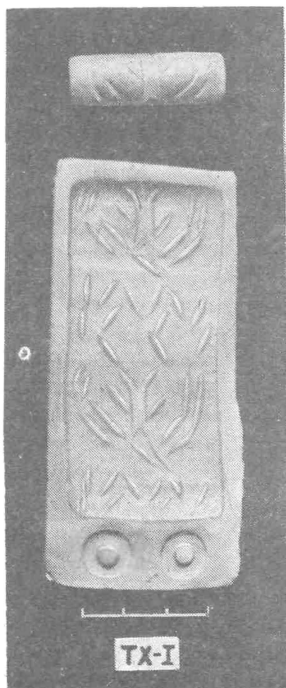

Рис. 3.

Рис. 3. Телья Хазна I. Каменная цилиндрическая печать

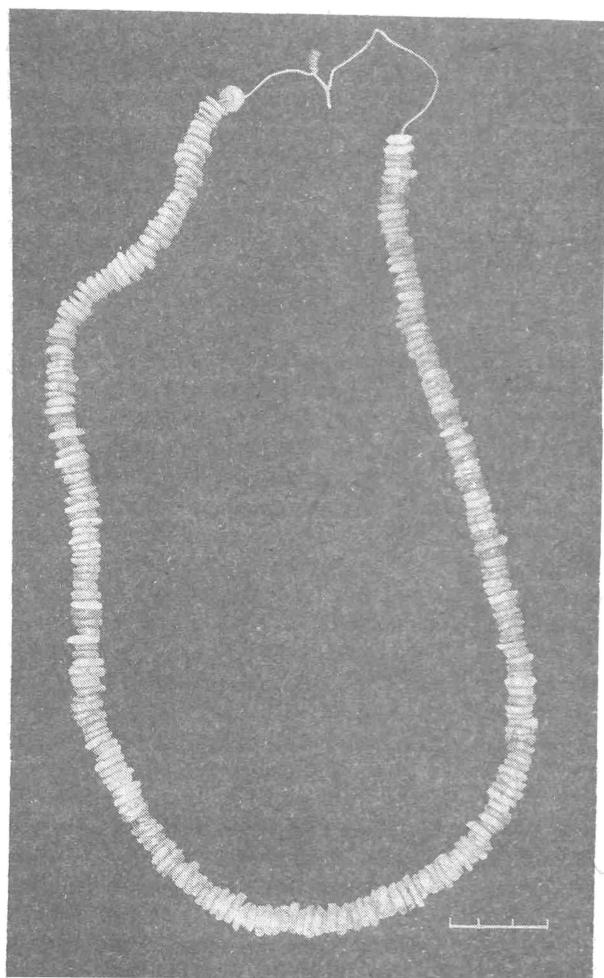

Рис. 4.

Рис. 4. Телья Хазна I. Хрустальные и кварцевые бусы из погребения

бус (рис. 4). Детские же погребения совершались как в кирпичных цистах, так и в больших сосудах, вкопанных в полы помещений. В данной связи большой интерес представляет одно из небольших помещений, сохранившихся на высоту более 2 м с детским погребением на полу и сплошным зольным заполнением. Внутри этого заполнения обнаружено свыше 40 глиняных зооморфных статуэток.

Все отмеченное придает особый характер примыкающим к храму участкам и позволяет рассматривать их как часть связанного с храмом «священного района» (теменоса). Есть основания полагать, что и весь исследуемый памятник носил не бытовой, а культовый характер, что подтверждается и следами ритуальных сооружений на верхних террасах, где исследования пока только начались.

Возвратимся, однако, к основному, храмовому комплексу. Полученные данные позволяют со значительной долей вероятности относить его к числу так называемых «высоких храмов» («high temples»), расположенных в отличие от «наземных храмов» («ground-level temples») на одной или нескольких последовательных искусственных платформах⁸. Традиция таких храмов в Южной

⁸ Lloyd S. The Archaeology of Mesopotamia. L., 1978. P. 94.

Месопотамии имеет чрезвычайно глубокие корни. Она в достаточно развитом виде представлена уже в периоды Урука и Джемдет Насра⁹ и связана с выработкой форм зиккуратов и сопряженных с ними конструкций¹⁰. Помимо классических примеров в самом Уруке («Белый храм» и пр.¹¹) достаточно указать здесь на храм I в Эриду (Protoliterate Period), в котором авторы раскопок этого замечательного памятника видят «... один из наиболее поразительных примеров террасных конструкций с огромным периодом существования»¹². И если храм в Эриду является самым южным примером подобной конструкции, то исследуемый нами на Телль Хазне I комплекс может считаться наиболее северным и расширяет ареал «высоких храмов» вплоть до Северо-Восточной Сирии. В этой связи важно отметить, что основание храма на нашем памятнике также может быть отнесено к урукскому периоду, а безусловное функционирование его на протяжении раннединастических периодов свидетельствует об огромной хронологической амплитуде его существования. Наиболее же близким аналогом ему является «овальный храм» в Хафадже на Дияле¹³. Здесь, на западном склоне холма П. Делугас исследовал огромный овальный очертаний «священный участок»¹⁴, на котором стоял, очевидно, «... типичный "высокий", т.е. вознесенный на искусственную платформу, храм»¹⁵. Овал достигал в длину 100 м и имел две концентрические стены, очертившие внешний и внутренний дворы, причём последний располагался уже на искусственной террасе. По краям ее находились образовавшие прямоугольник служебные постройки, а значительная часть оставшейся площади была занята следующей платформой, на которую вела единственная лестница. Эта платформа укреплена стеной с полупилястрами и угловыми башенками¹⁶, в центре же ее стоял сам храм, стены которого, расположенные двумя ярусами, также укреплены полупилястрами. П. Делугас определил три стадии застройки, относящиеся к раннединастическим II и III периодам.

Нетрудно заметить принципиальное сходство между «овальным храмом» и Телль Хазной I по целому ряду весьма существенных параметров. В обоих случаях зафиксирована система обводных стен — одновременно оборонительных и крепящих. В Хафадже это относится по крайней мере к внутренней овальной стене и стене храмовой террасы, в Телль Хазне I — к отмеченной выше внешней стене и ряду внутренних стен. И там и здесь выдержан террасный принцип расположения конструкций и ему подчинена их планировка. Соответственно на обоих памятниках представлены стоящие на разных уровнях — в два яруса — стены с полупилястрами. Как для Телль Хазны I, так и для «овального храма» фиксируется несколько стадий застройки с сохранением единого плана. Наконец, в обоих случаях в пределах поселков (включая и теменос) найдено значительное число погребений, расположенных чаще всего под полами домов и варьировавших от простых шахтных могил до цист и крупных кирпичных камер¹⁷.

⁹ *Heinrich E. Bauwerke in der altsumerisches Bilkunst. B., 1957; Mallowan M.E. Early Mesopotamia and Iran. L., 1965. P. 36. Fig. 27—30.*

¹⁰ *Lenzen H.J. Die Architektur in Eanna in der Uruk IV Period // Iraq. 1974. V. 36. 1/2.*

¹¹ *Vorläufiger Bericht über Uruk-Warka. Hennrich E. (Red.) I—XIV. B., 1929. P. 59.*

¹² *Safar F., Ali Mustafa M., Lloyd S. Eridu. Baghdad, 1981. P. 78—82.*

¹³ *Delougaz P. The Temple Oval at Khafaje // Oriental Institute Publications. № 53. Chicago, 1940.*

¹⁴ *Delougaz P., Lloyd S. Pre-Sargonid Temples in the Diyala Region // Oriental Institute Publications. № 58. Chicago, 1942.*

¹⁵ *Lloyd. The Archaeology of Mesopotamia. P. 94.*

¹⁶ *Ibid. P. 95. Fig. 51.*

¹⁷ *Delougaz P., Hill H., Lloyd S. Private Houses and Graves in the Diyala Region // Oriental Institute Publications. № 88. Chicago, 1967.*

Уверенно можно говорить и о синхронности обоих памятников, во всяком случае, как и в Хафадже, основная часть слоя Телль Хазны I принадлежит раннединастическому периоду. Поразительное сходство архитектурных традиций свидетельствует о постоянных и активных контактах различных районов Месопотамии, обусловивших значительную степень ее культурного единства на протяжении III тыс. до н.э. И само это единство уже не может рассматриваться как результат простого распространения к северу культурных достижений Южной и Средней Месопотамии. Представления о Верхней Месопотамии, и прежде всего о сирийском ее регионе, как о светящей отраженным светом далекой провинции ближневосточного культурного очага полностью ушли в прошлое. Ныне все более рельефно выявляются сложность и многообразие процесса формирования этого очага, значительная роль в этом процессе всех отмеченных регионов при определенном параллелизме их развития на протяжении нескольких тысячелетий — от появления древнейших земледельческих поселков до сложения городов и первых попыток создания крупных государственных образований.

Следует еще раз подчеркнуть, что Северо-Восточная Сирия — долина Хабур с примыкающими к ней участками Джебзир — является в этом аспекте одной из наиболее интересных и перспективных для исследования территорий. Страной тысячи теллей назвал ее видный сирийский археолог Аднан Бунни¹⁸. И это образное выражение полностью отражает реальность. С каждого крупного телля можно видеть не менее десятка других. Разделенные сравнительно небольшими расстояниями (в среднем около 1 км), телли покрывают всю долину, уходящую как на запад — к Балиху, так и на восток — к горному массиву Свнджара и за него. Подавляющее их большинство содержит слои III тыс. до н.э., документируя особую сложность социально-экономических, политических и культурных процессов, происходивших здесь в этот период. Ряд исследованных памятников отмечен определенной спецификой и позволяет говорить о функциональных различиях между ними и наличии иерархии поселков. Наряду с большими и малыми земледельческими поселениями с системой бытовых и производственных комплексов¹⁹, иногда отличающихся особо четкой планировкой²⁰, открыты значительно более сложные комплексы городского типа. Они включали в себя помимо ординарных кварталов четко выделенные акрополи. Административные и прежде всего храмовые районы²¹ и являлись своеобразными городами-государствами. Некоторые из них впоследствии превратились в столицы крупных государственных образований. В ряде случаев фиксируется поразительная долговременность поселков, основанных еще в убейдский период и существовавших с незначительными перерывами или без них вплоть до аккадского, миттанийского, среднеассирийского времени, а иногда и значительно позже. Естественно, информативность таких многослойных памятников предельно велика.

Жизнь на Телль Хазне I прекратилась с наступлением аккадского периода, что, возможно, связано с разрушительной деятельностью аккадцев, активно продвигавшихся на запад, к средиземноморскому побережью. Но, учитывая наличие в основании телля убейдского и урукского слоев, этот памятник тоже может считаться одним из наиболее долговременных: материалы его

¹⁸ Bounni A. La Djezire syrienne pays aux mille tells // Mille et une capitales de Haute Mesopotamie Les dossiers d'archeologie. № 155, 1990. P. 2—3.

¹⁹ Pfälzner P. Tell Bderi 1985. Bericht über die erste Kampagne // Damaszener Mitteilungen. Bd. 3. Mainz am Rein, 1988.

²⁰ Curvers H.H., Schwartz G.M. Excavations at Tell al-Raq'a'i: A Small Rural Site of Early Urban Northern Mesopotamia // AJA. 1990. № 94.

²¹ Oates D., Oates J. Tell Brak l'empireakkadien // Mille et une capitales... P. 24—29; Pecorella P.E. Tell Barri // Ibid. P. 32—35; Parayre D., Weiss H. Tell Leilan // Ibid. P. 36—41.

охватывают период от начала IV до последней четверти III тыс. до н.э. В этой связи еще раз подчеркнем, что главные сооружения храмового комплекса были основаны, очевидно, еще в урукский период и продолжали функционировать на протяжении всех трех раннединастических периодов при сохранении (несмотря на серию перестроек) безусловной преемственности как принципов планировки и архитектурных канонов, так и массового материала. К кратко отмеченной иерархии поселений и функциональному их многообразию исследования Телль Хазны I добавляют еще один принципиально важный вид памятника — вынесенный за пределы поселков самостоятельный религиозный центр. Он также отражает длительную традицию, представленную в ряде районов и в различные периоды истории Месопотамии — от синхронного нашему памятнику Ниппура до Бурсиппы нововавилонского времени. Как мы видим, население Верхней Месопотамии, а конкретнее — Северо-Восточной Сирии, не стояло в стороне и от этого направления культурного развития.

Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт

NEW DISCOVERIES AND ARCHAEOLOGICAL PROBLEMS OF UPPER MESOPOTAMIA

R.M. Munchaev, N.Ya. Merpert

As a result of five years of work (1988—1992) the expedition of the Russian Academy of Sciences in North-Eastern Syria has obtained materials extremely important for the study of a number key problems of the ancient history of Upper Mesopotamia. The first problem concerns the development of agriculture in this area of the Near East. The thick cultural layer (3,5 m) on the site of Tell-Khazna II belonging to the earliest among the valley agrarian cultures of Mesopotamia (of the Tell-Sotto — Um Dabagia type) makes it possible to considerably extend the area of this culture by including the territory of North-Eastern Syria therein.

The second important problem is connected with the process of urbanization, formation of classes and state structures of Mesopotamia. Large-scale excavations of the multi-layered site of Tell-Khazna I are of great significance to the study of this problem. Its cultural layer (17 m) documents successive stages of the formation and development of a major religious center from the second half of the IVth millenium B.C. to the latest quarter of the IIIrd millenium B.C. A temple complex (of the «high temple» type) with *ziccurout* and numerous adjoining ritual buildings, unique for the area, has been discovered here. The materials from this site allow us to assert that North-Eastern Syria also played a very active role in the processes mentioned, no less important than Southern and Middle Mesopotamia.

АХЕЙСКАЯ ГРЕЦИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

(Вновь к постановке проблемы)*

Археологические исследования последних двух десятилетий в Центральной Азии, особенно в Бактрии (Северный Афганистан) и Маргиане (Восточная Туркмения), привели к открытию здесь ранее совершенно не известной цивилизации древневосточного типа. Исследователям удалось установить, что этот бактрийско-маргианский центр имеет достаточно отчетливые соответствия в Юго-Западном Иране (Элам), а в опосредованной форме в Месопотамии и Сирии¹.

В настоящей статье автор пытается сопоставить между собой элементы сходства, прослеживающиеся на печатях и амулетах Бактрии и Маргианы, на которых встречаются не только отдельные рисунки, но целые композиции, представляющие собой своего рода «цитаты» или «конспекты» мифов, распространенных у создавшего их народа. Некоторые такие повествовательные композиции на амулетах и печатях Бактрии и Маргианы находят параллели в глиптике сиро-анатолийского региона и даже Эгейского мира.

Прежде чем обратиться к новейшим материалам, позволяющим проследить любопытные параллели между ахейской Грецией, сиро-анатолийским регионом и Центральной Азией, отметим, что П. Амье первым указал на сходство изображений части амулетов и печатей Бактрии с материалами из Сирии, а Д. Коллон прямо утверждает, что некоторые маргианские амулеты были инспирированы одновременными печатями Сирии².

Так, на хеттских цилиндрических печатях II тыс. до н.э. едва ли не самыми популярными персонажами выступают крылатые люди с птичьими головами, нередко в коленопреклоненной позе. Точно такие птицы-люди в коленопреклоненной позе имеются на амулетах Бактрии и Маргианы, причем некоторые из них, подобно анатолийским из Карагуюка³, опоясаны по талии двойным пояском, что, по-видимому, исключает элемент случайного совпадения. Близкое изображение птице-человека в коленопреклоненной позе обнаружено на Кипре⁴, что можно было бы рассматривать как импорт из Малой Азии, если бы не один каменный амулет из Бактрии, на котором изображена коленопреклоненная женщина с открытой грудью — стилистическая деталь, характерная для греческого, но не восточного искусства (рис. 1, 1).

В сиро-хеттской глиптике достаточно широко был распространен мотив «хозяина» или «хозяйки» животного мира, представляющий часто композицию, на которой по обе стороны от человека симметрично располагается пара животных. Столь же популярны были эти мотивы и в эгейском искусстве⁵, где они, однако, появляются не ранее микенского времени. Не являются они редкостью и для бактрийских печатей и амулетов, где подобные композиции также построены по принципу симметрии, как и сиро-хеттские и крито-

* При обсуждении статьи многие положения и аргументы автора вызвали несогласие и острую критику у ряда членов редколлегии. Однако, учитывая важность проблематики и желая еще раз привлечь внимание к этой сложной проблеме, статью решили опубликовать в этом номере, так как автор статьи обсуждал высказываемые идеи с В.П. Алексеевым.

¹ Amiet P. L'age des Echanges Inter-Iraniens. P., 1986.

² Collon D. First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. L., 1987. P. 142.

³ Ibid. № 821.

⁴ Schaeffer-Forrer F.A. Corpus des Cylindres-Sceaux de Ras Shamra Ugarit et D'Enkomi-Alasia. P., 1986. P. 67. Fig. 21.

⁵ Growley J. The Aegean and the East. Jousered, 1989.

Рис. 1. Изображения на амулетах Бактрии (1) и Маргианы (2)

микенские. В этом отношении характерна бактрийская печать, изображающая «хозяина» с двумя повернувшими головы назад львами, что близко напоминает позу львов на печати из Энкоми.

Исключительный интерес представляют редко встречающиеся (и поэтому весьма показательные) изображения (например из Богазкея) обнаженного крылатого человека с двумя птичьими головами, который держит за задние ноги двух поверженных животных⁶. Близкая композиция происходит с Кипра, где такой крылатый человек с птичьей головой так же держит за задние ноги двух антилоп. В материковой Греции в могильнике Перати найдена цилиндрическая печать с изображением человека, держащего за задние ноги двух крылатых антилоп⁷. В этой связи особенно примечателен оттиск цилиндрической печати из Маргианы (середина II тыс. до н.э.) с изображением крылатого человека с птичьей головой, держащего двух поверженных козлов, которые, как и в Перати, изображены с крыльями. Бросается в глаза не только иконографическая, но и стилистическая близость изображений на печатях, некогда распространенных в двух крайних точках этого обширного ареала от Греции до Маргианы.

Показателен церемониальный топор из Бактрии, отлитый в виде крылатого антропоморфного существа с двумя птичьими головами (как в Богазкее), держащего в одной руке вепря, а в другой львоподобного монстра⁸; уже было отмечено, что топор выполнен в типично митаннийском стиле. В одном из храмов Маргианы был найден каменный амулет с гравированным изображением птице-человека с поверженными животными, выполненным в крито-микенском стиле (рис. 1, 2). Тема героя, борющегося с животными, как и тема «хозяина» или «хозяйки» животных, во II тыс. до н.э. была достаточно популярна в эгейском, сиро-анатолийском и бактрийско-маргианском регионах, и здесь встает вопрос о датировке всех этих изображений (рис. 2). В этом плане исключительное значение получают оттиски на буллах из дворца Ахемгуюк с изображениями птице-людей с поверженными животными; они были найдены в слоях, точно

⁶ Contenau G. La glyptique Syro-Hettite. P., 1922. Pl. XXX11, № 278.

⁷ Sakellarakis J.A. Corpus der Minoischen und Mykenischen Siegel. B., 1982. № 54; Collon Op. cit. № 519; Porada E. The Cylinder Seals Found at Thebes in Beotia // Afo. 1981. Bd. XXV111. Fig. 4, 30.

⁸ Pittman H. Art of the Bronze Age. N.Y. 1984. Fig. 36.

Рис. 2. Изображения «хозяйки» животных из Бактрии (1, 2) и Греции (3, 4)

датируемых в пределах 1800—1750 гг. до н.э., что, возможно, говорит об их хронологическом приоритете перед центральноазиатскими⁹. И хотя вопрос о более древних истоках этого мотива остается спорным (например, Я. Гровли возводит его к Эламу, а Г. Франкфорт — к Сирии), можно полагать, что бактрийско-маргианские композиции ближе всего связываются с сиро-анатолийскими изображениями (рис. 3).

Образы птице-людей были особенно распространены в сиро-хеттском мире и в бактрийско-маргианском центре. Здесь они изображали божеств местного бактрийского пантеона, гордо восседающих на тронах, на реальных или фантастических животных¹⁰. В этом отношении показательно изображение на печати крито-микенского периода, на которой полуобнаженная женщина сидит на фантастическом животном (рис. 4, 1), что очень напоминает аналогичную композицию на бактрийской печати (рис. 4, 2).

Птицы как символы божеств постоянно появляются на бактрийских печатях; часто они помещены за спиной божеств или у подножий их тронов (рис. 5, 1'), что

⁹ Özgüç N. Seal Impressions from the Palaces at Acemhöyük // Ancient Art in Seals. New Jersey, 1980. Fig. 111—149.

¹⁰ Сараниди В.И. Древнебактрийский Пантеон // Информ. бюлл. МАИКЦА. М., 1986. № 10.

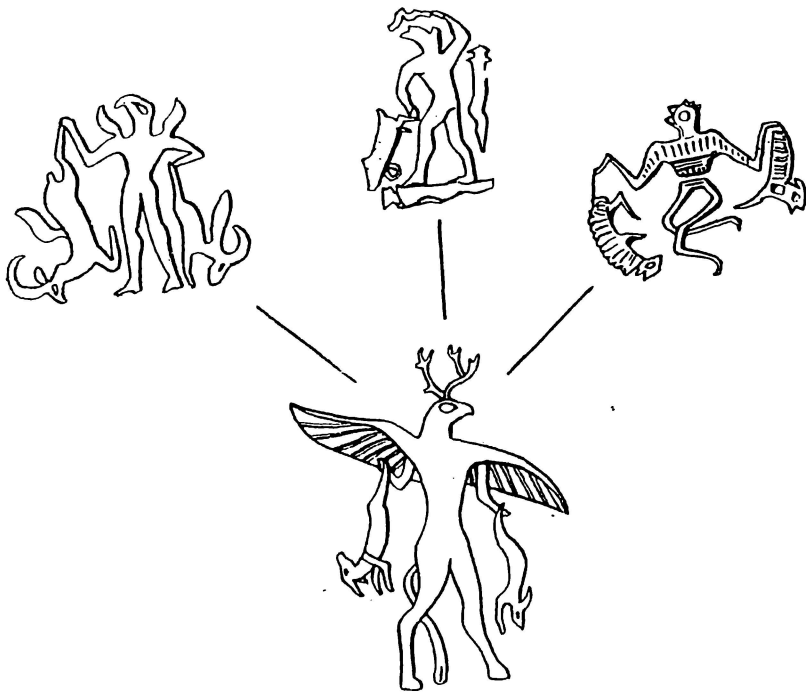

Рис. 3. Изображения «хозяина» животных. В центре — из Анатолии, остальные из Маргианы

Рис. 4. Изображения на печатях Греции (1, 3) и Бактрии (2, 4)

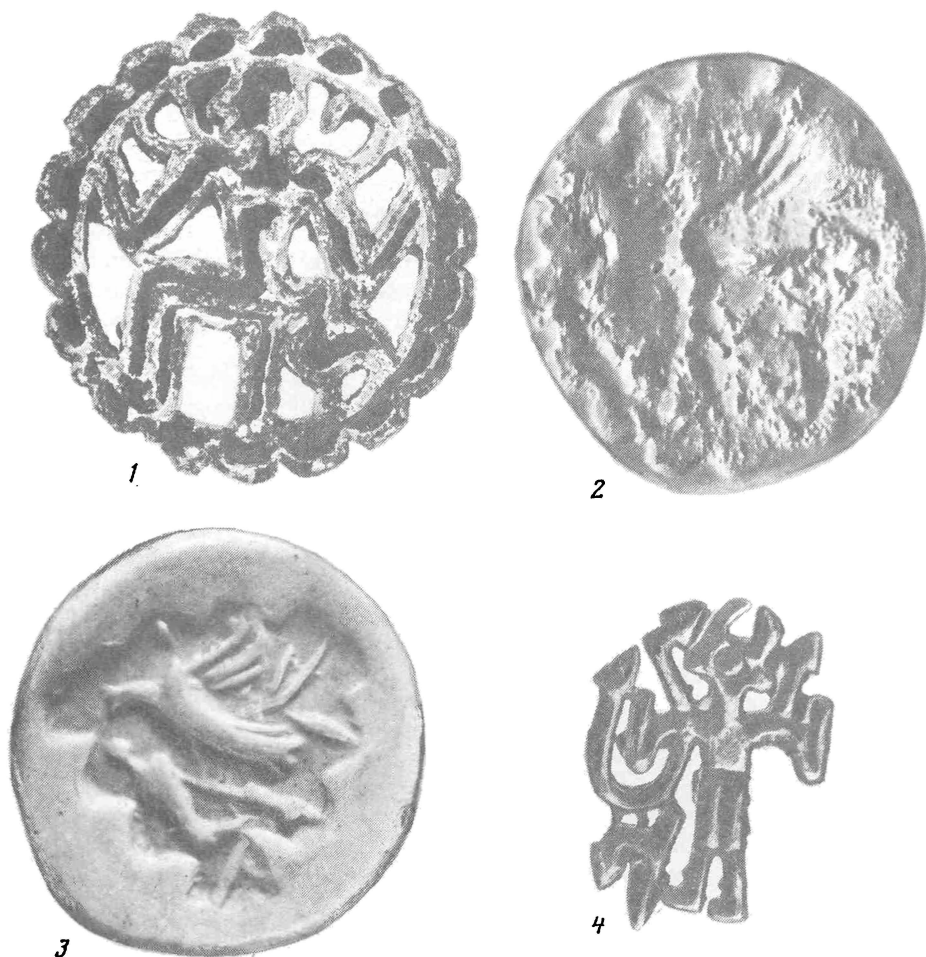

Рис. 5. Амулеты и печати из Бактрии

находит параллели в крито-микенском искусстве (третья могила в Микенах, золотые фигурки женщин с птичками на голове из Кносса). Интерес представляет сцена на золотом перстне из Тиринфа, где за спиной богини имеется изображение птицы, близко напоминающее аналогичные изображения божеств с птицами на бактрийских печатях. Здесь же отметим изображения двух животных с одной головой из Микен (рис. 4, 3) и соответствующую композицию на одном бактрийском амулете (рис. 4, 4). Примечательны и изображения «мирового дерева» со стоящими перед ним животными, известными как в бактрийско-маргианском центре, так и в микенской Греции¹¹.

Для искусства ахейской Греции характерны известные сцены с акробатами, прыгающими через быков; такие сцены неожиданно обнаруживаются и в Центральной Азии. Укажем на цилиндрическую печать из Маргианы (середина II тыс. до н.э.) с изображением акробата, прыгающего через шест¹². На другом

¹¹ Sakellariou A. Die Minoischen und Mykenischen Siegel in Nationalmuseum in Athen. В., 1964. № 179.

¹² Саруаниди В.И. Сиро-хеттские божества в бактрийско-маргианском пантеоне // СА. 1986. № 4.

амулете сохранилось изображение мчащегося быка и ног летящего в воздухе человека¹³. Вместе обе эти композиции не оставляют сомнений в том, что в Маргиане были распространены ритуалы, связанные с акробатами, прыгающими то через шест, то через быка (ср. обряды тавромахии ахейской Греции). Отметим, что в единичных случаях имеются такие сцены и в Анатолии, например в Алалахе, но, по мнению Э. Порады, эти мотивы пришли в Малую Азию из Эгейского мира¹⁴.

Из Бактрии происходит бронзовый косметический флакон, украшенный сложной композицией, в центре которой изображен сидящий на кресле козел, которому обезьяна подносит кубок с каким-то питьем. Сзади нее располагается вторая обезьяна с сосудом в руках, как бы черпающая питье из стоящего перед ней пифоса. В верхнем регистре еще одна обезьяна поражает кинжалом предположительно волка; рядом цветок, по-видимому, мака. Налицо так называемая «банкетная сцена», весьма популярная на древнем Востоке, причем для нашей темы особенно важна печать из Ура, где восседающему на кресле льву с кубком стоящий перед ним козел преподносит другой кубок¹⁵. Казалось бы, сцена на бактрийском флаконе восходит к месопотамским прототипам, однако печать из Ура представляет исключение из большого количества «банкетных сцен» Месопотамии, где всегда главными персонажами выступают люди, а не животные; в роли служек иногда выступают мангусты.

Обезьяны в Бактрии не водились, их могли привозить из соседней Индии, но, думается, появление их в изобразительном искусстве Бактрии скорее объясняется влиянием переднеазиатского искусства. Уже М. Меллинк обратила внимание на то, что обезьяны с сосудами, выступающие в роли культовых служек, известны в искусстве Египта, Сирии, Анатолии¹⁶. Можно предполагать, что центр происхождения данного мотива находился в одной из этих областей. Иногда из горлышек таких сосудов торчат веточки растений, из которых, возможно, готовилось питье, заключенное в этих сосудах. В таком случае, видимо, не случайно на бактрийском флаконе имеется изображение предположительно мака — одного из растений, пригодных для приготовления галлюциногенного питья.

Принципиально близкие по смыслу изображения имеются в искусстве ахейской Греции, где известны процессии львов, стоящих с сосудами перед божеством, восседающим на кресле. Причем и здесь в ряде случаев из горлышек торчат веточки растений (рис. 6). Не исключено, по нашему мнению, что эти данные указывают на то, что мотив обезьян в роли культовых служек с сосудами в передних лапах имеет сиро-анатолийское происхождение, откуда он мог попасть в переработанном виде в ахейскую Грецию и Бактрию.

Грифоны, полиморфные фантастические существа в виде крылатого льва с орлиной головой, являются одним из характернейших персонажей искусства ахейской Греции (вспомним золотые перстни из могил микенской знати с изображениями орлоголовых грифонов). Аналогичное изображение крылатого льва с орлиной головой демонстрирует медная печать из Бактрии (рис. 5, 2); известны они также и в Маргиане.

Приведенные параллели касаются материалов бактрийско-маргианского центра II тыс. до н.э. и ахейской Греции. Однако имеются и другие, более характерные для классической эпохи Греции. Так, например, известна одна фигурная

¹³ *Он же*. Древности Страны Маргуш. Ашхабад, 1990. Табл. XIII.

¹⁴ *Porada E.* Remarks on Mitannian (Hurrian) and Middle Assyrian Gliptik Art // *Arcadica*. Bruxelles, 1979. № 13.

¹⁵ *Legrain L.* Archaic Seal-Impressions. *Ur Excavations*. V. 111. N.Y., 1936. Pl. 20. № 384.

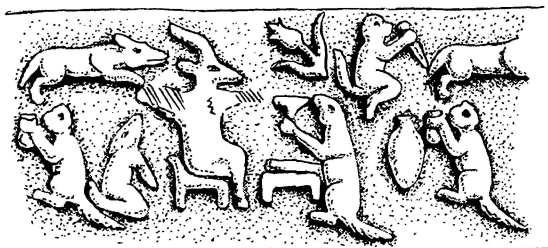
¹⁶ *Mellink M.* Anatolian Libation Pourers and the Minoan Genius // *Monsters and Demons in the Ancient and Medieval Worlds*. Mainz on Rhine, 1987.

1

2

3

Рис. 6. Изображения «банкетных сцен» из Греции (1), Месопотамии (2) и Бактрии (3)

1

2

Рис. 7. Изображения драконов, заглатывающих людей, из Греции (1) и Бактрии (2)

бактрийская печать, отлитая в виде рогатого божества или обожевленнного героя (рис. 5, 4), борющегося с пятиглавой гидрой, что до определенной степени напоминает сходные мотивы древней Месопотамии¹⁷, а вместе они перекликаются с известным мифом о борьбе Геракла с лернейской гидрой. На другом бактрийском амулете сохранилось гравированное изображение лежащего человека и атакующего его орла (рис. 5, 3), что сразу вызывает в памяти миф о Прометее.

Предположительно из Бактрии происходит массивный каменный амулет с изображением свернувшегося в клубок змееподобного дракона, в широко разинутой пасти которого видна верхняя часть человека (рис. 7, 2), что близко напо-

¹⁷ Frankfort H. Stratified Cylinder Seals from Diala Region. Chicago. 1955. № 478, 497.

минает композицию на одном греческом сосуде; связанную с мифом о золотом руне и Ясоне (рис. 7, 1).

Приведенные выше наблюдения сходства некоторых тем и образов ахейской и отчасти классической Греции и бактрийско-маргианского центра пока еще выглядят разрозненными и недостаточными для общих выводов. Вместе с тем нет никаких оснований и игнорировать их, так как они бросают совершенно новый свет на проблему взаимоотношений Эгейды и Центральной Азии в эпоху поздней бронзы (рис. 8).

Решительное большинство вышеупомянутых композиций отражает мифологические представления, являвшиеся наиболее живучими в мировоззрении создавших их людей. В таком случае выявленные сходные композиции на печатях и амулетах, распространенных от Эгейского мира через сиро-анатолийский регион вплоть до бактрийско-маргианского центра, в конечном счете могли отражать и былую этнокультурную общность, восходящую, возможно, к более древнему времени. И хотя еще трудно судить о конкретном механизме появления этих соответствий, уже сейчас можно отметить некоторые общие исторические контуры, объясняющие выявленное сходство.

Начнем с Анатолии, где, по данным Д. Меларта, около 1990 г. до н.э. отмечается резкий упадок многих крупных центров, причем близкая картина наблюдается на Кикладских островах и в материковой Греции и отчасти в Болгарии¹⁸. Из этих наблюдений делается вывод, что в самом начале II тыс. до н.э. гибель многих земледельческих центров большей части Балкан, Анатолии и Греции, возможно, связана с общими историческими событиями.

Знаменательно, что в начале II тыс. до н.э. (но после 1800 г. до н.э.) отмечается запустение многих традиционных центров в Иране, Афганистане и Южном Туркменистане. И именно на это время падает появление ахейских племен в Эгейде и приход новых больших групп племен в Бактрию и Маргиану. Причем ничто не указывает на то, что в Бактрии и Маргиане это было военное вторжение, напротив, это скорее было в целом мирное расселение новых племен. Подтверждением тому служит история заселения Бактрии, где до начала II тыс. до н.э. не было никаких оседлоземледельческих памятников, но которые возникают сразу вместе с приходом новых племен.

Думается, практически одновременное расселение ахейских племен в Греции и приход нового населения в Центральную Азию не случайны, а взаимосвязаны. В этом отношении показательны сходные темы и образы в глиптике столь отдаленных друг от друга регионов; они не выходят за рамки II тыс. до н.э. и падают на начало II тыс. до н.э., но не ранее. Показательно также, что именно в начале II тыс. до н.э. отмечается сильное сирийское влияние на Эгейский мир (Д. Колон, Г. Франкфорт), а одно-два столетия спустя — на бактрийско-маргианский центр (П. Амье, М. Потье, В. Сарияниди).

Эти новейшие данные дают право выдвинуть гипотезу, что столь широкое племенное расселение предполагает наличие общего центра, который скорее всего находился в сиро-анатолийском регионе. Но и в таком случае следует прямо отметить: материальная культура пришедших в движение племен резко различается, что с бесспорностью должно свидетельствовать об очень раннем их разделении, происшедшем прежде чем они появляются на исторической арене в начале II тыс. до н.э. в ахейской Греции, с одной стороны, и в бактрийско-маргианском центре — с другой. За это время кардинально изменилась их материальная культура, но остались общими мифологические представления, как можно судить по вышеотмеченным композициям на печатях и амулетах. Иными словами, пришлые племена принесли с их общей прародины на новые места не столько свои навыки, сколько древние мифологические представления и верования.

¹⁸ Melaart J. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // AJA. 1985. V. 62. № 1.

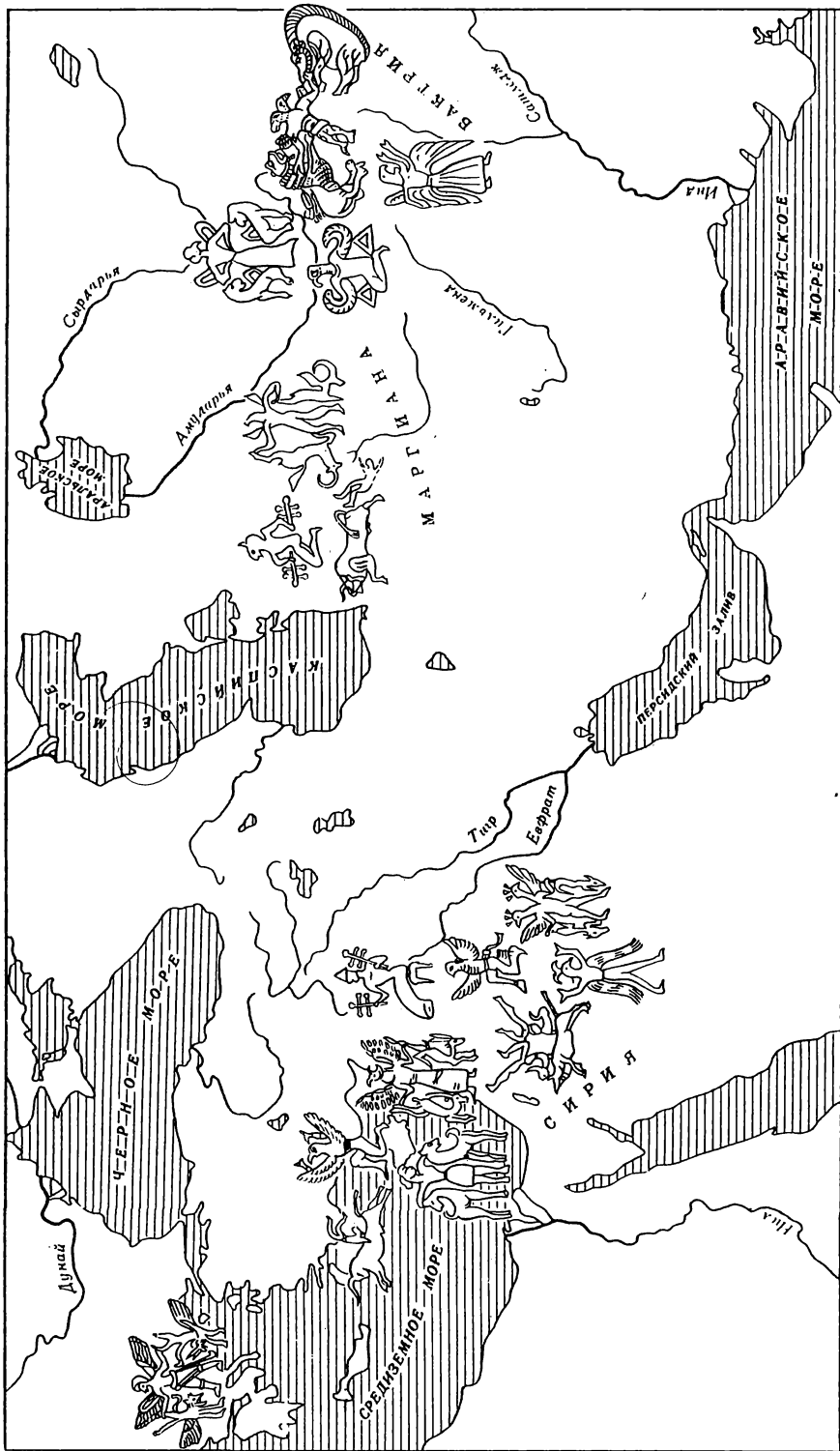

Рис. 8. Карта распространения схожих изображений

Рис. 9. Териоморфные сосуды из Греции (1, 3, 5) и Бактрии (2, 4, 6)

Если в Греции это были грекоязычные, ахейские племена, то в бактрийско-маргианском центре скорее всего индо-иранские, арийские племена. Проблема расселения ахейских племен до сих пор является остродискуссионной — одни авторы выводят их с Балкан, другие из Малой Азии. В этом плане представляет интерес гипотеза Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова о переднеазиатской прародине индоевропейских племен, восточную часть которой составляла греко-армяно-арийская общность, относящаяся ко времени не позднее III тыс. до н.э.¹⁹ После ее отделения от общеиндоевропейской языковой системы происходит широкая миграция, распад на отдельные диалекты и возникновение греческого, протоармянского и индо-иранского языков. Авторы специально отмечают большую древность обособления древнеиранского диалекта из греко-армяно-арийской общности, говорят о раннем разрыве связей между ними и о «... достаточно раннем начале движения носителей этих диалектов в разные стороны при отсутствии и последующих ареальных контактов между ними...»²⁰.

Разошлись их исторические судьбы, изменилась их материальная культура, но сохранились общие мифологические представления, существовавшие задолго до этого на общей переднеазиатской прародине. Уже Г. Милонас высказал пред-

¹⁹ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I—II. Тбилиси, 1984.

²⁰ Там же. Т. II. С. 914.

положение о том, что ахейские племена проникли в Грецию из северо-западного угла Малой Азии, и это в целом хорошо согласуется с новой лингвистической теорией. В конце концов можно сомневаться, где точно располагалась страна «Аххиява», но нельзя ее помещать никуда, кроме Малой Азии. В этой связи особого интереса заслуживает проблема «малоазийских колоний» и, в частности, Милета; в пиловских табличках уже упоминаются «женщины из Милета». Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов считают, что в Милете не только существовала крепость микенского времени, но были и погребения, и керамика микенского типа. Более того, они склонны усматривать в малоазийских городах, таких как Галикарнасс, Иасос, Эфес, места последнего обитания греков перед их движением в Грецию. И хотя, по мнению других авторов, это могли быть поселения, основанные выходцами из Греции, кажется весьма плодотворной идея о том, что эти «колонии», в свете восточной гипотезы, можно рассматривать как древнейшие греческие поселения на пути переселения греческих племен в исторические места их жительства на островах Эгейского моря и материковой Греции²¹.

Возможно, не случайно в Малой Азии, Греции и Бактрии мы встречаем однотипные териоморфные сосудики с высокими горлышками на спине (рис. 9). Но не следует и преувеличивать роль Малой Азии в этом процессе, как это делает известный турецкий автор Э.Акургал, что уже получило справедливую критику со стороны Т.В. Блаватской²², отметившей и встречное направление из Эгейского мира в Малую Азию. Имеющиеся факты свидетельствуют, что уже пеласгическое население Греции было индоевропейским, а те новшества, что принесли с собой греческие, ахейские племена, не столько принадлежат Востоку вообще, сколько преимущественно местным малоазийским и в том числе ахейским культурным традициям.

На фоне современных знаний о взаимоотношениях Эгеиды и Востока резким контрастом является недавно опубликованная книга В.П. Яйленко о влиянии Востока на архаическую Грецию, в которой утверждается, что от сиро-финикийских мастеров греческие ремесленники получили возможность «... освоить такие прочно забытые с постмикенского времени виды технологии, как филигрань, зернь, резьба по слоновой кости и др.»²³. Они же передали грекам набор восточных мотивов: сфинксов, грифонов, львов рыкающих и сражающихся с людьми и др. Но выше мы видели, что все эти темы и образы архаической Греции были хорошо известны в крито-микенской Греции (золотой цилиндр с изображением грифона из Пилоса, из склепов микенской знати, львы на клинке меча в могиле № IV в Микенах и т.д.). Филигрань, если и была забыта, то в материковой Греции, но не на Кипре; к тому же это изготовление предметов роскоши, а обычное ремесло продолжало развиваться, примером чего может служить керамика геометрического стиля, железоделательные ремесла и т.д.

В.П. Яйленко априорно предполагает, что все это «было прочно забыто», не приводя при этом никаких доказательств. Было бы ненужным педантизмом перечислять многие неаргументированные утверждения автора, достаточно привести одну в высшей степени показательную цитату, столь же длинную, сколько и бездоказательную. «Воздействие ближневосточной цивилизации на пробуждавшуюся от примитивной первобытности культуру греков, почти все достижения которой сводились к геометрическому орнаменту да эпическим сказаниям, было многоплановым: градостроительство и архитектура, скульптура и торевтика, керамическое и ювелирное производство, оружейное дело и кора-

²¹ Там же. Т. II. С. 901.

²² Блаватская Т.В. Ахейская Греция. М., 1966; она же. Греческое общество II тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976.

²³ Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.

блестроение, культурная лексика и литература, фольклор и мифология, религия и магия, законодательство, врачевание, бытовые обычаи, ассортимент культивируемых растений и птиц, начала математики и астрономии — вот неполный перечень сфер воздействия ближневосточной цивилизации на греческую»²⁴.

Столь ответственные выводы требуют столь же серьезных доказательств, так как нельзя же считать доказательствами утверждения, что «обычай возлжания на пир» пришел с Востока, точно так же, как и то, что «не часто вкушавшие мясо греки быстро оценили пользу разведения домашних кур, родина которых — Индия»²⁵.

Проблема связей греко-восточной мифологии относится к разряду «вечных тем», она необъятна по тематике и неисчерпаема по исследованию. Не прошел мимо этой темы и В.П. Яйленко, реанимируя старую гипотезу о преимущественно месопотамских параллелях и влияниях в ущерб сиро-анатолийским. А между тем уже давно было отмечено: первые из них носили опосредованный характер в противоположность более прямым, связанным с культурами «Сирии и Малой Азии»²⁶.

Проблема реальных истоков греческой мифологии классического периода еще долго будет темой оживленной дискуссии специалистов, но уже сейчас вряд ли можно согласиться с мнением В.П. Яйленко: «Вместе с семитской лексикой греки в VIII в. заимствовали один из вариантов семитской письменности — финикийский алфавит. Таким образом Ближний Восток дал им важнейший цивилизационный инструмент — письменность, без которой Греция не смогла бы стать фундаментом европейской цивилизации»²⁷. Налицо смещение если не понятий, то акцентов, так как задолго до этого Греция уже создала свою письменность (линейное письмо), которая в силу ряда исторических причин не получила дальнейшего развития, но употреблялась греками на Кипре вплоть до македонского времени. Иначе говоря, на Кипре письменность II—I тыс. до н.э. существовала непрерывно, пока не была замещена другой письменностью. Финикийское письмо было воспринято и использовано греками не потому, что финикийцы в глазах греков выглядели «духовно много богаче», а потому, что к тому времени эта письменность завоевала прочные позиции в торговом мире. Она стала общепонятной и универсальной при торговых сделках для купцов всего Восточного Средиземноморья. Эмпирическим путем оценив все преимущества этой письменности, уже завоевавшей международные позиции в деловом мире, греческие купцы воспользовались ею для торговых сделок с тем миром, где она уже стала общепонятной. Иначе говоря, некая абстрактность в виде «потребности духа молодой нации», а много более прозаичные экономические потребности послужили стимулом к заимствованию финикийского письма.

Заканчивая обзор взаимоотношений культур ахейской Греции и Востока, отметим, что наряду с вышеотмеченными параллелями тем и образов древнего искусства налицо и черты отличий этико-философских принципов, лежащих в их основе. В самом деле, восточное искусство глубоко культовое, пронизанное мифологическими сценами даже в тех случаях, когда это «фризы сражающихся». И наоборот, крито-микенское в основе — это искусство живой природы, как оно представлено местной глиптикой и особенно фресками. Даже знаменитые сцены акробатов независимо от того, были они светскими или культовыми, демонстрируют преувеличенное внимание греческих мастеров к человеческому телу, а шире к человеческой личности вообще.

²⁴ Там же. С. 210.

²⁵ Там же. С. 217.

²⁶ Хогарт Д. Иония и Восток. СПб., 1914. С. 25.

²⁷ Яйленко. Архаическая Греция... С. 224.

В целом иные каноны демонстрирует восточное (и в первую очередь месопотамское) искусство при всем его незаурядном мастерстве и великолепии. Даже месопотамская скульптура, показывающая высочайший уровень камнерезного дела, в массе своей представлена великолепно выточенными статуями, окутанными в пышные одеяния, скрывающие само человеческое тело. Некоторым исключением является искусство Египта, но во II тыс. до н.э. египетско-греческие связи далеко уступали греко-малоазиатским, что имеет определяющее значение для затронутой темы.

Уже сейчас есть веские основания считать, что культура ахейской Греции развивалась в тесном контакте с искусством Египта и Передней Азии, но по своим отличным этико-философским канонам, продолжающим те традиции, что были распространены у ахейских племен во время их пребывания на их малоазиатской прародине. Эти традиции и принесли ахейцы вместе с собой в Эгеиду, и с этого момента начался длинный и непростой путь развития древнегреческой культуры, подлинный триумф которой покажет искусство Греции античного времени.

В.И. Сарияниди

ACHAEAN GREECE AND CENTRAL ASIA

V.I. Sarianidi

Recent archaeological discoveries in Bactria (Northern Afghanistan) and Margiana (Eastern Turkmenistan) have shown that at the beginning of the 2nd millenium B.C. related tribes moved here from the West practically simultaneously. The culture of these tribes is rooted in Iran and Mesopotamia, including Anatolia, and partly in the Aegean world.

Similar subjects and images on seals and amulets of Bactria and Margiana, on the one hand, and Syro-Hittite glyptics, on the other, prove this point. At the same time certain compositions on those Bactrian and Margian amulets bear resemblance to Cretan and Mycenaean art and even to classic Greek art.

Simultaneous appearance of the Achaean tribes in Aegean area and Bactrian and Margian ones in Central Asia, as well as the above parallels in ancient glyptics are not accidental, but reflect their former common ancestry in their homeland (presumably, in Anatolia) long before their emergence in the international arena in the Late Bronze Age.

© 1993 г.

ЗНАНИЕ ЯШТОВ АВЕСТЫ В СОГДЕ И БАКТРИИ ПО ДАННЫМ ИКОНОГРАФИИ

Назначение В.П. Алексеева директором Института археологии АН СССР совпало с созданием Советско-французской экспедиции в Самарканде (в настоящее время Узбекско-французская археологическая экспедиция)*. Это было для нас настоящей удачей. Энтузиазм, с которым В.П. Алексеев воспринял проект, его советы и идеи оказались незаменимыми. Все три года, в течение которых длилось наше сотрудничество и в СССР, и во Франции, В.П. Алексеев проявлял глубокое внимание к Советско-французской экспедиции. Для меня большая честь

* В настоящее время Ф. Грене является директором с французской стороны этой экспедиции. —
Прим. ред.

опубликовать статью в томе ВДИ, посвященном памяти моего друга и блестящего ученого. В круг его научных интересов входили древние мифы и проблемы индо-арийских миграций. Надеюсь, что вопросы, рассматриваемые в данной статье, также заинтересовали бы В.П. Алексева.

Религия зороастризма находит свое выражение как в ритуалах, так и в священных текстах. Эти два ее компонента неразрывно связаны между собой. Сам пересказ текстов на языке Авесты является «божественным даром», который обычно сопровождается различными видами богослужения. В свою очередь и ритуалы повседневной жизни, а также обращение с телами усопших правверных, изгнание верующими нечистой силы и т.д. в деталях описаны во многих частях Авесты, в особенности в Видевдате.

Вполне понятно, что археологи Средней Азии, определяя степень распространения зороастризма у доисламских народов, в первую очередь основываются на историко-материальных сведениях. К ним мы относим остатки погребений, архитектуру и убранство храмов, домашнюю утварь и особенно убранство семейного очага.

Гораздо труднее проследить распространение и степень использования священных текстов, ибо следует учитывать исключительную редкость любых текстов, которые сохранились в условиях грунта Средней Азии. Раскопки храмов в Пенджикенте дали лишь несколько образцов «этикеток» — посвященный жертвователю на черепках керамики¹. Единственными фрагментами доисламских священных текстов, найденных между Памиром и Каспием, были буддийские рукописи из Занг-тепе (в Северном Тохаристане) и Мерва², а также обнаруженные в Педжикенте библейские псалмы на сирийском языке, написанные на черепке³. Таким образом, ни один из этих текстов не относится к местной религии.

В Восточном Туркестане условия сохранения рукописей, как известно, гораздо лучше. Но там все религиозные тексты до сих пор были найдены в буддийских, манихейских или христианских храмах, но не в зороастрийских, хотя о существовании последних свидетельствуют разные источники⁴.

Однако в некоторых согдийских текстах из Восточного Туркестана обнаружены скудные, но все-таки бесспорные свидетельства знания некоторых частей Авесты: во-первых, доказательством этого является существование в них исконного, а не заимствованного из западноиранских языков согдийского слова — *rpncw'rdh* обозначающего «Пять Гат», т.е. самую священную часть Авесты, единственную, которую можно приписать самому Зороастру⁵; во-вторых, включение в один манихейский текст авестийской молитвы Ашэм-воху, которая передана в архаичной форме согдийского языка⁶, и, наконец, существование в согдийской литературе двух отрывков, своего рода подражаний Хадохт Наск — гимну Авесты, который описывает путь души праведника в мир иной. Один

¹ Лившиц В.А., Шкода В.Г. Согдийские надписи из храма I в Пенджикенте // НАА. 1982. 5. С. 131—141.

² Воробьева-Десятовская М.И. Памятники письмом кхароштки и брахми из советской Средней Азии // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 63—86.

³ Пайкова А.В., Маршак Б.И. Сирийская надпись из Пенджикента // КСИА. 1976. 147. С. 34—38.

⁴ Чугуевский Л.И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // Страны и народы Востока. 1971. 10. С. 152—153; Leslie D.D. Persian Temples in Tang China // Monumenta Serica. 35. St. Augustin. 1981—1983. P. 275—303.

⁵ Henning W.B. A Sogdian God // BSOAS. 1965. 28. P. 251.

⁶ Sims-Williams N. The Sogdian Fragments of the British Library // Indo-Iranian Journal. 1976. 18. P. 46—48; Gershevitch O. Appendix // Ibid. P. 75—82.

Рис. 1. Бог Орлагно (Вэртрагна) на золотой монете Канишки

находится в магическом тексте тантрийского стиля⁷, другой — в манихейской сказке⁸.

Мы видим, что литературные свидетельства знания Авесты согдийцами редки, но тем не менее они существуют. По свидетельству пехлевийского сочинения Шахрестаниха-и Эран Александр Македонский, завоевав Самарканд, уничтожил текст Авесты, выгравированный на золотых пластинах⁹. Так следует из легенды. Тем не менее это доказывает, что зороастрийцы Сасанидского Ирана признавали знание Авесты согдийцами.

Необходимо помнить, что в течение всего доисламского периода авестийские тексты передавались преимущественно в форме устных преданий, что также имело место в Сасанидском Иране, где зороастризм имел статус государственной религии. Записи Авесты появились лишь в IV—V вв. н.э. Рукописи имелись в очень ограниченном количестве, гораздо меньшем, чем те, которые использовались в манихейских, христианских и буддийских общинах.

Чтобы вернее оценить влияние авестийских текстов в Средней Азии, перейдем от письменных свидетельств к рассмотрению иконографии божеств на территории Согда и Бактрии. Во многих случаях обнаруживаются точные параллели между изображениями богов и их описаниями в Яштах. Эта серия из 21 гимна, которые посвящены разным богам, является с точки зрения стилистики самой привлекательной частью Авесты. Сегодня эти тексты стали доступны русскоязычному читателю, благодаря точному и поэтичному переводу И.М. Стеблин-Каменского¹⁰, отрывки из которого я привожу в этой статье.

Издавна известно изображение бога победы — Вэртрагны, по-бактрийски Орлагно, в монетном чекане Канишки (рис. 1). Его внешний вид и атрибуты

⁷ Benveniste E. Mission Pelliot en Asie Centrale, III: Textes sogdiens. P., 1940. P. 68—69 (=текст 3, 203—219); Henning W.B. The Sogdian Texts of Paris // BSOAS. 1943—1946. 11. P. 729. (хвала богу Ветра, которая напоминает Хадохт Наск 2. 7—8).

⁸ Henning W.B. Sogdian Tales // BSOAS. 1943—1946. 11. P. 476—477 (описание Даэны, напоминает Хадохт Наск 2. 9—15).

⁹ Markwart J. A Catalogue of the Provincial Capitals of Ērānshahr. Roma, 1931. P. 8—9 (§ 4—5).

¹⁰ Стеблин-Каменский И.М. Авеста. Избранные гимны. Душанбе, 1990.

Рис. 2. Бог Ямшо («Йима царь») на золотой монете Хувишки

власти соответствуют образу кушанского правителя. Исключение составляет хищная птица, которая венчает тиару, раскинув крылья. Уже 100 лет назад А. Стайн предположил, что эта птица является одним из воплощений бога¹¹, как это и описано в Яште, посвященном ему (Яшт XIV, 19):

Явился Заратуштре
Седьмой раз так Вэтрагна,
Создание Ахуры,
Летя как птица Варагн²,
Терзая жертву снизу,
Дробящий жертву сверху,
Быстрейший из всех птиц,
Скорейший из пернатых.

По описанию в стихе птица Варагн — сокол. Это утверждение основано на описании ее внешнего вида и семантическом значении производных слов в нескольких среднеазиатских языках.

Мы снова встречаем изображение этой птицы на уникальной монете Хувишки (рис. 2). В статье, опубликованной несколько лет назад¹², я предложил следующую трактовку изображения на монете: птица сидит на запястье человека в военных доспехах, на голове которого царская тиара. Его имя, согласно легенде, — Ямшо, что значит «Йима царь». Это изображение иллюстрирует один эпизод легенды об Йиме, которая изложена в гимне Хварно — олицетворение царской славы и счастья (Яшт XIX. 34—35):

Когда же это лживое,
Неистинное слово
Он взял себе на ум,
То отлетело зримо,
От Йимы Хварно птицей.
Когда увидел Хварно,
Летящим птицей прочь,
Великолепный Йима,
Владелец добрых стад,
Побрел тогда уныло
Он, от врагов спасаясь,
Скрываясь по земле

Когда впервые Хварно
От Йимы отлетело,
Ушло оно от Йимы,
Потомка Вивахваита
Летя, как птица Варагн.

¹¹ Aurel Stein M. Zoroastrian Deities on Indo-Scythian Coins // Oriental and Babylonian Record. August. 1887. P. 89 ff.

¹² Grenet F. Notes sur le panthéon iranien des Kouchans // Studia Iranica. 1984. 13. P. 253—258.

Рис. 3. Изображение Митры над головой Будды в Бамиане

Согласно ортодоксальной зороастрийской традиции, Йима — герой и царский предок. Но тот факт, что он представлен на оборотной стороне кушанских монет, где изображались только божества, доказывает, что в Бактрии он имел божественный статус. Скорее всего он был божеством Ада. Доказательством божественного статуса Йимы в Средней Азии является надпись на печати эфталитского периода, которая содержит имя собственное «Фрийоамшо», что значит «дорогой [богу] Ямшо»¹³. Тем не менее изображение на монете Хувишки доказывает, что несмотря на доктринальное противоречие, легенда об Йиме и птице Хварно была известна в сходной форме во всем иранском мире.

Следующее изображение (рис. 3) происходит из Бамиана, региона, соседнего с Бактрией. Это роспись, которая украшает свод над головой меньшего из двух гигантских Будд и датируется приблизительно VII веком. Давно установлено, что

¹³ Göbl R. Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen. Wiesbaden, 1967. IV. Taf. 86 (G. 34) (надпись только что расшифровал Н. Симс-Уильямс, которому я выражаю искреннюю благодарность за эту информацию).

тема центральной части композиции — не буддийская по происхождению и даже довольно отдалена от канонического образа Сурьи, индийского бога Солнца¹⁴. Здесь действительно изображен Митра, который скачет в колеснице Солнца, согласно описанию в Яште X:

(102):

Мы почитаем Митру
И кони его белы,
Копье длинно и остро.

(124—125):

Вывозит мощный Митра
Хвалы из Дома светлого
Свою легковезомую
Златую колесницу,
Красивую, прекрасную.
И колесницу эту
Везут четыре белых,
Взращенных духом, вечных
И быстрых скакуна.

Остановимся более подробно на двух моментах, которые, насколько мне известно, не рассматривались ранее.

Первое: текст Яшта о Митре дает ясное объяснение также и второстепенным персонажам в этой сцене. В росписи под изображением Духов Ветра мы видим два существа типа киннаров, несущих факелы (рис. 4). Это иллюстрация 127-й строфы:

А спереди от Митры
Летит Огонь горящий,
Который Хварно кавьев.

Две крылатые богини окружают с обеих сторон бога в колеснице. Они по своему облику не сходны с Ушас и Пратиушас, спутницами Сурьи. Та, что слева (лицом к изображению), имеет облик Афины. Теперь известно, что в Средней Азии эта греческая богиня отождествлялась с иранской богиней справедливости Арштат. То же самое мы видим и на некоторых монетах Хувишки, где имя Арштат написано на бактрийском наречии — Ришто¹⁵. В авестийском тексте рядом с Митрой описывается бог Рашну. Поскольку имя Рашну означает «судья», то неудивительна замена его другим божеством, почти идентичным по названию. В этом же стихе упоминается богиня Чишта, что значит «ученость». Несомненно, именно ее мы и узнаем на росписи, где она изображена симметрично

¹⁴ Rowland B. Buddha and the Sun-god // Zalmoxis. I. 1938. P. 69—84; Tarzi Z. L'architecture et le décor rupestre des grottes de Bāmiyān. P., 1977. I. P. 4—6, 128; II. Pl. A 1; Шкода В. К вопросу о культовых сценах в согдийской живописи // СГЭ. 1980. 45. С. 60—63 (см. прим. 16); Klimburg-Salter D. The Kingdom of Bāmiyān; Buddhist Art and Culture of the Hindu Kush. Naples — Rome, 1989. P. 128 f. (Это последнее издание бамианской композиции содержит более точное ее воспроизведение, чем предшествующие публикации. Обращает на себя внимание изображение человеческого лица на щите богини слева, которое, хотя это и не было замечено Д. Климбург-Зальтером, — несомненно соответствует маске Горгоны на щите Афины. К сожалению, мы не смогли воспроизвести эту новую прорисовку).

¹⁵ Grenet F. Notes sur le panthéon iranien... P. 258—262; Idem. L'Athéna de Dil'berdžin // Cultes et monuments religieux dans l'Asie centrale préislamique / Ed. F. Grenet. P., 1987. P. 41—45. Уже Б. Роуланд (Op. cit. P. 82) сопоставлял бамианскую богиню с Афиной, но, не зная о ее тождественности Арштат на среднеазиатской почве, он предполагал, что бамианское изображение представляло иранскую богиню Ашш.

Рис. 4. Деталь предыдущей иллюстрации: киннара, несущий факел, богиня Арштат

Арштат (126):

Летит от Митры справа
Прямейший и святейший,
Самый высокий Рашну,
Летит Ученость слева
Прямейшая, святая.

Следует отметить, что обе спутницы Митры, как и носители факелов, изображены летящими. Об этом говорится в тексте (*vazaitē, vazatā*) и это же видно на изображении. Верность бамианского художника священному тексту позволила ему добавить Афине-Арштат крылья, что никогда не встречается на греческих моделях.

Второй момент относится к географическому положению Бамиана. Это местность, которой как нельзя более соответствует появление колоссального изображения Митры. Действительно, напротив находится гора Кох-и Баба, которую скорее всего нужно отождествлять с Ишкатой (Ишката — страна, которую первой наблюдает Митра, когда на заре начинает свой небесный путь с мифической горы Хары¹⁶). Само название Бамиан (производное от древнеиранского слова *bāmu* — «блестящий») ассоциируется со светом, который здесь заливает скалу на восходе солнца. Именно это слово *bāmu* употребляется в отрывке с

¹⁶ *Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Ērān. Ht II. Lpz, 1905. P. 73—74; Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra. Cambr., 1959. P. 174—176; Bernard P., Francfort H.-P. Etudes de géographie historique sur la plaine d'Aī Khanoum (Afghanistan). P., 1978. P. 20; Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland. Naples, 1980. P. 84—87.*

Рис. 5. Оттиск с печати из Британского музея, конец IV в. н.э.

описанием местонахождения Митры (49—50):

Мы почитаем Митру...
 Которому обитель
 Создал Ахура-Мазда
 Над Харюю высокой,
 Многоотрогой, светлой (rougu, fraogvaēsyam bānyam).

На одной печати восточносасанидского происхождения, согласно недавней публикации¹⁷ изображен Митра в солнечном ореоле в тот момент, когда он поднимается с вершины горы Хары. Хотя композиция этого изображения более простая, оно имеет много общего с бамианской живописью (рис. 5).

Последнее изображение (рис. 6) широко известно в согдийской живописи. Это божественная пара: бог, восседающий на верблюде, и богиня, восседающая на баране. Б.И. Маршак и В.И. Распопова предложили отождествить бога с Вэртрагной (на согдийском языке — Вашагн), поскольку верблюд является одним из его воплощений¹⁸. Заманчиво согласиться с этим предположением, однако подобное отождествление содержит в себе ряд противоречий. Во-первых, внешний вид бога далеко не воинствен. И даже меч у него за поясом — не более чем обычный атрибут согдийской аристократии. Мы встречаем гораздо более выраженную воинственность в изображении кушанского Вэртрагны, о котором говорилось ранее, и еще большую — в боге, поднимающем венки с соколом,

¹⁷ Callieri P. On the Diffusion of Mithra Images in Sassanian Iran. New Evidence from a Seal in the British Museum // *East and West*. 1990. 40. P. 79—98.

¹⁸ Marshak B.I., Raspopova V.I. Wall Paintings from a House with a Granary. Panjikent. Ist Quarter of the Eighth Century A.D. // *Silk Road Art and Archaeology*. I. Kamakura, 1990. P. 137—145. Fig. 16—17; *ibidem*. Cultes communaux et cultes privés en Sogdiane // *Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique* / Ed. P. Bernard, F. Grenet. P., 1991. P. 188—189. Note 7. Fig. 1.

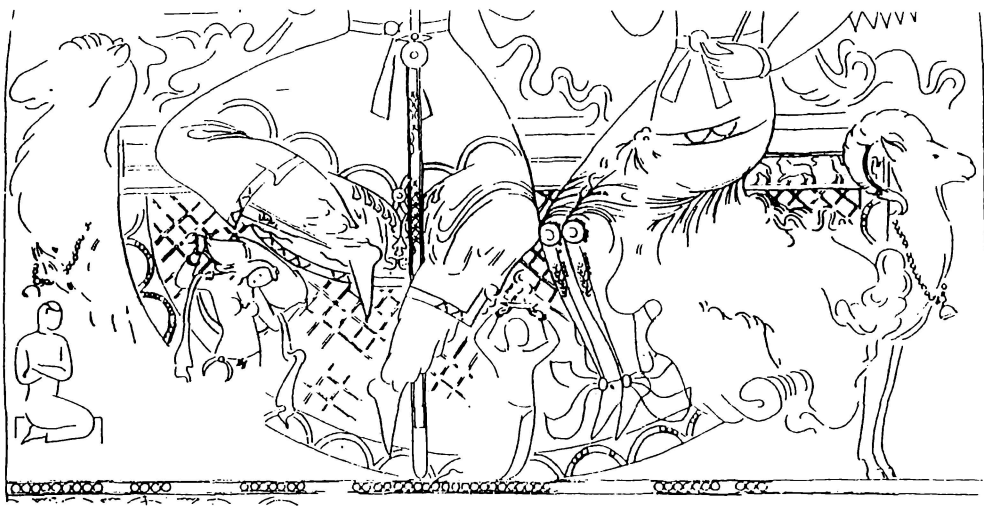

Рис. 6. Роспись из помещения XXV/28 в Пенджикенте (нижняя часть)

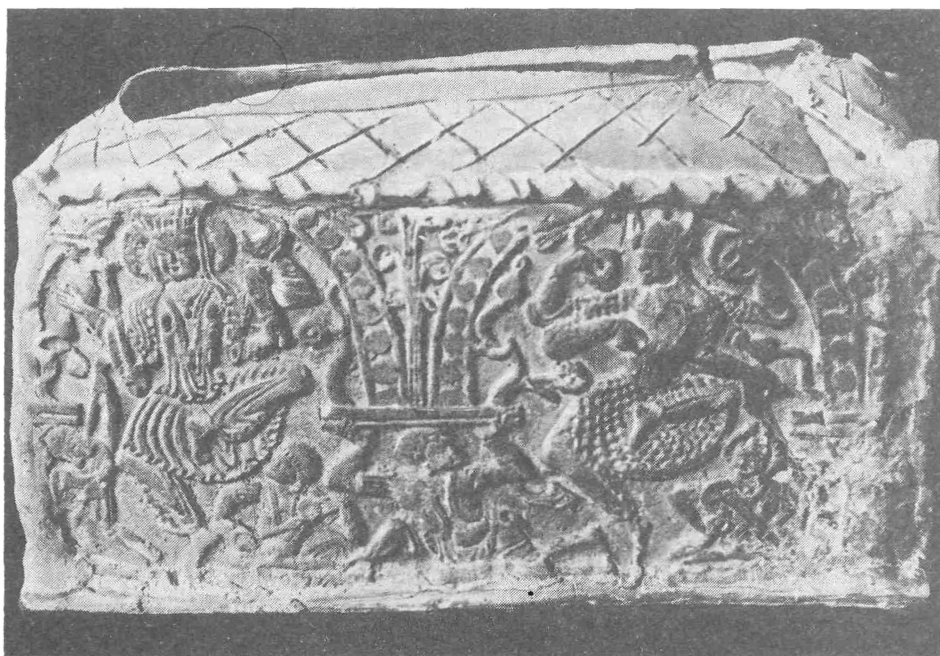

Рис. 7. Осууарий из Кашкадарьи: Нана (слева) и предположительно Вэртагна (справа)

одемом в броню и потрясающем щитом и стрелой на осууарии с Кашкадарьи, которого я скорее бы отождествил с Вэртагнай¹⁹. (рис. 7).

Более того, священные тексты не дают указания на то, что Вэртагну сопровождает богиня, в то время как «бог верхом на верблюде» и «богиня верхом на баране» — прообраз супружеской пары. Маршак и Распопова предло-

¹⁹ Лунина С.Б., Усманова З.И. Уникальный осууарий из Кашкадарьи // *Общественные науки в Узбекистане*. 1985. 5. С. 46—51.

жили три возможных варианта отождествления богини. В каждом случае это второстепенный персонаж авестийского пантеона: Ванайнтм — «Побеждающая», Чишта — «Ученость», Африти — «Благословение». Это в свою очередь в определенном смысле противоречие, поскольку изображение богини «верхом на баране» вместе с ее спутником или же без него является после богини Наны самым распространенным в Согде²⁰. Такую популярность изображения легче объяснить, если предположить, что эта богиня — Аши, Ардохшо у кушан, основная богиня Средней Азии, защитник которой — именно баран. Здесь я цитирую Яшт Аши (XVII. 55—56):

Вот так сказала Аши:
Меня опять погнали
Туранцы с Нотаридами,
Чьи лошади быстры,
И скрылась я под шеей
Того самца-барана,
Что кроет сто овец.

Дважды в Авесте Аши и бог Хварно появляются вместе, как покровители дома. Здесь я цитирую Яшт XVII. 6:

О прекрасная Аши,
О лучезарная Аши,
Лучащая людям блаженство,
Дающая доброе Хварно²¹
Тем, кому следуешь ты,
Благоухают жилища.

Аши и Хварно известны в бактрийском языке как Ардохшо и Фарро. Их изображали вместе в гандхарском искусстве и, вероятно, их чета воплощена в айрамской скульптуре с надписью²². Поэтому мне представляется наиболее вероятным признать в образе Бога на верблюде Хварно, покровителя удачи в мирской жизни, так и в военном деле. Поскольку он — помощник Вэртагны, он мог позаимствовать одно из его воплощений. Образ же верблюда, который служит «троном» для Хварно, на мой взгляд, точнее всего объясняет эпитет *varoxvarenah*, т.е. «носитель Хварно», который используется в отношении к Вэртагне в двух абзацах Авесты (Яшт XIV, 2, Видевдат XIX. 39). Если признать именно это отождествление божественной пары, самой популярной в согдийском пантеоне, то можно дать более точное объяснение и второстепенным персонажам, которые сопровождают их на росписях в богатых домах Пенджикента. На изображении, украшающем приемную залу дома на объекте XXV²³ (рис. 6), небольшой по размерам женский персонаж, находящийся перед изображением бога, несет на плечах бурдюк с вином. Этот символ материального благополучия не чужд окружению бога счастья, особенно в такой винодельческой стране, как Согд. Он встречается также в Гандхаре с богом Панчика, который там часто ассимилируется с Фарро. Опять же в Пенджикенте на изображении в здании

²⁰ Шкода. К вопросу о культовых сценах...; Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989. С. 253—254. Рис. 147 (более примитивное изображение той же богини); С 269—271. Рис. 163. *Marshak, Raspopova*. Op. cit.; Grenet F. Note additionnelle sur les panneaux mythologiques du palais de Kujruk-tobe (Keder) // *Studia Iranica*. 1992. 21. P. 46. Fig. 7, 9—10.

²¹ В этом месте И. Стеблин-Каменский дает перевод: «славу», но в тексте написано: «xvareno».

²² *Harmatta J.* The Bactrian Inscription of Ayrтам // *Studia Grammatica Iranica. Festschrift für Helmut Humbach* / Ed. R. Schmitt, P.O. Skjaervo. München, 1986. P. 131—146. Прочтение надписи, предлагаемое автором, сомнительно, но его интерпретация остатков скульптуры частично подтверждается некоторыми произведениями гандхарского искусства (устное сообщение Ф. Тиссо).

²³ *Marshak, Raspopova*. Op. cit. Fig. 17.

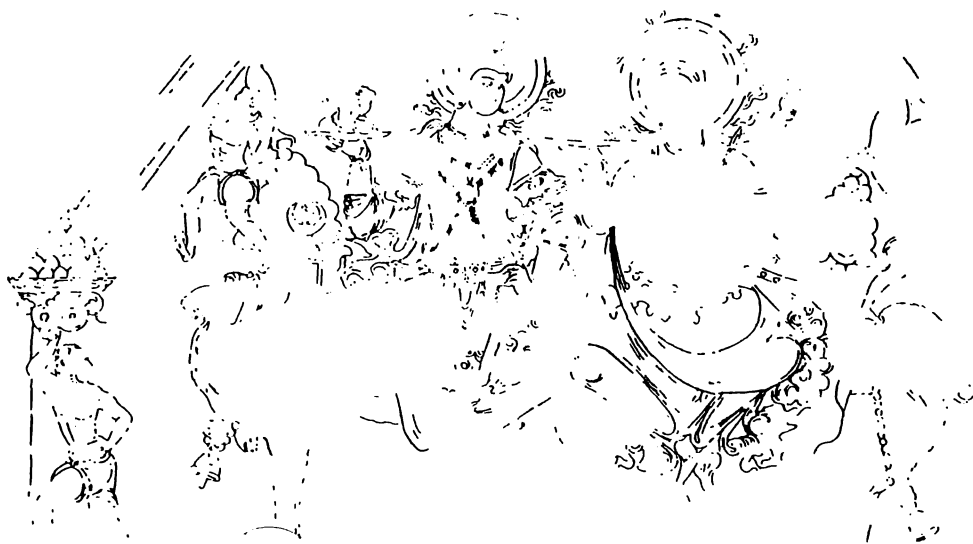

Рис. 8. Роспись из помещения XXIV/13 в Пенджикенте

объекта номер XXIV²⁴ (рис. 8) божественную пару сопровождают астральные символы, а также небольшие небесные персонажи, которые выливают облака из бурдюков. Эта композиция находит яркое объяснение в одном отрывке, включенном в Яште Арштат, но первоначально посвященном Аши. Так как он отсутствует в переводе Стеблин-Каменского, я предлагаю свой вариант перевода (Яшт XVIII, 4—6):

«Большая, добрая Аши плавно вступает в красивый дом, построенный для господина. В тысячи раз приумножаются стада и табуны, и в тысячи раз возрастает одаренное потомство. Широко ступают звезда Тиштрия и безудержный ветер, порожденный Ахура-Маздой, и с ними царственный Хварно... Они взращивают прекрасные зеленые растения, и крепкие морозы перед ними отступают...».

Было бы неверно утверждать, что бактрийские и согдийские художники, которые творили для верующих местной религии, пытались создать «Авесту в картинках». Но по крайней мере те примеры, которые мы исследовали, показывают, что некоторые части этого текста, во всяком случае некоторые Яшты, стали частью их культуры, а также культуры их заказчиков. Вероятно, в Средней Азии, как и в Сасанидском Иране, существовали какие-то версии и комментарии текста Авесты на местных языках, которые были распространены не только в кругу жрецов, а гораздо шире*.

Ф. Грене

²⁴ Самая точная прорисовка опубликована в работе: *Belenitskii A.M., Marshak B.I. // G. Azarpay. Sogdian Painting. Berkeley — Los Angeles — London, 1981. Fig. 8.*

* Перевод Е.Ю. Полонской.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 1993 г.

Ю.А. Рапопорт

ЗАГОРОДНЫЕ ДВОРЦЫ И ХРАМЫ ТОПРАК-КАЛЫ

На протяжении 28 сезонов Хорезмская экспедиция Института этнографии АН СССР вела раскопки Топрак-калы — развалин династического центра II—III вв. и города, просуществовавшего до VI в.

Последние 10 лет работы шли к северу от городских укреплений, и это позволило отстоять от распашки, а затем и изучить руины нескольких дворцовых и храмовых зданий, составлявших, как оказалось, единый архитектурно-планировочный ансамбль¹. Следует надеяться, что вслед за монографиями, посвященными городу² и Высокому дворцу³, выйдет книга о Загородном комплексе. Пока же предлагаемой статьей я попытаюсь ввести в научный оборот основные сведения о нем.

Прежде, однако, следует напомнить, что главным сооружением Топрак-калы⁴ был Высокий дворец, занимавший северо-западный угол укрепленного города. Его основная часть была возведена на четырехгранной платформе, площадь которой приближалась в основании к одному гектару, а высота к 15 м. В результате раскопок удалось нанести на план 102 помещения Центрального массива. Ядром планировки был тронный зал, разделенный трехарочным порталом, под ним пересекались диагонали квадрата, в который была вписана вся планировка громадного сооружения. Позади центральной арки на продольной оси дворца находилась тронная ниша. Таким образом, установлено, что точки расположения важнейших элементов дворцовой архитектуры были получены древними строителями в результате предварительных геометрических построений. Как показали наши раскопки, меридиональная ось Высокого дворца в точности совпадала с осью симметрии четырех храмовых зданий Загородного комплекса, на той же линии был найден вход в большой дворец (здание I) этого ансамбля. Сказанное выше свидетельствует, что строительство Высокого дворца и Загородного комплекса было предусмотрено одним проектом, важнейшие линии которого с величайшей тщательностью были зафиксированы на местности.

¹ Исследованиями 1976—1985 гг. руководил автор статьи. Многотрудные обязанности начальника отряда принял на себя В.А. Лоховиц, вклад которого в этот цикл работ трудно переоценить. Очень многое было сделано П.Е. Митяевым и А.Ф. Леоновой, которых уже нет с нами, а также А.Н. Гертманом и М.Л. Подольским. Архитектурную фиксацию вел Г.М. Баев, им же выполнены публикуемые чертежи. В среднем в составе отряда работало 30 человек.

² Городище Топрак-кала / Под ред. Е.Е. Неразика, Ю.А. Рапопорта. М., 1981.

³ Топрак-кала. Дворец / Под ред. Ю.А. Рапопорта, Е.Е. Неразика. М., 1984.

⁴ Древнее название царского города нам неизвестно. Есть основания полагать, что возводил его правитель по имени Артав (Artaw). Царь, как это было принято, мог назвать новый город в свою честь.

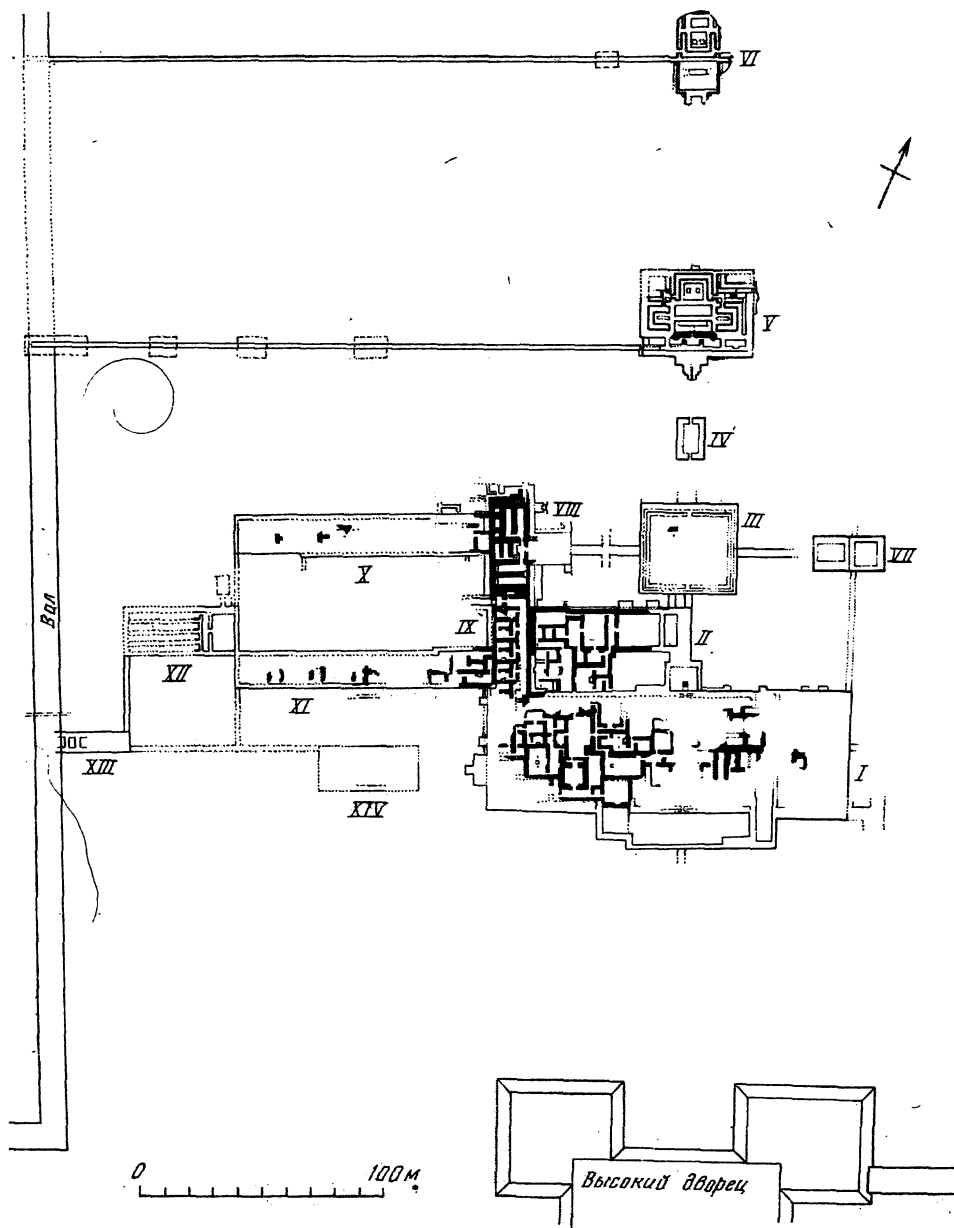

Рис. 1. Топрак-кала. Загородный комплекс. План. Заливкой показаны стены, сохранившиеся на поверхности платформ

Здание I лежит в 100 м к северу⁵ от Высокого дворца (рис. 1). Расстояние от южного фасада здания I до самого северного сооружения Загородного комплекса (здание VI) 300 м. С запада Загородный комплекс ограничен внешней стороной вала, который огораживал большое (1250×1000 м) прямоугольное пространство. Расстояние от вала до крайнего на востоке здания (VII) 320 м. Помимо фасадов и стен на юге и вала на западе, Загородный комплекс ограничивали кирпичные стены толщиной около 2 м; их следы прослежены с севера и востока. Таким образом, площадь, занимаемая сооружениями и дворами рассматриваемого ансамбля, превышала 9 га.

В состав Загородного комплекса входило 13 зданий, полностью или частично поднятых на платформы. Полы еще одного здания (XII) лежали в уровне материковой поверхности. Несомненно, постройки и помещения без каких-либо платформ были и в других местах. Однако, очевидно, их было немного: значительных россыпей керамики или камней от расклинки сводов, которые остаются на месте смытых построек, в пределах комплекса не было отмечено.

Теперь мы кратко опишем раскрытые раскопками постройки Загородного комплекса.

ЗДАНИЕ I

Платформа, на которой стоял дворец, имела высоту 2 м. Она была вытянута в широтном направлении и имела площадь 150×50 м. С южной стороны примыкал выступ («терраса») длиной 74 м и шириной 15 м. Периметральные стены были сложены из стандартного для Топрак-калы сырцового кирпича (40×40×10 см; вес примерно 38 кг). Внутреннее заполнение платформы составляли такие же кирпичи и их обломки, обильно пересыпанные песком. Это заполнение было разделено стенами на несколько (скорее всего, 6) неравномерных участков, которые, возможно, как-то соответствовали разным по своим функциям зонам дворца⁶. Однако стены помещений проходят над внутренними конструкциями платформы, не повторяя, как правило, их линий. Все заполнение платформы было перекрыто слоем глины, и стены помещений возводились поверх него. Стены ставились на стебли камыша, положенные в поперечном направлении.

Стены комнат и залов сильно смыты, лишь на двух участках они сохранились на высоту 1,5—2 м, значительно чаще на 0,1—0,4 м. Лишь местами по следу нижнего кирпича улавливаются наружные стены здания. Первоначальную высоту его

⁵ Говоря точно, азимут продольной оси города 333°, т.е. в целом памятник ориентирован на северо-северо-запад. В дальнейшем изложении это отклонение (одинаковое для всех сооружений и комнат) мы будем игнорировать и станем называть элементы планировки по странам света. Строительство велось на равнине, и ориентировка не определялась рельефом местности, быть произвольной у комплекса такого масштаба и значения, как Топрак-кала, она не могла. Отклонение оси памятника от северного направления такое же, как и у вавилонского «севера» = *iltanu*. Это совпадение, очевидно, не случайно. Уже были указаны некоторые факты, которые находят объяснение, если предположить, что хорезмийская цивилизация формировалась при определенном воздействии культуры Двуречья (Топрак-кала. Дворец. С. 289, 298). Эта традиция могла быть занесена выходцами из стран древних речных цивилизаций, направляемыми персами для руководства освоением дельты Окса. В этой связи я хочу привлечь внимание к сообщению Бируни о сохранявшейся в его родной стране старой системе мер (Alberuni's India / Ed. by E. Sachau. P. 166). Трудно сомневаться, что старохорезмийская крупная мера сыпучих тел гур (*ghūr*) восходит к вавилонскому «кур». Вероятна связь между меньшей величиной *sukhkh* и «сут».

⁶ В платформе была также скрыта необычная конструкция. Это был прямоугольник (47×44 м) из пахсовых (глинобитных) блоков, имеющий высоту 1 м при толщине каждой из сторон 2 м. По середине северной и южной стен этой «ограды» были обнаружены проемы метровой ширины. Эти узкие проходы, забитые кирпичами и песком, располагались точно на линии оси Высокого дворца и четырех зданий Загородного комплекса. Дать рациональное объяснение этим проходам весьма затруднительно. Может быть, они были своего рода визирами при пробивке важнейшей планировочной линии? Не исключено, что пахсовые ограды (еще одна погребена в платформе здания III) были связаны с какими-то строительными ритуалами. Прямоугольные ограды, часто с противоположными узкими входами, известны близ курганных групп Южного Приаралья. Их культовое назначение не вызывает сомнения.

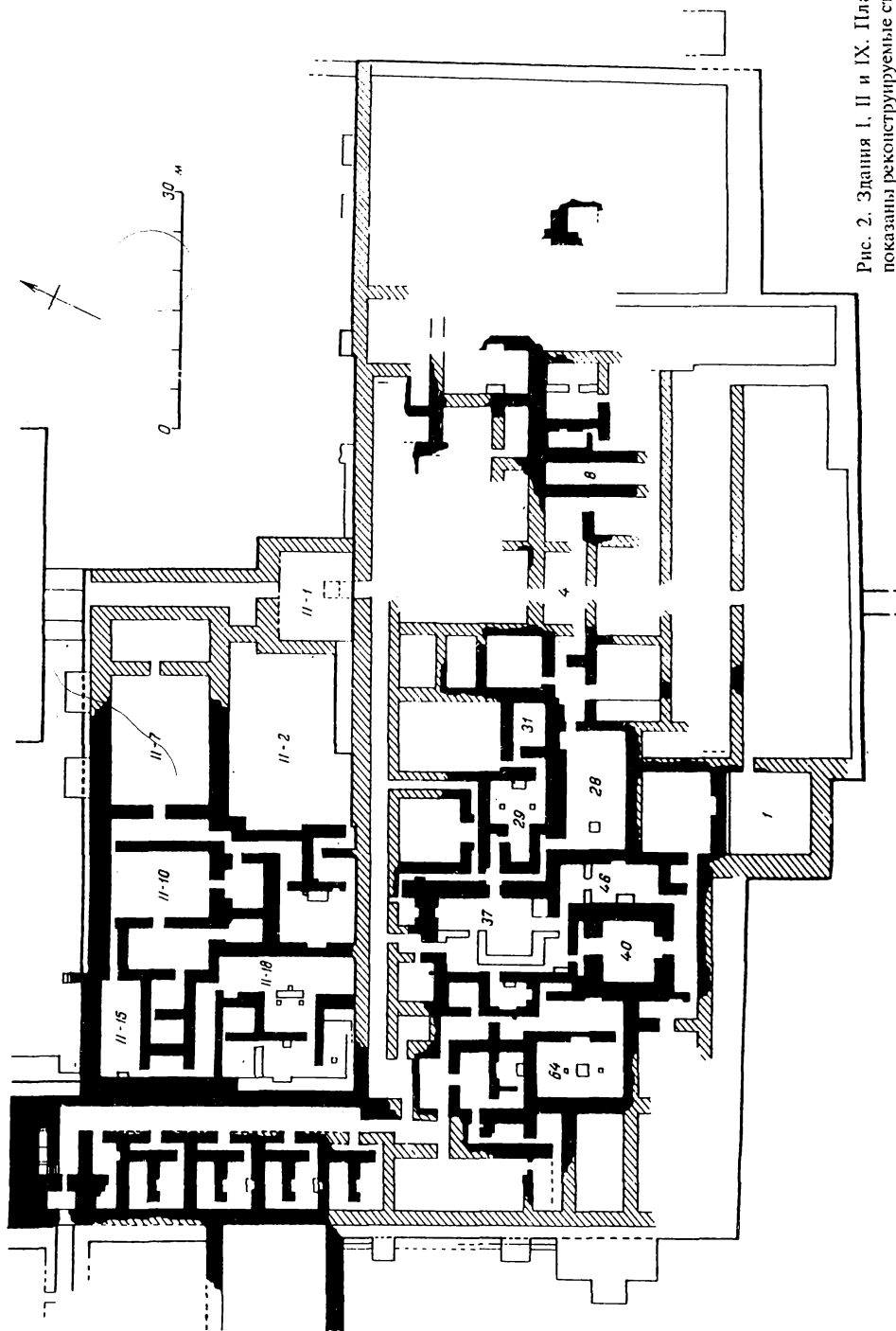

Рис. 2. Здания I, II и IX. План. Штриховкой показаны реконструируемые стены

помещений мы определяем около 5 м исходя из диаметра каменных баз колонн⁷. Второго этажа в здании I не было. С западной и северной стороны были обнаружены выступы (контрфорсы?), несомненно оживлявшие белые фасады дворца.

Южный вход во дворец был расположен, как уже отмечено, на линии главной меридиональной оси ансамбля. Здесь обнаружено основание кирпичной лестницы шириной 3 м. На этой же линии была обнаружена лестница, ведущая на платформу с северной стороны. Ее ширина 2 м, длина 4,5 м, высота ступеней по 0,17 м, ширина проступей 0,3 м. Хорошая сохранность северной лестницы объясняется тем, что она была погребена в платформе здания II после изменения первоначального архитектурного замысла. Несомненно, однако, что перестроенный северный вход в здание I сохранился на прежнем месте.

Несмотря на то что в результате раскопок удалось нанести на план более 60 помещений дворца, большие разрушения не позволяют с желаемой полнотой представить внутреннюю планировку (рис. 2). Почти половина ее бесследно смыта. Особенно пострадали участки близ края платформы и по середине ее. Полная реконструкция, подобная предложенной нами для Высокого дворца, в данном случае невозможна. Однако некоторые восстановления стен на плане, где они показаны штриховкой, представляются достаточно обоснованными.

Нельзя утверждать, что от южного до северного входа можно было пройти через здание по прямой. Однако вероятность этого допустима, если учесть, что ряд сооружений Загородного комплекса имел входы на меридиональной оси. Разделение западной и восточной половин дворца полосой смыва также позволяет предположить, что прошел он по осевой афиладе.

На южной террасе частично уцелело лишь одно помещение (1). Это небольшой зал у западного края. По косвенным признакам подобное же помещение можно реконструировать и с восточной стороны. Вполне возможно, что пространство между ними не было застроено и южный фасад здания был здесь разомкнут, оставляя место для входного портика. В помещении 1 пол был покрыт алебастром, сохранились обломки раскрашенной лепнины.

Основная часть платформы была отделена от террасы стеной, имевшей мощное основание и, несомненно, поднимавшейся на всю высоту здания. Обрывки стен, сохранившиеся близ меридиональной оси, позволяют полагать, что здесь находилось не менее четырех комнат или залов.

В восточной половине здания полностью или частично околонтурены 24 помещения. Ряд из них имел хозяйственное назначение. Так, в помещении 8 помимо четырех очагов было три хума (пифоса) и 12 сосудов среднего размера — хумчей. В соседней комнате были обнаружены два больших очага, скопление пепла и множество бараньих костей.

Помещения, лежавшие к северу от хозяйственного комплекса, были отделены от него глухой стеной трехметровой толщины. Эта группа помещений имела парадный характер, о чем свидетельствуют найденные здесь росписи и особенности устройства одного небольшого зала. Таким образом, хозяйственный блок занимал лишь юго-восточную четверть дворца.

В западной половине зданий в той или иной степени сохранилась планировка примерно 40 помещений, которые занимали около двух третей площади соответствующей части платформы. Мы начнем рассмотрение этой планировки от распределительного помещения 4, лежащего в центре здания. Объем статьи позволяет кратко сказать лишь о наиболее интересных помещениях и архитектурных узлах. Мы будем продвигаться по чертежу в западном направлении, хотя логика плана порой будет уводить в сторону.

Западнее помещения 4 был четко прослежен контур комнаты, в каждой из стен которой был дверной проем. Северный из них вел в большое помещение, на южной стене которого сохранились следы росписи. Южная дверь соединяла с небольшим залом, у его западной стены была широкая суфа — устройство крайне редкое на Топрак-кале.

⁷ Соотношение диаметра колонны к ее высоте в хорезмийской архитектуре 1:10. Это установлено в тех случаях, когда раскопки обнаруживали в одном помещении и базы, и гнезда балок перекрытия.

Проем, прорезавший западную стену вестибюля, выводил в зал (28), имевший площадь 130 м². Некогда он был украшен не только настенными росписями, но и глиняными раскрашенными барельефами. Здесь был найден фрагмент мужской фигуры, выполненной в натуральную величину. В 2,5 м от западной стены была найдена погружившаяся в платформу мраморная плита (0,7×0,7×0,3 м). Ее боковые грани отполированы до зеркального блеска, тогда как поверхность обработана без особой тщательности. Место находки весьма подходит для базы колонны, частью которой плита, скорее всего, и является⁸. В этом случае обнаруженная плита должна была перекрываться другой, имеющей такую же площадь, чтобы скрыть шероховатую поверхность. Базы колонн, имеющие составной нижний плинт, известны⁹. Рассматриваемая плита — первая архитектурная деталь из мрамора, обнаруженная Хорезмской экспедицией. Особая ценность находки заключается в том, что она высечена из того же мелкозернистого серого мрамора, что и замечательные капители, случайно обнаруженные в горах Султануиздаг близ древней выработки¹⁰. Они изображали двух лежащих баранов с человеческими ликами. Скорее всего, это олицетворения царской удачи — Фарна¹¹. Эти незавершенные капители следует датировать кушанским временем. Весьма возможно, что они предназначались для топраккалинских дворцов, расположенных всего в 50 км от места находки. Богато украшенный зал 28, несомненно, был главным в рассмотренной группе помещений. С другой планировочной группой его соединял дверной проем в северной стене.

Он выводил в узкий коридор, охватывавший часть помещения 29. Эта комната состояла из двух частей, неравных по своей площади (15 и 35 м²). В большей из них сохранились каменные базы двух колонн и очаг-алтарь у восточной стены. Он состоял из двух кирпичных ступеней отмостки (1,8×1,1 и 1×0,7 м) и чуть заглубленной в стену ниши метровой ширины с прокаленной обмазкой. Эта ниша-экран была обрамлена глиняным порталом, имевшим с внутренних сторон раскреповки на три грани. Алтарь уцелел примерно на метровую высоту, но на Топрак-кале известны подобные устройства, сохранившиеся почти полностью. Их высота превышала 2 м, а очертания весьма напоминали мусульманский михраб. О значении пристенных очагов-алтарей и их эволюции в Хорезме мне уже приходилось писать¹². Здесь скажу лишь, что, по моему убеждению, на кирпичных отмоستках перед экраном с декоративными воротами устанавливали в специальных вместилищах почитаемые огни. В разных местах они могли быть огнями богов, царей или семейств. В противоположной алтарю стене на Топрак-кале всегда была арочная ниша с росписью. Богам или предкам, изображенным здесь, очевидно, и посвящался огонь на алтаре. В рассматриваемом помещении обычная ниша была развита в небольшое помещение — западную часть святилища. Наличие обводного коридора, видимо, указывает, что здесь находилась особо почитаемая живописная композиция или скульптура.

Восточнее комнаты с алтарем было раскрыто небольшое помещение 31, заполнение которого было насыщено остатками рухнувшего декоративного уб-

⁸ Однако других баз мы здесь не обнаружили; близ восточной стены были найдены лишь небольшие мраморные сколы. Видимо, остальные базы были увезены после запустения дворца. Если же найденная плита всегда была единственной в зале, то на ней могли быть установлены жертвенник или статуя с собственными основаниями соответствующей площади.

⁹ Таковы, например, были базы во дворце Пасаргад: плиту из серого известняка (79×79×34 см) перекрывала равная ей по площади белая плита с третьей ступенью на ней (*Porada E. Alt Iran. Baden-Baden, 1962. S. 138 f.*)

¹⁰ *Манылов Ю.П.* Мраморные архитектурные детали из Султануиздага // СА. 1975. № 3. С. 210—212.

¹¹ *Ранопорт Ю.А.* Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 15.

¹² Топрак-кала. Дворец. С. 170—171. Рис. 73, 3; *Ранопорт Ю.А.* Святилище во дворце на городище Калалы-гыр I // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 143 сл.; *Ковалева Н.А., Ранопорт Ю.А.* Траурная сцена в настенной росписи из Хорезма // ВДИ, 1991. № 2 С. 198—200. Древнейшие пристенные очаги-алтари были обнаружены при раскопках святилищ на мидийских развалинах Нуши-Джан-тепе и Баба Джан-тепе (*Goff G. Excavations at Babajan // Iran. V. VIII. 1970. P. 141—146. Fig. 3.*)

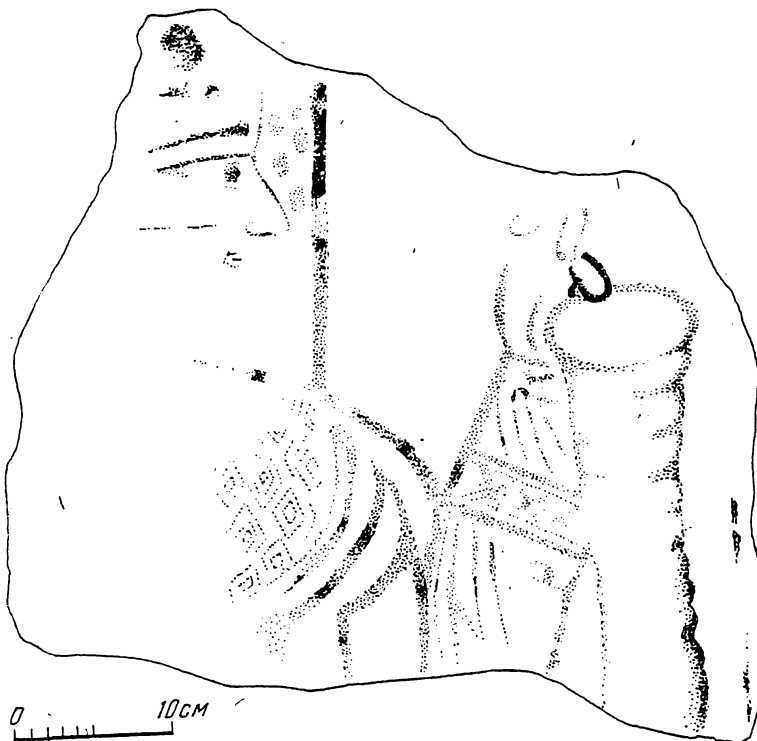

Рис. 3. Женщина с гирляндой-мешком. Фрагмент настенной росписи из помещения 1—31

ранства. Обнаружено множество фрагментов наклепных глиняных тяг, составлявших, очевидно, обрамление живописных панно. Прямоугольные в сечении тяги имели ширину 14,5 или 9,5 см и толщину 3—4 см. Все они были покрыты орнаментальными росписями. Простейшая из них состояла из белых кругов ($d = 9$ см) на черном фоне. В помещении 80 Высокого дворца точно такой же орнамент украшал написанные на плоскости стены рамы, каждая из которых заключала изображение стоящей женщины¹³. Соответственно натуральной величине этих фигур высота живописной рамы была около 2 м и ширина около 1 м. Можно полагать, что примерно такими же были рельефные рамы в рассматриваемом помещении. В другом случае на черном фоне рамы были изображены розовые цветы или плоды сердцевидных очертаний. При раскопках также были встречены изображения лилий или лотосов, шипастые розетки, «стручки перца», вьющиеся побеги, листья и т.п. Цветочные мотивы были первоначально не только на тягах, но и на плоскости стен, где фоновые краски были серо-голубыми и красными.

Главными в росписях, несомненно, были человеческие фигуры. Частично сохранилось одно такое изображение (рис. 3). Оно было выполнено черной, красной и розовой красками по белому фону алебастровой подгрунтовки. На фрагменте с некоторым превышением натуральной величины изображена женщина, повернутая спиной к смотрящему. Ее голова дана в профиль вправо. Резко нанесена черная бровь, глаз обозначен сходящимися под острым углом линиями и черным кружочком зрачка. На щеке заметна горизонтальная красная линия¹⁴. Верхнюю часть спины закрывает оплечье с округлым краем. Оно украшено орнаментом из ромбов, образующих красную сетку. Правая рука женщины согнута в локте. На рукаве

¹³ Топрак-кала. Дворец. С. 110. Рис. 74, 75.

¹⁴ По другим топраккалинским росписям известно, что так передавали луч, исходящий от самоцвета серги, или же царяпину, нанесенную при самоистязании.

выделен обшлаг и на некотором расстоянии от него орнаментальная полоса из двух рядов тругольников. Кисть руки поднята на уровень лица. Тонко прописанные пальцы удерживают завязки своеобразной гирлянды. Она передана в виде свисающего узкого мешка с множеством поперечных перехватов.

Подобные гирлянды-мешки и гирлянды-сетки, наполнявшиеся цветами, лепестками или пахучими травами, были достаточно распространены в античном мире. Наиболее ранние их изображения встречены в египетских и ранне-этрuscoских гробницах¹⁵. В росписи «Зала арфистки» Высокого дворца гирлянды-мешки образуют ромбическую сеть, в ячейки которой помещены поясные изображения крылатых музыкантов¹⁶.

На рассматриваемом фрагменте стенописи следует обратить внимание на такую деталь: перед лицом женщины нанесена вертикальная линия, которая разграничивает два участка второго плана (один из них гладкий, на другом нанесены красные пятна). Отрезок второй вертикальной линии сохранился примерно в 30 см от первой. Очевидно, это другой край стелы, к которой подошла женщина со своим приношением.

Хорошим сопоставлением для рассматриваемой композиции может служить одна из мозаик Бишапурского дворца: дама с развернутым венком в одной руке и букетом в другой показана подле приземистой постройки или высокого алтаря, на который положена другая гирлянда¹⁷. По мнению Р. Гиршмана, данная мозаика (как и оформление зала в целом) посвящена приготовлениям к новогоднему празднеству — Ноурузу. Панно с изображениями плясуний и персонажей с козлиными ушами и рогами указывают на дионисийское оформление торжества. Рассматривая «Зал танцующих масок» Высокого дворца, я отметил сходную иконографию персонажей хорезмийского весеннего праздника¹⁸. Вполне вероятно, что весеннему воскрешению природы было посвящено убранство рассмотренной комнаты, связанной со святилищем 29.

К западу от помещения с пристенным алтарем (29) находился парадный двор, имевший наибольшую в здании I площадь — 170 м². Во всех стенах этого помещения (37) были дверные проемы. Западный вел в небольшую комнату. Здесь напротив пристенного очага-алтаря в нише эллипсоидных очертаний некогда находилась замечательная роспись, которой мы посвятили специальную статью¹⁹. Говоря коротко, прекрасно построенную композицию составляли женские фигуры натуральной величины, переданные в позах глубокой скорби. Они располагались подле объекта оплакивания, который находился на невысоком катафалке и был укрыт зеленым покрывалом. Сакральный характер этого помещения сомнений не вызывает, и его можно рассматривать как своего рода целлу в ансамбле парадного двора.

В западной половине этого обширного помещения была прослежена изогнутая полоса кирпичной кладки шириной от 1,2 до 1,5 м. Высота ее не превышала 0,3 м. Поверхность этой кладки была опалена, и на ней лежало множество кусочков алебаstra и угли, иногда крупные. Источаясь, этот слой лежал и за пределами необычайной отмоски. Понять ее назначение, видимо, помогают сходные конструкции в соседнем помещении 46. Здесь поверх кирпичных отмопок, между которыми был оставлен проход, лежали рухнувшие декоративные решетки из дугообразных кирпичей²⁰. Первоначально эти решетки, несомненно, отгораживали часть комнаты с пристенным очагом-алтарем. Можно полагать, что подобными перегородками (скорее всего, это были решетки из дерева, обмазанного алебастром) была отделена западная часть парадного двора. После пожара остатки перегородки легли на ее кирпичное основание.

¹⁵ *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913. С. 230 и др.

¹⁶ Топрак-кала. Дворец. С. 182—184. Рис. 81.

¹⁷ *Chirshman R.* Bishapour. V. II. Les mosaïques sassanides. Musée de Louvre. Département des antiquités orientales. Série archéologique. T. VI. P., 1956. P. 42—44. Tabl. VII, 1.

¹⁸ *Панопом Ю.А.* К вопросу о дионисийском культе в Священном дворце Топрак-калы // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С. 275—284.

¹⁹ *Ковалева Н.А., Панопом Ю.А.* Траурная сцена в настенной росписи из Хорезма // ВДИ. 1991. № 2. С. 198—214.

²⁰ Такие решетки сохранились на месте в Зале царей. См.: Топрак-кала. Дворец. С. 116. Рис. 60.

На северной и восточной стенах двора сохранились следы декора. Его составляли наклеенные глиняные полосы (их ширина равнялась 14 см, толщина 3 см), образующие ромбическую решетку. Полосы были окрашены в черный цвет, ячейки ромбов в красно-оранжевый. Высота ячейки была 20 см. Можно полагать, что решетчатую поверхность имели и перегородки на отместках в западной части двора.

Относительно их назначения можно предполагать следующее. Перегородки прикрывали от прямого взгляда вход в клету, которой являлось помещение с траурной сценой. Подобные стенки хорошо известны в дворцовой и храмовой архитектуре. В средневековом среднеазиатском зодчестве они известны под названием «гуламгард».

Дверной проем в южной стене соединял парадный двор с помещением 40, стены которого отличались очень большой толщиной — 2,5—3 м. Можно поэтому полагать, что перекрытие этого небольшого зала лежало значительно выше, чем у остальных помещений дворца. Обращает на себя внимание и особо четкая планировка с усложненным оформлением входов.

Трудно с уверенностью сказать, являлось ли помещение 40 торжественным преддверием к комплексу парадного двора или же оно само по себе было важным функциональным центром дворца. Довольно значительные размеры основной площади (54 м²), к которой следует прибавить своего рода «лоджию» (11 м²) с северной стороны, позволяют думать, что небольшой высокий зал предназначался для дворцовых приемов. Правитель мог восседать в перекрытой сводом «лоджии».

К сожалению, стены рассматриваемого помещения сохранились всего на полметра, а небольшие кусочки росписей в завале позволяют говорить лишь о богатой цветовой гамме: зафиксированы красная, синяя, оранжевая, голубая и черная краски. Более крупные фрагменты сохранились в завале входного северного коридора. Реставратору ВНИИР Г. Вересоцкой удалось подобрать довольно большой (1,6×1,5 м) участок стенописи. В основе ее была ромбическая сеть из черных полос шириной 10 см. Внутренние размеры диагоналей ромба 1,08 и 1 м. Поле было окрашено в оранжевый цвет и, в свою очередь, было разделено белыми веточками с узкими листьями на 9 ромбов. В каждый из них была вписана белая или красная восьмилепестковая розетка (d = 16 см), обведенная черным контуром. Декоративные достоинства росписи, судя по реставрированному участку, были очень велики.

Такой была эта группа помещений, связанных между собой и достаточно изолированных от остальной части дворца. Она пересекала его в меридиональном направлении.)

В следующем планировочном блоке, расположенном западнее, главным был зал 64, который есть основания рассматривать как внутрдворцовое святилище. Площадь его 85 м². Необычна структура восточной стены помещения. В своей северной части она, как и все остальные, была сложена из сырцовых кирпичей. На расстоянии 4 м от угла их сменяли обожженные кирпичи на алебастровом растворе. Эти керамические плитки группировались в своего рода «пакеты». В части из них кирпичи стояли на ребре параллельно линии стены, в других перпендикулярно ей. Были пакеты, в которых кирпичи лежали плашмя. В центре восточной стены находилась ниша, имевшая ширину 2,5 м и глубину 0,5 м. Некогда ниша была перекрыта аркой из обожженных кирпичей.

Перекрытие помещения поддерживали две колонны. Их каменные базы сохранились *in situ* (рис. 4). Составные песчанниковые базы такой формы возникли в Хорезме на рубеже V и IV вв. до н.э. В центре зала между колоннами находилась большая (1,6×1,4 м) кирпичная вымостка. Уцелело два слоя кирпичей, поверхность разрушена. Следует полагать, что обнаружено основание алтаря или подиума для жертвенника. В пользу второго предположения свидетельствует прокаленность под отместкой. Видимо, первоначально жертвенник ставили прямо на пол.

Поверх глиняных обмазок пол и стены зала были покрыты слоем алебаstra. Ни на стенах, ни в завале не обнаружено остатков росписей. Возможно, культ, сосредоточенный на жертвеннике с огнем, требовал определенной суровости интерьера. Следует при том сказать, что еще в древности при добыче обожженного кирпича из развалин восточная стена была вырублена почти до основания. Поэтому нельзя исключить, что в нише роспись, как обычно, все же была.

При раскопках здания I были найдены алебастровые формы для изготовления

Рис. 4. База колонны. Помещение 1—40

барельефных скульптур. Одна из них позволяла получить голову персонажа дионисийского круга (рис. 5). Высота формы 25 см, максимальная толщина получаемого рельефа 6,5 см. Фигура должна была иметь $3/4$ «натуральной» величины. Строго в фас передано безбородое, несколько одутловатое лицо со вздернутым коротким носом и тяжелым подбородком. Над теменем поднимаются короткие, близко поставленные рога; уши козлиные. Образ хорезмийского сатира демонстрирует несомненное знакомство с античной иконографией. Форма была обнаружена в парадном дворе (37), но это не может служить доказательством того, что именно здесь находились какие-то дионисийские композиции.

Несколько обломков алебастровых форм было найдено в помещении, ограничивавшем с запада южную террасу (1). Следует отметить верхнюю половину формы, в которой оттискивался лист аканфа. Ширина и высота обломка около 20 см. Любопытно, что на плоской тыльной части матрицы процарапано сходное изображение листа. Вероятно, это сделано для удобства работы с формой.

Интересная матрица была найдена за южной стеной помещения 1, у фасада платформы. Она предназначалась для барельефного изображения рыбы. Уцелела хвостовая часть: короткий плавник и несколько крупных чешуек. Полное изображение должно было иметь длину 60—80 см. Очевидно, во дворце была барельефная композиция, посвященная водной стихии.

На полу одного из помещений в северо-западной части дворца было найдено небольшое изображение львиной головы, выдавленное из листового золота (рис. 6). Сходные изделия из золоченой бронзы были встречены в дверном проеме у восточного входа в Высокий дворец. Сравнительно крупные (7 см) размеры этих маскаронов и медные гвозди, пропущенные через специальные ушки, позволили пред-

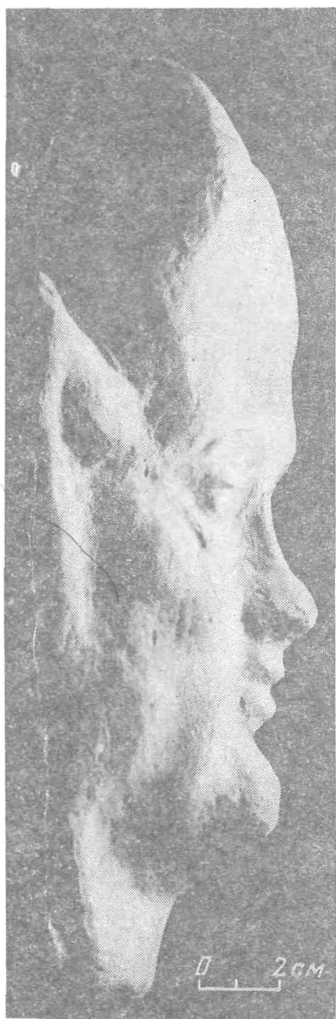

Рис. 5.

Рис. 5. Голова сатира. Отливка по древней форме из помещения 1—31

Рис. 6.

Рис. 6. Голова льва. Золото. Здание I

положить, что они были прибиты к деревянной двери²¹. Золотая голова также имеет отверстие для гвоздика и, очевидно, была прибита к какому-то ценному изделию.

В восточной части дворца была найдена монета кушанского царя Вимы Кадфиза, у южной и восточной граней платформы — две монеты Хувишки. В одном из помещений — хорезмийская монета.

ЗДАНИЕ II

Здание II своим южным краем примыкает к зданию I, а западным к зданию IX (рис. 2). Длина рассматриваемого сооружения около 70 м, ширина примерно 35 м. Высота платформы — 1 м. Таким образом, полы помещений здания II лежали на метр ниже, чем у соседних сооружений. Северная фасадная стена отстояла на 0,4 м от края платформы и была покрыта довольно толстым слоем алебастровой обмазки.

²¹ Топрак-кала. Дворец. С. 55. Рис. 25.

Однообразие гладкого белого фасада оживляли два башнеобразных пилона, назначение которых неясно.

Первоначально здание имело меньшие размеры: западная часть его платформы построена несколько позднее. Мы будем рассматривать окончательный вариант планировки. Ее удалось выяснить полностью несмотря на полный срыв стен помещений в северо-восточной части здания. Расположение стен здесь можно надежно реконструировать по их основаниям, заглубленным в платформу.

Сложнее вопрос о размещении здесь дверных проемов. Северо-восточный угол рассматриваемой постройки был соединен широкой перемычкой со зданием III, лежащим севернее. Несомненно, по ней переходили из одного здания в другое. По коридору или, скорее, галерее вдоль восточного края здания II можно было попасть в обширный вестибюль (II-1)²². Из него можно было пройти в Большой дворец (здание I) и спуститься на общий уровень полов здания II (пол вестибюля лежал на метр выше поверхности платформы здания II). По всей видимости, основанием лестницы является утолщение южной стены помещения II-2, которое лежало западнее вестибюля. Можно, впрочем, предположить и иное размещение спуска.

Площадь помещения II-2 свыше 300 м². Стены этого большого зала или двора были украшены росписями. К сожалению, из-за сильного разрушения стен и пола ничего другого об убранстве и назначении его сказать нельзя. Через дверной проем в юго-западном углу можно было попасть в группу небольших помещений, одно из которых имело пристенный очаг-алтарь. Коленчатый коридор подводил к залу II-7, расположенному севернее помещения II-2. Убранство зала составляли настенные росписи и глиняная барельефная скульптура. Ее обломки насыщают завал, удержавшийся на полу в западной части помещения.

Другую планировочную группу составляют шесть помещений, связанных с внутренним двориком II-10. Северо-западный угол двора занимало помещение II-15. За его северной стеной обнаружена лестница из сырцовых кирпичей. Очевидно, здесь в стене был проем, выводивший наружу. Ширина лестницы всего 1,2 м. Этот выход, видимо, был вспомогательным. У западной стены рассматриваемого помещения расчищена кирпичная отмостка с двумя ступенями. Не исключено, что это остатки лестницы, некогда прорезавшей стену и выводившей в коридор здания IX.

Миновав два коридорообразных помещения, можно было попасть во внутренний двор II-18. В него с западной стороны открывался айван. Были обнаружены две каменные базы колонн, поддерживавших его кровлю. Западнее айвана находилось помещение, являвшееся наиболее важным в рассматриваемом дворово-айванном комплексе. У восточной стены здесь располагался очаг-алтарь, а западная стена была покрыта росписью. Удалось установить, что по основанию стены проходил глиняный «плинтус», квадратный в сечении (5×5 см). Он был окрашен в черный цвет. Выше располагалась белая панель, высота которой была 1,5—1,7 м. На этой высоте начиналась многоцветная сюжетная роспись. Предлагаемая схема основана на расположении красок на штукатурке, рухнувшей большими пластами. Судить о содержании живописного фриза, имевшего большую протяженность, очень трудно. Какую-то часть композиции составляли крупные человеческие фигуры, стоявшие фронтально одна подле другой. Один из персонажей был одет в черный кафтан, пережатый широким белым поясом с красным орнаментом. На груди мужчины были изображены два крупных каплевидных предмета, возможно, защитные пластины. У соседнего персонажа кафтан был красным, его полы сходились под углом. На другом фрагменте, относящемся к месту стыка белой панели и цветного фриза, различима нога в красно-малиновых штанах с черной вышивкой спереди. Ступня повернута вправо. Тут же подол алого женского платья с черной каймой понизу. Завершается платье волнообразной линией. Сочетание этих двух персонажей живо напоминает парные рельефы в Зале танцующих масок²³. Любопытно, что фигуры не «поставлены» на какую-либо горизонтальную полосу, а помещены свободно на белой панели. По всей видимости, значительную часть фриза составляли мужские и женские

²² В подстилающей его платформе была погребена лестница, по которой, по первоначальному замыслу, должны были подниматься в здание I.

²³ Топрак-кала. Дворец. С. 73—75.

фигуры, данные в натуральную величину как в статичных позах, так и в движении²⁴.

После того как штукатурка с росписью рухнула с западной стены (или была сознательно сбита), к ней был приложен новый ряд кладки толщиной 2,3 м. Новая стена была поставлена прямо поверх слоя с фрагментами росписи. В ней напротив очага-алтаря была устроена ниша обычной двухметровой ширины. Вероятно, в ней находилась живописная композиция.

Можно лишь гадать, для кого предназначалось здание, несомненно, дворцовое, поставленное ниже Большого дворца (здание I) и имевшее площадь втрое меньшую, чем у него. Известно, что на древнем Востоке собственные дворцы могли иметь старшие царицы. Не исключено, что малый дворец принадлежал наследнику престола. Нет существенных различий в размерах и убранстве помещений в двух дворцах, а также в принципах их планировочных решений. Это не позволяет предположить, что один из них был парадным, а другой жилым.

ЗДАНИЕ III

Это сооружение занимало очень важное место в системе планировки Загородного комплекса. Оно лежит на главной меридиональной оси²⁵. Весьма вероятно, что на этой линии лежала не только перемычка, связывающая его со зданиями I и II, но и сплошная «приподнятая дорога», отрезки которой сохранились около платформы зданий III, V и VI. Аэрофотоснимки четко показывают след широкой полосы кладки, связывавшей здания III и IV. Достаточно хорошо сохранилась «приподнятая дорога» широтного направления. Она была сложена из кирпичей и облицована с боков толстым слоем глины. Ширина кладки 4 м, ее высота должна была соответствовать высоте платформ, соединяемых «дорогой», т.е. 2 м. Между зданиями III и VIII были обнаружены подьемы на поверхность дороги — перпендикулярные ей кладки лестниц. Они и позволили понять назначение конструкции, которую можно было принять за стену двора, правда, слишком мощную. Восточнее здания III «дорога» прослежена почти до платформы здания VII, которое, возможно, было своего рода восточными «пропилеями» Загородного комплекса. Можно полагать, что как меридиональная, так и широтная «приподнятые дороги» создавались главным образом для продвижения разного рода процессов, в том числе, конечно, процессов религиозных. В дождливые сезоны, когда лессовая почва очень сильно размокает, приподнятые, «процессионные» дороги были особенно нужны.

К большому сожалению, здание III сильно размыто. Лишь на небольшом участке сохранилась одна из стен внутренней планировки с прилегающим участком пола. На поверхности сооружения была найдена монета кушанского царя Вимы Кадфиза. Высота платформы несколько превышала 2 м, площадь ее примерно 40×40 м. Особенности кладок, ограничивавших платформу, показывают, что фасадные стены несколько отступали от ее краев. Это позволяло переходить с одного отрезка «дороги» на другой, не заходя внутрь здания.

В то же время трудно сомневаться, что посередине каждого из четырех фасадов была дверь, к которой и подводил соответствующий отрезок «дороги». Наиболее вероятно центрическое построение плана сооружения.

Близкие размеры и очертания имела почти смытая постройка на цитадели города. На основании ее плана и наличия напластований белого пепла в центре С.П. Толстов счел постройку храмом огня²⁶. Мы не располагаем данными для такого же определения здания III, однако вероятность того, что оно было храмом, очень велика.

²⁴ Есть ряд фрагментов росписи, ожидающих реставрации. Они могут дополнить предложенную здесь характеристику.

²⁵ В платформе здания III скрыта пахсовая «ограда», прорезанная узкими ходами в месте прохождения осевой линии.

²⁶ Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 123.

ЗДАНИЕ IV

Эта постройка отстояла от рассмотренного выше здания на 18 м. От здания сохранились лишь стены небольшой (16×11 м) внутренней платформы с узкими проемами по осевой линии. На западной грани платформы были обнаружены следы росписи. Возможно, приподнятое ядро постройки охватывали открытые галереи с живописью на задней стене.

ЗДАНИЕ V

Это чрезвычайно интересное архитектурное сооружение, от которого сравнительно хорошо сохранился лишь первый этаж (рис. 7). Однако особенности конструкции внутренней платформы, которая на высоте трех метров несла основную часть второго этажа, позволяют реконструировать и его. Дело в том, что внутри платформа была разделена стенами на ряд участков, заполненных кирпичами и песком²⁷. Оказалось, что стены второго этажа там, где они уцелели, полностью соответствовали стенам, скрытым в платформе, «вырастали» из них. Из этого можно сделать вывод, что разнообразные по своим очертаниям участки, заполненные кирпичами и песком, соответствовали внутренним габаритам помещений второго этажа.

Приблизившись к южному фасаду здания (его длина достигала 49 м), посетитель поднимался на уровень второго этажа по широкой лестнице и оказывался в вестибюле, по сторонам которого были два помещения с пристенными алтарями (рис. 8). Следуя дальше, человек как бы проходил между двумя огнями. Обычай очищения таким способом хорошо известен²⁸.

Основную часть платформы занимал зал (7) площадью 160 м², к северу от которого лежало почти квадратное (7×6,5 м) помещение 8. Есть все основания считать его целлой храма. Здесь были обнаружены два мощных кирпичных столба, которые, будучи погружены в заполнение платформы, стояли на материковом грунте (рис. 9). Из них, вероятно, выростали пилоны внутреннего трехарочного портала. Возможно также, что кирпичные столбы служили опорой для колонн. Не подлежит сомнению, что вход в целлу располагался по осевой линии. От взгляда извне он был прикрыт стеной, разделявшей помещения 6 и 7.

С востока и с запада в зал-антицеллу (7) открывались узкие небольшие помещения 9 и 10, которые очевидно, следует считать храмовыми приделами, посвященными двум спутникам основного божества²⁹.

Следует отметить, что три выступа платформы, на которых лежали целла и приделы, на первом этаже были охвачены сводчатыми коридорами. Трудно сомневаться, что на втором этаже поверх этих сводов также лежали коридоры, позволявшие обойти вокруг трех внутренних святилищ.

Северные углы здания были заняты двумя лестничными вестибюлями (I и VIII) первого этажа. Из каждого из них одномаршевая лестница вела на второй этаж,

²⁷ На плане они обозначены буквами КЛ («клеть»).

²⁸ И.Р. Пичикян в планировке храмов огня особо важное значение придает парным помещениям, расположенным на фасадной стороне здания. В храме Окса такие помещения, по данным исследователя, служили для хранения священных огней, были атешихамами (*Пичикян И.Р. Культура Бактрии, Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. С. 145, 155—157*). И.Р. Пичикян склонен свои выводы распространить и на другие храмовые постройки. Помещения 2 и 3 с их алтарями как будто хорошо отвечают такой трактовке, но этого мало, чтобы считать здание V храмом огня.

²⁹ Для хорезмийской религии, видимо, было характерно сведение богов в триады. Это находит отражение в архитектуре святилищ. Так, тронный зал Высокого дворца кроме осевой ниши имел два боковых придела, один из которых был посвящен водной богине. В трех стенах Зала танцующих масок были три большие ниши, одну из которых, судя по обломкам скульптуры, занимало изображение богини круга Наны-Анахиты. Другие две ниши, меньшие по высоте, могли занимать статуи Амертата и Хаурватата — покровителей растений и вод. В Зале царей тронное место занимало изображение богини Вод, а по сторонам ее, видимо, размещались статуи Сольца и Огня (см.: Топрак-кала. Дворец. С. 67—73, 73—85, 116—135).

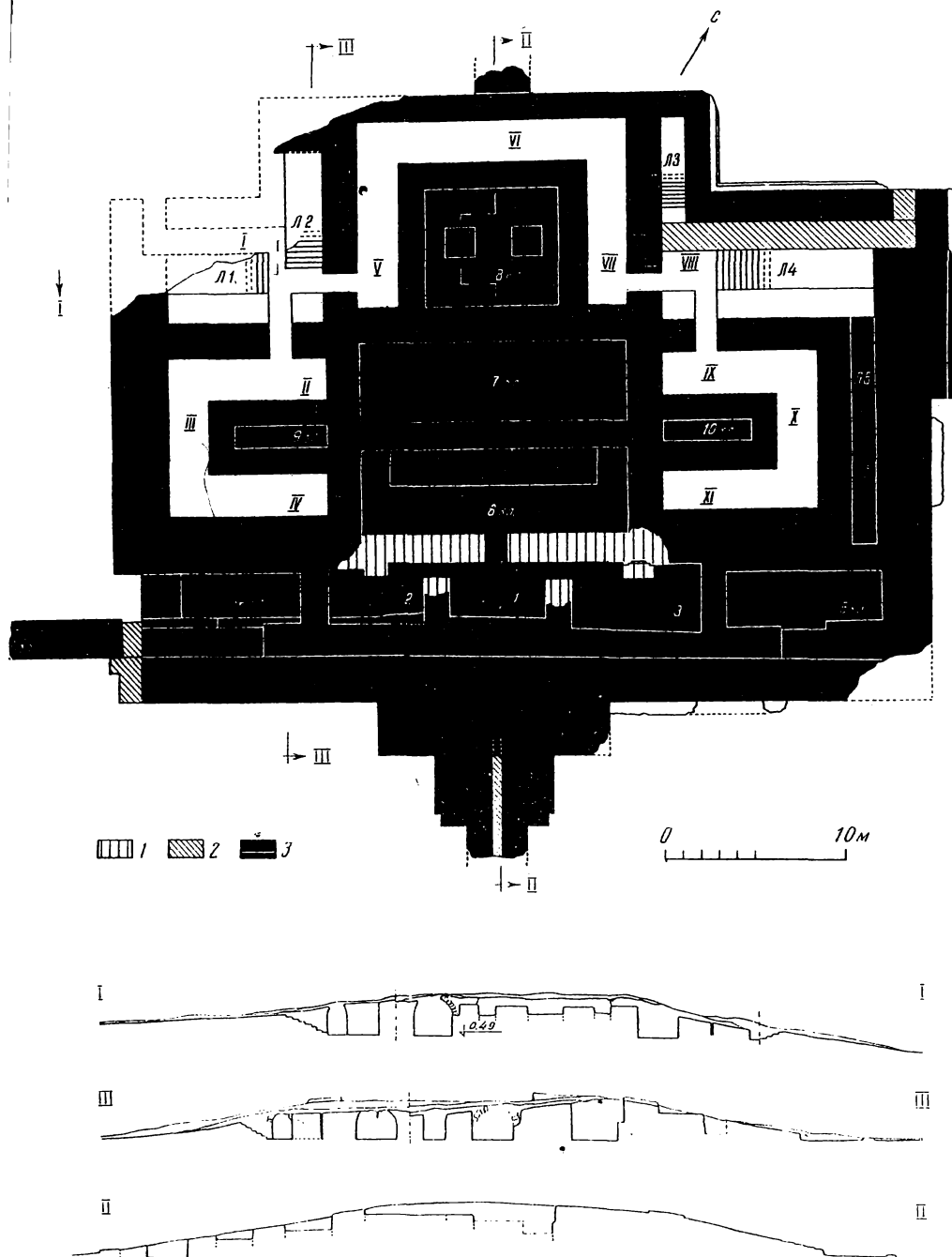

Рис. 7. Здание V. План и разрезы. 1 — стены второго этажа; 2 — кирпичные закладки; 3 — границы стен, скрытых в платформе. «КЛ» — клеть; «Л» — лестница; I—XI — помещения первого этажа; 1—3 — частично сохранившиеся помещения второго этажа

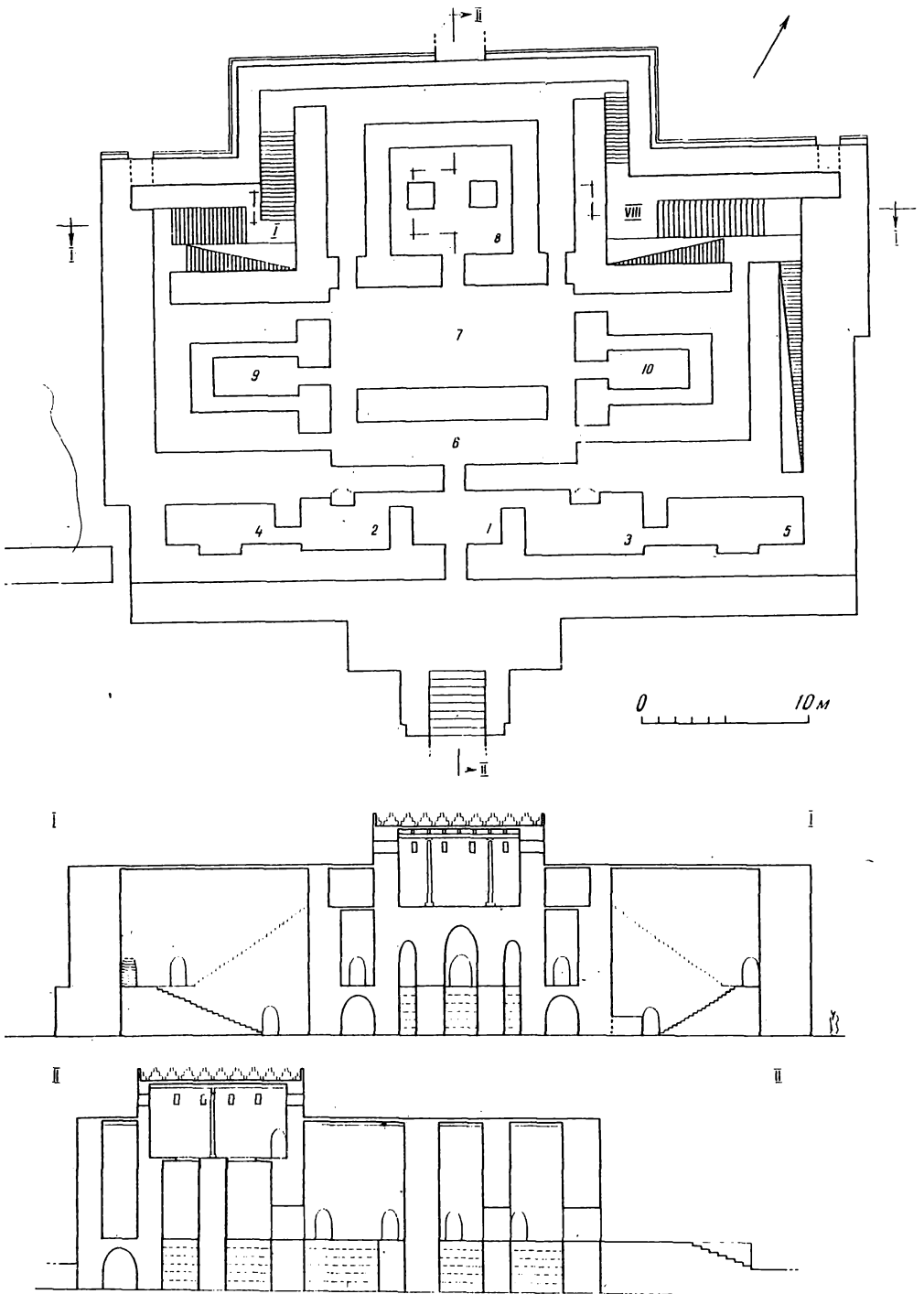

Рис. 8. Здание V («Храм трех божеств»). План по второму этажу и разрезы. Реконструкция Г.М. Баева и Ю.А. Рапопорта

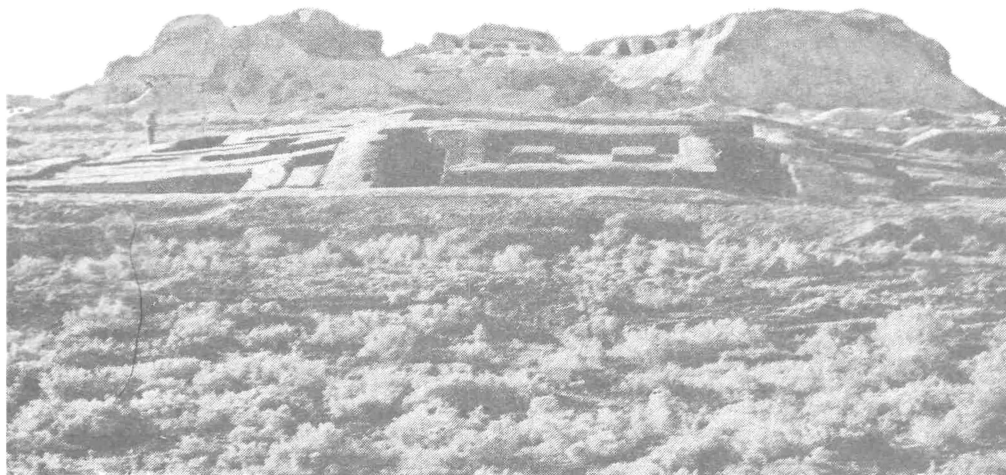

Рис. 9. Здание V. Вид с севера. Из клетки 8 вынута часть заполнения и видны опорные столбы. Вдали Высокий дворец

конкретнее, в обходной коридор целлы. Двухмаршевые лестницы позволяли подняться сначала на второй этаж (к обходным коридорам приделов), а затем на третий этаж. На крышу здания вела лестница, основание которой обнаружено в восточной стороне храма. Расчеты, основанные на размерах сохранившихся ступеней и на длине лестниц, показывают, что высота здания V достигала 14—15 м.

Основные черты плана этого сооружения не оставляют сомнения в том, что это храм. Схема его построения явно та же, что и у ряда иранских святилищ, у истоков которого ставят ахеменидские храмы огня в Кух- и Ходжа и в Сузах³⁰. В Средней Азии древнейшим святилищем подобного типа является храм Окса³¹. Ни один из храмов в этом ряду не повторяет точно устройства другого. В рассматриваемом сооружении можно указать черты, свойственные некоторым (но далеко не всем) храмам огня: наличие целлы (Кух-и Ходжа, Бард-и Нишанде), парадную лестницу (Кух-и Ходжа), лестницу, ведущую на крышу (Джандиал) и, наконец, обходные коридоры. Но некоторые элементы, характерные для храмов огня, при раскопках здания V не обнаружены: нет колонного айвана при входе и центрального зала с четырьмя колоннами.

Принципиальной конструктивной особенностью хорезмийского храма является возведение его важнейших помещений на высокой внутренней платформе. О своеобразии ритуала, видимо, свидетельствуют многочисленные лестницы и коридоры. Они позволяют думать, что обход трех святилищ составлял очень важную

³⁰ Schippmann K. Die iranischen Feuerheiligtümer. В.—N.Y., 1976. S. 57—70, 266—274, 476—515. Abb. 83. Отчетливо проступает также сходство между ядром здания V и известным Центральным храмом на теле Нуш-и Джан. Это относится и к принципам планировки и к внешним очертаниям (ср.: Stronach D., Roaf M. Excavations at Tepe Nush-i Jan. A Third Interim Report // Iran. 1978. V. XVI, Fig. 1, 2). Сохранение древней мидийской традиции в Хорезме не исключено. Близость планировочных решений могла возникнуть и из-за того, что перед зодчими стояли тождественные задачи — создание храмов именно для трех богов. В мидийском храме им, вероятно, были посвящены три ниши-айвана, в хорезмийском — три сходно расположенные святилища.

³¹ Litwinski B.A., Pichikijan I.R. The Temple of the Oxus // JRAS. 1981. № 2; Пичикян И.Р. Культура Бактрии. С. 144—156.

его часть. Какие-то культовые действия, похоже, совершались на крыше храма, для подъема на нее была предусмотрена специальная лестница, устройство которой привело к известной асимметричности постройки³².

Наличие большой целлы и двух «приделов» в храме очевидно свидетельствует, что он был посвящен какому-то главному божеству и двум богам-спутникам. К большому сожалению, немногочисленные обломки росписей, найденные при раскопках, не дают оснований даже для гипотетических определений этих божеств. Среди находок на полах коридора можно отметить обломки каменных изделий со ступенчатой обработкой, но естественнее отнести их к базам колонн, чем к алтарям³³. Огонь, несомненно, должен был играть какую-то роль в богослужении, совершавшемся в храме; об этом свидетельствуют пристенные очаги-алтари. Однако я не стал бы называть раскопанное сооружение храмом огня. Здание V Загородного комплекса Топрак-калы лучше всего, пожалуй, именовать «Храмом трех божеств».

ЗДАНИЕ VI

Здание VI замыкает на севере меридиональную ось Загородного комплекса. К моменту раскопок развалины вписывались в прямоугольник длиной 35 м и шириной 22 м. Первоначально здание должно было занимать несколько большую площадь. Широкий, скорее всего, пандусный вход вел в южную часть постройки — на большую входную террасу. Общая площадь ее достигала 200 м². Терраса имела два уровня — в своей южной части ее высота равнялась 1,5 м, в северной она должна была достигать 2,5 м. Лестницы, которые должны были соединять эти два уровня, смыты.

В северной части здания сохранились две клетки внутренней платформы, соответствующие двум помещениям, которые были на ней поставлены. Полы их должны были лежать на высоте 2,5 м. Северное помещение вытянутое в широтном направлении, имело размеры 7×3,5 м, южное — 6×6 м. В заполнение клетки этого помещения были погружены два кирпичных столба, площадь поверхности каждого из них 2,1×1,7 м. Они должны были служить опорой для колонн, державших перекрытие.

Эти конструкции заставляют вспомнить о целле в «Храме трех божеств» — здании V. Сходство подтверждается тем, что участок платформы, на котором лежала рассматриваемая квадратная комната, с трех сторон был охвачен сводчатыми коридорами. Их пол лежал в уровне материка, ширина и высота несколько превышали 2 м. На полу была найдена монета Канишки. Несомненно, поверх нижних сводов лежал коридор, охватывавший целлу. Есть основание считать, что, в отличие от здания V, вход в нее находился в северной стене: опорные столбы заметно смещены к южной стене. Тогда второе помещение следует рассматривать как антецеллу. По сторонам ее отмечены основания узких лестниц, позволявших попасть в обходной коридор и через него на южную террасу. Ко входу в антецеллу должна была подводить особая лестница, но за северной стеной, прослеженной по нижнему кирпичу, все смыто.

Следует обратить внимание на то, что стена, разделяющая южную и северную (храмовую) части здания, дает начало стене, ограждавшей с севера весь Загородный комплекс. Формально говоря, небольшой храм вынесен за огражденную территорию. Его можно трактовать как храм при входе, а все здание VI как своего рода «пропилеи». Через них, возможно, религиозные процессии вступали на «приподнятую дорогу» и, пройдя по ней от храма к храму, подходили к священному Высокому дворцу. Напомню, что оси симметрии зданий III, IV, V, VI и Тронного зала Высокого дворца лежат на одной линии, выдержанной с удивительной точностью.

³² Известны многие культовые действия, совершавшиеся под открытым небом, на крышах культовых построек: взывания к богам, поклонение светилам, зажжение праздничных огней, кормление душ предков и т.д.

³³ Следует отметить две монеты Канишки, обнаруженные там же.

ЗДАНИЕ VII

Здание VII находится на восточной границе Загородного комплекса. Оно было соединено с квадратным в плане зданием III отрезком «приподнятой дороги» широтного направления. Постройка очень сильно смыта. Сохранились на высоту 1 м лишь стены платформы. Длина ее 28 м, ширина 13,5 м. Как оказалось, платформа состояла из двух сомкнутых клеток. Западная клетка имела паховые стены, восточная была сложена из кирпича. От западной стены восточной клетки в северном и южном направлении отходят отрезки кирпичной кладки шириной около 2 м. Эти стены неподалеку от платформы смыты, но, несомненно, раньше были частью восточной ограды Загородного комплекса: на той же линии лежит восточный фасад здания I и отходящий от его угла отрезок стены. Таким образом, восточная половина здания VII выступала за пределы огражденной территории. Этим она напоминает северную часть здания VI. Не исключено, что здание VII служило восточным входом на «приподнятую дорогу» широтного направления.

ЗДАНИЕ VIII

Западный отрезок «приподнятой дороги» упирается в террасу здания VIII (рис. 10). Этот восточный выступ платформы довольно велик: 14×14 м. Высота террасы, как и всей платформы здания VIII, несколько более 2 м. Помимо процессионной дороги на террасу выводили две лестники, пристроенные к ее восточным углам. В западной части входной платформы сохранились остатки стен, ограждавших ее поверхность с севера и юга. Расстояние между ними 7,5 м. Была ли восточная стена у этого пространства, сказать трудно. Возможно, сохранилась часть входного портика, открытого с востока. Посредине стены, ограничивавшей террасу с запада, располагался широкий (1,5 м) дверной проем, позволявший войти внутрь самого здания. Оно имело длину 40 м и стояло на платформе шириной в 19 м. Ширина самого здания 16 м. Оно уже платформы, поскольку фасадные стены отступали от ее краев.

С террасы можно было попасть в вестибюль, площадь которого достигала 35 м². К его западной стене примыкала кирпичная лестница полутораметровой ширины. По ней можно было подняться на второй этаж и, вероятно, на крышу помещения на террасе. В западной стене вестибюля была дверь, ведущая в две небольшие соединенные между собой комнаты. Пол этих помещений почему-то был поднят на 0,65 м выше, чем в остальной части здания.

Южнее вестибюля лежали два крупных (12×3 м) помещения, вытянутых в широтном направлении. Они соединялись между собой дверным проемом, имевшим высоту 2 м и плоское перекрытие. Сами помещения перекрывались сводами, пята которых лежала на 2,66 м выше пола. Уцелела часть этих сводов, начальная кривизна которых определяет их двухметровую высоту. Высота помещений, таким образом, приближалась к 5 м. Полы второго этажа должны были лежать на 5,5 м выше, чем на первом этаже и, соответственно, на 7,5 м выше, чем окружающая равнина. Здание VIII, очевидно, возвышалось над ней на 11—12 м.

Две вытянутые в меридиональном направлении, соединенные между собой комнаты занимали северную часть здания. Одна из них была связана с вестибюлем³⁴. Определить задуманное древним архитектором назначение шести сдвоенных комнат очень трудно. Все они и часть вестибюля были заложены кирпичами, пересыпанными песком. Стены помещений не были оштукатурены, на тех участках пола, которые нам удавалось раскрыть, никаких следов обитания не было. Совершенно очевидно, что по какой-то причине от использования первого этажа отказались еще до завершения строительства. Возможно даже, что просто не было разобрано временное заполнение комнат, служившее опорой при возведении сводов (такие «леса» обычны в восточной строительной технике).

Все помещения верхнего яруса смыты. Мы знаем лишь, что они были украшены росписями, фрагменты которых найдены в просадках сводов первого этажа. Эти

³⁴ Западнее этих двух комнат находились три небольшие замкнутые клетки. Они, очевидно, несли соответствующую часть планировки второго этажа.

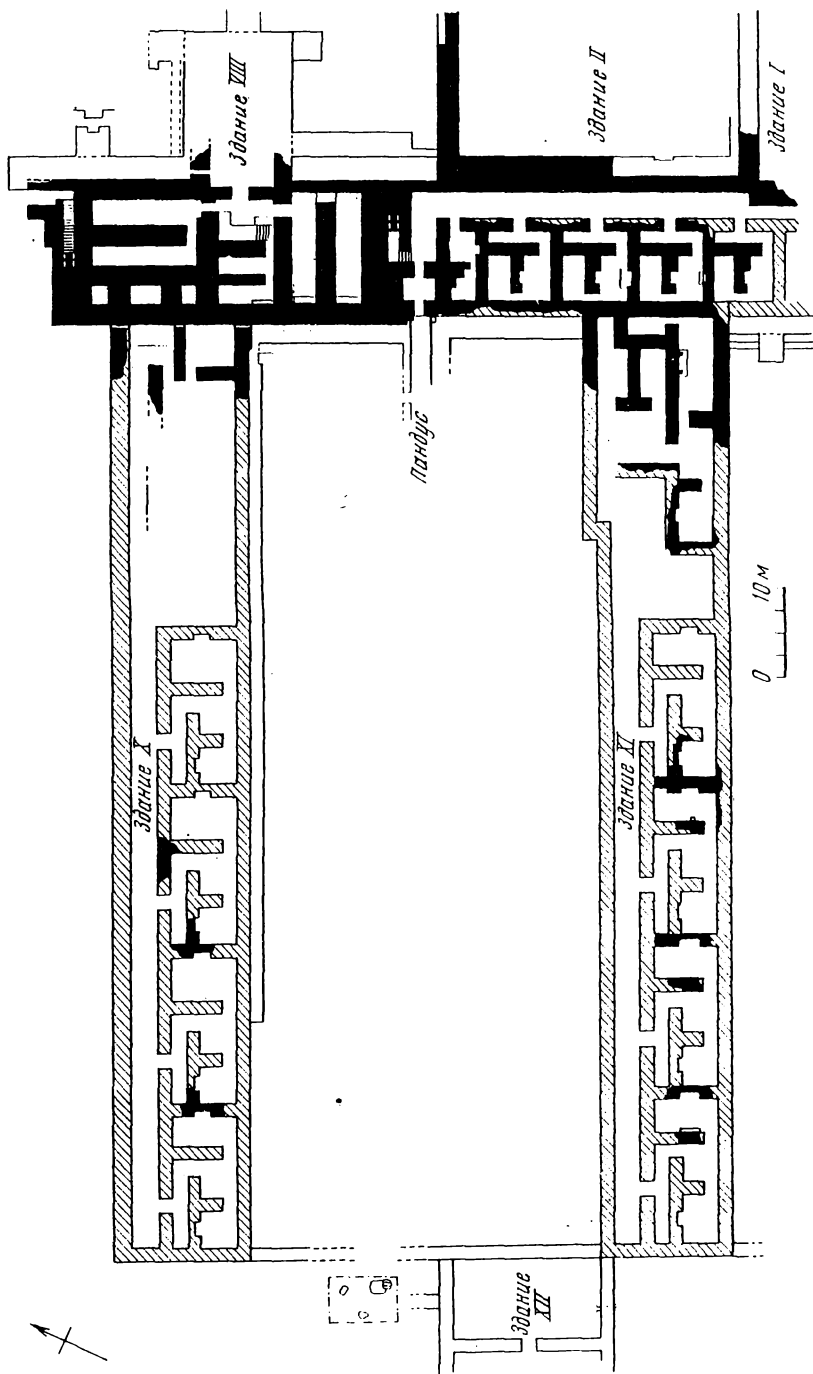

Рис. 10. Здания VIII, IX, X, XI (жилые дворцы). План. Штриховкой показаны реконструируемые стены

помещения были связаны с внешним миром не только лестницей вестибюля, но и двумя другими подъемами. Северная лестница позволяла подняться с уровня земли. Южная — выводила на поверхность платформы здания IX.

Я склонен рассматривать здание VIII как своего рода замок в системе планировки жилого дворца (см. ниже). Высокие сводчатые помещения первого этажа могли быть задуманы как хранилища, убежища от жары. Приподнятые на мощный цоколь, образовавшийся после закладки первого этажа, помещения второго яруса могли служить уединенным убежищем хозяина обширного и довольно населенного дворцово-храмового комплекса. Узкие, легко охраняемые лестницы позволяли выйти из «замка» в любом направлении.

ЗДАНИЕ IX

Здание IX расположено к югу от «замка», оба они поставлены на общую платформу и соединялись, как сказано, узкой лестницей. Рассматриваемое сооружение имело ширину около 16 м и длину 63 м. Южная часть планировки здания IX почти смыта. Ее незначительные следы на первый взгляд кажутся частью Большого дворца, однако, они определенно лежат на платформе здания IX. Ее пределы здесь четко проступают в виде мощных ограничительных стен.

Северная часть планировки сохранилась значительно полнее. У места стыка со зданием VIII на платформу с поверхности двора, расположенного западнее, выводил широкий (3 м) пандус. За вестибюлем начинался коридор трехметровой ширины. Основная часть его проходила вдоль восточной стены здания и имела длину 38 м. В западной стене коридора было 5 дверных проемов. Северный из них вел в небольшой (менее 20 м²) блок из двух комнат. Возможно, он предназначался для привратника. Остальные двери позволяли войти в четыре «квартиры», имевшие совершенно одинаковую планировку. Сначала попадали в коридор-тамбур, длина которого была 7 м и ширина около 1,5 м. Южная стенка коридора переходила в щеку дверного проема, за которым лежала парадная комната. Ее площадь превышала 21 м². Посредине южной стены был очаг-алтарь обычного для Топрак-калы типа. Напротив него в северной стене была устроена ниша двухметровой ширины. Помещение украшала настенная роспись. За северной стеной лежала вторая комната, площадь которой была около 18 м². Таким образом, площадь блока по первому этажу близка 50 м².

Несомненно, на сводах комнат лежал второй этаж примерно такого же размера. В этом убеждает следующее сопоставление. Вдоль южного края Высокого дворца располагались четыре двухкомнатных блока, они имели планировку, почти идентичную рассмотренной, и их также объединял широкий коридор. Разница же заключалась вот в чем: справа от входящего в блок оказывалась двухмаршевая кирпичная лестница, выводившая на второй этаж³⁵. Трудно сомневаться, что и в здании IX правый от входа тупик предназначался для лестницы, в данном случае деревянной.

Планировка южной части здания IX, как было сказано, очень сильно смыта. По аналогии со зданиями IX и X, о которых ниже, можно полагать, что там располагались апартаменты более просторные, чем стандартные блоки. В здании IX они, очевидно, занимали площадь 23×14 м. Следовательно, эта группа помещений занимала площадь почти втрое большую, чем каждая из стандартных «квартир». Обратим внимание, что и их площадь была достаточно большой — почти 100 м², считая два этажа.

ЗДАНИЯ X И XI

Эти сооружения примыкали с запада к зданиям VIII и IX, но не сообщались с ними. Высота платформы рассматриваемых построек 1,5 м, ширина 16 м. Они вытянуты в западном направлении на 102 и 104 м.

Восточную треть зданий занимали многокомнатные покои домохозяина. Известное суждение о них можно составить лишь для здания XI. Здесь уцелели следы восьми комнат. Вдоль южной стены был расположен блок из четырех помещений:

³⁵ Топрак-кала. Дворец. С. 153. По расчетам, он лежал на высоте 4,5 м. Ступени лестниц имели высоту 15—17 см. Длина «тупичков» в здании IX около 4 м. На этом расстоянии ступени указанных размеров дали бы подъем на 4 м.

проходного, двух парадных и вспомогательного для одного из них. В большем из парадных помещений был очаг-алтарь.

Планировку западной части зданий X и XI мы восстанавливаем по нескольким участкам, где сохранились лишь обрывки стен, но реконструкция эта представляется единственно возможной. Вдоль северной стены на протяжении 70 м проходил коридор, некогда перекрытый сводом. Ширина коридора около 3 м. Можно полагать, что вход в здание находился в его западном торце. Южная стена коридора была прорезана четырьмя дверными проемами, каждый из которых вел в жилой блок.

В отличие от «квартир» Высокого дворца и здания IX блоки здесь были трехкомнатными. Небольшой входной коридор с тупиком для лестницы приводил в распределительную комнату. Ее площадь была около 20 м². Такой же величины было помещение, расположенное западнее. В его северной стене была ниша. Повсеместное разрушение южной стены не позволяет сказать, был ли напротив нее очаг-алтарь. Восточнее распределительного помещения располагалась комната, вытянутая в меридиональном направлении. Ее площадь около 25 м². У западной стены комнаты был очаг-алтарь, в восточной стене ниша. Все рассматриваемые комнаты были перекрыты сводами. Общая площадь помещений блока равнялась примерно 65 м², с коридором 80 м². С учетом второго этажа площадь каждой «квартиры» определяется примерно в 150 м².

Каково было назначение зданий VIII, IX, X и XI? Трудно сомневаться, что это жилые дворцы. Здания VIII и IX, очевидно, занимало семейство хозяина всего Загородного комплекса. Об этом свидетельствует непосредственная связь с парадным Большим дворцом (здание I) и расположение на одной платформе жилых блоков и «замка правителя» (VIII). Следует подчеркнуть, что расстояние от южного края платформы здания IX до северного края здания VIII равно 105 м. Такова же, как мы помним, протяженность зданий X и XI. Это обстоятельство хорошо подтверждает предположение, что здания VIII и IX входили в один планировочный массив, принципиально сходный с двумя жилыми дворцами, вытянутыми в широтном направлении. Различия же состояли в том, что платформы зданий X и XI были ниже, и хозяева их не имели здесь своих «замков»³⁶. Эти обстоятельства указывают на более низкий ранг этих домовладык. Несомненно, они были ближайшими родственниками царя, возможно, его взрослыми сыновьями.

Не менее сложен вопрос, кому конкретно были предоставлены стандартные жилые блоки. В каждом из дворцов их четыре. Это число сразу вызывает ассоциацию с четырьмя полноправными женами в мусульманском праве. Однако иранские источники домусульманского времени такого установления не знают³⁷. Главными в апартаментах хозяина здания XI являются три комнаты, по сути дела такие же, как и составляющие стандартный жилой блок. И там и там мы находим пристенный очаг-алтарь — место «Огня семьи»³⁸. Поэтому я полагаю, что квартиры в жилых дворцах занимали семьи, составлявшие три знатнейшие фамилии страны. Весьма возможно, что большую часть времени хозяева топраккалинских дворцов проводили в собственных поместьях, собираясь в династическом центре в определенные праздничные периоды. Однако можно думать, что Огни семей постоянно горели близ царского Огня, символизируя единство царского дома.

ЗДАНИЕ XII

Здание XII, соприкасаясь юго-восточным углом со зданием XI, замыкало с запада двор, образованный жилыми дворцами. Раскопки этого сооружения нам завершить не удалось, однако в общих чертах его планировка выяснена. В отличие от тех построек, о которых мы уже сказали, здание XII платформы не имело. Основания стен были

³⁶ Именно отсутствие «замков», очевидно, позволило увеличить здесь площадь «квартир».

³⁷ См.: *Периханян А.Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983. С. 84—94.

³⁸ Культ домашнего огня в иранской среде имел огромное значение. Этот огонь почитался за божество. Ему приносили ежедневные жертвы, призванные обеспечить благополучие дому и бессмертие семье. В сасанидских текстах термин *m'pu'k'n'* (авест. *mānuša-*) — собирательное обозначение духов предков и домашнего очага (*Периханян*. Ук. соч. С. 81; 118).

почти на метр заглублены в материковый грунт; такие фундаменты уникальны для Топрак-калы и для хорезмийской архитектуры в целом.

Длина здания около 50 м. Определяемая ширина 20 м, есть основания думать, что она приближалась к 30 м. Восточную часть постройки занимало большое (9×15 м) помещение, которое только оконтурено, но не раскопано. Под южной стеной помещения лежал короб, сложенный из каменных глыб и предназначенный для пропуска воды. В коробе были найдены обломки глиняных труб³⁹. Не исключено, что водопровод предназначался для заполнения бассейна внутри здания. Скорее, однако, при строительстве здания был сохранен попавший под него небольшой оросительный канал.

Большое помещение широким проемом в центре западной стены соединялось с вестибюлем, пересекавшим все здание. К западу от него в широтном направлении были вытянуты четыре помещения шириной 3 м каждое. Полы этих помещений раскрыты лишь в их восточной части на протяжении 2—3 м. Культурный слой состоял из органического перегноя, золы и обломков грубой керамики.

Судя по шурфам и аэроснимку, длина узких комнат достигала 35 м. Назначение здания XII установить не удалось. Вытянутые коридорообразные помещения могли быть складами или казармами. Во всяком случае, «казенный» характер постройки очевиден.

ЗДАНИЕ XIII

Здание XIII вплотную примыкало к валу большого прямоугольного пространства и своим западным краем опиралось на наружный уклон вала. До нас дошла лишь платформа сооружения. Ее длина 30 м и ширина 10 м. Высота платформы должна была равняться высоте вала, т.е. примерно 4 м. Стены толщиной в 2 м связывали ее со зданиями XII и XIV. Здание XIII, видимо, самое позднее в комплексе. У его подножия найдена кушанская монета, чеканенная Васудевой. Неподалеку под смывом с вала обнаружены две монеты Хувишки.

ПРОСТРАНСТВО, ОБВЕДЕННОЕ ВАЛОМ

Обведенное валом пространство лежало западнее Загородного комплекса и, безусловно, было с ним связано. Прямоугольник имел длину 1250 м и ширину около 1000 м. Насыпное ядро вала было прикрыто толстой глинобитной облицовкой. Конструкция должна была выглядеть как стена с наклонными гранями. Ширина вала в основании 10 м, высота вала не менее 4 м.

Для чего площадь в 125 га была отделена от окружающей равнины столь мощной оградой? Сразу возникает мысль, что здесь был царский парк — «парадиз». Однако внутри валов нет ни малейших следов посадок, ирригационной сети и других парковых планировок, которые на землях древнего орошения Хорезма хорошо просматриваются с воздуха. Гряды полей, в частности, хорошо видны на аэроснимках сразу же за пределами интересующего нас пространства. Значит, следует искать ему какие-то иные объяснения.

В Приаралье на площади некоторых курганных групп или рядом с одиночными большими курганами неоднократно были обнаружены обведенные валами прямоугольные участки. Размеры некоторых из них достигают 100×50 м. Древнейшие ограды близ курганов относятся к VII в. до н.э., наиболее поздние к IV в. до н.э.⁴⁰ Несомненно, все они связаны с погребальными обрядами и поминальными празднествами. Последние, как правило, включали в древности разного рода воинские состязания, в том числе и конные ристания.

Примечательно в этой связи, что длина конского забега, зафиксированная в Авесте (*ṣarətu = taṣaḡ = 2 haṭra*), согласно данным В.Б. Хеннинга, составляла 1200—

³⁹ Обрывки водоотводных или водопроводных систем многократно встречены при раскопках. Обычно они проходили у подножия платформ и состояли из глиняных труб длиной около 0,5 м, вставленных одна в другую узкими концами.

⁴⁰ *Рапорт Ю.А., Трудновская С.А.* Курганы на возвышенности Чаш-тепе // Чочевники на границах Хорезма (ТХЭ. Т. XI). М., 1979. С. 151—166.

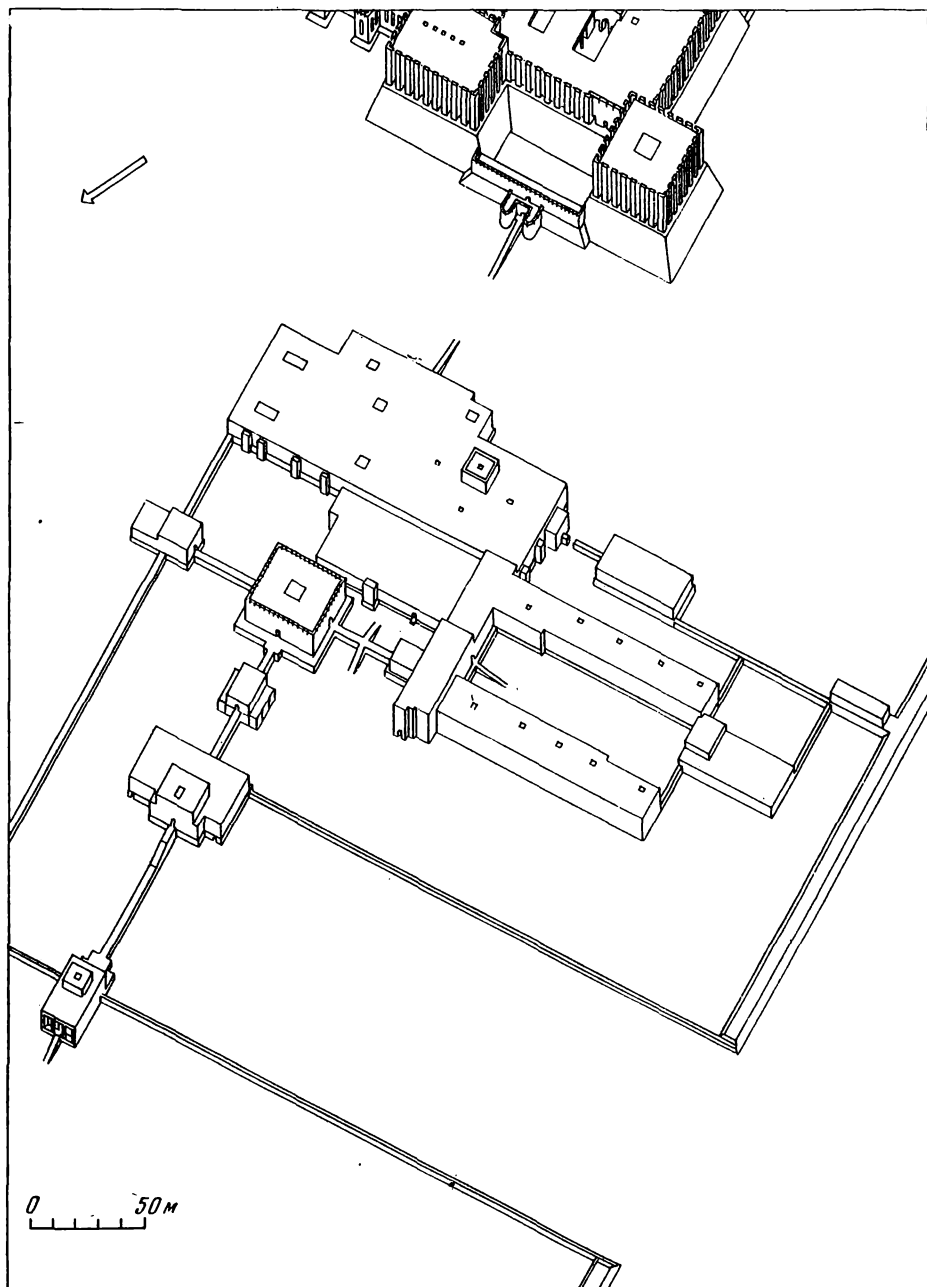

Рис. 11. Топрак-кала. Загородный комплекс. Вид с севера. Реконструкция М.С. Лапирова-Скобло и Ю.А. Рапопорта

1400 м⁴¹. Это очень близко длине топраккалинской ограды, как можно предположить, ристалища⁴². Значение конных состязаний в иранском эпосе и культовой практике очень велико. Напомним лишь о роковой роли ристания в судьбе Сиявуша, легендарного предка хорезмийских царей, или о том, что в Самарканде временным новогодним царем становился победитель в стрельбе с коня. Весьма вероятно, что громадная топраккалинская ограда создавалась в соответствии с древней, восходящей к сако-массагетским временам, традицией и служила местом ритуальных состязаний и других празднеств в присутствии множества людей.

Античные авторы (Herod. VIII. 59; Curt. III. 2, 2) сообщают о валах, ограждавших места пересчета персидского войска. Весьма вероятно, что и в Хорезме на укрепленном пространстве близ дворцов собиралось перед походом войско, периодически пересчитывалось ополчение⁴³. Несомненно, отражает реальную практику яркий рассказ о переписи воинов перед походом, который мы находим в Шахнаме⁴⁴. Думаю, два предположения о назначении ограды-ристалища не противоречат друг другу.

В заключение рассмотрим вопрос, почему в археологическом комплексе Топраккалы обнаружены синхронные друг другу Высокий дворец, вознесенный на огромную платформу, тщательно изолированный от внешнего мира, и почти открытые некогда дворцы Загородного комплекса (рис. 11). Проще всего предположить, что в спокойную пору царь предпочитал обитать в просторной резиденции, расположенной на цветущей равнине, и лишь в тревожные времена укрывался в Высоком дворце. Многие свидетельствуют, что последний был дворцом священным, дворцом-храмом прежде всего⁴⁵. Два документа, на которых было указано, кому адресованы поступившие на Топрак-калу продукты и предметы, подводят к мысли, что здесь было два царя, два владельца разных дворцовых комплексов. На обоих документах употреблено множественное число слова 'LN' — «бог» или «царь». Направление продуктов для служения «богам» вполне естественно. Несколько сложнее будет обстоять дело, если прочесть перевод 'LNY' — «царям». Могли ли владеть Топраккалой и всей страной два царя? К очень близкому выводу для другого времени и на совершенно иных основаниях пришел С.П. Толстов. Он предположил, что в Хорезме традиционно существовало разделение сакрально-правовой и военно-административной власти между двумя царями⁴⁶. А. Хокарт, которому принадлежит классическое исследование института двоецарствия, именовал подобных соправителей law-king и war-king⁴⁷. Местом затворничества «священного» царя мог быть Высокий дворец. Тесно связанный с делами земными другой, «военный» царь, возможно, владел Загородным комплексом со всеми его храмами и дворцами.

Разумеется, это лишь допустимое предположение, как и многое из того, что было сказано выше. Бесспорно одно — раскопки Загородного комплекса значительно обогатили наши знания о Топрак-кале — выдающемся памятнике истории и культуры древнего Хорезма.

⁴¹ Henning W.B. An astronomical chapter of the Bundahishn // Selected Papers. V. 2. Teheran—Liege, 1977. P. 102. Следует отметить также, что древнеиранское слово tašar означало одновременно и «жилой дворец», и «ристалище» (*Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch*. В., 1966. Col. 628, 629). Может быть, тесное соседство жилых дворцов с «оградой» на Топрак-кале служит археологическим объяснением такой двойственности термина.

⁴² В какой-то момент стометровый участок посредине восточного вала был скрыт. Однако след его прекрасно виден на снимках с воздуха. Торцы образовавшихся отрезков вала были прикрыты стенами, которые протянулись до храмов V и VI, т.е. на 250 м. Не была ли нарушена целостность восточного вала для того, чтобы удлинить, согласно каким-то новым веяниям, длину конского забега? Других сколько-нибудь разумных объяснений разрушению части вала я не нахожу.

⁴³ Напомню, что в Высоком дворце были найдены списки воинов, которых приводил тот или иной домовладыка. К некоторым именам в списках дана пометка — «впервые присутствующий» (*Лившиц В.А. Документы // Топрак-кала. Дворец*. С. 265—267).

⁴⁴ *Le Livre de Roix par Abou'l Kasim Firdousi*, publ. trad. et comm. par J. Mohle. T.II. P., 1842. P.571, 579.

⁴⁵ Топрак-кала. Дворец. С. 295 сл.

⁴⁶ Толстов С.П. Новогодний праздник Каландас у хорезмийских христиан в XI в. // СЭ. 1946. № 2. С. 99 сл.

⁴⁷ Hocart A.M. Kings and Councillors. Cairo, 1932. P. 158—174.

© 1993

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ С.А. ЖЕБЕЛЕВА

(Из неизданного научного наследия)

Предлагаемая вниманию читателей ВДИ неизданная работа С.А. Жебелева о книге немецкого антиковеда, профессора древней истории Кёльнского университета Иоганна Хазебрека «История хозяйства и общества у греков доперсидского времени» (1931) была написана, вероятно, в 1933 г. Она представляет собой детальнейший разбор исследования Хазебрека, являющегося своего рода продолжением предыдущей книги того же автора — «Государство и торговля в древней Греции» (1928).

1920-е — 1930-е годы в историографии античности знаменательны появлением новых тенденций, связанных с продолжением дискуссии о степени развития промышленности и торговли в древнем мире, начатой в конце XIX в. Карлом Бюхером и Эдуардом Мейером. Как реакция на «модернизирующее» направление появилась «примитивизирующая» концепция развития античной экономики и античной цивилизации в целом. Ошибки и тех, и других на примере книги И. Хазебрека умело выявляет и анализирует С.А. Жебелев. В этом, на наш взгляд, и состоит основное достоинство публикуемой работы С.А. Жебелева, так как позволяет современному читателю познакомиться из первых рук со взглядами значительной группы западноевропейских ученых того времени и оценкой этих взглядов виднейшим представителем русской науки об античности. В тексте С.А. Жебелева обращает на себя внимание отсутствие научного аппарата, так как перед нами не рецензия в строгом смысле слова, а обзорный доклад, подробнейший реферат книги И. Хазебрека, вероятно, прочитанный академиком своим коллегам по Государственной Академии истории материальной культуры.

Текст публикуется по автографу, хранящемуся в Рукописном архиве Института истории материальной культуры Российской АН*. Слова, восстанавливаемые по смыслу, заключены в квадратные скобки, сокращения дополнялись без скобок в случаях, не имеющих другого толкования.

И.В. Тункина, Э.Д. Фролов

О НОВОЙ КНИГЕ 'HASEBROEK'A

Вышедшая еще в 1931 г., мною вскоре же после появления выписанная в Библиотеку Академии наук, но полученная лишь месяца два тому назад, новая книга Хазебрека называется «Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit»¹ (Греческая экономическая и социальная история до времени персов, т.е. до Греко-персидских войн). Книга небольшая, всего 300 страниц с небольшим, но достаточно насыщенным содержанием. И в этом уже бесспорное ее достоинство.

В первых же строках предисловия Хазебрек указывает, однако, что его книга дает только «основу», Grundlegung. Прежде чем перейти к ознакомлению с содержанием

* РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 464. Л. 1—29. Автограф.

¹ *Hasebroek J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1931. 311 S.*

книги, я позволю себе остановиться на предисловии, так как в нем Хазебрек ясно и определенно устанавливает свою позицию в отношении трактуемого им сюжета. Я оставляю в стороне вопрос, говорит Хазебрек, можно ли в настоящее время дать больше, чем «основу», в особенности для социальной истории Греции доэллинистической эпохи. Ведь для уяснения правового положения раннегреческого общества не было до сих пор произведено никаких предварительных работ, высказаны только афористические предпосылки, большая часть вопросов не получила вовсе или получила лишь оспариваемые ответы. Но попытка дать «основу» с целью уяснить принципиальные вопросы требует современного исследования древней истории. Дело в том, что все больше и больше раздаются голоса, потрясающие в основе ту условную картину греческой экономики, которая может быть признана господствующей. Историко-экономическое рассмотрение античного мира с самого начала двигалось по руслу позитивизма второй половины прошлого века, который нашел своё самое мощное выражение в реакции против идеализации античности, а в более узкой области — в истории — также и материалистической ее трактовке. Вторая половина прошлого века, создавшая основы современной науки истории античного мира, давала сознательно или бессознательно такое изображение этого мира, которое она не могла представить в широких чертах. И вот, чтобы приблизиться к античному миру, наука и старалась, чем дальше, тем больше, дать в изображении этого мира по возможности отображение мира нам современного. Началось это с «Римской истории» Моммзена², оказавшего в этом случае сильное влияние на все последующее поколение историков, давших обширные труды по греческой истории — здесь имеются в виду, конечно, труды Белоха, Эд. Мейера и Пёльмана³. Своего зенита это направление достигло в труде последнего об античном социализме⁴, где «фантазия исследователя первого ранга нарисовала экономический и социальный строй доэллинистического Средиземноморья, причем модернизация этого строя достигла наивысшего предела: греческий мир с его фабрикантами и купцами, фабриками и торговыми домами, с национальным производством и торговлей в отдельных полисах, с капиталистической индустрией в V и IV вв., с широко развитой торговлей как носительницей широко разветвленного товарообмена, с меркантилистической колониационной эпохой VII и VI вв.». В результате всего этого у Пёльмана получился социализм, в духе социализма современного, возникающий как реакция против капитализма, приводящий к возникновению пролетариата и к переходу от демократии политической к демократии социалистической.

В трудах более близкого к нам времени такой же крайней модернизацией отмечены, в особенности, книга Юра о происхождении тирании и книга Brentano об экономической жизни античного мира⁵. Само собою разумеется, точка зрения Пёльмана не оставалась без возражений, сводку которых дает Salin в статье, напечатанной в «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft» (89, 353 ff.)⁶. В этих возражениях указывалось, что модернизация Пёльманом античного мира является как бы *restitutio in integrum*, причем Пёльман не дает себе труда дать надлежащее объяснение своей точке зрения, не желает считаться с своеобразием форм античной жизни, стоит, в сущности, на доктринерской позиции, присущей также и другим исследователям, склонным к модернизации античности. Для всего этого направления, говорит Хазебрек,

² См.: *Mommsen Th. Römische Geschichte*. В., 1854—1885. Bd 1—3, 5. Рус. перевод: *Моммзен Т. История Рима* / Пер. с нем. под ред. Ф.В. Кипарисова и Н.А. Машкина. Т. 1—3, 5. М., 1936—1941, 1949.

³ Речь идет о представителях модернизаторского направления в немецкой историографии античности — Карле Юлиусе Белохе (1854—1929), Эдуарде Мейере (1855—1930) и Роберте Пёльмане (1852—1914).

⁴ Имеется в виду монография: *Pohlmann R. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt*. 3. Aufl. München, 1925. Bd. 1—2. Рус. перевод: *Пёльман Р. История античного коммунизма и социализма*. СПб., 1910.

⁵ См.: *Ure P.N. The Origin of Tyranny*. Camb. 1922; *Brentano L. Das Wirtschaftsleben der antiken Welt*. Jena, 1929.

⁶ См.: *Salin E. Staat und Handel in Hellas in archaischer und klassischer Zeit // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. 1930. Bd. 89. Ht. 2. S. 353—361. Значительная часть статьи немецкого историка и философа Эдгара Залина посвящена анализу взглядов Хазебрека, высказанных им в книге «Государство и торговля в Древней Греции» (1928).

характерно и то, что с инакомыслящими или мыслившими оно совершенно не желало считаться: «Griechische Kulturgeschichte» Буркхардта им просто отвергается (и Виламовиц высказался об этой книге в том смысле, что для историка она не существует), указание Бюхера⁷ о том, что модернистическая картина античной экономики несостоятельна, оспаривается. Последняя по времени трактовка вопроса о социальном и экономическом строе античности, принадлежащая Максу Веберу (имеется в виду его отдел в книге «Wirtschaft und Gesellschaft» в «Grundriss der Sozialökonomik», 2 издание — 1925)⁸ ни Пёльманом, ни Белохом, ни Эд. Мейером не могла быть использована, а между тем эта трактовка, по словам Хазебрека, является, быть может, самой значительной, что вообще по этой части было сказано. (Замечу теперь же, что сам Хазебрек всего более и стоит под влиянием Вебера, так что его правильнее было бы назвать не бюхерианцем, как его иногда называют, а веберянцем).

Новая книга Хазебрека, как он сам заявляет, примыкает к его книге «Staat und Handel im alten Griechenland»⁹. В ней уже Хазебрек попытался наметить основные линии экономической истории доэллинистической Греции. Некоторые из критиков Хазебрека упрекали его в том, что он в некоторых своих утверждениях обобщает состояние империалистических Афин V в., и переносит это состояние ошибочно на всю доэллинистическую экономику, в особенности на ее архаический период. В своей новой книге Хазебрек как раз и разбирает этот период, причем его главная цель — показать, что эллинское общество архаического периода не выдерживает никакого сравнения с городским строем Средневековья и ранней стадии Нового времени. Греческое общество VIII в., по укоренившемуся теперь в науке представлению, стоит на пороге превращения в такое общество, основами которого являются промышленность и торговля; оно близко к превращению в торговую плутократию, в нем возникает промышленно-коммерческое среднее сословие, начинается процесс демократизации. Хазебрек совершенно отрицает такую точку зрения. Он старается доказать в своей новой книге, что греческое общество в архаическую эпоху, по своей сущности, представляет собой скорее военное сословие; его материальная база покоится на земледельческой основе; верхние слои этого общества передают промышленно-коммерческое производство исключительно политически деградированному общественному слою. При таком взгляде на вещи, замечает Хазебрек, и Спарта выступает из своего изолированного положения. Вообще, говорит Хазебрек, изолированное рассмотрение гомеровской, аттической и спартанской экономики должно было повести к созданию удивительно сложной картины развития греческой жизни в архаическую эпоху. Это отразилось на трактовке греческой жизни также и в последующее время, в V и IV вв., когда решающие основы ее были, в сущности, те же, что и в архаическое время. Поэтому и та государственная утопия, о которой говорят в отношении IV в., является менее утопичной. Нужно помнить, что в античном мире, в противоположность к миру современному, понятие гражданства, гражданского права не тождественно с понятием индивидуальной свободы; что в античном мире существовала большая пропасть между понятием человека, обладающего полнотой гражданских прав, и так сказать полугражданством, лично свободным, но в своих политических правах стоявшем в числе *inferiores*. А между тем все античное общество покоится на этом полугражданстве и на рабстве. Пропасть, отделявшая полноправное гражданство от полугражданства и рабства, и объясняет все то значение, какое имело в древности получение гражданских прав в полном их объеме.

⁷ Буркхардт Якоб (1818—1897), швейцарский историк культуры, представитель культурно-исторического направления в историографии античности. Речь идет о книге: *Burckhardt J. Griechische Kulturgeschichte*. 3. Aufl. Berlin — Stuttgart, 1898—1902. Bd. 1—4. Виламовиц-Мёллендорф Ульрих фон (1848—1931), немецкий филолог и историк античной культуры; Бюхер Карл (1847—1930), немецкий экономист, представитель так называемой новой исторической школы в политэкономии.

⁸ Вебер Макс (1864—1920), немецкий социолог, историк, философ, экономист и политик, виднейший представитель неокантианства в области методологии общественных наук. См.: *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft*. 2. Aufl. // *Grundriss der Sozialökonomik*. 3. Abteilung. Tübingen, 1925. Hlbd 1—2.

⁹ Речь идет о книге: *Hasebroek J. Staat und Handel im alten Griechenland: Untersuchungen zur antiken Wirtschaftsgeschichte*. Tübingen, 1928. 208 S.

Дошедшее до нас предание неполно, отрывочно, случайно и часто противоречиво. Каждый старается извлечь из него то, что по его мнению служит подтверждением составленного им на античность взгляда. В этом отношении, кажется, ученое поколение первой половины прошлого века, несмотря на всю предвзятость его идеалистических тенденций, в некоторых отношениях смотрело на античность правильнее, чем это делало более позднее поколение, так как первое было в состоянии легче понимать античного человека в его цельности. В наше время мы (имеется в виду сам Хазебрек и те, кто стоит на более или менее одинаковой с ним позиции), конечно, стремимся отнестись к античности по новому и, опираясь на одни и те же источники, приходим к совершенно различному её пониманию. Положение — почти трагическое, но, заявляет Хазебрек, кто подходит к этим источникам без предвзятых предпосылок, должен будет придти к тому выводу, что эти источники не в состоянии никоим образом оправдать модернизирующего направления при трактовании истории античного мира. В какой сильной степени переоценивали эти источники, старались вычитать в них то, чего в них нет, это показал на ряде убедительных примеров Бюхер в своих «Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte» (1922)¹⁰. И еще об одном Хазебрек предупреждает: состояние наших источников, особенно для архаического периода Греции, таково, что придти к вполне точному и определенному решению тех или иных вопросов положительно нет возможности. Поэтому и сам Хазебрек не смотрит на предлагаемое им решение тех или иных вопросов, как на нечто окончательное и неизбывное; он предвидит неизбежность «дискуссии».

Таковы основные мысли, изложенные Хазебреком в предисловии к его книге. Сама она построена и компонована с достаточной наглядностью. Книга состоит из трех основных отделов. Первый носит заголовок «Родовое общество», т.е. эпоха господства родовой знати. В этом отделе последовательно рассматривается «Гомеровское хозяйство и общество», «Беотия», «Атика», «Спарта» и в заключение дается подробная «Общая картина» знати родового общества. Наличие последнего отдела, сводящего в одно целое то, что давалось раньше, объясняется не только материалом, доставляемым источниками, но также и стремлением трактовать этот подраздел как одно замкнутое в себе целое, так как оно, это целое, имеет важное значение для уяснения последующей стадии архаической эпохи. Второй отдел озаглавлен «Возникновение аристократического общества и полиса в политическо-социальном смысле»; в этом отделе два подраздела: 1) Выступление крестьян и полис гоплитов; 2) Выступление безземельных и демократический город. Третий отдел озаглавлен «Хозяйство и общество в VI в.», в нем подразделы: 1) общество; 2) хозяйство (помимо Спарты и Крита, которые выделены в особый подраздел).

Я уже сказал, что книга Хазебрека — содержательная книга и построена на привлечении большого материала, доставляемого источниками, которые автором проработаны вполне самостоятельно. Он не ставит себе задачу указывать [их] в тексте или в подстрочных примечаниях обязательно все, но главное, содержащееся в источниках, Хазебрек обязательно указывает, так что всякое из основных его положений всегда можно проконтролировать. Фактов, доставляемых источниками, приводится много, и эта фактичность изложения в книге Хазебрека значительно осложняет задачу референта, если он не хочет злоупотреблять вниманием, которое всегда рассчитано на определенную порцию времени, по истечении которого внимание неудержимо притупляется. В своих ссылках на новую литературу Хазебрек ограничивается теми работами, которые он считал, в том или ином отношении, для себя важными, отсылая за подробной библиографией к «Griechische Staatskunde» Бузольта¹¹, где она приведена в большой полноте. В противоположность к своей предыдущей книге, где археологическому материалу было уделено более чем скромное место, в новой книге Хазебрек постоянно с ним считается, но берет его, так сказать, оптом, а не в розницу, и берет в общих чертах. Вообще чувствуется, что в области археологии Хазебрек не чувствует себя вполне дома, а вынужден брать то, что он находил в общих пособиях, а не в специальных исследованиях. Вообще, не в укор Хазебреку будет это сказано, археологического материала он не проработал, да

¹⁰ Точнее: *Bücher K. Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte*. [Tübingen], 1922.

¹¹ См.: *Busolt G. Griechische Staatskunde*. 3. Aufl. // *Handbuch der Altertumswissenschaft*. Hrsg. von I. von Mueller. München, 1920—1926. Ht. 1—2.

и не мог проработать так тщательно, как это сделано им в отношении источников литературных. Эпиграфического материала для разбираемой в книге темы, как известно, слишком мало, но все существенное для целей автора из этого материала взято и утилизировано.

Перехожу теперь к ознакомлению, конечно общему, а не детальному, с самой книгой. После короткого вступления, где Хазебрек говорит о возникновении греческого общества и где он указывает как на исходный пункт всякой частной собственности, и для древнейшего греческого общества прежде всего, на скотоводство. Земельная собственность могла возникнуть в полной мере лишь в стадии завоевания, после которого состоялся переход к оседлому образу жизни. Существование первоначальной коммунистической собственности, как показали работы Oertel¹² и др., для греческого мира доказано быть не может. И для древнейшей стадии развития греческого общества можно допускать существование трех отдельных классов: знать, свободные и рабы; посредствующее место между свободными и рабами занимают обедневшие, попавшие в зависимое положение сородичи. В эту древнейшую эпоху, когда греки осели прочно на занимаемых ими местах в историческое время, обратиться к морю натолкнули греков не торговые цели, но грабительские походы, поскольку они стояли в соответствии с «военным настроением» всего народа и его высшего слоя. Внутри Балканского полуострова создалось то, что мы называем греческим (*das Griechentum*), лишь в самой Элладе переселившиеся предки греков стали эллинами. Сколько времени заняло это переселение, мы не знаем, и можно сказать лишь одно, что во время этого переселения и в первоначальную эпоху оседлости происходил переход от неолита к бронзе. Этими краткими замечаниями ограничивается Хазебрек, давая характеристику, так сказать, доисторического периода Греции и затем переходя к так называемой гомеровской эпохе.

А критско-микенская, эгейская, элладическая культуры, спросите вы? Хазебрек их совершенно не касается и своего молчания не объясняет. На мой взгляд, оставляя в стороне догомеровскую эпоху, Хазебрек поступает рационально. И вот почему. За последние десятилетия материал для этой культуры вырос чрезвычайно; можно сказать, эта культура стоит в центре внимания всего ученого мира. Но насколько прочные и точные выводы можно было бы сделать для всей этой эпохи, охватываемой этой культурой, по тем основным вопросам, которым посвящена книга Хазебрека — это еще сказать нельзя. Изучение этой культуры открывает широкое поле для предположений, переходящих иногда в фантазии, но более или менее прочно установленных фактов все еще нет, или их очень мало. При рассмотрении гомеровского социально-экономического быта предстояло прежде всего определить свою позицию в отношении нашего главного и единственного источника, на основании которого характеристика эта может быть построена. Свою точку зрения на гомеровский эпос Хазебрек формулирует примерно так. Гомеровский эпос, конечно, не может быть использован без известных оговорок, для уяснения экономических и социальных отношений той эпохи, которую гомеровский эпос воспроизводит. «Илиада» и «Одиссея» не представляют собою того, что можно было бы назвать монолитной концепцией. То, что было зафиксировано в письменной форме для обеих поэм на повороте от VIII к VII в., покоится на предшествующей устной традиции, сохранившей часто, наряду с остатками давно уже исчезнувшей поэзии, последнее воспоминание о далеком предшествующем времени, так что в поэмах переплетаются более старые и более молодые слои. Но и после того, как поэмы были письменно зафиксированы, в VII и в VI вв., над ними продолжалась работа. И в географическом отношении об единстве в поэмах не может быть речи. Правда, в их окончательной форме «Илиада» и «Одиссея» созданы в Малой Азии, их первая родина — при дворах царей Ионии, и поэтому они обрисовывают прежде всего природу средней береговой полосы Малой Азии, и их сведения о Западе не велики; но сама греческая сага дана в них в той форме, в которой ее принесли с собою греки, переселившиеся из материковой Греции в Малую Азию; и боги Клиаф и Одисоей, вместе с их героями, обитали не в Малой Азии, а в материковой Греции (NB. Тут

¹² См., например: *Guiraud P. La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine.* P., 1893.

должна быть сделана оговорка: не все боги — это с достаточной убедительностью показал Нильсон и вслед за ним Виламовиц в своей «*Glaube der Hellenen*»¹³, которой Хазебрек не мог еще воспользоваться). Таким образом часто нельзя сказать, имеет ли значение то или иное экономическое и социальное явление исключительно только для Востока, а не для Запада, или что оно — это, впрочем, встречается редко — имеет значение только для Запада. И, наконец, и в гомеровском эпосе, как и при всяком поэтическом произведении, пред нами вопрос: поскольку эпос дает историческую действительность и поскольку он дает поэтическую фантазию; поскольку в нем играет свою роль известная стилизация, сказочность. Однако, учитывая все это нельзя отрицать, что авторы поэм и их рапсоды, при все еще живых воспоминаниях, в отдельных случаях о мифическом прошлом, при всякого рода поэтических прикрасах, в основе могли рассказывать об этом прошлом, лишь исходя из представлений своей собственной эпохи и среды. Поэтому нужно думать, что и «*Одиссея*», возникшая в конце VIII и в VII в., и «*Илиада*», предшествующая ей, отражают реальную действительность VIII и первой половины VII в. Нужно только отрешиться при этом от тех ложных представлений, при которых рисуются VIII и VII вв. как века с высокоразвитой промышленностью и торговлей. Гомеровские поэмы, возникшие при дворах ионийской знати, воспроизводят пред нами только картину аристократического общества, интересы которого и стоят поэтому пред поэтом на первом плане. Поэтому все те, кто не касается знати, упоминаются поэтом как менее заслуживающие или даже незаслуживающие упоминания. С тою постановкою вопроса об использовании гомеровских поэм, как исторического источника, какую дает Хазебрек, согласиться в общих чертах можно. Важно, во всяком случае, подчеркнуть, что Хазебрек, будучи историком, считает не только не излишним, но даже необходимым быть *au courant* и по вопросам строго филологическим.

С большою тщательностью Хазебрек собрал и разобрал все данные, имеющиеся в гомеровском эпосе для характеристики социально-экономического уклада так называемой гомеровской эпохи. Опуская подробности, перечисление которых завлекло бы меня очень далеко, я могу сообщить только основные черты картины, восстанавливаемой Хазебреком и подкрепляемые им постоянными и многочисленными ссылками на «*Илиаду*» и «*Одиссею*». В политическом отношении гомеровское государство представляло собою «военное государство», *Heerkönigtum*, по образцу древнегерманского государства — тут Хазебрек притыкает к Нильсону — могучее только во время войны, но менее могучее во время мира. Гомеровский быт — земледельческий быт, и потому имущественные отношения гомеровской знати основываются в первой линии на земледелии и скотоводстве. В земледельческой культуре нужно различать две категории: с одной стороны, культуры хлебных злаков, пшеницы и ячменя, с другой стороны — виноделие, маслоделие и огородничество. Наряду с земледелием важное место занимает садоводство. В больших размерах практикуется скотоводство и связанное с ним пастбищное хозяйство. Остальное движимое имущество знати состоит из благородных металлов и художественных предметов. Имуществом знати являются также и рабы, *δμῶες*, в особенности рабы женского пола, которые служат не только наложницами, но и пригодны как техническая рабочая сила и как прислуга. Рабы-мужчины упоминаются в эпосе в тех случаях, когда та или иная работа не приспособлена к физическим силам женщины; в особенности это относится к полевым работам, но и только исключительно на пастбищах и в садоводстве, никогда не в земледелии, которое у Гомера обслуживается исключительно наемными рабочими. Все это приводит к заключению, что рабство в гомеровскую эпоху имело только умеренные размеры. «Раба приобретает и содержит эта эпоха, не знающая еще развитого ремесленного труда, постольку, поскольку в рабе является непосредственная необходимость, т.е. постольку он более производит, чем сколько стоит его пропитание». Обращение с рабами гуманное; возможно даже предполагать случаи отпущения рабов на волю, хотя самое понятие такого отпущения в гомеровских поэмах не зафиксировано. В общем, гомеровское хозяйство — замкнутое в себе оikosное хозяйство, самоудов-

¹³ См.: *Nilson M.P. A History of Greek Religion. Oxf., 1925; Wilamowitz-Möllendorf U. von. Der Glaube der Hellenen. Bd 1—2. B., 1931—1933.*

летворяющее все свои нормальные потребности и ничего не производящее сверх того, что потребно для него самого. Наряду с землевладением источником благосостояния гомеровской знати [были] и целые города и местности, которые, после их завоевания, подлежат разделу между выдающимися знатными, причем львиная доля тут выпадает царю. Но гомеровская знать не представляет собой мирных крупных крестьян (*Grossbauer*) и обладателей стад. Они не пользуются своими земельными угодьями, своими стадами для того, чтобы извлекать из всего этого какие-либо барыши. Содержание их жизни наполнено либо войною, которая в это время является неприкрытым разбоем, либо досугом (охота, пиры, военный спорт, музыка, ремесло для препровождения времени). И рабами их являются в первую очередь военнопленные, а не покупные рабы. Знать и ее цари владеют и кораблями, но эти корабли служат у них не для торговли, а для пиратских целей.

Знати противостоит отделенная от нее глубокой пропастью масса свободного населения, народ, *ῥῆμος λαοί*, не обладающий каким-либо политическим значением. При таком их положении трудно было бы ожидать от эпоса каких-либо точных сведений об их социальном быте. Лишь намеки имеются в эпосе о сословии свободных крестьян и пастухов, обладавших, вероятно, небольшой земельной собственностью, или только стадом, имевших лишь самое простое военное снаряжение. Существовали ли наряду с мелкими крестьянами арендаторы, решить нельзя.

Более сведений имеется о самом низком слое свободных, о фетах (реже *ἔριφος*). Это, как правильно объяснял схолиаст к «Одиссее» (IV, 644), «хотя и свободные, но служащие за плату, *μισθός*». Богатый человек имеет для себя, для работ не только рабов, но и фетов, которые являются, однако, не крепостными, а лишь обедневшими крестьянами. О крепостных отношениях у Гомера нет никаких следов — так судили и до Хазебрека большинство ученых. И лишь Пёльман в «*Altertum und Gegenwart*»¹⁴ говорит о гомеровском крепостничестве. К свободному же населению, наряду с фетами и мелкими крестьянами, принадлежат также свободные ремесленники. Происхождение всякого ремесла должно искать в ремесленной работе для собственных потребностей внутри замкнутого домашнего хозяйства, при этом как древнейший вид специализации ремесла является строгое разделение работ между мужчиной и женщиной (*Max Weber*). Гомеровский быт знает только женское ремесло — всякого рода исключительные работы, исполняемые для потребностей хозяйства, в котором эти работы происходят. Но у Гомера упоминаются и другого рода ремесленные работы, исполняемые для домашних нужд, — это плотничьи работы (пример — Одиссей — мастер, что называется, на все руки). Если ремесленная работа становится производством с целью получить от нее выгоду, только тогда можно говорить о ремесле как таковом. Ремеслу нужно учиться, в нем нужно специализироваться. Но тот, кто должен был получать выгоду от такого рода работы, был или лицом, ничем не владеющим, или калекой, или иноземцем, во всяком случае, одним из *infēgiōes*, хоть бы он даже лично и был свободен. Прорицателя, врача, певца, плотника, всех этих демиургов — всех их зовут из чужих краев. При этом всякое ремесло, требующее большой выучки, признается первоначально стоящим под воздействием магии. Это в особенности приложимо к профессии кузнецов и врачей, которые поэтому уже у Гомера имеют каждый своего покровителя — бога. Но помимо этих ремесленников у Гомера упоминается еще целый ряд других. Но их землевладелец приглашает на службу, подобно тому, как он нанимает фетов. Таким образом, работа ремесленников в каждом отдельном хозяйстве является «странствующей работой», *Wanderarbeit*. Знает ли гомеровское хозяйство такую ремесленную работу, которая продается потребителями, — на этот вопрос эпос точного ответа не дает, но большая часть могущих быть привлеченными для ответа указаний дает скорее ответ отрицательный. Если все перечисляемые в эпосе ремесленники и называются демиургами, т.е. исполняющими свою работу для *ῥῆμος*'а, то это еще не доказывает, что они были ремесленниками в нашем смысле, ибо их работа может быть названа работой для *ῥῆμος*'а, общественною работою, поскольку она производится в различных хозяйствах одновременно или последовательно, т.е. переходя из одного хозяйства в другое. Поэтому о ремесленном сословии, как

¹⁴ Точнее: *Pöhlmann R. Aus Altertum und Gegenwart. München, 1895.*

таковом, говорить не приходится для гомеровского быта. Гомеровские демиурги не только не имеют земельной собственности, но они не принадлежат даже и к собранию мужей, ἄγορά, не принимают никакого участия в государственной жизни, не принадлежат к филам и фратриям. Уже раньше Finsler, Guiraud, Glotz, Nillson указывали на существование у Гомера «странствующего пролетариата», *vagabundierendes Proletariat*. Эти люди называются у Гомера *μεταβάται*. Хазебрек, по-моему, неправильно переводит этот термин, «*Mitwohner*», но он прав, когда в *μεταβάται* усматривает самые ранние следы греческих метеков, которые также были лично свободны, но участия в государственной жизни не принимали, земельной собственности не имели и, в противоположность полноправным гражданам, были именно представители ремесленного сословия.

Подобно ремеслу и торговля, в соответствии с замкнутым характером домашнего хозяйства, играет у Гомера незначительную роль. Все нормальные жизненные потребности удовлетворяет это хозяйство; все, что выходит за пределы этих потребностей, также излишний скот и рабов, доставляет либо войны (т.е. разбой по терминологии Хазебрека), либо получается в результате дарения — последнее, как показывают многочисленные примеры, было очень распространено. Замечательно, что в гомеровском языке отсутствуют даже термины, служащие для обозначения купца (*ἔμπορος* — тот, кто совершает плавание (*πλοῦς*) по морю в качестве пассажира на корабле судовладельца), нет и термина для обозначения рынка в экономическом смысле (*ἀγορά* — исключительно место для собраний). Нет и следа сооружения искусственных гаваней. Морские путешествия Менелая, Одиссея, Ментеса — не торговые, а корсарские путешествия. Всякая торговля в своих начальных стадиях — явление интерлокальное и происходит не между лицами, принадлежащими к одному и тому же племени, но обращается только к тем, кто к этому племени не принадлежит (M. Weber). В поздних слоях эпоса, в Одиссее, морская торговля, торговые поездки — обычное явление, но торговцем тут выступает финикийнин. Гомеровская же знать так мало была заинтересована в торговле, что она даже излишки своей сельскохозяйственной продукции не посылает на рынок. В деньгах такая хозяйственная жизнь, какая рисуется у Гомера, с ее слабо развитым обменом, не нуждалась: благородный металл хранился в сокровищницах. Обменной единицей, как еще в эпоху кочевнической жизни, служит преимущественно скот (числом голов скота определяется стоимость покупаемой и продаваемой вещи). Металл (золото, медь; железо) как меновая ценность, по-видимому также получил права гражданства, хотя детали тут и не поддаются точному определению, в особенности значение гомеровского золотого таланта.

Я счел важным изложить, как представляет себе Хазебрек гомеровскую эпоху потому, что она, как видно будет дальше, является для него отправным пунктом для выяснения общественно-хозяйственных отношений в последующие эпохи, вплоть до V в. Лишь в V в., с эпохой империализма, можно установить не совсем все же то, что до V в. представляет собою дальнейшее и органическое развитие гомеровских социально-экономических отношений.

В противоположность Гомеру, Гесиод (начало VII в.) говорит не о знати, а о бедных крестьянах и пастухах, своих сословных товарищах. И если у Гомера центр тяжести — малоазийский мир, то у Гесиода взоры обращены только на Беотию. Ее государственный строй сходен с гомеровским: ряд самостоятельных царств, независимых от верховного царя. И в хозяйственном отношении тот же параллелизм: зерновые злаки, с одной стороны, древесная культура — с другой. И у Гесиода важная роль, в смысле предмета владения, отведена скотоводству, рабской силе (*δμῆες*), и там, где встречается раб, он не слуга в доме, а сельский работник. С одной стороны — мелкое крестьянство, с другой — знать «рыцарского характера», обладающая конем. И гесиодовская знать, так же, как и гомеровская, владеет кораблями. Пропась между знатью и простым народом подчеркивается Гесиодом очень решительно, и то, что у Гомера можно только предполагать, то выступает явственно у Гесиода: это экономическая зависимость крестьянина от знатного — первый в большом долгу у второго. Однако о крепостничестве и Гесиод ничего не сообщает. По указаниям Гесиода мы должны принять, что беотийская знать вела свое хозяйство, так сказать, для собственных нужд. И у Гесиода, также как и у Гомера, феты, «странствующий

пролетариат из числа иноземцев», ξείνοι к составу которого принадлежат и демиурги: кузнец, горшечник, плотник, певец. И в гесиодовском хозяйстве ремесленная деятельность не идет дальше удовлетворения потребностей хозяйства. И у Гесиода живут в городах, но он называет, в отличие от Гомера, в одном месте, правда признаваемом многими за интерполяцию, и деревню, κωμη. В одном пункте Гесиод резко отличается от Гомера: у него впервые встречается упоминание о производстве и для рынка, и притом для рынка иноземного, но производится эта «наутилия» и «эмпория» только с тою целью, чтобы «избежать задолженности и голода». Таким образом, это торговля только земледельческими продуктами, это «сезонная торговля», а не профессиональная торговля. И конечно, гесиодовские богачи в этой «сезонной торговле» совсем не заинтересованы. Гесиодовская знать, как и гомеровская, богатеет либо от «дарений», либо от войны —разбоя.

И для Беотии начала VII в., также как и для гомеровского мира, дать ясную картину социально-экономических отношений было не трудно. Мы имеем дело с одним источником, может быть также не свободном от более поздних наслоений, и что еще хуже и, несомненно, подвергшимся в некотором случае интерполяции. Но зато при сравнении Гомера и Гесиода приходится учитывать одно обстоятельство, к удивлению, не интересующее Хазебрека. Поэма Гесиода — плод индивидуального, а не коллективного творчества, как Илиада или Одиссея. И с тем, что «Работы и дни» сочинены одним Гесиодом, конечно, считается следует, в особенности, если принять во внимание, что Гесиод хотел не только живописать, но и поучать тому, как надо жить. Я не склонен был бы считать поэму Гесиода тенденциозным произведением за что бы то ни стало, но несколько морализирующую тенденцию ее, при пользовании ею как историческим источником, все же иметь в виду не мешает.

По соседству с Беотией Аттика. Тут для древнейшей истории ее у нас нет ни Гомера, ни Гесиода. Вместо монолита — ряд разрозненных камней и камешков, и по ним не так-то легко и просто воссоздать ясную картину. И зияющие в нашем предании лакуны приходится восполнять более или менее вероятными предположениями.

Так уже для самого начала древнейшей истории Аттики приходится предполагать, что переселенцы в Аттику в первой стадии своей оседлости стояли под началом верховного царя и четырех племенных князей (сравни более поздних 4-х φιλοβασιλείς); постепенно, по мере оседания все знатные, наряду с этими князьями, стали самостоятельными. Во всяком случае воспоминание о расчленении Аттики в течение долгого времени оставалось в силе (Фукидид, II, 15). Позднее, может быть в IX или в VIII в., возвысились Афины, что предание связывало с именем Тесея. Этот Тесеев синойкизм представлял собою только политическое объединение отдельных πόλεις Аттики со средоточием в Афанах, причем эти πόλεις снизились теперь на положение κωμας, общин без самостоятельной политической жизни. При этом аттическая знать все более и более концентрировалась в Афинах. Отличие порядков, сложившихся в Аттике, состоит в том, что в противоположность гомеровскому и беотийскому быту, где в городах жила и знать, и народ, в Аттике в πόλις'е жила только знать, а народ же, по крайней мере в своей большей массе, жил по аттическим κωμας. В экономическом отношении в Аттике та же картина, что у Гомера и Гесиода. Крупные земельные собственники живут в поселении городского типа, а их земельные угодья, которые они сами обрабатывают или сдают под обработку, расположены в большем или меньшем расстоянии от городского поселения. Царская власть постепенно падает, и хотя списки ежегодных «архонтов» наша традиция приурочивает к 683/682 г., но переход от монархического к республиканскому строю начался вероятно раньше, может быть еще в VIII в., причем предание о пожизненном архонте, а затем о десятилетних архонтах представляет собою, по мнению Хазебрека, «схематическую конструкцию». В ареопаге и в ежегодно сменявшейся трехчленной коллегии архонтов (фесмофеты учреждены позднее) сосредоточивается сила и влияние знатнейших, солидарных между собою аттических родов, обладавших независимой властью и наибольшими земельными угодьями; они же являются обладателями стад. Сверх того, как у гомеровской, так и у аттической знати большую роль играет обладание конем. Вообще же гомеровское ойкосное хозяйство должно было долго господствовать в Аттике. Можно предположить, что как гесиодовский, так и аттический мелкий

крестьянин избыток своей земледельческой продукции выносил и на рынок, а также при обстоятельствах, и за пределы Аттики, так как запрещение вывозить из Аттики земледельческие продукты, за исключением масла, восходит лишь к Солону.

Аттическую традицию о делении населения Аттики на три сословия — евпатридов, агроиков и демиургов — Хезебрек считает лишь гипотезой, возникшей в значительно более позднее время. Ибо откуда, задает он вопрос, могли проистекать столь точные сведения о древнейшей Аттике? Но свидетельство это восходит к Аристотелю, пользовавшемуся Аттидами, и позволительно спросить Хезебрека, неужели он знает древнейшую аттическую историю лучше, чем знала ее древность. Между тем по Хезебреку выходит так, что евпатриды появились потому, что они так именуются в трагедии; что остальное население должно было представлять крестьянство, ясно само по себе (так появились агройки), а демиургов же нашли у Гомера. Согласитесь, что так объяснять возникновение традиции было бы делом совсем простым, но едва ли правильным. Но Хезебреку важно доказать, что демиургов нельзя понимать как ремесленников в нашем смысле, а только как низший, безземельный, пролетарский слой вообще, к которому принадлежат также и сельские поденщики. Это следует из того, что по свидетельству Плутарха (в «Тесее»), преимущество второй группы состояло в их лучшем пропитании, а преимущество третьей группы только в их массе. С другой стороны, по свидетельству «Anecdota» Беккера¹⁵ демиурги назывались также эпигеоморами. Этот термин Хезебрек толкует как «находящиеся при геоморах, земельных собственниках» (аналогия $\epsilon\lambda\iota\kappa\lambda\eta\rho\varsigma$, но следовало бы прежде всего подвергнуть анализу самый термин «геомор»). При отсутствии надежной традиции о разделении и положении населения Аттики, исключая его верхний слой — знати, лучше всего исходить, по Хезебреку, из гомеровско-гесиодовского быта и из отношений, сложившихся в Аттике во вторую половину VII в. Ко времени Солона аттическое крестьянство настолько упало, что оно в конце концов вообще утратило свою свободу, так как возобладали крупные собственники из среды знати, закабалившей постепенно мелкое крестьянство. Что касается гектаморов, то Хезебрек, в согласии с некоторыми исследователями, видит в них крепостных, плавивших землевладельцу 1/6 часть урожая. Наряду с крестьянами были еще феты и ремесленники. Последние, как и гомеровские демиурги, были большей частью странствующими ремесленниками. Никакого организованного ремесленного сословия в древнейшей Аттике не было. Точно также нельзя говорить и о существовании в эту пору аттической заморской торговли. Вывоз глиняной посуды начинается только с VI в., а импортом предметов роскоши Аттика обязана все тем же финикийским купцам. Непричастна до VI в. Аттика и к колонизационному движению. Очевидно, тогда почва Аттики еще могла прокармливать свое население, хотя нижние слои его, вероятно, питались скудно. Что никакого «среднего сословия» в Аттике тогда не было, равно как не было «фабрикантов», «торговой и промышленной аристократии», об этом и говорить не приходится. Еще солоновское государство в начале VI в. было государством чисто земледельческим. О делении аттического гражданства на филы, фратрии и роды ничего нового Хезебрек не говорит. Отмечу лишь, что существование навкратов и навкрайей при господстве аттической родовой знати Хезебрек а limine отвергает.

От Аттики Хезебрек обращается к Спарте. Здесь он имел хорошую сводку и обсуждение материала в сравнительно недавно вышедшей книге Kahrstedt¹⁶, с которым, впрочем, далеко не во всем соглашается. Спарта — город, как сосредоточение знати (Hegtesits) возникла, вероятно, в результате синоикизма сельских общин, может быть, не ранее VIII в. Сначала во главе ее стояли цари как предводители вторгнувшихся в Спарту племен, но постепенно, по мере того, как население ее приобрело оседлый характер, спартанские цари утрачивают свою силу и превращаются просто в должностных лиц. Строго говоря, Спарта — республика. Эфоры достигли политического влияния значительно труднее; первоначально они были эпонимными культовыми должностными лицами. Происхождение царского

¹⁵ См.: Bekker I. Anecdota graeca. T. 1—3. B., 1814—1821.

¹⁶ Речь идет о книге: Kahrstedt U. Griechisches Staatrecht. Bd I. Sparta und seine Symmachie. Mit vier Exkursen über der kretischen Staat, das korinthische kolonialreich, das Wesen des archaischen Staates, die Amphiktyonie von Delphoi. Göttingen: Vandenhoeck, 1922. 443 S.

двоевластия в Спарте остается неясным. По мере ослабления царской власти возвышается знать, имеющая свой орган, герусию, наряду с которой апелла — собрание всей общины не имело никакого или имело очень малое значение.

Спартанское государство возникло в результате завоевания и подчинения уже ранее сидевшего в Лаконике крестьянского населения. Социальное «равенство» спартанского общества — продукт длительного и более позднего развития. В VIII—VII вв. и в Спарте господствует феодальная родовая знать (мысль, высказанная Glotz'ем¹⁷ и М. Weber'ом). Экономического равенства в Спарте вообще никогда не существовало. В особенности нельзя говорить об «аграрном коммунизме» ни для древней спартанской знати, ни для более поздних *ῥῥοιοί*. Может быть в Спарте, как и повсюду в греческом мире, завоеванная страна была разделена на равные, точнее одинаковый доход приносящие участки, *κλήροι*. Деление этих участков между членами племени привело к частной земельной собственности. Во всяком случае, понятие ее существовало в Спарте искони, и отсюда его неизбежное следствие: экономическое неравенство. Вследствие порабощения покоренного туземного населения в Спарте возникла так называемая илотия, и вместе с нею основанная на крепостничестве спартанская крупная земельная собственность.

Крепостные отношения мы встречаем в это время также и помимо Спарты. В конце VII в. илоты, как следует из Тиртея, платили 1/2 со всего приносимого землею. Окончательное установление илотии последовало в конце VIII в. в результате первой мессенской войны, когда и покоренные мессенцы, составлявшие главную массу илотов, были обращены в крепостное состояние. Что касается периеков, то их государственно-правовое положение указывает и гомеровскую аналогию. У нас есть указания, [что] спартанские периеки представляли собою покоренное туземное население, жившее в городах Лаконики. Они не были обращены в илотов только потому, что жили в укрепленных поселениях, расположенных на периферии Лаконики, которыми победители пользовались для оборонительных целей: в то время как города в области самой Спарты они разрушали. Периеки не были ни ремесленниками, ни торговцами, они занимались земледелием и подати в Спарту платили натурою. Спарта все время оставалась типичным землевладельческим государством знати, спартанское хозяйство — ясно выраженное аграрное хозяйство, с присоединением к нему скотоводства и обладания рабами. Промышленность и торговля играли в Спарте VIII—VII вв. ту же роль, что и [в] современной ей Аттике, причем импорт был в руках финикийских купцов.

В следующем большом отделе Хазебрек дает общую картину социально-экономического состояния греческого мира в VIII и первой половине VII в., объединяя эскизы, набросанные им на основании данных гомеровского эпоса, Гесиода, сведений, относящихся к древнейшей Аттике и Спарте, присоединяя к ним и те единичные и разрозненные сведения, которыми мы располагаем для других мест греческого мира за то же время. Эта эпоха — эпоха аристократического общества, *Adelsgesellschaft*, в котором руководящая роль принадлежит аристократическим родам, как сословию крупных земельных собственников. То же самое можно наблюдать и в колониальных областях, в особенности в южной Италии, Сицилии, на Халкидике. В связи с землевладельческим характером знати стоит и представленное многочисленными примерами крепостничество (помимо Спарты, Крит, Аргос, Сикион, Эпидамн, Византий, Гераклея Понтийская, Сиракузы, Фессалия, Беотия, Приена, Милет, Хиос, Самос). Положение греческих крепостных не отличается принципиально, несмотря на массу различных деталей, от положения крепостных в средние века. Крепостной труд используется в земледелии, скотоводстве, садовой культуре. Что касается земледелия, то было бы ошибочным измерять его теперешним масштабом. Гомер и Гесиод еще не знают металлического плуга; в IV в. еще господствовала двухпольная система. Из злаков обрабатывали главным образом ячмень, служивший основным средством пропитания. Точно также при разведении скота главным образом разводился мелкий скот: овцы и козы. Типичным выражением аграрной основы, на которой базировалось господство родовой знати, служит то значение, какое имело коневодство: конь является существенной составной частью

¹⁷ См., например: Glotz G., Cohen R. *Histoire greque*. I. Dès origines aux guerres médiques. P., 1925.

военного снаряжения знати; конем не пользуются для работы или для транспорта. Рабство в описываемую эпоху имело еще сравнительно незначительные размеры. Нет во всяком случае никаких доказательств того, что рабами пользовались в большом количестве для земледелия или для ремесла, но исключительно для собственных потребностей. Каких-либо следов обобществленной собственности между отдельными родами или семьями в Греции и в последующие эпохи нельзя доказать. Греция знала только частную собственность.

Материальная культура в VIII и в первой половине VII в. носит все еще примитивный характер. Уже это одно должно предостеречь от переоценки форм хозяйства в эту эпоху, поскольку эти формы являются по существу выражением материальной культуры. Точно также письменность тогда была мало распространена, и ею пользовались исключительно для практических целей (списки эпонимных магистратов, надгробия, всего лишь одна надпись на вазе, называющая художника).

Греческая знать, по своему существу, — военное сословие, военный союз. Об этом свидетельствует весь уклад быта, ее поэзия, сага агонистике, сисситии, вся политическая история ее отношения к *inferiores*. «Милитаристический» характер знати можно проследить не только в Аттике и Лаконике, но также и в других областях, в Аргосе, в Коринфе, в Эретрии на Халкиде. Повсюду, где только [сохранилось] разрозненное предание, мы видим, что знатные роды описываемой эпохи находятся между собою в воинственном соперничестве и стремятся, по мере сил и возможности, подчинить себе тех, кто раньше пользовался большим или меньшим значением. Об общих военных предприятиях за эту эпоху предание сохранило известие лишь об одном: это война за плодородную Лелантскую равнину на рубеже VIII и VII вв. между халкидскою и эретрийскою знатью, причем на стороне Халкиды стоят Коринф, Самос, Фессалия, на стороне Эретрии — Милет, Мегара, Эгина. Не прекращается в то же время и борьба против иноземных племен, протекающая главным образом в Малой Азии (против киммерийцев, фригийцев). Одновременно с борьбою на суше за обладание новыми землями идет борьба за обладание морем, что побуждает знать обратить внимание на развитие морской техники, на обзаведение кораблями, на всякого рода предприятия, связанные с морскою стихиею (дипилонские вазы полны изображений морских битв). В описываемую эпоху и развивается так называемая талассократия. Ее проявлениями являются не только военные предприятия, но и пиратство, и всякого рода морские авантюры. В связи с этим освоением моря должна быть поставлена начавшаяся в середине VIII в. колонизация. Повод к ней, как и в своем предшествующем труде, Хазебрек видит исключительно только приобретение новых плодородных земель, а не какие-либо торговые интересы, предпосылки для которых в это время совершенно отсутствуют (на той же точке зрения стояли раньше Бюксеншютц, Белох и Guiraud, теперь с особою настойчивостью на это указывает Glotz, с тою только разницею, что по мнению Glotz'a, наряду с приобретением новых плодородных земель стояли и торговые интересы, в то время как Белох думает, что земледельческая колония, вскоре после ее основания, становится также и опорным торговым пунктом для метрополии). Греческая колонизация VIII и первой половины VII в., замечает Хазебрек, есть результат избытка (*überschüssig*) народных сил, наступившего после эпохи переселений покоя и связанного с ним увеличения народонаселения. Недостаток земли в метрополиях побуждает излишек населения искать ее в колониях — так на это смотрели уже древние. Самая борьба между знатными родами свидетельствует также о все возрастающей нужде в земле. Побудительными причинами к колонизации были также не всегда неудачные войны против варваров в Малой Азии, внутренние распри, наконец, также и тот «странствующий пролетариат», который искал себе постоянного *piéd à terre*. Колонисты стекаются со всех сторон и из всех слоев. Географическое положение основываемых колоний также указывает на то, что происхождение их не должно связывать с коммерческими мотивами: колонии основываются не только на морском берегу. О том, что знать играет руководящую роль при основании колоний, свидетельствуют старые легенды о Нелидах, Гераклидах и т.п. Знать руководствуется при этом не только стремлением создать для подвластной ей массы новые основы для существования; ею руководят также и эгоистические мотивы — приобретение для себя на стороне новых земельных участков. В некоторых случаях колонизация является просто результатом военной авантюры — пример — основанный в середине

VII в. Навкратис, развившийся из поселения там наемников Псамметиха. Те центры, откуда выходит колонизация, вовсе не были обязательно богатыми торговыми центрами. Это были центры, достигшие наиболее высокого культурного развития, густонаселенные, с сильной и предприимчивой знатью, с сильным воинственным и мореходским духом, овладевшие большой осведомленностью о море, но при всем этом не имевшие за собой обширного Hinterland'a. В колонизации не играют никакой или играют малую роль Спарта, Аргос, Афины, Фивы, Фессалия, Элида. Четыре пункта на греческом материке играют главную роль в колонизации: Халкида, Эретрия, Коринф и Мегары, в особенности Халкида и Коринф. Для всех них засвидетельствована та важная роль, какую в них играла знать. В Малой Азии руководящую роль в колонизации играет Милет, аристократию которого хотели сделать торговой аристократией, но таковой она никогда не была, как то же надо сказать об аристократии в остальных малоазийских городах, хозяйственная жизнь которой основывалась на земледелии, скотоводстве и садовой культуре, а на островах в особенности на виноградарстве. Уже Guiraud указывал, что греческая знать обратилась к торговой деятельности в силу «pressante necessité» и в стадии ее упадка. Аристократия, носительница греческого господства родовой знати, уже из чувства самосохранения является военной аристократией, материальное благосостояние которой основывалось главным образом на кабальных и крепостнических отношениях к бесправному населению. Правда, предание наше говорит о том, что за господством аристократии, начиная с середины VIII в., последовало господство олигархии, другими словами плутократии, но, по мнению Хазебрека, это воззрение находит себе отражение лишь в поздних схематических построениях государственных теоретиков, особенно Платона и Аристотеля. Еще Геродот и Фукидид не проводят никакого различия между терминами «аристократия» и «олигархия». Аристотель указывает на необходимость различения их, но не применяет этого различия при обсуждении исторического развития форм греческого государственного строя. Границы между родовой и имущественной аристократией, если они вообще когда-либо существовали, с самого раннего времени были шаткими.

Повсюду знати противостоит, отделенный от нее глубокой пропастью, экономически слабый δῆμος, стоящий в той или иной степени зависимости от знати. Экономическая эксплуатация демоса в слабой степени проглядывает уже у Гомера, сильнее у Гесиода и в последующее за ним время. Часть демоса попадает за долги в кабалу к крупным собственникам. Но эти «кабальные» не то же, что крепостные. Они в племенном отношении сородичи знатым, они принадлежат к составу общины, хотя они и деклассированы; это скорее более или менее свободные землевладельцы, которые вместе со своей семьей и принадлежащей им землей обречены на длительное порабощение, или личную кабалу, или, чтобы избежать этого, добровольно стали таковыми и используются знатью как арендаторы полученной им от заимодавца земли. Наряду с мелкими крестьянами, положение которых приближается к крепостным, стоят феты, ремесленники, среди последних видное место занимают иноземцы, те, которых Хазебрек окрестил кличкой «vagabundierendes Proletariat». Это наиболее ранняя, осязаемая для нас стадия греческой «метойки». Этот пролетариат между прочим повел к все возрастающему перенаселению, что вызвало, с одной стороны, колонизацию, с другой — повело к первым началам демократизации в результате классовой борьбы. Рабство, в собственном смысле, как уже было отмечено, имеет в это время небольшое значение. Отмечая относительную «примитивность» описываемого общества, Хазебрек снова подчеркивает, что никакого «среднего сословия», в теперешнем смысле этого понятия, в нем не существовало. Точно так же все то, что высказано было о значительном развитии торговли и промышленности уже с середины VIII в. и о росте их в VII в., основано на ложном представлении о начавшейся в ту пору колонизации. Все это и повело к тому, что греческие земледельческие города обратились в торговые и промышленные города, господствовавшая в них аристократия превратилась в купеческую аристократию, крестьяне и мелкие ремесленники стали гражданами, занимающимися промышленностью. Все эти соображения думали подкрепить указанием на появление в VII в. монеты, которая якобы вытеснила натуральное хозяйство и превратила его в хозяйство денежное со всеми вытекающими отсюда социальными и экономическими

последствиями; в подкрепление того же мнения ссылались на некоторые отрывки лирических поэтов, на многочисленные находки ваз и вазовых черепков в различных местах Средиземноморья, на имеющиеся якобы определенные указания на места продукции (например, халкидские мечи, милетские [щиты]) и т.п. Все эти построения Хазебрек пытался разрушить уже в своей предшествующей книге «Staat und Handel», относительно промышленности тоже самое было сделано уже раньше Франкоттом, Вебером, Oertel'ем. О развитии торговли и промышленности до середины VII в. следует судить, говорит Хазебрек, в общем и целом на основании данных, даваемых Гомером и Гесиодом, и представлять себе общество до половины VII в. покоящимся на замкнутом домашнем хозяйстве, как его описывает Гомер. Все, что выходит за пределы нормальных жизненных потребностей, знать приобретает себе прежде всего при своих военных «авантюристических» предприятиях или благодаря дарению. Торговыми агентами являются не греки, а преимущественно финикийцы, и они являются посредниками в торговле между греческим и вне-греческим, преимущественно восточным миром. Торгуют рабами, предметами роскоши, украшениями, одеждой, но нет торговли предметами массового ежедневного потребления. Такую торговлю господствующее сословие могло использовать в своих интересах только там, где для этого созданы были благоприятные географические условия, как, например, в Коринфе или в Милете, Навкратисе, Византии. Такая скромная торговля не требовала для себя денег в виде монеты, а в сущности была торговлею меновою. В соответствии с торговлей и сама промышленность в греческих государствах должна была в это время носить скромные размеры. Еще в начале VI в. Солон должен был поселить в Афинах иноземных ремесленников.

Среди разнообразных факторов, поведших к разложению господства родовой знати и к выдвиганию незнатного социального слоя, а вместе с тем и к созданию нового общества, первую роль, по мнению Хазебрека, играет фактор технико-военный: успехи металлургии повели к преобразованию военной тактики и к возникновению фаланги гоплитов, замкнутого боевого строя тяжеловооруженных воинов. По мере того, как игравшая прежде главную роль конница сменяется фалангой гоплитов, начинает падать также и греческое аристократическое государство. Несение военных обязанностей гоплитами обусловило собою и расширение для них обладания политическими правами, а эта так сказать военная демократизация неизбежно повела за собой и вступление их в государство, которое становится теперь государством аристократическо-гражданским, πόλις'ом в социально-политическом смысле; создается и понятие гражданина, πολίτης. Дисциплинированное войско гоплитов становится и первым застрельщиком борьбы против знати.

Наряду с указанным технико-военным фактором играют роль и другие. Прежде всего увеличение народонаселения, что во второй половине VII и в VI в. находит себе яркое выражение в усилившейся, развившейся колонизации и в существовании в полисе численно возросшего «странствующего пролетариата». Затем поднимается культурное развитие низших слоев, которые выдвигают ряд индивидуальных личностей (вроде Архилоха, Каллина). Античная традиция выдвигает как причину возвышения [?] демоса тяжелые долговые займы, порабощение мелкого крестьянства. И в этом античная традиция совершенно права. Напротив, господствующий взгляд новых ученых, исходя из ошибочных представлений о торговом и промышленном сословиях полиса VII в., объясняет возникновение и развитие греческой демократии торгово-промышленными факторами. Поднявший голову демос рассматривается не только как крестьянское сословие, но и как сословие торгово-промышленное, по крайней мере там, где для возникновения такого сословия имелись необходимые предпосылки, то есть повсюду в городах с высокоразвитой культурой. Но все это, указывает Хазебрек, происходит оттого, что на античность переносится картина средневековой демократизации, причем не уделяется внимание не только сущности демократического движения в Греции, но и упускается из вида социальная и экономическая структура греческого мира вообще. В средние века промышленность является действительно носителем демократии и производственно-промышленная политика служит решающим элементом в демократическом развитии, равно как промышленно-политические интересы господствуют во внутренней жизни и во всей политике средневековых городских республик. В средние века демос выступает против аристократических родов организованным в цехи, и эти роды, в конце концов,

растворяются в цехах, ибо *пóλις* в экономическом отношении состоит из предпринимателей и ремесленников, которые часто выдвигают одного человека во главу движения против знати и (неразборчиво) изменяют государственный строй. В средние века возвышение гражданского торгово-промышленного сословия означает действительно демократизацию. Наоборот, в греческом, как и вообще в античном мире, социальная структура всей промышленной и индустриальной работы, даже позднее, никогда не приводила к выдвиганию на первый план промышленных интересов в политике *пóλις*'а и к сплочению свободного населения, занимающегося промышленностью, против родовой знати.

Более низкие и самые низкие слои в греческом мире это экономически разорившиеся крестьяне, более или менее задолженные и безземельные. Специфически античный пролетариат и в это раннее время есть политически деклассированный, потому что он стал безземельным — прежний собственник, и поэтому с самого начала — сословная борьба обезземеленного и задолженного крестьянства против знати. Начавшееся движение преследует в первую очередь требование передела земли и погашения долгов, затем уже уничтожение привилегий знати и признание равенства всех перед законом. В древности не мог возникнуть рабочий, пролетарский класс. Античный пролетариат, участвующий в сословной борьбе в VII и VI вв., это преимущественно земледельческий пролетариат.

Борьба закабаленного и обязанного служить в военной службе крестьянства и примкнувшего к нему безземельного пролетариата [идет] против родовой знати: все решительные этапы ее известны достаточно хорошо благодаря сохранившемуся преданию лишь в Аттике. Они известны лишь спорадически и для других мест. Эта борьба почти повсюду переплетается и с [борьбой между] партийными группировками знати в их собственной среде, и этими группировками демос пользуется в своих интересах, так как честолюбие побуждает некоторых знатных с помощью революционной массы добиваться тирании, которая повсюду в греческом мире опирается на демос, и тираны повсюду являются друзьями демоса. Само собой понятно, что восставший демос повсюду имел своих вождей, и эти вожди, в случае победы демоса, не всегда и обязательно облачались верховной властью; этого иногда и избегали, чтобы воспрепятствовать возвращению господства аристократии. Вообще же этап тирании был только временной заминкой победы демоса на первом этапе его борьбы. Но уже тогда тирания должна была удовлетворять экономическим целям демоса, потому что и после падения тирании родовая знать оказалась всюду ослабленной, и уже никогда больше к власти она не вернулась. В некоторых случаях — и они показывают, что обе борющиеся партии еще не были достаточно сильны, — прибегали к избранию чрезвычайного должностного лица — эсимнета, выступавшего в качестве примирителя борющихся партий, причем эсимнет главное внимание обращал на реформу существующего законодательства; одной из наиболее характерных черт этой реформы является борьба против роскоши (Залевк, Харонд и др.). Но и эсимнеты имели в виду также удовлетворение экономических целей демоса.

Это всего яснее сказывается в реформе Солона, которая в результате сделала тех, кто до того были бедняками, если и не богачами, то имущими что-то. Верный своей точке зрения, Хазебрек и на реформу Солона смотрит исключительно как на реформу аграрную. Она, благодаря тому, что хорошо нам известна, может служить мерилем того, что происходило в других местах, например в Мегаре (Феогнид). Повсюду было разбито или смягчено экономическое превосходство знати. Большая пропасть между знатными и незнатными сузилась. И только теперь, когда были поколеблены прежние имущественные отношения, явились предпосылки для образования среднего сословия.

Естественным следствием экономического подъема крестьянства в результате борьбы явился и его политический подъем; но и тут политические права граждан, не принадлежавших к родовой знати, тесно связаны с их имущественным положением, иными словами, право участия в совете и в магистратуре — речь идет об Афинах — получают только крестьяне, владеющие землей. Но и тут занимать высшие магистратуры предоставлено только тем, кто обладает большим имущественным цензом. С другой стороны, введение ценза и служба в рядах гоплитов, являющаяся основой получения политических прав, является принципом, связанным с воинской реформой (введение фаланги). В этом смысле солонский строй может быть

охарактеризован как *Hoplitenpolites*. Впрочем, и тут Солон нельзя считать каким-то новатором. Он завершил то, что началось на рубеже VII и VI вв. Политическая реформа Солон привела не к умеренной демократии, как обычно думают, а к умеренной олигархии. Главный результат реформы состоял в том, что отныне, наряду с новым аристократическо-гражданским обществом, возникает более или менее однородное свободное население полиса, в котором никто не может быть господином другого, все пользуются личной и экономической свободой, определены права и обязанности всего свободного населения. В этом отношении эпохой Солон завершился первый этап демократизации Афин, а также и других полисов, поскольку об этом имеются данные в нашей традиции. Вторым этапом был политический подъем безземельного населения и населения, обладавшего небольшим имущественным достатком. Лишь после этого *Hoplitenpolites* перешли в демократию.

Послесолоновское время озаменовано тем, что сословная борьба все же продолжается. Только вместо прежней борьбы двух сословий теперь выступает борьба трех сословий. Это находит свое отражение в предании о десяти архонтах в 580 г.: 5 из евпатридов (знать), 3 из агройков (крестьяне), 2 из демиургов (феты). Хазебрек, впрочем, сомневается в историчности этой традиции, но в особенности во всем том, что связано с тиранией Писистрата. Его политика может быть охарактеризована в первую голову как «мелкокрестьянская пролетарская политика». Но, предупреждает Хазебрек, говорить о «торговой политике» Писистрата нельзя уже потому, что в писистратовских Афинах не было значительного торгово-промышленного слоя населения, который мог бы осуществлять эту политику, ибо паралии — крестьянское, а не промышленное среднее сословие.

За Писистратом следует Клисфен, реформа которого знаменует собою прежде всего политический подъем фетов, после того как их экономический подъем совершился уже при тирании. Феты отныне допущены и в афинский совет, построенный теперь на совершенно новых началах (принцип территориального деления афинского населения на 10 фил, в связи с чем стояла и реформа в военной организации). Реформа Клисфена, состоявшая в том, что он «перемешал афинское население», означала собою прежде всего то, что ею были разбиты господствовавшие искони союзы родовой знати, что и сказало в дальнейшем, когда крупные аристократические роды утрачивают как таковое всякое влияние в политической жизни Афин.

Характерной чертой древней демократии, отличающей ее от демократии новой, является то, что древняя демократия предполагает у лиц, принадлежащих к ней, полное обладание гражданскими правами; все элементы, которые этому требованию не удовлетворяют, стоят вне участия в государственной жизни. В этом отношении радикальная античная демократия в действительности есть ярко выраженная олигархия (мысль в зародыше была уже у *Vriuo Keil*'я)¹⁸. Это резче всего проявляется в Спарте и на Крите с их полным равенством всех полноправных граждан и с наивысшим отражением военного характера *πóλις*'а. Вот почему, по мнению Хазебрека, Спарта может быть названа наиболее чистым типом греческого понимания идеи государства и *πóλις*'а. То изолированное положение, в которое помещает Спарту современная наука, теряет свою остроту, поскольку оказывается несостоятельным представлением о сильно представленном в *πóλις*'е гражданстве с торговыми и промышленными уклонами. Другим принципом всякой античной демократии является принцип территориального подразделения населения. Этот принцип нашел свое выражение также и в Спарте с ее филлами и обами. Тем, что в Спарте демос в результате своей борьбы со знатью сделал всех граждан равными (*ὄμοιος*), Спарта и превратилась в типичную олигархию.

Последний отдел книги Хазебрека посвящен, как сказано, общей характеристике общественной и экономической жизни VI в. Нетрудно предвидеть, что и в этой характеристике Хазебрек будет проводить свою основную мысль: греческое общество развивается на чисто аграрной основе. Как и в предшествующее время, основой благосостояния гражданского общества является землевладение и скотоводство; так было и в VI в. В подкрепление этому Хазебрек указывает на то, что низший класс

¹⁸ См.: *Keil B Griechische Staatsaltertümer // Einleitung in die Altertumswissenschaft*, von A. Gercke und E. Norden. Bd 3. Leipzig—Berlin, 1924 (2. Aufl.).

называется фетами, т.е. сельскохозяйственными наемными рабочими, а не демиургами, что ремесленники в Афинах в Аттике еще в солоновское время не получили полных гражданских прав. Штрафы по законодательству Драконта исчисляются по стоимости быка. Писистратиды взыскивают подати с аттического населения исключительно по урожаю плодов земных (1/20 — Фукидид VI, 54). Политика Писистрата — это забота о мелком крестьянстве, его религиозная политика — культ земледельческого и винодельческого Диониса и т.д. Ту же самую картину можно наблюдать и в остальных частях греческого мира, поскольку об этом дошли случайные свидетельства (Мегара, Самос, Халкида, Родос, Сифнос). На монетах VI в. эмблемами служат: виноградная лоза, сосуд для вина, колос, оливковый лист, бык. Греческое полноправное население в своей массе всегда состояло из земледельцев, виноделов, скотоводов. На нем зиждилась и военная сила $\rho\lambda\acute{\alpha}\tau\epsilon\varsigma$. О высоком значении коневодства в среде знати наилучший свидетель Пиндар. На незначительное обладание рабской рабочей силой указывает любопытное известие Николая Дамасского о запрещении Периандром Коринфским приобретения рабов.

Но что новое общество VI в. не было обществом только мирных земледельцев и скотоводов, а было обществом и воинов, к которым теперь наряду со знатными принадлежат и незнатные, лучшим свидетелем является опять-таки Пиндар в его «Эпиникиях». С середины VII в. и до времени Персидских войн идут постоянные войны против «варваров» и борьба за расширение политической власти отдельных общественных групп за счет своих же соплеменников. Из внешних войн — самая большая — борьба малоазийских греков против сначала мидян, затем персов; на западе — в Сицилии — борьба греков против финикийцев; в собственно Греции завоевания Спарты в пределах Пелопоннеса, поведшие к образованию Пелопоннесского союза. Господство на море принадлежит Самосу (Поликрат) и Коринфу (Периандр), но стремление к талассократии мы наблюдаем и в Афинах при Писистрате. На эпоху тирании падает начало развившейся затем империалистической политики, стремление же к талассократии является жизненным принципом греческого государства с самых ранних пор. С этим принципом должна быть поставлена в связь и колониальная политика как в эпоху господства родовой знати, так и в эпоху сословной борьбы. Колонизационная деятельность начинает затихать как раз к тому моменту, когда близка к концу эта борьба, хотя те завоевания, которые были сделаны лидянами и персами в Малой Азии, вели часто к основанию новых колоний. Но и колонии VI в. почти повсюду суть аграрные колонии, которые быстро эмансипируются от своей метрополии. Торговых колоний не основывал $\rho\lambda\acute{\alpha}\tau\epsilon\varsigma$ и в VI в.; зато по его инициативе основывались иногда военные колонии.

Греческое общество VI в. хотели представить торговым и промышленным обществом, в котором главную роль играло торговое и промышленное гражданство и купеческая аристократия. Но это общество, воспринявшее принципы прежнего общества родовой знати, должно было уже тем самым получить отвращение и презрение к труду. К тому же оно было настолько загружено политическими и военными обязанностями, что лишь в ограниченной мере могло заниматься систематическим трудом, ведущим к приобретению. Естественно поэтому, что оно должно было передать торговую и промышленную деятельность полугражданским и несвободным слоям населения. На самом деле греческое общество с Гомера и до IV в. развивается органически по прямой линии, которая не прерывается, как думают, во второй половине VII и в VI в. В какой слабой степени оседлое полноправное гражданство в первой половине VI в. занималось промышленностью и как мало оно было способно удовлетворять потребности в промышленных изделиях населения, показывают Афины и Самос. Солон был вынужден привлечь всю жизнь большое число иностранцев и поселить их в Афинах в качестве метеков и дать им права гражданства. Поликрат, чтобы привлечь на Самос иноземных ремесленников, должен был обещать им высокую плату. В Афинах некоторые из этих чужеземных $\beta\acute{\alpha}\nu\alpha\upsilon\sigma\tau\omicron\iota$ — о том говорят мероприятия Солона и Клисфена — постепенно достигли почетных прав гражданства. Но наряду с этими иноземными ремесленниками и туземные граждане, в силу увеличившейся потребности в промышленных изделиях, обратились к ремеслу. Как бы то ни было, ремесленная работа, по сравнению с предшествующим временем, утратила ту слишком низкую оценку, которую давали ей раньше. Но говорить о накоплении полноправными гражданами капитала в VI в. для торговых и

промышленных целей не дают право наши источники. Эти цели обслуживали, с одной стороны, пролетарские слои полноправного гражданства, с другой стороны, и преимущественно, политически деклассированные иноземцы. Конечно, здесь нужно считать за местными различиями. Коринф, например, является городом с более ярко представленным слоем ремесленников, Эгина — с торговым гражданством. Но что богатый эллинский гражданин не был «купцом», в нашем смысле, свидетельствует Пиндар, а в пользу существования в Коринфе богатых «фабрикантов» никаких доказательств привести нельзя. Промышленность и торговля и в VI в., как и раньше, покоились все еще на том большом слое населения, которое Хазебрек характеризует как «вагабундирующий пролетариат», о существовании которого свидетельствует прежде всего колонизация и наемничество (в качестве доказательства Хазебрек ссылается, между прочим, на известные абусимбельские надписи и на то, что власть тиранов покоилась преимущественно на наемном войске). Важное значение имеет и то, что повсеместно в греческих государствах мы встречаемся с метойкией (по надписям можно насчитать не менее 70 государств). Метеков уже сами греки (Ps.-Хер. Вест.) характеризуют как ἀδούλιτες, т.е. лиц, не причастных к полису в его политическом смысле. В их руках и сосредоточена была главным образом промышленная и торговая деятельность. Именно метекам, как полугражданам, в противоположность к полноправным гражданам, и свойственно было в особенности стать торговцами, поскольку метеки не участвовали в политической жизни и не служили в войске. Снова Хазебрек выдвигает здесь в первую голову финикийян, хотя и может привести только одно свидетельство Пиндара, говорящего о «финикийских товарах». Если в некоторых случаях и упоминаются греческие торговцы, то всю торговлю они ограничивали сезонной торговлей. Ни об одном торговце-греке, сделавшем из торговли свое профессиональное занятие, нет упоминаний, так как если Геродот называет самосца Колея «навклером», то это не может иметь значение, потому что весь рассказ о предприятиях Колея в Кирене—Тартессе в VI в. приводится лишь как легендарный миф для объяснения дружественных отношений Кирены с Самосом. Для существования в полисе торговой политики не может быть предпосылок уже потому, что лишь аграрное производство является в нем исключительно национальным; ведь полноправное гражданство не позволяет иноземцам обладать крупной земельной собственностью. И никто не поверит, что для государства, никогда не принимавшего мер для защиты местного сельского хозяйства были бы решающими факторами экспортные интересы его крупного и мелкого крестьянства, приобретение каких-либо определенных рынков для вывоза на них местного вина, масла и других сельскохозяйственных продуктов. А что касается хлебного зерна, то его, как известно, в большинстве греческих государств не хватало для удовлетворения и местных потребностей. Этому не противоречат распоряжения Солона о вывозе. Они имеют в виду лишь то, чтобы в интересах обеспечения народного питания ничего не вывозилось из пределов Аттики, за исключением излишков и отличавшегося своим хорошим качеством оливкового масла. Торговля и в VI в., как и раньше, являлась лишь объектом фискальной эксплуатации, для которой географическое положение греческих городов давало свои возможности. Так Бакхиады использовали коринфский эмпориум, Периаандр довольствовался только рыночными и портовыми пошлинами, Криса облагает корабли, прибывающие из Сицилии и Италии, довольно значительными пошлинами (Strab. IX, 3, 4). Все это лишь торговые, а не охранительные пошлины. Последние появляются лишь в эллинистическую эпоху.

Тем не менее с территориальным расширением эллинизма, с ростом городов промышленность и торговля должны были приобрести в VI в. большее значение, чем то было раньше. Число самостоятельных ремесленников должно было увеличиться, а демиурги только еще в редких случаях могли работать на чужбине, не имея собственного сырья и своих орудий производства. Но чтобы уже в то время была крупная промышленность, фабрики, массовое производство предметов для повседневного употребления, — где для всего этого доказательства? Ссылку на обилие находимых в различных местах греческого мира локальных сортов греческих ваз нельзя приводить еще в доказательство широко развитого гончарного производства, например в Коринфе, Афинах и пр. Все эти предметы гончарного производства являются главным образом предметами особенно ценными. То же приложимо и к металлическим изделиям. Хазебрек не отрицает, что в VI в. такого

рода предметы производились в Греции и что они производились именно для экспорта, но это были, так сказать, разовые вещи, и они-то и повели к тому, что их стали называть, по месту производства, «коринфскими», «милетскими» и пр. Еще в большей степени это приложимо к Эгине, и эгинские купцы, может быть первые, вступили в конкуренцию с финикийскими купцами. За это говорит и то, что эгинская монета, эгинские меры веса нашли широкое распространение и за пределами Эгины. Что касается Афин, то их значение в этом отношении впереди; оно связано с эпохой афинского империализма. В Малой Азии значительными торговыми пунктами могут считаться Милет, Синопа и Трапезунт, как конечные пункты транзитной торговли, на западе — Массалия. По мнению Хазебрэка, вовсе еще не обязательно, что многочисленные вазовые находки свидетельствуют об экспорте ваз; гораздо проще и естественнее понимать дело так, что вазы эти изготовлены там, где они и найдены, что они и изготовлены «странствующими мастерами» по тем образцам, которые были у них на родине или в тех местах, где они раньше работали. Но Хазебрэк упускает из виду, что о коринфских, аттических и прочих вазах говорит не только стиль их и техника, но и глина, из которой они сделаны. Или и эту глину «странствующие мастера» привозили с собой?

С большим ограничением можно было бы говорить о денежном хозяйстве, которое будто бы с появлением монеты вытесняет прежнее натуральное хозяйство и которое будто бы, согласно модернизирующей теории, достигло большого развития уже в VII в. Монета входит в употребление в греческом мире самое раннее в начале VII в. в городах западной части Малой Азии, находившихся тогда под мидийским господством. Через острова монета находит доступ и в материковую Грецию, прежде всего на Эгину. Древнейшие эгинские монеты — не ранее середины VII в., древнейшие коринфские — времени Кипсела (657—625 гг. до н.э.), древнейшие афинские — конца VII в., халкидские и эретрийские — середины VI в., сицилийские и южноиталийские — второй половины и конца VI в., фессалийские и элидские монеты появились во время греко-персидских войн. Уже это указывает, как медленно с востока на запад распространялась монета. О наступлении с VI в. денежного хозяйства нет у нас и никаких определенных указаний в античной традиции. До эпохи греко-персидских войн мы не слышим ничего о процентах, о ссудах, об индивидуальных денежных капиталах. Богатство исчисляется не деньгами в монете, а золотыми чашами, серебряными сосудами, золотыми щитами и копьями и пр. Наряду с этими предметами деньги имеют лишь второстепенное значение. Натуральное хозяйство и денежное хозяйство идут рука об руку лишь с конца VI в., но развивается по-настоящему денежное хозяйство лишь начиная с V в. Этому не может противоречить и тот факт, что в Таренте найден монетный клад конца VI в., потому что нельзя доказать, что клад этот принадлежал торговцу и что монеты этого клада попали в Тарент в результате торговли (Хазебрэк думает, что клад зарыт может быть каким-нибудь наемником или деньги были добыты путем ограбления кого-либо). Принудительный курс греческая монета имела лишь в местах ее чеканки — причина этого то, что в большинстве случаев монета эта, исключая Афины, да и то в более позднюю эпоху, чеканилась не полновесной, так что в международной торговле (как указывает и Ps.-Хел. Vest.) выгоднее было обменивать товар на товар, а не на деньги. Причины такого ограниченного денежного обращения должно искать в чрезвычайной трудности добычи благородных металлов. Золотые россыпи на Сифносе были скоро исчерпаны, и золото поступало главным образом с Фасоса, из Фракии (также и серебро) и из Малой Азии. Благородные металлы шли в главной массе на храмовые посвящения.

Все это ведет к заключению, что нельзя говорить о государственном хозяйстве, покоящемся на монете, тем менее о накоплении ее в интересах государства. Все доходы, какие оно получало и все что оно тратило для своих необходимых потребностей (преимущественно военное дело и охрана) разделялись большей частью между гражданами (Геродот о сирнийцах, он же о доходах с Лаврийских рудников). Доходы государства состояли во взимании штрафных денег, а в особенности пошлин, в том числе трудовых, в военной добыче, дани со стороны побежденных (о последних много известий). Также и о «крупном финансовом хозяйстве» тиранов нельзя говорить. Финансовое хозяйство Писистрата скорее следует представлять себе в типе финансового хозяйства Дария, только в малом масштабе. Атика платит Писистрату 1/20 со своих земельных доходов; лишь в малой степени добавлением к этому служили пошлины; золото, которое Писистрат получал с фракийских россыпей, складывалось

им в сокровищницы и шло, как предмет обмена, на удовлетворение его личных потребностей и на предприятия. Писистрат, правда, был первый, начавший чеканить монету из серебра лаврийских рудников, но наряду с ней продолжала ходить в городе и старая монета. Золотая монета шла, как и в Персии, в первую очередь на военные потребности (вознаграждение наемникам). Передаваемое Полидевом известие о том, что классы афинского населения (начиная может быть с Клизфена), платили 6000, 3000 и 1000 драхм со своего имущества, не может относиться к VI в. Денежное хозяйство занимает в это время в общей хозяйственной жизни далеко не такое распространение, чтобы о нем можно было говорить и для отдельных граждан.

Таков, в существенных чертах, по концепции Хазебрека греческий социально-экономический быт за три, в среднем счете, столетия, быт стабильный, так как главная основа его продолжала оставаться без изменений. И эта основа была основа аграрная. Тут возникает прежде всего вопрос, оставленный Хазебреком совершенно без ответа: в состоянии ли были греки повсюду, где они жили, строго выдерживать эту аграрную основу, понимая под нею не только земледелие в собственном смысле, но и садовую культуру, и скотоводство и прочее, что с землей тесно связано. Если принять концепцию Хазебрека без всяких ограничений и оговорок, пришлось бы допустить, что производительность земли повсеместно, где жили греки, была одинаковая. Но этого, как мы знаем, далеко не было, и нельзя же сравнивать, например, почву Аттики с почвой Фессалии. Очевидно, если даже согласиться с мыслью Хазебрека об аграрной основе греческого быта в архаическую, скажем условно, эпоху, придется все-таки считать с дифференциацией тех условий, на которых эта аграрная основа могла базироваться и претворяться в жизнь. Из того положения, которое выдвигает Хазебрек и которое по существу правильно, а именно, что забота греческого государства была направлена прежде всего на вопросы, касающиеся прокормления населения, вытекает, что и сам Хазебрек с упомянутой дифференциацией считается, но он не обмолвился о ней ни одним словом и даже ни разу не упоминает книги Jardé о cerealiaх¹⁹, где материал по этой части собран достаточный. Такую же дифференциацию следовало бы провести и в отношении скотоводства и прочих производительных сил, почвы и природы Греции. Иначе вся картина получается слишком схоластичной и догматичной.

Ту же самую дифференциацию следует провести и при решении вопроса о том, какое значение имело или могло иметь промышленное производство, низводимое Хазебреком на очень низкую степень, в различных местах греческого мира в зависимости от тех же природных условий, и тесно связанная с этим производством степень здоровой деятельности. Ничего этого в книге Хазебрека нет, а потому и та стабильность аграрной основы, на которой стоит так упорно Хазебрек, остается иллюзорной. Вся греческая жизнь у Хазебрека осталась на какой-то мертвой точке, нет никакого исторического прогресса в этой жизни — в лучшем случае прогресс этот изображается текущим очень медленно, и не всегда достаточно отчетливо указаны те причины, которые вызывают это хотя бы и медленное течение исторического процесса и в социальной и, в особенности, в экономической жизни. В этом отношении прав Kahrstedt в своей короткой рецензии на книгу Хазебрека в *Historische Zeitschrift* (147, 1932, 138)²⁰, который в конце рецензии указывает на то, что в Германии имеется еще группа историков, работающих над историей так, как над ней работали в средние века.

Упирая исключительно на аграрную основу социально-экономической жизни в архаическую эпоху, принося значение в ней промышленности и торговли, Хазебрек стремится быть уж слишком ортодоксальным, не желает допускать никакой средней линии. И как-то чувствуется на протяжении всей книги, что если факты и заставляют Хазебрека идти на те или иные уступки в своей ортодоксальности, он делает это скрепя сердце. Афины в VI в. не были индустриальным городом, значит в них тогда не было и никакого коммерческого подъема. Но Хазебрек забывает или не желает считаться с тем, как сильно развита была в Афинах при Писистрате и Писистратидах строительная деятельность на акрополе, о чем мы узнали после того, как были произведены раскопки в его доперсидском слое. Эта деятельность была

¹⁹ См.: *Jahrde Aug. Les céréales dans l'antiquité grecque*. P., 1925 (Bibl. écoles franç. d'Athènes et de Rome. Fasc. 130).

²⁰ Точнее: U. Kahrstedt (*Historische Zeitschrift*. 1933. Bd 147. Ht 1. S. 138—143).

непосредственной предшественницей той, которая развилась при Перикле, и хотя она и уступала последней, но и она требовала найти в Афинах во второй половине VI в. мастеров, подмастерьев, ремесленников, рабочих и т.д.

Или другой пример. Хазебрек широко пользуется Пиндаром, который в своих эпиникиях славит знать и «рыцарский» дух в Коринфе и на Эгине. Отсюда делается вывод: коринфская и эгинская аристократия не имела никакого интереса к промышленности. Но ведь назначение-то победных од Пиндара состоит в том, чтобы прославить эти победы на панэллинских состязаниях коринфской и эгинской знати, и вряд ли для Пиндара было бы уместно сообщать о том, что тот или иной коринфский или эгинский аристократ одержал победу своими прекрасными рысаками, запряженными в превосходные колесницы, отчасти и на доходы, которые он получал не только со своих поместий. Пользоваться данными лирической поэзии невозможно так безоговорочно, как это можно в отношении, скажем, гомеровского эпоса. Греческая лирика VI в. проникнута одушевляющими поэтов личными настроениями, и так как они в подавляющем большинстве случаев являются представителями аристократического сословия, на которое делает теперь нажим демос, то понятно, несколько ожесточенное настроение поэтов против демоса. Это в особенности приложимо, например, к такому поэту, как Феогид, которым Хазебрек широко пользуется, не считаясь при этом с различными более трудными местами, попавшими в Феогидовский сборник и вряд ли могущими служить источником для характеристики сословных отношений, существовавших в VI в. (новейшая работа Jacoby о Феогидовском сборнике Хазебреку осталась неизвестной)²¹. С другой стороны в упрек Хазебреку можно поставить, что он совершенно не использовал отрывки такого поэта, как Гиппонакт, который дает немало любопытных черт и черточек для характеристики положения низших слоев демоса.

Рисуя знатное общество архаической эпохи, настроенное исключительно милитаристически, пополняющим свое состояние исключительно или путем военных предприятий или при помощи того, что Хазебрек называет *Schenkung* — дарение, и потому не желающим признавать никаких иных возможностей к увеличению своих владений, а следовательно и доходов. Хазебрек, несомненно, впадает в крайность, которая сказывается еще больше, когда он те же свойства готов приписать и победившему знать гражданству, которое занято будто бы только агонистикой и носит исключительно «военно-цеховой характер», *Kriegerzunftcharakter*. И это Хазебрек старается еще подкрепить тем, что по его мнению греки VI в. и позже, до начала эллинизма, «боялись труда», были «*arbeitsscheuen*», не признавали благородные стороны работы, передавали все промышленное и ремесленное производство слоям политически бесправным, к тому же граждане так были поглощены государственной деятельностью, войной, что ни для какой иной деятельности у них и не могло оставаться досуга. И тут в пример приводится Гефест, который изображается хромым, «знак того, что греки относились с презрением ко всякого рода работе, требующей прилежания». Но хромота Гефеста объясняется гораздо проще: он кузнец, а кузнецы в предании многих народов изображаются хромыми. А что касается до презрения греков к труду вообще, то и из эпохи, рассматриваемой Хазебреком, достаточно вспомнить Гесиода с его панегириком труду и с порицанием лени.

И со многими другими положениями, выдвигаемыми Хазебреком, можно спорить и считать их малообоснованными. Например, исключительная роль финикийцев как торговых посредников в сношениях Греции с Востоком. Если так было в гомеровскую эпоху, то еще больший вопрос, так ли это было в VII и в VI вв. Господство так называемого ориентализирующего стиля в греческой керамике, в греческих металлических изделиях в эти века может найти свое объяснение и помимо этого «*mitige rhénicien*». Нельзя же упускать из внимания, что малоазийские греки, во всяком случае, стояли непосредственно в тесном соприкосновении с восточным миром, так что в данном случае и никакого финикийского посредничества могло не потребоваться. Наконец, если финикийцы были главными импортерами, то ведь они должны же были что-нибудь и вывозить из Греции. И тогда возникает вопрос, куда они это вывозили.

Вся греческая колонизация, утверждает Хазебрек, покоится на аграрной основе.

²¹ *Jacoby F. Theognis // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse. 1931. Bd 10. S. 90—180.*

Опять-таки явное преувеличение, которое объясняется тем, что заброшенный вопрос об истории и характере греческой колонизации требует, как я неоднократно указывал, нового и детального разбора. И лишь в результате его должно выясниться, какие из основанных колоний были только аграрными, какие только коммерческими, какие совмещали и те, и другие интересы.

Наконец, странное впечатление оставляет этот так полюбившийся Хазебреку «*vagabundierendes Proletariat*». Хазебрек, конечно, прекрасно сознает, что всякое государственное образование по мере его роста неизбежно должно нуждаться в удовлетворении своих жизненных потребностей в предметах не одной только привозной, но и изготовляемой на месте промышленности. Но с другой стороны Хазебреку нужно доказать, что основа социально-экономической жизни архаической Греции, — исключительно аграрная. Вот тут-то на выручку Хазебреку приходит этот «странствующий пролетариат» в виде каких-то одиночек-ремесленников. Но странствующие ремесленники не то же, что странствующие музыканты, которые возьмут свои музыкальные инструменты и перекочевывают с ними из одного города в другой до тех пор, пока не усадят своей музыкой жителей того или другого города. Ремесленнику для того, чтобы устроиться для себя более или менее сносное существование, нужен известный *piéd à terre*, нужна клиентура и пр. А затем, при теории Хазебрека, получается и своего рода заколдованный круг. Если этими странствующими ремесленниками наполняются те или иные греческие города, то очевидно в некоторых из них был такой переизбыток ремесленников, что последние уже не находили себе работы на родине и должны были отправляться на чужбину искать заработки. Но Хазебрек не говорит о том, как он представляет себе происхождение этого «странствующего пролетариата», и он на протяжении всей книги появляется как *deus ex machina*, когда нужно защищать аграрную основу социально-экономического строя архаической Греции.

Хазебрек поставил себе задачу дать читателю ясную, строго очерченную, в себе самой замкнутую ее картину. Он во многом или повторяет, или дополняет, и лишь в очень редких случаях исправляет те положения, которые были выдвинуты им в качестве руководящих в его предшествующей книге «*Staat und Handel*». Эта книга носила, и с полным правом, подзаголовок «*Untersuchungen zur antiken Wirtschaftsgeschichte*». Теперь Хазебрек к этой *Wirtschaftsgeschichte* добавил *Gesellschaftsgeschichte*, постарался связать обе эти «истории» в одно целое, причем в социальную историю ввел даже такие параграфы, как «агонистика», «религия», «поэзия и искусство». Все эти сюжеты излагаются, однако, очень кратко и кроме общих мест ничего не дают, так что они смело могли бы и отсутствовать. Их Хазебрек включил, как мне думается, но может быть я и ошибаюсь, — потому, что новая книга Хазебрека обязана своим происхождением не только тому, что он в ней хотел заострить положения, выдвинутые им в предыдущей книге, но и тому, что новая книга Хазебрека явилась в результате курса по древней истории, читанного Хазебреком в Кельнском университете. Это конечно расширенные, дополненные, снабженные аппаратом лекции. Но дух последних в книге чувствуется для более или менее опытного университетского преподавателя, и этим духом объясняется и некоторая догматичность построения и изложения, встречающиеся повторения, о наличии которых предупреждает в предисловии сам Хазебрек; и эта, я бы сказал, назойливость, с которой Хазебрек старается как бы вбить в голову читателя, что высказываемые им основные положения являются для него руководящими и таковыми же должны быть и для читателя. Эта назойливость и эти повторения несколько расхолаживают читателя, которому не придется сдавать экзамен у Хазебрека по прочитанной книге. Новая книга Хазебрека совершенно правильно не имеет подзаголовка «*Untersuchungen*». Всякое исследование по характеру своему и по методу неизбежно должно представлять анализ, лабораторную работу, и этим требованиям «*Staat und Handel*» Хазебрека в значительной степени удовлетворяют, поэтому некоторые части его заслуживают и теперь всякого внимания и, надо полагать, войдут в научный обиход, потому что то, что хотел в них доказать Хазебрек, он и доказал — так мне кажется. Новая книга Хазебрека — типичная работа синтетического характера, поэтому она и найдёт, вероятно, более широкий круг читателей. Но — и с этим, я думаю, согласится всякий — всякая синтетическая работа, если она желает быть более или менее убедительной в своих выводах, должна основываться на предварительном анализе, построенном не только на привлечении

источников, но и на критическом их рассмотрении, а в вопросах запутанных и сложных — на детальном их разборе. Этого в новой книге Хазебрека почти нет, если не считать нескольких страниц, посвященных разбору вопроса о навкрариях, играющие роль своего рода экскурса и, вероятно, потому даже и напечатанных петитом. Но далеко не один вопрос о навкрариях в сложной и далеко не всегда прочно установленной социально-экономической истории архаической Греции все еще нуждается в специальной аналитической работе. Указание Хазебрека в предисловии на то, что состояние наших источников по затронутым им вопросам не позволяет идти дальше выяснения общих основ и общих положений, не только не оправдывает своевременности подводить синтез, но как раз наоборот предостерегает от этого. Хазебрек, давая преждевременный на мой взгляд синтез, при отсутствии аналитических работ по многим из затронутых и к тому же заостренных им вопросам, впал в ту же ошибку, в какую впали его антагонисты «модернизирующего лагеря», которые во многих случаях обобщили то, что требовало еще частного исследования. «Модернизирующее направление», как правильно указывает Хазебрек, явилось как реакция против господствовавшего раньше «идеализирующего направления». Труды самого Хазебрека и ученых более или менее одного с ним лагеря, среди которых нужно особенно отметить Oertel'я, должны быть рассматриваемы тоже как реакция против «модернизирующего направления». И в этом, на мой взгляд, главное и непререкаемое значение обеих книг Хазебрека и его журнальных статей. Однако главная ошибка представителей обоих направлений заключается, по моему, в некотором, если можно так выразиться, предвзятом отношении к греческому экономическому быту. «Модернисты» его до чрезвычайности усложнили, Хазебрек, в свою очередь, его чрезвычайно упростил. У «модернистов» жизнь этого быта даже в VII—VI вв. бьет, что называется, ключом, у Хазебрека она еле-еле движется вперед, отпавляясь потихоньку от уклада, обрисованного в гомеровском эпосе. У «модернистов» взят темп *allegro*, у Хазебрека — темп *allegro moderato*. И «модернисты», и Хазебрек несомненно, подошли к нарисованной им картине с заранее составленными к ним предпосылками общего характера, чем бы предпосылки эти подсказаны ни были. Без так называемой рабочей гипотезы исследователь, разумеется, работать не может; но эта рабочая гипотеза должна явиться, в особенности при изучении античности, имевшей, что бы ни говорили, свой специфический характер, и во многом, очень многом обусловленной и печальным состоянием и особо свойственным ей характером имеющейся в руках исследователя традиции — эта рабочая гипотеза должна явиться в результате критического изучения этой традиции. Стоит сойти с этой позиции критического изучения античной традиции, и мы неизбежно впадем в какой-либо «изм», и будем к нему подгонять наше историческое построение, едва ли к его выгоде и его убедительности для того, кто не хочет служить ни богу, ни мамоне, а хочет служить знанию.

Как бы ни относиться к книге Хазебрека, должно признать появление ее и желательным, и своевременным именно как реакцию, впадающую однако в противоположную господствовавшему направлению [тенденцию] крайнего «упрощенства». И это особенно важно потому, что господствовавшее направление было представлено выдающимися учеными, властвовавшими и продолжающими властвовать, в большей или меньшей степени, над умами недавнего и теперь еще не сданного в архив поколения историков, изучающих Грецию, хотя главные корифеи этого направления постепенно сошли в могилу, но влияние их, конечно, еще долго будет чувствоваться. И для исследователя, желающего стоять на собственных ногах, все еще продолжает оставаться привлекательной задача не только проверить при помощи критического изучения источников, кто был прав и кто не прав в своем построении социально-экономической истории Греции, но и проложить к этому построению новую дорогу. При этом, может быть, целесообразнее будет восходить от эпох более поздних к эпохам более ранним, потому что для первых наша традиция и полнее, и надежнее благодаря достаточному обилию документального материала, который при умелом его использовании всегда будет говорить сам за себя и, возможно, потребует меньше даже «рабочих гипотез», так как он дает исследователю в руки факты. Тогда, быть может, и не получится того трагического положения, о котором говорит в предисловии Хазебрек и при котором оказалось, что оперируя над тем же материалом, что был в руках его предшественников, он пришел по сравнению с ними к диаметрально противоположным выводам.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ РОСТОВЦЕВ И ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ИВАНОВ

(Новые материалы)

О дружбе выдающегося антиковеда академика М.И. Ростовцева и знаменитого поэта серебряного века В.И. Иванова известно немного. Скупые сведения об их знакомстве содержатся в «Автобиографическом письме» поэта (1917 г.)¹; мы знаем также, что В.И. Иванов посвятил М.И. Ростовцеву стихотворение в сборнике «Нежная тайна» (1912)²; его он благодарил за помощь в своей напечатанной по-латыни диссертации³. О близком знакомстве родителей с Ростовцевыми сообщает в своих воспоминаниях и Лидия Вячеславовна Иванова⁴. И, наконец, недавно появилась книга голландского историка М. Веса о М.И. Ростовцеве, в которой тема «Ростовцев и Иванов» лишь намечена⁵.

Однако новые архивные материалы⁶ позволяют значительно расширить круг источников, свидетельствующих о дружбе Ростовцева и Иванова – двух крупнейших фигур отечественной и мировой науки и культуры первой половины XX в.

Впервые М.И. Ростовцев и В.И. Иванов встретились в Риме в 1893 г. Путь, приведший молодых русских ученых в Вечный город, был типичен для того времени: воспитанники разных университетов России – и В.И. Иванов, и М.И. Ростовцев прибыли в Рим для работы над магистерскими диссертациями. За плечами первого из них были несколько лет учебы в Московском университете под руководством известного профессора, в будущем крупнейшего историка права П.Г. Виноградова, стажировка в Германии и кропотливые занятия по древней истории и филологии в семинариях Т. Моммзена и О. Хиршфельда. В 1891 г. В.И. Иванов работал над диссертацией в Париже, откуда по настоятельным рекомендациям И.М. Гревса и совершил свое первое путешествие в Италию⁷.

М.И. Ростовцев учился в Киевском университете св. Владимира, но затем переехал в Петербург, где закончил свое образование в столичном университете. По окончании университета он год преподавал в Николаевской гимназии в Царском Селе⁸ (ее

¹ Иванов В.И. Собр. соч. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 19.

² Он же. Собр. соч. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 59.

³ *Ivanov Venceslaus. De societibus vectigalium publicarum populi Romani* // ЗКО. ИРАО. Т. VI. СПб., 1910. Предисловие.

⁴ Иванова Л.В. Воспоминания. Книга об отце. Париж, 1990 (2-е изд. – М., 1992). С. 39.

⁵ *Marinus A. Wes. Michael Rostovtseff: Historian in Exile.* Stuttgart, 1990.

⁶ Один из авторов – Г.М. Бонгард-Левин – разыскал в библиотеке редких книг Йельского университета (Weiske Library) книгу В.И. Иванова «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923), которую поэт в мае 1925 г. послал в Нью-Хейвен академику М.И. Ростовцеву с дарственной надписью. По совету американского литературоведа М. Вахтеля Г.М. Бонгард-Левин написал в Рим сыну Вячеслава Иванова, Дмитрию Вячеславовичу, и попросил сообщить, не сохранились ли какие-либо письма Ростовцевых в семейном архиве В. Иванова. К счастью, сохранилось письмо, посланное Ростовцевым В. Иванову в Рим 5 июня 1925 г. Это письмо и соединило историка Г.М. Бонгард-Левина и литературоведа М. Вахтеля в работе над этой статьей в Принстоне. Затем уже в Москве в подготовке статьи активно участвовал и В.Ю. Зуев, который представил ряд ценных материалов разных архивов России: они существенно изменили первоначальный вариант статьи.

⁷ См. Автобиографическое письмо В. Иванова // Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С. 314–315.

⁸ В великолепно написанном предисловии к переизданию книги М.И. Ростовцева «Социально-экономическая история Римской империи» Ж. Андро допустил досадную ошибку, указав, что М.И. Ростовцев после университета стал преподавать в Царскоевском лицее, слава и известность которого во многом связана с именем А.С. Пушкина (*Andreau J. Introduction // Rostovtseff M. Histoire économique et sociale de L'Empire Romain.* P., 1988. P. VIII). Между тем с Николаевской Царскоевской гимназией, где работал М.И. Ростовцев, связаны многие имена творцов русской культуры «серебряного века». Среди них в первую очередь надо назвать имена И.Ф. Анненского и Н.С. Гумилева.

директором с 1896 по 1905 г. был И.Ф. Анненский), а затем при поддержке И.В. Помяловского – декана историко-филологического факультета Петербургского университета и одного из своих учителей – Ф.Ф. Зелинского выехал в 1893 г. в первую летнюю заграничную командировку, маршрут которой пролегал через Константинополь, Афины, острова Эгейского моря, Грецию, Вену и заканчивался в Италии – в Риме и в Помпеях.

Одно из самых ранних по времени свидетельств в литературе о знакомстве и дружбе двух ученых мы находим в воспоминаниях М.В. Нестерова, встретившего во время своего второго путешествия в Рим в 1893 г. целую плеяду будущих замечательных русских ученых, писателей и художников⁹.

Встреча в Риме и для М.И. Ростовцева и для В.И. Иванова оказалась весьма значительным событием в их жизни. Имеется ряд свидетельств, говорящих о том, что в начале их знакомства В.И. Иванов оказал определенное влияние на становление научных интересов М.И. Ростовцева. Еще до поездки в Италию М.И. Ростовцев намеревался заняться изучением античной декоративной живописи. В семинарии Н.П. Кондакова он специально интересовался историей развития живописи Помпей. На эту тему в 1892 г. им была написана дипломная работа, за которую он получил малую золотую медаль Санкт-Петербургского университета.

Поездка М.И. Ростовцева в 1893 г. в Италию имела своей главной задачей продолжение этой работы, и прежде всего непосредственное знакомство в Помпеях с образцами декоративной живописи. Однако вернувшись в Россию и опубликовав по результатам поездки свою первую научную статью¹⁰, М.И. Ростовцев обратился в университет с просьбой об утверждении за ним новой диссертационной темы, для работы над которой он и получил в 1895 г. двухгодичную заграничную командировку. В чем же причина этих перемен в ранней творческой биографии Ростовцева? В 1893 г. он совершил путешествие в Помпеи вместе с В.И. Ивановым. Там молодые ученые познакомились с великолепным знатоком Помпей Августом Мау и слушали его лекции прямо у стен с декоративной живописью, там они сдружились, и М.И. Ростовцев особо заинтересовался темой диссертационной работы В.И. Иванова. С В.И. Ивановым М.И. Ростовцев посещал Германский археологический институт, где благодаря Х. Хюльзену познакомился с У. Виламовицем-Мёллендорфом и О. Хиршфельдом, что очень повлияло на круг его научных интересов¹¹. Именно в Риме в 1893 г. у М.И. Ростовцева созрел замысел заняться совершенно другой работой – изучением системы государственного откупа времен Римской империи. Так,

⁹ *Нестеров М.В.* Давние дни. Уфа, 1986. С. 106. Следует, правда, отметить, что воспоминание о знакомстве с М.И. Ростовцевым и В.И. Ивановым в Риме М.В. Нестеров ошибочно отнес ко времени своей первой поездки в Италию в 1889 г. Ни М.И. Ростовцев, ни В.И. Иванов в тот год быть в Риме не могли. О В.И. Иванове М.В. Нестеров упоминает и в описании путешествия 1893 г. (там же, с. 176).

¹⁰ *Ростовцев М.И.* О новейших раскопках в Помпеях // ЖМНП. 1894, январь, февраль. Отд. IV; Отд. отд. СПб., 1894. 57 с.

¹¹ *Иванов В.И.* Собр. соч. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 19: «Я посещал Германский Археологический институт, участвовал вместе с его питомцами ("ragazzi Capitolini") в обходах древностей, думал только о филологии и археологии и медленно перерабатывал заново, углублял и расширял свою диссертацию...». О работе М.И. Ростовцева в Германском Археологическом институте см.: *Марконе А.* Петербург–Рим–Берлин. Встреча М.И. Ростовцева с немецким антропологом // ВДИ. 1992. № 1. С. 213–223; см. также: *Marcone A. Michele Rostovtseff e l'Institut Archeologico Germanico di Roma: la corrispondenza con Christian Hülsen (1894–1927)* // *Critica Storica*. 1988. V. 25. P. 339–350. Работая в Германском Археологическом институте в Риме, М.И. Ростовцев сблизился с известным немецким ученым У. Виламовицем-Мёллендорфом (тестем Т. Моммзена – учителя В.И. Иванова). Прочитав первые статьи молодого русского историка, Виламовиц предсказал, что «со временем Ростовцев станет первым историком мира... Великий старец гордился впоследствии, что оказался пророком и за полгода до своей смерти печатно заявил, что, по его мнению, в настоящее время первый историк в мире – Ростовцев» / Цит. по: *Варшав Т.* 40-летие ученой деятельности проф. М.И. Ростовцева // *Сегодня*. 1934, № 34. См. также письма У. Виламовица-Мёллендорфа к М.И. Ростовцеву: *Gavrilov A. Drei Briefe von Ulrich von Wilamovitz-Moellendorf an Michael I. Rostovtseff aus dem Jahre 1914* // *Philologus*. 1990. Bd 2. S. 238–247; *William M. Calder III. The Later Letters of Ulrich von Wilamovitz-Moellendorf to Michael I. Rostovtseff* // *Ibid.* S. 248–253; *Funck B. Rez.: Reinhold Bichler, Hellenismus...* // *Klio*. 1991. Bd 73, 1. S. 323 сл. *Funck B. Michael Rostovtseff und die Berliner Akademie* // *Klio*. 1992. Bd 74. S. 456–473.

благодаря своему другу и участию немецких коллег (прежде всего О. Хиршфельда) в Риме возник своего рода научный дуэт молодых русских ученых. В.И. Иванов, прошедший подготовку в семинарии Т. Моммзена, занялся изучением сообществ государственных откупщиков времен Римской республики, а М.И. Ростовцев посвятил себя исследованию системы государственного откупа в Римской империи.

В память о встрече в Риме в 1893 г. и их совместной поездке в Помпеи М.И. Ростовцев подарил В.И. Иванову изданную отдельной брошюрой статью 1894 г.¹² Другим напоминанием о событиях 1893 г., напоминанием печальном, служит хранящаяся ныне в фонде В.И. Иванова напечатанное сообщение (листок), в котором друзья и коллеги Августа Мау известили научную мировую общественность о смерти этого великого знатока Помпей. Текст этой «листочки», подаренный В. Иванову М. Ростовцевым в 1910 г. хранится в архиве В.И. Иванова¹³.

Годы стажировки за границей были весьма плодотворными для молодых ученых, хотя их научные карьеры сложились по-разному. М.И. Ростовцев с 1895 по 1897 г. объехал не только Италию, но и побывал в Греции, Австрии, Испании, Франции, Англии и даже совершил «полукочевое» путешествие по Алжиру, знакомясь с руинами Карфагена и римских вилл Ливии¹⁴. По возвращении в Россию на основании собранных и обработанных материалов он издал более десятка научных статей, написал и защитил в 1899 г. магистерскую диссертацию¹⁵, а в 1903 г. столь же успешно издал и защитил докторскую диссертацию, посвященную изучению археологическим историческим источникам по экономической истории Рима¹⁶. В 33 года М.И. Ростовцев стал ординарным профессором Санкт-Петербургского университета, в 37 лет он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук, имя его уже хорошо было известно антиковедам многих стран мира.

Совершенно по-иному сложилась научная судьба В.И. Иванова. Человек совершенно особого склада, он так и не решился представить к защите законченную им диссертацию, прочитанную и одобренную его учителями – О. Хиршфельдом и Т. Моммзеном¹⁷. Постепенно он вовсе отходит от проблем социально-экономической истории Римской империи; его стихией становится мир эллинской культуры, греческая и латинская поэзия, собственно философско-поэтическое творчество, Поэзия в самом высоком смысле этого слова.

Когда В.И. Иванов вернулся в Россию и поселился в Петербурге на Таврической, в знаменитой впоследствии «Ивановской» башне, старые друзья встретились уже в совершенно новом качестве. М.И. Ростовцев уже был профессором университета, представителем интеллектуальной элиты Санкт-Петербурга, человеком, близким литературным, художественным и театральным кругам Северной Пальмиры (этому особенно содействовала супруга Михаила Ивановича – Софья Михайловна Ростовцева). В.И. Иванов – филолог-классик по образованию, не пожелавший сделать научной карьеры, глубоко увлекался поэзией и философией, но ему еще только предстояло утвердиться в петербургских философско-литературных кругах и достичь признания среди скупой на похвалы столичной интеллигенции. Начинается как бы

---

¹² В 1989 г. В.Ю. Зуеву посчастливилось приобрести в одном из букинистических магазинов Москвы отгиск статьи М.И. Ростовцева «О новейших раскопках в Помпеях» с дарственной надписью – «Дорогому Вячеславу Ивановичу Иванову от автора».

¹³ Российская государственная (быв. Румянцевская) библиотека. Рукописный отдел (далее – РГБ. РО). Ф. 109 (В.И. Иванова). Картон 33. Ед. хр. 86. Л. 10. См. также: *Ростовцев М.И. Август Мау // ЖМНП. 1909, май. Отд. II. С. 30–34; он же. Август Мау // Гермес. 1909. № 7. С. 279–282.*

¹⁴ О поездках М.И. Ростовцева в 1895–1897 гг. см.: *Тихонов И.Л. Заграничные командировки М.И. Ростовцева: становление археолога // Скифия и Боспор. Материалы археологической конференции в честь М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 12–14.*

¹⁵ *Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана) // Зап. ИФФСПБУ. Т. 51. СПб., 1899. XIV. 304 с. Можно отметить, что Ростовцев, расходясь с Моммзеном в чтении и толковании одного термина, ссылается на мнение В.И. Иванова (там же. С. 81. Прим. 3).*

¹⁶ *Ростовцев М.И. Римские свинцовые тессеры // Зап. ИФФСПБУ. Т. 67. СПб., 1903. VIII. 332 с. 5 табл.; Атлас: Tesserae plumbeae urbis Romae et suburbii. Табл. I–XII. СПб., 1903.*

¹⁷ См. Автобиографическое письмо // *Иванова. Ук. соч. С. 316.*

новый период взаимоотношений М.И. Ростовцева и В.И. Иванова, период, может быть, самый светлый в их жизни, наполненный радостью постоянного дружеского общения. На протяжении нескольких лет семьи Иванова и Ростовцева встречаются буквально еженедельно. М.И. и С.М. Ростовцевы становятся всегда гостями собраний на башне. Башенный житель, как называл В.И. Иванова Андрей Белый, Л.Д. Зиновьева-Аннибал и ее дочь В.К. Шварсалон регулярно посещают ростовцевские «журфиксы» (jour fixe) в их квартире на Большой Морской¹⁸.

Но не только веселые застолья, общие литературные интересы и глубокие философские беседы сближают давних друзей. С момента приезда В.И. Иванова в Петербург М.И. Ростовцев становится его научным «temento», убеждая своего друга и коллег в необходимости довести до конца диссертацию, в завершении которой М.И. Ростовцев, зная об интереснейших выводах Иванова, был заинтересован прежде всего как специалист по социально-экономической истории Рима¹⁹. Именно под давлением М.И. Ростовцева В.И. Иванов возвращается к работе над диссертацией. О его отношении к идее М.И. Ростовцева – издать написанную по-латыни диссертацию о публикациях в приложениях к «Запискам Императорского Русского Археологического Общества» – свидетельствует запись в дневнике поэта о посещении 13 июня 1906 г. Ученого секретаря Общества С.А. Жебелева: «Застаю Жебелева, с которым должен условиться о сдаче моей латинской работы в типографию Записок Археологического Общества. В глубине души не желал застать его дома и в Петербурге, чтобы не связывать себя обязательством летнего пребывания здесь. Но все устраивается; только он не ручается за быстроту печатания, так как наборщики от рук отбилиси. У него знакомлюсь с юным профессором, археологом Мальмбергом. Внешность Записок Арх[еологического] Общества мне заманчива. Убеждаюсь в этом по книге Мальмберга. Скучные специалисты с какой-то печатью забитости. В Жебелеве что-то вульгарное и не видел доброжелательности, при всей любезности»²⁰.

Как это ни парадоксально, но яркий поэтический талант, разнообразные творческие интересы В.И. Иванова, о чем свидетельствуют дневники поэта 1906 г., затягивали работу над книгой. В 1907 г. появилась корректура ивановской диссертации, но даже работу над ней В.И. Иванов постоянно откладывал. Уезжая на лето в имение Загорье, он захватил с собой корректуру, надеясь к осени все же закончить ее сверку. Однако и этому не суждено было сбыться. 23 сентября 1907 г. В.И. Иванов получил письмо от М.И. Ростовцева:

«Дорогой Вячеслав Иванович!

Корректура! Вижу, что Вам это неприятно, не нахожу, чтобы было приятно быть Вашим temento, но что же делать. Пробил последний час, и редакция журнала, которой Вы, между прочим, не ответили, несмотря на все мои старания не согласна больше ждать: Латинский шрифт нужен до зареза. Итак, жду корректуры. Последний срок – 2 недели от сегодняшнего дня, а затем набор будет рассыпан. Видите, какие мрачные перспективы я рисую. Не пишу Вам о себе, т.к. надеюсь скоро свидеться, да и некогда – завтра лекция и т.д., и т.д. Соңя кланяется. Привет Лидии Дмитриевне.

Преданный Вам М. Ростовцев»²¹

¹⁸ Бердяев Н.А. «Ивановские среды» // Там же. С. 322; Белый А. Начало века. М., 1990. С. 357; Иванова. Ук. соч. С. 39; в Рукописном отделе Пушкинского дома в фонде В.И. Иванова хранится одно из приглашений на «журфикс» Ростовцевых В.И. Иванову // Ф. 607. Ед. хр. 262. 1908 г.

¹⁹ Об участии М.И. Ростовцева в издании диссертации свидетельствует также письмо В.И. Иванова к О. Хиршфельду от 14/1 марта 1906 г. Переписка В.И. Иванова с О. Хиршфельдом находится в Deutsche Staatsbibliothek Berlin in der Stiftung Preussischer Kulturbesitz, Handschriftenabteilung, Nachlass Otto Hirschfeld (готовится к печати М. Вахтелем).

²⁰ Иванов В.И. Дневник 1906 г. // Собр. соч. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 749.

²¹ РГБ. ОР. Ф. 109. Картон 33. Ед. хр. 86. Л. 2.

Это письмо В.И. Иванов оставил без ответа. Страшная беда постигла его в эти дни – внезапно заболела, а через несколько дней скоропостижно скончалась его жена Л.Д. Зиновьева-Аннибал.

Смерть жены глубоко потрясла В.И. Иванова. Многие прежние замыслы, круг интересов как бы заново переоцениваются. Надолго – почти на два года – он отходит от работы над диссертацией. М.И. Ростовцев с пониманием относится к состоянию своего друга и стремится помочь ему во всем, чем может. Летом 1908 г. Ростовцевы приглашают В.И. Иванова и его падчерицу В.К. Шварсалон к себе на дачу в Мисхор. Письмо С.М. Ростовцевой к В.К. Шварсалон от 16 июня 1908 г. – любопытный документ, раскрывающий атмосферу, в которой семья Ростовцевых отдыхала и работала в Крыму (М.И. Ростовцев в эти годы скрупулезно собирал материалы для своего капитального исследования по истории декоративной живописи Южной России):

«Дорогая Вера, очень благодарю Вас за письмо; я просила Вам передать Дм.Евг. о нас сведения, которые теперь все переменялись: М[ихаил] И[ванович] задержан здесь работой художника Фармаковского, который приехал в Керчь лишь 12-го и не успел к 15-му ничего еще сделать, поэтому М[ихаил] И[ванович] выезжает в Керчь только к среде 18-го и вернется в Мисхор в среду 25-го, поэтому пробудем мы здесь гораздо дольше, чем полагали раньше и уедем не раньше 7-го июля. Мы надеемся, что Вам и Вячеславу Ивановичу будет возможно приехать к нам в это время. Если Вячеслав Иванович придет в Судак числа 16-го, то до 25-го уже успеет отдохнуть и не поленится к нам приехать. Вас жду непременно. Я надеюсь, что южный берег Вам понравится. Съездим и на Ай-Тодор, посмотрим римский город, остаток римского гарнизона. Мы были бы очень рады, если бы Вы оба собрались к нам дней на 10 и приехали бы тоже 26–27 июня (не знаю, как заходят пароходы в Судак, а то можно было бы захватить тот же пароход, на кот[ором] поедет М.И.). Вячеслав Иванович мог бы взять с собой какую-либо из своих работ, т.к. М[ихаил] И[ванович] тоже каждый день будет писать (у нас не жарко и днем до 4–5 часов все работают), вечером будем делать прогулки, утром купаться. Мы здесь все занимаемся купаньем, теннисом и гуляньем пешком и верхом, надеюсь и Вы с Вячеславом Ивановичем найдете удовольствие в такой незамысловатой жизни, здесь полная противоположность городу – нет ни суеты, ни народа. Буду ждать ответа, надеемся удовлетворительного, и будем поджидать Вас обоих (или Вас одну, если В.И. не выберется) в конце месяца, чем скорей, тем лучше. Привет от нас обоих Вячеславу Ивановичу. М[ихаил] И[ванович] просит передать Вам свой поклон.

Сердечно преданная С. Ростовцева»²²

20 июля В.К. Шварсалон получила открытку от Ростовцевых, которые уезжали на Международный конгресс историков в Берлин:

«Дорогие Вера и Вячеслав Иванович. Очень, очень жалеем, что не удалось повидаться в Крыму. Завтра отправляемся на конгресс в Берлин и далее в Бельгию и Голландию. Когда Вы вернетесь в Петербург? Надеемся вскоре по приезде увидеться. Желаем счастливого пребывания в Крыму и удачной работы.

Сердечно преданная С. Ростовцева»²³

Вернувшись из поездки, М.И. Ростовцев вновь обратился к В.И. Иванову с предложением закончить работу над диссертацией. Набор текста возобновляется под наблюдением С.А. Жебелева в начале 1909 г. Летом корректуры книги были вновь на столе В.И. Иванова. 3 августа 1909 г. он записывает в дневнике: «День большею частью был занят правкою латинских корректур. Странная тягучесть моей жизни

²² Там же. Ед. хр. 90. Л. 1.

²³ Там же. Ед. хр. 88. Л. 1.

заставляет меня считаться еще теперь с тем, что принадлежало, казалось бы, чьей-то чужой жизни»²⁴. Работа над корректурой диссертации, которую он уже считал почти «мертвым делом», тяготила В.И. Иванова. Его друзья терпеливо ждали, пока была возможность, но время уходило, а выправленных листов книги редакция «Записок» все не получала. Наконец, 30 ноября 1909 г. М.И. Ростовцев вновь пишет В.И. Иванову и на этот раз суровое письмо.

«Здесь. Его Высокоблагородию Вячеславу Ивановичу Иванову

Таврическая, 25

Дорогой Вячеслав Иванович!

Я только что получил еще одно письмо от С.А. Жебелева по поводу печатания Ваших публиканов. Он мне пишет по поводу невозвращения корректур: "остается одно – перенести дело в Совет Общества" и просить его разобрать набор и покончить с этим делом. Но до исполнения этой угрозы он еще раз обратился ко мне и просил меня настоять, чтобы Вы вернули корректуру "в недельный срок", т.е. до 5 декабря 1909 г. Неужели Вам, Вячеслав Иванович, так трудно исправить без всяких изменений корректуру нескольких листов? Ведь мы, кажется, сговорились с М[арией] М[ихайловной] (Замятниной. – Г.Б.-Л., М.В., В.З.), что теперь работа пойдет в соотв[етствующий] том Записок без предисловия и добавлений, которые будут добавлены впоследствии; когда будут они, выйдет вся книга как отдельное издание, до этого же времени отпечатанные листы будут лежать и ждать предисловия и приложений, которые войдут в след[ующий] том Записок. Редакция же действительно больше ждать не может, т.к. она сама находится под контролем Общества и не может выпустить очередного тома Записок, выпустить который надо уже давно и в бюджет которого входит Ваша работа. Я готов был прочитать корректуру и исправить ссылки, поскольку это нужно. Почему Вы мне не прислали ни одного листа? Поторопитесь, Вячеслав Иванович, неприятно было бы, если бы вся наша затея кончилась таким жалким крахом. Соня Вам кланяется; ждем Вас в ближайший Вторник.

Преданный Вам М. Ростовцев»²⁵

Письмо М.И. Ростовцева возымело свое действие. Корректура была возвращена редакции в недельный срок, и печатание труда В.И. Иванова было продолжено. 1 апреля 1910 г. он получил от своего друга еще одну и, очевидно, последнюю записку, связанную с публикацией диссертации.

«Дорогой Вячеслав Иванович!

Печатание публиканов кончилось. Если хотите, чтобы были и Addenda, то изготовьте их немедленно: С.А. Жебелеву во что бы то ни стало нужно выпустить том, задержанный на много месяцев. Если не успеете, то сообщите; том будет выпущен без Addenda, оттиски останутся лежать, а Addenda будут приложены к следующему тому. Не откажите уведомить о Вашем решении как можно скорее.

Преданный Вам М. Ростовцев
31 марта 1910»²⁶

Благодаря дружеской настойчивости М.И. Ростовцева В.И. Иванов закончил Addenda и написал краткое предисловие к работе, в котором поблагодарил не только своих учителей О. Хиршфельда и Т. Моммзена, но и своего старинного друга за

²⁴ Иванов В.И. Собр. соч. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 781.

²⁵ РГБ. ОР. Ф. 109. Картон 33. Ед. хр. 86. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 3.

помощь и заботу²⁷. В законченном виде диссертация появилась в шестом томе «Записок Императорского Русского Археологического Общества», а через два года В.И. Иванов опубликовал стихотворение, посвященное М.И. Ростовцеву:

Φθορᾶς μὲν ἐκσώσαντι τὸν πάλαι σπόρον
λόγου δ' ἄελλτον καρπὸν ἀντεῖλαντί σοι
σπεύρας ἀπαρχῶν αὐξίμῳ φέρω χάριν.²⁸

В архивах Москвы и Санкт-Петербурга хранятся еще 18 писем Ростовцевых к В.И. Иванову, В.К. Шварсалон (Ивановой), М.М. Замятниной, относящиеся к 1908–1917 гг.²⁹ Для нашей темы наиболее интересны три.

В 1911 г. после женитьбы на своей падчерице В.К. Шварсалон В.И. Иванов был вынужден покинуть Санкт-Петербург и отправиться с семьей за границу. Ростовцевы были в числе тех, кто продолжал сохранять с Ивановыми прежнюю дружбу. Более того, они всячески помогали им найти литературную и научную работу. М.И. Ростовцев вместе с Ф.Ф. Зелинским пригласили Ивановых участвовать в большом проекте по изданию трудов зарубежных историков в серии Брокгауза–Ефрона «История европейской культуры». Они же рекомендовали М.В. Сабашникову В.И. Иванова в качестве переводчика трагедий Эсхила³⁰. Ростовцев внимательно следил за этой работой и считал ее одним из самых важных научных занятий поэта.

В письме, направленном в Рим 6/19 марта 1913 г., читаем:

«Дорогой Вячеслав Иванович!

Спасибо Вам за Ваше милое письмо! Я, конечно, очень рад буду сотрудничать в Studi Romani и постараюсь найти время, чтобы в ближайшем будущем написать для них статейку³¹. Сердечно порадовался тому, что Вам не только живется, но и работаете хорошо. От добра добра не ищут, и я с Вами совершенно согласен, что Эсхил порусски важнее для России, чем несколько лекций, прочитанных на Раевских курсах³². С нетерпением будем ждать и обещанного Эсхила и возрождающегося Диониса³³. С тех пор как Вы уехали, я перестал видеть молодую литературу, которая, впрочем, уже стареется, как и мы с Вами, и уже дошла до ἄκρῃ, от которой мы с Вами не то далеки еще, не то уже пережили ее, сами этого не заметив. Извините меня за краткость этих строк. У меня необычайное количество всяких дел, еще усугубляющееся тем, что собираюсь в конце будущей недели ехать на конгресс в Лондон³⁴, где буду читать

²⁷ Любопытно указать, что сам В.И. Иванов в 1912 г., уже целиком поглощенный поэзией, считал лишь Ф.Ф. Зелинского высшим авторитетом в греческом: именно он непременно должен был прочитать корректуру «последних страничек с греческим текстом» – «Я бы и Ростовцеву их неохотно доверил!» – см. *Вахтель М.* Из переписки В.И. Иванова с А.Д. Скалдиным // *Минувшее*. Париж, 1990. Вып. 10. С. 130.

²⁸ «Тебе, кто спас от тленья семя прежних дней,
Взрастил нежданный плод трудов, я, сеятель,
Взлелеявшему всходы приношу хвалу»
(перевод с греческого А.В. Муравьева).

²⁹ РГБ. ОР. Ф. 109. Картон 33. Ед. хр. 86–90; РГИА. Ф. 1041. Ед. хр. 119. Сейчас эта переписка готовится к изданию Г.М. Бонгард-Левиным и В.Ю. Зуевым.

³⁰ Подробнее см. *Комрелев Н.В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // *Эсхил. Трагедии*. М.: Наука, 1989. С. 497–522.

³¹ В связи с начавшейся войной М.И. Ростовцев не успел выполнить это намерение.

³² В 1910 г. после защиты магистерской диссертации В.И. Иванов стал профессором истории греческой литературы на Высших женских курсах Н.П. Раева, сменив на кафедре скончавшегося в 1909 г. И.Ф. Анненского.

³³ Очевидно, имеется в виду напечатанная лишь в 1913 г. статья: *Иванов В.И.* О Дионисе орфическом // *Русская мысль*. 1913. № 11. С. 70–98. На дионисийскую тему к этому времени В.И. Иванов опубликовал целый ряд статей (Эллинская религия страдающего бога // *Новый путь*. 1904. № 1. С. 110–134; № 2. С. 48–78; № 3. С. 38–61; № 5. С. 28–40; № 7. С. 17–26. Религия Диониса: ее происхождение и влияние // *Вопросы жизни*. 1905. № 6. С. 184–220; № 7. С. 122–148).

³⁴ В марте 1913 г. в Лондоне состоялся Второй Международный конгресс историков, на котором делегация России была представлена следующими блестящими учеными: Н.А. Котляревский, Ф.И. Щербатской, М.И. Ростовцев, граф. А.А. Бобринский, Б.В. Фармаковский, Е.М. Придик.

целых два доклада³⁵. Оба отчасти по религиозно-историческим вопросам. Меня захватил юг России и его ирано-греческая религия. В виду конгресса и отъезда приходится удвоить рабочую энергию, а вместе с тем и количество лекций и занятий, чтобы не быть обвиненным в *defraudatio dolosu* (коварном обмане. – Г.Б.-Л., М.В., В.З.) своих слушателей и слушательниц.

Желаю Вам всего хорошего, привет Вере Конст[антиновне]! И то, и другое от меня и от Сони.

Преданный Вам М. Ростовцев»³⁶

В 1914 г. М.И. Ростовцев отправил вернувшемуся в Россию и поселившемуся в Москве В.И. Иванову только что изданную книгу «Античная декоративная живопись на юге России». В ответ он получил письмо, датированное 25/8 мая 1914 г.

«Дорогой Михаил Иванович,

Приношу Вам глубокую благодарность за Ваш чудесный подарок, предмет моего и здешних моих приятелей глубочайшего восхищения. Жаль только, что на этом Monumentum Вашего изумительного творчества – и вместе Вашего дружеского ко мне расположения – нет Вашего автографа, что делает *μημόβουνον φίλῳτητος ἀνώνυμον ἡδ'ἀγέλαστον*... Эти два тома на моем столе радуют меня несказанно и всечасно. Радуют эстетически и питают во мне душу филолога, живучую несмотря на 40-летний режим Марии Египетской, которому я ее подвергаю; ей, привыкшей довольствоваться акридами, Вы предложили *ἀλαῖ δέϊπνα*. Засим пока просто обнимаю Вас, а дорогой Софии Михайловне целую руки.

Любящий Вас Вяч. Иванов»³⁷

Прошло три года, наполненных не только научными поисками и поэтическим творчеством, но и крупнейшими политическими событиями, которые коренным образом изменили судьбы друзей. Особенно потрясли их события октября 1917 г. 5 января 1918 г. В.И. Иванов получил почтовую открытку от М.И. Ростовцева, избранного весной 1917 г. членом Российской Академии наук (отправлена из Петербурга в Москву 27 декабря 1917 г.)

«Дорогой Вячеслав Иванович!

Услыхал, что Вы опять в Москве и хотел просить Вас, не можете ли Вы как-нибудь, хотя бы по почте, переслать мне X том Оксиринских папирусов. Мне он сейчас очень нужен, а в Петербурге второго экз[емпляра] ни у кого нет. Как Вы поживаете? Как переносите крушение? Черкните, если найдете время, два слова. Очень хотелось бы повидать Вас и побеседовать. Но это, очевидно, в области мечтаний. Утешаюсь мыслью, что в истории бывали времена, когда людям жилось еще хуже. Вряд ли однако можно найти эпоху, когда бы в одном месте собралось столько людской подлости. Побиваем рекорд. Всего хорошего. Привет Вашим.

Преданный Вам М. Ростовцев
27 декабря 1917 г.»³⁸

³⁵ *Rostowzew M. Iranism and Ionism in South Russia*. СПб., 1913. Тип. РАИ. 8 с.; *Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд // Материалы по археологии России*. Пг., 1914. С. 68–79.

³⁶ РГБ. ОР. Ф. 109 (В.И. Иванова). Картон 33. Ед. хр. 86. Л. 6.

³⁷ Письмо из архива Ю. Анненкова. Ныне в РГИА. Ф. 1041. Ед. хр. 119. Л. 6.

³⁸ РГБ. ОР. Ф. 109. Картон 33. Ед. хр. 86. Л. 8.

В этот же день в Петрограде при открытии Учредительного Собрания большевики расстреляли мирную демонстрацию горожан...

После этих событий М.И. Ростовцев стал спешно собираться в поездку за границу, которую он планировал осуществить летом 1918 г. с научными целями. 30 июня 1918 г. вместе с женой он покинул Петроград. Вернуться в Россию ему уже было не суждено. Выехав сначала в Швецию, к началу 1919 г. Ростовцевы переезжают в Англию, где М.И. Ростовцев становится почетным доктором Оксфордского университета. В Оксфорде он был в постоянном контакте с академиком П.Г. Виноградовым³⁹, который, как уже отмечалось, являлся научным руководителем В.И. Иванова в Москве еще до его стажировки в Германии⁴⁰. В августе 1920 г. М.И. Ростовцев решил переехать в США. Там он стал профессором древней истории в университете штата Висконсин, в городе Мэдисон⁴¹.

М.И. Ростовцев был близок со многими деятелями русской эмиграции в Америке, в том числе с Б.А. Бахметьевым – послом Временного правительства в США. Он стал одним из ведущих деятелей в общественно-политической и культурной жизни русской эмиграции. Известно, что уже в это время Ростовцев начал помогать русским ученым и писателям устроиться на работу в Америке. Он становится одним из руководителей созданного в Нью-Йорке в 1922 г. «Центрального Комитета по обеспечению высшего образования для русского юношества за границей» и «Американского Комитета для получения образования русскими юношами за рубежом». Позднее, уже как профессор Йельского университета Ростовцев помог найти работу в университетах США своему ученику профессору русской истории Г.В. Вернадскому (1887–1973), известному византисту А.А. Васильеву (1867–1953), несколько позже – Владимиру Набокову⁴² и ряду ученых, стремившихся покинуть фашистскую Германию. Очевидно, вскоре после приезда в США Ростовцев получили из Парижа письмо Александры Васильевны Гольштейн (1850–1937) – известной деятельницы русской эмиграции в Париже с просьбой помочь Иванову уехать за границу. О письме Гольштейн мы узнаем из ответа, который Ростовцев отправил ей из университета Висконсина (дата на письме отсутствует, но на оригинале чьей-то рукой помечено «1921 г.»). Ростовцев писал следующее:

«Многоуважаемая Александра...! Простите, не знаю Вашего отчества. Получив Ваше письмо, я попытался устроить В.И. приглашение в Америку от имени какой-либо авторитетной организации. Не знаю пока, что из этого выйдет, м[ожет] б[ыть] и удастся. Насчет денег хуже, хотя я и указал в своей записке, что материальное положение В.И. тяжело и ему едва ли удастся выбраться без материальной помощи.

Боюсь, однако, что теперь шансов на мирный выход В.И. из Совдепии и на командировку мало. Большевики опять начали старую песню о саботаже и т.д. с тем, чтобы покончить с остатками русской интеллигенции. Остается только второй выход,

---

³⁹ О встречах с П.Г. Виноградовым М.И. Ростовцев рассказывает в Отчете о научной командировке, посланном в Российскую Академию наук 6 июля 1919 г. из Парижа / Архив М.И. Ростовцева. Специальная коллекция библиотеки Дьюкского университета в Дареме. Картон 3. Ед. хр. «Autobiographical Writings». С этой коллекцией имел возможность познакомиться Г.М. Бонгард-Левин благодаря содействию профессора Дж. Отса (J. Oats) и профессора Г. Бауэрсока (G.W. Bowersock).

⁴⁰ См. письмо автобиографического характера В.И. Иванова С.Л. Франку от 3 июня 1947 г.: «Окончив курс Первой московской гимназии с золотой медалью, я поступил на филологический факультет Университета, где тотчас получил премию за древние языки и снискал благосклонность Павла Гавриловича Виноградова, который руководил моими занятиями и в мои берлинские студенческие годы ...» (Франк В.С. Переписка С.Л. Франка с Вяч. Ивановым // Мосты. Мюнхен, 1963. Вып. 10. С. 363). Именно П.Г. Виноградов посоветовал заведующему кафедрой проф. Т. Грановскому послать на стажировку в Берлин своего талантливого ученика В.И. Иванова (см. *Марконе*. Ук. соч. С. 217).

⁴¹ Подробнее см.: Bowersock G.W. Rostovtzeff In Madison // *The American Scholar*. Summer 1986. P. 391–400.

⁴² Об этом кратко сообщается в книге М. Веса. О рекомендации Ростовцева Набокову упоминается в книге: *Byod Brian. Vladimir Nabokov: The Russian Years*. Princeton. 1990. P. 430 сл. Новые архивные материалы, касающиеся темы «М. Ростовцев и В. Набоков», публикуются Г.М. Бонгард-Левинным.

а он становится все более и более опасным. Относительно Бахметьева и Карповича⁴³ попробую тогда, когда Вы мне напишите что-либо определенное. Крест нужно поставить перед совершившимся фактом, тогда можно будет настаивать. Я имею в виду факт пребывания В.И. в Финляндии, особенно если он поедет туда по приглашению американцев. Во всяком случае, когда я узнаю что-либо более определенное напишу Вам.

Преданный Вам М. Ростовцев»⁴⁴

А.В. Гольштейн не случайно обратилась именно к М.И. Ростовцеву – старинному другу поэта. Сама она знала Иванова еще с 90-х годов в Париже⁴⁵, ее перу принадлежит один из первых зарубежных отзывов о творчестве Иванова⁴⁶. Видимо, она получила сведения о его стесненном материальном положении (Иванов тяжело переживал и личное горе, смерть от истощения жены летом 1920 г.). В октябре того же года Иванов переехал в Баку, где стал профессором классической филологии и поэтики⁴⁷. Под «В.И.» в письме Гольштейн несомненно имеется в виду Иванов. Это подтверждает содержание письма Ростовцева к Иванову от 6 июня 1925 г. (напечатано на официальном бланке отделения истории университета Висконсина). Письмо послано в Рим, куда Иванов прибыл осенью 1924 г.

«Дорогой Вячеслав Иванович!

Очень рад был получить весточку от Вас. Я знал приблизительно из разных источников, где и как Вы живете и слышал о всех Ваших горестях и переживаниях. Спасибо за Вашу чудесную книжку, которую пока я успел только перелистать⁴⁸. Что касается до нас, то я не могу сказать, чтобы я был недоволен Америкой. Редко где я встречал столько симпатий лично к себе, как здесь. Окружающие нас люди милы, сердечны, очень интеллектуальны и в общем того же чина, что и те, с которыми дружил в России. Если я, особенно С.М.⁴⁹ подчас высказываем недовольство, оно относится к общим условиям жизни: дороговизна, много нелепостей обихода, отсутствие прислуги и т.д. Но от этого страдают и сами американцы. Что касается до возможности устроиться здесь для Вас, то не могу скрыть от Вас, что это дело трудное, если не невозможное. Преподавание классических наук здесь поставлено иначе, чем в Европе. Профессора к[лассической] фил[ологии] здесь учителя элемент[арного] греч[еского]и гл[авным] обр[азом] латинского языка. Такой дисциплины, как древняя религия, здесь нет. Курсы читаются в больших Университетах, но это роскошь. На два часа курса лекций приходится восемь-десять часов преподавания языков, причем греческий здесь далеко на втором плане. При этом, конечно, от профессора требуется полное владение английским языком. Наконец, к себе не любят приглашать людей нашего возраста, предпочитая более молодых. И к тому же классические филологи здешние очень не любят иностранцев и по возможности стараются

⁴³ М.М. Карпович (1888–1959) был секретарем русского посольства в США, а затем стал профессором русской истории в Гарварде, одним из редакторов «Нового журнала». Подробнее см. *Mosley Ph.E. Professor Michael Karpovich / Harvard Slavic Studies. 1957. V. IV. P. 1–13.*

⁴⁴ Архив Б.А. Бахметьева. Фонд А.В. Гольштейн. Переписка. Картон 3.

⁴⁵ Иванов посвятил А.В. Гольштейн два стихотворения: «Tat Twam Asi» (опубликовано в первом сборнике Иванова «Кормчие Звезды» (СПб., 1903). См. *Иванов, Ук. соч. Т. I. 1971. С. 642*, и другое – см. там же. Т. II. С. 262. Переписка Иванова с Гольштейн готовится к печати М. Вахтелем и О.А. Кузнецовой (С.-Петербург).

⁴⁶ *Holstein Alexandra. Tantale, tragédie de Venceslas Ivanoff. «Ecrits pour l'art» (Paris). Nouvelle série (Mars 1905 – Février 1906). P. 449–457. Переиздание: Slatkine reprints. Genève, 1971.*

⁴⁷ *Компелев Н.В.* Вяч. Иванов – профессор Бакинского университета // Труды по русской и славянской филологии. Вып. XI. Литературоведение. Тарту, 1968. С. 326–339.

⁴⁸ На подаренной книге «Дионис и прадионисийство» Иванов написал: «Глубокоуважаемому и дорогому Михайлу Ивановичу Ростовцеву от неизменно преданного ему автора. Рим, май 1925».

⁴⁹ София Михайловна Ростовцева.

обойтись своими, что не всегда легко. Таковы условия. Боюсь, что шансы достать для Вас здесь приличное место очень невелики тем более, что большинство Ваших книг написаны по-русски, им же нужны книги на английском языке. Мне думается, что единственное место теперь, где можно надеяться видному русскому найти применение своим силам – это Прага, София или Белград. Счастливая случайность (как это было со мной) может помочь пробраться и сюда и здесь устроиться, но это дело случая. Буду следить за возможностями и сообщу Вам, если что представится. В Европу в этом году мы не попадем. Я перехожу в Yale University со следующего года. Приходится переезжать, устраиваться на новом месте и т.д., а затем в конце лета я буду читать курс в Princeton, т[ак] ч[то] о Европе не приходится мечтать. Мой адрес будет: Yale University Dep. of Classics, New Haven, Connecticut. Дай Вам Бог всего хорошего. Помним Вас и любим по-прежнему. Хотелось бы быть полезным.

Ваш. М. Ростовцев»

Осенью 1924 г. Иванов в Риме оказался в трудных условиях: жалование от Бакинского университета кончалось, возвращаться в Россию тогда он уже не собирался, а работы не было⁵⁰. 29 декабря 1924 г. в письме к В.Ф. Ходасевичу, с которым он был дружен еще по Москве, Иванов называет свою жизнь в Европе в это время «пустыней мрачной».

«Что до меня, – пишет он, – возможно, что в эту самую минуту, когда, говоря о Вас, невольно подбадриваю сам и самого себя, – Саул во мне стосковавшись по все чаще и слишком надолго пропадающем Давиде, сам пытается перебирать пальцами струны его заброшенной арфы, да не налаживается волшебная песня: И опять скажешь: не жизнь поэту без его живой страны, а в Москве, где я прожил летом, после 4-летнего сидения в Баку, три месяца и должен был надыхаться хваленым "озоном", видел я только нервных больных под действием веселящего газа, и как ни уверял себя, что мертв я, а вокруг меня живые, глаза и сердце упорно отказывались свидетельствовать о жизни и радости, которые веют там, где дышет животворящий Дух. И жадно хотелось переменить воздух и оглядеться в Европе и из Европы; но жизни на западе я также не узрел – и вот влачусь в пустыне мрачной (курсив наш. – Г.Б.-Л., М.В., В.З.). Остается обратить пустыню в пустынь, чего бы я и желал: другими словами, так как по истечении годовой командировки вернуться я не обязан, если не хочу сохранить за собой бакинской профессуры по классической филологии и поэтике – крепко думаю пустынножительство заграничное продолжить, – была бы только литературная или какая иная мне доступная работа»⁵¹.

Друзья пытались помочь. Ф.Ф. Зелинский вел переговоры о кафедре истории римской литературы для Иванова в Каирском университете⁵². По свидетельству Л. Ивановой, предпринимались меры получить профессуру в Кордове (Аргентина). По разным причинам оба намерения осуществить не удалось⁵³. Очевидно, в это время Иванов и направил письмо Ростовцеву, продолжая поиски возможной работы в Америке. Судьба же определила так, что свою дальнейшую жизнь Иванов связал с Италией. Пророческими оказались его слова, произнесенные незадолго до отъезда из Москвы в 1924 г.: «Я еду в Рим, чтобы там жить и умереть»⁵⁴.

Г.М. Бонгард-Левин, М. Вахтель, В.Ю. Зуев

⁵⁰ Климов А. Вячеслав Иванов в Италии (1924–1949). Русская литература в эмиграции / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 154 сл.

⁵¹ Берберова Н.Н. Четыре письма В.И. Иванова к В.Ф. Ходасевичу // Новый журнал. 1960. № 162. С. 285. Авторы выражают признательность Нине Николаевне Берберовой, которая в январе 1993 г. обратила их внимание на эту публикацию.

⁵² См. Франк. Ук. соч. С. 364.

⁵³ Подробнее см. Иванова. Ук. соч. С. 161 сл.

⁵⁴ Там же. С. 125.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1993 г.

Zweihundert Jahre Homer-Forschung. Rückblick und Ausblick / Hrsg. von J. Latacz. Colloquium Rauricum. Band 2. Stuttgart, Leipzig, 1991. 552 S.

В условиях нашей суматошной жизни, может быть, даже не все специалисты вспомнят о своеобразном юбилее, наступающем в 1995 г. Между тем 200 лет тому назад произошло событие, произведшее немалое впечатление не только в своей специальной области, но и в науке о древнем мире вообще: в 1795 г. в Галле увидели свет «*Prolegomena ad Homerum*», принадлежавшие перу Фридриха Августа Вольфа и положившие начало усиленному изучению гомеровского эпоса в его взаимоотношении со всеми проявлениями материальной и духовной культуры древней Греции. Следует заметить, что Вольф был отнюдь не первым, кто усомнился в однократности творческого акта, последствием которого стало появление «Илиады». Сходную мысль во второй половине XVII в. высказал Франсуа Эделен, аббат д'Обиньяк; его диссертация по поводу «Илиады» была написана в 1664 г., но увидела свет только полвека спустя, в 1715 г. Почти одновременно с этим оценку «Илиаде» как совокупности отдельных песен, получивших форму эпической поэмы примерно 500 лет спустя после Гомера, дал английский филолог Ричард Бентли, чей архив по Гомеру оказался со временем в руках у Вольфа. Наконец, учитель Вольфа, один из самых видных немецких античников XVIII в. Христиан Готтлиб Гейне, преподававший в Геттингенском университете, в своих лекциях высказывал предположение, что песни Гомера долгое время существовали только в исполнении рапсодов; собраны они были сравнительно поздно и кем – толком неизвестно. Другими словами, Вольф скорее придал научную форму сомнениям, витающим в воздухе, чем впервые их сформулировал. Но факт остается: 1795 годом надо датировать возникновение целого комплекса проблем, составляющих в настоящее время содержание знаменитого гомеровского вопроса. В 1995 г. можно праздновать его 200-летний юбилей.

К этой дате – со значительным ее опережением – был приурочен научный colloquium, состоявшийся 16–19 августа 1989 г. в рамках недавно возникшего в Швейцарии фонда доктора Рене Клавеля. Заседания проходили близ Базеля, в имении, расположенном на месте древнеримского поселения Augusta Raurica; отсюда – название серии, в которой рецензируемый том стал вторым по порядку.

В истории гомеровского вопроса за последние десятилетия эта книга стала не первой работой итогового характера. Здесь можно упомянуть и английский «Companion to Homer», вышедший с большим опозданием в 1952 г., так как отразил состояние гомероведения, достигнутое к началу второй мировой войны; прекрасный обзор истинной картины к середине 60-х годов дал вскоре А. Лески в статье «Гомер», вошедшей в 1967 г. в XI дополнительный том Реальной энциклопедии Паули–Виссова и тогда же опубликованной отдельной брошюрой. Сжатый очерк гомеровского вопроса примерно за 40 лет, с начала 30-х годов до начала 70-х годов, представляла собой небольшая монография А. Хойбека, сумевшего учесть свыше 1350 публикаций за означенный период¹. Рецензируемый том превосходит две названные работы и по объему, и по охвату материала. Как будет ясно из дальнейшего, без внимания не осталась почти ни одна отрасль древней истории и классической филологии, имеющая отношение к Гомеру. К тому же участники colloquium поставили себе задачей осветить не только современное состояние затрагиваемых проблем, но и долгий путь к нему. Наконец, при подготовке докладов к печати почти все они были

¹ Heubeck A. Die homerische Frage. Darmstadt, 1974. См. нашу рецензию: Deutsche Literaturzeitung, 1976. Bd 97. S. 217–221.

основательно доработаны и снабжены библиографией (иногда очень обширной – см. с. 174–181 и 252–256) и аппаратом (часто тоже весьма подробным: см., например, в статье К. Рафлауба, с. 205–256, прим. 10–13, 47–49, 115, 144).

Рецензировать такую книгу – задача не из легких. Во-первых, чисто технически: в ней 20 очень содержательных статей, и если излагать их сколько-нибудь подробно, останавливаясь к тому же на неизбежном расхождении взглядов их авторов на некоторые капитальные вопросы гомероведения, то рецензия выйдет за все допустимые для такого жанра пределы. Во-вторых, едва ли найдется в наше время такой антиковед, который признал бы себя одинаково компетентным, положим, в области микенской и послемикенской археологии и структурного анализа гомеровских поэм. Недаром же в коллоквиуме приняли участие ведущие (а подчас и наиболее авторитетные) специалисты в каждой из затронутых областей. Поэтому в дальнейшем придется ограничиться достаточно сжатым изложением основных мыслей каждого доклада, а затем выделить те выводы, к которым приходит современное исследование Гомера.

В коротком введении (с. 1–7) издатель тома И. Латач дает справку о научной ситуации, предшествовавшей появлению работы Фр.А. Вольфа, оценивает ее значение и напоминает о тех требованиях, которые предъявлялись к каждому докладчику: он должен был осветить историю данной отрасли знания в связи с Гомером, современное состояние проблематики, перспективу на будущее. Конечно, не все работы строятся по такой жесткой схеме; иногда в изложении перевешивает то история вопроса, то достигнутые результаты; в разной степени представлены собственные взгляды автора и, если угодно, ощущается его темперамент в полемике (особенно примечательна в этом смысле статья самого Латача в VI разделе). Тем не менее в целом каждая статья несомненно отвечает разработке трех названных направлений.

Раздел I, озаглавленный «Гомер и археологические исследования», содержит четыре доклада. Открывает его статья издателя известной серии «*Archaeologia Homerica*» Г.-Г. Буххольца «Археологические разыскания в связи с Гомером» (с. 11–44). Началом собственно археологических работ, связанных с именем Гомера, Буххольц, вопреки мнению скептиков, считает раскопки Шлимана: как бы мы ни оценивали его ошибки и промахи, без инициативы, проявленной Шлиманом, не было бы ни последующих исследований Дерпфельда, ни классификации археологических пластов в Трое, осуществленной в 30-е годы нашего века Бледженом. Буххольц констатирует также серьезные противоречия во взглядах археологов на соотношение эпоса с памятниками изобразительного искусства: в то время как одни считают необходимым сопоставлять не столько отдельные предметы, сколько структурно-стилистические принципы (*Strukturäquivalenzen*), другие категорически отрицают какое-либо художественное сходство между вазописью VII в. и гомеровскими поэмами. Главным представителем этой точки зрения является К. Шефольд, чья статья завершает том (о ней, соответственно, ниже).

Если доклад Буххольца характеризует теоретико-методологические основы археологического исследования, то примыкающая к нему статья П. Бломе («Темные века просветляются», с. 45–60) построена на вполне конкретном материале. В первую очередь речь идет о раскопках в Лефканди на Евбее, открывших знаменитый «героон» с богатым женским погребением, где была найдена бронзовая амфора с остатками пепла, завернутыми в кусок материи, – паразитальная параллель к погребальному обряду, запечатленному в «Илиаде» (XXIII, 91 сл., 237–244; XXIV, 791–796). Относится погребение к первой половине X в. до н.э. Другой образец поселения раннего железного века открыт в Нихори (Мессения). Здесь выделяется большое здание, существовавшее в X–IX вв. до н.э., – видимо, дом правителя, и, судя по количеству найденных костей животных, место для совместных пиршеств, напоминающих трапезы женихов в «Одиссее»; к тому же, найденные кости принадлежат крупному рогатому скоту, и, стало быть, люди, оставившие свой след в Нихори, были такими скотоводами, как персонажи эпоса. Археологический материал второй половины «темных веков» показывает таким образом, что в гомеровских поэмах на отдаленнейшие воспоминания о «златообильных» Микенах накладываются более современные для автора ассоциации, тем более что связи между Евбеей и Малой Азией устанавливаются достаточно надежно.

Следующий доклад (*Ст. Хиллер*, «Археологические исследования греческих поселений в VIII в. до н.э.», с. 61–88) опять же продолжает тему предыдущего. VIII век – новая эпоха в истории Греции, отмеченная началом колонизации, образованием полисов, появлением и распространением алфавитного письма, оформлением эпической традиции². В VIII в. как античность, так и большинство современных исследователей помещают Гомера. Характеристику этого «века Гомера» и дает автор, главным образом, на материале керамики, но также и предметов малой пластики, бронзовых и золотых украшений и т.п. Для керамики Хиллер приводит на основании установившихся к настоящему времени взглядов следующую стратификацию: субмикенский стиль (ок. 1050–1000 гг.), протогеометрический (ок. 1000–900 гг.), раннегеометрический (ок. 900–850 гг.), средне- или строгогеометрический (ок. 850–760 гг.), зрелый геометрический (ок. 760–735 гг.), позднегеометрический (ок. 735–700 гг.). Здесь же прилагается очень полезный список новой литературы. От прямых выводов о связи гомеровского эпоса с вазописью Хиллер воздерживается, но все же полагает, что главным ее источником является героическое предание (с. 84).

Завершает раздел I доклад *М. Корфмана* «Современное состояние новых археологических работ в Гиссарлыке (Троя)» (с. 89–102). Корфман возглавляет сейчас раскопки в Трое и поделился на коллоквиуме предварительными соображениями о последних этапах работы (в дополнение к его уже опубликованным отчетам за 1982–1988 гг., см. с. 102). Поскольку после Бледжена работы в Трое не производились, экспедиции Корфмана пришлось заняться расчисткой стен, кстати говоря, вызывающих о помощи: сырцовый кирпич, из которого они возведены, повсюду разрушается. Дальнейшие исследования внесли уточнения в датировку и стратиграфию местности. Из девяти слоев, раскрытых в холме высотой ок. 20 м, древнейший, Троя I, относится к раннебронзовому веку (3000–2800 гг.). Уже тогда город был укреплен, и стены возводились заново после каждого пожара или разорения. Богатство Трои объясняется тем, что сильные ветры и морские течения затрудняли вход в Дарданеллы кораблям, плывущим с юга, и они были вынуждены подолгу, иногда по несколько недель, выжидать благоприятной погоды юго-западнее Трои, в нынешней бухте Бешик; троянцы, естественно, взымали с них таможенные сборы в неограниченном размере. Отсюда – частые попытки захвата Трои и необходимость оборонительных стен, которые можно было видеть не только в VIII, но и в IV–III вв. до н.э. У подножия холма раскопано поселение римского времени; находки подтверждают стремление Юлиев-Клавдиев отстроить Трою как можно шикарнее. Открыты два театра, термы, две мощные улицы с фундаментами домов по их сторонам. Для истории эпоса, однако, гораздо важнее, что под римским городом, в 100–180 м от южных ворот Трои VI, выявляются остатки современного ей поселения; стало быть, в XIII в., в период расцвета Трои VI, территория ее не замыкалась крепостными стенами. «Илиаду» Корфман, как и многие другие участники коллоквиума, датирует примерно 730 г. и замечает, что ее автор хорошо знал троянский ландшафт.

Следующие пять докладов составляют обширный в томе раздел II: «Гомер и изучение древней истории». Первой в нем идет статья *Г.А. Лемана* «Политико-исторические отношения эгейского мира в XV–XIII вв. до н.э. с Египтом и Передней Азией: некоторые замечания» (с. 105–126). Рассматривая крайне запутанную проблему «данайцев» и «ахейцев» в египетских и хеттских документах, автор приходит к выводу, что по обеим сторонам Эгейского моря существовали примерно синхронно два значительных политических центра: на Западе, т.е. в средней и южной Греции, с середины XV и на протяжении всего XIV в. – данайские царства с центром во дворце-крепости Микенах; на востоке, т.е. в прибрежной Малой Азии, на Родосе и окружающих его островах, с начала XIV в. до последней четверти XIII в., – царство ахейцев, которое в конце этого периода находилось во враждебных отношениях с хеттами. Что касается загадочных «народов моря», то Леман склонен локализовать их на островах Эгейды и рассматривать в свете египетских документов. Из них явствуют нападения этих островных народов на хеттов, Кипр и Египет; ни в какую связь с концом микенских центров ок. 1200 г. Леман эти «народы моря» не ставит.

² См. рец.: Greek Renaissance of the 8-th Century B.C. // ВДИ. 1988. № 1. С. 230–244.

Напротив, «Исследование крушения микенской культуры» в связи с историей так называемых темных веков» привлекает внимание *З. Дегер-Ялкоци*, которая в докладе под приведенным выше заглавием рассматривает четыре точки зрения на причину гибели микенских дворцов: 1) нападение извне, связываемое главным образом с дорийским вторжением; 2) внутренние факторы; 3) изменение природных условий; 4) совокупность многих причин, в том числе и первых трех, но в значительно модифицированном виде. Первая точка зрения, восходящая к Эд. Мейеру, в своей крайней форме теперь отвергнута в пользу постепенной инфильтрации дорийцев, – однако уже после 1200 г. Сама Дегер-Ялкоци склонна вернуться к мнению Шахермайера и Финли, видевших источник опасности в уже известных нам «народях моря». Что какая-то угроза ощущалась микенскими царями, подтверждается археологически: к концу микенского периода относится возведение «циклопических» стен в Микенах и Тиринфе и осуществление мер, предусматривающих снабжение их в случае осады водой. К числу внутренних факторов относят явления хозяйственного упадка: нехватку сырья для металлообработки, разрыв заморских связей, падение производительности сельского хозяйства, а больше всего – бесперспективность централизованного дворцового хозяйства. Что касается природных факторов, то теория Карпентера об ухудшении климата естественно-научными исследованиями опровергается, связь с извержением вулкана на Фере не подкрепляется ни хронологически, ни археологически, хотя есть следы более позднего землетрясения в самой Греции. В конечном счете Дегер-Ялкоци, как и многие другие исследователи, приходит к выводу о взаимодействии различных причин, исключая только восстания и распри внутри самих микенских государств. Более важным является, однако, вывод, что крушение дворцов не означало конца микенской цивилизации, которая просуществовала еще полтора столетия (т.е. с 1200 по 1050 г.), – значительно ослабевшая, без дворцов и письменности, но сохранившая известную преемственность с прошлым. Последняя треть этого периода отмечена даже попытками возрождения в обиходе дворцового стиля: появляются мегароны с фресковой живописью, огромные кратеры – признак богатых трапез. Наконец, к завершающим десятилетиям постмикенской эпохи относятся сражения с участием легких колесниц и пехотинцев, вооруженных маленьким круглым щитом и двумя копьями: практикуется сожжение трупов. Поскольку все это факты, известные из Гомера, то Дегер-Ялкоци едва ли ошибается, полагая, что приметы общественного строя первой половины XI в. нашли отражение при формировании раннего эпоса.

Для доклада на тему «Изучение Гомера и Восток» (с. 155–181) организаторами конференции был приглашен, естественно, *В. Буркерт*. Он справедливо указал, что хотя параллели между Гомером и Ветхим заветом привлекали к себе внимание уже в XVII в., в течение двух последующих столетий связи греческого эпоса с Востоком совершенно игнорировались. В XX в. ситуация изменилась – не в последнюю очередь благодаря самому Буркерту. Возникла картина очевидных связей между Микенами, Кипром, Угаритом и Хеттским царством, подтверждаемых как сходством фольклорных и мифологических мотивов, так и в ряде случаев – лингвистически. Гомеровский эпос оказывается ныне в пределах переднеазиатско-египетского региона, хотя Буркерт и предостерегает против преувеличений и умозрительных гипотез. Восточные параллели привлекают теперь для датировки гомеровских поэм, находя в них отклики на исторические события: в «Одиссее» – на разрушение сирийцами Сидона в 677 г., в «Илиаде» – на захват плакийских Фив Ассурбанипалом в 663 г. Таким образом связать эти факты с признаваемой большинством участников этого тома датировкой «Илиады» временем ок. 730 г., остается неясным, если не встать на позиции аналитиков. Это и делает *Ф. Гшницер* в докладе «К гомеровскому государственному и общественному устройству: основной характер и историческое место» (с. 182–204). Докладчик сразу же определяет свое отношение к гомеровскому вопросу: «Илиада» и «Одиссея» не цельные создания и к тому же принадлежат разным авторам. Время возникновения эпоса – достаточно продолжительный период, в середине которого находится VIII век. С «микенским» Гомером надо спрашиваться, равно как и с представлениями о «догосударственном» характере героического эпоса. Если в «гомеровском обществе» действуют базилен и старейшины, совет и народное собрание, то оно отражает переходное состояние от царской власти к олигархии, которая складывается в возникающих полисах архаической эпохи. Хотя Гшницер и

обращается за аргументами к «правовой» терминологии (θέμις, πλοῦδαί, ἄρκοι), она сама по себе ничего не доказывает, так как возникает в рамках догосударственного, обычного права и с одинаковым успехом может относиться как к родовому, так и к полисному устройству. Впрочем и сам Гшницер, при всей его решительности, признает по вопросу об общественном строе в эпосе большое расхождение во мнениях.

Последний доклад во II разделе назван «Гомер и история VIII века», чем с самого начала заявляется принадлежность автора «Илиады» именно к этому переходному столетию³. Автор доклада, кстати, самого обширного в томе (с. 205–256 – с большой библиографией), К.А. Рафлауб исходит из того, что изображаемая в эпосе картина (за исключением отдельных анахронизмов, аохаизмов и воспоминаний о далеком прошлом, обязанных своим сохранением устной традиции) должна отвечать представлению слушателей поэта о современном им общественном строе и, таким образом, не может являться амальгамой социальных отношений разных эпох. Анализируя демографические изменения, происшедшие в VIII в., способы и цели ведения войн, хозяйственные и социальные перемены этого времени и отражение всех этих процессов в эпосе, Рафлауб приходит к подтверждению принятой многими исследователями хронологии: автор или авторы «Илиады» и «Одиссеи» принадлежали именно к VIII столетию, хотя реминисценции прошлого к характеристике действующих лиц отнюдь не исключаются.

После расшифровки линейного письма Б на новую ступень поднялось изучение гомеровского языка. Результаты этого открытия отчасти сумел использовать уже Л. Палмер в статье, написанной в основном до начала 50-х годов и помещенной в упоминавшемся «Companion to Homer» (с. 75–178). На современном уровне вопрос о языке Гомера в связи с микенской традицией был поставлен у нас в известной книге И.М. Тронского⁴, к сожалению, даже не упомянутой в III разделе рецензируемой книги, хоть он и посвящен «Гомеру и языкознанию». В него включены три статьи, снова дополняющие друг друга. В. Форссман в докладе «Слои в языке Гомера» (с. 259–288) в основном подводит итог столетнему изучению языка Гомера как лингвистического и стилистического феномена. Выявляются более ранние и более поздние формы, внеионическое воздействие на ионическую основу поэм, соотношение фактов обычного и поэтического языка. Обзор этот, несомненно, очень полезен, и автор его занимает в высшей степени объективную позицию, констатируя достигнутое единство по обсуждаемым вопросам. Иначе построен доклад А. Бартонек «Исследование отношения микенского греческого к гомеровским языковым формам» (с. 289–310). После сжатой сводки краткой истории вопроса от первой публикации Вентриса и Чэдвика в 1953 г. до работ 80-х годов Бартонек присоединяется к теории наддиалектного поэтического койне, вобравшего в себя черты микенского, эолюсесбийских и ионийского диалекта, – с той поправкой, однако, что ионийские элементы могли проникнуть в язык эпоса уже в X–IX вв. с запада, т.е. с Евбеи. В изложении материала Бартонек вносит много собственных наблюдений, добытых с помощью компьютерного анализа. Затронутый им вопрос о собственных именах у Гомера получает обстоятельное развитие в докладе Г. Ноймана «Гомеровские имена собственные. Их положение в рамках развития греческого словарного запаса» (с. 311–328). Автор делит засвидетельствованные у Гомера имена на три типа (известные в других памятниках алфавитного письма; мифические; сохранившиеся в линейном письме Б), классифицирует их по способу образования (двух- и однокоренные), прослеживает отражение в них социальных и нравственных ценностей и устанавливает несомненную преемственность в составе имен собственных между линейным Б и языком Гомера.

Следующие два раздела (IV – «Исследование мифа и религиозоведение в связи с Гомером» и V – «Исследование биографии Гомера») содержат каждый по одной статье. В первом из них доклад Фр. Графа («Религия и мифология в связи с Гомером: исследование и перспективы», с. 331–362) является итоговым для огромной эпохи от XVIII в. до наших дней, когда гомеровский эпос становится предметом самых

³ См. с. 205, прим. 1: обе поэмы возникли во второй половине VIII в., «Илиада» – ок. 730 г., раньше «Одиссеи», которая в свою очередь предшествует Гесиоду.

⁴ Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 103–162.

различных толкований, а порой – и ожесточенных споров: как соотносятся миф и героическое сказание? Какова историческая достоверность эпоса? Каков смысл божественного аппарата – является ли он пережитком культа или художественным приемом поэта? Затрагивает Граф и мифологические теории, которые в приложении к Гомеру оказались совершенно бесплодными (годовой ритуал плодородия, солярная теория). Свою точку зрения Граф, как правило, не высказывает, кроме того случая, когда он солидаризируется с мнением Х. Ллойд-Джонса об имманентной справедливости богов. Рецензенту, напротив, это утверждение представляется в лучшем случае спорным и, во всяком случае, нуждающимся в дифференциации применительно к «Илиаде» (где о справедливости богов вообще не может быть речи) и к «Одиссее» (где появляются мысли о наблюдении богов за нравственностью смертных)⁵.

Далее, в небольшой статье («Гомер – великая тень? Исследование вопроса о личности Гомера», с. 365–377) Э. Фогт показывает противоречивость сведений о Гомере уже в античных источниках и полную потерю интереса к ним среди аналитиков нового времени: когда оспаривалось единство и целостность поэм, то, естественно, терял всякий смысл вопрос об их мнимом создателе. Но и с позиции унитариев обследование античного предания тоже дает не много для установления личности Гомера. Более объективный источник – сами поэмы, которые Фогт относит ко второй половине VIII в. Их исследование позволяет заново ставить вопрос не столько о личности поэта, сколько о «мире Гомера».

Вся последняя треть тома отдана литературоведческому анализу обеих поэм (раздел VI – «Исследование их структуры»; раздел VII – «Методы их интерпретации»).

В разделе VI внимание читателя не совсем равномерно делится между «Илиадой» (статья И. Латача, с. 381–414) и «Одиссеей» (статья У. Хёльшера, с. 415–422). Латач устанавливает, что первым, кто предвосхитил анализ «Илиады» как целого, был уже Аристотель и что самое понятие «структура» ввел в обиход Вольф, меньше всего расположенный к целостному рассмотрению поэмы. Сам Латач выступает как убежденный унитарий, который не может, впрочем, не признать, что интерес к структуре «Илиады» как единого художественного организма был спровоцирован как раз аналитиками. Очень любопытно в этой связи сопоставление того, как одну и ту же XI книгу «Илиады» трактуют с аналитической точки зрения Вилаговиц и с унитарной – Шадевальдт. На работы последнего и А. Хойбека опирается в своих выводах и сам Латач. С унитарной точки зрения подходит и Хёльшер к «Одиссее», показывая, как три первоначально самостоятельных сюжетных линии (Теламахия; рассказ о странствии Одиссея; возвращение и месть Одиссея) сплетаются вместе, приводя действие к развязке. Хёльшер не отрицает значения и теории «устной поэзии», которая фиксирует традиционные «строительные кирпичи» текста от мельчайших единиц – формул до крупных отрезков – повторяющихся описаний. Задача литературоведческого анализа состоит, однако, в том, чтобы на стыке формул и стандартных мотивов с «целым» распознать личность мастера, создающего это целое.

Месту и роли в организации гомеровских поэм различных мотивов и повествовательных средств, а также значению традиции «устной поэзии» и посвящены три следующих доклада.

В. Кульман («Результаты исследования истории мотивов у Гомера: неоанализ», с. 425–455) очень уместно начинает свою статью с разъяснения самого термина «неоанализ», способного породить опасения в возвращении к изжившим себя попыткам расщепления единого художественного организма на куски, сделанные различными поэтами. На самом деле, неоанализ стремится выделить происхождение отдельных мотивов в гомеровском эпосе, вовсе не предполагая, что содержащие их части текста вошли в состав поэм из более ранних источников в неизменном виде. Правда, говоря о зависимости поэм от этих источников, мы сталкиваемся с определенной трудностью: как их установить, если гомеровская поэма является первым сохранившимся памятником эпоса? В классификации действительных или мнимых предшественников Гомера и состоит задача докладчика. Кульман вычленяет, в частности, в «Илиаде» ближневосточные и «доилиадовские» мотивы, отдавая хронологическое первенство сюжетам киклических поэм, но признавая

⁵ См.: Ярхо В.Н. Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 1962. № 2. С. 20–26.

художественное первенство за Гомером. Что касается «Одиссеи», то ее автору уже была известна «Илиада» (возможно, в письменной форме), а мотивы из киклического эпоса и сказания об аргонавтах могли существовать в устном бытовании и одновременно с «Одиссеей», как, впрочем, и с «Илиадой».

Отрицать роль устной традиции для формирования гомеровского эпоса в наше время никто не станет. Вопрос возникает только о границах применимости теории «устной поэзии» к таким художественно организованным единствам, как обе поэмы. Ответить на этот вопрос призвана статья Дж. Холока «Гомер, устная поэзия и сравнительная литература: главные направления и споры в критике XX века» (с. 456–481). Хотя автор начинает с весьма воинственной ноты о «беспредметности» ученых споров вокруг теории устной поэзии, он все же должен признать, что и само понятие «формульного стиля» претерпело эволюцию со времен М. Парри до работ Хэкстра и Хайнворса (1965 и 1968 гг.), и крайний экстремизм ученых типа Лорда и Нотопулоса приходит в противоречие с позицией унитариев, использующих теорию устной поэзии в разумных пределах. (Жаль, что Холоку остались неизвестны очень взвешенные оценки «формульного стиля» в уже упоминавшейся работе И.М. Тронского.) В конце концов автор соглашается, что устная традиция так же лежит в основе гомеровских поэм, как выделяемые неоанализом мотивы, но было бы крайним упрощением сводить роль Гомера к исполнению передаваемых изустно отдельных песен.

С первоначальным бытованием устной эпической традиции связывает особенности стиля и композиции поэм Э.-Р. Швинге в докладе «Гомеровский эпос и исследование техники повествования» (с. 482–512). Все построение поэм основывается на противо- и сопоставлении отдельного и целого: «Отдельное» (экскурсы, монологи героев, сцены боев) восходит к устному героическому сказанию, но множеством нитей связывается в гелое. Среди средств такого совмещения – рамочная и фронтоная композиция; параллельность двух направлений сюжета, сходящихся в одном центре (подвиги героев во время бездействия Ахилла, гибель Патрокла, возвращение Ахилла; уже упоминавшаяся Телемахия, возвращение Телемаха домой, встреча с Одиссеем); включение биографии героя в его актуальную деятельность. Разумеется, для большого эпоса устная фаза – пройденный этап; весь поступивший в распоряжение художника материал надо было организовать – здесь и сказывается как усвоение авторами «Илиады» и «Одиссеи» сложившейся традиции, так и ее преодоление.

Несколько особняком стоит в томе завершающий его доклад К. Шефольда «Значение теории искусства для датировки раннегреческого эпоса» (с. 513–526). Разумеется, никто не будет спорить с таким авторитетным специалистом, как К. Шефольд, в определении стиливых фаз вазовой живописи от IX до первых десятилетий VI в. до н.э. Однако вряд ли многие согласятся с тем, что «Гомер» помещается где-то в начале этого периода, в то время как «Илиада» и «Одиссея» складываются в VIII в., а окончательную форму получают только во времена Солона. Их авторы – конечно, уже не Гомер, но хотят быть на него похожими. По ходу мысли Шефольда получается, что он возвращается к теории первоначальных героических песен и только в конце всего пути ставит некие художественные индивидуальности в виде авторов «Илиады» и «Одиссеи». В наше время такая точка зрения едва ли имеет большие шансы на признание.

Подведем итоги. Помня, что авторы не всегда и не во всем согласны друг с другом, можно все же очевидный выводом из всех докладов считать установление различного уровня взаимоотношений гомеровского эпоса и микенского прошлого. Наибольшую преемственность являет лингвистический аспект, наименьшую – исторический. До сравнительно недавнего времени было принято думать, что описание роскоши, окружавшей героев, восходит к воспоминаниям о златообильных Микенах; теперь, после открытия погребения в Лефканди, достаточно ограничить предел памяти ээдов X веком. Точно так же возросла роль западной Эгеиды VIII в. в изображении социальных отношений, военного дела, погребальных обрядов и прочих реалий, которые обычно приписывались Ионии. Затем, большинство участников коллоквиума, отражая достигнутый уровень знаний и исходя из различных предпосылок, сходятся в том, что «Илиада» оформилась ок. 730 г., «Одиссея» – примерно на поколение позже. Стало быть, они принадлежат разным авторам, одинаково использовавшим письменность. Преодоленными можно считать крайности аналитического подхода к поэмам: вместо вычленения отдельных кусков следует говорить о

разновременности запечатленных в них мотивов; вместо обособления отдельных частей надо находить приемы, с помощью которых создается целое. Отвергаются также экстремальные взгляды на роль устной традиции и формульного стиля: бессмысленно отрицать фольклорное прошлое героического сказания, но так же бессмысленно видеть в Гомере аэда-импровизатора, кочующего из города в город с сумой странника.

Возможность столь всесторонних выводов из рецензируемой книги показывает, что она несомненно является серьезным вкладом в гомероведение. Весь материал организован по строго продуманному плану: на вопросы, возникающие при чтении одной статьи, ответ дается в следующих за ней. На рассмотрение коллоквиума были поставлены проблемы, охватывающие почти все стороны гомеровского вопроса. Обидное исключение составляет только та отрасль гомероведения, которую немцы называют *Menschenbild*, – специфика изображения человека, его отношение к своему долгу и проблеме ответственности, способы передачи его умственной и эмоциональной деятельности⁶. Из всех этих вопросов затрагивается только между делом «божественный аппарат», но как раз не с точки зрения его художественного назначения. Другой упрек (впрочем, по отношению к зарубежным работам достаточно традиционный) – незнание наших отечественных исследований. Я нашел только ссылки на две статьи Ю. Андреева, опубликованные по-немецки в «Klio», и на статью Н. Гринбаума, вышедшую в сборнике под редакцией упоминающего ее Бартонека. Ни уже названная книга И.М. Тронского, ни большая работа Р. Гордизиани «Проблемы гомеровского эпоса» (Тбилиси, 1978) ни в одном из докладов отражения не нашли. Видно, тезис *Rossia non leguntur* по-прежнему остается в силе.

В целом, однако, рецензируемый том дает ясную картину достигнутого в гомероведении за 200 лет его существования и намечает его дальнейшие перспективы. Мимо него не сможет пройти ни одно новое исследование гомеровского вопроса⁷.

В.Н. Ярхо

Greek Colonists and Native Populations. Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology held in honour of Emeritus Professor A.D. Trendall / Ed. J.-P. Descoeudres. Oxford: Clarendon Press, 1990. 663 P. 64 Pl.

В Сиднее с 9 по 14 июля 1985 г. состоялся Первый Австралийский конгресс по классической археологии. Основная тема конгресса — «Греческие колонисты и местное население». Как отмечается во «Введении» к трудам конгресса, написанном Ж.-П. Дескедросом, тема колонизации — единственная из всего обширного домена классической археологии, которая может заинтересовать австралийцев, поскольку сама Австралия возникла в результате колонизации. В соответствии с этой идеей в ходе конгресса было прочтено несколько докладов, посвященных некоторым проблемам колонизации нового времени в Австралии и Океании. Организаторы конгресса полагают, что это не только привлечет больше внимания к нему, но будет иметь и определенный научный эффект, побудив специалистов-классиков исследовать некоторые явления греческой колонизации под нетрадиционным углом зрения.

⁶ См. из работ последних лет: *Adkins A.W.H. Values, Goals and Emotions in the Iliad // ClPh. 1982. V. 77. N 4. P. 292–326; Kraus W. Götter und Menschen bei Homer. В его кн.: Aus Allem Eines. Heidelberg, 1984. S. 15–27 (впервые опубликовано в 1976 г.); Cheyns A. Recherche sur l'emploi des synonymes étor, kèr et kradie dans l'Iliad et l'Odyssee // Revue Belgique. 1985. V. 63. P. 15–73; Schmidt A. Selbständigkeit und Abhängigkeit des menschlichen Handels bei Homer. Untersuchung zur Psychologie Homers. Stuttgart, 1990.*

⁷ Замечу в заключение, что книга очень хорошо издана и почти не содержит опечаток. Я нашел всего несколько: с. 23, прим. 37 – отсылка к публикации 1818 г. в связи с работой Л. Преллера, опубликованной в 1845 г.; с. 161, напечатано *arachaischen* вместо *archaischen*; с. 301 и 302, указаны таблицы D и E вместо C и D; с. 464 – напечатано *critical* вместо *critial*; с. 517 и 524 – отсылка к таблицам 45-й и 40-й вместо 40-й и 41-й.

Естественно, что участниками конгресса были не только австралийцы, но и ученые из многих стран Европы и США, таким образом, в сущности конгресс имел международный характер. В трудах конгресса все доклады распределены по четырем разделам: «ДокOLONизационные контакты и основание колоний», «Развитие колоний и взаимоотношение между колонистами и местным населением», «Появление новых культурных форм», «Экспансия и диффузия: к определению древнегреческой колонизации». Однако, как это часто бывает на такого рода международных форумах, далеко не все доклады соответствуют по своему содержанию указанным рубрикам, некоторые же вообще выпадают из них. В силу этого в данной рецензии мы предпочитаем рассказать о докладах в иной последовательности: сначала отметить доклады, имеющие более теоретический или межрегиональный характер, а затем уже рассматривать их в традиционной последовательности — по направлениям древнегреческой колонизации. В конце мы предполагаем самым кратким образом коснуться тех докладов о колонизации нового времени, которые, с нашей точки зрения, могут представлять интерес и для понимания некоторых вопросов колонизации в древности.

К числу докладов, которые можно определить как теоретические, следует отнести доклад *К. Килиана* «Микенская колонизация: нормы и варианты». Начав с определения границы между собственно микенской цивилизацией и зонами, куда она внедрилась, рассмотрение собственно микенской цивилизации он начинает с тезиса о том, что не существовало единой модели микенской колонизации: было несколько моделей, характер которых определялся рядом обстоятельств, в первую очередь, как это видно из дальнейшего изложения, особенностями тех обществ, с которыми контактировали микенские греки. Сама колонизация началась еще в додворцовый период. Она определялась нуждами торгового обмена. Торговые контакты на Западе осуществлялись купцами в форме свободного обмена. Позднее обмен с Троей также осуществлялся по этой модели. С районами же вдоль Дуная и с Закавказьем обмен осуществлялся в рамках модели царской торговли. Позднее эта модель стала преобладающей. Общины — колонии — созданные на македонском и итальянском побережье, на Кипре и в Трое, были элементами системы дворцового хозяйства, господствовавшего в это время в Греции. Интенсивные контакты с Ближним Востоком осуществлялись в рамках восточной модели. Связи с Египтом — в форме обмена царскими дарами. Связи с большей частью Анатолии имели весьма ограниченный масштаб.

Следующий исторический период освещен в докладе *А.Дж. Грэхэма* «ДокOLONизационные контакты: вопросы и проблемы». Он рассматривает проблему докOLONизационных контактов греков с местным населением в тех регионах, где позднее осуществлялась греческая колонизация. Для самого А.Дж. Грэхэма представляется несомненным, что эти контакты существовали и рассказ Геродота о плаваниях фокейцев в Испанию и их контакты с царем Тартесса Аргантоном отражает историческую реальность. Однако внутренняя убежденность не может служить аргументом и поэтому необходимо исследовать эту проблему на археологическом материале. Для анализа он выбирает три региона: Южная Италия и Сицилия, Понт и бассейн р. Рона. В первых двух регионах картина получается «смазанной» вследствие трудностей с датировками как раннего греческого материала, так и местных комплексов. Однако последний регион дает совершенно бесспорную картину: здесь наличие докOLONизационных связей, в том числе и торговых, доказываемых археологическими материалами совершенно бесспорно. Этот вывод, по мнению А.Дж. Грэхэма, можно распространить и на другие регионы колонизации.

Для понимания феномена древнегреческой колонизации особое значение имеет сравнение ее с другими типами колонизации. В ходе работы данного конгресса был прочитан доклад *Х.Г. Нимейера* «Финикийцы в Средиземноморье: негреческая модель экспансии и поселений в древности», поднимающий именно эту проблему. Х.Г. Нимейер прежде всего подчеркивает, что столетие исследований привело к однозначному выводу о том, что древняя литературная традиция, дающая очень ранние даты основания финикийских колоний, неверна. Археологические материалы бесспорно показывают, что практически все финикийские поселения за пределами Финикии возникли в период 750—650 гг. до н.э. Единственное исключение — Китиум на Кипре (основан в середине IX в. до н.э.), это объясняется территориальной близостью его к Финикии. Таким образом, финикийская колонизация примерно

совпадает по времени с греческой, и естественно, встает вопрос: сходны они или различны? Греческая колонизация осуществлялась посредством создания городов — полисов. Х.Г. Нимейер в определении сущности полиса следует за Ф. Кольбом и выделяет следующие его особенности: 1) топографическое и административное единство населенного пункта; 2) количество населения должно быть равно несколько тысячам, поскольку это — неперемное условие для четкого разделения труда и социальной дифференциации; 3) наличие сооружений различных типов; 4) городской стиль жизни; 5) город функционирует как центральный пункт для окружающей сельской территории. Если же применить эту схему к финикийским колониям, то мы увидим, что они отвечают всем условиям, кроме одного: у них нет собственной сельскохозяйственной территории. Единственным исключением среди финикийских колоний является Карфаген.

В силу этого финикийские колонии, с точки зрения социологических критериев, являются тем, что К. Поляни определяет как «port of trade», т.е. институт профессиональной торговли, созданный в зоне контакта между обществами с рыночной и нерыночной экономикой. Для них характерны: 1) независимость от хинтерланда; 2) независимость от «деловых лидеров» рыночного общества. В то же время «port of trade» существует как место встречи для путешествующих купцов различного происхождения. Первоначально, однако, финикийские колонии были открыты только для финикийцев, что объясняется тем, что они являлись прямыми наследниками карумов, столь характерных для Ближнего Востока более раннего времени. Эти различия между моделями финикийской и греческой колонизаций объясняются тем обстоятельством, что в момент начала колонизации Финикия была уже высокоорганизованным обществом с наличием специализации в ремесле, развитой торговлей и т.д., а Греция — еще отсталой страной с экономикой, базирующейся прежде всего на сельском хозяйстве, и поэтому греческая колонизация имела столь явно выраженный аграрный характер. Питекусы и ряд других центров представляли собой настоящие «port of trade», где к финикийцам присоединялись и греки.

Общие проблемы рассматриваются и в докладе П. Лонди «Греческие колонисты и Дельфы», пафос которого направлен против тезиса Фенроуза, — по мнению докладчика, он отнесся гиперкритически к свидетельствам традиции об оракулах Аполлона относительно колонизации.

Видимо, к докладам общего характера следует отнести и доклад Дж. Картера «Метапонт — земля, богатство и население»; основанный на материалах только одного из городов Великой Греции, он важен, поскольку выводы докладчика выходят за рамки Метапонта и, по-видимому, могут быть распространены на большое число иных колониальных центров. Доклад представляет собой обобщение и историческую интерпретацию результатов детального исследования части хоры города, осуществленного с 1981 по 1984 г. Для изучения был взят прямоугольник в 42 км², типичный по всем параметрам для хоры Метапонта. В результате стало ясно, что наиболее населенной территория была в 500—450 гг. до н.э. (116 отдельных хозяйств) и особенно в период 350—300 гг. до н.э. (128 отдельных хозяйств). Были осуществлены раскопки нескольких сельскохозяйственных комплексов для того, чтобы получить представление об их характере в различные периоды истории. Проводились также активные палеоботанические исследования.

В результате всего этого Дж. Картер в конечном счете приходит к следующим выводам, которые ориентированы на IV в. до н.э., т.е. время наивысшего расцвета хоры Метапонта. В это время хора ориентирована на производство зерна, после 275 г. до н.э. зерно уже не выращивается. Средние размеры одного владения — 21,2 га, из которых 16,6 га — обрабатываемых. По приблизительным подсчетам одно хозяйство может произвести от 8,3 до 18,2 метрических тонн зерна. Собственное потребление в рамках одного хозяйства в год — 1,3 тонны (если в хозяйстве 5 человек), 2,6 тонны (если в хозяйстве 10 человек). Оставшийся продукт может быть реализован на рынке. Минимальная полученная за него сумма — 918 драхм, максимальная — 2736 драхм (в соответствии с ценами, известными по документам Делоса). Следовательно, каждое хозяйство обеспечивало его владельцу хороший доход. Если эти цифры экстраполировать на полис в целом, то результат получится следующий: при минимальном подсчете зерна достаточно, чтобы прокормить весь город, при максимальном — доход от сельскохозяйственного производства полиса составит 709 талантов.

На основании нескольких факторов исследуется вопрос о распределении богатства среди населения города, прежде всего земли. По подсчетам автора, все население, с этой точки зрения, делится на шесть категорий: владения беднейшей равно 6,6 га, богатейшей — 59,9 га. Самая многочисленная категория (49%) имеет 13,2 га, вторая по численности (26%) — 26,2 га.

Исследуя некрополи, Дж. Картер рассматривает погребения с точки зрения их стоимости. Всего им выявлено восемь категорий со стоимостью погребения от 3 до 1000 оболов, 26% всех погребений (2 категории) имеют стоимость от 12 до 24 оболов. Самые дорогие погребения — мужчин пожилого возраста (после 50 лет).

В целом хора Метапонта дает картину эгалитарного общества. Упадок его не явился результатом классовой борьбы или влияния каких-либо внешних политических сил, а скорее всего вызван какими-то изменениями в структуре сельского хозяйства региона в целом.

Наибольшее внимание на конгрессе было уделено западному направлению греческой колонизации, особенно Сицилии и Южной Италии. Свообразным введением к докладам, посвященным этому кругу проблем, послужил доклад Д. Риджуэя «Первые западные греки и их соседи», в котором сделана попытка синтезировать новые материалы, полученные за последние 50 лет. Важнейший вывод автора — утверждение, что и в греческие «темные века» связи между Восточным и Западным Средиземноморьем продолжали существовать; подчеркивается значение Сардинии. Второй тезис — особая роль Эвбеи в развитии этих связей, поскольку именно на Эвбее началось «греческое возрождение», что бесспорно доказывается раскопками последних десятилетий. Третий тезис — роль финикийцев и связи между финикийцами и греками. Этот вывод Д. Риджуэя резюмирует несколько парадоксальными словами: «Не все западные греки были греками, но все они способствовали эллинизации варваров».

Остальные доклады имеют объектом исследования не Западное Средиземноморье в целом, а его отдельные районы. Среди них необходимо выделить доклад П.Дж. Гуццо «Миф и археология в Южной Италии». Докладчик подчеркивает факт масштабного присутствия микенских греков в этом районе, он защищает также положение о том, что греки продолжали сюда плавать и в «темные века», хотя объем связей резко уменьшился. Важнейшим доказательством этого, с его точки зрения, является то обстоятельство, что в Италии техника добычи и обработки железа развивалась не спонтанно, а была заимствована из греческого мира.

Начиная с VIII в. до н.э. плавания греков в Южную Италию стали регулярными. В этот период греки нуждались в хороших отношениях с местным населением. Греческое влияние приводило к усложнению структуры местных обществ, что явилось результатом стремления их «рационализировать» контакты с греками. Позднее, уже после основания колоний греки довольно часто нуждались в рабочей силе для своего сельского хозяйства, что приводило к порабощению местного населения (Сиракузы, возможно Сибарис и Кумы), порождая в свою очередь войны. Местные общества могут противостоять грекам, и к середине VI в. до н.э. они уже достигают такой степени организованности, что заставляют с собой считаться и заключать договоры в соответствии с нормами международного права. Греческие мифы, в которых говорится об Италии, не могут считаться серьезным источником для истории этого региона. С помощью этих мифов греки заполняли лакуны в своих знаниях и доказывали «легитимность» своих земельных владений здесь.

Близкий характер имеет доклад Б.Д' Агостино «Взаимоотношения между Кампанней, Южной Этрурией и Эгейским миром в VIII в. до н.э.». Автор подчеркивает резкое возрастание за последние десятилетия объема археологического материала, который к тому же сейчас хорошо изучен, что позволяет создавать хронологически более расчлененные схемы. Он утверждает, что Кампанья представляет собой очень перспективную область для изучения проблемы взаимоотношений между греками и местным населением, поскольку здесь жило несколько групп населения, различающихся по характеру социальной и политической организации, облику культуры и т.д. Именно это обстоятельство позволяет на более высоком теоретическом уровне рассмотреть проблему влияния греков (в данном случае эвбейцев) на местное население. «Протоэтруски», контакты с которыми начались во второй четверти VIII в. до н.э., достигли уже достаточно высокого уровня политического и социального развития. Они жили в больших агломерациях,

сельскохозяйственная территория была хорошо организована, существовали достаточно прочные политические связи, выделилась своя элита, активно проходил процесс социальной стратификации. Контакты с греками ускорили все эти процессы. Оски же находились на более низком уровне развития. Они жили в маленьких деревнях, социальная стратификация практически отсутствовала. Появление греков привело к резкому убыстрению социально-экономических процессов, не имевших в это время корней в местном обществе. Быстрое появление групп людей, аккумулировавших в своих руках богатства, полученные в результате контактов с греками, полная переориентация социальных стимулов привели к кризису как старую традиционную систему социальных связей, так и общественную мораль. В результате, когда исчезли внешние стимулы, оскское общество оказалось в глубочайшем кризисе.

Близкие вопросы, но в другом районе рассматривает *Д. Адаместиану* в докладе «Греки и местное население в Базиликате». Автор указывает, что в VIII в. до н.э. наблюдалась значительная стабилизация в местном обществе, ставшем более устойчивым, свидетельством чего — большие агломерации, в которых жило население. В течение VII в. до н.э. основываются греческие колонии, которые нуждаются в сельскохозяйственной территории, и соответственно начинается «давление» греков на местное общество, что приводит в движение местное население. Часть местных агломераций превращается в протогородские центры, часть же гибнет. Второй период нестабильности приходится на V в. до н.э., когда также фиксируются большая подвижность населения, гибель ряда местных населенных пунктов и трансформация других (появление регулярной городской планировки, монументальной архитектуры, греческих граффити и т.п.). Глубина проникновения греческих влияний в хинтерланд объясняется тем, что эти влияния шли по речным долинам, связывавшим побережья с глубинными районами Италии. Самая глубокая трансформация в мире местных народов происходит в IV в. до н.э. (особенно во вторую половину века). Именно в это время началось все усиливавшееся давление местных народов (луканов) на греков.

Еще один доклад на близкую тему был прочитан *М.Л. Нава* — «Греческое и адриатическое влияния в Даунии в раннем железном веке». Объектом исследования является Северная Апулия, общество которой в раннем железном веке переживало быструю и радикальную трансформацию. Значительную роль в этом процессе играли и внешние влияния, в первую очередь греческие, шедшие из приморских центров Адриатики. Результатом этих влияний был быстрый и прогрессирующий упадок в двух сферах производства (керамика и стелы). Резкое усиление контактов с греческим миром приходится на V в. до н.э., когда местное общество уже было готово принять греческую «модель» культуры.

Некоторые доклады были обращены к проблемам истории отдельных городов. В их числе прежде всего назовем доклад *К.Б. Триллмих* «Элея: проблема взаимоотношения между городом и территорией и городская организация в архаический период». Элея представляла типичную фокейскую колонию с экономикой, более ориентированной на торговлю, чем на земледелие. Хора была пригодна только для производства оливок и винограда и соответственно слабо заселена. Вместе с тем несколько крепостей охраняли границы хоры. Сам город интересен тем, что вскоре после своего основания он был обнесен мощной стеной, охватившей гораздо большую площадь, чем та, которая была в это время заселена. Как и во многих греческих городах Запада, значительные перестройки (в частности, создание акрополя) приходится на время второго поколения после первопоселенцев. Город никогда не имел «гипподамовой» системы планировки.

Доклад *Ф.Р. Серра Риджуэй* («Этрусски, греки, карфагеняне: святилище в Пирге») представляет собой весьма общий рассказ об итогах раскопок этого интересного городка.

Несколько докладов были специально посвящены проблемам архитектуры и искусства Южной Италии и Сицилии. Наиболее интересный из них, с нашей точки зрения, — доклад *Д. Мартенса* «Несколько важных черт западногреческой колониальной архитектуры», где прежде всего обращается внимание на два обстоятельства, необходимых для понимания процесса развития западногреческой архитектуры: 1) греческая колонизация Запада началась тогда, когда в Греции еще не сложились собственные устойчивые архитектурные традиции; 2) несколько иные природные ус-

ловия (в частности, отсутствие хорошего строительного камня, сравнимого с греческим поросом, что приводило к более широкому использованию в строительстве дерева, терракоты и т.п.). Западногреческая архитектура обладает определенным своеобразием, которое выражается, в частности, в особенностях местоположения сооружений. Например, в ряде городов храмы обозначали границы хоры. Другую особенность представляли монументальность и богатство декора. Для западногреческих храмов типично обширное внутреннее пространство, что даже позволяет думать о каких-то особенностях в ритуале. Западногреческий театр также приобрел своеобразные черты, превратившись в свободно стоящее здание. Наконец, здесь возникли и своеобразные типы сооружений, которые отсутствовали в метрополии, например открытые сооружения для народных собраний (эклисиастерии). Особой чертой западногреческой архитектуры является ее «открытость», готовность принимать внешние влияния. Здесь сосуществовали традиции как дорики, так и ионики.

В докладе *А. Ди Вита* «Городская планировка в греческих колониях Сицилии от времени их основания до Пунических войн» приводятся сведения о системах планировки в сущности без каких-либо попыток их исторической интерпретации.

Несколько своеобразен доклад *П. и Р. Ханна* «Афины — Сицилия — Кампания: воины и художники». Авторы ставят своей задачей исследовать характер взаимоотношений между Афинами и кампанскими общинами в Сицилии и Южной Италии в классический период на основании анализа оборонительного доспеха. Используя в качестве основного источника монументальную живопись и вазопись Кампании, они приходят к выводу о смешении различных традиций. Окончательный вывод не делается, и доклад завершается вопросом: кто изображен в живописи — эллинизированные самниты или самнитизированные греки?

В докладе *И. Стрем* «Взаимоотношения между Этрурией и Кампанией около 700 г. до н.э.», несмотря на столь широкое название, речь идет об одной не очень многочисленной группе золотых украшений «ориентализирующего» стиля, найденных в Центральной Италии. Автор доказывает, что эти предметы были произведены не эвбейскими мастерами на Питекуссах (как это раньше считалось), а в своем большинстве в Южной Этрурии под стимулирующим влиянием ремесленников — мигрантов из Северной Сирии, которые «сотрудничали» с местными мастерами.

Несколько докладов посвящено различным аспектам истории такого своеобразного вида искусства, как расписная керамика в Великой Греции. Особо следует остановиться на докладе *А.Д. Трендолла* «О различиях между южноиталийской и аттической краснофигурной вазописью». Автор оспаривает традиционную концепцию, согласно которой производство краснофигурных ваз началось около середины третьей четверти V в. до н.э. и было инициировано основанием Фурий в 444/3 г. до н.э. В настоящее время, считает он, можно полагать, что их производство началось не в Фуриях, а в Метапонте и некоторых других центрах. Первоначально южноиталийские краснофигурные вазы были очень близки аттическим, но в IV в. до н.э. они различаются уже весьма сильно. Развитие собственного производства краснофигурных ваз закрыло в IV в. до н.э. рынки Южной Италии для аттических, и Афины были вынуждены искать новые рынки (Керчь, Северная Африка). Итальяское производство было ориентировано на местное потребление (менее 1% южноиталийских ваз найдено вне Италии).

Второй доклад — *Э. Робинсона* — называется «Между греками и местным населением: группа Ксенона». Как указывает докладчик, данная группа краснофигурной керамики относится к IV в. до н.э. Большинство ваз найдено в районе Бари. Обычно считается, что расписная керамика этой группы местного производства, возникшего под влиянием Тарента, но автор доказывает, что начало ее производства связано с Метапонтом. Влияние греков на местное население не обязательно относить к греческой колонии в Апулии — Таренту, оно могло происходить и из Метапонта и непосредственно из Афин.

Наконец, в докладе *М. Джентофт-Нильсен* «Две южноиталийские вазы, расписанные аттическим художником» говорится о двух краснофигурных сосудах из Музея Поля Гетти, которые имеют форму, типичную для южноиталийской керамики, но выполнены из аттической глины и расписаны в Афинах (школа Полигнота). Наиболее вероятное объяснение — они производились специально для экспорта в Южную Италию.

Особое ответвление западного направления колонизации представляет Адриатика — регион, которому посвящены два доклада. Ф.Д' Андриа исследует проблему греческого влияния на обоих берегах Адриатического моря. Археологические находки показывают, что уже микенские греки посещали этот регион. Вторично греки появляются здесь в IX в. до н.э. (сначала эвбейцы, затем коринфяне), ими двигали торговые интересы. В VII в. до н.э. весь этот регион оказался включенным в систему связей, поляризованных между двумя греческими полисами: Тарентом и Керкирой. Позднее здесь преобладает афинский и южноиталийский импорт. Наконец, тиран Дионисий пытается включить всю Адриатику в сферу сиракузского экономического и политического влияния.

В докладе *Б. Киригина* «Греки в Центральной Далмации: несколько новых свидетельств» обобщаются все имеющиеся материалы по греческим поселениям в этом районе. Как уже давно отмечалось, Далмация играла второстепенную роль в греческой колонизации, что объяснялось недостатком плодородной земли для аграрной колонизации, а также либурнийской талассократией в раннем железном веке. Первые греческие колонии основывались на островах. Б. Киригин обобщает все материалы по истории этих колоний, хотя их в общем немного, а ряд населенных пунктов еще не локализован.

Испания, наиболее западный регион западного направления греческой колонизации, на данном конгрессе была представлена всего двумя докладами, авторы которых к тому же касались лишь второстепенных вопросов. В. Триллмих полагает, что традиционная концепция возникновения иберийской скульптуры под влиянием фокейской неверна. Проанализировав новые находки иберийской скульптуры, докладчик доказывает спонтанное развитие этого вида искусства на иберийской почве.

Второй доклад, *П.А. Лилло Карпио* и *М.Дж. Волкер*, представляет собой публикацию недавно открытого коммеморативного или погребального памятника (Эль Прадо, Мурсия), датируемого серединой IV в. до н.э., в котором видны сильные греческие влияния.

Восточное направление греческой колонизации представлено небольшим количеством докладов и из них лишь один (*П. Курбэн* «Бассит — Посидайн в раннем железном веке») вписывается в хронологические рамки «Великой греческой колонизации». Этот населенный пункт, расположенный примерно в 50 км к северу от Латакии, возник в XVI в. до н.э. и существовал вплоть до VII в. н.э. Его история в раннем железном веке выглядит следующим образом: до конца VIII в. до н.э. Бассит был сирийским портом, принадлежавшим царству Хамы. Позднее он последовательно принадлежал Ассирии, Нововавилонскому, а затем Персидскому царству. Однако в рамках этих «мировых» держав, центры администрации которых находились очень далеко от этого порта, он превратился во что-то вроде «свободного порта», с самого начала открытого Финикии и Кипру. Греки в нем бывали первоначально только эпизодически. Со второй половины VII в. до н.э. его отношения с восточными греками интенсифицировались, а через посредство ионийцев установились связи с материковой Грецией и Италией. Тогда здесь поселилось некоторое количество ионийцев, к которым позднее присоединились афиняне, в конце концов вытеснившие ионийцев. Но Бассит никогда не был эмпорием в собственном смысле этого слова. Здесь имелась небольшая группа греков, живших вместе с местным населением. Вместе с тем эти греки занимали в городе видное положение.

Тема доклада *Т.Р. Брайс* — «Эллинизм в Ликии». Начав с обрисовки общих контуров истории Ликии в ахеменидское время, автор указывает, что контакты с Грецией начались со второй половины VI в. до н.э. Вхождение Ликии в состав государства Ахеменидов не помешало росту торговых связей с Афинами. Одновременно росло греческое культурное влияние, среди жителей Ликии появились греки. После завоеваний Александра Македонского резко возросло число греческих поселенцев. Однако греческое население (и греческая культура) были превалирующими только в крупных городах, особенно портовых, деревня же подвергалась эллинизации в гораздо меньших масштабах.

Другие доклады уже целиком касаются эпохи после завоеваний Александра Македонского. *М.А. Р. Колледж* в докладе «Некоторые наблюдения над греческим искусством в Западной Азии после завоеваний Александра» указывает, что с I в. до

н.э. в этом регионе возникло новое искусство, условно названное парфянским. Это в сущности восточное искусство, но сильно эллинизированное. К. Рапэн в докладе «Греки в Афганистане: Ай Ханум» обобщил результаты раскопок этого греческого города. В докладе Д.С. Барретта рассматриваются проблемы взаимоотношения евреев и эллинов в эллинистическую эпоху. Влияние эллинизма, по его мнению, было сильным, но не всеобъемлющим. Две причины препятствовали широкому внедрению эллинизма: еврейский монотеизм и замкнутость еврейских общин в эллинистических городах.

В. Джоблинг сделал сообщение об одной новонайденной набатейской наскальной надписи (начала II в. н.э.), автор которой носил греческое имя. В докладе С.Р. Пикеринга рассказывается с содержанием нескольких птолемеевских папирусов, касающихся места клерухов в обществе и правового статуса их земельных владений.

Очень небольшое место в работе конгресса занимало северное направление греческой колонизации. В докладе Д. Кнефлера «Календарь Олинфа и происхождение халкидян во Фракии» доказывалось, что первые греки, прибывшие в этот район, были эвбейцами. Очень краткий доклад Х. Данова «Характеристика греческой колонизации во Фракии» касается как эгейского, так и понтийского побережья Фракии. Автор самым кратким образом информирует о результатах раскопок здесь. Более подробен доклад М. Кожу, посвященный результатам раскопок греческих городов на побережье современной Румынии. Основное внимание уделяется раскопкам Истрии, но говорится и о других греческих городах и местных населенных пунктах (с VII в. до н.э. вплоть до римского завоевания).

Так же мало внимания (лишь два доклада) было уделено южному направлению колонизации. В докладе А. Ларонда рассматривается проблема взаимоотношений между греками и ливийцами в Киренаике (в классический и эллинистический периоды). Автор указывает, что ливийское население в областях, примыкающих к греческим городам, делилось на две группы: северные ливийцы, непосредственные соседи Кирены, и более южные племена. Северные ливийцы занимались земледелием и скотоводством. Их экономика была теснейшим образом связано с экономикой греческих городов, в сущности представляя единую экономическую систему. В силу этого культурные взаимодействия между греками и этой частью ливийцев были весьма активными. Конфликты между ними возникали только тогда, когда нарушалось равновесие внутри системы. Взаимоотношения между греками и южными племенами носили иной характер. Это был непрерывный конфликт, особенно обострившийся в моменты, когда Кирена оказывалась в трудном положении из-за внутренних раздоров или внешней угрозы. Причиной такого противостояния было то обстоятельство, что расширение зоны греческого контроля означало соответственно уменьшение территории, контролируемой этими племенами. Это был конфликт между расширяющейся земледельческой зоной и сокращающейся зоной кочевого скотоводства. Дополнительный стимул к конфликтам давала борьба за транс-сахарские торговые пути.

Доклад Ф. Сира был посвящен результатам раскопок в Сиди-Хребиш (древняя Береника в Киренаике). Основанный в 245 г. до н.э., этот город закончил свое существование около 1000 г. н.э. В докладе освещаются результаты исследований слоев эллинистического и римского времени.

В ходе конгресса было прочитано также несколько докладов, не имевших никакой реальной связи с проблематикой конгресса (К.В. Дирден «Драма IV столетия в Сицилии: афинская или сицилийская?»; Г. Таррант «Распределение ранних греческих мыслителей и вопрос об иностранном влиянии»; П. Бреннан «Рим вне Рима: ветераны — колонисты и поставгустовская римская колонизация»).

Среди докладов, посвященных проблемам колонизации Нового времени, только немногие, с нашей точки зрения, представляют интерес для понимания проблем древнегреческой колонизации. К их числу можно отнести доклад Б. Смита «Греция и европейская колонизация в Тихом океане». Автор сам выделяет те проблемы, которые можно считать общими для двух колонизаций. Один круг проблем связан с обеспечением экипажей кораблей продовольствием, водой и т.п., для чего необходимо вступать в контакты с местным населением. Б. Смит указывает, что в ходе плаваний Дж. Кука встречались такие местности (Австралия, Тасмания), где уровень

местного населения был столь низок, что, с одной стороны, абсолютно отсутствовали какие-либо запасы продовольствия, а с другой стороны, отсутствовали потребности даже в таких предметах, которые были в высшей степени желательны в других местах, например в железных орудиях труда. В других местах, где уровень общества был выше, вставал вопрос о том, кто контролирует прибавочный продукт и кто соответственно может выступить контрагентом в обмене. Наконец, еще один круг вопросов — как вступить в общение, когда совершенно неизвестен язык контрагента. Второй круг проблем связан с результатами воздействия контактов экспедиции Дж. Кука на местное общество. В остальных обществах это воздействие было совершенно незаметным, в более развитых — многообразно и глубоко. В частности, наблюдался быстрый прогресс в экономике, усиливались политические конфликты как в рамках одного общества (на смену традиционной иерархии родов приходила новая, основанная на силе), так и между отдельными обществами (войны стали более частыми и более жестокими). Наконец, наблюдается быстрый прогресс в культуре. Третий круг проблем — влияние открытий в Океании на культурное развитие Европы. Автор отмечает его многообразие, но особенно подчеркивает влияние на науку, в особенности на развитие идей однолинейной эволюции человеческого общества.

Автор второго доклада — «Новый Южный Уэльс в 1786—1788 гг.» А. Фрост рассматривает предысторию массовой колонизации этой части Австралии и первый этап существования колонии. Из наблюдений над этой колонией и из сравнительного материала, приводимого А. Фростом, как нам кажется, необходимо подчеркнуть следующие его выводы: массовая смертность колонистов в первый год существования колонии; чрезвычайно сильная роль психологического фактора — оторванность от родины и привычного окружения; массовая колонизация обычно начинается только тогда, когда «пионеры» прочно обосновываются на месте.

Остальные доклады по этой проблематике не представляют сколько-нибудь серьезного интереса для антиковедов.

Прежде чем попытаться дать оценку сборнику, отметим, что целями конгресса, как говорится во «Введении», были: 1) служить международным и междисциплинарным форумом для дискуссий о взаимоотношениях между «колонизаторами» и «колонизируемыми» в ходе древнегреческой экспансии; исследовать процесс, который вел в древнегреческих колониях к появлению новых культурных форм, в частности исследовать роль местной культуры и эффект нового «окружения» на колонистов; 3) сделать вклад в определение древнегреческой колонизации посредством выявления тех черт, которые являются специфическими или наиболее характерными для нее в противопоставлении тем чертам, которые могут быть общими как для древнегреческой колонизации, так и для колонизации нового времени; 4) продолжить и углубить дискуссию, которая началась уже ранее о существующих семантических проблемах, исследуя те проблемы, в которых современные термины, такие, как «торговля», «давление народонаселения» или даже «колонизация», действуют как задерживающие фильтры, скорее мешая, чем помогая нашему пониманию древнегреческой колонизации.

Рассматривая с точки зрения этих аспектов «Труды» конгресса, следует прежде всего выделить несколько идей, которые высказывались в ряде докладов и которые мы можем считать неким отражением общего состояния изученности некоторых проблем колонизации в современной науке. Как уже отмечалось, основное внимание уделялось западному направлению колонизации, в то время как иные направления привлекали гораздо меньшее внимание. Это в общем отражает общую ситуацию, хотя необходимо указать, что в мировом антиковедении начинает расти интерес к северному направлению¹. Отметим, что в докладах превалировал анализ археологических материалов и исторические выводы строились главным образом на базе их анализа. Вместе с тем не было ни одного доклада, в котором письменный источник выступал бы как объект специального исследования. Подобная ситуация также не случайна. Если до 50-х годов при решении вопросов колонизации решающую роль играли письменные источники, то теперь пальма первенства столь бесспорно

¹ См., например, Lordkipanidzé O., Lévêque P. Le Pont-Euxin vu par les Grecs. Sources écrites et archéologie. Symposium de Vani (Colchide). 1987. P., 1990.

принадлежит археологическим материалам, что иногда появляются упреки в «археологической агрессивности»².

Уже, видимо, стали «общим местом» утверждения относительно микенской колонизации, но тезис (представленный в ряде докладов конгресса) о том, что связи Эллады с Западным Средиземноморьем не прерывались и в «темные века» (хотя, конечно, и резко уменьшились), все еще представляется несколько шокирующим. Если дальнейшие исследования подтвердят это положение, то и все общепринятое понимание этого периода греческой истории окажется опрокинутым.

Необходимо также отметить «реабилитацию» тезиса о доколониционных связях. Все докладчики, касавшиеся этого вопроса, твердо уверены в их существовании³ и, кроме того, включают в понятие доколониционных связей и обмен, уже игравший определенную роль. Возрождение интереса к этой проблеме бесспорно следует приветствовать. В связи с этим обращает на себя внимание и довольно отчетливо проявляющаяся тенденция к удревнению дат основания греческих колоний.

Укажем, наконец, что проблема «греки и местное население» действительно прозвучала на данном конгрессе в полный голос⁴. Особенно важно, что эта тема теперь постоянно расчленяется и территориально, и хронологически, и типологически, результатом чего стала много более детализированная картина результатов этих взаимодействий.

Вместе с тем сборник вызывает и некоторые критические замечания, в первую очередь касающиеся некоторых вопросов терминологии и стоящих за ними понятийных проблем. Во многих докладах употребляются термины, в сущности лишённые какой-либо серьезной определенности: невозможно понять, каково было реальное содержание социального процесса, когда автор утверждает, что «агломерация превращается в протогород». Оба термина не определены, и, естественно, понять, какого рода процесс имеется в виду, невозможно.

Вместе с тем приятно отметить, что все еще чисто эмпирические исследования сопровождаются попытками теоретического осмысления полученной картины. Особенно важно, с нашей точки зрения, что антиковеды все чаще начинают использовать концепции, разработанные К. Полянью.

Что касается использования Х.Г. Нимейером дефиниций Ф. Кольба для определения полиса⁵ с целью выяснения отличий финикийской колонизации от греческой, то надо признать, что эти дефиниции далеко не безупречны, хотя в данном случае это не помешало правильности вывода, поскольку различия между греческой и финикийской колонией проявились именно в том пункте, где определение Ф. Кольба действительно адекватно отражает историческую реальность.

В связи с концепцией Г.Х. Нимейера относительно характера и датировок оснований финикийских колоний можно добавить следующее. Ряд исследователей, соглашаясь с тезисом о сравнительно позднем основании этих колоний, вместе с тем считают, что традиционные даты имеют некоторое значение, отражая, видимо, самое первое знакомство финикийцев с теми местами, где впоследствии были основаны эти колонии. Можно также указать, что в трактовке финикийской колонизации проявляются часто те же черты, что уже отмечались выше в применении к греческой: более тщательный учет характера местного общества, взаимодействующего с финикийцами, различные результаты этого взаимодействия в зависимости от местных условий (самый крайний пример — идея о падении Тартесса из-за разрыва связей с Востоком) и т.п.⁶

Что касается более конкретных вопросов, хотелось бы сказать о том, на что читатели явно уже обратили внимание: противоречивость докладов, посвященных южноиталийской краснофигурной вазописи и ее взаимоотношениям с аттической.

² Lepore E. *Strutture della colonizzazione focea in Occidente* // *Nuovi studi su Velia*. Naples, 1970. P. 19—20.

³ Иногда молчаливо отказываясь от своих прежних мнений. Ср. *Ridgway D. Il contesto indigeno in Etruria* // *Dialoghi di Archeologia*. 1969. III. № 1—2.

⁴ Впервые тема на теоретическом уровне была поднята в русской науке и достаточно медленно проникала в западную литературу. См. *Nadel B. The Euxine Pontos as seen by the Greeks* // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1991. 17.2. P. 123.

⁵ *Kolb F. Die Stadt im Altertum*. München, 1984.

⁶ Подробнее см. *Harrison R. Spain at the Dawn of History: Iberians, Phoenicians and Greeks*. L., 1988.

Заслуживает внимания сопоставление материалов, касающихся развития южно-италийского керамического производства с материалами о развитии хоры Метапонта. Это сопоставление может дать совсем иные выводы, чем кажется авторам. Причиной, например, прекращения активного производства зерна в хоре Метапонта в III в. до н.э. может служить то обстоятельство, что в это время Эллада уже не нуждается столь активно в поставках зерна, как это было в IV в. до н.э. (причинами могут быть и значительное обезлюдение Эллады и активный импорт зерна из Египта).

Большого внимания заслуживает и идея А. Ларонда относительно создания в рамках Киренаики единой хозяйственно-политической системы, обнимающей как греческие полисы, так и «ближайших» ливийцев. Она в значительной мере созвучна идеям П. Бриана, доказывающего, что в пределах Переднего Востока во многих районах с начала I тыс. до н.э. сложились аналогичные системы, включающие земледельческие и пастушеские народы⁷; однако в Киренаике в эту систему включаются и греческие полисы. Если данная картина действительно отражает историческую реальность, идея может оказаться весьма ценной для понимания и эллинистического Востока.

Что касается докладов о колонизации Нового времени, то признавая ценность для понимания древнегреческой колонизации тех двух из них, содержание которых передано в данной рецензии, хотелось бы вместе с тем подчеркнуть два обстоятельства: 1) разница в уровне развития между греками и «колонизируемыми» ими народами не была столь велика, как между европейцами и жителями Океании в XVIII в.; 2) в процессе греческой колонизации никогда не использовался столь специфический контингент колонистов, как каторжники, которые составляли значительную часть первоначальных колонистов в Австралии. Поэтому к сравнениям между древнегреческой колонизацией и европейской колонизацией Нового времени нужно подходить еще более осторожно, чем это сделали авторы докладов. Сказанное, однако, не означает, что мы отвергаем в принципе саму возможность подобного сравнения.

Подводя итоги, мы, видимо, имеем право сказать, что сборник представляет заметную веху в изучении древнегреческой колонизации и будет весьма полезен для всех, кто работает над этими проблемами.

Г.А. Кошеленко

---

⁷ Briant P. *Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancien*. Cambridge — Paris, 1982.

© 1993 г.

Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies. V. I. Sofia: Sofia University Press, 1991. 148 p., ill.

Увидел свет первый номер журнала «Орфей», выпускаемого совместно Международным Центром фракологии, Европейским центром Драгана и Международной ассоциацией «Terra Antiqua Balcanica»¹. Новое специализированное научное издание предназначено для публикации работ по актуальным проблемам индоевропеистики и фракологии. Его редакционная коллегия, возглавленная И. Маразовым, предполагает постоянно уделять особое внимание сюжетам, касающимся изучения древнейшего прошлого Балкано-Малоазийского региона и сопредельных территорий на основе разных видов источников. Поэтому тематика статей, выбранных уже для первого номера журнала, оказалась весьма широкой: здесь представлены исследования ученых разных стран по истории и археологии, мифологии и архитектуре, эпиграфике и лингвистике. К публикации в «Орфее» принимаются работы, написанные только на четырех европейских языках — английском, немецком, французском и итальянском. Но все статьи первого номера, вышедшие из-под пера исследователей разных стран, даны в английском, оригинальном или переводном варианте.

---

¹ Годом раньше вышел пробный («нулевой») номер «Орфея»: *Orpheus. Journal of Indo-European, Paleo-Balkan and Thracian Studies*. Sofia, Milan: Nagard, 1990.

Открывает номер статья Д. Цанотти «Варна: интерпретация данных некрополя» (с. 5—20), в которой обобщаются результаты исследования погребального обряда и сопровождающего инвентаря в известном археологическом комплексе, открытом в 1972 г. Варненский некрополь относится к важному этапу развития энеолитической культуры Караново VI — Гумельница, датируемой IV тыс. до н.э. В погребениях его прослеживаются признаки сильного имущественного и социального расслоения общества (наиболее ярко выразившегося в необычайном богатстве инвентаря, включающего золотые предметы) и господства в нем мужчины (возможно даже наличие ритуала «сати» — сожжения вдовы). В антропологическом отношении угадываются признаки притока пришлого населения, главным образом мужского, из Нижнего Поднепровья (область распространения среднестоговской археологической культуры). Район Варны послужил, по мнению Цанотти, важным промежуточным пунктом для постепенного продвижения на юг вдоль западного берега Черного моря как небольших групп пастушеского населения, так и торговцев, интересы которых были нацелены на получение прежде всего металлов (меди и золота) из анатолийских рудных источников. Именно в таком виде представляет себе автор продвижение первых носителей индоевропейских языков в Малую Азию.

В.Н. Топоровым представлен «Лингвистический комментарий к некоторым фракийским мифическим образам» (с. 21—31). Рассматривая некоторые теофорные имена из ономастикона древних фракийцев, исследователь выявляет в них компоненты, служившие обозначением «священного огня». Последний входил в круг образов, связанных с «основным» мифом о боге-громовике, побеждающем змея-дракона с помощью огненной небесной стрелы. Обнаруживается также ряд параллелей (при совпадении имен) между мифологическими персонажами из фракийского и балтийского пантеонов.

В статье Л.А. Гиндина (с. 32—44) суммируются на междисциплинарном уровне те данные для возможной локализации протоиндоевропейской этнической общности, которыми располагает в настоящее время наука². Автором предлагается собственная версия относительно последовательности и направленности отдельных миграций древних индоевропейцев. Им указано на принципиальную возможность согласовать теорию Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова со взглядами их оппонентов, появляющуюся в случае отнесения к более раннему времени периода существования древнейших протоиндоевропейских этнических групп в Восточноанатолийском регионе, откуда они переместились примерно на рубеже VII—VI тыс. до н.э. (согласно датировке К. Ренфрю) на Балканы, где на «второй прародине» произошла их дальнейшая консолидация, отразившаяся в максимальном сближении диалектов.

А. делла Вольпе в работе «От очага к созданию границ» (с. 56—72) вычленяет те ритуальные действия и связанные с ними моменты социальной организации общества, которые проступают в сакральных церемониях лимитации (ср. свидетельства о проведении их у древних греков, этрусков, римлян, германцев и др.). Установление границ храма, поселения и т.д. происходило у древних индоевропейцев в соответствии с представлениями о существовании сакрального пространства в противовес пространству неосвященному.

О первоначальном значении и дальнейшем изменении роли женского божества Гестии у индоевропейских народов, разными темпами продвигавшихся по пути исторического развития (греков, римлян, фракийцев, скифов) идет речь в статье И. Маразова (с. 73—86).

Семантика центральных архитектурных планов, получивших широкое распространение уже с конца эпохи неолита, исследуется Л.А. Лелековым (с. 87—98). Устойчивая тенденция к применению круглой, а затем и квадратной, конфигурации в композиционном построении планировочной структуры при сооружении культовых и жилых зданий объясняется реминисценциями древних индоевропейских представлений о сакральной символике, призванной отразить магическую силу владык.

Попытку увязать языковые факты с археологическими свидетельствами о бытовании такого вида боевого оружия как меч предпринял Дж.П. Меллори (с. 99—101).

² Ср. русский вариант этой работы: Гиндин Л.А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «Карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В.М. Иллича-Свистыча // ВЯ. 1992. № 6. С. 54—65.

Новую интерпретацию сообщения Геродота (IV: 22) о части скифов, некогда обособившейся от своих сородичей, предложили М.Н. Погребова и Д.С. Раевский (с. 102—125)³. О кельтских инвазиях на Балканах и взаимоотношениях носителей латенской культуры с фракийскими племенами говорится в заметке М. Сабо (С. 126—134).

Вопрос о начальном этапе бытования лувийского иероглифического письма поднимает Ф.К. Ваудхейзен (с. 135—143). Он приходит к выводу, что существование лувийской иероглифики может быть удостоверено по крайней мере уже для середины XVIII в. до н.э. При этом сугубая стереотипность ранних сфрагистических легенд не позволяет извлечь из них сколько-нибудь существенные языковые факты. Завершает номер новая публикация наскальной надписи из Ситово (неподалеку от Пловдива в Болгарии), которая интерпретируется Л.С. Баян и В.Э. Орлом (с. 144—148) как фригийская⁴.

Появление нового издания, ориентированного на дальнейшую интенсивную разработку палеобалканской и иной, смежной с ней, проблематики с использованием современной методики комплексного источниковедения несомненно будет воспринято как отрадное явление всеми заинтересованными специалистами.

А.А. Молчанов

---

³ Ср.: Погребова М.Н., Раевский Д.С. К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod. IV. 22) // ВДИ. 1989. № 1. С. 40—65.

⁴ Ср.: Баян Л.С., Орел В.Э. Лингвистическая и культурно-историческая интерпретация Ситовской надписи // ВДИ. 1993. № 1. С. 126—135.

© 1993 г.

КОЛЛЕКЦИИ ПАМЯТНИКОВ ИЗ АНТИЧНЫХ ЦЕНТРОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (г. Москва)

В фондах Государственного Исторического музея хранится значительная коллекция памятников из античных центров Северного Причерноморья (VI в. до н.э. — V в. н.э.), которая занимает достойное место среди собраний, отражающих многовековую историю России, тесно переплетаясь с историей Российского Исторического музея и его значением в культуре страны.

Учреждение Российского Исторического музея в последней трети XIX в. стало закономерным завершением процесса эволюции общественного сознания, прошедшего в XVI—XIX вв. путь от обыденного интереса к памятникам древности до понимания их значения в истории Отечества. Это привело к появлению в России целого ряда музеев¹. Иначе говоря, страна переживала тот же процесс, который протекал в государствах Центральной и Северной Европы начиная с конца XVII в. К началу XIX в. ряд европейских музеев получил статус национальных². Мысль об организации такого же музея в России высказывалась в научной среде уже в первой половине XIX в.

В 1872 г. в стенах Политехнического музея на торжественном заседании по случаю открытия выставки, приуроченной к 200-летию со дня рождения Петра I, была провозглашена и утверждена резолюция о сооружении Российского Исторического музея в Москве, на Красной площади. В «Положении об Историческом музее» так говорилось о его задачах: «Собирать и хранить разнообразные памятники древности и старины, которые в своей совокупности представляли бы собой наглядную и по возможности во всех частностях полную картину прошлой жизни как русского народа, так и народов, когда-либо обитавших в пределах Российской империи»³. К 1883 г. монументальное здание музея было построено и в том же году он распахнул для посетителей двери первых 11 залов с археологическими коллекциями.

Задачи, поставленные перед музеем резолюцией 1872 г., были достаточно широкими. Однако его деятельность в первую очередь была направлена на показ истории собственно России. Эта идея подчеркивалась даже архитектурным обликом здания музея, построенного в псевдорусском стиле, а его экспозиция начиналась с изображения генеалогического древа династии Романовых, размещенного на потолке вестибюля. Тем не менее были основания для комплектования Историческим музеем фондов из античных городов Северного Причерноморья, территориально далеко отстоявших от очагов формирования более поздней славянской культуры, а затем и древнерусского государства.

¹ ОИМ. М., 1960; *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 7—44.

² *Жебелев С.А.* Введение в археологию. Ч. II. Пг., 1923. С. 114—121.

³ Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. М., 1893. С. IX § 1; *Разгон А.М.* Российский Исторический музей. История его основания и деятельности (1872—1917) // ОИМ. М., 1960. С. 224.

Вероятно, одной из причин является история проникновения христианства на территорию Руси. На это предположение наталкивает несомненно целенаправленное расположение залов музея и их оформление. Показательно, что зал «А», предназначенный для памятников византийской эпохи, воспроизводит архитектурные элементы храма святой Софии в Константинополе. На его же стенах были размещены копии росписей и мозаик на равенских сооружениях и римских катакомб с изображениями, иллюстрирующими этапы сложения христианской символики. Этот зал примыкает непосредственно к двум другим («Б», «В»), отведенным под северопрichernоморские памятники. В языческую религию государств этого региона на первые века н.э. стали проникать ростки христианства, идеи которого упрочились к IV в. и в византийскую эпоху. Письменные источники сообщают важный для нас факт о принятии в 988 г. князем Владимиром в Херсонесе — городе с античными традициями — крещения, положившего начало массовой христианизации Руси. Иными словами, нащупывается хотя и тонкая, но все же нить связи на почве религии между античными центрами Северного Причерноморья и Русью. Здесь уместно вспомнить и идеологическую концепцию «Москва — третий Рим», согласно которой христианская Русь являлась единственным наследником и правопреемником Византии и античного мира.

Пониманию значения истории Северного Причерноморья в контексте истории цивилизаций античной эпохи во многом способствовали исследования отечественных ученых-классиков XIX в. Велик был в России и интерес к античному наследию, о чем свидетельствуют издания в подлинниках и переводах многих произведений греческих и римских авторов, а также введение в стране классического образования. С присоединением в конце XVIII в. к российским владениям земель по побережью Черного моря ученые России смогли сконцентрировать свое внимание на изучении памятников из раскопок городов припонтийского региона. Теперь за результатами открытий русских исследователей стали пристально следить уже и зарубежные ученые.

Когда Исторический музей в 80-х годах XIX в. приступил к комплектованию своих фондов по истории античных государств, отечественное антиковедение прошло без малого столетнее развитие. Исторический музей не имел возможности проводить на юге раскопки собственными силами. С памятниками же из этих центров, необходимых для экспозиции музея, сложилась следующая ситуация. С начала XIX в. благодаря активизации археологических работ количество уникальных памятников античного времени резко возросло, что поставило общественность перед необходимостью сосредоточить их в музеях, как документы огромного исторического значения. За какие-то 20 лет стали открываться один за другим археологические музеи: в Николаеве (1806), Феодосии (1811), Одессе (1825), Керчи (1826), закрепившие за собой право на хранение достаточно обширных коллекций. Однако лучшие и наиболее ценные предметы из их собраний предписывалось отправлять в Эрмитаж, который к середине XIX в. стал обладать несметными богатствами прежде всего из курганного и грунтового некрополей Боспора. Они были опубликованы в 1854 г. в трехтомном издании «Древности Боспора Киммерийского».

Одновременно шла бойкая торговля «древностями» на антикварных рынках юга страны, пополнявшимися за счет интенсивного разграбления античных некрополей местным населением. Эти предметы охотно раскупались коллекционерами. Много античных памятников из центров Северного Причерноморья стало уходить в XIX и в начале XX в. за рубеж⁴.

Однако строители Исторического музея, несмотря на оседание к 80-м годам XIX в. большого количества памятников в других музеях и частных руках, все же, видимо, располагали возможностями для приобретения коллекций. Иначе при постройке музея вряд ли в зале «Б» были бы запроектированы и сооружены четыре монументальных двухколонных портика, увенчанных антаблементами с рельефами на пантикапейские архитектурные мотивы. В их окружении должны были найти место будущие подлинные памятники. Природную среду, на фоне которой протекала когда-то история Боспора, призвана была отразить картина с видом Керченского пролива и берегами Европейского и Азиатского Боспора, специально заказанная для того же

⁴ Macpherson D. Antiquities du Kertsch. L., 1857; Böhlou S. Griechische Altertümer südrussischen Fundorts. Cassel, 1908; Graeco-Roman, Egyptian and Prehistoric Glass from Czechoslovak Collections // An Exhibition at the National Museum Prague. A Catalog of Displayed objects. Prague, 1970, и т.д.

зала И.К. Айвазовскому. На одной из стен зала VI были помещены копии росписей пантикапейского склепа Анфестерия Гегесиппова I в. н.э., открытого в 1877 г., а его потолок имитировал ступенчатое перекрытие погребальной камеры кургана Куль-Оба IV в. до н.э., раскопанного в 1830 г. вблизи Пантикапея.

В формировании античного собрания Исторического музея можно условно выделить два периода. Первый приходился на время от основания музея до 1917 г.⁵, второй — начиная с 30-х годов текущего столетия.

Первый период истории Музея тесно связан с именами крупных ученых А.С. Уварова и И.Е. Забелина. А.С. Уваров был первым директором музея, а после его смерти музей с 1884 по 1908 г. возглавлял И.Е. Забелин, на плечи которого легло тяжелое бремя пополнения коллекций⁶. Их основу составили памятники из Херсонеса, переданные еще с выставки в Политехническом музее в 1872 г. Для расширения своего собрания музей, не производя раскопок и не рассчитывая лишь на выделяемые Археологической комиссией материалы из раскопок на юге России, был вынужден прибегнуть к активным покупкам памятников и пополнению фондов за счет даров. Эти пути полностью себя оправдали благодаря тесным связям И.Е. Забелина с историками, археологами, нумизматами, многие из которых сами являлись крупными коллекционерами и внесли достойный вклад в создание коллекций Исторического музея. Именно на время его директорства в основном приходился интенсивный приток памятников из Северо-Западного Причерноморья, Крыма, Керченского, Таманского полуостровов и Нижнего Подонья, центры которых перечислим в порядке движения с запада на восток.

Остров Березань. В Музее хранятся 25 целых сосудов VI—V вв. до н.э. коринфского и родосско-ионийского производства, аттическая керамика с чернофигурной росписью и чернолаковая. Из глухого стекла — ойнохоя, амфориск, алабастр, алебастровый алабастр. К редким для березанских памятников относится кратер с краснофигурной росписью. Все они были приобретены для своих коллекций С.И. Чижовым (инв. № 55765), Блоком (инв. № 19307-8), Мальцевым (инв. № 82224) и происходят, судя по набору и сохранности, из разграбленных могил. Из культурного слоя березанского поселения, раскопанного Э.В. Штерном в 1908—1910 гг., Археологической комиссией переданы до 300 обломков родосско-ионийских, хиосских, аттических сосудов и светильников. Их дополняет небольшое количество лепной керамики (инв. № 46770).

Ольвия. Формированию большой коллекции из Ольвии во многом способствовала Археологическая комиссия, предоставившая в музей материалы из раскопок М.К. Суручана в 1886 г., В.Н. Ястребова в 1894 г., Б.В. Фармаковского в 1896 и 1901 гг., Ю.А. Кулаковского в 1900 г. Их исследования Ольвийского некрополя дали огромный материал, из которого в музей поступило свыше 1300 памятников. Они представлены отдельными сосудами глухого стекла конца VI—V в. до н.э., многими экземплярами керамики классического и эллинистического времени⁷. Изделия первых веков н.э. уступают в количестве предшествующему периоду. В коллекциях имеются бусы, украшения из металлов, отдельные предметы вооружения. Наиболее интересными и характерными для материальной культуры Ольвии являются эллинистические курильницы, культовые изделия из свинца в виде букраниев и других фигур⁸, свинцовые ручки гробов, поделки из кости, из которых выделим гребни черняховского типа.

⁵ Характеристике данного периода посвящена статья А.М. Разгона (ук. соч., с. 224 сл.). Однако автор отводит античным коллекциям ничтожно малое место. В нашем обзоре мы не касаемся античных нумизматических коллекций музея. Они требуют специального рассмотрения.

⁶ *Сорокина Н.П.* И.Е. Забелин и античные коллекции ГИМ // И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения. Тр. ГИМ. 1992. Вып. 81. Ч. II. С. 3—10.

⁷ Здесь и далее даются ссылки на публикации предметов из коллекций ГИМ: *Козуб Ю.И.* Некрополь Ольвии V—IV вв. до н.э. Киев, 1974; *Парович-Пешикан М.Б.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.

⁸ *Зайцева К.И.* Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры) // Тр. ГЭ. 1962. VII. С. 185 сл.; *она же.* Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // ХКААМ. 1979. С. 97 сл.; *она же.* Ольвийские культовые свинцовые изделия // КИАМ. 1971. С. 84—106.

Рис. 1. Архитектура. 1 — деревянный саркофаг в виде храма, Пантикапей, I в.н.э.; 2 — капитель пилястры, мрамор. Фанагория, II в. до н.э.; 3 — триглифный фриз, известняк. Херсонес, III—II вв. до н.э.; 4 — капитель, мрамор. Фанагория, IV в. до н.э.; 5 — трехфасадная капитель. Ольвия, III в. до н.э.; 6 — архитрав с фризом, мрамор. Горгиппия, I—II вв. н.э.

Памятники из Ольвии конца VI—IV в. до н.э., эллинистической и римской эпох дополняет не менее представительное собрание (1400 предметов) П.О. Бурачкова, приобретенное музеем в начале 80-х годов XIX в. Оно составлялось путем покупок и, казалось бы, в этом проигрывает предыдущему собранию. Однако его выделяет иное качество, сыгравшее благодаря своим эпиграфическим памятникам значительную

Рис. 2. Скульптура из Ольвии и Боспора. 1 — Афродита Таманская, мрамор. Кепы, первая половина II в. до н.э.; 2 — часть постамента времени боспорского царя Спартока с посвятителной надписью Афродите, мрамор. Кепы, середина III в. до н.э.; 3 — рука с рогом изобилия, фрагмент статуи, мрамор, святилище Афродиты. Кепы, III в. до н.э.; 4 — голова юноши, мрамор. Кепы, конец VI в. до н.э.; 5, 6 — крышка саркофага с возлежащей мужской фигурой, известняк. Пантикапей (?), вторая половина VI в. до н.э.; 7 — голова Асклепия, мрамор. Ольвия, IV в. до н.э.; 8 — женская головка, мрамор, Таманский толос, III—II вв. до н.э.; 9 — женская голова, фрагмент статуи, мрамор. Кепы, некрополь, II в. до н.э.

роль в исследовании общественной жизни Ольвийского полиса⁹. П.О. Бурачков — крупный знаток античной нумизматики — жил в Херсоне и, видимо, пристально наблюдал за расхищением памятников в районе владений помещика Мусина-Пушкина и с. Парутино, на месте которых когда-то находились Ольвия и ее некрополь. Их покупкой и пополнялась его коллекция, явно распадающаяся на две большие группы.

Памятники первой группы, несомненно, варварски извлекались из городского культурного слоя. Скорее всего с восточным теменосом были связаны, судя по их значимости, монументальная мраморная капитель, служившая подставкой под треножник (рис. 1, 5)¹⁰, а также большинство мраморных плит и их обломков с высеченными на них государственными актами. Для теменоса либо другого городского ансамбля или святилища могли быть предназначены рельефы и скульптуры из мрамора — некоторые из них представляют произведения высокого искусства (рис. 2, 7)¹¹. К этой же группе, по-видимому, можно отнести если не все, то большую часть терракот, гораздо чаще встречающихся в районе храмов, чем в некрополе.

Вторая группа представлена набором памятников, происходящих из ольвийского некрополя. Это керамика с чернофигурной и краснофигурной росписью, чернолаковые, краснолаковые и простые сосуды, светильники, бусы, зеркала и украшения из бронзы, поделки из свинца, ювелирные изделия. Выдающимся памятником с некрополя является монументальное мраморное надгробие IV в. до н.э. аттической работы, пострадавшее, видимо, во время гетского разгрома Ольвии; позднее его тыльная сторона была использована для посвящения Аполлону Простату¹².

От А.С. Уварова, который хотя и производил раскопки в Ольвии в 1848, 1853 гг. и был тесно связан с музеем, поступила смешанная по времени коллекция (инв. № 54791) из нескольких чернолаковых сосудов, эллинистической керамики, терракот, бус, инкрустаций из стекла, монет-рыбок, отдельных изделий из кости и свинца, а также рука от мраморной статуи. Из них наибольшую ценность представляет керамическая эпиграфика, которая наряду с амфорными клеймами из раскопок М.К. Суручана, В.Н. Ястребова, Б.В. Фармаковского, Ю.А. Кулаковского и собрания П.О. Бурачкова образует большую группу источников, важную для освещения экономических связей Ольвии IV—II вв. до н.э.¹³. Наконец, коллекции Ольвии пополняют в небольшом количестве дары Археологической комиссии из ее покупок в 1891, 1893 гг. (инв. № 23194-95 сл.), а также из собраний Чижова (инв. № 55765) и Блока (инв. № 19308) (рис. 3, 1).

Керкинитида. В музее из этого центра хранится только один памятник, найденный в 1901 г. в окрестностях Евпатории (инв. № 43602), однако по своему историческому значению он стоит более обширных коллекций. Это надгробие IV в. до н.э., которое было поставлено над прахом Амбатии, дочери Геродота, о чем говорит лаконичная надпись в верхней части плиты. Дорический диалект надписи, представляющий единственный для Керкинитиды пример лапидарной эпиграфики такого рода, превращает надгробие в важный источник, который наряду с другими проливает свет на взаимоотношения этого города с Херсонесом во времена жизни Амбатии¹⁴.

Херсонес. В «Указателе памятников» Российского Исторического музея прямо говорится, что материалы из Херсонеса призваны освещать «... главным образом историю города христианского времени, что вполне соответствует историческому

⁹ IOSPE. I². № 22, 26, 27, 34, 42, 70, 76, 82, 99, 100 и т.д.; Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.

¹⁰ Сорокина Н.П. Мраморная капитель из Ольвии // КАМ. 1966. С. 259—264.

¹¹ Вальдгауэр О.Ф. Памятник древней скульптуры в Историческом музее в Москве // ИАК. 1907. 23. С. 76—102; Кобылина М.М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972. Табл. VII.

¹² К-В, С. 28. № 156. Табл. XI; IOSPE. I². P. 134, № 101.

¹³ Граков Б.Н. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор // Тр. ГИМ. 1926. Вып. I. Разряд археологический. С. 165—205.

¹⁴ IOSPE. I². № 339; К-В. № 91. Taf. V; Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. Киев, 1990. С. 12, 154, 158.

Рис. 3. Керамика. 1, 2 — гидрики с чернофигурной росписью. Пантикапей, Ольвия, третья четверть VI в. до н.э.; 3, 4 — пелики, IV—III вв. до н.э.; 5 — пергамский скифос с рельефными клеймами на эротическую тему. Дом Хрисалиска, II—I вв. до н.э.; 6, 7 — сосуды боспорского производства: пелика с акварельной росписью, лекана. Кепы, некрополь, III—II вв. до н.э.; 8 — светильник боспорского производства. Кепы, некрополь, I в. до н.э. — I в.н.э.

значению Херсонеса, как рассадника христианства в Черноморье»¹⁵. В этом, казалось бы, проявлялся незаслуженно малый интерес к памятникам полисного периода истории Херсонеса, хотя и оставившего не менее яркую страницу в истории того же, но языческого Черноморья. Коллекции, поступавшие в Музей, нередко включавшие одновременно как античные, так и средневековые памятники, в действительности же отражают две эпохи, в равной степени важные для истории города.

Собрание херсонесских древностей формировалось из даров Московского археологического общества (инв. № 2189-95), Херсонесского (инв. № 7522, 78425) и Румянцевского музеев (инв. № 54746), покупок 1912, 1913 гг. (инв. № 47755, 48596), из частных коллекций (инв. № 54791, 55765) и отдельных пожертвований (инв. № 41003). Эти коллекции, нередко состоящие всего из 1—3 предметов, служат дополнением к основному собранию находок, обнаруженных К.К. Косцюшко-Валюжиничем при раскопках на Херсонесском городище и некрополе по поручению Археологической комиссии. Музеем были выделены памятники из раскопок 80—90-х гг. (инв. № 25613-27 сл.).

Характеристику средневековых памятников Херсонеса мы оставляем в стороне, хотя они значительны по количеству, начиная от мелких бытовых предметов, нередко с христианской символикой, и церковной утвари до базиликальных архитектурных деталей¹⁶.

Коллекции полисного периода истории города включают весь комплекс памятников материальной культуры античного времени: керамика, изделия из металла, стекла, кости. Но по яркости наборов каждой группы они уступают боспорским и ольвийским. В этом проявляется, видимо, особенность культуры тех и других центров и различия их исторического развития. С другой же стороны, лучшие комплексы и высокохудожественные памятники были переданы в Эрмитаж или же оставлены в Херсонесском музее, а в Москву отправлялись только рядовые экземпляры, которые и служат поводом для такой оценки херсонесской коллекции Исторического музея. В ней все же нельзя не выделить немногие, наиболее ценные памятники. Одни из них относятся к IV—III вв. до н.э. — надгробие с рельефным изображением предметов вооружения (инв. № 75222), два антропоморфных надгробия (инв. № 33426). Другие — плита с надписью, повествующей о постройке башни (инв. № 78607), и две известняковые архитектурные детали (инв. № 78607; рис. 1, 3) датируются III—II вв. до н.э. Третьи принадлежат к первым векам н.э. — верхняя часть мраморного надгробия с греческой надписью «Каллея, сын Гая, и жена его Идития (?), дочь Деметрия» (инв. № 7806), монументальный постамент конца I в. от статуи легата Секста Октавия Фронтоня (инв. № 78607), мраморная плита I в. с лавровыми венками и греческими надписями с перечислением должностей и заслуг херсонесского гражданина (инв. № 78607), мраморное надгробие Аврелия Виатора III в.¹⁷ и свинцовая урна (инв. № 33242).

Стоит упомянуть и дары, поступившие от А.С. Крузе (инв. № 15433-40) и А.С. Уварова (инв. № 78607). Они заслуживают внимания тем, что первый стоял у истоков раскопной деятельности в Херсонесе, а второй был одним из основателей музея.

Феодосия. Феодосийские памятники открывают серию коллекций из Восточного Крыма, входившего с IV в. до н.э. в состав Европейского Боспора. Они были переданы в дар музею в 1895 г. А.Л. Бертье-Делагардом из его раскопок в Феодосии в 1892—1894 гг. (инв. № 36227 сл.), представляя только часть сделанных им находок. В течение трех сезонов им велись наблюдения за земляными работами по сооружению городского порта, разрушавшими северо-западную часть холма («Карантинная горка»), на котором располагался акрополь Феодосии. В 1894 г. он раскапывал городской некрополь.

Соответственно двум объектам работ А.Л. Бертье-Делагарда распределяются и памятники его коллекции. Из культурных слоев происходили находки не только античного, но и средневекового времени. К античному периоду относятся обломки чернолаковой керамики V—IV вв. до н.э., «мегарских» чаш, простых сосудов,

¹⁵ Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. М., 1893. С. 435.

¹⁶ Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. М., 1977. № 117, 121, 122.

¹⁷ *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 11. № 109; IOSPE. I². № 420, 422, 566.

терракоты, грузила. Фрагментов керамики со столь частой для Феодосии краснофигурной росписью в музей не поступило. Памятники первых веков н.э. в собрании практически не представлены. Изделия же из бронзы и кости могли быть найдены как в культурных слоях, так и в могилах. Кроме того, не всегда представляется возможным определить время их изготовления — античное или средневековое.

К памятникам из некрополя принадлежат, по-видимому, отдельные целые чернолаковые сосуды, открытые светильники V—IV вв. до н.э., сетчатый лекиф и терракоты¹⁸. Последние, воспроизводя тип танагрских статуэток IV в. до н.э., составляют главную ценность коллекции, которая в целом из-за неполноты состава памятников не отражает полностью материальной культуры Феодосии античного времени.

Пантикапей. О материальной культуре столицы Боспорского царства VI—V вв. до н.э. дают представление памятники многих коллекций, наиболее активно поступавшие в 80—90-х годах XIX в. и первых десятилетиях XX в. На потребность в комплектовании фондов тогда откликнулся целый ряд лиц. Главная роль в формировании собрания принадлежит здесь ученым, обладавшим крупными собраниями боспорских памятников, таким, как А.А. Подшивалов (инв. № 5216 сл.), Д.Я. Самоквасов (инв. № 76690), Н.Н. Саханев (инв. № 20241 сл.), В.И. Сизов (инв. № 4300 сл.), С.И. Чижов (инв. № 55765). Следует особо выделить И.Е. Забелина, также предоставившего музею внушительное количество разнообразных памятников (инв. № 18656 сл.), которые были, видимо, приобретены им в Керчи в бытность на землях Боспора в 1864, 1868—1872 гг., а позднее он, не исключено, совершал покупки через доверенных лиц.

Из археологических учреждений наибольшую помощь музею оказывала Археологическая комиссия, передавая целые комплексы (или же выборочно) из раскопок в Пантикапее, которые велись на протяжении 1886—1912 гг. Ф.И. Гроссом (инв. № 17559 сл.), А.А. Бобринским (инв. № 25808 сл.), К.Е. Думбергом (инв. № 28729 сл.), Ю.А. Кулаковским (инв. № 25104 сл.), В.В. Шкорпиллом (инв. № 42762 сл.). Эти коллекции включают более полутора тысяч экспонатов. Их дополняют находки из раскопок А.Е. Люценко в 50—60-х годах XIX в., хранившиеся первоначально в фондах Румянцевского музея, позднее влившихся в собрание Исторического музея (инв. № 5474)¹⁹.

Музеем, помимо того, в 90-х годах приобретались ценные в художественном и историческом отношении пантикапейские памятники на торгах (инв. № 23888 сл.) и у отдельных лиц, например у известного в то время торговца древностями юга Е.Р. Запорожского (инв. № 17303 сл.). Из пантикапейских коллекций по ценности для науки следует выделить вещи, полученные в результате раскопной деятельности. В комплексе же с остальными поступлениями они позволяют осветить многие стороны экономики, истории, состояния ремесла, культуры Пантикапея.

Коллекции с территории Азиатского Боспора гораздо скромнее. Наиболее значительную из них составляют памятники из некрополей у мысов Тузла и Панагия, исследованные в 1911 г. В.В. Шкорпиллом (инв. № 49472). Достаточно высокий уровень его раскопок и отчетов о них позволяет рассматривать находки, хранящиеся в музее, в качестве важного источника для разрешения ряда вопросов истории Таманского полуострова²⁰.

Остальные коллекции не обладают такой информативностью. Это памятники случайного подбора из раскопок К.К. Герца на Тамани в 1859 г. (инв. № 54746), Н.И. Веселовского в районе Анапы-Горгиппии (инв. № 42405), а также И.Е. Забелина. Хотя последним ряд лет и производились раскопки на полуострове (Фанагорийское городище, курганы), но связать его коллекцию (инв. № 19789 сл.) с этой деятельностью или отнести ее к покупкам не представляется возможным.

Дать хотя бы краткую характеристику каждой вещи из упомянутой выше боспорской коллекции в силу многочисленности составляющих их предметов крайне

¹⁸ *Кобылина М.М.* Терракоты из Феодосии // САИ. Г1-11. М., 1970. С. 78—82.

¹⁹ *Марти Ю.Ю.* Сто лет Керченского музея (Исторический очерк). Керчь, 1926. С. 65, 74, 86.

²⁰ *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 1914. Вып. 56. С. 1—74; *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. Памятники культуры. М., 1957: Вып. XXVI; *Коровина А.К.* Некрополь около мыса Панагии // АИБ. 1962. С. 301—311.

Рис. 4. Боспорские известняковые надгробия с именами погребенных. Пантикапей, Таманский п-ов. 1 — сирена, навершие надгробия, IV в. до н.э.; 2 — Клео, жена Мазота, IV в. до н.э.; 3 — Анфемий, навершие надгробия, IV—III вв. до н.э.; 4 — Пап, сын Филокла, I в. до н.э.; 5 — Психарион, дочь Садала, I в. до н.э.; 6 — Хемата, дочь Захарииона, конец I — первая половина II в. н.э.; 7 — Юлий Патий, сын Деметрия, вторая половина I — вторая половина II в.н.э.; 8 — Доромедонт и Менандр, сыновья Посидиппа, первая половина I в.н.э.

Рис. 5. Изделия коропластов и стеклоделов: 1 — маска Диониса, Пантикапей, IV в. до н.э.; 2 — фигурный сосуд, Пантикапей, II—I в. до н.э.; 3 — кружка в виде головы Диониса, стекло. Кепс, некрополь, середина II в.н.э.; 4 — фигурный сосуд — лежащая пантера. Пантикапей, I—II вв. н.э.; 5 — терракота — мальчик с петухом. Кепс, некрополь, II в. до н.э.; 6 — курительница — голова жертвенного быка. Дом Хрисалиска, II—I вв. до н.э.; 7 — терракота — сидящая кифаристка. Дом Хрисалиска. II—I вв. до н.э.; 8 — терракота — участник мистерии со статуей богини. Пантикапей, I—II вв. н.э.

затруднительно. Ограничимся их перечислением, объединив находки по роду материала и лишь частично представив их на рисунках (рис. 1—5).

К изделиям из мрамора и известняка относится крышка саркофага с возлежащей мужской фигурой архаического стиля (рис. 2, 5, 6) многие надгробия и навершия IV в. до н.э. — II в. н.э. (рис. 4, 1—8), архитрав с фризом I—II вв. н.э. (рис. 1, 6)²¹, мужская и женская мраморные фигуры первых веков н.э. из Горгииппии.

Среди керамических изделий самую большую группу образуют столовые и погребального назначения сосуды разнообразных форм, характерные для соответствующих эпох. Импортная посуда представлена редко коринфскими сосудами и часто изделиями с линейными орнаментами конца VI — начала V в. ионийских центров. К аттическим мастерским принадлежат чернолаковые сосуды конца VI—IV в., а также с чернофигурной (конец VI — первая половина V в.) (рис. 3, 2) и краснофигурной росписями (рис. 3, 3,4)²². Из Средиземноморья поставлялись рельефная керамика (III—I вв. до н.э.) и фигурные сосуды II в. до н.э. — II в. н.э. (рис. 5, 2—4). К первым векам нашей эры относится большая группа краснолаковых чаш, мисок, тарелок, кувшинов, светильников, в основном малоазийского производства. О керамической таре дают представление амфоры Хиоса, Фасоса, Родоса, Гераклеи, Синопы и других центров²³.

Многочисленны изделия боспорского керамического производства, среди которых доминируют красноглиняные сосуды (наиболее интересны из них «акварельные» пелики III—II вв. до н.э.). В конце первых веков н.э. появляются сероглиняные кувшины с лощением и врезным геометрическим орнаментом. Много светильников, грузил. В коллекции представлено более двухсот терракот на мифологическую и жанровую тематику VI в. до н.э. — III в. н.э. работы средиземноморских и боспорских коропластов (рис. 5, 1)²⁴. Из боспорских терракот выделим две группы: одна из цикла «Ниобид» I—II вв., вторая, относящаяся ко II—III вв. — круга элевсинских мистерий (рис. 5, 8)²⁵.

В собрании Исторического музея находится большое количество изделий из бронзы (зеркала, браслеты, перстни, фибулы, пряжки, стрелы и т.п.). Из железа сделаны предметы вооружения, относящиеся главным образом к позднеантичному времени (мечи, кинжалы, умбоны, шлем, кольчуги и пластинчатые панцири), из бытовых вещей — ножи. Ювелирное дело представлено многими видами украшений из благородных металлов, частями венков, фибулами и другими предметами, нередко со вставками (IV—V вв.)²⁶.

Изделия из стекла распадаются на два емких раздела. Первый включает в себя многочисленные бусы²⁷, второй — сосуды, сделанные в различной технике. К концу

²¹ *Сорокина Н.П.* К вопросу о связях Пантикапея с Восточным Средиземноморьем в архаическую эпоху // ЗОАО. 1960. Т. 1 (34). С. 309—314; *она же.* Навершие боспорского надгробия с изображением Сирены // Археологический сборник. 1960. Вып. 37. С. 85—98; *Пичикян И.Р.* Боспорские антаблементы первых веков н.э. // СА. 1975. № 1. С. 176—187. Рис. 10а. Многие надгробия опубликованы (К-В. № 56а, 240, 378, 520 и т.д.), а надписи на них приведены в КБН (№ 286, 295, 612, 643 и т.д.).

²² *Блаватский В.Д.* Чернофигурная ойнохоя Государственного Исторического музея // ВДИ. 1946. № 2. С. 165—169; *Сорокина.* Тузлинский некрополь... Табл. I, 6, 8—14; *Коровина.* Ук. соч. Рис. 1—7; *Кобылина М.М.* Поздние боспорские пелики // МИА. 1951. № 19. С. 136—170.

²³ *Граков.* Ук. соч. С. 165—205; *он же.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929; *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора. МИА. 1960. № 83.

²⁴ *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961; *она же.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978.

²⁵ *Жебелев С.А.* Пантикапейские Ниобиды // МАР. 1901. № 24; *Марченко И.Д.* Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея // САИ, Г1-11. Ч. III. М., 1974. С. 38—46; *Сазанов А.В.* Мелкая пластика Боспора I—IV вв. н.э. (Боспорские ритуальные терракоты вида гротесков класса верховного женского божества): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

²⁶ *Сорокина Н.П., Трейстер М.Ю.* Группа бронзовых зеркал из собрания Государственного Исторического музея // СА. 1983. № 4. С. 142—153; *Амброз А.К.* Фибулы Юга европейской части СССР // САИ. Д1-30. 1966; *Сокольский Н.И.* Боспорские мечи // МИА. № 33. С. 123—196.

²⁷ *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Г1-12. 1975, 1978, 1982.

VI—IV в. относятся привезенные из Средиземноморья амфориски, ойнохои, арибаллы, алабастры, изготовленные из «глухого» стекла²⁸. Они уступают не только по численности, но и по разнообразию форм сосудам I—IV вв. из прозрачного стекла²⁹.

Гипс на Боспоре употреблялся в I—II вв. для изготовления разного рода фигурных аппликаций — апотропеев, прикреплявшихся к стенкам деревянных саркофагов. В боспорских коллекциях музея они представлены достаточно полно³⁰. Один из таких саркофагов середины I в. с гробом внутри (рис. 1, 1) принадлежит к группе очень редких памятников из наиболее подверженного тлению материала — дерева. Это туалетные коробочки, пиксиды, гребни³¹. К еще более недолговечным и редким памятникам относятся образцы тканей из раскопок Ю.А. Кулаковского. Из прочих материалов упомянем янтарь, гешир (бусы) и алебастр (сосуды). Костяные изделия представлены лишь редкими экземплярами.

Нижнее Подонье. Древности этого района представлены в собрании коллекциями из раскопок трех пунктов (правда, к сожалению, памятники были переданы музею выборочно).

Две коллекции состоят из вещей, найденных в Танаисе (Недвиговское городище и курганный некрополь) П.М. Леонтьевым в 1853 и В.Г. Тизенгаузенем в 1867 г. (инв. № 78607, 54746). В них представлены: бронзовые украшения (гривна, браслеты, кольца, фибулы), зеркала, бусы, редкие ювелирные изделия из золота, отдельные сосуды и светильники. Все эти предметы скорее всего происходят из некрополя. Такие же вещи, как грузила, пряслица и особенно керамическая эпитафия³², наверняка были извлечены из культурных слоев городища III в. до н.э. — I в. н.э.

Третья коллекция (инв. № 54756) включает находки из раскопок В.Г. Тизенгаузена в 1866 г. у Гниловского городища. В музее хранятся материалы одного из погребений I в. н.э. из «Круглого» кургана: бронзовые зеркала, две маски львов, краснолаковые сосуды и сероглиняные лощеные кувшины с оригинальным врезным орнаментом³³; а также бронзовый котел.

Памятники IV—III вв. из раскопок А.А. Миллера на Елизаветовском городище в 1908—1909 гг. входят в четвертую коллекцию (инв. № 47085). Музею были выделены чернолаковые и простые красноглиняные сосуды, светильники, грузила, целые амфоры и их фрагменты, частично с клеймами³⁴, черепица, украшения из бронзы и кинжал. Интересным памятником не только для данного собрания, но и для всего Подонья является каменное примитивное изваяние человеческой фигуры (так называемая «каменная баба»).

Подводя итог всему вышесказанному, приходится отметить, что подбор памятников, собранных музеем за первый период своего существования, оказался достаточно случайным в силу их поступления из покупных и дарственных коллекций. Археологическая комиссия, передавая материалы из раскопок тех или иных центров, выделяла музею лишь часть открытых там памятников, нередко разрозненные комплексы. Однако эти недостатки не снижают научной значимости собрания Исторического музея.

Начальный этап второго периода формирования фондов музея оказался неплодотворным. Правда, музею была передана большая коллекция А.С. Уварова из Поречья, национализированная в 1917 г. Она состоит из значительного количества средневековых и античных памятников, большей частью не северопрichernоморского

²⁸ Сорокина. Тузлинский некрополь... Табл. III, 1—5; Коровина. Ук. соч. Рис. 5.

²⁹ Сорокина. Тузлинский некрополь ... Табл. 12, 1—4; она же. Стекланный сосуд из кургана Нижнего Поднепровья // КСИА. 1962. 89. С. 103—106; она же. О стекланных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4. С. 85—101; она же. Стекланные капельники, или гуттусы, первых веков нашей эры из Северного Причерноморья // Тр. ГИМ. Проблемы археологии Евразии. 1990. С. 71—78; она же. Стекло // АГСП. М., 1984. Табл. XX, XXI.

³⁰ Берзина С.Я. Производство гипсовых изделий на Боспоре // АИБ, Т. II. С. 237—256.

³¹ Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья // САИ. Г1-17. М., 1969. Табл. 33. Саркофаг № 77. С. 59; он же. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.

³² Граков. Эпиграфические клейма... С. 165—205.

³³ Книпович Т.Н. Танаис. М. — Л., 1949. Рис. 47—51.

³⁴ Граков. Эпиграфические клейма... С. 165—205.

происхождения (инв. № 54791). Принцип формирования собрания музея с 30-х годов меняется с развитием археологии как науки и ее подходом к оценке памятников материальной культуры в целом, как исторических источников. Этот процесс мог раскрыться путем проведения раскопок с приобращением всего комплекса материалов, необходимых для научного изучения в фондах и экспозиционного показа истории античных государств Северного Причерноморья.

В пополнении своих памятников под таким углом зрения музей начал свою деятельность с 1935 г., приняв участие совместно с несколькими учреждениями в экспедиции, исследовавшей Харакс в Таврике, приобретая памятники из культурных слоев периода как до, так и после бытования здесь римского гарнизона (середина I — середина III в.) и немногочисленных предметов погребального инвентаря из отдельных могил (инв. № 78411)³⁵.

Музей продолжил традицию формирования коллекций из Херсонеса. В качестве представителя музея на протяжении 12 сезонов, начиная с 1958 г. с перерывами, в Херсонесе вела раскопки Н.В. Пятыешева, пополнив херсонесское собрание многими разнообразными предметами из культурных слоев города и редких могил некрополя (инв. № 96353 сл.). Историческому музею из Херсонесского была передана большая коллекция ювелирных изделий IV в. до н.э. — IV в. н.э.³⁶

Для характеристики промыслов и сельского хозяйства хоры Европейского Боспора имеют большую ценность рыболовные крючки, серпы, косы, мотыга из поселений Семеновка и Ново-Отрадное, а духовной жизни — терракоты позднеантичного времени из Тасуново (передано из Института археологии И.Т. Кругликовой и Д.Б. Шеловым; инв. № 85430, 95779)³⁷.

Благодаря проведению музеем с 30-х годов самостоятельных и совместных экспедиций на Тамани, получению коллекций из ИА АН СССР был устранен дисбаланс, присущий прежнему собранию, между памятниками из Северо-Западного Причерноморья, Таврики, Восточного Крыма во главе с Пантикапеем и Таманским полуостровом. В настоящее время музей хранит богатые коллекции из Кеп, Фанагории, Гермонассы, сельских поселений Синдики, а также из района северной части полуострова, краткая характеристика которых приводится ниже.

Еще М.И. Ростовцевым отмечалось, что «история северной части Тамани... для нас — книга за семью печатями»³⁸. В 60—70-х годах она была распечатана, а на страницах книги читалась богатая событиями история этого района от конца VI в. до н.э. до VI в. н.э.

Северная часть Тамани, или Фанталовский полуостров, в древности *Ἰψος* была занята, как теперь известно, многими сельскими поселениями, возникшими в разное время. С конца I в. до н.э. *Ἰψος* укрепляется по побережьям Таманского залива и Азовского моря 12 цитаделями, которые гибнут в начале II в. н.э.³⁹ Музей располагает огромным материалом, характеризующим многие стороны жизни на поселениях и в цитаделях из раскопок Н.И. Сокольского. Это керамика, как местного производства, так и привозная, светильники, ткацкие и рыболовные грузила, «рогатые» подставки, поделки из металла, гвозди из деревянных конструкций, сельскохозяйственные орудия, а также керамическая тара и вторичного использования надгробия (рис. 4, 3).

³⁵ Блаватский В.Д. Харакс // МИА. 1951. 19. С. 250—291; Масленников А.А. Харакс // АГСП. 1984. С. 56 сл.

³⁶ Пятыешева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV в. до н.э. — IV в. н.э. // Тр. ГИМ. Памятники культуры. М., 1956. Вып. XVIII.

³⁷ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. Рис. 77, 79, 83, 1, 2, 6; Кобылина М.М. Терракоты из Тасунова // САИ Г1-11. 1970. С. 111 сл. Табл. 52.

³⁸ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 301.

³⁹ Библиография и краткая характеристика памятников имеется в соответствующих разделах по Таманскому полуострову в АГСП, на которые здесь и далее даются ссылки. Десятчиков Ю.М., Долгоруков В.С., Алексеева Е.М. Азиатская часть Боспора. Сельская территория // АГСП. 1984. С. 88—90. Табл. XLVI; Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 41—65.

Поселение у поселка «За Родину», расположенное на востоке Фанталовского полуострова, исследовалось в 1970—1973 гг. Н.И. Сокольским. Оно представляет собой памятник, в истории которого прослеживается три периода. Первый (вторая четверть III — середина I в. до н.э.) характеризуется существованием архитектурного ансамбля — святилища с толосом. Во втором (конец II — конец I в. до н.э.) отстраивается резиденция Хрисалиска, крупного боспорского чиновника, с использованием прежних строительных остатков ансамбля. Третий (конец I в. до н.э. — начало II в. н.э.) открывается сооружением на развалинах резиденции крепости, входящей в общую систему обороны Фанталовского полуострова и гибнущей вместе с последней⁴⁰.

Все три периода представлены в собрании достаточно полно (инв. № 103991). Ко времени существования архитектурного ансамбля относятся фрагменты эллинистической керамики, клейменные ручки амфор, монеты. Наиболее показательными находками, характеризующими ансамбль как святилище, являются обломки расписной штукатурки, части изделий из мрамора (ковш, лутерий и его подставки, пестики, архитектурные детали). Выделяются из этой группы солнечные часы и небольшие женская (рис. 2, 8) и мужская головки, обе прекрасной работы.

Особенно был богат находками пятикомнатный дом резиденции. Имя его хозяина Хрисалиска, жившего при боспорском царе Асандре (47—17 гг. до н.э.), было выбито на одной известняковой плите, а на другой была изображена фигура богини Тихэ, видимо, его покровительницы. Из хозяйственных помещений происходит гончарная и лепная посуда разных форм, сосуды для хранения припасов, зернотерки. Все они оказались перемешанными с парадной краснолаковой столовой посудой эллинистического времени, рухнувшей при катастрофе со второго этажа (рис. 3, 5). В одной из комнат, игравшей роль домашнего святилища, было сосредоточено до десятка терракот (рис. 5, 7), курильницы, одна из которых представляет голову жертвенного быка в соответствующем уборе (рис. 5, 6). В доме найдены также изделия из кости, бронзы, железа (наконечники копья, дротика, ножи и т.д.), астрагалы и другие обиходные вещи. Культурные слои крепости содержали менее яркие находки в виде обломков краснолаковых сосудов и других предметов первых веков н.э.

Второе поселение у поселка «За Родину», исследованное в 1976—1978 гг., расположено в полукилометре к востоку от архитектурного ансамбля и функционировало одновременно с ним в III — первой половине II в. до н.э. Комплекс находок говорит о сельскохозяйственном укладе жизни (виноградарский нож, зерновая яма) с элементами торговли (свинцовая гирия), сочетающимися с производством керамики (развал печи, керамический брак). Найденная посуда почти вся местного изготовления со стандартным набором форм: разномерные кувшины, кастрюли, миски, тарелки, светильники и т.д. (инв. № 104749 сл.). На некоторых из них стояли клейма $\epsilon\rho\omicron\nu$ или $\epsilon\rho\omicron\varsigma$, указывающие на связь поселения с архитектурным ансамблем — святилищем и что оно являлось частью храмового хозяйства последнего⁴¹.

Вне Фанталовского полуострова по западному побережью располагались Кепы, Фанагория и Гермонасса.

Кепы. В собрании музея хранятся материалы из раскопок Н.И. Сокольского в 1957—1972 гг. Эта большая коллекция (инв. № 96195 сл.) всесторонне отображает историю города с периодами становления жизни, расцвета, катастроф, эволюции экономики, производства, торговых связей и культуры⁴².

Из находок все же выделим более ранние: ионийская керамика, сосуды с чернофигурной росписью, серии хиосских амфор, говорящих об интенсивной жизни в

⁴⁰ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976; Сорокина Н.А. Поселение у поселка «За Родину» // АГСП. 1984. С. 86 сл. Табл. XLVII.

⁴¹ Сорокина Н.П. Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на Азиатском Боспоре // Причерноморье в эпоху эллинизма. Цхалтубо, 1982. С. 374—382.

⁴² Усачева О.Н. Кепы // АГСП. 1984. С. 84 сл. Табл. XLIV; Николаева Э.Я. Терракоты города Кеп // САИ Г1—11. Ч. IV. М., 1974. С. 13—16.

начальной фазе существования города. Большое значение уже в это время приобрел культ Афродиты, что засвидетельствовано граффити, а надписи говорят, что он не угасал и позднее (рис. 2, 2). Это же подтверждает и открытый в городе небольшой храм в антах II в. до н.э. с великолепной мраморной скульптурой Афродиты (рис. 2, 1), изготовленной родосским мастером. В развалинах святилища, погибшего в I в. до н.э., и вокруг него было найдено большое количество даров богине в виде различных изделий из мрамора (рис. 2, 3), из которых выделяется голова курса конца VI в. до н.э. (рис. 2, 4), бронзовых и железных изделий, монет, сосудов (в том числе с клеймами *ῥόβ*), терракот и форм для их изготовления.

Грунтовый некрополь Кеп исследовался в 1959—1970 гг. Было открыто свыше 400 погребений второй половины VI в. до н.э. — III в. н.э. с обильным инвентарем (инв. № 96629 сл.)⁴³. Из могил второй половины VI—V в. происходят кольцевые ионийские аски, аттические чернофигурные сосуды, чернолаковые килики, скифосы, красноглиняные ойнохи, миски, стеклянные сосуды «глухого» непрозрачного стекла, оружие, редко ювелирные изделия, протофасосские амфоры. Инвентарь III—I вв. состоял из красноглиняных сосудов, среди них часты леканы (рис. 3, 7) и пелики с акварельной росписью (рис. 4, 6), флаконы, светильники (рис. 3, 8), терракоты (рис. 5, 5), бусы, монеты, амфоры из детских захоронений.

В земляных склепах I—III вв. найдены деревянные саркофаги, украшенные глиняными или гипсовыми апотропеями в виде масок Медуз, сохранивших раскраску, много стеклянных сосудов, красноглиняной, сероглиняной и краснолаковой керамики, встречалось оружие, фибулы, бусы и терракоты. Неординарной находкой в закладе одного из склепов I в. н.э. может служить мраморная женская голова II в. до н.э. (рис. 2, 9). Коллекцию погребального инвентаря дополняет серия надгробий, эсхар и жертвенных столов⁴⁴.

Фанагория представлена в фондах музея огромным материалом из городских слоев VI в. до н.э. — V в. н.э., выявленных раскопками 1936—1937 гг. (инв. № 78410, 79530)⁴⁵. Он отражает многогранную жизнь крупнейшего города Азиатского Боспора на протяжении многих веков. Интенсивное развитие местного гончарства прослеживается по обилию разных форм и назначения, о работе фанагорийских корoplastов свидетельствуют многочисленные терракоты. Для характеристики промыслов служат ткацкие и рыболовные грузила, строительной деятельности — обломки черепиц и архитектурные детали (рис. 1, 2, 4). Целый комплекс находок дает представление о внутренней и внешней торговле: это свинцовые гири, монеты пантикапейского и фанагорийского чеканов IV—II вв., обломки амфор и керамическая эпиграфика (Фасос, Гераклея, Синопа, Родос, Книд, Кос, Херсонес). В быту широко пользовались импортной посудой: в конце VI—V в. — чернофигурной и чернолаковой, в III—II вв. — с рельефным орнаментом, в первые века н.э. — краснолаковой и стеклянной.

Гермонасса представлена комплексом вещей из раскопок И.Б. Зеест в 1956—1957 гг.⁴⁶ Коллекция интересна главным образом расписной родосско-ионийской керамикой из культурного слоя VI в. до н.э., важной для установления даты появления ионийских переселенцев. Уникальным памятником VI в. до н.э. является служившая для выпекания лепешек печь в виде кудоло высотой до 1 м с отверстиями в верхней и нижней частях (инв. № 95774).

⁴³ *Сорогина Н.П.* Грунтовый некрополь Кеп // АГСП. 1984. С. 75—86. Табл. XLV.

⁴⁴ *Она же.* Новые находки стеклянные сосудов V в. до н.э. на Таманском полуострове // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1974. С. 76—88; *она же.* Родосская амфора с граффити из Кеп // Проблемы античной культуры. М., 1988. С. 195—199; *она же.* Терракоты из некрополя Кеп // САИ. Г1—11. Ч. IV. М., 1974. С. 16—20; *она же.* Античные стеклянные сосуды из раскопок боспорского города Кепы на Таманском полуострове // Античный мир и археология. Саратов, 1977. С. 115—144; *она же.* Стеклянный фигурный сосуд из Кеп // СА. 1968. № 4. С. 181—189; *она же.* Новый памятник античного искусства // АЙКСП. 1968. С. 278—284; *Усачева О.Н.* Надгробия из Кеп с изображениями женских фигур // КСИА. 1975. 143. С. 96—98.

⁴⁵ *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. // Тр. ГИМ. 1941. XVI. С. 4—74; *Долгоруков В.С.* Фанагория // АГСП. 1984. С. 77—81.

⁴⁶ *Коровина А.К.* Гермонасса // АГСП. 1984. С. 81 сл.

Грунтовый некрополь Гермонассы исследовался экспедицией музея в 1955—1957 гг.⁴⁷ Открытые 37 погребений относились ко времени от рубежа VI—V вв. до н.э. до I в. н.э. Для погребального инвентаря V в. характерны чернолаковые килики и лекифы, а также красноглиняные ойнохои и глубокие миски с красными линиями внутри. В могилах IV—I вв. преобладали простые тарелки, миски, флаконы, встречались пелики. Все они были, видимо, изготовлены в гермонасских мастерских. Из этой коллекции (инв. № 8694 сл.) к редким предметам относятся железные орудия IV в. до н.э. — долото и виноградарский нож. Уникальным памятником из курганного некрополя Гермонассы является мраморный саркофаг IV в. до н.э., хранящийся в музее с послевоенного времени (инв. № 81394)⁴⁸.

Сельские поселения на землях Тамани, лежащие обособленно от ее крупных городов, выявлены в 50-х годах экспедициями ИА АН СССР⁴⁹. Раскопки 16 разновременных античных поселений дали скромные находки, соответствующие основным занятиям их обитателей сельским хозяйством и отчасти пастушеством (инв. № 83425 сл.).

Музей располагает рядом надгробий эллинистического времени, дополняющих таманские коллекции. Они обладают специфическими чертами, характерными для памятников Азиатского Боспора, за которые они и получили название «синдские». Часть из них имеет поколенный статуарный облик мужских и женских фигур. Другие приближаются к общепоспорскому типу надгробных памятников с также поколенным изображением персонажей в эдикулах или же без обрамления, выбитых на плоском фоне. Большинство из этих надгробий были заложены в качестве строительного материала в фундамент крепости II в. до н.э., раскопанной у Ахтанизовского лимана в 1963 г. (инв. № 9953 сл.)⁵⁰.

Из приведенного очень краткого обзора античных коллекций Исторического музея видно, что это собрание обладает материалом с охватом всех основных центров Северного Причерноморья. Несмотря на то что Березань, Ольвия, Феодосия, Пантикапей представлены памятниками из раскопок XIX — начала XX в., без их привлечения не обходятся в своих исследованиях антиковеды. Материальная культура Азиатского Боспора, напротив, представлена материалами из раскопок последних десятилетий.

Таким образом, для разработки научных проблем по истории Северного Причерноморья в целом и его отдельных государств Исторический музей обладает огромным количеством памятников — более 130 тыс. единиц хранения, которые используются в качестве источников отечественными и зарубежными специалистами. С другой стороны, музей призван нести просвещение и осуществлять через экспозиционный показ своих археологических коллекций для отражения исторического развития античного общества.

Н.П. Сорокина, Д.В. Журавлев

⁴⁷ Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956—1957 гг. // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 46—52.

⁴⁸ Пятъшева Н.В. Таманский саркофаг. М., 1946.

⁴⁹ Десятчиков, Долгоруков, Алексеева. Ук. соч. С. 88.

⁵⁰ Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 86—96; он же. Синдская скульптура // Античное общество. М., 1967. С. 193—203.

К 60-ЛЕТИЮ ОЛЕГА ДМИТРИЕВИЧА БЕРЛЕВА

Глубокоуважаемый и дорогой Олег Дмитриевич!

Редколлегия, Редакционный Совет ВДИ, сотрудники Центра сравнительного изучения древних цивилизаций, специалисты по египтологии, истории и культуре древнего Востока, друзья, ученики и почитатели сердечно поздравляют Вас — выдающегося египтолога, ученого энциклопедических знаний, чудесного человека со славным юбилеем — с 60-летием со дня рождения и желают Вам долгих лет жизни и новых блистательных работ.

Мы гордимся тем, что Вы являетесь членом Редакционного Совета журнала и своими советами помогаете сохранить его высокий академический уровень. Ваши статьи вносят большой вклад в развитие отечественной и мировой науки и являются подлинным украшением журнала.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«МЕЖПОЛИСНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В ДОРИМСКУЮ ЭПОХУ. ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА,
КУЛЬТУРА»

(Севастополь, 1992)

26—30 октября 1992 г. в Херсонесском государственном историко-археологическом заповеднике проходила Международная конференция по проблемам межполисных взаимоотношений в Причерноморье в доримскую эпоху, посвященная 100-летию со дня открытия в Херсонесе первой музейной экспозиции. Конференция была организована Херсонесским заповедником совместно с Центром сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. В ней приняло участие более 60 специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Ростова-на-Дону, Саратова, Одессы, Симферополя, Керчи, Николаева, Евпатории, Севастополя. С докладами выступили также ученые из Польши и США. Было заслушано и обсуждено 18 докладов и сообщений по тематике конференции, основное содержание которых нашло отражение в изданных к началу работы конференции кратких тезисах.

Конференция была открыта обширным докладом *Я.В. Доманского* и *Э.Д. Фролова* (Санкт-Петербург) «Развитие межполисных отношений в античном Причерноморье в VI—I вв. до н.э.», в котором прослеживались перипетии межгосударственных отношений в Понтийском регионе. Авторы доклада выделили три главных этапа этого процесса: 1) период первоначального освоения греками припонтийских земель и установления первых преемственных контактов между вновь основанными полисами (с середины VIII до начала V в. до н.э.), 2) период максимальной активности припонтийских греков и острого многопланового межгосударственного взаимодействия (V — III вв. до н.э.), 3) период политической деградации припонтийских греческих государств и подчинения античного Причерноморья стороннему диктату (II—I вв. до н.э.). Особо в докладе выделена тема эллинской государственности, представленной в Причерноморье несколькими типами: полис (Ольвия), полис державного типа (Херсонес), симмахия — территориальная держава (Боспор). Панорама межполисных контактов была рассмотрена через призму отношений «колония—метрополия», «колония—колония», «полисы—внешние силы» (скифы, держава Митридата, Рим). В заключении, опираясь на обширный исторический материал, авторы доклада дали сравнительную оценку политических форм, существовавших в Причерноморье. По настоящему победоносной и жизнеспособной проявила себя Римская держава, удачно соединившая в своей государственности и политике элементы общинно-полисного плана с более широким державно-территориальным построением, собственные национально-государственные интересы с противостоянием варварской периферии.

При обсуждении доклада *В.И. Кузищин* (Москва) отметил плодотворность и перспективность изложенных идей, поскольку они характеризуют мир Причерноморья как единое целое. Ранее Причерноморье всегда рассматривалось на краю ойкумены, вдали от центров античной цивилизации, однако этот регион был одним из важнейших и равным по своей значимости классической Греции. *В.И. Козловская* (Владимир) охарактеризовала доклад в качестве «системного исследования», отметив, что не прозвучал только тезис о роли храмов, которые способствовали установлению контактов и выведению колоний. *А. Вонсович* (Варшава) особо подчеркнула важность выдвинутой авторами доклада периодизации. В ответном слове *Э.Д. Фролов* (Петербург) согласился с необходимостью учета различных связей, в том числе и относящихся к деятельности храмов.

Преимущественно политическим аспектам взаимодействий был посвящен доклад *М.И. Золотарева* (Севастополь) «Межполисные отношения в Северном Причерноморье в конце V — первой половине IV в. до н.э. Херсонес, Боспор и Ольвия». В

докладе *С.Ю. Сапрыкина* (Москва) «Борьба за экономические зоны влияния на Понте в VI—II вв. до н.э. Государственная политика или частная инициатива?» утверждалось, что в архаическую и классическую эпохи интересы отдельных торговцев преобладали над общеполитическими интересами. В эпоху эллинизма ведущая роль принадлежала экономико-политическим интересам государства. Автор доклада допускает существование различных точек зрения на экономическое соперничество (государственная политика или частная инициатива), однако приверженцы каждой из них, по его мнению, правы в отношении конкретных исторических периодов.

В докладе «Региональная экономика Причерноморья» *В.И. Кузищин* (Москва) охарактеризовал основные этапы развития северопричерноморской экономики для отдельных его регионов. В колонизационный («изоляционный») период — VII—V вв. до н.э. — интеграционные силы только начинают действовать; в V—IV вв. до н.э. в основном формируется региональная экономика и складываются основные экономические зоны — Гераклея, Синопа, Боспор, Западное и Северо-Западное Причерноморье. В эллинистический период интеграционные процессы в Причерноморье завершаются, и Синопа становится важным экономико-политическим центром Причерноморья. С середины I в. до н.э. происходят радикальные изменения, и с приходом Рима боспорское единство распадается.

Д.К. Картер (Остин) выступил с докладом «Хора Херсонеса в Таврике и Метапонта в Лукании. Сравнительные параллели», в основе которого лежали материалы его двадцатилетних раскопок хоры Метапонта. Городской центр включал три храма, агору, эkkлесиастерион и амфитеатр на 8 тысяч зрителей, относящийся к VI в. до н.э. На хоре Метапонта отсутствовала «правильная размежевка земли». Близость источников воды определяла расположение домов-усадеб вдоль дорог, на перекрестке межевых линий. Площадь домов составляла около 200—300 кв. м. Рядом с усадьбами обнаружены погребения (скорченные погребения в Понтаналло составляли до 40%). Судя по обнаруженной керамике, земляночные жилые структуры принадлежали греческому и местному населению.

Г.М. Николаенко (Севастополь) прочла доклад на тему «Аграрные традиции в Херсонесе Таврическом».

В.И. Кац (Саратов) в докладе «Сравнительная оценка динамики производства амфорной тары в эллинистическом Херсонесе» отмечал, в частности, что на основании анализа более 3,5 тысяч оттисков астиномных клейм можно считать доказанным, что динамика выпуска амфор и вывоза вина из Херсонеса в основном совпадает. *И.А. Антонова* (Севастополь) в своем докладе охарактеризовала древнейшую оборонительную систему Херсонеса, отнеся ее к первой половине V в. до н.э. Оборонительные сооружения Херсонеса, говорила докладчица, строились с учетом природных особенностей, что свидетельствует о высокой инженерной культуре поселенцев.

В.И. Павленков (Евпатория) в докладе «Стеностроительство Керкинитиды и Херсонес Таврический» проанализировал метрологические особенности фортификационных, гражданских и погребальных сооружений Керкинитиды. По его мнению, первая крепостная стена города (первая треть V в. до н.э.) была сооружена в самосской системе мер. С конца V и в первой половине IV в. до н.э. господствует аттическая система мер (вторая крепостная стена, жилые дома, погребальные сооружения). С середины IV и в III в. до н.э. распространяются стандарты ионийской системы.

В докладе «Северопричерноморская орднерная архитектура и строительная традиция метрополии» *А.В. Буйских* (Киев) показала, что застройка милетских колоний во второй половине VII—VI в. до н.э. велась в соответствии с малоазийскими (ионийскими) традициями. Аттические строительные традиции выявляются в Северном Причерноморье не ранее второй половины V в. до н.э. К концу второй четверти — середине IV в. до н.э. относится появление дорийских орднерных форм в Херсонесе. Для эллинизма был характерен синкретизм орднерных архитектурных форм, сложившийся под воздействием строительной практики в метрополиях.

Три доклада были посвящены боспорской тематике. В докладе *Ю.А. Виноградова* (Санкт-Петербург) «О полисах на Боспоре» была сделана попытка ответить на вопрос: какие из городов Боспора можно отнести к полисам? На основании анализа сведений письменных источников, данных эпиграфики и нумизматики автор доклада в качестве боспорских полисов назвал Феодосию, Пантикапей, Нимфей, Фанагорию, Гермонассу и Кепы. Что же касается Горгииппии, то недостаток данных не позволил

докладчику отнести ее к полисам. *Н.Ф. Федосеев* (Керчь) в докладе «Благодеяния Евмела» обосновывал локализацию колонии каллатийцев Псои на Елизаветовском городище на Нижнем Дону. *А. Вонсович* (Варшава) в своем выступлении связала в единую логическую цепочку изменения в виноделии, производстве соленой рыбы и погребальном обряде на Боспоре на рубеже эпох с военными действиями, которые определяли спрос на продовольствие и содействовали миграции населения.

В.П. Копылов (Ростов-на-Дону) в докладе «К вопросу о метрополии греческой апойкии в районе Таганрога» привел данные о милетском происхождении Таганрогского поселения, отождествляя его с Кремнами. Появление первых колонистов автор предлагает связывать с войнами лидийского царя Ардиса в конце его правления (654—606 гг. до н.э.) с греческими городами в Карию. Свой доклад «Территория и взаимоотношения полисов в Нижнем Поднестровье» *С.Б. Охотников* (Одесса) посвятил древним Тире и Никонию, а *Е.Я. Туровский* (Севастополь) в сообщении «К вопросу о внешней политике греческих государств Северного Причерноморья в III в. до н.э.» — рассмотрению проблемы взаимодействий греческих государств Северного и Южного Понта. Об итогах раскопок поселения Сиверсов Маяк подробно рассказал *И.А. Снытко*.

Доклад *Ю.Г. Виноградова* (Москва) и *В.В. Крапивиной* (Киев) «Ольвия и Боспор в первой половине IV в. до н.э.» был посвящен публикации недавно найденной интереснейшей и важной в научном аспекте находки из Ольвии: одновременно высеченным на мраморной стеле декрету и международному договору. Эпиграфический и текстологический анализ обоих документов привел авторов к выводу о том, что постановление издано ольвиополитами в честь их эвергета боспорского правителя Сатира I, а соглашение о дружбе и, соответственно, о военной взаимопомощи заключено с его сыном Левконом I в 70-х годах IV в. Причины появления обоих актов следует искать, по мнению докладчиков, в стремлении со стороны Боспора обрести надежного союзника в войне с Гераклеей и Херсонесом за обладание Феодосией, а со стороны Ольвии освободиться от ставшего обременительным протектората владык Скифского царства, с которыми боспорские правители находились в тесных союзнических отношениях.

Участники конференции познакомились с результатами последних раскопок памятников Западного Крыма, Херсонеса и его округи. На заключительном заседании все выступающие отмечали высокий научный уровень докладов, значительный объем археологических исследований в Херсонесе, на памятниках его хоры и в Северо-Западном Крыму. Эти встречи с участием археологов, музейных работников, представителей университетской и академической науки предполагается сделать традиционными.

М.И. Золотарев, С.В. Ушаков

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1993 г.

ATHENAGORAE ATHENIENSIS LEGATIO PRO CHRISTIANIS

ПРЕДСТАТЕЛЬСТВО ЗА ХРИСТИАН АФИНАГОРА АФИНЯНИНА, ХРИСТИАНСКОГО ФИЛОСОФА

Перевод с древнегреческого и комментария
А.В. Муравьева

(окончание)

20. Собственно, если бы неправдоподобность их богословия заключалась лишь в утверждении о возникновении богов и об их водном составе, то, доказав, что не может быть ничего возникшего, что бы не было разложимым, я мог бы обратиться к остальным обвинениям. Но они еще описали их тела: Геракл — это бог в виде «змея перевивающегося», других они назвали Сторуками, а Зевесова дочь, которую он родил от своей матери Реи, или Деметры⁵⁵, имеет два глаза согласно естеству, а сверх того два на лбу, и еще лицо с обратной стороны шеи. Были у нее и рога, отчего Рея, испугавшись уродства ребенка, убежала, не уделив ему сосца, почему ее и прозывали Афилой посвященные в таинства, обычно же имя ей — Кора или Персефона⁵⁶, причем она не тождественна Афине, получившей это имя ({Афила}), ибо она рождена из головы {Зевса}⁵⁷. Кроме того, они в точности (по их мнению) изложили их деяния: как Крон отсек срамные час-

⁵⁵ Отождествление Реи и Деметры есть черта орфической теологии. См. фрагмент № 145 (Kem). Слова ἡ δῆμιτορος τὸν αἰτήης исключаются большинством издателей как неудобочитаемые.

⁵⁶ Отождествление Афины с Корой-Персефой также орфическое (Argon. Orph. 31).

⁵⁷ Интерпретация слов ἀπὸ τῆς κόρης λευομένη вызывает затруднение. Отто предложил понимать слово κόρη в смысле «зрачок», отсылая к эпитету Афины «совоглазая». Пудрон переводит κόρη как «дева», имея в виду отождествление Афины и Керы-Персефоны, а также девственность самой Паллады. Мы сочли возможным принять исправление на полях Paris. Graec. 451 (κόρης λευομένη — см. изд. Гудспиды, с. 335, прим. 3).

ти отца и сбросил его с колесницы, как он одного за другим пожирал своих детей мужского пола, как Зевс, связав своего отца, низверг его в Тартар (как и Уран своих сыновей) и воевал за власть с Титанами, и как он преследовал собственную мать Рею, отказывавшую ему в супружестве, когда же она превратилась в змею, то и сам превратился в змея и, связав ее так называемым Геракловым узлом, совокупился с ней (жезл Гермеса являет нам как раз изображение этого совокупления), затем как он совокупился со своей дочерью Персефоной, изнасиловав ее в виде змея: от нее у него и родился сын Дионис. Эти примеры, несмотря на их изобилие, все же следовало привести. И что святого или достойного в этих сказках, чтобы мы поверили, что Кронос, Зевс, Кора и прочие суть боги? А эти описания тел? Какой же человек, будучи в здравом уме, поверит, пусть хотя бы и умозрительно, что Бог родил змею? У Орфея же:

Новое жуткое Фанес на свет произвел поколение;
Из священного чрева — ужасного вида Ехидну,
Коей власы головы и лицо девичье прекрасным
Было на вид, а прочие части ужасного змея
Прямо от шеи...⁵⁸

Или взять, например, самого Фанеса, первородного бога — ведь он первым появился на свет из яйца — {кто же поверит}, что он имеет тело или облик змея и был проглочен Зевсом, дабы Зевс стал неотделим от него⁵⁹? Дело в том, что, ежели боги ничем не отличаются от паскуднейших зверей, то они, стало быть, вовсе и не боги, ведь само собою понятно, что следует отличать божество от всего земного и вещественного. Зачем же нам поклоняться тем, чье рождение происходило по образу скотов и которые сами по себе звероподобны и безобразны?

21. Уже за одно то, что говорили о них как о существах плотских, имеющих кровь, семя, пороки гнева и вожделения, надобно считать эти речи смехотворным вздором. Ведь у Бога нет ни гнева, ни вожделения, ни похоти, ни детородного семени. Но пусть бы они даже были плотскими, но, по крайней мере, выше злобы и гнева (чтобы Афина не изображалась «гневной на Зевса-отца, с поднимавшейся желчью свирепо»⁶⁰, а Гера не описывалась так: «Гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу»)⁶¹, выше печали («Горе! Любимого мужа, гонимого около града, / Видят очи мои, и болезнь проходит мне сердце»)⁶². Я и вообще-то считаю глупыми и неразумными тех людей, которые поддаются гневу и печали. А сей «родитель бессмертных и смертных» так сокрушается о своем сыне:

Горе, я зрю Сарпедону, дражайшему мне, среди смертных,
Днесь суждено рукою патрокловой пасть побежденным⁶³.

Но даже сокрушаясь, он не может вырвать его из опасности:

Зевсов сын Сарпедон! Не помог громовержец и сыну⁶⁴.

Кто же удержится от упрёка людям, которые проявляют свою любовь к богам подобными рассказями? Ну пусть бы они были плотскими, но чтобы Афродита

⁵⁸ Фрагмент № 167 (Кетт). Согласно орфической теологии, двутелый бог Фанес был отцом Ехидны (змеи). Для Афинагора Фанес, как и его дочь, до половинки являлся змеей.

⁵⁹ Традиционный миф повествует, что Зевс проглотил Метиду, которую орфики отождествляли с Фанесом; см. фрагмент № 85, 167 (Кетт).

⁶⁰ *Нот.* II. IV. 23.

⁶¹ *Нот.* II. IV. 24.

⁶² *Нот.* II. XXII. 168—169.

⁶³ *Нот.* II. XVI. 433—434.

⁶⁴ *Нот.* II. XVI. 522.

не получала бы от Диомеда раны телесной («Ранил меня Диомед, предводитель аргосцев надменных»)⁶⁵, а {Гефест}⁶⁶ от Ареса — душевной («Как надо мной, хром зногим, Зевесова дочь Афродита / Гнусно ругается с грозным Ареем, губительным богом»). Даже Ареса/— и того поражает копье⁶⁷, «бессмертную плоть растерзавши»⁶⁸. И вот искусный воин, соратник Зевса {в борьбе} против Титанов, оказывается слабее Диомеда. «Буйствовал, словно Арес, потрясатель копья...»⁶⁹. — замолчи же Гомер, Бог не может буйствовать. Ты же его выводишь и кровожадным, и губителем людей («Бурный Арей, истребитель народов, кровью покрытый»)⁷⁰, ты рассказываешь, что бог сотворяет прелюбодеяние и попадает в сети («Хитрой Гефеста работы, упав, их схватили с такою / Силой, что не было силы ни встать им, ни тронуться членам»)⁷¹. Разве не извергают поэты потоки нечестивого вздора о богах? Урана калечат, Крона связывают и низвергают в Тартар, Титаны восстают, Стикс умирает в сражении; вот уже они изображают их смертными, влюбляющимися страстно друг в друга и в людей:

Мощный Эней, от Анхиза его родила Афродита,
В рощах, на холмах Идейских богиня, возлегшая с смертным⁷².

Они не вожделеют и не страдают⁷³. Ведь если они — боги, тогда их не касается вожделение, [либо они способны к чувственной любви, и тогда вовсе не являются богами]. Бог, даже если и воспримет плоть по божественному домостроительству, разве станет рабом вожделения?

Такая любовь никогда ни к богине, ни к смертной
В грудь не вливалась мне и душою моею не владела!
Так не любил я, пленясь младой Иксиона супругой,
Родшею мне Пирифоя, советами равного богу;
Ни Данаей прельстясь, белоногой Акрисия дочерью,
Родшую Криту Миноса и славу мужей Радаманта;
Ни прекраснейшей смертной пленясь, Алкменою в Фивах,
Сына родившей героя, великого духом Геракла;
Даже Семелой, родившею радость людей Диониса;
Так не любил я, пленясь лепокудрой царицей Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера⁷⁴.

Он рожден, тленен и нет в нем ничего от Бога! Однако они еще и нанимаются на службу к людям:

Адметово жилище! Здесь изведал я
Батрацкой пищи сладость, богом будучи.

⁶⁵ *Нот.* II. V. 376, см. также *Heraclit. All. Нот.* 30.4.

⁶⁶ Добавлено нами по смыслу, ибо последующая цитата из «Одиссеи» (VIII. 308—309) произносится устами Гефеста.

⁶⁷ Также добавлено по смыслу для прояснения контекста (так же *Pouderon. P.* 143).

⁶⁸ *Нот.* II. V. 858.

⁶⁹ *Нот.* II. XV. 605 (имеется в виду Гектор).

⁷⁰ *Нот.* II. V. 31.

⁷¹ *Нот.* Od. VIII. 296—298.

⁷² *Нот.* II. II. 820—821.

⁷³ Противоречие, заключенное в этих словах, мнимое, ибо страдания Христа (πάθη) возможны только после вочеловечения, да и в этом сокрыта великая тайна (ср. *Ignat. Antioch. Ad Ephes.* 7). Сближение страстей Христовых с «религией страдающего бога», культом Диониса Загрея или Осириса, было бы некорректным. Слово «домостроительство» (οἰκοδομία) употребляется уже у Аристиды (Apol. XV).

⁷⁴ *Нот.* II. XIV. 315—327 (пер. Н. Гнедича).

И пастухами они бывают:

Придя в сей край, я здесь, как странник, пас стада
И дом сей спас⁷⁵.

Стало быть, Адмет выше бога. О, мудрый прорицатель, зрящий грядущее других людей, как же ты не предвидел убийства твоего возлюбленного, и даже убил друга собственной рукой⁷⁶.

Надеялся и я, что никогда не лгут
Божественные Фебовы уста,
Провидческим движимые наитием.

Сам Эсхил поносит Аполлона как лживого прорицателя:

Так пел он сам, на пире сам присутствовал.
Сам так предрек, и сам же он убийцей стал
Мне сына моего⁷⁷.

22. Однако все это, может быть, лишь причуды поэтов, а для богов существует некий естественнонаучный смысл, вроде того, что говорит Эмпедокл:

Зевс — сиянье, Гера — исток жизнетворный,
Нестис источник земной питает слезами своими,
Также и Аидоней⁷⁸.

Но даже если Зевс — это огонь, Гера — земля, Аидоней — воздух и Нестис — вода, все это лишь стихии: огонь, вода и воздух, но никто из них — ни Бог, ни Зевс, ни Гера, ни Аидоней⁷⁹. Ведь они произошли и состоят из вещества, разделенного Богом:

Огонь и вода, и земля, и воздуха легкие выси,
С ними же купно — приязнь...⁸⁰

Разве можно назвать богами то, что не может сохраняться без действия приязни, будучи в противном случае перемешанным враждой? По Эмпедоклу приязнь главенствует, а совокупности подначальны тому, что более важно. Таким образом, если мы будем рассматривать подначальное и начальствующее как единую и тождественную силу, мы незаметно для себя сочтем тленное, текучее, изменяющееся вещество равночестным не возникшему, вечному и всегда неизменному Богу. Согласно учению стойков, Зевс есть жгучая сущность, Гера (ἘἭρα) — воздух (ἀήρ) что можно увидеть, повторив это имя несколько раз подряд, а Посейдон — питье⁸¹. Все прочие объясняют это по-разному: одни говорят, что Зевс — двуприродный воздух, ссчетающий в себе женское и мужское, другие — что он есть пора, обращающая год к теплоте времени, и по этой причине единственный избежал Крона. Однако стойкам можно сказать следующее: если Вы признаете единственно высшего Бога, Который не

⁷⁵ Цитаты из трагедии Еврипида «Алкеста» (1—2; 8—9).

⁷⁶ Имеется в виду убийство Гиацинта (Иакинфа); см. *Luc. Dial. deor.* XVI. 1.

⁷⁷ Цитируются фрагменты неизвестной трагедии Эсхила (фр. 350, Nauck). В более полном виде см. *Plat. Resp.* II. 283b, где Фетида оплакивает своего сына Ахилла.

⁷⁸ Эмпедокл, фр. 6 (Diels-Kranz). Нестис — сицилийское божество (см. Diels-Kranz. P. 312).

⁷⁹ Афинагор пользуется здесь системой соответствий, которая альтернативна содержащейся у Псевдо-Плутарха (*Aetius. Placita.* I. 3.20; *Diels. Doxographi...* P. 287), содержится также у Диогена Лаэртца (VIII. 76).

⁸⁰ Эмпедокл, фр. 17, стихи 18—20 (Diels-Kranz).

⁸¹ Другая система соответствий ясно стоического происхождения, где Зевс символизирует воду, Гера — воздух. — Посейдон — воду, а Аид (Hades) — землю (см. *Aetius. Placita.* I. 3.20; *Diels. Doxographi...* P. 287).

произошел и вечен, а с другой стороны все совокупности, на которые подразделяется вещество, и коли вы говорите, что Дух Божий, его проходящий, по его видоизменениям получает то или иное имя, то тогда все виды вещества окажутся телом Бога, и, поскольку вещественные начала тленны, выходит, что имена уничтожатся в воспламенении вместе с прообразами, и останется один лишь Дух Божий. Кто же поверит, что тела, чье вещественное разнообразие проходяще — суть боги? А тем, кто утверждает, что Крон есть время, а Рея — земля, зачавшая и рождающая от него, почему и считается она матерью богов, он же рождает, а затем пожирает свои порождения, а отсечение его срамных частей обозначает соитие мужского и женского начал, отделяющее и вбрасывающее семя в утробу и порождающее человека, обладающего вожделием, которое есть Афродита; безумие же Крона есть смена времени года, разрушающая как одушевленное так и неодушевленное, а оковы и Тартар обозначают год, по своим временам иссякающий, — на все это мы приведем свои возражения. Если Крон есть время, то оно течет, а если он — пора года, то наступает и проходит, если же он есть тьма, холод или жидкость — ничто из этого не пребывает вечно, Божество же бессмертно, недвижимо и неизменно. Итак, ни Крон, ни его идол не являются богами. Теперь о Зевсе: если он — воздух, произошедший от Крона, произведшего мужское начало — Зевса и женское — Геру (поэтому она одно-временно и сестра, и жена), тогда он подвержен изменению, а если время года — то наступает и проходит⁸². Божество же не изменяется и не превращается.

Впрочем, к чему далее утомлять вас перечислением? Вы сами более меня осведомлены о мнении каждого исследователя природы и о том, что именно думали те, кто писал о природе, относительно Афины ли, которую они называют мыслью, через все проходящей, Исиды ли, которую они называли естеством века, из которой все произросли и благодаря которой, по их словам, все существует, или по поводу Осириса, которого убил его брат Тифон в окрестностях Пелусия, и останки которого Исида искала вместе со своим сыном Гором, а найдя, поместила в гробницу, которая и поныне называется Осирисовой⁸³. Эти {ученые} мечутся туда и сюда среди видов вещества и упускают из виду созерцаемого разумом Бога. Они боготворят различные начала и частицы этих видов, давая им то одно, то другое имя: сев зерна — это Осирис (почему в уста Исиды, находящей останки Осириса, изображаемые в таинствах плодами, вкладывают слова «Обретши возрадуемся!»)⁸⁴. Дионис — это плод виноградной лозы, Семела — сама лоза, а {Зевесов} перун — солнечное тепло⁸⁵. В конце концов, те, кто обожествляет мифы, занимаются чем угодно, но не богословием. Они не понимают, что своей защитой богов лишь подкрепляют доводы против них. Какое отношение имеют Европа и бык или Леда и лебедь к земле и воздуху, чтобы можно было счесть позорное зевесово совокупление с этими женами {смещением} земли и воздуха? Не в силах узреть величие божие и воспрянуть разумом (ведь у них нет сродства с небесами), они растеклись мыслию по видам вещества и дошли даже до обожествления превращений вещественных начал, как если бы кто-то спутал корабль, на котором плывет, с

---

⁸² Зевс называется двуприродным (мужским и женским) воздухом в орфической традиции (см. *Philodem. De piet.* P. 83. 16.6–9; *Diels. P.* 549). Отождествление Крона со временем (Χρόνος) также характерно для орфизма, однако эту этимологию использовали и стоики (см. *August. De civ. Dei.* IV. 10). Относительно истолкования Зевса как времени года можно предположить астрологическую подоплеку (Сатурн и Юпитер).

⁸³ Источник этого рассказа, по-видимому, Плутарх (*De Is. et Os.* 18. 357f—358b).

⁸⁴ Этот ритуальный возглас часто цитируется христианами писателями (см., например, *Firm. Matern. De errore.* II. 9; *Theophil. Antioch. Ad. Aut.* I. 9.).

⁸⁵ Разумеется мистериально переосмысленное созревание винограда: миф о рождении младенца Диониса из бедра Зевса после испеления Семелы (см., например, *Prodicus apud Sextus Empiricus. Adv. Math.* IX. 18).

кормчим. И как нет никакой пользы от корабля, пусть даже и оснащенного всем необходимым, если на нем не будет кормчего, так же бесполезна и упорядоченность вещественных начал вне Божественного Промысла. Ведь и корабль сам собой не поплывет, и вещественные начала без своего Создателя не двинутся с места.

23. Возможно, что вы, превосходя всех разумением, спросите меня: каким же образом движутся некоторые идолы, если те, кому мы воздвигаем изваяния, не являются богами⁸⁶? Разумеется, трудно представить, что неодушевленные и бездвижные изображения могут совершать что-либо без участия силы, которая бы их двигала. Действительно, в некоторых местах, городах и странах происходят движения изваяний при произнесении имен; мы не оспариваем это. Но ведь мы не считаем богами тех, кто доставляет счастье одним и печаль другим с помощью некоторых действий. Однако мы произвели тщательное расследование причины вашей уверенности в том, что идолы движутся, а также выяснили имена тех, кто движет идолы и действует через них. Мне бы, пожалуй, следовало, предпринимая выяснение того, кто суть действующие в идолах, и доказательство того, что это вовсе не боги, обратиться также и к философским свидетельствам. Фалес, как сообщают нам знатоки его сочинений, был первым, кто различил Бога, демонов и героев. Он считает Бога мировым умом, демонов — одушевленными существами, а героев — отделившимися душами людей, причем души тех, кто был добр — благие, а кто зол — дурные⁸⁷. Платон, воздерживаясь от суждения об остальной части {Фалесовой науки}, принимает его деление на невозникающего Бога, тех, кто произошел от Невозникшего для порядка небесного (планеты и неподвижные звезды) и демонов⁸⁸. Об этих демонах он отказывается говорить, предпочитая обратиться к тем, кто уже рассуждал о них: «Повествовать о прочих божествах и выяснять их происхождение — выше моих возможностей; тут следует довериться тем, кто говорил об этом прежде нас, тем более, что они сами были, по их словам, потомками богов и вполне ясно звали своих прародителей. Нельзя же отказать в доверии детям богов, пусть даже они и не приводят правдоподобных и убедительных доказательств. Но если они заявляют, что передают свои семейные предания, нам приходится, следуя закону, им поверить. Давайте, коли так, примем и приведем их свидетельства о родословной этих богов; от Геи и Урана родились Океан и Тетфия, от этих двух — Форкий, Крон с Реей и их потомство, а уж от Крона и Реи — Зевс с Герой и все, кого мы знаем как их братьев и сестер, а уже от них — новое потомство»⁸⁹. Неужели Платон, постигший вечного Бога, созерцаемого умом и рассуждением и определивший Его сущностные свойства — истинно сущее, однородность, благость, исходящую от Него, которая есть истина⁹⁰, — неужели он действительно считал, что выяснить истину — выше его возможностей? Он, постигший и «первую силу», и то, что «все находится вокруг Царя всего; все ради него, и Он — причина всего», а также Второе и

⁸⁶ О подобном случае сообщает, например, Исидор Севильский (Etymol. XVI. 4.1), объясняя чудесное поведение статуи действием магнита (magnes).

⁸⁷ Мнения Фалеса Милетского, приводимые Псевдо-Плутархом: *Aetius. Placita. I. 7.11; I.8.2 = Diels. Doxographi... P. 301, 307.*

⁸⁸ У Платона в полном виде не содержится такой иерархической схемы (ср. Tim. 39e—41a; Epinomis 984d—985b), однако традиция среднего платонизма прочно приписала ему ее (*Alcin. Epitome XX. 8; XIV. 7; XV. 1; Apul. De Platone. I. 11.*)

⁸⁹ *Plato. Tim. 40d—e.* Интересно, что александрийская традиция (именно *Clem. Alex. Strom. V. 13. 84—85*) пользовалась, по-видимому, тем же вариантом платоновского текста (см. Pouderon. P. 158).

⁹⁰ Этот список атрибутов Божества явно выдает свое платоническое, точнее средне-платоническое происхождение: τὸ ὄντως ὄν, τὸ μονοφυές, τὸ ἀγυδόν (*Alcin. X. 4.*) (*Aetius. Placita. I. 7.31 = Diels. Doxographi... P. 304.*)

Третье («второе {начало} связано со вторым {родом}, а третье — с третьим»)⁹¹, определивший то, что именуется произошедшим из чувственного мира, то есть небо и землю, — неужели он считал, что выяснить истину — «выше» его разумения?! Или все-таки это не так? Однако, поскольку он счел, что богам никак невозможно рождать и быть беременными (зная, что за возникновением следует конец), но еще более невозможно переубедить народ, буквально понимающий мифы, — он и сказал, что объяснить происхождение прочих демонов «выше его разумения», так как не имел возможности⁹² ни признать, ни сказать, что боги рождаются. И вот эти его слова: «Великий небесный предводитель Зевс на крылатой колеснице едет первым, все упорядочивая и обо всем заботясь. За ним следует воинство богов и демонов»⁹³ — относятся вовсе не к Зевсу, сыну Крона⁹⁴. Ведь в этом {отрывке} имя обозначает Создателя всего. Сам же Платон, очевидно, сказал так, не находя возможным назвать его другим именованием. Он использует его народное имя не как присущее Богу, но для ясности, ибо невозможно было представить Бога всем людям. Он обошел трудность, как мог, употребив слово «великий», дабы отличить Небесного от низменного, Невозникшего от возникшего [Зевса], который моложе Неба и Земли, моложе он даже критян, которые выкрали его, спасая от убийственной отцовской руки.

24. Стоит ли мне, коли вы уже вникли в суть вопроса, упоминать мнения поэтов или других людей, когда у меня и так есть много доводов в запасе? Ведь если поэты и философы еще не признали одного Бога, одни — рассуждая о богах как о демонах, другие — как о веществе, а третьи — как о смертных людях⁹⁵; разве справедливо нам чувствовать себя изгоями оттого, что мы утверждаем различие между Богом, веществом и сущностями каждого из них?

Мы ведь говорим о Слове и Сыне Его, а также о Духе Святом как о Боге. Они соединены Силой и различаются по чину: Отец, Сын и Дух, причем Сын есть Ум, Слово и Премудрость Отца, а Дух — исхождение {от Отца}⁹⁶ подобно тому, как свет истекает от огня. Затем мы признаем, что существуют иные силы, которые находятся в некотором отношении к веществу и проникают в него, но одна из них — противник Бога. Впрочем, это не есть некая противоположность Бога, наподобие того, как Вражда у Эмпедокла противостоит Приязни, или Ночь противостоит Дню в море природных явлений, ибо если бы нечто противостояло Богу, то оно прекратило бы существование, то есть его состав был бы сейчас же разрушен Силой и Мощью Божией. Не можем мы также допустить, что есть некое противоположение Божией Благодати, которая с Ним сообразуется и соприсутствует, как кожа с телом. Это не есть нечто вне Него, не есть часть Его, но как необходимо существующее следствие Его бытия, столь соединенное и столь сопряженное с Ним, как огненно-золотой цвет с пламенем, а голубизна — с небесами. Противник-есть дух, {ходящий} около ве-

⁹¹ *Plato. Epist. II. 312 c.* Этот текст часто цитируется апологетами (например, *Justin. I. Ap. LX. 7.*).

⁹² Мы читаем *δυνάμενος*, согласно конъектуре Геснера.

⁹³ *Plato. Paedr. 246e.*

⁹⁴ Традиция противопоставления Зевса горнего и Зевса дольного восходит к академической традиции (Ксенократ): *Plut. Plat. Quaest. IX. 1. 1007f.* Эта идея получила большое развитие у неоплатоников, разделявших верховное Первоначало на два уровня (иногда не совсем точно называемые ипостасями): Единое и Благо у Плотина, Солнце Умное и Солнце Умопостигаемое у Юлиана и т.д.

⁹⁵ Разумеются соответственно платоника, стоики и эвгемеристы.

⁹⁶ Исхождение, буквально «истечение» *εμπατιο*, *ἀπόρροια* уже употреблялось Афинагором по отношению к Третьему Лицу Св. Троицы (Предст. X, 4). Термин этот не является инновацией, а употребляется еще в ветхозаветной книге Премудрости Сол. 7. 26 *πνεῦμα... ἕνιον... ἀπόρροια τῆς τοῦ Παντοκράτορος δόξης*. Слова в скобках добавлены (нами) по смыслу, причем филоквистское понимание, разумеется, исключено для Афинагора.

щества, возникший от Бога, подобно остальным ангелам, которому Он доверил надзирать за видами вещества⁹⁷. Весь этот сонм ангелов появился для осуществления ими Промысла Божия в том, что было Им упорядочено, дабы Бог обладал всеобщим и родительским промыслом обо всем, [приняв владычество и власть надо всем, кормилом мудрости направляя вселенную]⁹⁸, а ангелы, поставленные Богом над каждой {отдельной} частью, [обладали бы промыслом] об этой части. Подобно тому, как у людей есть свободный выбор между добром и злом (вы не хвалили бы добрых людей и не наказывали бы злых, если бы порок и добродетель не были равно предметом выбора), и некоторые усердны в том, что им доверено, но находятся и иные, ненадежные, нечто подобное произошло и с ангелами. Поскольку Бог сделал их вольными в своем выборе, одни остались там, где Он их поставил по сотворении, а другие дерзко восстали как против своей сущности, так и против своего поручения. Восстал и тот, кто был поставлен над веществом и видами его, и прочие, приставленные к сей первой тверди (имейте, впрочем, в виду, что мы ничего не говорим бездоказательно, а сообщаем изреченное пророками). Причем эти последние ниспали до вожделения девиц и оказались рабами плоти, а сам он нерадиво и коварно отнесся к тому, что ему было поручено. И вот от тех, кто сошелся с девицами, родились так называемые гиганты. И если у поэтов частично можно найти повествование о гигантах, не удивляйтесь, что мирская [и пророческая]⁹⁹ мудрость различаются, подобно тому, как истина отличается от правдоподобия: одна — небесная, а другая — земная. Ведь по [коварному наущению] властителя вещества.

Знаем, что многую ложь говорят, подобную правде¹⁰⁰.

25. Однако же эти ангелы, ниспавшие с небес, обитают в воздухе и на земле, не способные подняться в занебесные края. А блуждающие над миром демоны есть души гигантов¹⁰¹, причем эти {демоны} совершают движения, сообразные своему составу, а ангелы — сообразно своим вожделениям. Сам же начальник над веществом, как можно видеть из настоящего положения вещей, направляет и действует в противоположность Благу Божию.

Нередко ум пронзает мне такая мысль:
Вершит делами смертных случай или демон злой,
Надежды против, против справедливости
Одних в изгнанье шлет от дома милого,
Дарит другим он благосостояние,
Забыв о Боге...¹⁰²

И если то, что успех или неудача возможны против надежды и справедливости, так поразило Еврипида, кто же так управляет земными делами, что можно

⁹⁷ Этот пассаж цитируется Мефодием Олимписким в сочинении «О воскрешении мертвых» (I. 37. 1—4). Слово «противник» (в оригинале *ἀντίθεος*) является буквальным переводом семитского *satan* (ср. II Фесс. 2. 4).

⁹⁸ Эту фразу У.фон Вилламовиц-Меллендорф восстанавливает из цитаты у Епифания (см. изд. Гудспида, с. 344). Разделение между «общим» Промыслом и «частным», по всей очевидности, восходит к среднему платонизму (см. *Apul. De Platone*. I. 12).

⁹⁹ Смысловая конъектура Швартца, которой следует также Пудрон (с. 165).

¹⁰⁰ *Hesiod. Theogon.* 27. Афинагор отсылает к христианской идее о дьявольском обмане (ср. *Iustin.* I. Ap. LIV; LXIV).

¹⁰¹ Отождествление библейских «сынов Божиих» (Быт. VI. 4; см. также книгу Еноха VII. 2—3) с Гигантами греческой мифологии сделано было, по-видимому, в александрийской школе (*Origen.* C. Cels. IV. 92).

¹⁰² Еврипид, фрагмент 91 (Nauck), известный только из Афинагора. Это место чрезвычайно плохо читается в рукописи. Мы следовали конъектуре Монфокона (издание Отто, с. 134, прим. 8); из современных ученых этого мнения придерживается Э. Креен (с. 63).

сказать по этому поводу:

Взирая на такое, можно ль утверждать,
Что есть бессмертных род, и уважать закон¹⁰³?

Все это даже Аритотеля заставило утверждать, что поднебесный мир не промышляем¹⁰⁴, хотя для нас вечный Промысел Божий одинаково пребывает:

Ну а земля, хотя того иль не хоти,
Растит траву, питая тучные стада¹⁰⁵.

Промысел же в каждом отдельном случае действует для истины, а не для похвалы, содействуя достойным людям, в то время как все остальное промышляется общим порядком согласно разумному закону. Но поскольку демонические движения и действия, идущие от враждебного духа, производят эти беспорядочные метания, которые раскидывают людей одного — туда, другого — сюда, и по одному, и целыми народами, по частям и вместе, сообразно степени связанности людей с веществом и их сознанию божества, изнутри и снаружи — поэтому некоторые, даже весьма значительные по части науки люди, сочли, что сей мир составился не согласно некоему порядку, но существует и движется неразумной волею случая. Они {сочли так}, не зная, что из мирового состава ничто не является беспорядочным либо небрежным, но каждое произошло согласно разумному начертанию, почему и не преступают они указанного им порядка. Что же касается человека, то он, по мысли своего Создателя, также есть {существо} благочинное, причем природа его уже по сотворении содержит единое разумное основание, строение же его изначально не преступает предначертанного для него закона, а кончина остается равной и всеобщей. Однако каждый человек по-разному влечется и движется, согласно внутреннему разумному закону и действию сего властительного князя, а также сопутствующих ему демонов, хотя каждый имеет в себе присущую всем способность мыслить.

26. Так вот, эти демоны, о которых мы прежде говорили, и влекут людей к идолам, припав к жертвенной крови и облизывая эту убоину. А эти, столь любезные народу боги, от которых изображения получили свои имена, были по рождению своему людьми, и это видно из повествований об их жизни. Доказательством тому, что это именно демоны захватили себе эти имена, будут действия последователей их культа; одни, например, отрезают срамные части по примеру Реи, другие делают рассечения и разрезы, являясь последователями Артемиды, а таврическая богиня — та и вовсе убивает чужестранцев¹⁰⁶. Пусть те, кто увечит себя ножами и бичами, сделанными из хребтины¹⁰⁷, сами расскажут о себе и о том, сколько существует видов демонов. Ведь не Бог же толкает людей к противоестественным делам!

Когда устроит демон человеку зло,
Ум повреждает прежде...¹⁰⁸

¹⁰³ Фрагмент из неизвестного трагика (Nauck, fr. 901), известный только из Афинагора.

¹⁰⁴ Мнение, приписываемое Аристотелю (по-видимому, на основании «О частях животных» А. I. 641b) доксографической традицией (см. *Diels. Doxographi...* P. 592) и принимаемое на веру большинством апологетов (*Tatian. Ad Graec. II; Iust. I. Ap. XXVIII. 4*).

¹⁰⁵ *Euripid.* Киклоп. 332—333.

¹⁰⁶ Приверженцы Реи (Кибелы, Кивевы) подвергали себя ритуальному оскоплению (см., например, *Catull. LXIII; Lucret. De rer. nat. II. 601—643*); жрецы Артемиды Эфесской были евнухами. Под таврической богиней, вероятно, имеется в виду Артемиды Таврической (*Euripid. Iphig. Taur. 1450 sq.*). Последняя фраза большинством ученых признается глоссой.

¹⁰⁷ Жрецы сирийской богини Атаргатис-Деркетто, по свидетельству Апулея (*Mat. VIII. 27—28*), бичевали себя кожаными ремнями.

¹⁰⁸ Цитата неизвестного трагика (fr. 455, Nauck).

Бог же, будучи совершенно благим, есть также вечный благодетель. А тому, что те, кто действует [в статуях], отличаются от богов, которым они воздвигнуты, есть величайшие доказательства в Трое и Парии. В одном из этих городов стоят изображения Нериллина (а это почти что наш современник), а в другом — Александра и Протея¹⁰⁹. Могила и изваяния Александра находятся на рыночной площади и поныне. Причем все прочие изваяния Нериллина служат городским украшением, если это можно назвать украшением для города, а одно из них слышет вещим и целительным для немощных, почему троянцы и приносят жертвы, умащая и увенчивая золотым {венцом} это изваяние. Изображения же Александра и Протея (наверняка памятного вам тем, что он бросился в огонь в Олимпии) считают одного пророчески вещающим, а другому (Александру) («жалкий, лишь с виду бесстрашен он, женолюбец»)¹¹⁰ приносят всенародно жертвы и справляют торжества как богу, внешнему молитвам. Что же, Нириллин, Протей или Александр движут эти изваяния, или, может быть, [это делает] их вещественный состав? Но их вещество — это медь, а что может медь сама по себе, если ее можно заставить изменить свой облик, как, например, поступил с помощью своей ванны Амасис у Геродота¹¹¹? Какая же польза болящим от Нериллина, Протея или Александра? А то, что статуя, по утверждениям, совершает, она совершала даже когда сам Нериллин был жив, и даже сам болел.

27. Что же дальше? Сначала неразумные и туманные движения души среди мнений производят каждый раз иные образы: одни извлекаются из вещества, другие же они сами по себе вылепляют и порождают. Душа особенно подвергается этому, когда воспринимает вещественный дух и смешивается с ним, глядя, таким образом, не на небесные выси и их Творца, а долу на земные [вещи], как будто она есть только плоть и кровь, а не чистый дух. Итак, эти неразумные и туманные движения души рождают видения и помешательство на идолах. И когда неискушенная и податливая душа, никогда не слышавшая и не испытывавшая твердых словес, не выдавшая Истины, не ведающая об Отце и Создателе всего, запечатлевает в себе лживые сведения о собственной {природе} — демоны, {увивающиеся} вокруг вещества, лакомые на жертвенный тук и кровь, обманщики людей, пользуются этими ложными движениями души необразованного народа и устраивают им видения, чтобы внушить собственные мысли, но как бы от лица идолов и изваяний. И во всех тех случаях, когда душа, будучи бессмертной, сама по себе движется разумно, предугадывая ли будущее, радея ли о настоящем, славу за эти дела пожиная демоны.

28. Теперь, после всего сказанного, было бы излишне, пожалуй, сказать кое-что об их именах. Так вот, Геродот (в «Истории»), а также Александр, сын Филиппа, в своем письме к матери¹¹² (сказывают, что каждый из них имел беседы со жрецами в Гелиополе, Мемфисе и Фивах) говорят, отсылая к этим {беседам}, что боги эти были людьми. Геродот говорит: «Так вот, такими и были все эти люди, статуи которых там стояли, а отнюдь не богами. С другой

---

¹⁰⁹ Нериллин не упоминается более нигде. Ч.П. Джонс (CPh. LXXX. 1985. P. 40—45) недавно отождествил его с аристократом из Александрии-Троады, упоминаемым в египетской надписи из Кестамбула (CIL. Suppl. 7071). Под Александром, по-видимому, имеется в виду Александр Абонотихский, известный по диалогу Лукиана «Александр или ложный пророк». Протей есть описанный также Лукианом в сочинении «О кончине Перегринна» киинический философ Перегрин Протей, бросившийся в 165 г. в огонь на Олимпийских играх.

¹¹⁰ Гомер. Илиада. III. 39. Лукиановский Александр был, по указанию самосатского сатирика, таким же сластолюбивым совратителем, как и его эпический омоним (*L'ecian. Alex. 3. 42*). Подобное риторическое отождествление было типично для эпистолярного жанра.

¹¹¹ Геродот. II. 172.

¹¹² Указанное «Письмо к матери», на самом деле, не принадлежит Александру Великому, но написано последователем Эвгемера Львом из Пеллы (см. *Jacoby. FGH. III. C. 208—211*).

стороны, прежде этих людей в Египте царствовали боги, которые жили вместе с людьми, но один из них был всегда самым могущественным. Последним из этих царей был Гор, сын Осириса, которого греки зовут Аполлон. Низложив Тифона, он стал последним царем-богом в Египте. А Осирис по-гречески — Дионис»¹¹³. Итак, все остальные [боги], как и этот последний, были царями Египта. А от них имена богов попали к грекам. Аполлон является сыном Диониса и Исиды. Сам Геродот говорит об этом так: «По их словам, Аполлон и Артемида — дети Диониса и Исиды. Лето же была их кормилицей и спасительницей»¹¹⁴. И вот эти родившиеся на небесах существа были у них первыми царями, и их вместе с их женами, отчасти, видимо, из-за неведения, что есть истинное богочитание, отчасти из благодарности за их правление, считали богами. «Быков и телят мужского пола и без пятен египтяне повсеместно приносят в жертву. Коров же приносить им не дозволено: они посвящены Исиде, ведь Исида изображается в виде женщины с коровьями рогами, подобно Ио у греков»¹¹⁵. Кто же заслуживает в этих вопросах более доверия, чем те, кто по родовому обычаю — сын от отца — получили жреческую должность и предание? Вряд ли служители храмов (ἱερόκοι), поклоняющиеся идолам, стали бы врать, говоря, что те были в свое время людьми. Однако, ежели Геродот говорил, что египтяне рассказывают о богах как о людях¹¹⁶, его никоим образом не надо считать за сочинителя, когда он говорит: «Впрочем, то, что мне рассказали о богах, я не склонен передавать, за исключением разве имен богов»¹¹⁷. И вот, поскольку Александр или так называемый Гермес Триждывеликий¹¹⁸, а также множество других, коих у меня нет возможности называть по именам, причисляют себя к тому же роду {богов}, отчего же, действительно, не позволить им оставаться в этом звании, коли они цари? То, что они люди, доказывают {обычаи} даже самых образованных египтян, которые называют богами эфир, землю, солнце, луну, людей же они почитают смертными, а вот гробницы их — священными. Аполлодор объясняет это в своем сочинении «О богах»¹¹⁹. Геродот говорит, что их страдания суть таинства: «Я уже прежде говорил о том, что в городе Бусирис празднуют торжества, посвященные Исиде. И вот они бичуют себя после жертвоприношения, многие десятки тысяч мужчин и женщин. Однако я счел бы недовольственным описывать способ их самобичевания»¹²⁰. Если они — боги, значит, они бессмертны, а если они бичуют себя, и страдания их суть таинства, тогда они — люди. Сам Геродот говорит: «В том же Саисском святилище Афины есть и гробница того, чье имя я не считаю позволительным здесь разглашать. Она находится позади храмового здания, во всю длину стены храма Афины. Там есть и озеро, обложенное по краям очень красивым камнем, по моему, такой же величины, как так называемое Круглое озеро на Делосе. На этом-то озере во время ночных бдений египтяне представляют действия, {изображающие} страсти бога»¹²¹. Впрочем, египтяне показывают не только погребение Осириса, но и его бальзамирование: «Когда к ним приносят покойника, они показывают родственникам на выбор деревянные раскрашенные

¹¹³ Геродот. II. 144.

¹¹⁴ Геродот. II. 156.

¹¹⁵ Геродот. II. 41.

¹¹⁶ Здесь видна некоторая натяжка: не исключено, что подобная интерпретация мысли Геродота принадлежит упомянутому Льву из Пеллы.

¹¹⁷ Геродот. II. 3.

¹¹⁸ Гермес отождествлялся с египетским богом Тотом.

¹¹⁹ Имеется в виду не знаменитый автор «Мифологической библиотеки», а мифограф II в. до Р.Х. (см. FGH II. В. Р. 1022—1128).

¹²⁰ Геродот. II. 61.

¹²¹ Геродот. II. 170—171.

изображения покойников. При этом мастера показывают наилучший способ бальзамирования, примененный для того, кого мне не подобает в данном случае называть по имени»¹²².

29. Впрочем, и те греки, кто сведущ в стихотворстве и повествованиях, говорят с Геракле:

Зверский Геракл, закон посрамивши богов, и накрытый
Им гостелюбно для странника стол, за которым убийство
Он совершил Ифита¹²³.

Будучи таким, он вполне мог, сойдя с ума, схватить огонь и спалить самого себя насмерть. Об Асклепии же Гесиод говорит так:

... богов родитель и смертных
Взгневался, прямо с Олимпа метнул перун многояркий,
Милого сына Лето он убил, побуждаемый гневом¹²⁴.

А Пиндар:

Но корысть — обуза и уменью.
Золото, сверкнув из рук несметной мздой,
Совратило его.
И палящая молния от Кронидовых мышц,
Пав меж этим и тем,
Затворила вздох в его груди.
Обоих обомкнула их участью¹²⁵.

Однако, если бы они и вправду были богами, они бы не относились к золоту таким образом:

О, золото, для людей услада лучшая,
Толикого нам счастья не дает ни мать,
Ни дети...¹²⁶

Ведь божество ни в чем не нуждается и не подвластно вожделению. Они бы не умирали, а то это были бы смертные люди, да еще и жадные от своего невежества, и рабы денег. Стоит ли мне множить примеры, упоминая Кастора, Полидевка или Амфиарая, которые, как говорится, не первый день и не в первом поколении люди, и между тем считаются богами, ведь даже Ино с ее безумием и страданиями, которые оно повлекло, под именем Левкофеи «богиней чтут морских просторов странники», а сын ее «почтенным будет Палемон у моряков»¹²⁷

30. Если даже такие богомерзкие сквернавцы удостоились славы считаться богами, а Семирамида, дочь Деркетто, женщина похотливая и вдобавок запятнавшая себя убийством, признается сирийской богиней, причем сирийцы в честь Деркетто почитают [рыб], а в честь Семирамиды — голубей (невероятная история, излагаемая Ктесием¹²⁸, гласит, что женщина эта, якобы, превратилась в голубицу), — что же удивительного в том, что иные люди достаются от современников имени богов за свое самовластное правление. Вот слова Сивиллы,

¹²² Геродот. II. 86.

¹²³ Гесиод. Фрагмент 51 (Merkebach–West), известный только из Афинагора.

¹²⁴ Гесиод. Фрагмент 51 (Merkebach–West), известный только из Афинагора.

¹²⁵ Pindar. Pyth. III. 96—98; 1000—1057 (пер. М.Л. Гаспарова).

¹²⁶ Еврипид. Фр. 324 (Nauck).

¹²⁷ Цитаты из неизвестного автора (fr. 100, 101. Nauck). Ино, дочь Кадма, утопилась вместе со своим малолетним сыном Меликергом, а впоследствии оба они превратились в морских божеств Левкофею и Палемона (см. Гомер. Одиссея. V. 333).

¹²⁸ Греческий историк, живший в V или в IV в. (Jacoby. FGH III. P. 420—517).

о которой упоминает даже Платон:

Смертных людей поколение уже это было десятым
От того, как потоп настиг мужей прежде бывших.
И воцарились тогда чада славные Геи с Ураном:
Крон и Титан, Иапет, Земли и Неба которым
Дали прозвания люди, всему имена полагая.
Первыми были зане среди смертных они человеков¹²⁹.

Стало быть, некоторых {называют богами} из-за их силы, как, например, Геракла или Персея, а других — из-за их ремесла, как Асклепия? Значит, некоторым оказали эту честь их подданные, а в других случаях это сделали сами правители, одни, приняв это именование из страха, а другие — из уважения к имени. Антиной, например, был сочтен богом только из-за человеколюбивого отношения ваших предков к своим подданным¹³⁰, а уж потом все остальные были приняты совершенно без оглядки.

Критяне лгут постоянно: тебе даже гроб сотворили
Критяне, о владыко, а ты отнюдь не скончался¹³¹.

Верую, о Каллимах, в действительность родов Зевса, ты не веришь его могиле, и, желая затенить истинное положение вещей, ты по сути провозглашаешь для неосведомленных людей, что он умер. Ведь, даже глядя на пещеру, ты вспоминаешь о рбда Реи, а при виде гроба пытаешься скрыть его смерть, не зная, что Бог един, не возник и вечен. Таким образом, либо недостоверны рассказываемые чернью и стихотворцами басни о богах, и тогда излишним будет их почитание (ведь если эти предания — ложь, то и предмет их не существует), либо, если все эти родовые муки, любовные похождения, коварные убийства, кражи, разрезания и испепеления — правда, то их и вовсе нету, они прекратили существование, ибо пришли из небытия. Какой же тогда смысл в том, чтобы одним {историям} верить, а другим — нет, если сами стихотворцы сочиняли их, желая исключительно прибавить им почитания? Вряд ли те, благодаря кому их стали считать богами, кто обожествил обстоятельства их жизни, стали бы придумывать их страдания.

Итак, то, что мы не безбожники, признавая Бога, Творца этой вселенной, и Слово Его, если не в той мере, как того требует предмет, то по способностям моим, доказано.

31. Кроме того, много сочиняют против нас о безбожных «трапезах» и «смешениях»¹³². Это делают, чтобы подвести разумное основание под свою ненависть к нам и намереваясь устрашением то ли сбить нас с избранного пути, то ли настроить против нас и ожесточить с помощью нагромождений клеветы власти предержавшие. Они пытаются сыграть эту шутку с теми, кто знает, что издревле заведено (и не только в наше время), чтобы согласно некоему божественному закону и правилу порок неизбежно ополчался на добродетель. Пифагор, скажем, был сожжен в огне вместе с тремястами учениками, Гераклит и Демокрит также {пострадали}: первого изгнали из Эфеса, а другого, как говорят, из Абдер по обвинению в безумии. Сократа же приговорили к смерти¹³³. Однако раз эти люди не считаются дурными в нравственном смысле

¹²⁹ Oracula Sibyllina. III. 108—113 (Geffcken). Платон упоминает саму Сивиллу (Phaedr. 244b), однако, разумеется, не эти строки, явно позднейшего и притом иудейского происхождения.

¹³⁰ Младший сын императора Адриана Антиной, утонувший в р. Нил, почитался богом в Египте и в Мантинее.

¹³¹ Callim. Hymn. ad Iovem 8—9.

¹³² См. гл. III.

¹³³ Сопоставление несправедливых преследований известных философов с гонениями на христиан — τόπος апологетической литературы II в. (см., например, *Iust.* I. Ap. V. 3; XLVI. 3; II Ap. VIII. 1; X. 5—8).

только из-за мнения, бытующего среди черни, значит, и распространяемая некими людьми безответственная клевета не бросает тени на нашу нравственную жизнь, ибо совесть наша чиста перед Богом. Но впрочем, я отвечу и на эти обвинения.

Собственно говоря, перед вами я уверен, что уже защитился и тем, что сказано. Ведь, превосходя всех умом и образованностью, вы знаете, что те, кто почел Бога мерилом всей своей жизни, дабы человек соделался перед лицом Его безупречен и непорочен в каждом деле, не способны допустить даже мысли о малейшем прегрешении. Если бы мы были убеждены; что нам дано прожить лишь здешнюю жизнь, тогда бы, может, и можно было подозревать нас в рабствовании плоти и крови или прегрешениях по причине неспособности противостоять любостыжанию и вожделению. Но коли мы считаем, что Богу известны все наши помыслы и слова, как дневные, так и ночные, что Весь Он — свет и зрит в сердца наши и что, расставшись со здешней жизнью, мы обретем другую, лучшую, чем эта, небесную жизнь (а не еще одну земную), а также, что мы будем у Бога и с Богом, душою неизменные и бесстрастные, но не как телесные существа, хотя и облечены мы плотью, а станем мы небесным духом: если же мы ниспадем, подобно прочим, то нас ждет гораздо горшая жизнь в огне — вряд ли стали бы мы нарочно грешить, подвергая самих себя наказанию Великого Судии. Ведь Бог создал нас не как овец или подъяремный скот, словом, нечто второстепенное, и не для того, чтобы мы погибли или источились.

32. Собственно говоря, для них нет ничего странного в том, чтобы о нас сочинять то же, что они говорят о своих богах. Они даже страсти их представляют в таинствах. А им бы следовало, уж коли они решили считать ужасным делом совокупления без разбора и различия, возненавидеть Зевса, который зачал детей от своей матери Реи и от своей дочери Коры, а также взял в жены собственную сестру; или певца всего этого, Орфея, который изобразил Зевса ббльшим нечестивцем и сквернавцем, чем сам Фиест. Тот-то сошелся с собственной дочерью, желая во исполнение оракула царствовать и быть отмщенным¹³⁴. Мы же настолько далеки от этого беспорядочного блуда, что нам нельзя вожделеть даже взглядом. {Писание} говорит: «Глядящий на женщину с вожделением уже прелюбодействовал с ней в сердце своем»¹³⁵. Ибо нам не положено видеть большего, чем то, для чего сотворил глаза Бог, ведь они — свет для нас, и если глядеть с вожделением уже есть разврат для нас, считающих, что глаза созданы для другой цели, и верующих в грядущий суд даже за помышления — как же они после этого не верят нашей нравственной чистоте? Правила нашей жизни следуют не человеческим законам, которые иной {совратившийся} негодяй может и преступить — наше учение, как я доказал вам еще вначале, внушено Богом — закон же наш есть заповедь Божия, мерилом справедливости установившая равное отношение к себе и к своим близким. Оттого-то мы, сообразно возрасту, одних считаем сыновьями и дочерьми, других — братьями и сестрами, а старших мы почитаем матерями и отцами¹³⁶. О тех же, кого мы зовем братьями и сестрами, а также другими родовыми именами, мы усердно заботимся, дабы уберечь их тела от насилия и растления. Опять же, как глаголет Слово, «ежели и второе лобзание запечатлеет, испытывая от того удовольствие...»¹³⁷ и так далее. Нам следует

¹³⁴ Фиест сошелся со своей дочерью Пелопией во исполнение оракула Аполлона: от их брака родился Эгисф.

¹³⁵ Матф. 5. 28.

¹³⁶ Этот особый интимный христианский обычай, связанный с обращением к Богу, как общему Отцу (см., например, *Aristid. Apol. XV; Iust. I. Apol. LXV*), вкупе с обрядом «целования о Господе» и могли послужить поводом для обвинения в «незаконных смешениях».

¹³⁷ Это известное лишь из Афинагора речение (*agaphon 137. Resch*), по-видимому, является не *ἐντολή* в строгом смысле, но неким устным раннецерковным предписанием (см. Пудрон, с. 196).

быть столь точными, когда дело касается лобзаний, скорее даже своего рода приветствия, ибо если оно даже самую малость смутится нечистым помыслом, Бог липит нас вечной жизни¹³⁸.

33. Поскольку мы чаем жизни вечной, мы презираем радости этой жизни, вплоть даже до тех, что угождают душе. Любой из нас смотрит на жену, которую он взял согласно нашим обычаям, только как на будущую мать его детей. Подобно земледельцу, посеявшему семена в почву и поджидающему всходов, более не сея, и для нас пределом вожделению служит чадовторение. У нас даже можно найти многих мужчин и женщин, сохранивших до старости полное безбрачие, в надежде тем самым приблизиться к Богу. А поскольку жизнь в девстве и безбрачии приближает к Богу, а даже помышление о вожделении отдаляет, почему мы и бежим подобных мыслей, то самих дел мы сторонимся гораздо усерднее. Ведь наша забота не о словесных доводах, но о примере и учительстве. [Мы считаем так:] или человек остается таким же, каким он был рожден, или живет в одном браке. Второе замужество есть прелюбодейание под благовидным предлогом: «Если кто отпустит жену свою и возьмет другую — прелюбодействует»¹³⁹, говорит Писание, не позволяя мужу ни отпускать ту, что лишена им девства, ни жениться на другой. А тот, кто разводится с первой женой, даже если она умерла, есть скрытый прелюбодей, преступающий установление Божие, так как вначале Бог сотворил одного мужа и одну жену, разная общность плоти с плотью для единства в смешении родов.

34. В нашем случае (мне-то не о чем умалчивать) можно вспомнить пословицу «И блудница научает праведнику»¹⁴⁰. Ведь те, кто устроил торжище блуда и создал для {уловления} молодежи противозаконные пристанища всевозможных дурных развлечений, не щадя даже отроков и, так сказать, «мужчины на мужчинах делая непотребство»¹⁴¹, восставая всячески на обладателей наибольшего телесного достоинства и благовидности, тем самым бесчестят созданную Богом красоту (ибо не бывает самородной красоты на земле, а вся она ниспосылается рукою и мыслью Божией). И вот за то, что они сознают за собою, и за то, что они рассказывают о своих богах, что они хвастливо выставляют как их заслуги и достоинства они бранят нас, будучи развратниками и мужеложцами, они поносят безбрачных или единожды женатых. Они живут наподобие рыб, ибо и те проглатывают все то, что им встретится, и гонят сильнейший слабейшего. Это-то и есть настоящее пожирание человеческой плоти, когда они преступают существующие законы, которые вы и предки ваши установили для вящей справедливости, так что даже посланные вами наместники краев не способны [уследить] за решениями судилищ. Мы же не можем ни освободиться от побоев, ни оправдаться, ибо нас вовсе не слушают. Значит, нам недостаточно быть праведными (справедливость-то есть отношения равного с равным), но нам предстоит вдобавок стать кроткими и безропотными¹⁴².

35. Какой же здравомыслящий человек назовет людей, подобных нам, человекоубийцами? Нельзя же насыщаться человеческим мясом, не убив когонибудь прежде. Во-первых, эти люди просто лгут, а во-вторых, если кто-нибудь спросит у них, видели ли они своими глазами то, о чем говорят, то вряд ли среди них найдется настолько бесстыдный человек, чтобы ответить, что он видел это.

Есть у нас, впрочем, и рабы: у одних побольше, у других поменьше¹⁴³, от

¹³⁸ Близкое по духу рассуждение см. *Hermae Pastor*. I. 1. (изд. R. Joly).

¹³⁹ Матф. 19.9; ср. Мк. 10.11.

¹⁴⁰ Очевидная поговорка, не известная из других источников.

¹⁴¹ Цитата из ап. Павла (рим. 1.27).

¹⁴² Ср. выражение ап. Павла (II Тим. 2. 24).

¹⁴³ Важное свидетельство о социальном составе христиан. Рабы использовались как свидетели на процессах против христиан (см. *Iust. II. Apol.* XII. 4).

которых бы не скрылись {наши дела}. Но и из них ни один не стал бы измышлять подобные вещи, да и кто взялся бы обвинять в убийствах и людоедствах тех, кто, как всем известно, не может глядеть даже и на справедливое умерщвление. Кто же, к примеру, откажется посмотреть на сражения вооруженных бойцов друг с другом или со зверями, особенно когда вы сами устраиваете их¹⁴⁴? Но мы, считая, что лицемерие убийств недалеко отстоит от собственноручного убийства, отказались от подобных зрелищ. Каким же образом мы, вовсе не видящие {это}, дабы не запятнаться и не оскверниться, можем убивать? И если мы даже говорим, что женщины, пользующиеся средствами для вытравливания плода, совершают убийство и будут нести ответ за вытравливание перед Богом, то каким же образом мы можем убивать? Ведь не может один и тот же человек считать то, что помещается в {женской} утробе, существом живым и поэтому небезразличным Богу, и одновременно убивать пришедших в жизнь¹⁴⁵. Не может он противиться подкидыванию младенцев, приравнивая это к детоубийству, и одновременно истреблять уже выкормленное дитя. Что до нас, то мы во всем сами с собой согласны и не разделяем противоположных мнений, подчиняясь разуму, а не властвуя над ним.

36. Да и кто, уверовав в воскресение, станет гробом для тел, которые воскреснут? Разумеется, один и тот же человек не может считать, что тела воскреснут, и одновременно поедать их, как будто бы этого не случится, а также считать, что «земля отдаст мертвецов ее»¹⁴⁶, а с него не спросят те, кого он схоронил в себе. Напротив, не воздерживаться от дурных дел свойственно людям, которые считают, что не будут давать отчета за здешнюю жизнь, дурную ли, хорошую ли, что воскресения вовсе нету, и полагающим, что душа погибнет вместе с телом и как бы угаснет. Но тем, кто убежден, что нет ничего, что осталось бы неведомым Богу, и что наказание грядет и неразумным движениям души и ее сообщнику — телу¹⁴⁷, — им нет ни малейшего смысла грешить. Если же кому-то покажется полным вздором, что это сгнившее, разложившееся и истлевшее тело вновь соизждется, то не верующим в это надо обвинять нас не в злодействах, а в глупости. Ведь мы тогда обманываем этими доводами самих себя, но никому не вредим. Доказывать то, что мнение о телесном воскресении разделяется не только нами, но и многими философами, я считаю излишним здесь, чтобы кто-нибудь не подумал, что мы вводим посторонние рассуждения, говоря, например, об умопостигаемом, чувственном и их соотношении или о том, что бестелесной сущности предшествует телесная, а умопостигаемые стоят выше постигаемых чувством, хотя мы раньше сталкиваемся с чувственными, или каким образом телесное состоит из бестелесного в соединении с умопостигаемым и [чувственное] — из умопостигаемого¹⁴⁸. Таким образом, ничто не препятствует, чтобы, согласно Платону и Пифагору,

---

¹⁴⁴ Имеются в виду знаменитые гладиаторские бои, впоследствии активно порицаемые св. Иоанном Златоустом и уступившие в Византии место конным бегам.

¹⁴⁵ Согласно римским законам, ни вытравливание плода, ни подбрасывание детей не являлись уголовным преступлением; в христианской традиции осуждение подобной практики как убийства — традиционная тема (*Iustin.* I Ap. XXVII. 1; XXIX. 1; *Tertull.* Apol. IX 6 etc.).

¹⁴⁶ Откр. 20. 13.

¹⁴⁷ Эти темы отдельно развиваются в сочинении Афинагора «О воскресении мертвых» (см. особенно гл. XIX; XX. 3. — XXI. 3).

¹⁴⁸ Явно платонический фон этого рассуждения и его недобопонимаемость лобуждают нас обратиться к толкованию Б. Пудрона (с. 208—209): «сложные тела составляются, сообразуясь с бестелесными (формами, идеями или качествами) путем комбинаций чувственно-постигаемых (элементов, вещных качеств): сами же чувственные происходят от умопостигаемых (форм или идей). Тем самым подразумевается, что тела соизждутся, сообразуясь (*à partir de*) не с некоей идеальной формой, но с элементами, составлявшими его прежде».

тела, которые разложились на части, издревле их составляющие, воссоздались бы из них же.

37. Впрочем, оставим рассуждение о воскресении. Вы же, о всегда достойнейшие и по природным вашим свойствам, и по учености, во всем блюдущие меру, человеколюбивые и наиболее достойные царской власти, явите мне, опровергнутому все обвинения и показавшему, что мы и богобоязненны, и смиренны, и душою умеренны, царственную милость. Кто же более достоин снисхождения к просьбам, как не мы, которые молимся о вашем царском доме, дабы сын наследовал отцу царство по высшей справедливости, а держава ваша в мире богатела всяким прибавлением и приношением? Ведь и нам необходимо сие, дабы «пожить тихое и безмолвное житие»¹⁴⁹ и усердно исполнять положенное.

---

¹⁴⁹ Ап. Павел. I Тим. 2.2. Это моление повторяется также на ектеньях за Божественной Литургией.

Редакционная коллегия и Редакционный совет «Вестника древней истории» приняли решение о присуждении премии имени академика Б.Б. Пиотровского за 1993 г. сотруднику Государственного Эрмитажа А.Я. КАКОВКИНУ за серию работ по коптскому искусству, опубликованных на страницах журнала.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЖМНП — Журнал Министерства народного образования
 ИАК — Известия Археологической Комиссии
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 РА — Российская археология
 СА — Советская археология
 СЭ — Советская этнография
 АА — American Anthropologist
 ААА — *Annals of Archaeology and Anthropology*
 ААnАSH — *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*
 АfO — *Archiv für Orientforschung*
 АJPA — *American Journal of Physical Anthropology*
 АКМ — *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes*
 АМI — *E. Herzfeld. Archaeologische Mitteilungen aus Iran. I—VIII. Berlin, 1929—1936*
 АRА — *Annual Review of Anthropology*
 ВСН — *Bulletin de correspondans hellénique*
 СА — *Current Anthropology*
 FGH — *F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker*
 IOSPE — *B. Latyshev. Inscriptiones Antiquae, Graecae et Latinae Orae Septentrionalis Ponti Euxini*
 JA — *Journal asiatique*
 JHS — *Journal of Hellenic Studies*
 JRS — *Journal of Roman Studies*
 JRAS — *Journal of the Royal Asiatic Society*
 MDAI — *Mémoires de la Délégation archeologiques en Iran*
 PPS — *Proceedings of the Prehistoric Society*
 RE — *Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von W. Kroll*
 RML — *W.H. Roscher. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig—Stuttgart*
 SEG — *Supplementum Epigraphicum Graecum*
 SIG — *Sylloge Inscriptionum Graecarum a Dittenberger condita et aucta. 3 ed. V. 1—4. Lipsiae, 1915—1924*
 SNG — *Sylloge nummorum graecorum*
 SPA — *A Survey of Persian Art*
 TAPA — *Transactions and Proceedings of American Philological Association*
 WA — *World Archaeology*
 WS — *Wiener Studien*
 ZN — *Zeitschrift für Numismatik*
 ZPE — *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*
 ZRG — *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtgeschichte. Romanistische Abteilung.*

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»
ЗА 1993 г.

	№	стр.
<i>Андреев Ю.В.</i> (С.-Петербург) — В ожидании «греческого чуда» (<i>Духовный мир микенского общества</i>)	4	14
<i>Арутюнов С.А., Крупник И.И.</i> (Москва), <i>Тернер К.Г.</i> (Финикс, Аризона), <i>Лафлин В.С.</i> (Сторрс, Коннектикут) — Академик В.П. Алексеев и мировое сообщество антропологов	4	5
<i>Бехерт Х.</i> (Геттинген) — Противоречия в датировке Паринирваны и истоки тхеравадской хронологии	1	3
<i>Грейс Э.</i> — Ксен, обвиненный в убийстве по афинскому праву (<i>окончание</i>)	1	25
<i>Гуляев В.И.</i> (Москва) — Скипетр и держава: к вопросу о царской власти у древних майя	4	45
<i>Зубарь В.М.</i> (Киев) — Северное Причерноморье и Септимий Север	4	34
<i>Лелюхин Д.Н.</i> (Москва) — Государство, администрация и политика в «Артхашастре» Каутильи	2	4
<i>Ньоли Г.</i> (Рим) — Парс и Сагестан в сасанидской религиозной политике	4	9
Последняя встреча	4	7
<i>Сапрыкин С.Ю.</i> (Москва) — Из истории понтийского царства Полемонидов (<i>По данным эпиграфики</i>)	2	25
<i>Смагина Е.Б.</i> (Москва) — Истоки и формирование представлений о царе демонов в манихейской религии	1	40
<i>Юсифов Ю.Б., Алимирзоев А.Н.</i> (Баку) — К расшифровке знаков-цифр протоэламского письма	3	3
<i>Ярхо В.Н.</i> (Москва) — Поэтика литературной игры (<i>Папирусные тексты Каллимаха и Гермесианакта</i>)	3	21

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Виноградов Ю.Г.</i> (Москва) — Дорийские филы в Херсонесе Таврическом	4	61
<i>Даньшин Д.И.</i> (Москва) — Фанагорийская община иудеев	1	59
<i>Карышковский П.О.</i> — Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры	1	73
<i>Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.</i> (Москва) — Ахеменидская рукоять с протомой грифона из храма Окса	4	67
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Москва) — Римляне в Пантикапее	2	50
<i>Хабихт Х.</i> (Принстон) — Иасос и Самофракия в середине III в. до н.э.	3	38
<i>Яценко В.В.</i> (Ростов-на-Дону) — Клад электроных боспорских статеров с Гниловского городища	3	43

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Бласкес Мартинес Х.М.</i> (Мадрид) — Характерные черты испанского общества в период Поздней Римской империи	1	97
<i>Вигасин А.А.</i> (Москва) — Переход от древности к средневековью. Данные санскритских источников и их интерпретация (<i>По поводу статьи Р.Ш. Шармы</i>)	3	72
<i>Ламберг-Карловский К.</i> (Кембридж, Массачусетс) — В. Гордон Чайлд и концепция революции	4	90
<i>Мерперт Н.Я.</i> (Москва) — К оценке деятельности В.Г. Чайлда	4	105
<i>Погребова М.Н., Раевский Д.С.</i> (Москва) — Ранние скифы в сфере письменной традиции и археологических данных	4	110
<i>Шарма Р.Ш.</i> (Патна) — Переход от античности к средневековью в Индии	3	55

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Авдеев А.Г.</i> (Москва) — О времени пребывания подразделений V Македонского легиона в Херсонесе	2	112
<i>Баюн Л.С.</i> (Москва), <i>Орел В.Э.</i> (Тель-Авив) — Лингвистическая и культурно-историческая интерпретация Ситовской надписи	1	126
<i>Грене Ф.</i> (Париж) — Знание Яштов Авесты в Согде и Бактрии по данным иконографии	4	149
<i>Кисель В.А.</i> (С.-Петербург) — Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса	1	111
<i>Котигорошко В.Г.</i> (Ужгород) — Римские импорты и выделение экономических районов в Верхнем Потисье	3	121
<i>Люйе М.-К.</i> (Безансон) — Стратегии господства и регуляция политики в переходный период: создание образа императора в латинских панегириках ..	1	161
<i>Маламуд Ш.</i> (Париж) — Отрицание насилия в ведическом ритуале жертвоприношения	3	79
<i>Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.</i> (Москва) — Новые открытия и проблемы археологии Верхней Месопотамии (По материалам исследований экспедиции Российской Академии наук в Сирии)	4	127
<i>Оржеховский О.С.</i> (Москва) — К вопросу о предыстории Ганнибаловой войны	3	116
<i>Печатнова Л.Г.</i> (С.-Петербург) — Гипомейоны и мофаки (Структура гражданского коллектива Спарты)	3	100
<i>Поссел Г.Л.</i> (Филадельфия) — Хараппская цивилизация и ее соседи — охотники и собиратели	4	119
<i>Сарианиди В.И.</i> (Москва) — Ахейская Греция и Центральная Азия (Вновь к постановке проблемы)	4	137
<i>Селезнев М.Г.</i> (Москва) — Библия в эллинистическом мире (Рассказ о творении мира и греческий ритор)	1	142
<i>Семенченко Л.В.</i> (Москва) — Об одном документе эллинистической дипломатии: письмо первосвященника Ионафана в Спарту	2	105
<i>Ульянова И.Л.</i> (Москва) — Новые папирусные фрагменты комедий Менандра	1	136
<i>Усманова Э.Р., Ткачев А.А.</i> (Караганда) — Головной убор и его статус в погребальном обряде (По материалам андроновских некрополей)	2	75
<i>Федосеев Н.Ф.</i> (Керчь) — Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе	2	85
<i>Хаксли Дж.</i> (Дублин) — О городах, переданных Киром Пифарху	2	83
<i>Хэгг Т.</i> (Берген) — От античной биографии к византийской агиографии	3	136
<i>Шаблага И.Ю.</i> (Москва) — Опыт исследования галльских панегириков количественными методами	1	147
<i>Яйленко В.П.</i> (Москва) — Общность коммуникативной и социальной терминологии архаической Греции и раннего Рима: историко-лингвистический аспект	3	88

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.</i> (Москва) — Сарматское погребение скелтуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области	3	141
<i>Калльери П.-Ф.</i> (Рим) — Раннеисторический Сват: пример аккультурации	2	131
<i>Любин В.П., Куликов О.А.</i> (С.-Петербург) — Евразия изначальная (Последние открытия на Кавказе)	1	173
<i>Де Мэгре А.</i> (Рим) — Итальянская археологическая миссия IsMEO в Йеменской республике и ее деятельность в сезон 1989—1990 гг.	2	162
<i>Рапопорт Ю.А.</i> (Москва) — Загородные дворцы и храмы Топрак-калы	4	161
<i>Стакуль Дж.</i> (Рим) — Культура Свата (ок. 1770—1400 гг. до н.э.) и ее северные связи	2	125

	№	стр.
<i>Таддей М., Верарди Дж.</i> (Неаполь) — Археология и буддизм — вклад Итальянского Института Среднего и Дальнего Востока (IsMEO)	2	152
<i>Туза С.</i> (Рим) — Историко-культурное развитие долины Свата между серединой II тыс. до н.э. и началом новой эры	2	127
<i>Фаченна Д.</i> (Рим) — Итальянская археологическая миссия IsMEO в Пакистане: последние результаты ее исследований и раскопок	2	123
<i>Фаченна Д.</i> (Рим) — Проблемы священной буддийской архитектуры и гандхарской скульптуры	2	137

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Бонгард-Левин Г.М.</i> (Москва) — Академик Михаил Иванович Ростовцев (Неизданные и малоизвестные архивные материалы из коллекций США) (<i>Краткий обзор</i>)	3	201
<i>Бонгард-Левин Г.М.</i> (Москва), <i>Вахтель М.</i> (Принстон), <i>Зуев В.Ю.</i> (С.-Петербург) — Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов /Новые материалы/	4	210
<i>Жебелев С.А.</i> — Автонекролог	2	177
<i>Жебелев С.А.</i> — Из воспоминаний о Я.И. Смирнове; Из воспоминаний о старом товарище; С.Ф. Ольденбург	3	191
<i>Жебелев С.А.</i> — О новой книге Hasebroek а	4	187
<i>Карпюк С.Г.</i> (Москва) — Дело о назначении ординарного профессора греческой словесности Московского университета	1	175
<i>Тункина И.В., Фролов Э.Д.</i> (С.-Петербург) — Историографические этюды С.А. Жебелева (<i>Из неизданного научного наследия</i>)	1	182
<i>Тункина И.В., Фролов Э.Д.</i> (С.-Петербург) — Историографические этюды С.А. Жебелева (<i>Из неизданного научного наследия</i>)	2	172
<i>Тункина И.В., Фролов Э.Д.</i> (С.-Петербург) — Историографические этюды С.А. Жебелева. Три неизданных мемуара С.А. Жебелева	3	180
<i>Тункина И.А., Фролов Э.Д.</i> (С.-Петербург) — Историографические этюды С.А. Жебелева (<i>Из неизданного научного наследия</i>)	4	187

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Большаков А.О.</i> (С.-Петербург) — M. E a t o n-K r a u s s. The Representation of Statuary in Private Tombs of the Old Kingdom. Wiesbaden, 1984 (Ägyptologische Abhandlungen. Bd 39); N. K a n a w a t i. The Rock Tombs of El-Hawawish, the Cemetery of Akhmim. V. I. Sydney, 1980; S.D A u r i a, P. L a c o v a r a, C.H. R o e h r i g. Mummies & Magic. The Funerary Arts of Ancient Egypt. Boston, 1988; N. S t r u d w i c k. The Administration of Egypt in the Old Kingdom. London, 1985	2	202
<i>Вяткин Р.В.</i> (Москва) — Изучение научного наследия Сыма Цяня на Востоке и Западе (<i>Историко-библиографический обзор</i>)	1	204
<i>Глушанин Е.П.</i> (Барнаул) — Theodor M o m m s e n. Römische Kaisergeschichte. Nach den Vorlesungs-Mitschriften von Sebastian und Paul Hensel 1882/86 hrsg. von Barbara und Alexander Demandt. München, 1992	3	221
<i>Дандамаев М.А.</i> (С.-Петербург) — S. G r a z i a n i. Testi editi ed inediti datati al regno di Bardiya (522 a. C.), Napoli, 1992	3	212
<i>Дождев Д.В.</i> (Москва) — L. C a p o g r o s s i C o l o g n e s i. Dalla tribù allo stato. Roma, 1990	2	223
<i>Дьяконов И.М.</i> (С.-Петербург) — В.Д. Н е р о н о в а. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии. Пермь, 1992	3	209
<i>Егоров А.Б.</i> (С.-Петербург) — Обзор научной литературы по античности Петербургского государственного университета	1	195
<i>Иванчик А.И.</i> (Москва) — C. C a l a m e. Thésée et l'imaginaire athénien. Légende et culte en Grèce antique. Lausanne, 1990	2	213

	№	стр.
<i>Каковкин А.Я., Большаков А.О.</i> (С.-Петербург) — Dans les pas de Jean Clédat. L'Égypte en Périgord. Catalogue raisonné de l'exposition. Musée du Périgord, 16 mai — 15 septembre 1991. Paris — Louvain, 1992	3	211
<i>Кошеленко Г.А.</i> (Москва) — Greek Colonists and Native Populations. Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology held in hiniur of Emeritus professor A.D. Trendall / Ed. J.-P. Descoeudres. Oxford, 1990	4	229
<i>Макаров И.А.</i> (Москва) — H.A. Shapiro. Art and Cult under the Tyrants in Athens. Mainz am Rhein, 1989	2	218
<i>Молчанов А.А.</i> (Москва) — Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies. V. I. Sofia, 1991	4	239
<i>Немировский А.И.</i> (Москва) — Материалы для изучения этрусской цивилизации	1	212
<i>Панченко Д.В.</i> (С.-Петербург) — Heinrich von Staden. Herophilus. The Art of Medicine in Early Alexandria. Cambr., 1989	2	229
<i>Семина К.А.</i> (Москва) — Gifts to the Gods. Proceedings of the Uppsala Symposium 1985. Ed. by T. Linders and G. Norquist. Uppsala, 1987	3	214
<i>Ярхо В.Н.</i> (Москва) — Zweihundert Jahre Homer-Forschung. Rückblick und Ausblick / Hrsg. von J. Latacz. Colloquium Rauricum. Bd 2. Stuttgart, Leipzig, 1991	4	222

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Былкова В.П.</i> (Херсон) — Археологическая коллекция Херсонского краеведческого музея	3	233
<i>Мальшев А.А.</i> (Москва) — Коллекция античных древностей из Ставропольского краеведческого музея	2	241
<i>Новиченкова Н.Г.</i> (Ялта) — Археологическая коллекция Ялтинского историко-литературного музея	1	222
<i>Сорокина Н.П., Журавлев Д.В.</i> (Москва) — Коллекция памятников из античных центров Северного Причерноморья в собрании Государственного Исторического музея (г. Москва)	4	242

PERSONALIA

К 70-летию В.А. Лившица	3	226
К 70-летию Б.А. Литвинского	3	227
К 60-летию Э.Д. Фролова	3	228
<u>Г.А. Тирация</u> (1926—1993)	3	229

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В.И.</i> (Москва) — XIII Международный коллоквиум по античному роману (Гронинген, 22 апреля 1992 г.)	1	230
<i>Зинько В.Н.</i> (Керчь) — Международная научная конференция «Проблемы археологии и истории Боспора» (Керчь, 1991 г.)	1	229
<i>Золотарев М.И., Ушаков С.В.</i> (Севастополь) — Международная научная конференция «Межполюсные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура» (Севастополь, 1992)	4	260
К 60-летию О.Д. Берлева	4	259
<i>Кунина Н.Э., Неверов О.Я.</i> (С.-Петербург) — Памяти Нонны Леонидовны Грач (1929—1991)	1	236
<i>Мальшев А.А.</i> (Москва) — V Научные чтения памяти профессора В.Д. Блаватского	3	231
<i>Подосинов А.В., Сильвестров Д.В.</i> (Москва) — Новые пути возрождения классического образования в России (О работе I летней русско-латинской школы и конференции «Классическое образование в России. История и перспективы. Чтения памяти святого митрополита Всея Руси Алексея (1354—1378 гг.)», (Серпухов, 6—9 августа 1992 г.)	1	232

	№	стр.
<i>Подосинов А.В.</i> (Москва) — Античная история в европейских школьных учебниках (Конференция в Дельфах, 4—9 апреля 1992 г.)	2	251
<i>Семенченко Л.В., Картюк С.Г.</i> (Москва) — «Круглый стол» «Экология и античное общество» (Анапа, 20 сентября 1992 г.)	1	234

ПРИЛОЖЕНИЕ

Т а т и а н. Слово к эллинам. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии <i>Д.Е. Афиногенова</i> (Москва)	1	238
Т а т и а н. Слово к эллинам. Перевод с древнегреческого и комментарии <i>Д.Е. Афиногенова</i> (Москва) (<i>окончание</i>)	2	256
Предстательство за христиан Афинагора Афинянина, христианского философа. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии <i>А.В. Муравьева</i> (Москва)	3	235
Предстательство за христиан Афинагора Афинянина, христианского философа. Перевод с древнегреческого и комментарии <i>А.В. Муравьева</i> (Москва) (<i>окончание</i>)	4	263

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Арутюнов С.А., Крупник И.И.</i> (Москва), <i>Тернер К.Г.</i> (Финикс, Аризона), <i>Лафлин В.С.</i> (Сторрс, Коннектикут) — Академик В.П. Алексеев и мировое сообщество антропологов	5
Последняя встреча	7
<i>Ньоли Г.</i> (Рим) — Парс и Сагестан в сасанидской религиозной политике	9
<i>Андреев Ю.В.</i> (С.-Петербург) — В ожидании «греческого чуда» (<i>Духовный мир микенского общества</i>)	14
<i>Зубарь В.М.</i> (Киев) — Северное Причерноморье и Септимий Север	34
<i>Гуляев В.И.</i> (Москва) — Скипетр и держава: к вопросу о царской власти у древних майя	45

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Виноградов Ю.Г.</i> (Москва) — Дорийские филы в Херсонесе Таврическом	61
<i>Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.</i> (Москва) — Ахеменидская рукоять с протомой грифона из храма Окса	67

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Ламберг-Карловский К.</i> (Кембридж, Массачусетс) — В. Гордон Чайлд и концепция революции	90
<i>Мерперт Н.Я.</i> (Москва) — К оценке деятельности В.Г. Чайлда	105
<i>Погребова М.Н., Раевский Д.С.</i> (Москва) — Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных	110

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Поссел Г.Л.</i> (Филадельфия) — Хараппская цивилизация и ее соседи — охотники и собиратели	119
<i>Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.</i> (Москва) — Новые открытия и проблемы археологии Верхней Месопотамии (<i>По материалам исследований экспедиции Российской Академии наук в Сирии</i>)	127
<i>Сарианиди В.И.</i> (Москва) — Ахейская Греция и Центральная Азия (<i>Вновь к постановке проблемы</i>)	137
<i>Грене Ф.</i> (Париж) — Знание Яштов Авесты в Согде и Бактрии по данным иконографии	149

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Рапопорт Ю.А.</i> (Москва) — Загородные дворцы и храмы Топрак-калы	161
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Тункина И.В., Фролов Э.Д.</i> (С.-Петербург) — Историкографические этюды С.А. Жебелева (<i>Из неизданного научного наследия</i>)	187
<i>С.А. Жебелев</i> — О новой книге Hasebroek'a	187
<i>Бонгард-Левин</i> (Москва), <i>Вахтель М.</i> (Принстон), <i>Зуев В.Ю.</i> (С.-Петербург) — Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов (<i>Новые материалы</i>)	210

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Ярхо В.Н.</i> (Москва) — <i>Zweihundert Jahre Homer-Forschung. Rückblick und Ausblick / Hrsg. von J. Latacz. Colloquium Rauricum. Bd 2. Stuttgart, Leipzig, 1991</i>	222
<i>Кошеленко Г.А.</i> (Москва) — <i>Greek Colonists and Native Populations. Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology held in honour of Emeritus Professor A.D. Trendall / Ed. J.-P. Descoeudres. Oxford, 1990</i>	229
<i>Молчанов А.А.</i> (Москва) — <i>Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies. V. I. Sofia, 1991</i>	239

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Сорокина Н.П., Журавлев Д.В.</i> (Москва) — Коллекции памятников из античных центров Северного Причерноморья в собрании Государственного Исторического музея (г. Москва)	242
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 60-летию О.Д. Берлева	259
<i>Золотарев М.И., Ушаков С.В.</i> (Севастополь) — Международная научная конференция «Межполюсные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура» (Севастополь, 1992)	260

ПРИЛОЖЕНИЕ

Предстательство за христиан Афинагора Афинянина, христианского философа. Перевод с древнегреческого и комментарии <i>А.В. Муравьева</i> (Москва) (<i>окончание</i>)	263
Указатель материалов, опубликованных в «Вестнике древней истории» за 1993 год	281

CONTENTS

<i>S.A. Arutyunov, I.I. Krupnik</i> (Moscow), <i>S.G. Turner</i> (Phoenix, Arizona), <i>W.S. Laughlin</i> (Storrs, Connecticut) — V.P. Alexeev and the World Anthropological Community	5
The Last Talk (by G.M. Bongard-Levin)	7
<i>Gh.Gnoli</i> (Rome) Pārs and Sagestān in Sassanian Religious Policy	9
<i>Ju.V. Andreev</i> (St.-Petersburg) — Awaiting the Greek Miracle (<i>Spiritual World of Mycenaean Society</i>)	14
<i>V.M. Zubar</i> (Kiev) — The Area to the North of the Black Sea and Septimius Severus	34
<i>V.I. Gulyaev</i> (Moscow) — Scepter and Power: on the Institution of Royalty among the Ancient Maya	45

PUBLICATIONS

<i>Yu.G. Vinogradov</i> (Moscow) — Dorian Tribes in Tauric Chersonesus	61
<i>B.A. Litvinsky, I.R. Pichikyan</i> (Moscow) — Achaemenid Hilt Decorated with the Head of a Griffin	67

DISCUSSIONS

<i>C. Lamberg-Karlovsky</i> (Cambridge, Mass) — V. Gordon Childe and the Concept of Revolution	90
<i>N.Ya. Merpert</i> (Moscow) — On the Assessment of the Work of V. Gordon Childe	105
<i>M.N. Pogrebova, D.S. Raevsky</i> (Moscow) — Early Scythians in the Light of Written Tradition and Archaeological Data	110